

БАШНЯ У МОРЯ

СЬЮЗЕН ХОВАЧ

В увлекательном романе Сьюзен Ховач
есть нечто большее, чем сама жизнь... он драматичен
и одновременно проникнут романтикой.

Woman's Journal

Annotation

Брак юной Маргарет и немолодого вдовца Эдварда де Салиса обещал стать счастливым союзом «мая и декабря». Супругов разделяла бездна лет, но вовсе не по этой причине разбились в прах надежды на безоблачную семейную жизнь. Все рухнуло, когда восемнадцатилетняя американка решила сопровождать мужа в ирландское имение Кашельмару – родовое гнездо де Салисов. В Ирландии Маргарет ждали тяжкие испытания, и она поневоле оказалась втянутой в водоворот непримиримых противоречий, раздирающих многочисленное аристократическое семейство де Салис...

Судьбы трех поколений проходят перед глазами читателя в захватывающей драме, которая неизбежно продвигается к убийству и возмездию. Она разворачивается на фоне исторических событий второй половины XIX века. Семейная сага, показанная через призму полувековой истории, принадлежит перу мастера большой прозы Сьюзен Ховач, произведения которой еще предстоит открыть российским читателям.

Впервые на русском языке!

- [Сьюзен Ховач](#)
  -
  - [I](#)
    -
    - [Глава 1](#)
    - [Глава 2](#)
    - [Глава 3](#)
    - [Глава 4](#)
    - [Глава 5](#)
    - [Глава 6](#)
  - [II](#)
    - [Глава 1](#)
    - [Глава 2](#)
    - [Глава 3](#)
    - [Глава 4](#)
    - [Глава 5](#)
    - [Глава 6](#)
    - [Глава 7](#)

- [III](#)
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
- [IV](#)
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
- [V](#)
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
- [VI](#)
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)

- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)

Сьюзен Ховач

Башня у моря

Susan Howatch

CASHELMARA

Copyright © Susan Howatch, 1974

All rights reserved

This edition is published by arrangement with Aitken Alexander Associates Ltd. and The Van Lear Agency LLC.

© Г. Крылов, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

* * *

I

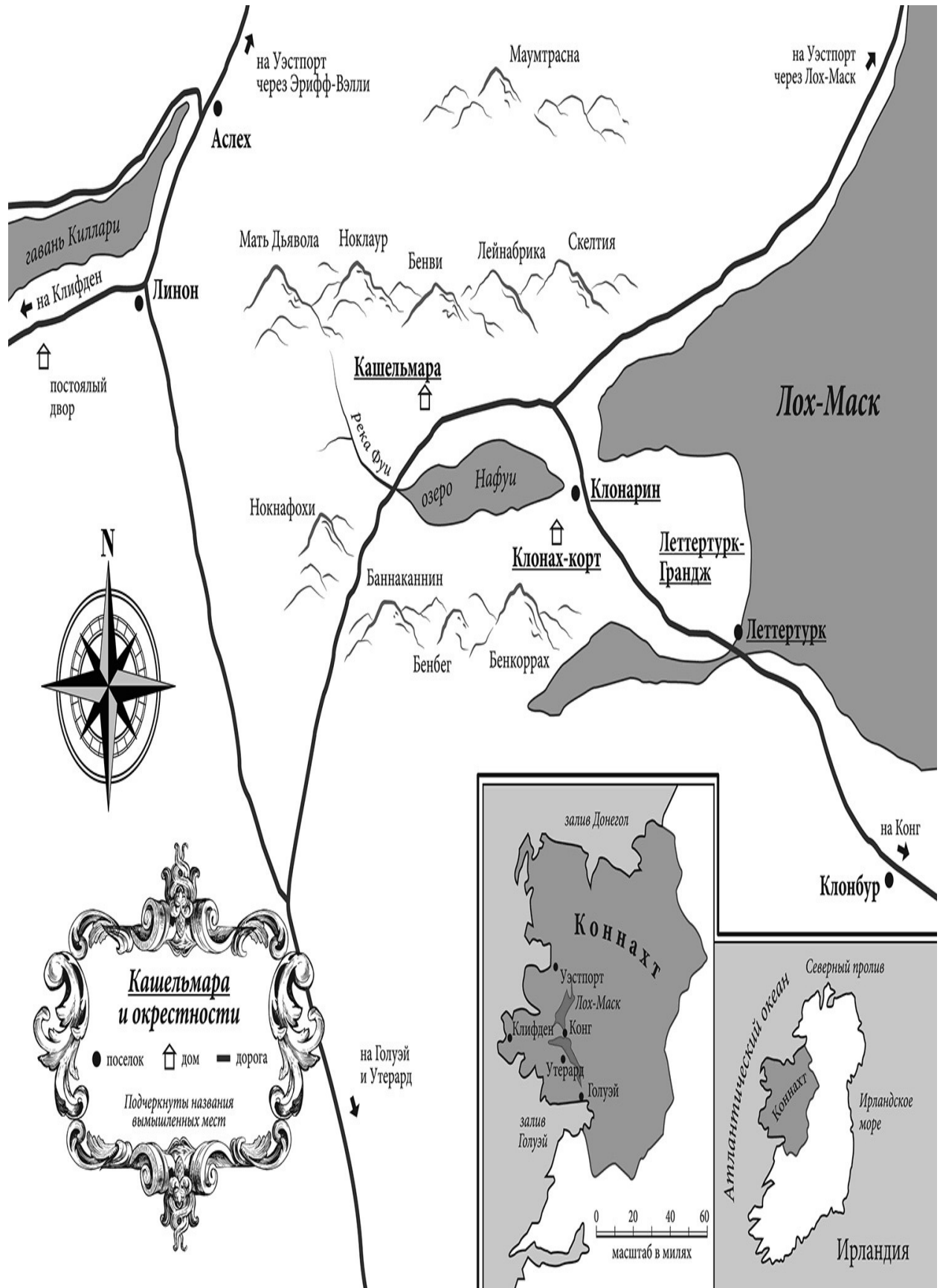
Эдвард

1859–1860

Долг

Выше большинства людей и мощного сложения... И болезни, казалось, обходили его стороной, и даже в последние свои годы он был энергичный и стройный как пальмовое дерево, глаза и ум у него оставались незатуманенными, зубы прочно сидели в деснах...

*Л. Ф. Зальцман. Эдуард
I*

Глава 1

1

Я всегда отказывался говорить о моей покойной жене и Кашельмаре. И потому стоит ли удивляться, что, едва я встретил женщину, с которой мог легко беседовать о том и о другом, мне снова пришли в голову мысли о браке.

Ко времени приезда в Америку поздней весной 1859 года я вдовствовал восемь лет. Друзья уже убедили себя, что я женат на памяти о супруге, но ни один из них, казалось, никогда не задумывался о том, что даже у самых дорогих воспоминаний есть определенные недостатки. С воспоминанием невозможно завести вдохновляющий разговор, его не пригласишь в театр или за город, не уложишь в постель. Пустота в спальне – наименьшая из всех проблем, поскольку человек моего положения всегда может завести любовницу, а вот пустоту иного рода заполнить не так легко, и я начал сомневаться, что мне удастся найти женщину, которая будет не только тратить мои деньги, щеголять моим титулом и вгонять меня в смертную тоску.

Естественно, у меня не было ни малейшего желания влюбиться. Мужчина моего возраста превращается в посмешище, если поддается какой-нибудь дурацкой влюбленности. Кроме того, будучи человеком слишком гордым и здравомыслящим, я не собирался уподобляться молодому франту. Я всего лишь искал доверительных отношений предпочтительно со зрелой, привлекательной, отзывчивой женщиной, достаточно умной, чтобы соответствовать моему образу жизни, и согласной мириться с моими тайными наклонностями. Увы, к несчастью, я вскоре обнаружил, что все подобные дамы уже замужем.

– Меня удивляет, что ты не проявляешь интереса к женщинам помоложе, – сказал мне как-то мой брат Дэвид. В третью годовщину смерти моей жены я безрассудно сообщил ему, что, возможно, женюсь, если только найду подходящую партию. – Если бы ты встретил девушку вроде...

– Господи боже, – раздраженно ответил я, – я что, должен выслушивать очередную хвалу в честь Бланш Мариотт?

В то время Бланш Мариотт была излюбленной темой разговоров Дэвида. Он познакомился с ней в то лето, когда ездил с дипломатической

миссией в Соединенные Штаты. Тогда между переговорами с американцами по чувствительной проблеме поисков британцами невольничьих судов ему удалось каким-то образом ускользнуть из Вашингтона в Нью-Йорк и нанести визит Мариоттам – родне моей жены. Я тоже один раз был в Нью-Йорке и заглядывал к Мариоттам, но это случилось много лет назад, когда Фрэнсис, нынешний глава дома, был четырнадцатилетним мальчишкой, а две его сестры, Бланш и Маргарет, еще и не родились. Но на основании моего краткосрочного знакомства с Фрэнсисом я дал Дэвиду рекомендательное письмо, и, когда он вернулся в Англию, мне пришлось выслушать его лирические описания пятнадцатилетней Бланш.

– Пятнадцатилетней! – воскликнул я, шокированный новостью. – Дэвид, твои вкусы явно становятся языческими!

– Да я ведь думаю о ней только как о дочери, – со счастливым видом ответил он. Мужчины, отпускающие такие замечания, как правило, дочерей не имели. – Если я восхищаюсь ею, то в абсолютно невинном смысле.

– Надеюсь, твоя жена верит тебе.

Едва какие-нибудь романтические увлечения овладевали Дэвидом, он становился невероятно наивным, и я ничуть не удивился, когда он сообщил мне, что собирается пригласить Бланш в Англию, чтобы жена могла представить ее ко двору.

Мне не доводилось слышать, что думает его супруга об этой нехитрой интриге, но, как только Дэвид признался мне, что ему пришлось отказаться от своих планов, я проникся к нему сочувствием. Природа удовольствия, получаемого Дэвидом от его романтических увлечений, отчасти заключалась в том, что он был вынужден от них отказываться; ему нравилось печально томиться неделю или две, как какому-нибудь пасторальному пастушку с дешевой картинки. На самом же деле, насколько мне известно, ни одно из его романтических увлечений так ничем и не завершилось, поскольку завершение было бы величайшим разочарованием, да и его жена, которой он втайне побаивался, была слишком строга, чтобы допустить подобное бесшабашное поведение.

Я очень любил Дэвида. Когда он умер, три года спустя после встречи с Бланш, я горько переживал эту потерю, ведь он был единственным звеном, связующим меня с прошлым, последним человеком, кто разделял мои воспоминания о Кашельмаре. Я все еще мучительно переживал его смерть, когда получил длинное велеречивое письмо из Америки.

Бланш Мариотт увидела некролог Дэвида в «Таймс» и сообщала, что скорбит вместе со мной.

Ее послание удивило и тронуло меня. Я ответил ей, не ожидая, что она напишет еще, но Бланш тут же прислала мне второе письмо, а вскоре – я даже понять не успел, как это случилось, – между нами завязалась переписка.

– Кажется, приязнь твоей кузины Бланш перешла с твоего дядюшки Дэвида на меня, – удивленно сказал я своей дочери Нелл. – Не могу толком понять почему, но признаю: это весьма приятно. Она пишет очаровательные письма.

– Ты молодец, папа, берешь на себя труд писать ей, несмотря на всю свою занятость, – ответила Нелл. – Бедная девочка – осиротела так рано! Понятно, что ей нужен зрелый родственник, на которого она могла бы опереться как на отца.

Меня ее замечание задело, и я после того случая больше не говорил с Нелл о ее кузине.

Бланш к тому времени исполнилось восемнадцать, и она явно была очень развитой. Я узнал, что девушка играет на рояле, берет уроки игры на арфе, говорит на итальянском и французском и прочла все те женские романы, которые дали десятилетию название «женские пятидесятые». Злободневные политические вопросы ее, казалось, не волновали (к моему облегчению; мне хватало и того, что приходилось выслушивать в Вестминстере), но она рассказывала мне о текущих делах в Нью-Йорке – расширении Библиотеки Астора, учреждении Куперовского института, беспорядках на Статен-Айленде и сильном пожаре, который уничтожил Хрустальный дворец в Брайант-парке. Ее описание пожара было таким красочным, что я посоветовал ей попробовать себя в литературе, и она ответила – да, ей бы хотелось написать роман наподобие «Джон Галифакс, джентльмен»^[1], который она перечитывала в девятый раз.

Я получал удовольствие. И не видел вреда в такой милой переписке, к тому же мне нравилась мысль о том, что где-то в мире есть очаровательная молодая женщина, которая не только регулярно пишет мне, но и каждое письмо заканчивает словами надежды на то, что когда-нибудь мы сможем познакомиться лично.

Вскоре после ее двадцатого дня рождения она прислала мне свой портрет – набросок, сделанный ее другом-художником.

– Весьма привлекательная, – согласилась Нелл, когда я показал ей портрет – уж очень хотелось показать кому-нибудь. – Но, папа, почему она присылает такие вещи тебе?

– А почему нет? – Я ощутил раздражение, что было необычно: Нелл – моя любимая дочь.

– А что, если бы я в ее возрасте послала свой портрет твоему другу лорду Дьюнедену?

– Это абсолютно разные вещи, – возразил я, еще больше раздражаясь. – Ты не состоишь в родстве с Дьюнеденом, а я по браку родственник Бланш.

– Понимаю, – согласилась Нелл и тактично переменяла тему.

Более мы не возвращались с ней к разговору о Бланш, а в марте 1859 года Нелл умерла во время родов, и снова я остался с зияющей дырой в ткани моей жизни и почти невыносимым чувством утраты.

Но на сей раз я был так зол, что для скорби едва ли оставалось место. Я злился на всех – на ее идиота-мужа, который увез ее рожать в дорсетский особняк, вместо того чтобы оставить в Лондоне, где она имела бы наилучший возможный уход; зол на несчастного мертворожденного младенца, лишившего жизни свою мать; на дураков, приславших мне потом соболезнования, в которых говорилось, что я должен быть счастлив: у меня еще есть три дочери и они утешат меня в моей скорби. Все знали, что я не в ладах с Аннабель и Маделин, а с Катерин меня разделяет более тысячи миль. Я не получил от них ни слова утешения. Да и не ждал.

В конечном счете гнев настолько переполнил меня, что я сорвался, когда ко мне приехал мой самый близкий друг, чтобы выразить сочувствие.

– Какая мне польза от сочувствия? – выкрикнул я Дьюнедену в пароксизме горечи и ярости. – Зачем мне сочувствие? Все, кого я любил больше всего, умерли. И не смей напоминать мне обо всем, что я потерял! Я прекрасно знаю, что меня ждет, – старость, одиночество и смерть. Боже всемогущий, что за перспектива!

И я продолжил выкрикивать гневную тираду против смерти с таким неистовством, что Дьюнеден в волнении настоял на том, чтобы я немедленно выпил двойную порцию бренди с содовой.

Я на минуту перестал орать – пил бренди, – а он воспользовался моментом и предложил мне уехать на какое-то время.

– Может быть, съездить на Континент ненадолго, – пробормотал он. – Или отправиться в тихое морское путешествие. Самое главное – перемена обстановки.

– Я никуда не хочу, – мрачно ответил я. – И видеть никого не хочу.

Не прошло и месяца, как я в Ливерпуле сел на борт парохода «Персия» компании «Кунард» и отправился в Америку познакомиться с Бланш Мариотт.

Естественно, я ехал в Америку не только для того, чтобы познакомиться с Бланш. Я не походил на брата и не вынашивал никаких дурацких планов касательно двадцатилетней женщины, которую никогда прежде не видел. Однако, раз уж я решил отправиться в путешествие, чтобы смягчить боль утраты, и поскольку меня интересовали последние американские достижения в сельском хозяйстве, я не видел оснований, почему бы мне не зайти и к Мариоттам в Нью-Йорке.

Итак, 12 мая 1859 года после восьми спокойных дней путешествия через океан я приготовился к встрече с американской цивилизацией.

Существовал ли на свете город, равный Нью-Йорку? Может быть, когда-то Лондон напоминал Нью-Йорк. Средневековый Лондон – рядом со сверкающими дворцами немислимого богатства жалкие трущобы немислимой бедности, осиплые крики нищих тонут в назойливых призывах уличных торговцев, а над всеми криками, шумом и запахами – великолепная небесная линия сверкающих на солнце церковных шпилей. Я приезжал в Америку много лет назад, но по мере приближения парохода к Манхэттену вспомнил речную вонь и чуть ли не услышал бесконечную какофонию в грязных, дымных проулках к северу от Бэттери-парка. Мои воспоминания обрели резкость. Я вспомнил стивидоров, перекрикивающихся на десятке языков, свиней, копающихся в грязи чуть не на каждом углу улицы, яркие огни, которыми светятся по вечерам новенькие здания на Бродвее. Нью-Йорк был примитивным городом, его лучшие кварталы пытались подражать архитектуре георгианского Лондона; но хотя, на мой взгляд, этот город был безнадежно провинциален, я уверен, что любого приезжего гипнотизирует его кипучая энергия. Даже с моего места на палубе, все еще отделенного от берега водой гавани, я испытывал на себе оглуляющее воздействие бурной повседневной жизни города.

Фрэнсис Мариотт встретил меня на причале, отведенном для судов линии «Кунард». Я без труда узнал его, хотя годы еще более украсили его и придали солидность, которой ему не хватало в отрочестве. У него были потрясающие глаза, ровные белые зубы и необыкновенно обаятельная улыбка.

– Добро пожаловать, милорд! – воскликнул он. – Какая радость! Какое удовольствие! Какое редкое счастье!

Такая экспрессивность не удивила меня, потому что американцы поразительно экспрессивны. Всегда смотрел на это как на часть их

неанглийского обаяния. Я, улыбаясь, поблагодарил его, пожал ему руку, сказал, что очень рад спустя столько лет снова оказаться в Америке.

Формальности таможенного досмотра уже завершились на пароходе. К счастью, человек моего положения может не беспокоиться о всяких бюрократических процедурах, которые замедляют путешественникам въезд в страну. Проинструктировав слугу и секретаря относительно багажа, я задержался лишь настолько, сколько требовало принятие приглашения на обед от британского консула. Тот также пришел на причал встретить меня, после чего я стал протискиваться через толпы оборванцев к экипажу Мариотта.

Погода стояла аномально жаркая. Пот пощипывал шею, пыль щекотала нос, а сверху, с подернутого дымкой неба, незнакомое солнце обжигало своими лучами изрытые колеями, кишацие людьми улицы.

– Что – нет свиней? – спросил я, глядя в окошко тронувшегося экипажа, – возница принялся хлестать кнутом в равной мере лошадей и нищих.

– Свиней?! Матерь Божья, их всех вывезли в свинарники на окраине города! Давно же вас здесь не было, милорд.

– Я наверняка увижу немало перемен.

– Непременно. Подождите – вы увидите новые дома! У нас теперь есть великолепный парк, а на Пятой авеню строится лучший католический собор в Западном полушарии.

– Вероятно, за это нужно благодарить ирландских иммигрантов.

– Давайте избегать разговоров про иммигрантов, – сказал Фрэнсис, продолжая улыбаться, – этот предмет многих здесь приводит в дурное настроение.

– Все еще? – спросил я, вспомнив, как Америке удалось захлопнуть дверь перед ордами ирландцев, которые пересекали Атлантику, спасаясь от голода десять лет назад.

– Милорд, увеличение населения, трудности, с этим связанные...

И он принялся с жаром рассказывать о проблемах Нью-Йорка, а я его вежливо слушал. Наконец мне удалось отвлечь его – я с улыбкой пробормотал:

– Нас в Англии больше беспокоит отношение президента Бьюкенена к сецессии.

– Ну, Бьюкенен знает, что делает, – уверенно сообщил Фрэнсис. – Войны не будет. Никто не хочет войны – это плохо сказывается на торговле и на работе биржи. – (И Фрэнсис, и его отец сделали состояние на Уолл-стрит.) – По моему мнению, один только разговор о войне является

преступлением. Золото уже стало исчезать с рынков, а что касается коммерческих кредитов... Мы так и не оправились от паники пятьдесят седьмого года, когда «Огайо лайф» обанкротилась и потянула за собой Боуэри Бэнк.

Он еще целую минуту рассуждал о финансовых проблемах, а потом мы перешли к обсуждению моего визита, моей семьи и теплого приема, который ждет меня в особняке Мариоттов к северу от Вашингтон-сквер.

Я и представить себе не мог, что особняк может выглядеть даже пошлее, чем я его помнил, но отец Фрэнсиса перед смертью приказал покрасить золотой краской горгулий и водосточные трубы, что позволило дому достичь новой и невероятной степени вульгарности. У меня не хватает слов, чтобы описывать это дальше, могу только добавить, что в этих архитектурных изысках греческие идеи сочетались браком с готической претенциозностью, но брак получился неудачный.

Экипаж свернул с Пятой авеню, проехал через пару ворот (с сожалением должен отметить – тоже золоченых) и остановился в просторном дворе. Лакей помог мне выйти из экипажа, и тут я увидел красную ковровую дорожку на ступеньках крыльца, а дальше, в коридоре, еще одна дорожка такого же цвета уходила куда-то в бесконечность под созвездие люстр.

– Моя семья сгорает от нетерпения познакомиться с вами, милорд, – сказал Фрэнсис, улыбаясь своей особенной белозубой улыбкой. – Моя сестра Бланш просто считала дни до вашего приезда.

– Буду рад познакомиться с обеими твоими сестрами, – вежливо ответил я.

Поскольку Бланш вряд ли могла бы вести переписку со мной без его разрешения, он, вероятно, предполагал, что я отвечаю взаимностью на ее интерес ко мне, но мне ни в коем случае не хотелось, чтобы Фрэнсис рассчитывал на нечто серьезное.

Его семья ждала в зале.

Я сразу же увидел Бланш. Она оказалась ростом меньше, чем я воображал, но сложения исключительного. У нее была белая безукоризненная кожа, высокие скулы и длинная, красивая шея. Я постоянно убеждал себя: меня наверняка ждет разочарование, когда я увижу ее. Теперь же так поразился, увидев подтверждение слов Дэвида (раз в жизни он не преувеличил обаяние женщины), что чуть не потерял дар речи. Пришлось приложить немалые усилия, чтобы сохранять невозмутимое выражение лица, пока Фрэнсис представлял меня своей жене Амелии.

Амелия оказалась крупной женщиной с преждевременно состарившейся от нью-йоркского климата кожей, в ее карих глазах неизменно светилось беспокойство. Вероятно, ее волновала супружеская неверность мужа, и я, увидев ее, сразу же понял, что любовные связи Фрэнсиса многочисленны и разнообразны. Двое детей пошли в отца. Девочка, Сара, была хорошенькая, с капризным ротиком, а мальчик, Чарльз, хотя и стеснительнее сестры, смотрел смышленным, наблюдательным взглядом.

– А теперь позвольте мне, – сказал Фрэнсис, делая размашистый жест рукой, – познакомить вас с моей сестрой Бланш. Бланш, дорогая, позволь представить тебе...

Возможность представить мне Бланш настолько поглотила его, что он совершенно забыл о своей второй сестре. Но к счастью, к этому времени я уже оправился от потрясения и, познакомившись с Бланш, с приличествующим случаю вежливым энтузиазмом повернулся к семнадцатилетней рыжеволосой мисс, которая понуро стояла на заднем плане.

Фрэнсис упрекнул себя за забывчивость. Его обаянию трудно было противостоять.

– Да, конечно. Понимаете, я так взволнован, что скоро и собственное имя забуду! Милорд, моя сестра Маргарет.

Я проникся сочувствием к девочке (уж слишком она была простовата на вид), в особенности когда увидел, как она завидует своей красивой старшей сестре, а потому постарался поздороваться с ней с таким же энтузиазмом, с каким здоровался с Бланш. Я обратил внимание, что это удивило всех, в особенности Бланш, и тогда мне стало ясно, что я обманывал себя, полагая, будто никто не придает нашей переписке никакого значения. Однако, невзирая на нехарактерную для меня наивность, я все же не превратился в романтического идиота. Твердо решив, что мои отношения с обеими девицами будут только отеческими, я дал себе зарок в течение моего короткого визита в Нью-Йорк не отдавать предпочтения ни одной из них в ущерб другой.

Но отрицать, что Бланш поразительно красива, было невозможно.

3

– Мне будет очень не хватать вас, кузен Эдвард, когда вы уедете в

Вашингтон, – сказала мне Бланш три недели спустя. – Не могли бы вы отложить вашу поездку на пару недель?

Мы сидели в саду на чугунной скамейке в тени вяза, защищавшего нас от жаркого послеполуденного солнца, и перед нами простирался газон с травой отвратительного коричневатого цвета, напоминавший мне о том, как далеко я от дома.

Слева от нас находился летний дом, справа – неработающий фонтан, а издалека, из-за высокой стены, до нас доносились звуки проезжающих экипажей, стук колес телег,двигающихся по Пятой авеню.

– Ваше пребывание здесь такая радость для всех нас, – добавила, вздохнув, Бланш.

– Для меня это тоже радость.

К несчастью, так оно и было на самом деле. Фрэнсис кормил и поил меня вином чуть ли не с маниакальным усердием, а Бланш всегда оказывалась рядом, стоило мне подумать, как бы приятно было побеседовать с ней. Признаю, мне льстило такое внимание, но по зрелом размышлении я ничуть не удивлялся. На американцев влияют английские титулы, к тому же я сделал весьма заметную карьеру. Если нью-йоркское общество предпочитало относиться ко мне как к знаменитости, то я, безусловно, не имел ни малейшего желания возражать.

– Я вернусь после поездки в Вашингтон, Висконсин и Огайо, – пообещал я Бланш.

– Я могу понять ваше стремление посетить Вашингтон, – сказала Бланш, обаятельно надув губки, – потому что все утверждают, что государственные здания в Вашингтоне производят впечатление. К тому же лорд Палмерстон хочет, чтобы вы засвидетельствовали его почтение президенту, а мужчины, конечно, всегда увлечены политикой, дипломатией и всякими такими вещами. Но зачем, господи боже мой, зачем вам нужно в Огайо? И Висконсин? Я не вижу причин, по которым кому-то может понадобиться Висконсин.

– Там есть один фермер, он изобрел машину, способную произвести революцию в сборе урожая, – объяснил я, глядя, как ее густые темные волосы скручиваются в колечки сзади на шее. – А в Огайо вывели новый вид маиса, который, возможно, подходит для выращивания в Ирландии.

– А я думала, в Ирландии не выращивают ничего, кроме картофеля.

Я не стал объяснять. Никогда не обсуждаю Кашельмару.

– Кузина Элеонора разделяла ваш интерес к сельскому хозяйству, когда была жива?

Часы я держал в руке, хотя даже не помнил, когда вытащил их из

кармана.

– Господи боже! – удивленно воскликнул я. – Вы посмотрите только, который час! Вы не опоздаете на урок арфы?

– Ах эта ужасная арфа! – Она скользнула лукавым взглядом по мне из-под ресниц и улыбнулась; я обратил внимание на полноту ее крупных подвижных губ.

В саду стояла жара. Я понять не мог, как Бланш умудряется выглядеть так, будто ей это пекло нипочем, и мною внезапно овладело желание прижать горячие пальцы к ее бледной коже, пока из моего тела не выйдет этот жар.

Не дав себе труда подумать, я вдруг произнес:

– Когда я могу ждать, что Фрэнсис привезет вас ко мне в гости в Англию?

– Боже, когда вы нас пригласите, конечно. – Она рассмеялась, а в следующее мгновение обхватила меня рукой за шею и легонько поцеловала в щеку.

– Бланш...

Но девушка уже отпрянула. Резво пробежала по газону и, только дойдя до дому, повернулась с улыбкой и в прощальном жесте подняла руку в перчатке.

Я был так потрясен и ее поведением, и собственной бурной реакцией, что, после того как она исчезла в доме, мне пришлось еще несколько минут посидеть на скамейке, приходя в себя. Когда я снова смог связно мыслить, то постарался успокоиться. Глупо было чувствовать себя фраппированным ее поведением. Американские девицы славятся своей откровенностью, и было бы неправильно судить Бланш по тем стандартам, в которых я воспитывал своих дочерей. А мои собственные чувства? Но о них знал только я. Никаких глупостей я не сделал, и в мои намерения входило далее вести себя исключительно благоразумно.

Однако мысли путались относительно того, что считать благоразумным поведением. Я никогда не относился к американцам с предубеждением, но можно ли жениться на американке? Почти наверняка нет. Мариотты были на свой манер аристократией, но по английским стандартам считались бы вульгарными чужаками. Но разве я принадлежу к тем людям, которых страшит суд общества? Я не какой-нибудь новоиспеченный представитель среднего класса, неуверенный в своем социальном положении.

– Я буду делать то, что захочу, – сообщил я безучастным птицам на кустах. – Что бы мне ни понравилось.

Забавно, что меня больше волновало место ее рождения, а не возраст, правда двадцатилетние девушки часто выходят замуж за зрелых мужчин, в этом нет ничего необычного. Пусть она не разделяла моих духовных интересов, но неужели мне нужна женщина, единственная добродетель которой состоит в способности интеллектуального общения? Нет, я так не думал.

Я долго просидел в размышлениях о том, чего же я хочу, потом наконец вернулся в дом. Внутри стояла тишина. Амелия отправилась с детьми на прогулку, Маргарет, как обычно, где-то пряталась (я после приезда почти не видел ее), а Фрэнсис, насколько я знал, еще не вернулся из своей фирмы на Уолл-стрит. Сверху доносились тихие сбивчивые аккорды арфы Бланш, и я решил послушать ее игру в маленькой гостиной рядом с музыкальной комнатой, где она брала уроки. Эти комнаты разделяла дверь, как и всегда, стоявшая чуть приоткрытой. Стараясь не шуметь, чтобы не помешать ей, я сел, взял журнал, который меня ничуть не интересовал, и принялся с удивлением слушать сетования Бланш учителю музыки на трудности игры на арфе.

Мне ее игра казалась превосходной.

Я устроился поудобнее, чтобы провести следующие полчаса, слушая музыку, но тут урок прервался. В коридоре послышались резкие шаги, дверь открылась, и раздался властный голос Фрэнсиса:

- Бланш, мне надо с тобой поговорить наедине.
- Бога ради, Фрэнсис, у меня урок!
- Мне все равно, что у тебя, – хоть урок, хоть молитва. Добрый день, мистер Паркер.
- Добрый день, сэр, – пробормотал, запинаясь, маленький учитель музыки. – Если хотите, чтобы я подождал внизу...
- Не хочу. Вы свободны.

Когда они остались одни в музыкальной комнате после этой отвратительной демонстрации грубости и плохого воспитания, хозяин дома воскликнул:

- Ответь-ка мне, Бланш, как называется то, что ты делаешь, черт побери?!
- Фрэнсис! Как ты смеешь так разговаривать со мной?
- Как ты смеешь вести себя словно шлюха из концерт-салюна?! Я видел тебя только что в саду!
- Ты сам мне сказал, чтобы я была с ним любезна!
- Любезна! Но я тебе не говорил, чтобы ты вела себя с ним как потаскуха. Бог ты мой, что этот старый дурак будет думать о воспитании,

которое ты получила? Ты, возможно, погубила нас обоих в его глазах!

– Если и так, то в этом только ты виноват! Господи боже, я никогда не хотела иметь ничего общего с кузеном Эдвардом. Это ты мне не давал покоя со времени того жуткого финансового кризиса два года назад, все приставал – напиши кузену Эдварду, задобри кузена Эдварда, польсти кузену Эдварду, чтобы он мозги потерял...

– Если бы ты знала о банкротстве столько, сколько знаю я, то ты бы понимала, как важно поддерживать хорошие отношения с богатыми родственниками!

– Да – с английским родственником. Ты, который презираешь Европу и все европейское! Фрэнсис, какой же ты лицемер! Меня иногда тошнит от тебя!

– Молчи! – закричал Фрэнсис. – Какая наглость разговаривать со мной в таком тоне!

– Наглость? И кто говорит о наглости? Уж какая это была наглость с твоей стороны – заставлять меня выламываться перед стариком!

Я вышел из комнаты.

В коридоре было сумеречно и прохладно. Прислонившись к стене, я прижал лоб к темным обоям, но, когда понял, что все еще слышу ругань из музыкальной комнаты, пошел на ощупь по коридору, словно слепой.

Мои пальцы нащупали паз в стене. Я оказался у двери, которой не замечал раньше. Мне хотелось одного – найти уголок, где я мог бы побыть один. Нажав на ручку, вслепую вошел внутрь.

Закрыв за собой дверь, я зажмурил глаза и прислонился к стене. Наступило долгое мгновение абсолютной тишины, а потом, как раз перед тем, как мое чутье подсказало мне, что я не один в комнате, я услышал тихое, вежливое покашливание.

Помню, что выпрямился, а уже потом открыл глаза.

Со стула у окна за мной наблюдала Маргарет. Я молча смотрел на нее, вспомнив, что в день приезда приветствовал ее с таким же энтузиазмом, как приветствовал Бланш.

Я попытался что-то сказать, но, к своему ужасу, обнаружил, что потерял дар речи. Ситуацию спасла Маргарет; сочувственным, но деловым тоном она спросила:

– Могу я вам помочь, кузен Эдвард?

Услышав ее голос, я с мучительным уколом благодарности понял, что она не забыла доброты, которую я проявил к ней.

Девушка сидела за столиком с шахматными фигурами, но теперь встала. Она была невысока – не больше пяти футов, жесткие, непокорные рыжие волосы Маргарет связала сзади модным шиньоном. Резкие черты заостренного личика, длинный, тонкий нос и квадратный подбородок, голубые глаза были прищурены, словно она смотрела на мир с обоснованным подозрением. Позднее я узнал, что у нее близорукость. Когда она поднялась из-за шахматного столика, я увидел пенсне, болтающееся на черной ленточке на ее шее, но мне и в голову не пришло, что ее подозрительное выражение происходит всего лишь от напряжения, которое ей приходится прикладывать, чтобы видеть мир.

– У вас нездоровый вид, – заметила она. – Пожалуйста, присядьте.

Маргарет озабоченно посмотрела на меня. Я сумел выдавить:

– Спасибо. Я не привык к жаре. В Англии... – Но больше ничего в тот момент я не мог сказать. Сел на стул против нее через столик, уставился на стоящие на знакомых черных и белых квадратиках фигуры из слоновой кости.

– Вы играете в шахматы? – поинтересовалась Маргарет. Она старательно разглядывала белую пешку. – Это партия из книги, которую Фрэнсис дал мне много лет назад. Брат прежде хорошо играл в шахматы, но теперь бросил – слишком занят зарабатыванием денег, поэтому я играю одна. Амелия говорит, что шахматы не для девушек, но я всегда считала такое представление очень глупым.

Я достаточно пришел в себя, чтобы ответить нормальным голосом:

– Как странно! Именно это утверждала и моя покойная жена.

– Ваша жена? Правда? Замечательно! А сама она играла в шахматы?

– Да. И ее тоже научил старший брат.

– Она хорошо играла?

– Иногда она позволяла мне выиграть.

Маргарет рассмеялась, и я только в этот момент вспомнил, что никогда и ни с кем не обсуждаю Элеонору.

– Хотите закончить со мной партию? – спросила она.

– Если вы не против. Да, с удовольствием. – Все воспоминания умерли, утонув в очаровательной абстракции шахмат. Я смотрел на знакомые фигуры, словно на давно потерянных друзей, и со страстью нащупывал ходы, которые когда-то отыскивались рефлекторно.

– Вы для меня слишком сильный противник! – восхищенно

воскликнула Маргарет, когда был сделан последний ход.

– Напротив, это вы играете слишком хорошо, а я тугодум – давно не играл.

– А когда вы играли в последний раз?

– О, это было четырнадцать лет назад, – признался я. – В Кашельмаре.

– Ах да! В вашем ирландском имении. – Она стала заново расставлять фигуры на доске. – Четырнадцать лет – большой срок. А почему вы так точно помните, когда играли в последний раз.

Я открыл рот, чтобы дать короткий уклончивый ответ, но вдруг услышал собственный голос:

– Потому что я посетил Ирландию накануне голода. Моя жена тяжело восстанавливалась после рождения последнего ребенка, и поездка в Ирландию была первой, которую она смогла осилить по прошествии нескольких месяцев. Мы тогда привезли нашего сына Луиса в Ирландию, невзирая на то что ранее, опасаясь болезней, никогда не вывозили детей из Англии. День спустя после прибытия мы с Элеонорой в последний раз играли в шахматы, а потом Луис заболел тифом и через неделю умер.

Она смотрела на меня. Я обратил внимание на веснушки на ее переносице.

– Ему было одиннадцать лет, – добавил я.

– И ваша жена умерла вскоре после этого?

Ее вопрос поразил меня. Я ждал от нее какой-нибудь бессмысленной банальности, выражения сочувствия.

– Нет, – произнес я, помолчав. – Она прожила еще шесть лет.

– И вы больше ни разу не играли в шахматы. Почему? Она сердилась на вас? Винула вас в смерти сына?

Ее прямолинейность испугала меня, и я ответил неловко:

– Отчасти это и правда была моя вина. Напрасно я повез их обоих в Ирландию, но я думал, что перемена пойдет на пользу Элеоноре, да и Луис рос и хотел увидеть имение, которое когда-нибудь будет принадлежать ему.

– Тогда почему же она винула вас?

– Здоровье у нее уже было подорвано, а потрясение от его смерти... совсем выбило из колеи. Когда мы из Ирландии вернулись в Уорикшир, она никого не хотела видеть и вообще редко выходила из дому.

– Стала затворницей, вы хотите сказать?

– Да. С ней произошел нервный срыв, – конечно, еще одна причина нашего отчуждения, но... – У меня закрались сомнения в трезвости собственного рассудка. Я никому никогда не говорил о нашем отчуждении прежде. Видимо, сочетание жары и потрясения повлияло на меня

серьезнее, чем я думал.

– И сколько лет прошло, прежде чем вы вернулись в Кашельмару?

И опять меня поразило отсутствие сочувственных банальностей.

– Четыре года. – Я оглядел комнату: у одной стены стояла китайская ширма, а на лакированном столике – ваза китайского фарфора. – Четыре года, – повторил я недоуменным голосом, словно все еще сам не мог принять чудовищность содеянного мною. – Годы голода. Я отвернулся от Кашельмары на четыре года, а когда приехал туда снова, то обнаружил, что мои земли погибли, мои оставшиеся в живых арендаторы превратились чуть ли не в животных, а вся долина выглядела не лучше, чем огромное кладбище.

Она ничего не сказала на это, но я почти забыл о ней. В ту минуту я видел трупы, лежащие на обочине, невспаханые поля и запах смерти вокруг разрушенных домов Клонарина. Помню, как зашел в церковь в поисках священника и обнаружил, что все подсвечники исчезли.

– Я вел себя не лучше, чем худшие из землевладельцев, не живущих на своей земле, – пробормотал я. – Сотни людей, о которых я должен был бы позаботиться, умерли от голода и болезней.

– Но ведь...

– Конечно, я с тех пор пытался искупить свою вину! Реорганизовал мое имение, построил новые дома для арендаторов, вложил деньги в землю, стал интересоваться последними достижениями в сельском хозяйстве... – Я помолчал, а потом удивленно проговорил: – Я чувствую себя виноватым и потому никогда не говорю о Кашельмаре. И я никогда не говорил об Элеоноре, потому что я и перед ней чувствую вину. И дело не просто в смерти Луиса. А вообще во всех наших детях, последний из которых почти убил ее.

Я стоял у окна, хотя и не помнил, когда поднялся на ноги. За выгоревшим газоном плыло пятно яркого света, усиливавшее боль за моими глазами.

– Я был предан Элеоноре, – произнес я после продолжительной паузы. – Наш брак не должен был закончиться отчуждением. Мы не заслуживали этого. То, что случилось, несправедливо.

Моего запястья коснулась маленькая горячая рука. Тихий голос со страстью проговорил:

– Жизнь иногда бывает такой ужасной, правда? И несправедливой. Я понимаю, что вы чувствуете.

И я вдруг осознал, что именно это я и хотел услышать со времени смерти Нелл, – не бесконечные сочувствия вполголоса, не религиозные

общие места, не приторные напоминания о том, что я не должен забывать о дарованных мне радостях, а именно такие слова: да, жизнь часто жестока, а судьба несправедлива и я имею право сердиться и скорбеть о потере дочери.

– Я знаю, что вы чувствуете, – сказала Маргарет, и я верил, что она каким-то чудом и в самом деле знает; и в этом ее знании лежит освобождение от одиночества – освобождение, которого я так долго и безуспешно искал.

Я смотрел на нее и уже больше не злился. Уже не хотел проклинать несправедливость смерти, а был просто благодарен за то, что жив. И, глядя на Маргарет через бездну разделяющих нас лет, понимал, что не только хочу ее, но и ничто на свете не может встать на моем пути.

Глава 2

1

У меня не было возможности немедленно реализовать мой интерес к Маргарет, потому что на следующий день я отправился в Вашингтон, начиная тем самым двухмесячное путешествие по континентальной части Соединенных Штатов. Впрочем, мой отъезд, казалось, происходит очень вовремя. Мысль о том, чтобы лишиться день оставаться под крышей Фрэнсиса, была для меня невыносима, и, как бы мне ни хотелось видеть Маргарет, я знал, что должен временем проверить возникшее к ней чувство. И, как это часто случается после откровенного разговора, я почти сразу же начал жалеть о моей открытости, и хотя не сомневался в тактичности Маргарет, но хотел, чтобы она своим молчанием доказала мне: я могу ей доверять.

В мои цели не входит подробное описание путешествия по Америке. Если кто-нибудь вдруг пожелает издать мою биографию, то отсылаю его к статьям, которые написал позднее для Королевского сельскохозяйственного общества: «Мутантные виды маиса в штате Огайо» и «Клубнекопатель мистера Джона Ф. Эпплби – изобретение, облегчающее сбор урожая». Где-то наверняка сохранилось мое письмо лорду Палмерстону о состоянии американских штатов, хотя из опыта моего общения с Палмерстоном предполагаю, что он, вероятнее всего, изорвал его в клочья. Ведь я советовал проводить политику строгого невмешательства во внутренние дела Соединенных Штатов, а это было для Палмерстона как красная тряпка для быка. Но у меня для такой позиции имелись основания. Находясь на американской земле, я ясно видел, что для этой нации вопрос отношений с Англией весьма болезненной, так же как для выросшего ребенка нередко остается болезненным вопрос отношений с родителями. Американцы считают – и, вероятно, для этого есть основания, – что в Англии не понимают их страну, и, хотя большинство американцев, с которыми я встречался, относились ко мне дружелюбно, я ощущал сильные антибританские настроения в обществе.

«Представьте себе, какая катастрофа ждет англо-американские отношения, – писал я Палмерстону, – если в случае внутреннего военного конфликта в Америке окажется, что Англия поддерживала проигравшую

сторону. Уж лучше не поддерживать ни одну из сторон, выждать, понять, куда дует ветер».

Моя стрела была направлена в Гладстона^[2] и лорда Джона Рассела^[3], которые отстаивали свое наивное убеждение, будто владельцы плантаций на юге – всего лишь компания британских джентльменов, говорящих с американским акцентом, и им следует позволить поступать по их разумению.

Не то чтобы я совершенно не сочувствовал Югу. Я полагал, что существуют веские доводы в пользу того, что каждый штат имеет право на отделение, но при этом не считал, что позор рабства можно оправдать эмоциональными ссылками на конституционные права. Меня все упорно убеждали, что разногласия в Америке носят чисто конституционный характер, но мне, стороннему наблюдателю, было ясно, что, хотя горячей темой и считается право на отделение, на самом деле люди обсуждают только одно – рабство.

«Все здесь говорят о Виксберге, – писал я Палмерстону, – где заключенное недавно коммерческое соглашение вновь открыло тему торговли африканскими рабами и признало утратившими силу все ограничения, касающиеся рабства. А тем временем все смотрят на Канзас, где вскоре должно быть принято решение о том, будет или не будет в конституции штата статья о рабстве. Раскол в стране обостряется, и после аудиенции у президента Бьюкенена сегодня утром я пребываю в убеждении, что ни у него, ни у кого другого нет ни малейшей надежды на разрешение проблем, стоящих перед Америкой сегодня, и предотвращение кризиса, который угрожает возникнуть завтра. Трудно предсказать, как пройдут президентские выборы в следующем году. Похоже, демократы разделятся: южные будут выступать за рабство, северные сохранят нейтралитет. Конституционные юнионисты пойдут на компромисс в вопросе рабства, но у них нет сильного лидера. Новая Республиканская партия, которая хорошо провела прошлые выборы, вероятно, имеет сильного лидера, но он идеалист и фанатик, и если победит благодаря своему красноречию, то гражданская война неминуема».

Я впервые услышал имя Линкольна в Вашингтоне, теперь, оглядываясь на те годы, мне представляется странным, что даже в 1859 году он был мало известен на востоке Америки и лишь в следующем феврале привлек к себе внимание в Нью-Йорке выступлением в «Купер юнион».

Я с облегчением покинул Вашингтон. Не то чтобы мне не понравился город. Напротив, его величественный замысел производил сильное

впечатление. Но американские политики в сравнении с английскими представляют собой грубую толпу, а политический климат в то время установился такой напряженный, что атмосфера в столице была изматывающей в той же мере, что и несносной.

Маисовые поля Огайо оказались идеальным противоядием. Благодаря заботам правительства я остановился на большой ферме близ Цинциннати; не существует какого-то федерального министерства, которое занималось бы исключительно сельским хозяйством, но Патентное ведомство – а оно здесь занимается в том числе и вопросами сельского хозяйства – в своем рекомендательном письме было весьма убедительным, и мой хозяин в Огайо очень тепло принял меня. Американское гостеприимство не сравнимо ни с каким другим, и я с удовольствием провел время на ферме, тем более что перед этим мне нередко приходилось сталкиваться с антибританскими настроениями. Только вот мутантная разновидность маиса меня разочаровала. Я пришел к мрачному выводу, что этот вид не подходит для выращивания в Ирландии. Надиктовав несколько соображений по этому поводу, я отправился в Висконсин ознакомиться с клубнекопателем мистера Эпплби.

В Огайо стояла невыносимая жара, Висконсин встретил меня относительной прохладой, и я, остановившись в небольшом отеле, поздравил себя с тем, что получаю представление о жизни на фронтире в огромных пространствах того, что называется «настоящая Америка».

Озера и сосновые леса поблизости источали скандинавский аромат, и я подумал о том, что здесь очень понравилось бы Элеоноре. Мы с ней когда-то много путешествовали, бывали и в Америке, но во время нашей поездки по стране не видели ничего и близко похожего на Висконсин.

Клубнекопатель мистера Эпплби, как и большинство изобретений, оказался блестящим, но непрактичным, и я подозревал, что пройдет много лет, прежде чем он будет продаваться дешево в промышленных масштабах. Но достижения мальчика (ему было всего восемнадцать) привели меня в восторг, и я обещал прислать ему мой доклад Королевскому сельскохозяйственному обществу. На этом деловая часть моего путешествия завершилась, и я по Великим озерам отправился пароходом на восток, а потом, после короткого, но утомительного путешествия по суше, сел на другой пароход, на котором по реке Гудзон добрался до Нью-Йорка.

К моему огорчению, на Манхэттене стояло пекло, как в духовке. В особняке на Пятой авеню жена Фрэнсиса Амелия готовилась к переезду семьи в их загородный дом в Гудзон-Вэлли, и, хотя меня пригласили присоединиться к ним, я не собирался задерживаться. Извинившись самым

вежливым образом, я распорядился, чтобы мой секретарь заказал билеты на пароход на следующей неделе, и, когда вопрос с моим отъездом был улажен, смог обратить внимание на Маргарет.

Она показала себя девицей рассудительной – ни Фрэнсис, ни Бланш не дали мне ни малейших оснований подозревать, что она сообщила им какие-либо подробности нашего разговора. И я, убедившись в этом, принял решение. Мне никак не удавалось застать ее в одиночестве – Фрэнсис или Бланш постоянно вертелась рядом, – но в один прекрасный день, когда Фрэнсис уехал на Уолл-стрит, а Бланш отправилась страдать на очередной музыкальный урок, я по договоренности встретился с Маргарет в маленькой китайской комнате, где она в одиночестве играла в шахматы.

– Я так рада, что вы предоставили мне еще одну возможность сразиться с вами, – сказала девушка, улыбаясь мне. – Думала, у вас до отъезда будет слишком много дел и времени на партию не останется.

– Мне хотелось поговорить с вами. – Я сел против нее, надеясь, что, несмотря на нервное состояние, не выгляжу слишком неуклюже. – В шахматы мы, конечно, сможем сыграть позднее, но сначала хочу сказать вам кое-что.

Она посмотрела на меня удивленно, потом в ее взгляде появилась тревога.

– Надеюсь, что не сделала ничего такого, что могло бы вызвать ваше недовольство.

– Напротив, вы вызываете у меня такое довольство, что я хотел бы пригласить вас в Англию следующей весной.

– В Англию? – удивленно проговорила Маргарет. – Меня?

Судя по ее виду, она не верила своим ушам.

– Если вы хотите отложить ваш визит, пока не станете постарше...

– Нет-нет! – воскликнула она. – Я бы очень хотела приехать, но дело в том, что...

– Да?

– Фрэнсис ни за что мне не позволит! – с отчаянием в голосе произнесла Маргарет. – Он настроен весьма антибритански, хотя вы, наверно, и думаете иначе.

– Вы любите Фрэнсиса?

– Да, очень, – без колебаний ответила она. – Маленькой я была его любимицей, а теперь он уделяет внимание только Бланш, а поскольку у нас с Бланш вечный разлад...

– Понимаю.

– И Амелия относится ко мне ужасно, хуже мачехи. Я жалею, что

Фрэнсис женился на ней!

– Значит, вы, вероятно, совсем не так счастливы в Нью-Йорке, как могли бы.

– Я не буду тосковать по дому, поехав погостить в Европу, если вы это имеете в виду. Напротив, думаю, что сразу же влюблюсь в Англию и не захочу уезжать.

– В таком случае вы сможете оставаться столько, сколько пожелаете.

– С вами? Сколько мне захочется? Кем-то вроде приемной дочери? – Она сидела на краю стула и смотрела на меня как на волшебника, показывающего какой-то удивительный фокус. – Ах, я бы очень хотела!

– Ну, в дочерях у меня нет нужды, а вот жены мне некоторое время ох как не хватает, – бросил я легкомысленным тоном, чтобы она могла принять мои слова за шутку, если пожелает. – Однако если вы предпочитаете видеть во мне отца...

Ее лицо изменилось. Я замолчал, беззаботно развел руками и наклонился над шахматной доской.

– Надеюсь, вы не будете судить меня чересчур строго за мое высокое мнение о вас, – быстро добавил я, выстраивая пешки квадратом. – И еще надеюсь, вы не сочтете мое предложение бестактным, но я никому не делал предложений с моего двадцатидвухлетия и, боюсь, совершенно потерял навыки. Конечно, я слишком стар для вас...

– Стары? Какая мне разница, сколько вам лет? Да будь вам хоть сто, мне было бы безразлично.

Я посмотрел на нее. На ее маленьком заостренном побелевшем лице появилось выражение решимости. Поначалу я подумал, что Маргарет злится, а потом, потрясенный, увидел, что она вне себя от возбуждения. Я потерял контроль над собой, попытался говорить, но она не дала мне закончить.

– К весне следующего года, когда я приеду в Англию, – поспешно объяснила она, – я буду старше. К тому времени мне исполнится восемнадцать. Я стану очень взрослой и очень умной, и вы даже не вспомните, какая я была маленькая сегодня. Понимаю, что моя молодость будет большой помехой вам в вашем положении, но я компенсирую вам ваши трудности, обещаю. Уверена, вы не пожалеете, если возьмете меня в жены.

– Мое дорогое дитя...

– Конечно, я бы предпочла быть вашей женой, а не приемной дочерью, но, кажется, не могу надеяться на большее, чем на приемную дочь. Хочу сказать, мало того что я так ужасно молода, у меня еще и волосы такого

жуткого цвета, у меня веснушки, а вы такой умный и благородный, такой... такой...

Несмотря на изумление, я не смог противиться улыбке:

– Да?

– Вы такой высокий и красивый! – воскликнула Маргарет и зарыдала.

Не помню толком, что случилось потом. Знаю только, что тут же вскочил на ноги, она тоже встала, и я обнимал ее. Мне и в голову не пришло спросить себя, благоразумно ли это, и, уж конечно, это не пришло в голову Маргарет. Она обвила руками мою шею и без всякого стыда плакала на моей груди, обливая слезами мою крахмальную рубашку. Платье обтягивало ее фигуру, и, несмотря на неизбежный по последней моде выступ кринолина сзади, я впервые понял, что она, будучи миниатюрной, вовсе не такая худышка, как мне всегда казалось.

– Вы выйдете за меня замуж в Англии в следующем году?

– Я выйду за вас замуж завтра... в самом темном углу Африки, если будет нужно!

Я рассмеялся:

– Нет, мы должны подождать несколько месяцев – вдруг вы передумаете.

Ее запрокинутое лицо было так близко – я мог пересчитать веснушки у нее на переносице, но мне показалось гораздо более разумным поцеловать ее. Я не хотел ее тревожить и поцеловал всего лишь в щеку, но, не успев еще насладиться свежестью ее кожи, вдруг почувствовал, что она импульсивно повернула голову, и мои губы накрыли ее рот.

Она действовала инстинктивно, ведь вряд ли у нее имелся какой-либо опыт, но ее инстинкты были удивительно чувственными. Я был настолько удивлен, что пару мгновений не отвечал на ее порыв, и она, решив, что совершила какую-то ужасную *faux pas*^[4], зарделась, отпрянула от меня и принялась бормотать извинения.

Я пресек ее самобичевание. И опять не дал себе труда подумать. Просто снова прижал ее к себе и поцеловал – поцелуй длился так долго, что нам пришлось оторваться друг от друга, чтобы перевести дыхание. И тогда я наконец сказал иронически:

– Если бы ваш брат увидел нас сейчас, у него были бы все основания потребовать, чтобы я немедленно покинул его дом.

– Фрэнсис! – воскликнула она в ужасе. – Господи милостивый, я совсем забыла о нем! Ах, кузен Эдвард, он ни за что не позволит мне выйти за вас. Ни за что!

Я улыбнулся. И получал удовольствие, улыбаясь, и мое удовольствие

было бесконечно приятно мне.

– Мое дорогое дитя, – с любовью в голосе произнес я, – Фрэнсис будет очень-очень рад.

2

– Кузен Эдвард! – любезно воскликнул Фрэнсис. – Как это мило с вашей стороны! А я как раз хотел отправиться на ваши поиски.

– Да, – сказал я. – Теперь, когда до моего отъезда осталось всего два дня, я подумал, что ты, вероятно, захочешь поговорить со мной кое о чем. Позволь мне присесть?

– Конечно! – Он резво бросился предлагать мне лучшее кресло.

Мы сидели в курительной на цокольном этаже дома – маленькой мужской комнате с удобными креслами, кушетками и картинками скаковых лошадей на стенах. Окна, как и окна китайской комнаты выше, выходили в сад, и, выглянув во двор, я увидел двух детей Фрэнсиса, Чарльза и Сару, – они бегали вокруг фонтана, играли в салочки.

– Кузен Эдвард, мне будет не хватать вашего общества, – начал речь Фрэнсис своим превосходным, по-актерски пластичным голосом. – В особенности будет переживать Бланш.

– Бланш? – Я несколько дней выносил его лицемерие и не испытывал ни малейшего желания длить это хоть одной секундой дольше. – Ты наверняка оговорился – имел в виду Маргарет.

Он уставился на меня, и я снова обратил внимание на его странные глаза, такие светло-карие, чуть ли не желтые. У него были высокие скулы на мясистом лице, что придавало его глазам слегка восточный вид.

– Маргарет? – недоуменно переспросил он наконец.

– Маргарет, – подтвердил я недвусмысленным небрежным тоном, каким не разговаривал с ним никогда прежде. – Ты, конечно, уже понял, что она в меня влюблена.

Он ошарашенно уставился на меня. Мы сидели друг перед другом в наших креслах, но тут он встал. Двигался медленно, сжимая кулаки за спиной.

– Кузен Эдвард, – сказал он, – думаю, вы ошибаетесь.

– Думаю, что не ошибаюсь. – Откинувшись на спинку кресла, я вытянул длинные ноги, аккуратно закинул одну на другую. – Она дала мне без всяких сомнений понять, что желает в будущем стать моей женой.

За этим наступило глухое молчание. Я видел, как побледнело его лицо, обратил внимание, какие громадные усилия он предпринимает, чтобы сдерживать себя. Фрэнсис напряженно думал. Я чуть ли не слышал, как его мозги перемалывают одну мысль за другой, пока он пытается решить, что может позволить себе сказать мне.

– Поскольку ты ее опекун, – добавил я после паузы, – я, естественно, до отъезда должен обсудить этот вопрос с тобой. Я желаю жениться на Маргарет. Верю, что она будет великолепной женой. С твоего разрешения, я жду ее в Англии в следующем мае, а когда она увидит страну и если у нее все еще сохранится желание выйти за меня замуж, я бы хотел, чтобы наш брак состоялся тем же летом. Я, конечно, прекрасно понимаю, что наше знакомство коротко, но думаю, что грядущая разлука позволит нам проверить наши чувства и не действовать поспешно, под воздействием момента.

Он молчал, и я, увидев, что Фрэнсис еще не готов отступить, поднажал для вящей убедительности:

– Понимаю, для тебя это, вероятно, потрясение, мой дорогой Фрэнсис, поскольку ты явно ничего не знал о чувствах Маргарет ко мне, но ты всегда так тепло относился ко мне, и перспектива стать зятьями вызывает к твоему сердцу.

Он с трудом выдавил:

– Кузен Эдвард, она еще очень молода.

– Брось, Фрэнсис, девушки каждый день выходят замуж в восемнадцать лет.

– Она маленькая девочка, – упрямылся он, и тут я понял, что, несмотря на небрежение последних лет, он все еще любит ее. – Она совсем не знает жизни. Воображает, что влюблена в вас, потому что вы были так добры и провели с ней некоторое время. Но она не... не может любить вас.

– Ты, конечно, волен держаться своего мнения.

– Кузен, я знаю Маргарет лучше, чем вы. Последние год-два она была несчастлива дома и, к сожалению, плохо управляема. Мы с Амелией делали все, что в наших силах, чтобы она жила нормальной жизнью, но...

– Мой дорогой Фрэнсис, – прервал я его, – меня ничуть не интересуют твои объяснения реальных или воображаемых недостатков Маргарет. Меня интересует брак с ней. Нам обоим хотелось бы, чтобы она была постарше, но я готов принять ее такой, какая она есть, даже если ты к этому не готов. Я снова прошу тебя, будь добр, дай согласие.

Я в последний раз смотрел, как он призывает на помощь свои актерские таланты.

– Кузен Эдвард, простите меня, – смиренно сказал он, напуская на лицо взволнованное, опечаленное выражение, – но при всем моем уважении я не вижу возможностей дать мое разрешение.

– И я, Фрэнсис, при всем уважении не вижу, как ты можешь мне отказать, – сообщил я.

Он растерянно посмотрел на меня. С тех самых пор и по сей день я не видел ни одного человека, который выглядел хотя бы вполовину таким растерянным, каким выглядел Фрэнсис, когда сообразил, что я намерен поставить его на колени.

– Я понятия не имею, что вы имеете в виду, – поспешно пробормотал он. – Ни малейшего понятия.

Теперь настала моя очередь встать. Я скинул ногу с ноги, поднялся и сунул руки в карманы. Ничего не сказал – просто ждал.

Он пытался выглядеть естественным, но нервозность бросалась в глаза.

– Вы очень заблуждаетесь, если думаете, что можете мне угрожать, – проговорил он с жизнерадостной уверенностью, но тут же понял, что выдал себя.

– Разве кто-то говорил о каких-то угрозах? У меня нет ни малейшего желания угрожать тебе, Фрэнсис. Я просто хочу выразить тебе сочувствие в связи с твоим прискорбным финансовым положением. Ты ведь потерял кучу денег во время паники пятьдесят седьмого года, верно? И с тех пор ты стараешься вернуть утраченное, чтобы продолжать жить на широкую ногу, сохраняя тот образ жизни, к которому ты привык. На очень широкую ногу, Фрэнсис, судя по твоему особняку на Пятой авеню и дома на Медисонсквер, который ты был вынужден сохранить для своей любовницы.

– Как вы, черт побери...

– Фрэнсис, ты вызывал мое любопытство. Перед своим отъездом из Нью-Йорка я попросил секретаря нанять частного детектива, чтобы навести кое-какие справки, а когда я вернулся из Висконсина, то пришел в ужас, прочтя собранные сведения. Тебе не следовало пускаться в азартные игры, пытаясь вернуть утраченное. Насколько мне известно, фараон – очень опасная игра. – (Он уставился на меня, не в состоянии поверить своим ушам. Его прикушенные губы побелели.) – Ты на волосок от банкротства. Пытаешься взять деньги в долг, но тебе никто не хочет помогать. Нью-Йорк – плохой город для банкротов, верно, Фрэнсис? Быть банкротом в Нью-Йорке – все равно что прекратить существование. Какая ужасная перспектива! И какое счастье, что у тебя есть богатый родственник, который, возможно, пожелает прийти к тебе на помощь!

Наконец самообладание изменило ему. Все его тело налилось яростью.

– Вы... будь проклят...

– Прибереги свои проклятия для другого случая. Они тебе понадобятся, когда будешь давать разрешение на свадьбу сестры.

– Я никогда не дам разрешения! – завизжал он. В таком состоянии Фрэнсис явно потерял способность ясно мыслить. – Никогда!

– Выбора у тебя нет.

Тут он оставил все попытки вести себя цивилизованно и вознамерился ударить меня, но я без труда уклонился.

– Фрэнсис, перестань! – резко сказал я. – Если ты ударишь меня, от банкротства тебя это не спасет. Тебя спасет разрешение на брак сестры. А теперь я попрошу тебя поторопиться с разрешением, потому что я уже устал от ожидания.

К этому времени его всего трясло.

– Вы отвратительный старик! – прорычал он, когда дар речи вернулся к нему. – Чем вы развлекаетесь в Англии? Растлеваете десятилетних девочек с кухни?

Я направился к двери:

– Фрэнсис, желаю тебе приятного банкротства. Всего доброго.

Он позволил мне дойти до коридора, прежде чем сдаться перед неизбежным и раболопно броситься за мной.

– Кузен Эдвард... постойте... пожалуйста... я извиняюсь... постоянное напряжение, вы должны понять... я совсем не в себе...

Он был отвратителен. Вызывал омерзение. Я смотрел на его мясистое лицо, развратные очертания пухлогубого рта, который бормотал подобострастные банальности. Мне было стыдно за него.

– Успокойся, – оборвал я бормотание, не в силах более ни мгновения выносить его. – Перед моим отъездом из Нью-Йорка мы посетим стряпчего и подпишем контракт. Я заплачу тебе при условии, что ты дашь разрешение на мой брак с Маргарет. Если ты хоть пальцем шевельнешь, чтобы помешать браку, я подам в суд и верну деньги, а потом лично приеду в Америку, чтобы увидеть, как суд объявит тебя банкротом. Это ясно?

– Да, – сказал он все еще заплетающимся языком. – Да, конечно. Как скажете.

– Маргарет не должна знать о нашей ссоре, и я не желаю, чтобы она выслушивала твои обвинительные речи в мой адрес до ее отъезда.

– Да. Конечно. Я понимаю.

– Она приедет в Англию с лучшим гардеробом, какой только может пожелать девица ее положения, а твоя жена будет сопровождать ее. Если

захочет, пусть возьмет с собой детей. Но не Бланш. Что же касается тебя, то никогда не пытайся появиться в одном из моих домов.

– Да, милорд. Хорошо, милорд. Как скажете.

Дело было сделано. Я получил желаемое. Ничто, кроме этого, не имело значения, и я, чувствуя усталость, но и удовлетворение, пошел наверх в китайскую комнату сообщить Маргарет, что Фрэнсис был счастлив услышать хорошие новости про нас.

Глава 3

1

По возвращении в Лондон я предполагал на неделю остановиться в доме на Сент-Джеймс-сквер, где собирался написать черновик доклада о маисе. Город к этому времени должен был погрузиться в спячку: сессия парламента уже закончилась, и я буду иметь возможность работать не отвлекаясь, а потом уеду за город. Обычно осенние месяцы я проводил в имении в Уорикшире, а на Рождество отправлялся в Ирландию.

Однако, вернувшись на Сент-Джеймс-сквер после путешествия поездом из Ливерпуля, я обнаружил не только стопку писем, ждавшую меня в библиотеке, но еще и последнего нанятого мной учителя для Патрика.

Никаких следов самого Патрика не обнаружилось.

– Где мой сын? – сердито спросил я у молодого мистера Мейнарда. – Он нездоров?

Мистер Мейнард был не в себе. Он переминался с ноги на ногу и смотрел на меня с самым несчастным выражением.

– Милорд, он... он...

Я молча выругал себя за то, что взял такого молодого учителя управлять неуправляемым, выругал Патрика, который наплевал на мою доброту, – ведь я для наблюдения за ним нанял слишком снисходительного молодого человека.

– И когда он уехал?

– Три дня назад, милорд. Он оставил записку...

– Где она?

– Вот, милорд.

Записка была начертана на моей почтовой бумаге каллиграфическим готическим шрифтом, а на полях Патрик акварелью нарисовал цветы. Сходство записки с рукописной иллюстрированной книгой поразило меня.

«Уважаемый мистер Мейнард, – писал Патрик, – пожалуйста, не принимайте это на свой счет, но мне чертовски наскучил Лондон, и я решил отправиться в Ирландию к моему приятелю Родерику Странахану. Я дам о Вас самые благоприятные отзывы моему отцу. Заверяя Вас в моих наилучших пожеланиях на будущее, остаюсь Вашим преданным учеником.

Патрик Эдвард де Салис. P. S. Спасибо за все Ваши уроки».

– Милорд, – неуверенно проговорил мистер Мейнард, – я не знал, ехать за ним или нет, но, зная о вашем скором возвращении, решил, что должен остаться до вашего приезда, чтобы объяснить...

– Безусловно, – согласился я. – Вы получите месячное содержание и рекомендательное письмо. И прошу вас покинуть мой дом как можно скорее. Всего вам доброго, мистер Мейнард.

Он поплелся из комнаты, а я позвал моего секретаря, и он тут же появился с бюваром, который прижимал локтем к боку.

– Филдинг, я поменял планы и завтра уезжаю в Кашельмару. Вы можете оставаться здесь, пока не разберетесь со всеми письмами, а потом отправляйтесь прямо в Вудхаммер-холл, куда в скором времени приеду и я. Не забудьте заплатить мистеру Мейнарду месячное жалованье и напишите обычное рекомендательное письмо, чтобы я подписал его до отъезда. А теперь если мы можем наконец заняться письмами...

В тот день мы работали до половины девятого, потом я отпустил секретаря, съел баранью котлету и приказал мальчику-посыльному найти экипаж и подогнать его к двери.

Я был рад вернуться в Лондон. В кебе с наслаждением вдыхал прохладный вечерний воздух, смотрел на площади, дома и улицы, по которым проезжал, и чувствовал себя совсем в другом мире, ничуть не похожем на Нью-Йорк с его удушающей жарой. Я надеялся, что Маргарет полюбит Лондон так, как люблю его я. Размышлял о том, что дом на Сент-Джеймс-сквер понравится ей, хотя, конечно, она наверняка захочет переделать на свой вкус какие-нибудь комнаты. Женщины любят перестраивать дом на свой лад. Помню, как Элеонора перебирала образцы обоев и обивочных тканей.

Наконец кеб въехал в более узкие улочки, и я снова оказался среди строгих, почтенных особняков Мейда-Вейла, с садиками размером чуть больше почтовой марки, уединением, защищенным платанами, высаженными вдоль дороги. Когда кеб остановился у одного из домов, я выпрыгнул прежде, чем кучер успел предложить мне помощь, и быстро пошел по тропинке к двери.

Ключ вошел в скважину. Я шагнул в прихожую, выкрикнул имя.

– Иду! – Она поспешила из гостиной, с подсвечником в руке, и сказала, что вот уже неделю как каждый вечер ждет меня, потому что помнит: я собирался вернуться в конце августа. Она выразила надежду, что со мной все в порядке, что я не переутомился, поблагодарила за превосходного доктора с Харли-стрит, которого я ей рекомендовал; она

вполне поправилась и чувствует себя заново родившейся. Сожалеет, что ее здоровье доставило нам обоим столько хлопот перед моим отъездом. Не хочу ли я зайти в гостиную на несколько минут или...

– Да, – сказал я. – Спасибо.

В гостиной она предложила мне закуску, но я отказался и сел на диван. Комната при малых размерах была набита столиками, всякими безделушками, глупыми картинками и мягкими креслами.

– Как вам понравилось в Америке? – вежливо спросила она. – Надеюсь, погода была не такой жаркой, как вы опасались.

– Жара стояла страшная.

Я позволил ей задать еще несколько вежливых вопросов, но она, поняв наконец, что я пришел обсудить важное дело, замолчала и сидела теперь, глядя на меня, крепко сцепив руки и положив их на колени.

Женщина была испугана, и я сочувствовал ей. Молодость ее уже прошла. Сорок пять – такой возраст, в котором трудно начинать все заново, а она все свои доходы до последнего пенса получала от меня. Я понятия не имел, нравлюсь ли ей. Она вдовствовала и когда-то служила портнихой у Элеоноры – бездетная женщина, приятная на вид, скромная и сговорчивая. Мне ничего другого и не требовалось, да и ей не нужно было ничего, кроме своего маленького дома и скромного дохода, который позволял бы ей одеваться со вкусом, платить горничной и жертвовать небольшие деньги на благотворительность в церкви каждое воскресенье. Наши отношения продолжались несколько лет, и я считал, что ее такое положение дел устраивает, как устраивает и меня.

Она спокойно слушала, а я говорил ей о том, что собираюсь жениться на дальней родственнице Элеоноры. Когда я закончил, она осторожно спросила:

– Она, наверно, очень молоденькая?

– Да.

– Вы счастливый человек. И вы это вполне заслуживаете. Почему бы вам не жениться на молоденькой? По виду вам больше сорока пяти не дашь, и если вы спросите меня, то я скажу, что счастье не только на вашей стороне. Ваша избранница тоже должна чувствовать себя счастливой. Что ж, все в мире, наверно, не могут быть счастливыми, но я считала, что мне повезло в эти последние несколько лет.

– Я не хочу уничтожать ту удачу, которую, возможно, принес в твою жизнь, – сообщил я. – С моей стороны это было бы черной неблагодарностью. Ты, конечно, должна сохранить этот дом, и я позабочусь, чтобы ты регулярно получала доход.

Ее облегчение было чуть ли не осязаемым. Она мимолетно улыбнулась мне благодарной улыбкой и откинулась на мягкую спинку дивана.

– Это очень любезно с вашей стороны, – искренне произнесла она. – Больше чем любезно. Одним словом «спасибо» невозможно выразить мою благодарность. – Женщина снова подалась вперед. – Я подумала... в таких обстоятельствах... не будет с моей стороны нахальством предложить вам совет?

Я улыбнулся:

– Ты была не очень щедра на советы в прошлом. Если теперь ты хочешь дать мне совет сейчас, то я, как минимум, должен его выслушать.

– Это довольно личное... – Она помедлила. – Вы только не обижайтесь, но я заметила, что джентльмены, которые кажутся моложе своих лет... Хочу сказать, я думаю, вы так хорошо сохранились, потому что всегда вели... активную жизнь. Но если человек ваших лет начинает вести менее активную жизнь, даже если на непродолжительное время... ради молодой леди, с которой вы обручились... я хочу сказать, вы ведь не желаете обнаружить, что в медовый месяц следующей весной... – Возникла пауза. Бытует мнение, что падшие женщины бесстыдны, но она покраснела от смущения. – Я бы никогда не осмелилась сказать вам все это, – поспешно добавила она, – если бы не была вам так благодарна за вашу доброту и не желала вам счастья с новой женой на будущий год.

– Я понял, – иронически проговорил я. – Спасибо.

– Если вы рассердились...

– Нет.

– Хорошо. – Она вздохнула с облегчением.

Последовала пауза.

– Позвольте приготовить вам чая? – неуверенно предложила она наконец.

– Потом.

Она кивнула. И я опять почувствовал, что женщина испытала облегчение. Поскольку больше сказать было почти нечего, мы поднялись и, не говоря ни слова, но ничуть не смущаясь привычным молчанием, перешли из гостиной в ее комнату наверху.

дня, хотя путь улучшается, а ирландские дороги, благодаря активной помощи во время голодных лет, на удивление находятся в хорошем состоянии. Из Лондона до Холихеда курсирует быстрый поезд, оттуда паромом до Кингстауна, а из Дублина можно сесть на поезд до Голуэя. Затем рейсовым или наемным экипажем добраться до Линона на севере, где в гавани Киллари находится широко известный постоялый двор. В восьми милях от Линона проходит дрянная дорога, которая змеится по горам до Лох-Нафуи и порога моего дома.

Кашель-Мара значит «каменная башня у моря», название явно метафорическое, но поскольку я пишу об Ирландии, то никого не удивит, что дом отделен от побережья многими милями суши и не имеет никаких каменных башен. Но первоначальная Кашельмара и в самом деле представляла собой башню на берегу моря. Мой предок, нормандский рыцарь, звавшийся Рожер де Салис, который вместе с де Бургом завоевал Коннахт, начал нарезать и себе маленькое королевство к северу от Голуэя и построил форт в устье гавани Киллари. Вполне предсказуемо, ирландцам не понравился этот честолюбивый чужак в их среде, и, когда форт разграбили, его владелец лишь чудом избежал длинных ножей. После того прискорбного события земля некоторое время оставалась заброшенной, но наследники де Салиса никогда не забывали об их туманном наследстве в Ирландии. Позднее, когда один из де Салисов заслужил расположение королевы Елизаветы, он получил от нее в дар земли Кашельмары с баронским титулом и провел жуткий год в Ирландии, после чего вернулся в Уорикшир, чтобы построить Вудхаммер-холл.

На протяжении нескольких веков ни один из де Салисов не мог набраться храбрости – или не имел интереса, – чтобы вновь ступить на землю Ирландии. Потребовался такой человек, как мой отец, наивный и по-детски эксцентричный, чтобы в молодости отправиться в Ирландию. Он безнадежно влюбился в нее и все ирландское и решил построить новый семейный особняк для себя и своей невесты в самой красивой части всех этих тысяч акров принадлежащей ему земли в графстве Голуэй.

Мой отец был начисто лишенным амбиций, человеком большого обаяния и маленького ума. Строительство нового семейного особняка стало наиболее амбициозным из предпринятых им проектов, но я сомневаюсь, что он довел бы его до конца, если бы мать самым безжалостным образом не подгоняла его. Моя мать не любила свекровь, которая в то время жила в Вудхаммер-холле (отец, конечно, был слишком мягкосердечен, чтобы попросить мать переехать во вдовый дом). И она видела в Кашельмаре средство спасения – место, где сможет наконец стать полновластной

хозяйкой. Она была практичной женщиной, энергичной и решительной. Единственным ее недостатком являлась неспособность принимать чью-либо иную точку зрения, кроме собственной, что нередко вызывало затруднения. Позднее, когда этот недостаток проявился в виде религиозного фанатизма, мать провела последние годы жизни в попытках обратить ирландцев в свою веру, представлявшую собой узкую интерпретацию англицизма.

Никто понять не мог, как моим родителям удалось вырастить такого сына, как я, – с подобными вкусами и наклонностями, но отец был очень доволен и в дни моего младенчества проводил со мной много времени. До сих пор помню, как катался на его спине по полу детской. Что касается матери, то она смотрела на меня как на дар Господний после трудных лет, когда вынуждена была выносить докучливую свекровь, экзальтированную любовь моего отца к Ирландии и три бездетных года брака. Я рос, согретый теплом их любви и восхищения, и считал себя отличным парнем.

Только в восемь лет отец свозил меня к своему младшему брату – тот жил в Вудхаммер-холле.

– Черт побери! – воскликнул мой дядюшка Ричард, который был типичным джентльменом эпохи Регентства и в свое время большим распутником. – Какой избалованный щеночек! Помяни мои слова, Генри, ты вырастишь мальчишку, который будет считать себя франтом из франтов, потому что на его крючок будут ловиться беззащитные рыбки!

И он взялся за меня – учил охотиться с гончими, метко стрелять, давать отпор, когда мои кузены, оба драчливые маленькие задиры, пытались использовать меня как боксерскую грушу в своих играх.

В период возмужания я понял, что больше похожу на дядюшку, чем на отца. Дядюшка, конечно, осознал это, как только увидел меня, а после смерти сыновей (старший погиб при Ватерлоо, а другой позднее, во время беспорядков в Индии), ни минуты не колеблясь, назначил меня своим наследником.

Мать считала, что это несправедливо, потому что моему брату Дэвиду, безземельному и безденежному, Вудхаммер-холл требовался гораздо больше, чем мне. Напрасно Дэвид говорил ей, что ему не нужен Вудхаммер-холл. Если у нашей матери появлялось какое-то мнение, то ничто, кроме приказа самого Всемогущего, не могло заставить ее переменить взгляды на этот вопрос. Кроме того, отрицательное отношение к завещанию моего дядюшки было ее способом высказать неодобрение его влиянию на мою жизнь. Она твердила, что я стал неуправляемым и разнузданным.

– И не удивлюсь, если безнравственным, – загадочно добавляла она для моего бедного отца. – Генри, ты должен поговорить с мальчиком.

Отец понятия не имел, что ему сказать мне, но с женой никогда не спорил. Мы провели приятные полчаса, попивая портвейн, а он расписывал, какая замечательная женщина моя мать и как он счастлив, что столько лет прожил с ней.

– Что касается меня, – завершил он со своей особенной детской искренностью, – то я не могу тебе так уж сильно рекомендовать супружество, но что ты непременно должен сделать, Патрик, так это выбрать правильную девицу, потому что если ты выберешь неправильную, то это будет чертовски неприятно.

Оба родителя называли меня Патриком. Мой отец выбрал это имя в знак своей любви к Ирландии, и меня никогда не называли по второму имени, пока я не переехал в Вудхаммер-холл.

– Патрик! – воскликнул мой дядюшка Ричард. – Что за дурь?! Только ты мог додуматься до такого – с чего ты взял, что ирландское имя пойдет на пользу мальчику.

Мне он просто напомнил:

– Тебе ведь дали второе имя при крещении?

Поэтому в Англии меня всегда называли Эдвардом, и, пока я рос, эти два имени символизировали мой внутренний конфликт, попытку решить, кто же я. Ребенком я считал себя ирландцем. Если ты родился и вырос в каком-то месте, трудно понять, когда твои товарищи – и даже твои родители – говорят, что ты не здешний. Англия казалась очень странной; я, как и все дети, хотел быть таким же, как и те, кто меня окружает, если это возможно. Но мои английские кузены называли меня ирландцем, и в мрачные моменты моего детства я в отчаянии думал, что меня ни та ни другая страна не примет как своего, что я ни одно место не смогу назвать своим домом.

Но, став мужчиной, я чувствовал себя в равной мере дома в обеих странах и даже в наиболее самонадеянные периоды жизни воображал, что в моей власти решать, где находятся мои корни. Но, завершив образование и заразившись цинизмом, я ясно увидел, что не получу никаких преимуществ, если буду говорить, что принадлежу к одной из самых отсталых стран Европы, тогда как могу принадлежать к самой могущественной стране мира. Потому я некоторое время пренебрегал Ирландией и делал вид, что не вижу никаких оснований снова жить там.

Но Ирландия притягивала меня. Мой отец умер, и я поехал домой в Кашельмару, бесподобную Кашельмару, и, когда я спускался с гор к

Клонарину, на меня нахлынули все воспоминания детства.

И тогда я понял, где мои корни.

Кашельмара. Уже не каменная башня у моря, а белый дом, построенный Джеймсом Уайеттом, несомненно самым выдающимся из всех ушедших архитекторов восемнадцатого века, который взял гений Роберта Адама и обогатил его классической простотой и изяществом. Дом был величественный, но не претенциозный. К простой двери по центру южной стены дома вела лестница в восемь ступеней. На одном уровне с дверью влево и вправо уходили по четыре окна. Над ними на втором этаже располагались симметричные окна, места которых были выбраны с такой же геометрической точностью, все украшены только простыми бордюрами, длинными, тонкими и изящными. Подвальные окна, наполовину выступающие над уровнем земли, а высоко наверху чердачные окна точно повторяли тот же рисунок. Цоколь, строгий и классический, гармонировал с дверью и колоннами крыльца. Никаких вульгарных изысков – ни каннелюр, ни искривлений, ни аляповатости кладки, а потому ничто не отвлекало взгляда от этих ровных, чистых линий, выстроенных с непревзойденным вкусом и мастерством.

Бесподобная Кашельмара, несравненная Кашельмара... но ни одно прилагательное не может и близко передать покой, и наслаждение, и удовлетворение, которые переполняли меня каждый раз, когда я возвращался сюда из Англии. Недостаточно было бы объяснить это чрезвычайное ощущение радости ссылкой на одну лишь красоту дома. Да, конечно, он был великолепен, других таких домов я не видел. Но дело не только в этом. В Кашельмару мой отец вложил всю свою жизнь, в этом убежище мои родители обрели счастье, здесь я провел идиллическое детство, вдали от грязных городов и соблазнов столичной жизни. Дом воплощал собой прошлое, неосложненное прошлое, на которое смотришь издали сквозь золотую призму ностальгии, простой сельский мир вчерашнего дня, не тронутого шумом тысяч промышленных машин, ревом мировой революции и безжалостным научным прогрессом. Я считаю себя современным человеком. Более того, меня раздражают люди, способные угнаться за временем, но после нескольких месяцев, проведенных в Лондоне с его постоянной неразберихой, я всегда нахожу утешение в покое и уединении Кашельмары.

К вечеру третьего дня после моего отъезда с Сент-Джеймс-сквер я уже был близ этого покоя и уединения. Тем утром в Голуэе я нанял экипаж, чтобы преодолеть последние сорок миль моего путешествия, и, когда кучер, а он был молод и неопытен, встревожился, узнав, что придется ехать

вдоль границы Коннемары в самую глушь Джойс-кантри, мы вынуждены были остановиться и тратить время на объяснения: я втолковывал ему, что не принадлежу к тем землевладельцам, которые боятся ездить без оружия по своим собственным землям. Мои арендаторы могут тратить свое время на варварские разборки между собой, но никто не тратит время на борьбу со мной, потому что они знают: если им потребуется подать жалобу, я их выслушаю, если они ищут справедливости, то без проволочек найдут ее у меня. Я никогда не сочувствовал землевладельцам, которые относятся к своим арендаторам как к животным, а потом недоуменно стонут, когда те начинают видеть в них воплощение дьявола.

Когда экипаж, скрипя осями, преодолел ущелье между Баннаканнином и Нокнафохи, я увидел свое наследство. Внизу лежало озеро, длинное и узкое, с его прозрачными водами, а в дальнем конце долины уже просматривалась дорога к Леттертурку, петляющая между домиков Клонарина. Долину окружали горные вершины, изученные мной в юности, во время походов по ним.

Экипаж сбросил скорость на крутом повороте, и, когда колеса покатали вниз, наконец на севере за долиной, за западной оконечностью озера, за рекой, болотом и огороженными картофельными полями я увидел знакомое каменное изящество усадьбы.

Вокруг дома раскинулись несколько акров леса, обнесенные высокой каменной стеной. Деревья были посажены, чтобы защитить здание от ветров, которые гуляли по долине, но с фасада, где изгибы гравийной дорожки позволяли экипажу легко делать повороты, спуск был таким крутым, что верхние ветви деревьев у ворот покачивались гораздо ниже подвальных окон. Часовня, гордость и радость моей матери, стояла над домом на восточной границе владения. Ее маленькая каменная башенка виднелась над деревьями при приближении экипажа к дому.

Когда карета подъехала к воротам, было еще светло. В Кашельмаре летом солнце долго не садится, и, куда бы я ни приезжал, я ни разу не видел зрелища, которое могло бы сравниться со зрелищем ирландского захода. Озеро теперь представляло собой бассейн темного золота, отражающего вечернюю зарю, а горы, темные в тени, мерцали тусклым алым цветом под сонным небом.

Мой приезд стал неожиданностью, хотя все в поместье должны были бы давно привыкнуть. Я взял себе за правило являться без предупреждения не менее раза в год, чтобы исключить привычку к нерадивости, вырабатывающуюся за время моего отсутствия, и все домочадцы знали, что если в доме обнаружатся какие-то неполадки, то наказание будет строгим и

неотвратимым.

– Неужели это вы, милорд? – спросил Хейс, дворецкий, которого я привез в Кашельмару из Дублина десять лет назад.

Обучить кого-нибудь из местных обязанностям дворецкого без того, чтобы они не стали пьяницами, оказалось невозможно, и, хотя у Хейса имелись свои недостатки, он, как хороший портвейн, с годами становился лучше.

– А кто же это, по-вашему, если не я, Хейс? – недовольно бросил я, входя в холл.

Несмотря на раздражение, я, как и всегда, остановился, чтобы восхититься великолепным входом в дом. Круглый холл с галереей наверху; высоко висела массивная люстра «Уотерфорд», а потолок был словно отражением мраморного пола. Справа находилась дверь, которая вела в зал и ряд гостиных, слева – библиотека, а по другую сторону холла, за лестницей, коридоры вели в комнаты для прислуги и всякие подсобные помещения.

Я вздохнул, наслаждаясь знакомой радостью возвращения, и позволил себе забыть о раздражении.

– Хейс, велите подать еду через полчаса, – отрывисто приказал я, – и напомните горничной, чтобы надлежащим образом проветрила мою спальню. Одной грелки будет мало. Где мой сын?

– Думаю, он отправился в Клонарин, милорд. Вместе с молодым Дерри Странаханом.

– Я хочу увидеть его сразу по возвращении. Принесите, пожалуйста, мне в библиотеку бренди и воду.

Библиотека представляла собой квадратное помещение с окнами, выходящими на долину. Главным предметом мебели здесь был громадный стол, спроектированный отцом на свой эксцентричный манер. Я, следуя давней привычке, сел за него и посмотрел на портрет Элеоноры над камином белого мрамора. На столе стояла миниатюра, изображающая моего покойного сына Луиса. Он улыбался. Портрет походил на оригинал, и я не в первый раз спрашивал себя, как бы он выглядел сейчас, останься жив. Ему бы теперь исполнилось двадцать пять. Он бы уже получил степень в Оксфорде и, как положено, совершил путешествие по Европе. Возможно, уже женился бы. Наверняка занимался бы политикой, заседал в палате общин, вступил в Карлтон-клуб... Как бы Элеонора гордилась им...

– Милорд, ваш бренди и вода, – сказал Хейс откуда-то издалека. – И, милорд, ваш сын и Дерри Странахан в этот момент скачут по дорожке к дому.

Я подошел к окну с бокалом в руке, посмотрел на выжившего сына. Потом, пока еще он и его друг не успели исчезнуть за домом на пути к конюшням, поставил бокал, вышел из библиотеки и открыл входную дверь.

Они оба смеялись. Оба казались пьяными, но Родерик Странахан, мальчик, которого я кормил и одевал, которому дал образование после смерти его родителей во время голода, выглядел не таким пьяным, как Патрик. В семнадцать молодой человек не столь подвержен действию алкоголя, как в четырнадцать.

Я ждал. Они увидели меня. Смех оборвался.

Первым пришел в себя Дерри Странахан. Он соскочил с лошади и побежал ко мне поздороваться.

– Лорд де Салис, добро пожаловать домой! – весело воскликнул Дерри, глядя на меня ярко горящими глазами, и протянул мне руку.

Вот ведь шельма, подумал я, но долго сердиться на него не мог. Тем временем спешился и Патрик. Я с удивлением заметил, что он сильно вырос, и еще обратил внимание, что его рост подчеркивает отчетливое физическое сходство со мной. Я не видел в нем ничего от Элеоноры.

– Папа! – воскликнул он и бросился ко мне на заплетающихся ногах, споткнулся и упал лицом вниз.

– Мне очень жаль, – произнес я, когда Дерри помог ему подняться на ноги, – что ты не в том состоянии, чтобы приветствовать меня надлежащим образом. Немедленно отправляйся в свою комнату, прежде чем все слуги увидят тебя.

– Да, папа, – покорно согласился он, но, несмотря на мои слова, задержался – попытался обнять меня.

– Не надо, – сказал я, поскольку считал, не годится мальчику его лет так демонстративно проявлять свою любовь, а к тому же хотел дать ему понять, что гневаюсь на него. – Немедленно ступай к себе! – Когда он ушел, я сердито сказал Дерри Странахану: – Задолго до моего отъезда в Америку я строго запретил Патрику выпивать больше бокала вина в день. И я строго-настрого запретил и тебе, и Патрику пить потин^[5]. Поскольку ты старше, я считаю тебя в полной мере ответственным за этот случай.

– Да, конечно, милорд. – Лицо Дерри вытянулось, и в глазах появилась скорбь. – Вы, разумеется, говорили. Но мы посещали мою родню из Джойсов, а там считается смертельным оскорблением, если ты откажешь хозяину в маленьком знаке доброжелательности.

– Я прекрасно знаю местные традиции. Это больше не должно повториться, ты меня понял? А если такое все же случится, то я очень рассержусь. Отведи лошадей в конюшни и отправляйся в свою комнату.

Сегодня я больше не хочу тебя видеть.

– Хорошо, милорд. Я прошу прощения от всего сердца, честью клянусь. Вы позволите немного перекусить, прежде чем я уйду наверх?

– Нет, – отрезал я, про себя проклиная его обаяние, которое не позволяло мне поступить с ним строго – так, как он того заслужил. – Доброй ночи, Родерик.

– Доброй ночи, лорд де Салис, – печально ответил он и побежал по дорожке за разгуливающими без присмотра лошадьми.

Я вернулся в библиотеку, допил бренди и перешел в столовую, где поел бекон с картофелем, в срочном порядке приготовленные для меня. И, только насытившись, набрался достаточно энергии, чтобы взять трость из шкафа в гардеробной и тяжело подняться по лестнице ради исполнения отцовского долга.

Оба светильника в комнате Патрика горели. Войдя, я увидел, что сын протирает стол у окна. Я подозревал, что он перед этим занимался резьбой по дереву, но нигде красноречивых следов опилок или стружки не заметил, и только акварели, пришпиленные к пологу кровати, выдавали его занятия после побега от учителя. Среди его картин я отметил недурное изображение любимого ирландского волкодава, две плохие картинки, изображающие птиц, любопытный набросок маленькой дочери Хейса и аляповатый портрет длинноволосого джентльмена – по моим предположениям, Иисуса Христа.

Я ничего не сказал. Он знал, что я не одобряю его времяпрепровождения, но еще сын знал, что я снисходительно отношусь к его рисованию, поскольку оно предпочтительнее всех других его наклонностей. Один раз я застал его за рытьем канавы в Вудхаммер-холле. Он торжественно объяснил мне, что изменяет ландшафт под стиль восемнадцатого века, а канава – это шутка. В другой раз – и опять в Вудхаммере – я обнаружил, что Патрик помогает кровельщику ремонтировать крышу в доме одного из арендаторов. Рисовать он мог, по крайней мере, в уединении, не вызывая ненужных разговоров, но его рукодельные наклонности, так бездумно демонстрируемые перед всеми арендаторами, ставили меня в неловкое положение, и я сердился на него за то, что он с такой готовностью выставляет себя посмешищем. Признавая, что его интерес к садоводству можно направить в приемлемое русло, я попытался учить его различным сельскохозяйственным теориям, но Патрик не проявлял к этому ни малейшей склонности. Он известил меня, что ему абсолютно все равно, как выращивают репу, ему гораздо приятнее сделать цветочную клумбу или посадить ряд ноготков.

– Но, мой дорогой Патрик, – возразил я ему в отчаянии, – ты не можешь прожить жизнь, сажая цветочки, как обычный садовник.

– Почему? – спросил сын.

На его лице появилось то недоуменное выражение, которое всегда выводило меня из себя, и пришлось прочесть ему одну из тех скучных лекций о его положении в обществе, об обязанностях, которые в один прекрасный день лягут на его плечи, о том, что его долг – проявлять интерес к управлению имением, а в свободное время – к политике.

– А вот дедушку такие вещи не занимали, – напомнил Патрик. – Он просто жил себе спокойно в Кашельмаре и делал то, что ему нравится.

– Какое это имеет отношение к нашему разговору? Твой дед жил в другое время, когда люди, принадлежащие к нашему классу, не считали себя ответственными за социальное и моральное благополучие простых людей. Мир далеко продвинулся со времен твоего деда, а даже если бы и не продвинулся, я не понимаю, почему ты должен идти по стопам дедушки. Ты – мой сын, а не его.

Снова посмотрев на рисунки на пологе, я сделал над собой немалое усилие, чтобы быть терпеливым и справедливым.

– Я хочу услышать от тебя объяснение, – ровным голосом произнес я. – Почему ты удрал от своего учителя, невзирая на то что перед отъездом в Америку я тебя предупреждал о последствиях, если ты снова убежишь.

Он сделал безнадежное движение руками и от стыда повесил голову.

– Мой дорогой Патрик, у тебя наверняка есть что сказать в свое оправдание!

– Нет, папа.

– Но почему же ты так поступил?

– Не знаю.

Раздражение мое было так велико, что я с трудом сдерживался, чтобы не ударить его, но я напомнил себе, что должен дать ему возможность объясниться.

– Твой учитель плохо обходился с тобой?

– Нет, папа.

– Он тебе не понравился?

– Нет, папа.

– Тебе было плохо в Лондоне?

– Нет, папа. Правда, немного одиноко, и потому когда я понял, что Дерри должен уже вернуться домой из школы...

– Ты прекрасно знаешь, что я никогда не позволяю тебе оставаться в Кашельмаре без надлежащего присмотра. Родерик – замечательный

молодой человек, но в его возрасте парни склонны ко всяким проказам. Ты только посмотри, в какое непотребство он втянул тебя сегодня! В том, что ты напился, целиком и полностью виноват он, но в том, что ты с готовностью поддаешься его влиянию, я виню только тебя.

– Да, папа.

– Тебе есть еще что сказать в оправдание своего непослушания?

– Нет, папа, – ответил он.

Я беспомощно смотрел на него. Мне не хотелось его бить, но я еще раньше поклялся себе, что стану наказывать его, если он и дальше будет убегать от учителей, и я не представлял себе, как мне отказаться от наказания, чтобы он при этом не потерял уважения ко мне. И все же, хотя я, как и любой ответственный родитель, верил в максимум «пожалеешь розгу – испортишь дитя», мне стало казаться, что у Патрика развилась некая невосприимчивость к боли, а потому он с безразличием относился к розгам. Я, конечно, понимал, что это, вероятно, иллюзия, но, иллюзия или нет, теперь я сомневался в том, что порка уберезет его от проказ в будущем.

– Тогда, если тебе нечего добавить, – сообщил я ему, – ты не оставляешь мне выбора – только наказать тебя, как ты этого заслуживаешь.

– Да, папа, – согласился он и, не говоря больше ни слова, вытерпел наказание.

Такое пассивное отношение тревожило меня, но я к этому времени слишком устал, чтобы предаваться размышлениям об альтернативных наказаниях в будущем, и, оставив Патрика, с облегчением удалился в свои покои.

На следующее утро у меня все еще не было настроения думать о проблемах сына, а потому после завтрака я отправил записку управляющему с просьбой явиться ко мне, а сам сел наконец за письмо к Маргарет. От этого мое настроение значительно улучшилось. Я только-только закончил описание плавания и теперь выводил длинное предложение, в котором говорилось, как мне не хватало ее, когда в дверь библиотеки раздался стук и Хейс сообщил о приезде старшей из моих оставшихся в живых дочерей, Аннабель.

младенчестве. В возрасте, когда родители могут наблюдать, как все их отпрыски достигают зрелости, нам такого счастья не выпало. Ни один врач не мог объяснить причин наших злключений. Мы с Элеонорой оба были здоровы, и дети росли в Вудхаммер-холле, где прекрасный сельский воздух. Но пять из наших дочерей умерли в первый год жизни, и двое старших сыновей не дожили до пяти лет. В течение восьми лет Нелл, наш первенец, была единственным ребенком, избежавшим смерти, и, оглядываясь назад, я понимаю, что, вероятно, именно поэтому она и стала нашей любимой дочерью. То, что она выжила, делало ее для нас вдвойне драгоценной. Но вот после периода, в течение которого мы потеряли двух дочерей и двоих сыновей, на свет появилась Аннабель, а за ней – погодки: Луис, Маделин, Катерин, еще три девочки, умершие во младенчестве, и, наконец, Патрик. Маделин, к моему глубокому огорчению, унаследовала религиозный фанатизм бабушки и ушла в монастырь, Катерин вышла за дипломата и теперь жила в Санкт-Петербурге, а Аннабель после одиозного и скандального брака обитала в Клонах-корте, вдовьем доме, который я построил для моей матери в другом конце долины.

– Доброе утро, папа, – оживленно прошептала она, входя в библиотеку с привычным воодушевлением, прежде чем я успел сказать Хейсу, что приму ее в малой столовой. – Слуги сообщили мне, что вчера вечером видели, как ты появился в долине, и я решила сразу же заглянуть к тебе, потому что хочу поговорить с тобой кое о чем. Господи боже, какой у тебя усталый вид! Ты знаешь, я думаю, что тебе в твоём возрасте следует вести менее бродячий образ жизни. Ты ведь уже не так молод, как прежде.

Рассказывая об Аннабель, никакими словами невозможно преувеличить ее бестактность. Ее прямолинейность выходила за всякие рамки. Она унаследовала от Элеоноры пылкость, но по какой-то причине это наследство проявляло себя неженской агрессивностью, которую я находил глубоко непривлекательной. Но Господь не обделил Аннабель красотой, и я не перестаю удивляться, обнаруживая, что есть тип мужчин, которые любят таких женщин-амазонок, наделенных сильным характером и острыми на язык.

Когда Аннабель в восемнадцать вышла замуж за одного моего знакомого политика, который был старше ее на двадцать лет, мы с Элеонорой вздохнули с облегчением. Для Аннабель, полагали мы, лучше иметь мужем человека зрелого возраста, который будет оказывать на нее положительное воздействие. Однако мы еще никогда так не заблуждались. Элеонора умерла, когда со дня свадьбы не прошло и трех месяцев, но я видел, насколько моего зятя выматывали эскапады жены, – шесть

изнурительных лет брака преждевременно свели его в могилу. Аннабель родила двух дочерей, к которым не проявляла особой любви, и вскоре оставила девочек у родителей покойного мужа в Нортумберленде, а сама вернулась в Лондон. Опасаясь, что Аннабель, получив вдовью свободу, может наделать в Лондоне дел, я быстро перебрал моих друзей и нашел еще одного бестолкового парня, который не мог противиться обаянию таких женщин. Я уже собирался натолкнуть его на мысль сделать ей предложение, когда Аннабель огорошила меня (и все пришедшее в восторг общество, которое принялось смаковать подробности), убежав с главным жокеем принадлежавших ее покойному мужу скаковых конюшен в Эпсоме.

Я пришел в такую ярость, что в течение трех дней не решался ни с кем говорить, не доверяя себе, а когда вышел из своего затворничества, послал за стряпчим, вычеркнул Аннабель из завещания и написал ее свекрови и тестю, чтобы они ни при каких обстоятельствах не позволяли ей видеть детей. Пришедшие в ужас бабушка и дедушка ответили, что абсолютно согласны со мной, и мы все погрузились в ожидание – что-то будет дальше.

А дальше было вот что: Аннабель прекрасно проводила время. Она получала неплохой доход от имения покойного мужа, что позволило ей снять дом в Эпсом-Даунсе, а садясь в седло каждый день со своим новым мужем, она удовлетворяла свою давнюю страсть к лошадям. Общество объявило ее безвозвратно падшей, но было очевидно, что моя дочь бесконечно наслаждалась своим падением.

Прошел год. Возможно, я и дальше оставался бы в разладе с Аннабель, если бы меня тем летом не пригласили на дерби; и хотя мой интерес к лошадям ограничен их использованием на охоте, я решил, что будет любопытно посмотреть на мужа Аннабель в деле. Однако те скачки закончились для него катастрофой. Он упал с лошади, а поскольку мне хватило человечности спросить о его состоянии, то вскоре оказался лицом к лицу с его женой. Я по сей день не могу сказать, как мы с ней помирились, хотя Аннабель, если ей надо, может быть очень обаятельной. Когда позднее я узнал от нее, что жокейская карьера ее мужа закончилась тем падением и они хотят уехать подальше от искусительного блеска эпсомского мира скачек, я предложил ей отвезти его во вдовый дом в Кашельмаре.

Никто из моих друзей не мог поверить, что я простил ее, и нет сомнений – все они считали меня глупцом; но я человек практичный и не видел смысла в отказе признавать брак, который, плохо ли, хорошо ли, был *fait accompli*. Муж ее, конечно, не мог похвастаться благопристойностью и хорошим воспитанием, но он при этом был вежлив со мной и предан

Аннабель. Возможно, их брак и не стал такой уж катастрофой? По здравом рассуждении не стал. Бывают у женщин судьбы и похуже, чем жизнь с любящим мужем. К тому же, хотя я и находил Аннабель несносной, вызывающей негодование, а нередко и просто чудовищной, в глубине души я любил дочь.

– Надеюсь, ты доволен своей поездкой в Америку, – сказала она, подставляя щеку для поцелуя. – Но сейчас хорошо, что ты вернулся в Кашельмару. Я хочу с тобой поговорить о Патрике, папа. Меня его поведение очень беспокоит.

– Потому что он на свой привычный манер убежал от учителя? – Я жестом пригласил ее сесть. – Да, это весьма неприятно, но я беседовал с ним сразу по приезде вчера вечером и считаю инцидент исчерпанным. Как поживает твой муж?

– Превосходно, спасибо. Папа, я думаю, что ты должен максимально изолировать Патрика от Дерри Странахана. Я бы на твоём месте...

– Ты не на моём месте, – отрезал я, – и вряд ли когда-нибудь будешь.

Ничто не раздражало меня больше, чем непрошенные советы от агрессивных, самоуверенных женщин. К тому же я считал невоспитанностью со стороны дочери пытаться учить отца таким образом.

Мое резкое замечание Аннабель пропустила мимо ушей.

– Папа, ты, может быть, не знаешь, но Дерри становится совершенно необузданным. Узнав, что Патрик приехал в Кашельмару, я пришла сюда и увидела его в таких обстоятельствах, что с тобой, увидь ты такое, случился бы апоплексический удар. Я нашла его в столовой с Дерри. Вся комната была залита потинном, а на столе некая девица – это одна из О'Мэлли; кажется, ее зовут Бриджит – танцевала джигу с Дерри. Это, представь себе, было в пять часов дня, когда я предполагала встретить спокойный прием с чаем! Я, конечно, отругала их обоих, а девицу прогнала. Думаю, ничего особо страшного не случилось, но мысль о том, что Патрик находится здесь один без присмотра, меня тревожит. Я предложила ему жить у нас в Клонах-корте, но он отказался, и, если бы я не знала, что ты вот-вот должен вернуться из Америки, я бы просто места себе не находила.

– Безусловно. Что ж...

– Папа, я рассказываю все это не потому, что предлагаю тебе наказать Патрика, который еще слишком юн и не набрался ума, а потому, что уверена: ты должен серьезно поговорить с Дерри. До меня доходили некоторые слухи, а после увиденного в столовой я стала задаваться вопросом: а что бы случилось, если бы я не вмешалась? Что, если бы потом... потом возникли некоторые трудности с этой девицей О'Мэлли? Ты

же знаешь, что О'Мэлли вечно в ссоре с родственниками Дерри из Джойсов.

– Я подумаю, – резко произнес я. – Наверное, займусь этим делом.

Она так раздражала меня, что мне снова пришлось предпринять усилия, чтобы не потерять контроля над собой, а тот факт, что принесенные ею сведения были неприятны, только усиливал мое нежелание обсуждать это с нею.

– Аннабель, позволь предложить тебе что-нибудь?

– Нет, спасибо. Мне жаль, что ты не уделяешь внимания моим словам. Тебе следовало бы подумать...

– Я сказал, что займусь этим. Аннабель... – Я попытался найти новую тему для разговора, но в своей ярости выбрал не ту, что следовало. – Я бы хотел поговорить с тобой о Мариоттах, – опрометчиво заявил я.

– Да? – Аннабель злилась, что я решил сменить тему, и нетерпеливо постукивала ногой об пол.

Я вдруг обнаружил, что понятия не имею, как мне продолжать. Сообщить ей или нет? Я намеревался ничего не открывать до следующей весны, когда Маргарет лично скажет мне, чтобы я огласил наши с ней намерения, но меня одолевало неодолимое желание говорить о ней, и я не понимал, как я могу говорить о ней, не раскрывая наших намерений.

– Ну так я слушаю, папа. Что ты хотел рассказать про Мариоттов?

В тот самый момент, когда я решил промолчать, раздался мой собственный голос:

– Младшая сестра Фрэнсиса Мариотта, Маргарет, следующей весной приезжает в Лондон с женой Фрэнсиса Амелией.

– Правда? – проговорила Аннабель. – Очень мило. Но я теперь, как ты знаешь, совсем не езжу в Лондон, так что вряд ли мне доведется встретиться с ними, если только ты не пригласишь их в Кашельмару.

– Маргарет на следующее лето выходит замуж в Лондоне, – продолжил я таким тоном, каким обсуждают погоду. Теперь я уже сердито спрашивал себя, почему не могу обсудить это с собственной дочерью. Уход от темы может навести на мысль, что я побаиваюсь Аннабель, а это, конечно, полная чепуха. – Я надеялся, что ты приедешь на свадьбу, – добавил я с ноткой вызова в голосе.

– Да нет, – возразила Аннабель, подавляя зевок. – Ненавижу светские свадьбы. А к тому же я никогда не видела Маргарет. И с какой стати она выходит замуж в Лондоне, а не в Нью-Йорке?

– Так удобнее, и она не возражает, – ответил я, переходя Рубикон, овладев к этому времени собой в полной мере. – У ее будущего мужа

собственность в Англии и Ирландии.

– Ирландии! – Наконец-то я привлек ее внимание, и, когда она села прямо как жердь, я с испуганным восторгом понял, что совершил грандиозную ошибку. – Кузина Маргарет приедет в Ирландию? И где живет ее будущий муж?

– В Кашельмаре.

Наступила тишина. Впервые в жизни я видел Аннабель, потерявшую дар речи. Мы сидели лицом друг к другу, она на диване, я – на краешке моего кресла, и мне было слышно, как словно издали часы-автоматон на каминной полке начали отбивать очередной час.

– Ты женишься на кузине Маргарет Мариотт? – наконец медленно проговорила Аннабель.

Делать ничего не оставалось, только попытаться спасти ситуацию, что, впрочем, уже было невозможно, а потому я, хотя и злясь на себя за промахом, сумел произнести спокойным голосом:

– Да. Она прелестнейшая девушка, и я надеюсь, вы легко подружитесь.

– Возможно, я ошибаюсь и у меня проблемы с памятью или она и в самом деле ребенок семнадцати лет?

– Ей будет восемнадцать, когда мы поженимся, а человек в восемнадцать лет уже не ребенок. Аннабель, я понимаю, что это известие не могло не потрясти тебя, но...

– Потрясти! – Она резко встала и принялась натягивать перчатки. – Да, я потрясена. Твое лицемерие всегда меня потрясает. А вспомнить, с какими нравучениями ты обвинял меня в грубой вульгарности, когда я вышла замуж за Альфреда!

– Я бы тебе посоветовал быть поосторожнее и не говорить вещей, о которых ты потом можешь пожалеть. Когда ты познакомишься с Маргарет...

– Не желаю я с ней знакомиться. Это отвратительно! – Она уже шла к двери, но двигалась до странности неровными шагами. – Абсолютно отвратительно! Ты станешь посмешищем всего Лондона. Все будут говорить, что ты впал в старческое слабоумие. Послушай меня, папа, как тебе могло прийти в голову выставить себя в таком виде с молоденькой девицей! Говорю тебе, я в жизни не испытывала большего отвращения!

Моя ярость, прежде направленная на меня самого, теперь неуправляемой волной устремилась на нее. Я ухватил ее за плечи. Не говоря ни слова, я только развернул ее и принялся трясти, пока не понял, что она плачет, и тогда остановился, потому что ее слезы потрясли меня гораздо сильнее, чем любое из ее оскорблений. Я в последний раз видел ее

плачущей в далеком детстве. Она была не из тех женщин, которые проливают шумные потоки слез, и теперь дочь на моих глазах отерла слезы и потянулась к дверной ручке.

– Аннабель... – Я уже горько жалел о том, что дал волю своему гневу, но было слишком поздно.

– Я отказываюсь признавать кузину Маргарет твоей женой, – резко проговорила она. – Ты, конечно, потребуешь, чтобы мы с Альфредом покинули Клонах-корт и поселились где-нибудь в другом месте.

На меня навалилась такая усталость, что едва хватило сил ответить ей.

– Почему твой муж должен нести наказание за твою глупость? – произнес я. – Нет, оставайтесь в Клонах-корте, и надеюсь, настанет день, когда ты преодолеешь эту самую глупость. А тем временем прошу тебя не возвращаться в Кашельмару, пока не захочешь извиниться за свою неприемлемую грубость по отношению ко мне сегодня утром.

Она молча вышла, ее туфли быстро застучали по мраморному полу, а я тут же вернулся за стол, чтобы продолжить послание Маргарет. Но я больше не мог писать. Просто сидел и оглядывал комнату, ни в чем не находя утешения, только часы убаюкивающе тикали на каминной полке, а совсем рядом, у чернильницы, весело улыбался мне Луис из своей маленькой изящной золотой рамки.

Глава 4

1

После жуткой сцены с Аннабель я снова и снова спрашивал себя, почему я совершил такую глупость – разоткровенничался с ней. Доверительный разговор с любовницей был оправдан, поскольку я должен был посвятить ее в планы относительно ее же будущего, но что касается Аннабель, то у меня не было ни малейших оснований развязывать язык до формального объявления о предполагаемом браке. Вероятно, я невольно увидел ее в роли наперсницы, которую всегда так хорошо исполняла Нелл. А может быть, простая истина состояла в том, что Аннабель вызвала у меня сильное раздражение и я в желании разозлить ее потерял разум. Третье вероятное объяснение – будто я превращаюсь во влюбленного юнца, который при первой возможности начинает болтать о предмете своего вожделения, – было, конечно, настолько абсурдным, что я напрочь отказывался его рассматривать.

Но по крайней мере один факт был совершенно ясен. Открывшись Аннабель, я теперь был вынужден открыться и Патрику, прежде чем она сама сообщит ему эту новость. Целых десять минут я тщательно взвешивал, что следует ему сказать, а потом с большой неохотой вызвал его в библиотеку.

– Есть один вопрос, который я хочу обсудить с тобой, – начал я и тут же увидел встревоженное выражение на его лице. Неужели я так часто донимал его неприятными сообщениями? Я настолько разволновался, что оставил заготовленную речь и попытался как можно скорее успокоить его. – Это не имеет никакого отношения к твоему прошлому поведению. Это связано с моей поездкой в Америку и родней твоей матери – Мариоттами. В частности, с твоей родственницей Маргарет, младшей из двух сестер Фрэнсиса Мариотта.

Он молча смотрел на меня, доверчиво ожидая продолжения.

– Я очень увлекся Маргарет, когда с ней познакомился, – признался я, – и пригласил ее в Англию следующей весной.

Снова молчание. Он смотрел на меня с пустым, как никогда, выражением. Глубоко вздохнув, я двинулся дальше:

– Патрик, я решил, что она станет частью нашей семьи. Перед

отъездом я обсудил с ней это, и мы в частном порядке пришли к договоренности, согласно которой летом следующего года мы поженимся в Лондоне.

Сын по-прежнему смотрел на меня, будто ждал продолжения. А я в раздражении спрашивал себя, услышал ли он хоть одно слово из моего монолога, но тут он произнес:

- Папа, это очень приятно. Могу я поздравить тебя?
- Не представляю, что может тебе помешать, черт возьми.
- Да, конечно. Я... поздравляю тебя, папа. Папа...
- Да?
- Папа, а у нее... – Он снова замолчал и покраснел.
- Что – у нее?
- У нее будут дети?
- Мой дорогой Патрик!

– Я совсем не против, – пробормотал он. – Я люблю детей. Но, папа, тебе нет необходимости делать это. Тебе в твоём возрасте наверняка тоскливо жениться на ком-то, поэтому, если ты чувствуешь необходимость жениться, чтобы иметь еще одного сына, прошу тебя, не доставляй себе столько хлопот, потому что я начинаю жизнь с новой страницы. Я буду так учиться, что никогда больше не разочарую тебя.

– Патрик! – окликнул я. – Патрик!

Он замолчал. Его лицо горело серьезностью, в глазах стояли слезы.

– Мое дорогое дитя, – встревоженно сказал я, – ты совершенно неправильно понимаешь мои мотивы.

– Знаю, ты всегда считал меня виноватым в том, что я погубил здоровье мамы. Нелл мне говорила, что ты даже имя мне не хотел выбирать, а назвали меня в честь тебя только потому, что никто не знал, как назвать иначе.

– Если Нелл сказала тебе это, то, надеюсь, она также сказала тебе, что я видел, как умирает твоя мать, и вообще ни о чем другом думать не мог. Неужели ты полагаешь, что я мог так вести себя, будучи в здравом уме? А что касается твоих предположений, будто я виню тебя в состоянии здоровья матери, то ничто не может быть дальше от истины.

– Тогда почему ты всегда так строг со мной? Если бы ты не держал на меня зла, разве ты бы порол меня так часто?

– Мой дорогой Патрик, – произнес я с облегчением, чувствуя, что мы наконец подошли к сути его недопонимания, – ты должен знать, что когда родитель отдает свое время и нервы исправлению своего ребенка, то он делает это из любви к нему, а не из неприязни или недостатка интереса. Тот

факт, что я никогда не оставлял без внимания твое неправильное поведение, должен говорить тебе, насколько ты мне дорог, насколько для меня важно дать тебе наилучшее воспитание. Мне остается только пожалеть, что ты сомневался в моей глубочайшей любви к тебе. Ты – мой наследник. Ничто не может этого изменить, да я и не желаю никаких изменений, хотя мы оба знаем, что твое поведение в последние месяцы оставляло желать лучшего. Но это не имеет никакого отношения к моему намерению жениться, и, даже если Маргарет родит сыновей, ты можешь не сомневаться, что моя любовь к тебе не изменится. А теперь прошу тебя... не надо больше этой глупой болтовни, потому что от нее никакой пользы никому из нас.

Я старался говорить как можно мягче, но, к моему огорчению, он начал плакать. Его душили сильные рыдания, и он закрыл лицо ладонями в неловкой попытке подавить плач.

– Патрик, прошу тебя, – расстроено сказал я, не желая быть недобрим, но зная, что должен проявлять твердость. – Держи себя в руках. Положение дел вовсе не требует такой реакции, и к тому же слезы не подобают мальчику твоих лет, почти мужчине.

Но он зарыдал еще громче. Я раздраженно спрашивал себя, что мне с ним делать, когда раздался стук в дверь.

– Да! – крикнул я, радуясь отвлечению.

– Милорд, – сказал Хейс, – пришел Иэн Макгоуан – он хочет видеть вашу милость, если вы не возражаете.

Макгоуан был моим управляющим в Кашельмаре.

– Пусть подождет.

Как только дверь закрылась, я посмотрел на Патрика и, к счастью, обнаружил, что он вытащил платок и утирает слезы.

– Папа, я правда решил начать с новой страницы, – серьезно заверил он меня. – Я стану совсем новым человеком, обещаю.

Я сказал, что рад слышать это. Наконец отпустил его как можно мягче и, издав вздох облегчения, послал человека в конюшню, чтобы оседлал мою лошадь, а сам пошел вверх переодеться. Полчаса спустя я уже скакал с Макгоуаном по дороге в Клонарин.

Не помню, когда еще у меня было такое изнурительное утро.

Шотландца Макгоуана я нанял после голода, чтобы он помог возродить разоренное имение. Я достаточно имел дело с ирландцами и знал их недостатки. Бесплезно выбирать кого-нибудь из них для сбора арендной платы и экономичного и эффективного руководства имением. Макгоуан, мрачный пресвитерианец, не только умел рассеивать туман ирландских фантазий, сопутствующих вопросу арендной платы, но и проявлял достаточно благоразумия, чтобы участвовать в христианской благотворительности, а это означало, что хотя арендаторы его и не любили, но и ненависти к нему не испытывали. Жил он в удобном каменном доме в двух милях от Кашельмары, но я подозреваю, что комфорт был подпорчен его женой – крупной шотландкой с неизменно угрожающим выражением на лице. Их единственный ребенок – тринадцатилетний мальчишка – рос без друзей; шотландская кровь и род деятельности его отца делали его изгоем в среде ирландских сверстников, но иногда он появлялся в Кашельмаре в надежде подружиться с Патриком и Дерри.

– Как ваш сын, Макгоуан? – тактично спросил я во время нашего объезда имения тем утром.

– Прекрасно, милорд, спасибо. Я собираюсь вскоре отправить его в Шотландию на учебу.

– Правда? В школу на полный пансион?

– В общеобразовательную школу в Глазго, милорд. У моей жены там родственники, и Хью во время учебы может жить у них.

– Понятно, – сказал я, испытывая облегчение оттого, что мне не придется заниматься неблагоприятным делом по поиску нового управляющего. – Прекрасная мысль, Макгоуан.

Мои земли, казалось, находились ни в лучшем, ни в худшем состоянии, чем прежде, по английским стандартам они были плохонькие, но в сравнении с другими ирландскими имениями процветали. После голода мне удалось слить многие фермы в более крупные арендные единицы, которыми можно было прибыльно руководить на английский манер, но оставалось еще бесчисленное число маленьких картофельных полей – их я не стал трогать. Я не походил на моего соседа лорда Лукана, который после голода разогнал своих арендаторов, с намерением улучшить свои земли. Бессмысленное изгнание всех без разбору было тогда – и нередко остается до сих пор – эквивалентом убийства, и, хотя Лукан, вероятно, не подумал об этом, я бы презирал себя, если бы последовал его примеру.

В Клонарине я обменялся несколькими словами со священником, переговорил с патриархами двух ведущих семей – О’Мэлли и Джойс,

осмотрел обещающие, судя по виду, неплохой урожай поля под пшеницей и овсом. Небольшое лесозаготовительное хозяйство, которое я затеял в горах над деревней, судя по всему, потерпело неудачу, и я с разочарованием увидел, что большое количество молодых деревьев за время моего отсутствия погибло.

– Все дело в земле, милорд, – мрачно объяснил Макгоуан. – Ни одно растение не будет процветать на земле, которая ничем не лучше, чем голая скала.

Так Макгоуан в завуалированной форме обычно говорил: «Я же вас предупреждал». Он терпеливо сносил все мои попытки изобретательно организовать хозяйство, но я знал, что сердце его замирало каждый раз, когда я объявлял ему о новом эксперименте. Его слабые попытки остеречь или критиковать мои проекты ограничивались произнесением похоронным тоном следующей фразы: «Позвольте напомнить вам, милорд, что здесь мы не в Англии». Или как в случае моей попытки заняться бататом: «Милорд, есть культуры, которые растут в Америке, Господь не предполагал их выращивания по эту сторону Атлантики».

– Я уверен, что проект лесозаготовок может иметь успех в этой долине, – упрямо сказал я, когда мы осматривали завядшие деревца. – Просто мы посадили их не на той стороне. Я попробую еще раз в другом месте.

– Если ваша милость намерены отобрать картофельные поля у О’Мэлли на верхних склонах Лейнабрики...

– Нет, конечно. Они тогда умрут с голоду, а я уже устал от созерцания моего имения, усеянного трупами.

– Вы могли бы помочь им перебраться в Америку, – не сдавался Макгоуан, которому с большим трудом удавалось выуживать из беднейших О’Мэлли арендную плату.

– Чтобы они умерли как мухи в бостонских подвалах?

– Господь помогает тем, кто помогает себе сам, – пробормотал шотландец, который был убежден, что каждому ирландскому иммигранту предоставляется тысяча возможностей разбогатеть, как только его нога ступает на землю Америки. – Милорд, я бы не оправдал ваших ожиданий как управляющий, когда бы не твердил, что если в земле можно выращивать картофель, то, скорей всего, на ней будут расти и деревья, а поскольку ничего другого там невозможно выращивать из-за большой крутизны склона...

– Хватит! – отрезал я. – К сожалению, О’Мэлли не могут питаться деревьями, поэтому нам придется поискать другое место. Я решил, что

работы в этом направлении нужно продолжать.

Однако, когда мы спускались по склону в Клонарин, я не мог не признаться самому себе, что перспективы лесозаготовок весьма призрачны.

В Клонарине, где мы с Макгоуаном расстались, я подумал: не заглянуть ли мне в Леттертурк, где в доме, построенном моим покойным братом Дэвидом на берегу Лох-Маска, все еще жил его сын, но отказался от этой мысли и поскакал назад в Кашельмару. Я уже повидал на один день достаточно членов моей семьи, и, хотя Джордж был добродушным парнем, меня он всегда раздражал своим угодничеством. Если с Патриком что-нибудь случится, он станет моим наследником, и я могу легко себе представить, каким негодованием он закипит, когда узнает, что я снова собираюсь жениться.

И естественно, я предпочел держаться подальше от Клонах-корта. Один только вид высокого серого дома близ южного берега озера заставил меня поморщиться при мысли об Аннабель, и, хотя весь путь до дому я пытался не думать о нашей ссоре, ее слова не давали мне покоя. Если бы она только не вывела меня из себя тем, что с самого начала попыталась помыкать мной на свой неженственный, недочерний манер! Тогда я бы сдержался и не совершил ошибок. И, кроме того, в том, что касается Дерри, она преувеличивала, я знал это. Мне было хорошо известно, что Дерри склонен к безрассудству, но я люблю горячих парней, к тому же ни одна из его эскапад пока не привела к каким-то серьезным последствиям. Более того, я доверял его разуму, который не позволял ему выставить себя дураком и попасть в черный список своего благодетеля. Его жизнь в самом начале была тяжелой, отчаянной, и ему стало легче, только когда я решил заняться им. Дерри часто мне говорил, что никогда больше не хочет оказаться в нищете.

Аннабель, со своей непростительной самонадеянностью, считала, что не следует обращать внимание на роль Патрика в том происшествии и нужно наказать Дерри. Мне же казалось, что, хотя я к тому времени уже и исполнился решимости не следовать совету Аннабель, моя дочь пришла к ложному выводу. Дерри мог сам позаботиться о себе, а вот Патрик нуждался в моем внимании. Да, я согласился с Аннабель, что нельзя ответственность за случившееся возлагать на него, я решил не делать ему выговоров, но ясно видел, что пришло время вывести его из-под влияния Дерри и дать ему шанс подружиться с кем-то другим. Необходимо расширить его горизонты, дать ему возможность увидеть мир, в котором он в один прекрасный день начнет играть важную роль. Если позволять событиям развиваться самим по себе, то я буду виноват в небрежении

своим долгом. Мой долг перед Патриком и самим собой заключался в том, чтобы составить более честолюбивые планы на его будущее.

С любопытством человека, привыкшего размышлять в категориях «если бы», я часто задаю себе вопрос, что бы случилось, если бы я все же последовал совету Аннабель, но такие размышления, конечно, совершенно не имеют никакого смысла. Я только пытался делать то, что находил правильным.

Но возможно, я бы считал иначе, если бы Аннабель так грубо не оскорбила мои отношения с Маргарет.

3

Из желания относиться ко всем моим детям одинаково я тем вечером написал Маделин и Катерин – сообщил им о моей договоренности с Маргарет, а на следующий день отдал распоряжения подготовить мой и Патрика отъезд в Вудхаммер-холл.

Вечером в день нашего возвращения я решил поговорить с ним. Когда мы отобедали, я сказал ему, что он может остаться со мной и выпить полбокала портвейна, и, когда со стола убрали, я, прежде чем начать свой монолог, набрал в грудь побольше воздуха. Вокруг нас в свете свечей чуть мерцали облицованные деревянными темными панелями стены, а с портрета из своего накрахмаленного рафа на нас презрительно взирал Тюдор де Салис, который очаровал королеву Елизавету. В Вудхаммере было множество облицованных деревянными панелями стен и портретов презрительно смотрящих джентльменов в накрахмаленных воротниках. Я люблю этот дом, ведь он в течение трех столетий оставался единственным домом моей семьи, и было бы странно, если бы я не питал к нему сентиментальных чувств. Тем не менее никуда не уйти от факта: дом спроектирован неважно, он старомоден и в сравнении с Кашельмарой безнадежно прост. И, кроме того, он производит на меня гнетущее воздействие. Такое количество темных панелей придает комнатам мрачный вид, но по какой-то причине – наверное, из безразличия – я так и не озаботился установить в доме газовое освещение, чтобы разогнать мрак.

– Я думаю, настало время дать тебе возможность познакомиться с мальчиками твоего круга, – осторожно сказал я Патрику. – Я знаю, у тебя есть друзья здесь, в Вудхаммере, среди детей прислуги, а в Кашельмаре ты дружен с Хью Макгоуаном и Дерри, но в целом эти отношения оставляют

желать лучшего. Я не забыл: ты мне говорил, что чувствовал себя одиноко в Лондоне, пока я был в Америке, и именно по этой причине убежал в Ирландию, в общество Дерри. И к тому же тебе было скучно, так? Да, конечно, ты скучал. Не сомневаюсь, что и я бы скучал и чувствовал себя одиноким в твоём возрасте, если бы у меня не было брата Дэвида. Понимаешь, Патрик, я много думал об этом и нашел решение, которое тебе понравится. Я решил отправить тебя в школу.

Глаза его широко раскрылись, но от избытка чувств он явно потерял дар речи. Я, довольный его реакцией, продолжил с энтузиазмом:

– Убежден, тебе там понравится. Я никогда не думал об этом прежде, поскольку твои знания находились на таком низком уровне, что мне казалось, домашний учитель подходит тебе лучше всего, но ни один из твоих наставников так и не добился успеха с тобой, и теперь я думаю, что ошибся, – тебе нужен стимул в виде конкуренции. Я решил отправить тебя в школу Рагби. Это знаменитая школа, а имя ее покойного директора доктора Арнольда стало символом реформы в образовании. Я собираюсь сегодня вечером написать нынешнему директору и договориться о том, чтобы тебя приняли со следующего года.

Он смотрел на меня с таким несчастным видом, что я замолчал.

– Папа, я опять вызвал твое недовольствие?

Я вдруг понял, что он вовсе не радуется, – сын в ужасе.

– Да нет, конечно! – воскликнул я, пытаюсь в отчаянии прогнать от себя мысль о том, почему мне так трудно донести до сына мои добрые намерения.

– Тогда зачем отсылать меня?

– Но я же тебе только что объяснил... – Я снова набрал в грудь воздуха и попытался еще раз: – Патрик, учиться в одной из лучших школ в стране вовсе не наказание. Это привилегия! Я хочу, чтобы ты стал счастливее, чем ты был в последнее время, и не сомневаюсь, что школа даст тебе великолепную возможность начать заново... обзавестись новыми друзьями...

– Но мне не нужны другие друзья, кроме Дерри, – вызывающе отрезал Патрик и упрямо сжал рот.

Я старался не выходить из себя:

– Мой дорогой Патрик, я хочу надеяться, ты навсегда сохранишь дружеские отношения с Дерри, но ты должен понять, что, хотя я по разным причинам счел нужным дать ему образование и крышу над головой, он всего лишь сын ирландского арендатора.

И я снова увидел мое возвращение в Кашельмару после голода, увидел

так четко, будто это было вчера: истощенного ребенка, дрожащего на кухне, и кухарку. Она пыталась накормить его какой-то размазней. Из всех в живых остались только кухарка и ее муж, другие слуги, которым я поручил присматривать за домом в мое отсутствие, умерли, и я помню то страшное чувство вины, охватившее меня, когда передо мной предстало это новое свидетельство разорения, принесенного голодом и болезнями. Когда кухарка сообщила мне, что семья ребенка умерла от тифа, я сказал: «Держите его при себе». Он и года бы не прожил в одном из переполненных сиротских приютов. Дети все еще продолжали умирать тысячами, и тем утром я уже видел с десяток детских тел вдоль дороги из Голуэя.

Я сделал над собой усилие, возвращаясь к реальности.

– Ты должен понять, что ты и Дерри достигли того возраста, когда ваши пути неизбежно расходятся, – объяснял я Патрику. – Дерри получил свой шанс, это верно, и если он преуспеет в изучении права, после того как на следующий год покинет школу, то со временем может стать уважаемым членом среднего класса. Но и в этом случае его жизнь пойдет по пути, который ничуть не похож на твой. Ты уже начинаешь взрослеть и должен понимать это. И кстати, Патрик, по поводу твоего взросления...

Я собрался с духом и рассказал ему о некоторых делах, с которыми он столкнется в своей будущей частной жизни.

Многие родители считают, что есть вопросы, о которых они никогда не должны говорить со своими детьми, и в том, что касается дочерей, такое мнение, вероятно, правильно. Все знают, что женщины особо чувствительны к грубым сторонам нашей жизни, и если родители, насколько это возможно, оберегают их от этих грубых истин, то тем самым лишь проявляют доброту к ним. Но я считаю, что отец, который либо отказывается беседовать со своим сыном о таких вещах, либо же решается на такой разговор, когда уже поздно, не выполняет своего родительского долга. Да, мой отец так и не выполнил своего долга по отношению ко мне, но он был наивным, эксцентричным человеком. А вот мой дядюшка Ричард исполнил родительский долг как-то летом в Вудхаммер-холле, и я в более зрелые годы всегда с благодарностью вспоминал этот разговор.

– Я не сомневаюсь, – заявил я Патрику, – что ты уже заметил вполне естественный интерес Дерри к противоположному полу. Тебе, конечно, понятен смысл выражения «соитие».

Он покраснел и с трудом кивнул.

– Превосходно. Теперь я хочу преподать тебе небольшой урок нравственности. Я не священник, к тому же ты уже достаточно взрослый,

чтобы понимать разницу между добром и злом. Я хочу всего лишь поговорить с тобой о вопросах практических. Например, мы оба знаем, что блуд – это грех, которого мужчина должен избегать, но человеческая природа такова, какова она есть, и нередко между тем, что мы должны делать, и тем, что мы делаем, наблюдается некоторое различие. Я хочу тебе теперь посоветовать, как вести себя в практическом смысле, когда ты столкнешься с таким различием. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Патрик сидел со все еще пунцовым лицом, снова кивнул и уставился в свой пустой бокал.

– Ты, будучи привлекательным и богатым молодым человеком, вскоре обнаружишь, что подвержен множеству искушений, – продолжил я, чувствуя себя свободнее теперь, начав морализирование. – Было бы против человеческой природы и с практической точки зрения даже нежелательным для тебя предполагать, что ты сможешь противиться всем этим искушениям. Но когда ты обнаружишь, что не можешь противиться искушению, помни, что существуют некоторые элементарные меры предосторожности, которые ты должен будешь предпринять, чтобы избежать зачатия или заражения плохой болезнью, а нередко и того и другого.

Сын все еще молчал от смущения, и я дал ему необходимые практические советы и выждал несколько секунд, чтобы он переварил услышанное. После этого я добавил:

– Ты не хочешь задать мне какие-нибудь вопросы?

Он отрицательно покачал головой.

– Отлично. Но поскольку уж мы говорим о половом поведении, мне, вероятно, имеет смысл добавить еще несколько слов о предмете, который обычно не упоминается и который – ввиду твоего воспитания – совершенно неизвестен для тебя. В этом мире есть определенные несчастные существа – назвать их мужчинами нельзя, – которые желают соития только с представителями своего пола. Нет нужды говорить, что это явление – порок, крайне отвратительный для всех порядочных мужчин и абсолютно оскорбительный с точки зрения нравственности. Я говорю об этом только потому, что эти существа нередко вожделеют на свой отвратительный манер к мальчикам твоего возраста, а поскольку ты не сможешь вечно вести отшельническую жизнь, то, полагаю, должен знать о существовании такого опасного и извращенного поведения.

Румянец сошел с лица Патрика. Вид у него был больной.

– Боюсь, я был слишком прямолинеен, – продолжал я, – но я говорю только ради твоей же пользы. Мир частенько бывает неприятным местом, а

темная сторона человеческой природы может воистину быть темной. С моей стороны было бы неверно отпускать тебя в школу, рассчитывая на то, что мир – безопасное, приятное место, каким он кажется, когда смотришь на него из окна детской. Ты поймешь это позднее и будешь благодарен мне за этот откровенный разговор.

Патрик попросил разрешения покинуть комнату.

– Да, ты можешь идти, если хочешь, – подтвердил я, спрашивая себя, не нужно ли было отложить эту беседу до тех времен, когда он будет постарше. Но я вспомнил историю, рассказанную Аннабель. Если Патрик достаточно взрослый, чтобы напиваться потином и смотреть, как Дерри танцует джигу с фермерской дочкой на обеденном столе, то он достаточно взрослый и для того, чтобы выслушивать советы по половым вопросам.

Но при этом я почему-то смущенно чувствовал, что беседа прошла не совсем так, как я планировал.

4

Я оставался в Вудхаммере до ноября, потому что охота в этой части Уорикшира великолепна, а я с юности увлекаюсь охотой с гончими. Это время для светского общения, но, несмотря на различные обеды и балы, я сумел закончить статью о маисе, написать доклад о клубнекопателе мистера Эпплби и даже находил время для того, чтобы руководить образованием Патрика. Я не хотел нанимать еще одного бесполезного наставника перед его отъездом в школу в январе. К тому же, поскольку я все лето провел в Америке, считал своим долгом уделить ему побольше внимания зимой.

А Маргарет тем временем писала мне из Нью-Йорка. Она отправляла письма каждую неделю, но, как это часто происходит, если корреспондентов разделяет Атлантический океан, почта приходила нерегулярно, и иногда я целый месяц не получал от нее писем. Она сообщила, что была издана «Повесть о двух городах» и все улицы Нью-Йорка затоплены слезами сочувствия Сиднею Картону. Она писала, что золотая осень в этом году была особенно необыкновенной и они специально снова ездили вверх по Гудзону в «Летний дворец» Фрэнсиса, чтобы увидеть воочию цвета осени. А еще что Фрэнсис попросил ее написать мне, как он добр и щедр к ней, и она считает, что это «слишком самонадеянно» с его стороны, хотя брат недавно и купил ей «длиннополый

плащ» с соболиным воротником на зиму. Фрэнсис твердил ей, что она обязательно должна упомянуть этот плащ. «Хотя я понять не могу, почему ему так хочется произвести на вас хорошее впечатление, – добавила Маргарет. – Неужели есть какая-то тайна, которую никто не осмеливается сообщить мне?»

Я улыбнулся, но ответил уклончиво. Она никогда не услышит от меня слов, порочащих ее брата.

Никому из знакомых в Уорикшире я не рассказывал о моей договоренности с Маргарет, но перед отъездом из Вудхаммера поделился с моим ближайшим другом лордом Дьюнеденем, который в то время гостил у меня. Я получил два недовольных письма от моих дочерей Маделин и Катерин и надеялся, что Дьюнеден, вдовец со взрослыми дочерьми, поймет меня.

«Спасибо за твое письмо с известием о намерении жениться на кузине Маргарет Мариотт, – написала с обескураживающей краткостью Маделин из своего монастыря в Дублине. – Я, конечно, желаю тебе счастья и буду каждый день молиться за тебя. Остаюсь твоей преданной сестрой во Христе...»

Осуждение, облаченное в религиозный язык и приправленное обещанием ежедневных молитв, было для меня весьма оскорбительно, но, прочтя послание от Катерин из Санкт-Петербурга, я и вовсе закипел от ярости.

«Дорогой папа, – писала она аккуратным почерком. – Спасибо за твое письмо. Мы с Эндрю, конечно, весьма удивились, узнав о твоих брачных намерениях в отношении кузины Маргарет Мариотт. Мы оба желаем тебе счастья, но не можем поздравить тебя от сердца. Напротив, поскольку я очень желаю тебе счастья, я бы попросила тебя пересмотреть твое решение, если бы не понимала, что не имею права давать тебе советы в таком интимном и личном вопросе. Однако вместо этого хочу напомнить тебе, что общество искоса смотрит на браки, в которых разница в возрасте между супругами столь велика, и, хотя американские семьи, имеющие хорошие связи, могут быть приняты в надлежащих кругах, восхищение они вызывают редко, поскольку их манеры часто несовместимы с английскими правилами поведения. Я не желаю кузине Маргарет оказаться несчастной в обществе вследствие тех ее недостатков, в которых она не может и не должна быть обвинена. Точно так же не желаю тебе, дорогой папа, человеку, столь уважаемому твоими друзьями, стать объектом злословия тех, кто сочтет такой брак категорически неподобающим. Заверяя тебя в том, что мы с Эндрю хотим выразить тебе лишь нашу глубочайшую любовь

и озабоченность, остаюсь твоей преданной дочерью Катерин».

Я пришел в такой гнев от этого отвратительного изъяснения дочерней почтительности, что немедленно показал письмо Дьюнедену и рассказал ему всю историю.

– Боже милостивый! – воскликнул он, прочтя письмо. – Не могу себе представить молодую девицу, которой хватает смелости разговаривать с тобой таким языком, де Салис... к тому же если эта девица Катерин! Я никогда не забуду, какой тихой, застенчивой мышкой она была! Ай-ай-ай!

Именно таких слов я от него и ждал.

– Бога ради, Дьюнеден, представить только, если бы одна из твоих дочерей написала тебе такое письмо! Но ты его не одобряешь, верно?

Он заверил меня, что не одобряет.

– Но, де Салис, ты уверен, что было благоразумно сообщать своей семье о договоренности с мисс Мариотт, настолько опережая время официального объявления о браке? В конечном счете до будущей весны может еще бог знает что случиться.

– Насколько я понимаю, ты предполагаешь...

– Семнадцатилетние девицы переменчивы. Де Салис, если бы ты не был моим дорогим другом, я бы не говорил тебе об этом, но...

– Ты думаешь, я выставил себя дураком в Америке.

– Речь не об этом. Ты был вдали от дома в незнакомом обществе. Я не хочу сказать, что такие обстоятельства могут повлиять на суждения мужчины, но...

– Ты считаешь, что я впал во временное слабоумие, когда сделал ей предложение. Отлично, – холодно сказал я, – мы больше не будем говорить на эту тему. Я прошу прощения, что поставил тебя в неловкое положение своей откровенностью.

– Мой дорогой друг...

– Мы больше не будем говорить об этом! – категорически отрезал я, и после этого он уже не решился продолжать.

Меня настолько расстроило его отношение, что я отменил обычную свою поездку в Кашельмару, поехал вместо этого в Лондон. Я был не в настроении ни заниматься делами поместья, ни приветствовать часы одиночества, которые были неизбежной частью моих посещений Кашельмары. Вместо этого я проводил время в клубе за разговорами о политике с другими, рано вернувшись в город, а в домашней библиотеке готовил лекцию, которую меня пригласили прочесть в январе в Королевском сельскохозяйственном колледже в Дублине. Еще я заезжал к моей любовнице, поскольку лишь она считала мой брак с Маргарет

правильным и естественным, но, как это ни странно, чем чаще я к ней ездил, тем меньше меня интересовали постельные утехи с ней. Поскольку же нам не о чем было говорить за пределами спальни, то, казалось, не имеет смысла совершать утомительные поездки в Мейда-Вейл.

«По Гудзону уже плывут огромные ледяные глыбы, – писала Маргарет в декабрьском письме, – и все нищие на улицах посинели от холода. Какой ужасный климат! Не могу поверить, что весна когда-нибудь наступит. Но я перестаю ныть и расскажу Вам теперь о Важных Делах, поскольку все руководства по переписке говорят, что именно это я и должна делать! Джона Брауна в итоге повесили. Не ужасно ли? Лишнее доказательство того, насколько варварские Там у Них нравы. И я не вижу причин, почему бы им не отделиться, – скатертью дорога, сказала бы я. Ну вот. Хватит о Важных Делах и о руководствах по переписке! Теперь я поведаю Вам обо всем интересном, например о Вашем описании круга знакомых в Уорикшире и о том, как бы мне хотелось обедать с Вами в Вудхаммере под строгим присмотром Человека в Рафе. Кстати, о рафах; я теперь делаю вид, что читаю новую книгу о Филиппе Втором Испанском, но если по секрету, то я читаю „Невидимую руку“, это просто восхитительно, хотя Фрэнсис считает такие романы дурновкусием».

А в конце письма она еще раз написала: «Вам не кажется, что эта весна никогда не наступит?»

Я ответил, что иногда кажется, но стоит мне взять перо и начать писать ей, как пасмурность зимы исчезает, туман растворяется и я перестаю слышать дождь за окном библиотеки. К этому времени я стал писать ей чаще, хотя теперь, оглядываясь назад, не могу понять, как находил для этого время, поскольку был очень занят. С наступлением нового года мы с Патриком поехали в Рагби, а оставив его в школе, я поспешил в Ирландию читать лекцию в Королевском сельскохозяйственном колледже. Чуть было потом не отправился в Кашельмару, но передумал, поскольку начиналась новая сессия парламента, и я, как и всегда, горел желанием занять мое место в палате лордов.

Я считал все более важным занимать себя делами, и какое-то время мне это успешно удавалось. Весь февраль посвятил Вестминстеру, а в начале марта, в тот самый день, когда получил одно из моих драгоценных писем от Маргарет, директор Рагби прислал телеграмму, в которой известил, что Патрик убежал из школы.

Глава 5

1

Я не мог сразу же уехать из Лондона, но отменил все дела и сел на ближайший поезд в Мидлендс. Я настолько был уверен, что найду Патрика в Вудхаммере, что даже не остановился там, а поехал прямо до Рагби, чтобы переговорить с директором.

Разговор был не из приятных. Мне откровенно заявили, что Патрик не нашел себя в школе: он не желал работать на уроках, никак не реагировал на попытки призвать его к порядку. В связи с тем что мой сын явно не мог воспользоваться теми преимуществами, которые предоставляла ему школа, ради его же пользы Патрика желательно забрать из Рагби и продолжить его образование с частными учителями.

– Вы хотите сказать, что он исключен? – в ярости спросил я.

– Не исключен, лорд де Салис. Мы вам советуем его забрать.

– Не разговаривайте со мной эвфемизмами! Вы исключаете моего сына, потому что не можете его учить! Вы валите с больной головы на здоровую.

– Лорд де Салис, уверяю вас, вы ошибаетесь. – В отличие от меня, он не терял контроля над собой. – Мне было бы легче легкого сказать, что сыну такого выдающегося человека, как вы, будут по-прежнему рады в Рагби, несмотря на его нежелание учиться и несмотря на факт его побега. Но если бы я занял такую позицию наименьшего сопротивления ради вашего хорошего отношения и не поднял бы эту неприятную тему, то я бы изменил своему долгу директора, состоящему в том, чтобы делать то, что лучше всего для учеников. Естественно, мы оба желаем всего наилучшего для Патрика, и, поверьте мне, лорд де Салис, если мы вернем Патрика в Рагби, это не пойдет ему на пользу.

Я уехал. Понимал, что не имеет смысла защищать проигранное дело, но все еще очень сердился, а добравшись до Вудхаммера, просто кипел от ярости.

– Скажите моему сыну, что я хочу немедленно его видеть! – резко бросил я дворецкому, направляясь в большую гостиную.

– Вашего сына, милорд? – удивленно переспросил Помфрет, и вся моя ярость испарилась, когда я понял, что Патрика нет в Вудхаммере.

Я прошел в курительную, куда Помфрет принес мне бренди с водой, и уставился в окно на елизаветинский сад. Патрик, вероятно, в Ирландии. Он будет ждать в Кашельмаре возвращения Дерри из его маленькой католической школы с пансионом в Голуэе в конце пасхального семестра. Я должен был это предвидеть: несмотря на все мои душеспасительные разговоры, сын при малейшей возможности будет искать компании Дерри.

Следующим утром я уехал из Вудхаммер-холла в Холихед – первый пункт на моем пути в Ирландию.

2

Я спешил и, когда узнал, что в Голуэе нет частных экипажей внаем, сел в дилижанс, направляющийся в Линон. На перекрестке, откуда шла дорога на Кашельмару, я взял клячу у одного из моих арендаторов, чтобы не идти пешком, но к этому времени с затянутого тучами неба полился дождь, и, добравшись до дому, я, чтобы не сказать большего, продрог, устал и пребывал в подавленном состоянии.

– Где мой сын? – спросил я Хейса, прежде чем он успел приветствовать меня на пышный ирландский манер.

– Ваш сын, милорд? – удивился Хейс, в точности повторяя Помфрета в Вудхаммер-холле.

– Бога ради, Хейс, он здесь или нет?

– Он был здесь, милорд, но вчера ночью с Дерри Странаханом уехал к вашему племяннику мистеру Джорджу де Салису в Леттертурк-Грандж.

– Что? – Мне стало казаться, что я теряю разум. – Хейс, то, что вы говорите, лишено смысла. С какого рожна мой сын и Дерри Странахан, который все еще должен быть в школе в Голуэе, уезжают отсюда посреди ночи к моему племяннику?

Хейс предпринял героическую попытку объяснить случившееся:

– Беда в долине случилась, милорд, большая беда, и они вдвоем решили незаметно, как пара полевок, покинуть долину, чтобы ни одна живая душа их не видела.

– Что за беда?

– Ужасная беда, милорд, да защитит нас всех Пресвятая Богородица.

Я от раздражения готов был схватить его за лацканы сюртука и ударить о стену.

– Хейс... – начал было я, но тут же сдался.

Ожидать от него связного объяснения не приходилось, и вообще мне не нравилось расспрашивать слугу о низких слухах, в особенности еще и потому, что мой сын и мой протеже каким-то образом так себя дискредитировали, что им пришлось покинуть долину под покровом ночи. Вероятно, они и в самом деле оказались в отчаянном положении. Патрик не любил своего кузена Джорджа, который был на двадцать лет старше его, и в обычной ситуации он бы искал общества Аннабель в Клонах-корте.

– Хейс, мне нужна горячая ванна, еда и немного бренди с водой. После этого я поеду в Клонарин, поэтому прошу вас распорядиться, чтобы моя лошадь была готова, когда я решу ехать. Да, и еще пошлите, пожалуйста, экипаж в отель в Линоне, где ждет Пиарс с моим багажом, и пусть кто-нибудь из мальчишек-конюхов отгонит эту безнадежную клячу Тимоти Джойсу, что живет на дороге в Линон.

Стало ясно, что я должен поговорить со священником, чтобы узнать точно, что за беда случилась и каковы ее масштабы.

Когда я подъехал к Клонарину, дождь немного стих. День еще только начинал клониться к вечеру, но никто вроде бы не работал в полях и не делился слухами с соседями. Эта тишина беспокоила меня; пустые дома напоминали мне дни возвращения в долину после голода, и я, подхлестнув коня, поспешил прямо в деревню.

Клонарин – не деревня в английском смысле этого слова, потому что здесь нет ни магазинов, ни отделения почты, ни деревенской площади, ни таверны, ни гостиницы для коммивояжеров. Большинству жителей едва хватает средств на пропитание; они обмениваются товарами или же покупают необходимое у проезжих ремесленников. Нет здесь и хороших домиков с садиками, только хижины стоят при дороге, пестрое собрание мазанок и соломенных крыш, смрад открытых сточных вод перемешивается с едким дымком горящего торфа и отвратительной вони свинарников. Церковь стоит отдельно за хижинами, а кладбище, громадное и таинственное, тянется по склону горы к небесам.

Я услышал звуки схватки, как только добрался до угла, за которым моему взгляду открылась церковь. Воздух наполнился ирландскими проклятиями, местными ругательствами и омерзительным хрустом деревянных жердин.

Вид драки между разными семьями всегда приводит меня в бешенство. Я много лет в Вестминстере убеждал других лордов, что ирландские крестьяне заслуживают лучшей жизни, чем средневековые английские вилланы, и, видя, как эти самые крестьяне в их первобытном состоянии валяются в грязи, словно дикари, я неизменно погружаюсь в

отчаяние.

Я поднялся в стремянах и прокричал во всю силу легких по-ирландски:

– Именем Бога Всемогущего и всех Его святых, что здесь происходит?

Если ты говоришь по-ирландски, очень легко перейти на католический язык.

Ближайшие драчуны прекратили драться и повернулись ко мне, разинув от удивления рот. Воспользовавшись их замешательством, я врезался в толпу дерущихся и закричал на тех, кто еще продолжал молотить друг друга. Когда наконец все перестали драться, я насчитал три тела на дороге, около сорока тяжело дышащих членов семей О’Мэлли и Джойс и господь знает сколько женщин и детей, плачущих у стен и в дверях.

– Вы кровожадные пустоголовые кельтские идиоты! – завопил я на них, а увидев мелькнувшую черную сутану, заорал вслед убегающему священнику: – Отец Донал!

Смущенный священник бочком вернулся. Он был молодой, не старше тридцати, а поскольку обычно вел себя вполне благоразумно, я подозревал, что его вороватые повадки объясняются стыдом за то, что я видел его неспособность остановить драку.

– Почему вы убегаете от вашего стада?

– Я...

– Не придумывайте себе оправданий! Унесите раненых с дороги, посмотрите, насколько тяжело их состояние. Где Шон Денис Джойс?

– Здесь, милорд, – отозвался патриарх семейства Джойс; из раны на его голове все еще капала кровь.

– А где Шеймас О’Мэлли?

В ответ – тишина. Они все стояли, смотрели на меня, а за ними, насколько видел глаз, ничто не двигалось, кроме облаков, наплывающих на Мать Дьявола – гору в дальнем конце озера. Дождь перестал. Воздух был прозрачен и холоден.

– Ну так где он? – спросил я. – Отвечайте мне кто-нибудь!

Вперед вышел молодой человек. Его лицо показалось мне знакомым, но в тот момент я не мог вспомнить его имя. Он был очень невежественный, неотесанный, с первого взгляда видно, что смутьян.

– Лорд де Салис, Шеймас О’Мэлли мертв, – ответил он, к моему удивлению, не только на бойком, но и разборчивом английском.

Большинство ирландцев теперь немного говорят по-английски, когда хотят, а понимают гораздо больше, чем могут сказать, но услышать

хороший английский в этом медвежьем углу Ирландии, в особенности когда хватило бы и ирландского, было делом чрезвычайным.

– Как тебя зовут? – спросил я, заинтригованный настолько, что даже забыл о драке.

– Максвелл Драммонд, милорд.

Такое имя для крестьянина было слишком величественным. Я уже думал, что неправильно расслышал его, но вдруг имя Драммонд задело какую-то струну в моей памяти, и я вспомнил, кто он. Его отец, один из лучших моих арендаторов, пришел с севера, а все знают, что люди из Ольстера ничуть не похожи на людей из Коннахта.

– Ах да, – сказал я. – Драммонд. Ты подросток, с тех пор как я видел тебя в последний раз. Неудивительно, что я не сразу вспомнил. Что ты здесь делаешь?

– Моя мать была О’Мэлли, милорд.

– Да. Конечно.

Мысленно упрекнув себя за вторую промашку, я глянул на семейство О’Мэлли. Они молча смотрели на нас.

– Мне нужно, чтобы кто-нибудь из вас поговорил со мной, – объяснил я им по-ирландски. – Кто будет говорить от О’Мэлли?

– Я буду говорить от них, милорд, – ответил молодой Драммонд, а потом смело добавил своей родне: – Если я стану говорить на его языке, он быстро окажется на нашей стороне.

Я позволил себе циничную улыбку, но О’Мэлли, самый бедный и смиренный клан в долине, несмотря на свое численное превосходство, явно были поражены лихостью парня и не видели ничего наивного в его предложении.

– Отец Донал? – окликнул я священника.

– Да, милорд?

Раненых уносили в ближайшую хижину, а священник собирался исчезнуть следом за ними в дверях.

– Кто-нибудь мертв?

– Нет, милорд.

– Умирает?

– Нет, милорд.

– Хорошо, значит, в настоящий момент никто в ваших услугах не нуждается и вы можете проводить меня, Шона Дениса Джойса и молодого Драммонда в ваш дом, чтобы закончить разногласия мирно. Что касается остальных... – я напустил на лицо самое суровое выражение, – немедленно возвращайтесь к работе. Если сегодня еще кто-нибудь ударит кого-то, я

лично предам его суду и отправлю за решетку.

Они мрачно разошлись, злясь, что я пресек их забаву. Направляясь к хижине священника у церкви, я слышал, как они что-то недовольно бормочут друг другу.

Дом отца Донала для этой части Ирландии был просто роскошен. В нем имелись не только окна, но и два камина – один для всего дома, а другой для комнаты «под» кухней, где священник спал. В доме была и еще одна комната за стеной очага, или «над» кухней, как говорят ирландцы, там спала его сестра, ведавшая домашним хозяйством. Сама кухня представляла собой большое помещение со столом, несколькими стульями, вместительным комодом и даже буфетом у одной из стен. На стене у плиты висело множество кастрюль и сковород, а на металлическом стержне над огнем – ведро с медленно закипавшей водой.

Сестра отца Донала смутилась при виде меня. Я принял ее предложение выпить чая и благодарно сел на лучший стул у огня.

– Итак, Максвелл Драммонд, – произнес я, обращаясь к парню, – ты можешь начинать, только, пожалуйста, по-ирландски, чтобы Шон Денис Джойс потом не говорил, что понял не все из сказанного тобой.

Парень метнул на меня свирепый взгляд, но взял себя в руки и приступил к своему короткому рассказу. Должен признать, говорил он хорошо. Сделав себе заметку на память спросить у Макгоуана, как парень хозяйствует на своей земле после смерти год назад Драммонда-старшего, я начал внимательно слушать первую версию бедствия.

Все обстояло хуже, чем я опасался. Когда он закончил, я не стал комментировать, только принял еще чая от сестры отца Донала и обратился к патриарху семьи Джойс:

– Итак, Шон Денис Джойс, теперь ваша очередь говорить.

Джойс, который был не менее чем в три раза старше Драммонда, произнес сумбурную речь о сбившихся с пути женщинах и о том, что возмездие за грех – смерть.

– Разве не так, отец? – добавил он негодуя, обращаясь в конце своей речи к священнику.

– Воистину так, Шон Денис Джойс, – с сомнением в голосе ответил священник и стрельнул в меня встревоженным взглядом.

– Понимаю, – заключил я, прежде чем Джойс успел начать новую речь. – Значит, вы оба утверждаете, что Родерик Странахан, который не только твой родственник, Шон Денис Джойс, но еще и мой воспитанник, соблазнил жену Шеймаса О’Мэлли – твоего родственника, Максвелл Драммонд. О’Мэлли считал – справедливо или нет, – что у Странахана

дурная репутация, и, когда увидел, как тот разговаривает с его женой днем ранее на этой неделе, заподозрил худшее. Вчера он незаметно пошел за своей женой к развалинам хижины Странахана по другую сторону залива и застал свою жену и молодого человека в определенных обстоятельствах. Ни один из вас не может охарактеризовать точно эти обстоятельства, но, каковы бы они ни были, вы оба сходитесь в том, что О'Мэлли рассвирепел и попытался зарезать Странахана. В этот момент появился мой сын Патрик, прятавшийся в развалинах, и сбил О'Мэлли с ног, дав таким образом Странахану шанс скрыться. О'Мэлли быстро пришел в себя, но, увидев, что Странахан и мой сын уже успели убежать достаточно далеко, впал в такую ярость, что сначала ударил ножом свою жену, а потом убил себя. Каким-то чудом его жена осталась жива и смогла поползти до ближайшей хижины и попросить о помощи. – Я помолчал. – Вы оба согласны с тем, что обе ваши истории сводятся именно к этому?

Им пришлось согласиться со мной. Я допил чай и встал.

– Я хочу поговорить со вдовой, – сказал я отцу Доналу. – Отведите меня к ней, пожалуйста.

Хижина Шеймаса О'Мэлли находилась на южном берегу озера, откуда был виден Клонах-корт и загон, где муж Аннабель разводил скаковых лошадей. Воспоминание об Аннабель и ее совете в тот момент были для меня невыносимы. Повернувшись спиной к Клонах-корту, я снова спешил и последовал за отцом Доналом мимо куч торфа и свиного навоза в темное, дымное нутро хижины.

На соломенном матрасе лежала в жару женщина. Поскольку у нее сохранились все зубы, я решил, что ей едва перевалило за двадцать. После того как отец Донал осторожно объяснил ей, что я хочу с ней поговорить, я задал один или два вопроса, выслушал ее жалостные, сбивчивые ответы. Долго я в хижине не задержался. Быстро узнав все, что мне требовалось, и оставив отца Донала с несчастной, я вышел на дорожку, где Драммонд и Джойс ждали меня с моей лошастью.

Я забрался в седло.

– Прежде чем вынести решение, я должен поговорить с моим сыном и Родериком Странаханом, – решительно заявил я им. – Но вы можете не сомневаться, что, выслушав все показания, я поступлю по справедливости.

– Если вы сочтете, что Дерри Странахан виновен, вы его выгоните из своего дома, милорд? – спросил Драммонд на своем необыкновенно хорошем английском. – Вы ему скажете, чтобы он больше никогда не появлялся у вашей двери?

– Придержи язык, парень, – отрезал я. – Я беспристрастно выслушал

вас и обещал поступить по справедливости. Просить о чем-то большем – верх дерзости. Всего доброго вам обоим.

И, усталый и с болью в сердце, я поскакал к дому моего племянника Джорджа в Леттертурк.

3

Мой племянник Джордж, грубоватый, душевный и добродушный парень, жил холостяком, увлекался охотой, ловлей рыбы и часто объезжал свое маленькое имение с хозяйским выражением лица. Раз в год он ездил в Дублин, чтобы показаться в Замке, но в остальном его светская жизнь сводилась к посещениям Кашельмары во время моих приездов и редких обедов с другими сквайрами, жившими на берегу Лох-Маска. Я всегда расстраивался оттого, что мой брат Дэвид вырастил такого никудышного сына. Впрочем, чувствовал и собственную несправедливость по отношению к Джорджу, который, невзирая на все свои недостатки, был вполне достойным племянником.

– Мой дорогой дядюшка! – изумленно проговорил он, поспешив встретить меня, как только я остановил своего скакуна перед его дверями. – Слава богу, что вы приехали.

– Патрик у тебя?

– Да... и этот дерзкий щенок Странахан. Бог мой, дядюшка, если бы вы не приехали, клянусь, я бы вышвырнул его из дома. Всякому терпению в конечном счете есть предел...

– Джордж, я чертовски устал. У тебя есть конюх, чтобы взял мою лошадь?

– Да-да, конечно, дядюшка. Простите. Питер! Возьми лошадь лорда де Салиса! Заходите, дядюшка, присаживайтесь, отдохните...

Мне удалось вытянуть из него стакан бренди, и, почувствовав себя лучше, я сказал ему, что хочу увидеть Патрика наедине. Сыну понадобилось десять минут, чтобы набраться мужества и прокрасться в комнату. Выглядел Патрик бледно, и я даже рот не успел открыть, чтобы выбранить его, как он начал плакать.

– Бога ради, Патрик, возьми себя в руки, не веди себя как младенец в пеленках! – Я был более резок, чем следовало, но ничто не могло вывести меня из себя сильнее, чем эта готовность лить слезы. – Мы начнем с самого начала, – сказал я, с трудом сдерживая себя и говоря спокойным голосом. –

Почему ты убежал из школы?

– Я ее ненавижу, – проговорил он, рыдая еще сильнее. – Я пытался ее полюбить, но у меня не получилось.

– Почему?

– Она как тюрьма. Я не понимаю, зачем меня нужно запереть в таком месте. Я не сделал ничего плохого.

Я проигнорировал его неуклюжую попытку вызвать жалость к себе.

– У тебя были трудности с уроками?

– Я не понимаю латыни и греческого. Я старался, но я ничего не понимаю.

Новые рыдания.

– Ты подружился с кем-нибудь из ребят?

– Никому из них не нравится то, что нравится мне.

Его слова меня ничуть не удивили – я знал его склонность к работе руками и другие низменные интересы.

– Наверное, кто-то из них проявлял к тебе недоброжелательность, – продолжал я, стараясь не показывать своей неприязни. – Но, Патрик, ты должен научиться защищать себя и стоять на собственных ногах! Я думаю, школа поначалу жесткое место, но...

– Ты и представить себе не можешь! – воскликнул он, явно слишком расстроенный, чтобы заметить, как грубо обрывает меня на полуслове. – Ты никогда не учился в школе. Не знаешь, что там творится!

– Единственная причина, почему я не учился в школе, состоит в том, что, когда я был в твоём возрасте, частные школы имели дурную репутацию и патронировали их исключительно представители средних классов. Но за последние тридцать лет система образования улучшилась, и поскольку я верю, что нужно идти в ногу со временем...

– Я туда не вернусь! Никогда!

– Это верно, они тебя не возьмут. – Я пытался не впасть в отчаяние, жалел, что усталость переполняет меня, и недоумевал, что мне, черт побери, делать с ним дальше. – Поскольку, как мне представляется, сейчас обсуждать проблемы твоего образования бессмысленно, – продолжил я ровным голосом, наливая себе еще бренди, – давай вернемся к предмету твоей внешкольной деятельности. Чья это была идея – отправиться в Ирландию?

– Дерри написал, что его школа закрывается раньше из-за вспышки тифа.

– Он тебе предложил убежать и присоединиться к нему?

– Нет. – Сын энергично покачал головой. – Дерри только написал, что

был бы рад видеть меня в Кашельмаре.

– Чтобы ты мог поаплодировать его последним достижениям в области блуда!

– Папа, я не совершил ничего плохого. Я не прикасался ни к одной женщине. Я только иногда смотрел, как он... целует их. Единственное, что я сделал, – это ударил Шеймаса О’Мэлли по голове. Но я был вынужден это сделать, иначе он бы убил Дерри. Этот человек несся на него с ножом как сумасшедший.

– Хватит! – сухо отрезал я. – Наверное, я должен радоваться хотя бы тому, что ты верен своим друзьям. А теперь, Патрик, оставь меня, пожалуйста, и скажи Дерри, что я хочу немедленно его видеть.

– Да, папа... но, папа, разве ты не накажешь меня?

Он словно чувствовал разочарование. Поспешно прогнав это впечатление, эту странную иллюзию, я решил: сын просто не может себе представить, что уйдет безнаказанным.

– Ты, безусловно, будешь наказан, – тут же ответил я. – При первой возможности отправлю тебя в другую школу. А теперь немедленно пришли ко мне Дерри.

Он поковылял прочь. Я подумал, не налить ли себе третью порцию бренди, когда дверь открылась и в комнату вошел Дерри Странахан.

На его лице было подобающее выражение, даже его движения были какие-то покаянные. Он остановился в шести футах от кресла, в котором я сидел, смиренно потупил взгляд в ожидании неминуемой вспышки гнева.

– Итак, Родерик... – проговорил я ровным тоном, решив, что не буду унижать себя потерей самообладания и лишать его возможности изложить мне свою версию. – Я выслушал Шона Дениса Джойса, выслушал Максвелла Драммонда, я выслушал Патрика, а теперь, полагаю, должен выслушать тебя. Что ты можешь мне сказать?

– Я невиновен, милорд, – сразу же ответил он, слова скатились с его языка с той же готовностью, с какой расплавленное масло льется с наклоненной тарелки. – Я могу только пожалеть, если моей невиновностью доставил вам неприятности.

– Понятно, – протянул я. – Один человек мертв, его жена, возможно, умирает, в драке покалечено несколько крестьян, мой сын был вынужден прибегнуть к насилию, спасая тебя, но ты невиновен. Продолжай.

– Милорд, никакого блуда не было... и встреча эта состоялась не по моей инициативе. Эта женщина умоляла меня встретиться с ней...

– В развалинах твоего прежнего дома?

– Да, милорд. Понимаете...

Наконец терпение мое лопнуло.

– Хватит! – прокричал я, вскочив на ноги так быстро, что он отпрыгнул. – Немедленно выкладывай правду, потому что больше ни одного слова лжи я от тебя слушать не желаю! Ты соблазнил эту женщину, так?

– Нет, милорд, – сказал он, но тут увидел мое выражение. – Да, милорд.

– Эта женщина была на самом деле только последней жертвой твоих эскапад с противоположным полом. Это верно?

Теперь он посмотрел на меня испуганно. Я видел, как с его лица сползла актерская маска.

– Я... я никому не хотел зла.

– Никому не хотел зла! Ты соблазнил жену такого гордого, ревнивого, горячего человека, как Шеймас О'Мэлли, ты бездумно пошел по пути, который непременно должен был разрушить жизнь этой несчастной женщины, и ты заявляешь, что никому не желал зла?

Вся его бойкость исчезла. Лицо посерело.

– Родерик, слушай меня. – Я заставил себя говорить более спокойно. – Я не так давно объяснял Патрику, что не осуждаю молодых людей, которые не могут противиться определенным соблазнам. Но осуждаю молодых людей, которые думают только о себе, которые относятся к женщинам – не важно, к каким женщинам, – без доброты, без порядочности, которым наплевать, сколько жизней они погубят, лишь бы удовлетворить свои желания. Шеймас О'Мэлли умер от своей собственной руки. С этим, по крайней мере, ясно, но мне также ясно, что семья О'Мэлли считает тебя отчасти виноватым в этой трагедии. Подумай еще раз, Родерик! Можешь ли ты честно сказать мне с чистой совестью, что ты ни в чем не виноват?

Он, конечно, не мог этого сделать. После нескольких секунд внутренней борьбы сбивчиво объяснил, что хотел бы загладить то зло, которое причинил.

– Не сомневаюсь, – бросил я, – но что сделано, то сделано, мы оба это знаем. В сложившейся ситуации есть только одно решение. В долине ты не можешь оставаться, потому что О'Мэлли превратят твою жизнь в ад. Тебе придется оставить Кашельмару.

Ничто не могло напугать его больше, чем эти слова.

– Пожалуйста, милорд, – пробормотал он, едва ворочая языком, – пожалуйста, не выкидывайте меня в мир без единого шиллинга.

– Мой дорогой Родерик, – холодно ответил я, – по глупости или по каким-то иным причинам я потратил немало времени и денег на твое

воспитание, а для меня пустая трата времени и денег – самое последнее дело. Ты вел себя крайне безответственно и приложил немало усилий, чтобы продемонстрировать мне свою незрелость, но ты хорошо учился, и нет сомнений в том, что ты подаешь надежды. Я все еще предполагаю отправить тебя в университет, но при этом собираюсь на несколько лет удалить из Ирландии.

Я читал его мысли: он рассчитывал, что я отправлю его в Оксфорд и позволю на каникулы приезжать в Вудхаммер-холл. Он никогда не был в Англии. Оставляя его в Кашельмаре, где в мое отсутствие за ним присматривали Хейс и его жена, я давал ему понять, что, несмотря на все мое милосердие, он не должен считать себя членом моей семьи.

– Это очень щедро с вашей стороны, милорд. – Радость так переполнила его, что в глазах появились слезы. – Знаю, я не имею права теперь надеяться на то, что вы отправите меня в университет.

– Нет-нет, я тебя отправлю в университет. Ты поедешь учиться в Германию, во Франкфурт. Более того, ты останешься там на три года, и за это время ни разу твоя нога не ступит на землю Англии или Ирландии. Ты понял?

Он понял. И пришел в ужас:

– Франкфурт! Но, милорд, я не говорю по-немецки!

– Выучишься.

После этого он замолчал. Я видел, как к нему медленно приходит понимание того, что я вынес решение, которое устроит как Джойсов, так и О’Мэлли: изгнание, но не полный позор. Я в отношении его умывал руки, но в то же время продолжал поддерживать материально.

– Для тебя это будет интересный опыт, – добавил я спустя несколько секунд. – Используй его наилучшим образом.

– Но... – Он вдруг превратился совсем в мальчишку. – Я там не знаю ни одной души. – Одновременно я видел, он понемногу приходит в себя, снова надевает актерскую маску и напускает на лицо безутешное выражение. – Я буду совсем один.

– Лучше один во Франкфурте с моими деньгами в кармане, – отрезал я, – чем один в мире без гроша в кармане. Значит, так, Родерик, этот инцидент исчерпан, но помни: если ты еще раз попадешь в такую переделку, ко мне можешь не обращаться, когда потратишь последнее пенни.

Он кивнул, все еще потрясенный, и рассудительно сообщил мне, что будет помнить мои слова. Но я не знал, насколько можно ему доверять, и еще до возвращения в гостиную Джорджа, который принялся настаивать,

чтобы я провел ночь у него, я проникся убеждением, что лучше бы мне никогда не встречать этого худого маленького сироту, который давным-давно пришел через заднюю дверь в Кашельмару попросить ложку овсянки.

Глава 6

1

«Порой я думаю, что весна никогда не наступит», – писала Маргарет, и внезапно это предложение, которое она повторяла всю зиму, показалось пустым и холодным. Я перечитывал письмо снова и снова и с каждым разом все больше убеждался, что за этими осторожными строками кроются тревоги, которые она не решается открыть мне. Она написала письмо в феврале, через шесть месяцев после нашего расставания, и писала так, будто не могла толком вспомнить, кто я.

К этому времени я уже вернулся в Лондон. Перед отъездом из Кашельмары я отправил Дерри к его дальним родственникам и велел ему оставаться там, пока я не подготовлю его путешествие в Германию. Что касается Патрика, то я решил с началом нового семестра отправить его в Итон. Мне когда-то сказали, что в этой школе предпочитают мальчиков, не имеющих особых амбиций, и я надеялся, что Патрику будет легче освоиться там, чем в Рагби. А сам тем временем опять был вынужден тратить время на руководство его занятиями, но, хотя из-за этого мне пришлось свернуть часть моей деятельности в Вестминстере, я испытал облегчение; все вопросы там снова вращались вокруг парламентской реформы – предмета, далекого от моих интересов к сельскому хозяйству. Что же касается внешней политики, то она сводилась лишь к романтическому, но непрактичному одобрению объединения Италии в сочетании с истерической франкофобией. Маргарет спрашивала меня в своем письме, что говорят в Англии об американском кризисе. Я не мог написать ей, что, несмотря на летнюю передышку, люди в Англии все еще настолько боятся воинственной Франции, которая опять победным маршем пройдет по всей Европе, что и внимания не обратили бы, исчезни вдруг Америка с лица земли.

Даже та часть письма Маргарет, что была посвящена политике, казалась мне необычной. Она словно следовала рекомендациям наставлений по переписке, о презрении к которым объявила раньше, а свободный, яркий стиль ее первых писем, в которых она ловко перепрыгивала с одной темы на другую, исчез под свинцовым грузом формальностей.

В апреле, неделю спустя после получения этого тревожного письма, у меня был день рождения. К счастью, никто об этом не вспомнил. Я провел день, занимая себя различными делами, но вечером, когда Патрик ушел в свою спальню, выпил несколько бокалов портвейна и впервые за много недель уснул, едва моя голова коснулась подушки.

На следующее утро я стыдил себя за слабость и, приняв лекарственных солей от головной боли, попытался настроиться на рациональный образ мышления. Даже если Маргарет больше не хочет выходить за меня замуж, нет никаких оснований не наслаждаться ее обществом во время ее визита в Англию. Почему мы не можем оставаться на дружеской ноге? Я буду относиться к ней как к дочери. К тому же я сам настаивал на длительном периоде разделения, чтобы у каждого из нас была возможность отказаться от идеи брака. Я беспокоюсь о том, что Маргарет может передумать, но не исключено, что и я, увидев ее снова, тоже задумаюсь о правильности прежнего решения. Почему нет? Все возможно. Дьюнеден мог оказаться прав, говоря, что американская среда могла отрицательно повлиять на мои умственные способности, и хотя я исполнился уверенности, что Маргарет подходит мне, но, возможно, так спешил найти себе жену, что наделил ее выдуманными качествами.

И чем больше я себя убеждал, тем сильнее впадал в отчаяние, и наконец, будучи не в состоянии заниматься чем-либо, кроме как сидеть у окна в тупом безделье, я увидел, что на площади за окном на деревьях набухают почки и начинают распускаться нарциссы.

«Порой я думаю, что весна никогда не наступит», – время от времени писала мне Маргарет на протяжении этой бесконечной зимы, но весна наконец наступила, как наступала и всегда, и теперь меньше чем через шесть недель я снова загляну в ее глаза.

Я боялся этого дня.

2

Я, конечно, не делал никаких приготовлений к свадьбе. Это означало бы искушать судьбу. Даже не мог себя заставить говорить о Маргарет, боясь, что упоминание ее имени каким-то образом повредит нашему будущему, и на вежливый вопрос Дьюнедена о времени ее приезда лишь назвал ему дату и поспешил поменять тему. К счастью, дочери таких вопросов мне не задавали. Аннабель после ссоры со мной не общалась, а

Катерин, хотя и писала почтительно каждый месяц из Санкт-Петербурга, ни разу не упомянула имени Маргарет. Что же касается Маделин, то я ничуть не удивился, когда больше не получил ни слова из монастыря, в котором дочь заточила себя. Хотя ни секунды не сомневался, что она каждый день вспоминает меня в своих молитвах.

Апрель закончился. Начался май. Полагая, что для Маргарет (особенно если она решила отказаться от наших договоренностей) будет проще, если они с Амелией останутся в отеле, я заказал для них номер в отеле «Миварта» на Брук-стрит. Они будут путешествовать в одиночестве. Фрэнсис решил, что его дети слишком малы для такого дальнего путешествия через Атлантику, и, конечно, Бланш осталась с ним в Нью-Йорке.

В день, когда ожидалось прибытие парохода, я сел в поезд до Ливерпуля, зарезервировав для нас номера в отеле на ночь. Патрик к этому времени уже был в Итоне, а потому я в тот прохладный и дождливый весенний день, когда приехал в отель «Адельфи», оставался один, если не считать моего слугу.

Поезд вовремя прибыл на Лайм-стрит, и я, думая, что у меня есть еще как минимум три часа до встречи с моими гостями, неспешно поднимался по лестнице между великолепными колоннами в холл отеля, который, к моему удивлению, оказался забит людьми. Повсюду лежали груды багажа, и я, стоя в толпе, вдруг понял, что хотя люди близ меня и говорят по-английски, но делают они это с американским акцентом.

Сердце у меня екнуло, я протолкался сквозь толпу к стойке портье:

– Пароход из Нью-Йорка прибыл раньше времени?

– Да, сэр, он причалил два часа назад. Спокойное плавание, насколько мне известно. – Он вдруг узнал меня – я останавливался здесь по возвращении из Америки. – Ой, лорд де Салис! Извините меня, милорд, не сразу вас узнал! Я...

– Меня кто-нибудь спрашивал?

– Да, милорд. Конечно, милорд. Некто миссис и мисс Мариотт ждут в Королевской гостиной.

Вокруг меня шумно гудела толпа. Спустя какое-то время я понял, что мой слуга спрашивает, следует ли ему немедленно отнести багаж в мой номер.

Я кивнул. И даже не посмотрел на него. Я пребывал в такой панике, что едва мог ровно идти, а потом наконец, оказавшись на пороге того отказа, которого я так долго страшился, сумел спокойно сказать себе: в моей жизни случались вещи и похуже и не сомневаюсь, что вскоре приду

в себя и после этого несчастья.

Отыскав в дальнем конце холла гостиную, названную не по чести, я вошел через огромную дверь в изящное помещение.

Она увидела меня раньше, чем я ее. В комнате было полно народа. Незнакомые лица, словно в тумане, мелькали передо мной, но я вдруг почувствовал движение – кто-то торопливо пробирался мимо людей и багажа к двери, у которой я замер в растерянности.

На ней была темно-синяя дорожная одежда и маленький темно-синий берет, а темно-голубые глаза горели на заостренном личике. Мне показалось, что Маргарет изменилась, а поскольку она не походила на ту девицу, которую я помнил, было трудно поверить, что это в самом деле она. На секунду я решил, что стал жертвой галлюцинации, но, когда увидел, как она побелела от испуга, реальность ее присутствия болью обожгла меня.

В этот миг меня волновало только одно – скрыть свою боль. Я должен быть очень добрым и понимающим, и нужно горячо заверить ее в том, что желаю ей только счастья.

– Эдвард...

Я услышал ее голос. У меня так защемило горло, что я чуть не начал задыхаться.

– Ах, Эдвард, Эдвард, я думала, весна никогда не наступит! – воскликнула она, и слова, которые я так часто читал в ее письмах, перестали быть мертвыми, теперь они зажили самой страстной жизнью. Я смотрел на нее, боясь это осознать, а она, испуганная моим молчанием и неподвижностью, отчаянно выдохнула: – Пожалуйста, скажите, что вы не передумали! Пожалуйста, пожалуйста, не передумали!

И я машинально потянулся к ней, а она бросилась в мои объятия.

3

– Ваши письма изменились! – Это говорила она, а не я. – Они стали такими холодными, так мало рассказывали мне о том, чем вы заняты. Ах, Эдвард, я так волновалась. Хотела спросить, не беспокоит ли вас что-нибудь, но не осмеливалась, а потом мне становилось все труднее и труднее находить слова для писем.

Я не хотел обременять ее моими заботами, но, даже не успев понять, что делаю, принялся рассказывать ей все, о чем не сообщал в письмах. Я поведал о моей ссоре с Аннабель, о моих мучениях с Патриком, о

неприятностях в Кашельмаре, и все время я на самом деле говорил ей не о моих детях, не о моем доме, а о моем одиночестве, изоляции, о страхе, который наполнял меня, когда я думал, что останусь один.

– Теперь, по крайней мере, никто из нас не будет один, – заключила Маргарет. – Когда мы можем пожениться?

Я объяснил, что ей, возможно, понадобится какое-то время, чтобы подготовиться к многолюдной свадьбе, но она в ужасе покачала головой.

– Меня не интересует свадьба! – горячо возразила она. – Зачем нам мучиться долгие недели, устраивать грандиозное торжество, которое закончится ровно тем же, чем и маленькая церемония со священником и двумя свидетелями? Я хочу одного, Эдвард, – быть вашей женой, и что касается меня, то все остальное не имеет никакого значения.

4

Мы поженились пять недель спустя, двадцатого июня, в часовне Беркли в Мэйфейре. Церемония была скромная. Из моего ближайшего круга я выбрал тридцать гостей, а американский священник, с которым Маргарет познакомилась еще в Нью-Йорке, во время церемонии подвел ко мне невесту. Никого из моих детей не было. Естественно, я не ожидал, что Маделин покинет свой монастырь или Катерин вернется из Петербурга, но Аннабель отказалась ответить на мое приглашение, а Патрик собственным поведением исключил себя из списка гостей.

В конце мая, две недели спустя после приезда Маргарет, он убежал из Итона и спрятался в Вудхаммер-холле. Письмо дворецкого, сообщавшее мне о появлении Патрика, пришло ко мне через день после телеграммы от директора Итона.

Я не стал заниматься этим. Мое терпение лопнуло, и я слишком долго сдерживался по отношению к нему. Первым делом я попросил моего племянника Джорджа забрать Патрика из Вудхаммера и держать его в Леттертурк-Грандже до моего возвращения после медового месяца, потом я взял лист бумаги и написал Патрику, что о нем думаю.

«Мой дорогой Патрик, – писал я, – меня опечалило известие о твоей неспособности вести себя тем образом, который я мог бы назвать похвальным, и мне стыдно за твои непростительные поступки. И стыд мой тем глубже, что я был вынужден просить твоего кузена Джорджа сопроводить тебя в Ирландию и присматривать за тобой, пока я лично не

получу возможность уделить тебе внимание. Прошу тебя, не предпринимай попыток убежать в Лондон на мою свадьбу; в сложившихся обстоятельствах я не смогу принять тебя, как должен принять сына отец на таком важном событии. Остаюсь твоим любящим, но разочарованным отцом. Де Салис».

Я не получил ответа от сына, но вскоре написал Джордж. Племянник сообщил, что выполнил мое распоряжение и теперь они с Патриком находятся в Ирландии. Наконец-то я мог расслабиться. Патрик явно предпочел бы остаться с Аннабель, но ему требовался мужской присмотр, а поскольку Джордж, вероятно, думал лишь о том, как бы избежать моей свадьбы, то я подозревал, что его новая роль опекуна устроит его в той же мере, что и меня.

После этого, исполненный решимости не позволить моему непреходящему беспокойству за сына испортить радость общения с Маргарет, я выкинул все неприятные мысли из головы. Патрик подвел меня. Я сделал для него все, что было в моих силах, а он все равно подвел меня, но теперь это не имело значения. Ничто не имело значения, кроме Маргарет, и, когда я шел с ней по церковному проходу в тот жаркий июньский день 1860 года, мне казалось, что я иду назад во времени, пока я снова не остановился среди блеска моей далекой юности.

5

Мы обвенчались.

Маргарет надела простое белое платье и простую белую вуаль, в руке у нее был букет желтых роз. Она казалась маленькой, аккуратной и на удивление спокойной.

Я почти не помню ни церковную церемонию, ни прием. Дьюнеден произнес хорошую речь, не слишком долгую, и все гости пожелали нам счастья обычным способом – выпив шампанского. Амелия съездила в отель «Миварта» и заказала проведение приема там, но по его окончании мы поехали не на вокзал, а в мой дом на Сент-Джеймс-сквер. Было уже пять часов, и я решил, что нам будет удобнее провести ночь в Лондоне, чем мчаться на Континент первым подвернувшимся поездом.

Маргарет переделалась в зеленое шелковое платье с декольте и широкой юбкой с малюсеньким шлейфом. На затылке у нее сидел крохотный берет с развевающимися лазурными ленточками,

контрастирующими с поблескивающей зеленью шелка, а на руках были миниатюрные – чуть ли не детские – перчатки в обтяжку.

В восемь часов мы пообедали без всяких изысков. Холодный лосось и немного картофеля в масле, приправленного петрушкой и ароматнейшим горошком, купленным тем утром в Ковент-Гардене. Потом подали силлабаб^[6], который очень понравился Маргарет, после чего, не задерживаясь, чтобы выпить портвейна, я отправился с ней в гостиную.

К этому времени она уже надела платье из желтой парчи, оставлявшее плечи голыми, с несколькими ярдами кружевной отделки, в которую были воткнуты шикарные искусственные цветы. Я помню свет люстры, играющий бриллиантами, которые я ей подарил, и тихое шуршание ее шлейфа, когда она поднималась по лестнице в гостиную.

Некоторое время мы посидели там. Но когда пошли в спальню, было все еще светло. К концу июня дни становятся длинными.

Мы чуть не опоздали на дуврский поезд на следующее утро. Поскольку я всегда просыпаюсь в семь, то не видел причин просить слугу разбудить меня в восемь, а Маргарет, конечно, попросила горничную ждать вызова. При таких обстоятельствах никто не решился побеспокоить нас, и когда я проснулся, то, к своему ужасу, увидел, что уже девять. К счастью, мой секретарь помчался на станцию и задержал для нас отправление поезда, но мы так торопились, что в результате опоздали всего на пять минут. Я помню, как мы со смехом упали на сиденья нашего вагона, поезд тронулся с вокзала, а потом мы оба пришли к выводу, что ни у кого из нас еще не было такого сумасшедшего утра.

На Маргарет для защиты от морской свежести была светло-коричневая накидка, спереди приталенная, а сзади свободная, и большая круглая шляпа, а ниже подола ее юбки я видел ее маленькие ноги в невероятно узких туфельках.

После спокойного плавания до Кале мы провели несколько дней в Париже. Увы, воинственная политика Наполеона III оставалась неизменной, и атмосфера во Франции не благоприятствовала длительному визиту. Я поторопился в Швейцарию и Баварию, где мы могли забыть эхо войны прошлого лета. Я давно любил эту часть Европы, а теперь хотел показать ее великолепие Маргарет. По-немецки я говорю весьма бойко и вообще больше чувствую себя в своей тарелке в германоязычной, чем франкоязычной среде. Когда мы добрались до Базеля, все мои домашние заботы стали казаться такими же далекими, как Китай.

Перед отъездом изерна, где мы провели несколько дней, я не сдержался и спросил у Маргарет:

– Ты счастлива?
– Даже не представляю, как можно быть счастливее! – рассмеялась она. – Разве это не очевидно?

– Я хотел удостовериться.

– Но ты же явно не мог подумать, что я притворяюсь!

Я ответил, что знаю: некоторые женщины чувствуют себя обязанными иногда подыгрывать мужьям.

– Я бы не стал из-за этого думать о тебе хуже, – осторожно объяснил я. – Знаю, любое притворство возможно, потому что ты любишь меня и хочешь быть щедрой, но ты должна говорить мне, не требую ли я от тебя слишком многого, потому что я не хочу, чтобы ты была несчастна. Ты не должна думать, что я не пойму.

– Но как ты можешь требовать от меня слишком многого? – спросила Маргарет с искренним недоумением, а когда я попытался объяснить, что имею в виду, вид у нее стал еще более удивленный. – Эдвард, – твердо сказала она, – один из нас ведет себя очень глупо, и у меня ужасное ощущение, что это не я. Поскольку я понятия не имею, о чем ты твердишь, не мог бы ты выразаться чуть яснее?

Я попытался объяснить ей еще раз, и опять нас обоих это привело в смущение, но наконец Маргарет с недоумением воскликнула:

– Но это же блаженство! Разве все женщины не чувствуют того же? – А потом в ужасе: – Боже мой, неужели женщины не должны так чувствовать?

И только в этот момент я ясно понял, как многого мне не хватало в столь дорогом для меня браке с Элеонорой.

6

– Я никогда не понимал, почему Элеонора изменилась, – признался я. – Мне было бы легче, если бы я понял.

Мы были в городке Интерлакен, и за тяжелыми бархатными шторами на окнах наших барочных апартаментов под склонами гор неясно мерцали усыпанные цветами луга. Но я говорил и не видел гор, я смотрел в прошлое, в более мрачные времена. При этом не мог даже поверить, что наконец произношу вслух самые мои потаенные мысли:

– Да, во время медового месяца возникали трудности, но мы были молоды и влюблены, а в таких обстоятельствах никакие трудности не

длится долго. Даже когда стали рождаться дети, все было хорошо. Деторождение не было мучительным для Элеоноры, и ей хотелось добиться больших успехов в материнстве – не меньших, чем в супружестве. Элеонора всегда стремилась к успеху. Будь она мужчиной, возможно, занялась бы политикой, но, поскольку мир женщины более ограничен, она всю свою энергию направляла на продвижение моей карьеры и воспитание детей. Мы точно знали, сколько детей хотим: двоих мальчиков и двух девочек. Даже передать не могу, как мы радовались, когда у нас сначала появилась дочь, потом два мальчика, а затем еще девочка. Элеонора сказала, что мы должны гордиться такими результатами, и мы смеялись. Мы были очень счастливы.

Я больше не осознавал присутствия Маргарет в комнате, теперь со мной была Элеонора, красивая и элегантная, темноволосая, темноглазая, ослепительная.

– Но ребенок умер. – Воспоминание об Элеоноре стало туманиться. – Маленькая девочка. Ее назвали Беатриса. Когда Элеонора оправилась от потрясения, она хотела одного – еще ребенка, и родила еще одну девочку, но та прожила всего три месяца, а потом у двух наших мальчиков – Джона и Генри – появились симптомы чахотки. Не могу тебе передать, каким это стало для нас потрясением. Поначалу это нас сблизило, но, когда мальчики умерли, я понял, что Элеонора страдает от ужасного ощущения краха – словно ей не удалось родить мне ни одного ребенка, который выжил бы. Признаю, я думал о сыне, потому что человеку моего положения важно иметь наследника, но мог и подождать. Я не горел лихорадочным нетерпением восполнить то, что потерял. Но Элеонора ни о чем другом и думать не могла. Она утратила интерес к окружающему миру, но наконец, слава богу, родилась Аннабель, потом Луис, и у нас теперь было три здоровых ребенка. Мне этого было достаточно. Я больше не хотел детей.

Солнце проникало в окно, и я вдруг снова оказался в детской дома в Вудхаммере, мы с Нелл заглядывали в колыбельку Луиса, и она засовывала свою маленькую ручку в мою.

– Элеонора понимала меня. Именно она предложила уехать на какое-то время. Сказала, что чувствует себя виноватой, потому что, как ей казалось, она пренебрегала мною в самые скорбные наши дни. «Но я хочу загладить свою вину перед тобой, – заявила она. – Я снова хочу быть для тебя хорошей женой, Эдвард, лучшей женой, какую ты можешь только пожелать». Понимаешь, она всегда стремилась к совершенству. У нее были такие высокие стандарты. Моя мать убеждала ее: «Что ты будешь делать, Элеонора, если настанет день, когда поймешь, что не отвечаешь своим

высоким стандартам?» Но я думаю, она так говорила, потому что немного ревновала, как нередко современные матери ревнуют к успешным невесткам.

Как бы то ни было, я согласился с предложением Элеоноры, и тогда-то мы и отправились в Америку. Уже давно хотели посетить Новый Свет, и вот нам представилась идеальная возможность.

Теперь я перенесся в Бостон. Смотрел из окна отеля на «Коммон», а вдали виднелись огни Бикон-Хилла.

– Но что-то случилось с нами, – продолжал я. – Наши интимные отношения теперь вызывали у Элеоноры отвращение. Не знаю почему. Она говорила, что, вероятно, противозачаточные меры породили у нее чувство вины. Ей казалось, что она нарушает церковное учение. Но я не мог в это поверить. Жена вовсе не была религиозной. Мы, конечно, регулярно ходили в церковь, подавали пример детям, но между собой оба склонялись к скептицизму. Наконец Элеонора сообщила: она уверена, все снова будет хорошо, если мы перестанем принимать меры, препятствующие беременности. Так оно и оказалось на самом деле. Все снова стало хорошо, но... – Я замолчал. На несколько секунд лишился дара речи, но наконец сумел выдать: – Нет, все не стало хорошо. Я хотел верить, что все хорошо, а хорошо не было.

Я в первый раз посмотрел на Маргарет. Она замерла, казалось, и дышать перестала. Смотрела спокойными ясными голубыми глазами.

– Мои друзья считали, что все хорошо. Иногда они говорили мне: «Ты счастливчик, у тебя такая преданная жена!» Их жены перестали спать с ними много лет назад, их жены больше не беременели. А потом я увидел, как мои друзья рыщут в поисках любовниц, и подумал, что мне, вероятно, и в самом деле повезло. Элеонора все еще принадлежала мне, и она была таким чудесным спутником, разделяла мои интересы, способствовала моей карьере, делала все возможное, чтобы быть идеальной женой. Спустя какое-то время я убедил себя, что должен благодарить судьбу и никогда не сердиться, сколько бы раз она ни беременела.

Я замолчал на какое-то время. В комнате стояла тишина. Наконец я смог продолжить:

– Так продолжалось несколько лет до рождения Патрика. И тогда все закончилось. Доктор сказал, что ей больше нельзя рожать. И с тех пор она ни одной ночи не провела со мной.

Я нахмурился, вспоминая прошлое, размышляя о нем в бесплодных попытках понять.

– Любопытно, когда Элеонора осознала, что больше не может быть

идеальной женой, она потеряла интерес к этому и перестала быть не только хорошей женой, но и хорошей матерью. Отдалилась от меня, отдалилась от детей. Конечно, она долгое время болела. В особенности после смерти Луиса, когда с ней случился нервный срыв. Но даже позднее у нее не вернулся интерес к детям. Я мог понять ее невнимание к Патрику, который погубил ее здоровье, но странно, что она стала безразличной и к девочкам. Словно потеряла весь свой страх перед неудачей, прекратила какую-то ужасную борьбу и хотела только одного – признать поражение. Она очень сильно изменилась.

И я так никогда и не понял причин. Почему она разделяла со мной спальню, лишь когда это могло закончиться беременностью? Элеонора явно чувствовала, что только для этого и может быть близка со мной. Но почему? Моя ли в этом была вина? Что я сделал не так? Не мог ли я как-то исправить положение? Я ведь очень любил ее. До того последнего отчуждения я неизменно хранил ей верность, а это было нелегко. Доктора не рекомендовали ей супружеских отношений во время беременности, а потому она целыми месяцами спала в другой комнате. Но я мирился с этим, поскольку любил ее и знал: невзирая на все наши трудности, она тоже любит меня.

Я снова посмотрел на Маргарет, увидел в ее выражении намек на то, что она близка к какому-то глубинному, мучительному пониманию, но инстинкт говорил мне, что безопаснее до этого понимания не доходить.

– Ты знаешь, Элеонора и в самом деле любила меня, – пробормотал я, будучи не уверен, почему повторяю эти слова, но зная: нам обоим жизненно важно верить в них. – Хорошие жены всегда любят мужей, правда? А Элеонора была такой идеальной женой.

7

Маргарет потеряла голову от Швейцарии. Когда мы добрались до моей любимой гостиницы, выходящей на озеро Люцерн, она купила пятьдесят оттисков различных видов, три дюжины стеклянных пластинок для своего волшебного фонаря, бессчетные ярды швейцарских вышивок и трое часов с кукушкой. Погода стояла теплая, каждый день долго светило солнце, и с балкона нашей комнаты мы могли смотреть на парящие в вышине вершины горного массива Пилатус.

– Значит, вот что оно такое – слепая любовь, – шутливо сказал я

Маргарет как-то днем. – Я понятия не имею, что происходит в парламенте. Может быть, рухнет вся Британская империя, а я ничего об этом не знаю и знать не хочу. У меня нет желания читать газеты, книги – хотя мог бы полистать какой-нибудь фривольный роман, – написать статью и вообще делать что-либо, кроме как быть с тобой. Я всегда думал, что причиной отрицательного отношения людей к тем, кто сражен слепой любовью, является презрение. А теперь я знаю – это вовсе не презрение, а ревность.

Маргарет, которая сидела погрузившись в свой дневник, куда заносила подробные описания увиденного, подняла взгляд.

– Если у тебя слепая любовь, – жестко ответила она, – то меня зовут не Маргарет де Салис. Эдвард, дорогой, мне бы хотелось, чтобы ты не думал столько о своем возрасте. Я об этом не думаю, так зачем это тебе?

– Я думаю об этом не так уж часто, но не могу избавиться от посещающего меня изредка желания сбросить несколько годков.

– Ну и что это даст? Возраст – это состояние ума, это как лежать на доске, утыканной гвоздями, – произнесла туманную фразу Маргарет и добавила, словно для того, чтобы закрыть тему: – И вообще ты так хорошо сложен и так силен, что вполне можешь дожить до ста лет.

– Но какой же ужасной судьбой это будет для тебя!

Она рассмеялась.

– Я буду любить тебя всегда, – отрезала Маргарет тем уверенным тоном, который свойствен молодым людям. – Ты в это не веришь?

– Я бы очень хотел верить в это.

Несмотря на мой легкомысленный тон, она, вероятно, услышала мой цинизм, крайнее проявление моей печали. Оставив дневник, Маргарет вскочила, пробежала по комнате и поцеловала меня.

– Тогда ты должен поверить, – серьезно убеждала она, – потому что так оно и есть. Дорогой Эдвард, ты дал мне все, что я могла пожелать. Да что говорить, я чувствую себя совершенно новым человеком. Неужели ты и вправду думаешь, что я перестану тебя любить только потому, что твоя старость наступит раньше моей? Какого же ты плохого мнения обо мне!

– Ты прекрасно знаешь, какого я о тебе мнения, – ответил я, улыбаясь ей, и вдруг вся моя печаль исчезла и я снова стал самим собой. Я посмотрел на нее, – на мой взгляд, она была прекрасна, такая маленькая и аккуратная, такая свежая, жизнерадостная и веселая. – Я очень люблю тебя.

Вдруг возраст перестал иметь значение; мы перешли в эмоциональное измерение, в котором времени не существует. Теперь она просто была Маргарет, которая любила меня и которая будет любить меня, пока я тоже люблю ее.

Когда мы приехали в Цюрих, я написал моему племяннику Джорджу – просил его отправить Патрика в Лондон так, чтобы он оказался там перед нашим с Маргарет возвращением после медового месяца. Я хотел, чтобы по крайней мере один из моих детей был на Сент-Джеймс-сквер, чтобы встретить мачеху в ее новом доме.

А Патрику я написал: «Ты можешь в значительной мере искупить свое неподобающее поведение, если достойно предстанешь перед Маргарет. Я хочу, чтобы к нашему возвращению ты оделся соответственно случаю в свой лучший костюм, надлежаще подстригся и причесался. Я уверен, что ты будешь вежлив, гостеприимен и внимателен. Надеюсь, что не слишком обременяю тебя своей просьбой». Я подписал письмо, но тут мне в голову пришла еще одна мысль: «P. S. Если ты подрос, то вызови портного и закажи новую визитку с брюками. Можешь заказать и новый жилет, но ни в коем случае не из какого-нибудь вульгарного материала – шотландки или в клетку. Пусть портной посоветует тебе, какой выбрать цвет, чтобы было со вкусом и без претензий».

Я знал, что молодые люди его возраста понятия не имеют, как благоразумно одеваться, а потому решил уточнить мои пожелания. Я никак не хотел увидеть его в жутком твидовом костюме нараспашку с каким-нибудь разноцветным ужасом под визиткой, как одеваются бездельники.

В начале сентября мы выехали из Швейцарии и направились на север через Баварию в Мюнхен, а потом на восток через Великое герцогство Гессен во Франкфурт, в Кобленц и Кёльн. Путешествовали мы в основном поездом, хотя часть пути преодолели на пароходе вверх по Мозелю мимо виноградников, которые милую за милей покрывали склоны долины. Я решил, что предпочтительнее вообще обогнуть Францию, и когда мы наконец покинули германские герцогства, то направились в Остенде, где сели на паром, который доставил нас в Англию. В целом это было очень приятное возвращение, хотя после Альп Лоуленд не произвел на Маргарет особого впечатления.

Ближе к вечеру 19 сентября мой экипаж остановился перед моим домом на Сент-Джеймс-сквер.

– Сколько всего случилось, после того как мы уехали отсюда! – воскликнула Маргарет, которую уже одолевала ностальгия по медовому месяцу, и я, улыбнувшись, взял ее за руку и повел по ступеням к двери.

Патрик встречал нас в холле. Я поздравил себя с тем, что предвидел,

как он вырастет. Сын теперь почти догнал меня, а его волосы, светлые, как и у меня в его возрасте, были безукоризненно расчесаны на пробор. Из-за роста он казался старше своих пятнадцати лет. Жаль, что его поведение не такое зрелое, как его внешность.

– Добро пожаловать домой, папа, – почтительно сказал он и шагнул вперед, чтобы пожать мне руку. – Я надеюсь, путешествие было хорошим.

Я улыбнулся, чтобы показать ему, что доволен его манерами.

– Путешествие было очень приятным, спасибо, – ответил я. – А теперь позволь познакомить тебя с твоей кузиной Маргарет. Моя дорогая...

Я повернулся, чтобы представить Маргарет, и, когда увидел ее лицо, с ужасающей ясностью понял, что Патрик ее ослепил.

II

Маргарет

1860–1868

Верность

Королева

Маргарита была так молода, что годилась ему в дочери, и иногда становилась союзником и представителем ее приемных детей, когда они ссорились с отцом.

Хильда Джонстон.

*Кембриджская история
Средневековья, том VII*

Глава 1

1

Эдварду было пятьдесят девять, когда я познакомилась с ним, и шестьдесят ко дню нашей свадьбы. Поскольку меня не интересовал его возраст, то все разговоры благожелателей, что он слишком стар, чтобы быть моим мужем, и брак в таких обстоятельствах будет глупым, не имели никакого смысла. Мне было совершенно все равно, глупо я выгляжу или нет. Я хотела за него замуж – и делу конец.

Конечно, все полагают, что люди сочетаются браком, исходя из чистейших мотивов, и я не была исключением. Теперь же, оглядываясь назад, я понимаю, что хотела выйти за него по совершенно неправильным причинам – бежать из дома, от общества, считающего простенькую на вид девицу неудачницей, от презируемого затянувшегося девичества, на которое, как мне думалось, я была неизбежно обречена. Предложение Эдварда приплыло ко мне соломинкой, когда я шла на дно в море моих бед, а поскольку я была убеждена, что тону, я сделала то, что делает тонущий: ухватилась за соломинку обеими руками. Соломинка превратилась в плотик; я была спасена и на первой волне облегчения и благодарности решила, что страстно влюблена в своего спасителя. Это была иллюзия, нет нужды говорить, но она поддерживала меня на плаву в течение всей той жуткой зимы до нашей свадьбы, хотя я и жила в постоянном страхе, что он передумает и моим надеждам на спасение придет конец.

Но он не передумал, а когда наконец я увидела его снова, мои глаза странным образом открылись. Я словно встретила его в первый раз. Когда мы познакомились в Нью-Йорке, я была так занята моими проблемами, что не озаботилась должным образом познакомиться с его характером, а сохранила лишь самые поверхностные впечатления о его внешности. Потому, когда мы встретились снова несколько месяцев назад в Ливерпуле, я с удивлением обнаружила, как он красив. Он был очень высок. Не меньше шести футов и двух дюймов – как же я не запомнила, что он такой высокий? – очень хорошо сложен и не имеет непривлекательных недостатков пожилого возраста: брюшка и лысины. Но если откровенно, то его темно-каштановые с сединой на висках волосы, хотя и росли вполне обильно, могли бы быть и погуще. У него были глубоко посаженные

голубые глаза, обаятельная улыбка и точеный подбородок, который безошибочно выдавал драчуна.

Я снова решила, что страстно в него влюблена, только это была всего лишь наивная иллюзия. После свадьбы я по-настоящему узнала, что такое страсть, и тогда наконец мой самообман стал реальностью. Знаю, негоже молоденькой девице признаваться в страсти, которой в романах наделяются только самые развратные крестьянки или авантюристки, но поскольку я пишу правдивые воспоминания, то должна признаться, что наслаждалась каждым моментом моего медового месяца и с каждым днем приходила во все больший восторг от того незнакомца, который стал моим мужем.

Ни один народ на земле не умеет быть таким замкнутым, как британцы. Они надевают на себя броню формальностей, прячутся за кружевами изощренной вежливости, хитроумно укрываются за бесконечным числом тщательно выбранных масок... и что со всем этим делать бедному американцу, привыкшему к открытости, демократии и политической трескотне? Не удивительно ли, что американцы, сталкиваясь с таким непонятным поведением, совершают столь ужасные ошибки? Поначалу мой брат Фрэнсис считал Эдварда беспомощным и эксцентричным. Я не соглашалась, считая, что Эдвард лишь чуточку странен на манер Старого Света, но никому из нас и в голову не приходило, что за аристократическими манерами Эдварда скрывается жесткий характер, почище, чем у любого ньюйоркца, заработавшего свой первый миллион. Американцы считают, что характер есть только у тех, кто кричит громче всех, сжимает кулаки и пыжится изо всех сил, но англичане находят такое поведение очень грубым и давно уже научились искусству уничтожения противника улыбкой. Эдвард был со мной добр и предупредителен, благодушен, мягок и терпелив, но в его характере есть нечто темное, о чем я и не подозревала до свадьбы, и у него железная воля, благодаря которой он всегда добивается своего.

На самом деле Эдвард оказался совсем не легким человеком для семейной жизни, о чем женщина постарше и помудрее меня, наверное, догадалась бы задолго до того, как это пришло в голову мне.

Не знаю толком, почему он женился на мне. Эдвард, конечно, сказал, что отчаянно влюбился в меня, и я, разумеется, поверила ему; но любовь такое растяжимое слово, и мне иногда кажется, что его мотивы были такими же потаенными, как и у меня. Он не скрывал, что одинок, и, как я вскоре заметила, горько переживал неминуемую надвигающуюся старость. Он не мог влюбиться в мою внешность, потому что во время нашего знакомства я была дурнушкой, но, думаю, влюбился в мою юность.

Столько язвительных замечаний отпускается в сторону стареющих мужчин, падких до молоденьких девушек, что мне постоянно хотелось отрицать значение моего возраста в наших отношениях, но, хотя возраст для меня и правда был не важен, подозреваю, что для него все обстояло иначе.

И все же после медового месяца я знала, что он по-настоящему любит меня. И я тоже по-настоящему его люблю. И когда мы наконец вернулись в его лондонский дом, никто из нас и предположить не мог, что сразу же за его порогом нас ждет вполне себе полноценная супружеская ссора.

2

Для меня супружеские ссоры были в новинку. Мои родители умерли, когда я была совсем маленькой, а потому не помню, как они общались между собой. Фрэнсис и его жена вовсе не сохли от любви друг к другу, они достигли некой договоренности, и потому их отношения внешне выглядели вполне приемлемо. Когда я росла, мне нравилось думать о себе как о несчастной сиротке, которую никто не любит, которая обречена идти по жизни, таща на себе груз безнадежности, но мое воображение, как обычно, намного преувеличивало реальность. Да, я осиротела в очень нежном возрасте, но, поскольку принадлежала к одной из богатейших нью-йоркских семей, на бедность мне не приходилось жаловаться. К тому же меня опекал заботливый брат, и из-за отсутствия любви я не страдала. Фрэнсис настолько старше меня, что я могла смотреть на него как на отца, а Бланш была почти одного со мной возраста, так что и на одиночество я не могла сетовать.

Семейные черты сильно проступали у всех нас; Бланш и Фрэнсис имели внешнее сходство, оба отличались красотой. Но мы с Фрэнсисом были схожи умственно, любили учиться и решать сложные математические задачи. Когда я была маленькой, Фрэнсис даже учил меня немного алгебре, но, когда он женился, его супруга сказала, что это не женское дело, и наши занятия прекратились. После этого у меня с Амелией установились холодные отношения. Приблизительно в это же время скончался партнер моего отца, и все семейное состояние оказалось полностью в руках Фрэнсиса, отчего время, которое он мог уделять мне, сократилось. Я восхищалась им издали, как любая девочка восхищалась бы таким умным и красивым старшим братом; но меня обижало, что Фрэнсис постоянно занят и у него нет на меня времени, а взрослея, я начала чувствовать и то, что он

разочарован моим внешним видом и опасается, что меня ждет провал, когда придет время выходить в свет.

После этих слов может показаться, что Фрэнсис был недобр ко мне, но это не так. Он просто желал мне успеха, а когда стало ясно, что меня ждет неудача, брат ничего не смог с собой поделать – пришел в отчаяние. Фрэнсис был одержим успехом. Наш отец возлагал на него большие надежды, и он много лет оставался не только единственным ребенком в семье, но и единственным выжившим. Будущее благополучие семьи зависело только от него. Мой дед организовал процветающий торговый дом, но отец предпочел множить богатство на Уолл-стрит, и Фрэнсис, с его математическими наклонностями и азартным характером, с удовольствием пошел по стопам отца. Он много работал, хорошо женился, сохранил наше место среди сливок нью-йоркского общества, но в какой-то момент от напряжения, которое требовалось для таких успехов, все хорошее, что было в нем, стало меркнуть, и он изменился. Он разочаровался в своем браке, и, сколько бы денег ни зарабатывал, ему всегда казалось, что можно заработать еще больше.

К тридцати пяти годам брат в глубине души ожесточился, но его страсть к успеху не позволяла ему успокоиться. Он всегда стремился быть первым. И чтобы семья была первой. И Нью-Йорк с Америкой должны быть первыми. Жажда успеха превратила простой патриотизм в шовинизм, так что у него не оставалось выбора – только возненавидеть Эдварда с первого взгляда. Фрэнсис не любил не самого Эдварда, хотя их характеры были несовместимыми, а цивилизацию, которую тот представлял, – цивилизацию, которая считала Америку второсортной, смотрела на Нью-Йорк как на разросшийся рыночный город. Эдвард никогда не говорил ничего оскорбительного в отношении Америки, напротив, называл многие положительные стороны моей страны, но, как и большинство англичан, хранил в душе уверенность, что все, кроме англичан, «чужестранцы, неполноценные граждане мира», в отношении которых англичане, будучи добрыми христианами, обязаны проявлять благотворительность.

Одного только выражения «второсортный» было достаточно, чтобы привести Фрэнсиса в ярость, а поскольку Эдвард мог лишь пробудить во Фрэнсисе его худшие инстинкты, я ничуть не удивилась, когда они не стали друзьями.

Но я, несмотря на все недостатки Фрэнсиса, любила его, невзирая даже на то, что он все больше отдавал предпочтение моей сестре. Мы с Бланш в детстве дружили, но, когда детство осталось позади, наши отношения быстро ухудшились. Шли годы, я стала завидовать ее красоте,

проснувшейся во Фрэнсисе гордости за нее, ее успехам в обществе, ее розовому будущему.

Зависть – непривлекательное чувство. С сожалением говорю, что я стала отвратительно груба с ней, – бедняжка Бланш, не ее вина в том, что она стала такой красивой! – и, хотя она со слезами на глазах упрашивала меня быть добрее, я ожесточила сердце и отвергала все ее предложения остаться друзьями. В конечном счете она тоже ожесточилась. Да и дружба моя ей больше не требовалась, потому что после выхода в свет у нее появились десятки новых друзей в дополнение ко всем ее прежним поклонникам. Бланш, в отличие от меня, ничуть не пострадала от моей глупости. Тот факт, что мне было некого винить в моем одиночестве, делал его еще более невыносимым.

К тому времени мне исполнилось семнадцать – я была худой, веснушчатой и разочарованной. Я уже побывала на двух официальных балах и испытала ужасное унижение девицы, не пользующейся успехом. Ненавидя весь мир и погрязнув в жалости к себе, я проводила дни, играя с самой собой в шахматы и делая записи в дневнике о том, как жестоко обошлась со мной судьба. Я думала поступить в монастырь, стать актрисой и даже (краснею, вспоминая об этом) обратиться в новый дом удовольствий на Медисон-сквер, узнать, нет ли у них вакантного места куртизанки. Я была настолько наивной – считала, будто обязанности этих женщин состоят в том, чтобы держать за руки приходящих гостей и обмениваться с ними поцелуями, но мне страстно хотелось, чтобы меня поцеловал мужчина, и я не сомневалась: если буду отдавать заработанное на благотворительность, Господь простит мне грехи.

И вот в это время я и увидела Эдварда. Неудивительно, что меня не волновал его возраст. Поначалу я не сравнивала его с посетителем дома удовольствий, но, когда он сделал мне предложение, я определенно не собиралась подражать героиням романтических книжонок и отказывать ему, простонав со вздохом «это невозможно». Моя мгновенная реакция была такая: а почему бы и нет? И если это кажется расчетливым, практичным и не отвечает поведению утонченной героини, то могу только извиниться и повторить, что пишу честные воспоминания.

Я никогда не узнаю, как Эдвард добился разрешения брата на наш брак. Я спрашивала у Фрэнсиса, но у него апоплексически побагровело лицо, и он отказался отвечать. Во время медового месяца я опять попросила Эдварда объяснить, как это произошло (тщетно просила объяснения еще до его отъезда из Нью-Йорка), но Эдвард только улыбнулся своей обаятельной улыбкой и сказал, что не видит оснований, почему

Фрэнсис мог бы препятствовать такому блестящему браку.

– Абсолютно никаких оснований! – Я рассмеялась. – Кроме того, что вы ненавидите друг друга. – Увидев, что его потрясла моя откровенность (англичане слишком вежливы и никогда не признаются в ненависти к кому бы то ни было), добавила: – Мне жаль, что я не должна это знать, но нужно быть глухой и слепой, чтобы этого не заметить.

Но Эдвард не желал втягиваться в разговор о Фрэнсисе, и я спустя какое-то время поняла, что неприязнь между ними гораздо глубже, чем это казалось. Фрэнсис откровенно сообщил, что мне не стоит надеяться на его приезд ко мне в Англию, но я объяснила это его антианглийскими предрассудками и подумала, что со временем он их преодолет. Теперь я начала подозревать, что дело не только в его шовинизме, и это подозрение мучило меня. Я бы хотела, чтобы брат приехал в гости. Уверена, он бы гордился, увидев, какой привлекательной я стала (до сих пор поражаюсь тому, как мощный стимул способен изменить к лучшему самую бесперспективную дурнушку), а поскольку я больше не завидовала и не раздражалась, то думала, что он, возможно, опять найдет меня более достойной, чем Бланш.

Но жребий был брошен. Я выбрала Эдварда, выбрала ссылку и ни о чем не жалею... разве что только о том, что мое разделение с семьей такое окончательное. Мне бы пошло на пользу, если бы я могла поговорить с Эдвардом о родне, по которой скучаю, но, поскольку он не желал говорить о Бланш и Фрэнсисе, наши беседы ограничивались Амелией и детьми. Корни неприязни Эдварда к Бланш тоже оставались для меня тайной. Сразу по приезде в Нью-Йорк Эдвард обхаживал Бланш, и я могу только предполагать, что она оскорбила его каким-то безрассудным словом, даже не думая, что оно может так сильно его ранить. Бланш часто бывала легкомысленной, но никогда – злой. Я пыталась объяснить это Эдварду, но, когда он лишь вежливо улыбнулся, я раздраженно подумала, что его безжалостное безразличие не менее докучливо, чем разбушевавшийся шторм оскорблений.

Ситуация была прискорбная, и, вернувшись в Лондон по окончании медового месяца, я, если бы не была влюблена в Эдварда, могла бы затосковать по дому при мысли о том, как далека от моей семьи. Но я чувствовала себя бесконечно счастливой. И в самом деле, нам так легко было друг с другом, что я воображала, будто знаю его настолько, насколько можно знать другого человека, и меня утешало это, когда мы появились в его доме на Сент-Джеймс-сквер.

Нас встретил его сын Патрик. Перед встречей с Патриком, который

был всего на три года моложе меня, я очень нервничала: Эдвард сказал мне, что его сын – трудный мальчик, доставляет ему много беспокойства, и я воображала, что увижу надутого невежу, не имеющего ни малейших социальных навыков. И потому я тем более удивилась, когда увидела не невежу, а самого дружелюбного, приятного и вежливого молодого человека, каких только встречала. Я не верила своим глазам. И удивленно уставилась на него, пораженная так сильно, что даже забыла о самых элементарных хороших манерах, а когда наконец пришла в себя и смогла произнести «Здравствуйте», все еще оставалась потрясенной – так велика была разница между тем, что говорил Эдвард, и тем, что предстало моим глазам.

Я думаю, именно тогда у меня и закралось подозрение, что я знаю Эдварда не так хорошо, как мне кажется.

– Я рад познакомиться с вами, кузина Маргарет, – сказал мой пасынок. – Мне жаль, что меня не было на свадьбе. Пожалуйста, простите меня, что не смог. Говорят, что была очень милая церемония.

– Гм... – ответила я. – Да. Восхитительная. Спасибо.

– Могу я называть вас «кузина Маргарет»?

– Можете без «кузины», если хотите, – согласилась я, улыбаясь ему. Американцы не склонны к формальностям.

– Моя дорогая, – вмешался Эдвард, говоря со мной, как с шестилетним ребенком, – я думаю, что пока такая бесцеремонность была бы неуместной.

Я удивилась тому, что он в присутствии сына так распекает меня, уставилась на него, лишившись дара речи, но он уже пошел к лестнице, оставив нас. Вокруг в холле слуги заносили багаж из экипажа, суетился дворецкий, отдавая им распоряжения.

Патрик, запинаясь, проговорил:

– Заказать чай, папа?

– Нет! – Резче ответить было невозможно. Он бросил мне через плечо: – Сюда!

Патрик смотрел с таким несчастным видом, что мне пришлось снова улыбнуться ему и сказать, что с нетерпением жду возможности продолжить наш разговор позднее. После этого последовала за Эдвардом в наши покои.

Он молчал. Властным голосом приказал принести ему горячую воду и очень рассердился, когда ее не принесли немедленно. Его слуга оступился, задев баул, и был выруган; моя горничная начала нервничать, вся атмосфера наполнилась тревогой. Наконец мы разделились, он ушел в гардеробную, а я с помощью моей горничной принялась смывать с себя дорожную грязь, потом поправила волосы и облачилась в свежее дневное

платье. Отослав ее, я остановилась у дверей гардеробной, прислушалась. Не услышав ничего, поняла, что он уже отпустил слугу, и тогда, набравшись мужества, постучала в дверь и вошла.

Он стоял у окна, легонько опираясь руками о подоконник. Эдвард повернулся ко мне – губы его были сжаты в тонкую линию.

– Ты могла бы по меньшей мере дождаться, когда я разрешу тебе войти, – резко заявил он.

Самое умное, что я могла тогда сделать, – это разрыдаться, но меня всегда было трудно довести до слез, а даже если бы и не так, я в тот момент испытывала такой ужас, что не могла бы выжать из себя даже самую скупую слезу. Никто из тех, кого я любила, никогда так не говорил со мной. Я ни разу в жизни не сталкивалась с такой ледяной яростью.

Я запаниковала.

– Как ты смеешь обращаться со мной словно с неразумным ребенком?! – взвизгнула я, от страха приобретя вид рассерженной тигрицы. – И вообще, что случилось – с чего ты не в духе?

И в этот момент он потерял самообладание. Для меня это стало сильным потрясением, потому что я считала самообладание его неизменным свойством. Ему жаль, прорычал он, что я не имею представления, как себя вести, а он проявил глупость, женившись на девице, которая явно слишком чувственна, чтобы он хоть на минуту мог оставаться спокойным.

– Ты копия твоего распутного братца, – добавил он, совершая роковую ошибку: его неизменная бесстрастность, когда речь заходила о Фрэнсисе, изменила ему.

И тогда закричала я:

– Не смей говорить так о моем брате! Не смей!

Но к несчастью, он смел и сделал еще несколько оскорбительных замечаний о нравственных свойствах Фрэнсиса. И тогда я исторически завопила:

– Фрэнсис, по крайней мере, любит меня, в отличие от тебя. И я немедленно возвращаюсь в Америку в его дом!

И тут наконец я дошла до такого состояния, когда не могла ничего иного – только разрыдаться на его груди. Я не помню, когда его рубашка вдруг оказалась так близко от моих мокрых щек, но это случилось без какой-либо заметной задержки, и когда я почувствовала на себе его руки, то поняла, что кризис миновал. Я пережила нашу первую супружескую ссору, а поскольку далась она мне нелегко, я поклялась себе, что она же будет и последней. Одна из самых ужасающих сторон случившегося в том, что я

так и не поняла, почему он вдруг рассердился на меня.

Эдвард извинялся надтреснутым голосом, так непохожим на его обычный. Я услышала его слова:

– Извини. Такая глупость – я сам на себя не похож, но я так тебя люблю, что не мог сдержаться. Мне невыносимо думать, что ты можешь любить меня меньше, чем я тебя.

– Но ты глупый, глупый человек! – недоуменно сквозь слезы простонала я. – Ты же знаешь, как я люблю тебя! Как ты мог подумать...

– Я видел тебя и Патрика, – произнес он, и я вдруг почувствовала, каких невыносимых усилий стоит ему быть честным со мной, и я знала, что должна предпринять такие же усилия, чтобы понять его. – Вы двое выглядели такими молодыми... и Патрик похож на меня, каким я был в его возрасте.

Он умолк. Я все еще подыскивала правильные слова, когда он продолжил, стараясь рассеять неловкость и свою боль:

– Ерунда. Мимолетная глупость. Ты не должна бояться, что я буду терять самообладание каждый раз, когда ты улыбаешься мужчине, который годится мне в сыновья. Прости меня, если можешь, и давай забудем об этом.

Я поцеловала его и постаралась объяснить, что ему нечего бояться, хотя знала: я слишком неопытна для подобных бесед.

– Мне жаль, что ты так расстроился, – сказала я. – Чувствовать себя шестидесятилетним, наверное, иногда ужасно, так же как стоять у стенки на балу и тщетно ждать, что тебя пригласят. Я ненавидела Бланш, когда видела, как она улыбается своим партнерам, хотя мне все ее партнеры были совершенно безразличны. – Снова поцеловала его и спросила, можем ли мы теперь спуститься вниз на чай. – Да, кстати... – добавила я немного спустя, после того как он так ответил на мой поцелуй, что никаких сомнений в наших чувствах друг к другу не осталось. – Томас появится, думаю, в апреле следующего года, но нужно поскорее пригласить врача, чтобы не оставалось сомнений.

Он был ошеломлен. Я до этого не говорила ему о моем состоянии, но, когда он спросил, почему я скрывала это от него, ответила, что хотела сделать для него сюрприз.

– Конечно это сюрприз! – закричал он со смехом, и вид у него был такой довольный, что я набралась смелости спросить, уверен ли он, что хочет снова стать отцом.

– А почему я должен возражать? – А потом, вспомнив кое-какие подробности из своего первого брака, в которые он посвятил меня,

добавил: – Это будет твой ребенок, моя дорогая, не Элеоноры. Обстоятельства совершенно иные.

Я не задавала вопросов. Всегда чувствовала, что лучше не углубляться в его отношения с Элеонорой: чем больше он мне рассказывал, тем меньше я понимала. Одно мне было ясно: она беременела как можно чаще, чтобы не спать с ним, – умная уловка, поскольку только таким способом Элеонора могла получить отдельную спальню и теоретически все еще оставаться хорошей женой, – и отказывалась иметь с ним дело, если он прибегал к противозачаточным мерам. Я никогда прежде не слышала слова «противозачаточный», а когда поняла его значение, то сильно удивилась, что для недопущения появления детей в этот мир можно предпринять что-то иное, кроме полного воздержания. Однако, признавшись себе, что это, вероятно, один из многих вопросов, в которых я полная невежда, я предприняла усилие, чтобы сочувственно отнестись к Элеоноре. Эдвард относился к ее поведению как к какой-то странной болезни (что, по моему мнению, не исключено, поскольку, когда женщине переваливает за сорок, сумасшествие может принимать самые невероятные формы), но, как бы я ни пыталась проникнуться состраданием к этой женщине, мне все же не удавалось избавиться от представления, что ее поведение было вовсе не сумасшествием, а совсем наоборот. Конечно, наверняка знать я не могла. Эдвард любил ее, несмотря на все их беды, и я неохотно признала, что если ей удавалось сохранять его верность и при этом вести себя как монахиня, то она должна была обладать определенными выдающимися качествами.

– Ты, наверное, ревнуешь меня к Элеоноре, – бросил мне доброжелательно Эдвард еще во время нашего медового месяца.

– Ревную? Я? Нет, конечно! – воскликнула я, чуть не рассмеявшись.

Но я, разумеется, страстно ревновала и хотела во всем ее превзойти. Я, как и Фрэнсис, люблю всегда быть первой. Быть второй совсем не в моем стиле, и я с удовольствием выслушала Эдварда, который поведал мне, что в спальне я гораздо лучшая жена, чем это красивое, умное, рассудительное существо. Уверена, я бы возненавидела ее с первого взгляда.

– Это будет мальчик, – предположила я позднее, когда знаменитый доктор с Харли-стрит подтвердил мое состояние. – Наверняка мальчик.

Элеоноре обычно удавались девочки.

– Что ж, Томас – отличное имя, – ответил Эдвард, вспомнив мое первое упоминание о мальчике. – Я, конечно, буду счастлив иметь еще одного сына.

Он был недоволен Патриком.

Патрик был самый красивый мальчик, какого я когда-либо видела. Он

действительно походил на Эдварда, в особенности глазами, но мимика его лица была совсем не отцовской, потому их сходство редко бросалось в глаза. Его волосы имели матовый золотистый блеск. Я узнала, что когда-то и у Эдварда были такие же волосы, хотя лет в шестнадцать-семнадцать золото потемнело до каштанового цвета. Патрик еще не догнал ростом Эдварда, но он явно вскоре будет не ниже и так же хорошо сложен. Пока еще он оставался мальчишкой, и во время наших первых разговоров я действительно почувствовала себя достаточно зрелой, чтобы быть его матерью, но отнюдь не была равнодушной к мужской красоте и никак не могла отрицать, что он исключительно красив. Эдварду я, конечно, ничего такого не говорила, но про себя радовалась тому, что Патрик так привлекателен и что я знаю по крайней мере одного человека, которому еще нет двадцати.

У Эдварда был обширнейший круг знакомств, но никого моложе сорока. Я давно уже смирилась с тем, что мне придется вращаться в кругу людей немолодых, но признаю: когда моя жизнь в Лондоне только начиналась, эта перспектива казалась мне удручающей. Его друзья выказывали подчеркнутую вежливость, но у англичан есть много разных степеней вежливости. Я подозреваю, что они смотрели на юную американочку, которая так нахально влезла в лондонское общество, как на маленького уродливого кукушонка в их устланном великолепными перьями гнезде.

Скоро моя светская жизнь стала напоминать скачки с препятствиями, которые единственному их участнику казались все более и более утомительными. Посетители обычно не частят к новобрачным, потому что и американцы, и британцы уважают обычай не тревожить невесту в первый год, но из-за положения в обществе Эдварда мне пришлось принимать жен его ближайших друзей, а потом отвечать на их визиты. Довольно быстро мне наскучило это до смерти – что я, молодая американка, едва окончившая школу, могла сказать вдовствующей герцогине, которая за всю жизнь ни разу не выезжала за пределы Англии? Я погрузилась в изучение газет, чтобы знать и говорить о текущих событиях, и проводила долгие часы за «Генеалогией» Берка, пытаясь познакомиться с историей английской аристократии.

Но худшее ждало меня впереди. Главным интересом Эдварда была политика, и вскоре начались пышные политические обеды и бесконечные изматывающие «вечера». Я могла бы избежать их, сославшись на усталость в связи с беременностью, но чувствовала себя прекрасно, и мне претило лгать Эдварду. И потом, я не люблю сдаваться. Поэтому вновь принялась за

работу – пыталась освоить британскую политику, но меня не отпускала мысль, что британцам не хватает письменной конституции. К тому же меня начали утомлять так называемые злободневные вопросы. Вскоре я даже подумала, как приятно было бы почитать об отделении южных штатов вместо бесконечных препирательств о парламентской реформе или о том, должен или не должен мистер Гладстон отменить налог на бумагу.

Однако я не сдавалась. Я прочла книгу Джона Стюарта Милла «О свободе». И даже, отклонившись от политических и социальных вопросов, «Происхождение видов» Дарвина, но тут Эдвард увидел, что я читаю, и пресек мои занятия.

– Бога ради, не говори о социализме и эволюции в чьем-нибудь доме, в который я тебя привожу! – воскликнул он в ужасе. – Читай «Самопомощь» Сэмюэла Смайlsa, если тебя интересует социальное состояние простых людей. И попробуй немного поэзии, если хочешь продвинуться дальше твоих обычных легких романов. Ты читала «Королевские идиллии»?

Я не читала. Я не любила поэзии, к тому же мне казалось, что теория Дарвина гораздо привлекательнее фантазий Теннисона. Я достигла возраста, когда мне хотелось поднять бунт против безжалостно корректного религиозного воспитания Амелии, и, хотя я по-прежнему страстно верила в Бога – которого я, будучи ребенком, идентифицировала с моим пожилым отцом, – я с удовольствием представляла себе, как все эти фарисейские священники погружаются в ступор, сталкиваясь с этими новыми научными гипотезами. Но в кругах Эдварда такие разговоры считались ересью, и я думала, что ничто так категорически не разделяет стариков и молодежь, как одно только упоминание имени Дарвина.

– Видимо, мы кажемся тебе очень консервативными, – сказал мне как-то раз сочувственно Эдвард.

И устаревшими, подумала я, вспомнив обескураживающую запутанность английской классовой системы, но промолчала. Конечно, в Нью-Йорке тоже существует классовая система и безобразный снобизм. Мне стыдно признаваться, но был в моей жизни неприятный момент, когда я сама сверху вниз смотрела на девицу, чей отец зарабатывал в год не больше двадцати тысяч, и все же классовая система в Америке совсем другая, гораздо более неофициальная и гибкая, гораздо более... да, единственное существующее для этого слово – «демократичная».

– О да, – иронически ответил Эдвард, когда я высказала ему эти соображения. – Мы все с огромным интересом наблюдаем за американским демократическим экспериментом.

Полагаю, ирония его происходила из убеждения, что демократия

кончится с началом гражданской войны. Но я не думала, что будет война. Фрэнсис тоже не думал, потому что это могло плохо сказаться на торговле, и он собирался на приближающихся выборах голосовать против Линкольна.

– Как бы голосовала ты, если бы имела право? – спросил Эдвард, когда я показала ему письмо Фрэнсиса.

Поначалу я решила, что он поддразнивает меня.

– Эдвард, что за вопрос! Ты же знаешь, что женщины совершенно некомпетентны, когда речь заходит о политических решениях.

– Да, но только потому, что большинство женщин не получили образования. А не потому, что они некомпетентны как женщины.

Я никогда не переставала удивляться неожиданности некоторых суждений Эдварда. Какой бы предмет мы ни обсуждали, он демонстрировал раздражающе консервативный взгляд, но вдруг, когда я уже теряла всякую надежду на более гибкую позицию, небрежно отпустил замечание столь радикальное, что я с недоумением спрашивала себя, как ему удавалось избежать ярости своих старомодных коллег по политике. Сегодня, когда политическое поле разделяется жесткими границами, мы забываем о предыдущей эпохе, к которой принадлежал Эдвард, – эпохе коалиций, неотчетливых разделений по партиям и независимой политической мысли.

– Элеонора обладала чутьем в политических вопросах, – пояснил он. – У нее была природная склонность к политике, это правда, но к тому же она получила образование – ей наняли первоклассную гувернантку. Я не считаю, что женщины должны получать точно такое же образование, как мужчины, но уверен: женщинам нужно предоставлять больше возможностей, например какие были предоставлены Элеоноре. Однако, прежде чем давать образование женщинам в этой стране, мы должны дать образование мужчинам. – Он заговорил энергичным голосом, будто произносил речь в палате лордов. – Каждый мужчина обязан получить хотя бы начальное образование, и глупо утверждать, хотя так говорят многие, что рабочие классы не получают от образования никакой выгоды.

Тогда-то он и рассказал мне о его эксперименте в области образования. Он отправил сына ирландского крестьянина, Родерика Странахана, сначала в школу в Голуэе, а потом в университет в Германии.

– А теперь я подумываю о другом эксперименте, – с энтузиазмом добавил он. – У меня есть занятый молодой арендатор Драммонд, и я думаю, что ему пойдет на пользу отправка в Сельскохозяйственный колледж. Но это пойдет на пользу не только ему, но и мне! – тут же пояснил

он, когда я похвалила его за альтруизм. – Он вернется более просвещенным фермером и будет распространять просвещение среди других моих фермеров, а они безнадежно отсталые в сельскохозяйственных вопросах.

Сельское хозяйство интересовало Эдварда больше всего после политики, но, поскольку у меня эта тема не вызывала интереса, она редко присутствовала в наших разговорах.

А пока все мои попытки пробиться через броню вежливости, в которую облачались знакомые Эдварда, не приносила никаких успехов, и в конечном счете я настолько отчаялась, что набралась мужества и пожаловалась ему. Но мои жалобы оказались напрасной тратой времени. Он просто отмахнулся от моих трудностей и заверил меня, что все только и говорят ему, какая я замечательная.

– Очень рада, – пробормотала я, пытаюсь подпустить энтузиазма в голос, хотя на самом деле на душе у меня стало мрачнее прежнего.

Я знала, что после всех моих углубленных изысканий, неудачи больше нельзя списывать на незнание английской жизни, а потому не оставалось ничего иного – только сделать вывод, что вина моя состоит в молодости и иностранном происхождении. С возрастом я ничего не могла поделать, но что касается происхождения, то тут можно попытаться стать больше англичанкой.

– Я решила стать англичанкой в большей мере, чем англичане, – сообщила я как-то утром Патрику. Эдвард уже ушел в библиотеку надиктовывать письма своему секретарю, а мы с Патриком задержались в столовой. – Я хочу научиться говорить с английским акцентом.

– У англичан нет акцента, – удивленно ответил Патрик. – Они говорят по-английски. С акцентом говорят иностранцы.

– Вздор! – горячо возразила я, не зная, то ли мне смеяться, то ли плакать, но, когда он хихикнул и добавил, что я очень веселая, поняла, что слезы будут неуместны.

– А вообще, – продолжил он, – зачем что-то менять? Англичане не любят иностранцев, которые пытаются перестать быть иностранцами. Это нечестно.

– Но что же мне делать?! – возопила я, чувствуя себя окончательно сраженной английской замкнутостью.

– А зачем что-то делать? Думаю, вы и так очень милы.

– Похоже, больше никто так не считает, – угрюмо проворчала я. – Я здесь уже целый месяц, а все смотрят на меня как на какого-то зверька из зоопарка.

– Ну, месяц – это еще слишком мало! – заявил Патрик, но я, не зная,

что ответить, поспешила из комнаты наверх, задернула все занавеси кровати с балдахинном и с головой зарылась под подушку, после чего, охваченная самой унижительной жалостью к себе, принялась рыдать и занималась этим до полного изнеможения.

И тогда мне стало лучше. Я села в кровати и вспомнила, как в Нью-Йорке люди либо игнорировали меня, либо шептались у меня за спиной – говорили, какая жалость, что я такая дурнушка. Теперь, по крайней мере благодаря Эдварду, меня никто не игнорировал и я всегда одевалась привлекательно. Раздвинув занавеси на кровати, я встала и принялась рассматривать себя в зеркале. Никаких признаков; пока еще слишком рано, но мысль о ребенке так радовала меня, что я забыла о пожилых англичанах, смотрящих на меня как на сумасшедшего подростка. Да я даже согласилась с Патриком: нельзя так скоро ждать положительных результатов.

Позднее я почувствовала гордость за то, что сумела настроить себя на такое философское отношение к жизни, но тем не менее, когда Эдвард тем вечером объявил, что пора ехать за город, я тут же обрадовалась возможности поменять глупую напыщенность Лондона на пасторальный покой Вудхаммер-холла.

3

Один из самых обескураживающих аспектов моего вхождения в английское общество состоял в том, что большинство его представителей отсутствовали: они уехали из города на парламентские каникулы. При этом сам процесс оказался мукой смертной. Если меньшинство так напугало меня, то как мне удастся пережить сезон следующего года, когда придется столкнуться с английским светом *en masse*? Однако эти мрачные размышления остались позади, когда мы покинули Лондон и я погрузилась в нетерпеливые ожидания знакомства с Уорикширом.

Ежегодные поездки Эдварда (как и большинства людей, принадлежащих к его классу) обычно повторяли друг друга по времени и маршрутам. Когда шли заседания парламента, он находился в Лондоне, лишь иногда ненадолго вырываясь то в Вудхаммер, то в Кашельмару, но, когда парламентская сессия заканчивалась, он месяца на два уезжал в Ирландию. В Англию возвращался в октябре, наносил визиты друзьям, принимал их сам, а потом отправлялся в Вудхаммер-холл, где тоже рассылал приглашения, осматривал поместье и удовлетворял свою страсть

к охоте. К Рождеству снова ехал в Ирландию, но в середине января, когда собирался парламент, возвращался в Лондон. Однако в этом году мое появление разрушило привычный ритм его жизни: сначала мы поженились в июне, в самый разгар сезона, потом уехали на медовый месяц, растянувшийся на два, и, наконец, я забеременела, отчего долгая поездка в Ирландию становилась проблематичной. Однако я чувствовала себя прекрасно и была готова ехать, но Эдвард и думать об этом не хотел.

– Кашельмара слишком далеко от цивилизованного мира в твоём нынешнем состоянии, – сразу же заявил он, – и если, не дай бог, что-нибудь случится, то никто не знает, когда мы сможем заполучить ближайшего доктора. Нет, в течение следующих нескольких месяцев ты должна оставаться в Англии.

Он даже предложил мне пожить в Лондоне и после рождения ребенка, но мысль о невозможности бегства за город приводила меня в ужас.

– Загородный воздух укрепит меня, – убедительно настаивала я. – И потом, мы ведь к январю вернемся в Лондон, правда?

С неохотного разрешения моего доктора мы в ноябре уехали в Вудхаммер, и я подготовилась к двухмесячному блаженству.

Но у меня не было привычки к загородной жизни. После Нью-Йорка я обнаружила, что загородная жизнь пугающе тиха, а неторопливый ее ритм категорически напоминает мне кладбищенский.

– Тебе сейчас, пока ты в таком положении, вовсе не обязательно наносить и принимать визиты, – твердо сказал после нашего приезда Эдвард. – Ты должна воспользоваться возможностью вести уединенный образ жизни.

– Как монахиня! – воскликнула я, улыбаясь, чтобы скрыть мое отчаяние. – Дорогой, я бы так хотела узнать и других твоих друзей. Мы не могли бы устроить один-два небольших обеда?

И вот я снова оказалась среди пожилых англичан, излучавших свою характерную ледяную вежливость, но теперь мне некого было винить, кроме себя самой. Эдвард настаивал на том, чтобы свести нашу светскую жизнь к минимуму, и, пока он пропадал целыми днями на охоте, а Патрик занимался со своим новым учителем, я писала длинные письма в Америку и старалась не тосковать по Нью-Йорку.

Мне не то чтобы не нравился Вудхаммер – этот степенный, красивый дом с высокими каминами и классическим елизаветинским садом. И даже не то чтобы мне не нравилась Англия. Вокруг нашего дома располагались затейливые домики и деревни. Маленькие коттеджи с соломенными крышами, вековые церкви, построенные из серого камня. Уорик тоже был

поразительным городком, с улицами, отстроенными наполовину деревянными домами, и замком точно как на книжных иллюстрациях к сказкам; я даже поначалу не поверила, что он настоящий. Да, на английскую сельскую местность было приятно смотреть, она даже вызывала восхищение, но, как все говорят, влажность и туманы здесь такие, что англичане не в состоянии толком протопить свои дома. Большую часть времени в Вудхаммере я провела, греясь у камина под тремя шерстяными шальями. Все слуги думали, что я сумасшедшая, но, к счастью, беременным женщинам простительны всевозможные экстравагантности.

Еще одна досаждавшая мне сторона жизни в Вудхаммере – это еда. Никакого разнообразия овощей, только бесконечные сало, выпечка и картофель. Один раз я даже видела пудинг из сала, выпечки и тертой картошки – все это вместе на одном блюде. Но когда я попыталась объяснить, почему это вызывает у меня отвращение, слуги смотрели на меня в полном недоумении.

Я уже не в первый раз отмечала, как невыносимо трудно дается общение с англичанами. Я предполагала, что с этим не должно возникнуть сложностей, поскольку мы вроде бы говорим на одном языке, но часто не могла понять ни слова из сказанного, а еще чаще они слушали меня, глядя вежливо-недоуменными, остекленевшими глазами, намекавшими на то, что они понимают меня так же плохо, как и я – их. Теперь, много лет спустя, я приспособила мой словарь к местным реалиям и почти не употребляю американских выражений, но первые месяцы в Англии я, вероятно, постоянно использовала фразы, которые либо никогда не применялись в Англии, либо вышли из употребления сто лет назад.

Но хоть и через муки, я в конце концов начала чувствовать, что англичане становятся мне понятнее. Я к этому времени, например, уже знала, что друзья Эдварда не желают говорить на определенные темы, которые часто обсуждаются среди друзей Фрэнсиса в Нью-Йорке. Ньюйоркцы постоянно говорят о Европе. Европа то, Европа се. Европейских мод ожидают затаив дыхание, европейские новости обсуждаются с большой торжественностью, европейские искусства и драматургия импортируются и становятся предметом для обсуждения в культурных кругах. В Англии никто не произносит слово «Европа». Англия не считает себя частью Европы, а прочие европейские страны здесь сочувственно называют «Континент» – большая и, конечно, отсталая территория где-то к востоку от Белых скал Дувра. Англичане ездят на Континент путешествовать, понаблюдать за французами, а иногда и подраться с ними. Англичане среднего класса ездят туда торговать, но это

делается очень со вкусом и почти не упоминается в разговорах. В целом же англичане не говорят о Континенте. Они рассуждают об империи, научном прогрессе и политике. В отличие от Америки, где никто из уважающих себя людей не лезет в политику, в Англии политика считается исключительно цивилизованной игрой высшего общества, не такой веселой, как лисья охота, но доставляющей необыкновенное удовольствие умному клубу избранных. Она также дает возможность Исполнить Свой Долг Перед Народом. Англичане считают себя очень, очень цивилизованными, вероятно, самым цивилизованным народом, которого Господу хватило мудрости наделить ответственностью за остальной мир, и чем скорее иностранец согласится с этой истиной, тем скорее будет принят английским обществом.

– Я смотрю, тебе тут нравится! – доброжелательно воскликнул как-то Эдвард, когда мы готовились к Рождеству. – Только не думай, что мне неизвестны проблемы, с которыми ты столкнулась.

Не подозревая о том, мы приближались к новому кризису, а мои трудности ни в коей мере не кончились.

Рождество – время переживаний для иммигранта. В целом мне с переменным успехом удавалось преодолевать периодические приступы тоски по дому, но, когда промелькнули декабрьские дни, меня охватило желание увидеть мой старый дом, усыпанный сверкающим снегом и в сосульках. Я приходила в себя от невежества англичан, которые и слыхом не слыхивали про День благодарения, наш неофициальный, но широко отмечаемый семейный праздник в конце ноября, а когда по почте пришли подарки и рождественские письма от моей семьи, это было почти невозможно вынести.

Фрэнсис написал мне длинное нежное письмо, и я пролила над ним немало слез и в итоге размазала все строки его красивого почерка. Мне писала Бланш, мне писала Амелия (я никогда не думала, что меня может тронуть письмо Амелии), мой племянник Чарльз тоже написал мне, и даже моя племянница Сара написала. Десятилетняя Сара, в которой Фрэнсис души не чаял, сочинила не коротенькое письмо, а текст на целых две страницы обо всех праздниках, на которые ее приглашают, и платьях, которые она собирается надеть, и я поймала себя на том, что снова плачу. Чарльза я любила, но Сару любила еще больше... но это потому, что она так походила на отца.

Бланш писала о том, кто вышел замуж, кто развелся, Амелия перечисляла обанкротившиеся семейства, а Фрэнсис сообщал о том, сколько денег заработал. Все это было таким очаровательно неанглийским,

и передо мной на пару мгновений предстал яркий гобелен Нью-Йорка, так непохожего на скучный, чопорный, благопристойный Вудхаммер-холл.

– Фрэнсис пишет что-нибудь о политической ситуации? – поинтересовался Эдвард, поняв, что я жажду поговорить о моей семье, и я, захлебываясь от поспешности, чтобы скрыть слезы, ответила:

– Нет, почти ничего, разве только что он опасается, как бы Линкольн не выиграл выборы, и поэтому инвестирует в самые разные отрасли – ведь рынок может обвалиться. Он не хочет думать о том, что будет, если начнется война. Все покупают одежду – вдруг цена хлопка взлетит к небесам. И устраивают вечеринки на случай худшего развития событий, а наши соседи устроили маскарад, и там шампанское лилось из фонтана с золотым купидоном в холле.

– Бог ты мой, – сказал Эдвард. – Надеюсь, они нашли способ охлаждать его.

Ни один муж не мог бы быть добрее ко мне, чем Эдвард в мои трудные дни, и я в сотый раз думала, что счастливый брак может сгладить даже самую невыносимую тоску по дому, но тут в Вудхаммер пришли две важные новости из-за границы. В первой сообщалось, что Линкольн выиграл президентские выборы, а вторая – гораздо более важная для меня в моем нынешнем состоянии – пришла от дочери Эдварда Катерин, которая была совершенно убита неожиданной смертью мужа и умоляла Эдварда немедленно приехать в Санкт-Петербург и увезти ее домой.

4

– Ты не можешь уехать! – воскликнула я. – Ребенок... я не могу сопровождать тебя... Рождество... ты не успеешь вернуться вовремя.

К моему стыду, я разрыдалась. Я начинала подозревать, что моя слезливость в значительной мере объясняется беременностью, потому что, как я уже говорила, я не из тех женщин, которые льют слезы с поводом и без повода.

– Веду себя просто ужасно! – застонала я. – Понимаю это, но ничего не могу с собой поделать. Я сочувствую Катерин, но не хочу, чтобы ты уезжал.

– Я тоже не хочу уезжать. Думаешь, я бы провел Рождество вдали от тебя, если бы мог остаться? Но Катерин – моя дочь. Она в скорби. Она больна и просит меня о помощи. Мой долг помочь ей.

– А как насчет твоего долга передо мной?

Я взорвалась от негодования и выскочила из комнаты, прежде чем он успел ошибочно принять мою панику за гнев. В спальне я опять спряталась за занавесями и приготовилась рыдать до изнеможения, когда вдруг почувствовала едва заметную дрожь где-то в глубине моего тела. Я села в возбуждении. Ребеночек тут же зашевелился снова. И теперь я перестала быть такой трусливой, даже некоторую храбрость почувствовала. Когда минуту спустя появился Эдвард, чтобы успокоить меня, я бросилась в его объятия и снова попыталась извиниться.

– В конечном счете я буду не такой уж одинокой, – пробормотала я и объяснила, что случилось, на том ссоре и закончилась, а на следующий день он неохотно убыл в Санкт-Петербург.

Я даже думала, что он в последний момент поменяет решение, но твердо вознамерилась загладить свою вину и почти вытолкала его за дверь, когда настало время прощаться. Но потом, когда я стояла на ступеньках крыльца и смотрела, как уезжает по дорожке экипаж, настроение у меня упало – и, наверное, упало бы еще сильнее, если бы Патрик дружески не взял меня за руку.

– Я буду опекать вас, пока папа не вернется, – сказал он, сжимая мои пальцы. – У нас будет прекрасное Рождество вдвоем, вот увидите.

Он и вправду был замечательным мальчиком.

Глава 2

1

Учитель Патрика мистер Булл, пожилой, высохший старичок, согласился в этом году отказаться от Рождества, чтобы присматривать за Патриком, пока отсутствует Эдвард. Но и получаса не прошло после отъезда Эдварда, как его сын нарисовал мистера Булла, очарованным взглядом глядящего на безразлично жующую корову, и повесил картинку на люстру в столовой на обозрение всех слуг.

– Это очень глупый поступок, – строго сказала я, когда он появился несколько часов спустя, прогуляв все уроки. – Мистер Булл был в ярости, и он пожалуется твоему отцу.

– Папа привык к жалобам моих учителей, – сказал неугомонный Патрик. Потом зевнул. – Я ненавижу учителей. Мой друг Дерри Странахан говорит, что люди становятся учителями, когда не могут стать никем другим.

В качестве наказания Патрику был задан обширный перевод из «Записок о Галльской войне» Юлия Цезаря, но после трудов, на которые у него ушло все утро, он появился всего лишь с шестью неплохими набросками Юлия Цезаря, сражающегося с Гнеем Помпеем. Цезарь был высокий и светловолосый, как Патрик, а Помпей странным образом походил на мистера Булла.

– Патрик, ты хочешь поссориться с отцом? – спросила в недоумении я.

– Нет, но я считаю латынь бесполезной тратой времени. Мой друг Дерри Странахан говорит, что ужасно поддерживать мертвый язык в живом состоянии, когда давно уже пора похоронить его достойным образом. Хотите увидеть мои другие рисунки?

Он явно хорошо владел карандашом. Я не сочла его акварели выдающимися – у Бланш акварели получались не хуже, – но примечательнее всего остального была резьба по дереву, которую он мне показал. Патрик вырезал птиц и животных. Иногда это были одиночные фигурки, а иногда целые сценки на деревянной панели. Он трудился в крохотной комнатке на чердаке, где на полу густым слоем лежали опилки, и хотя ранние работы были грубоваты, но с годами его мастерство явно улучшалось. Я с удовольствием разглядывала его этюд, изображающий

кошку с котятами, и еще один – сеттер с фазаном в зубах.

– Ты очень талантливый, – искренне сказала я, пытаюсь представить, что бы подумал Эдвард о наклонностях сына.

– Это просто – быть талантливым в том, что тебе нравится, – ответил Патрик. – А когда речь заходит о вещах, которые мне не нравятся, то все мои таланты исчезают. – Он робко мне улыбнулся. – Вам и в самом деле нравится моя резьба?

– Очень. – Чутье подсказало мне, что не стоит спрашивать, что думает о его увлечениях отец. – Ты показывал эти фигурки кому-нибудь еще?

– Нет, папа этого не одобряет. Он считает, что это плотницкое занятие, а плотник – это ремесленник.

– Отец знает об этой твоей комнате?

– Да, знает, но не обращает на нее внимания, пока никому другому об этом не известно. Папа вообще не обращает внимания на то, что его не интересует. Мой друг Дерри Странахан говорит...

– Ты так часто упоминаешь мистера Дерри Странахана! – с улыбкой перебила я.

– Разве человек не должен время от времени говорить о своих друзьях? Послушайте, кухня Маргарет, возьмите кошку с котятами – это рождественский подарок от меня.

– Я бы с удовольствием, – призналась я, – но я не должна это делать, если Эдвард не одобряет твои занятия. Это было бы неправильно.

Он был разочарован, и я, чтобы отвлечь его, предложила прогуляться по деревне. После этого у нас вошло в привычку прогуливаться каждый день, а вскоре он предложил прокатиться с ним верхом.

– Нет, я не могу, – сказала я. – В моем положении это не рекомендуется.

– В каком положении? – спросил он с наивностью, которая больше подошла бы мальчику в два раза моложе, а потом покраснел до корней волос.

– Ты хочешь сказать, отец тебе не говорил? – удивленно спросила я.

Он, потеряв дар речи, отрицательно покачал головой, а его смущение оказалось таким заразительным, что я тоже словно онемела. Мы возвращались из деревни слегка туманным утром, которые так типичны для Англии зимой, а впереди за парком маячили высокие трубы нашего дома.

– Что ж, – произнесла я наконец, чувствуя, что должна защитить Эдварда, – я думаю, негоже обсуждать такие вещи так заранее, но поскольку уж я упомянула, то добавлю: ребенок родится в апреле и мы назовем его Томас. Только, пожалуйста, никому не рассказывай, потому что

я не хочу, чтобы твой отец был оскорблен каким-нибудь неприличием.

– Да, – серьезно ответил он. – Конечно.

Он все еще был настолько смущен, что мне некоторое время никак не удавалось найти подходящих слов.

– Полагаю, ты не будешь возражать против брата. Понимаю, в какой-то степени для тебя это может стать докукой, но представь, как это будет хорошо для Томаса – иметь брата на столько лет старше его. Мой брат Фрэнсис старше меня на восемнадцать лет, так что я говорю со знанием дела.

– Да, конечно, – согласился Патрик. – Уверен, папа очень рад.

– Думаю, вполне, – проговорила я самым непринужденным голосом, какой у меня получился, и переменила тему со скоростью жонглера, подбрасывающего в воздух новые тарелки. – Патрик, расскажи мне о твоём друге мистере Странахане. Судя по твоим словам, он человек очень примечательный. Неужели нет никакой надежды на его приезд в течение трех лет, что он учится во Франкфуртском университете?

– Ни малейшей. – Патрик сразу же погрузился. – Понимаете, он попал в ужасную переделку в Ирландии, и папа отправил его во Франкфурт скорее в качестве наказания, чем для учебы.

– Но что он такого сделал? Мне как-то не хотелось спрашивать об этом прежде.

И Патрик с готовностью принялся болтать о том, о чем предпочел умалчивать Эдвард. Как я узнала с его слов, мистер Странахан был ложно обвинен в аморальном поведении одним пьяным ирландским мужем, который попытался убить обоих – Странахана и несчастную невинную женщину, вовлеченную в это происшествие.

– Ужасно! – воскликнула я, хотя эта сплетня и очаровала меня. Вульгарная сторона моей натуры всегда получала удовольствие от скандалов, происходящих из того, что романисты называют «безумная страсть». – Бедный мистер Странахан!

– Да, просто ужасно! И он ни капельки ни в чем не виноват, но папа теперь этого ни за что не признает. Если только... послушайте, кузина Маргарет, а вы бы не могли замолвить словечко за Странахана перед папой, когда он вернется? Я пытался, но меня он не слушает.

– Вряд ли он послушает и меня.

– Непременно послушает! Если бы вы попросили его разрешить Дерри приехать на каникулы...

– Что ж, может быть, – пообещала я, увидев неожиданный шанс. – Но я это сделаю, только если ты будешь слушаться мистера Булла и

перестанешь рисовать его влюбляющимся в корову.

Патрик зашелся от смеха и подпрыгнул от радости.

– Договорились! – воскликнул он. – Договорились! Договорились! Договорились!

Он принялся танцевать передо мной на дорожке, словно хорошенький золотошерстный щенок, которому пообещали вкуснейшую, сочнейшую косточку.

2

Наступило Рождество. Утром мы отправились в церковь, а потом до обеда я отдыхала. Вечером для скорбных мыслей об Эдварде в далеком Санкт-Петербурге времени не было. Мы играли в нарды и криббедж, а потом Патрик вырядился для своего моноспектакля. Мы оба смеялись над его глупыми выходками, пока от смеха силы совсем не оставили нас. Наконец мы решили, что настало время для музыкальной интерлюдии, и тогда я уселась за рояль (пианистка из меня никакая), а Патрик начал петь, но, поскольку его пение было ничем не лучше, чем мое брэнчание, мы на пару производили ужасающий шум.

– Я когда-то пел, – скорбно сказал Патрик. – У меня было сопрано. Но теперь голос у меня изменился, и я больше не знаю, какой он.

– Когда у тебя голос окончательно сломается, то будет красивый баритон.

– Он уже окончательно сломался! – оскорбленно воскликнул он, и мы снова принялись хихикать, как двое детей в классе.

Я много месяцев так не смеялась и после долгого ожидания скучного Рождества испытала огромное облегчение и чувствовала себя совершенно беззаботно.

После ужина мы пошли в холл для слуг, чтобы посмотреть их празднование, и Патрик представил меня молодым людям и женщинам, которые были его друзьями детства. Одна из них была горничной в буфетной, другой – конюхом, третий – чистильщиком ножей, а последняя, дочь кухарки, так хорошо проявила себя, что теперь служила горничной в гостиной. Все были веселы и вежливы, и, когда мы наконец ушли, я, вздохнув, сказала Патрику:

– Должна отметить, что в Вудхаммере и вправду очень хорошо, хотя поначалу я ужасно тосковала по городской жизни.

– Мне в Вудхаммере нравится гораздо больше, чем в Лондоне, – признался он. – Я здесь родился и вырос, здесь мой дом.

– Тебе здесь нравится больше, чем в Кашельмаре?

– Кашельмара! – Он поморщился. – Кашельмара на конце света. – Патрик схватил меня за руку, другой рукой обнял за талию и принялся кружить в беззвучном вальсе по большому холлу в направлении к лестнице.

– Патрик! Не так быстро! – взвизгнула я, но, когда он рассмеялся, тоже рассмеялась, и мы принялись кружиться в полутьме вместе. – Все! – выдохнула я наконец. – Мне нужно сесть!

Мы сели перед громадным камином, и я вдруг затосковала по рукам Эдварда, по его сильному телу, прижимающемуся к моему. Я замерла, глядя на угли. Патрик бесконечно болтал, почему он любит Вудхаммер, а когда я снова смогла слушать его, оказалось, что он приглушенным, мечтательным голосом рассказывает о дубовой лестнице, которая была вырезана Гринлингом Гиббонсом.

– По-моему, она очень красивая, – услышала я собственный голос и вдруг так четко увидела в Патрике Эдварда, что мне захотелось протянуть руку и ухватить это ускользающее подобие, но через секунду оно исчезло, а он продолжал говорить с мальчишеской наивностью:

– Можно мне поцеловать вас под омелой, прежде чем вы пойдете спать?

Он был таким красивым, его волосы отливали тускловатым золотом, а таких голубых глаз я не видела ни у кого. Я вообще не встречала молодых людей, которые казались бы мне столь красивыми.

– Ох, я не верю в поцелуи под омелой, – сказала я. – Такой языческий обычай. Доброй ночи, Патрик. Спасибо за прекрасное Рождество.

Я оставила его, и ноги понесли меня, не спотыкаясь, до моей комнаты, но когда я легла чуть позднее, то долго лежала в темноте без сна. Думала, что я, наверно, очень дурная и испорченная. Беременные женщины не должны вожделеть, но в ту ночь я вожделела к Эдварду не менее страстно, чем во время нашего медового месяца, а где-то внутри меня зрела злость к нему за то, что он так надолго оставил меня.

3

Две недели спустя он вернулся. Очень высокий – я все время забываю,

какой он высокий, – и очень красивый, и я любила его, как никого в мире. И хотела я тогда только одного – уйти с ним в нашу комнату и сказать ему, как скучала без него, но, конечно, это пришлось отложить, потому что с Эдвардом приехала потерявшая мужа Катерин, облаченная в траурные одежды, бледная. Ее изящное лицо было скрыто за самой ужасной из вуалей, какие можно себе представить.

– Здравствуйте, кузина Катерин, – сказала я, исполненная решимости быть любезной, невзирая на то что она не ответила на мое дружеское письмо, которое я написала после свадьбы. – Я очень огорчилась, узнав о вашем несчастье. Примите мои искренние соболезнования.

– Спасибо, кузина Маргарет.

Она держалась очень формально и холодно, как канадский ветер. После ее слов наступило неловкое молчание. Эдвард предложил ей до чая отдохнуть в ее спальне, а когда она согласилась, я была вынуждена проводить ее наверх.

– Рада, что здоровье позволило вам перенести путешествие, – неуверенно пробормотала я. – Полагаю, что теперь, когда вы дома, вам станет лучше.

– Да, – подтвердила Катерин.

– Надеюсь, дорога была не слишком утомительна?

– Нет.

– Вам, наверное, стало легче, когда вы увидели отца.

– Да.

Меня поразила не только ее односложная одеревенелость, но и полное отсутствие какой-либо благодарности. Я подумала, приходило ли ей в голову, как мне было тяжело лишиться общества Эдварда и насколько эта поездка разрушила его планы и привычный быт? Решив не настраивать себя против нее, я попыталась оправдать ее поведение, напомнив себе о понесенной ею утрате.

У себя в комнате она сняла вуаль, и я увидела, что она воистину красива. Темноволосая, с длинными черными, чуть загибающимися ресницами и – по контрасту – чуть ли не прозрачной кожей. К тому же без вуали она казалась моложе, и тут я вспомнила, что она всего на два года старше меня.

Появилась горничная с горячей водой. Личная горничная Катерин уже начала распаковывать вещи.

– Я могу сделать для вас что-нибудь еще? – вежливо спросила я и, когда она отрицательно покачала головой, поспешила к Эдварду, с которым мне не терпелось соединиться после столь долгого ожидания.

Мы долго рассказывали друг другу, как одиноко и тоскливо провели Рождество. Я тщательно подбирала слова, чтобы он не подумал, как весело мне было с Патриком. Потом, когда Эдвард спросил, а я рассказала ему про Томаса, он поведал о своем долгом путешествии через всю Европу в холодное величие Санкт-Петербурга. Он там был много лет назад с Элеонорой, и один или двое из его бесчисленных знакомых все еще работали там в посольстве. Я терпеливо выслушала его описание вчерашней России и сегодняшней, с жадностью внимала его выводам о том, что там не только ничего не изменилось, но и обречено никогда не меняться, и все это время думала с томлением, какой он красивый и как я странным образом не гожусь для воздержания.

– Но что тебе советует доктор? – спросил он встревоженным голосом, когда последняя свеча была потушена, а кожа у меня горела так, что вполне могла прожечь простыню.

– Ой, я совсем забыла тебе сказать, – проговорила я, молясь Господу, чтобы Он простил мне мою ложь. – Доктор Ивс считает, что после пятого месяца это абсолютно безопасно. Согласно последним научным исследованиям беременности.

– Какая это замечательная штука – научный прогресс! – воскликнул Эдвард со своим ироничным смешком, который мне всегда так нравился, и после этого мне уже не пришлось беспокоиться о муках воздержания.

На следующее утро меня охватил виноватый страх – не повредила ли я ребеночку, но Томас оставался, как всегда, активным, и вскоре я пришла к мнению, что ошибочно верить каждому слову доктора. И в самом деле, что знают доктора? К тому же всем известно, что они постоянно меняют мнение относительно наилучшего способа лечения своих пациентов.

К счастью, я вскоре отвлеклась от своей больной совести, потому что наутро после возвращения Эдварда мистер Булл запросил аудиенции у своего нанимателя, и я знала, что ничего хорошего о Патрике он не скажет.

– Эдвард, – проговорила я, когда тот допил вторую чашку чая и готовился встать, – могу я поговорить с тобой, прежде чем ты примешь мистера Булла в библиотеке?

– Конечно. – Он отпустил слугу и улыбнулся мне. – О чем?

– О Патрике. Эдвард, он немного хулиганил после твоего отъезда, но я убедила его вести себя лучше, и он исправился. Я просто хочу, чтобы ты знал об этом, прежде чем будешь говорить с мистером Буллом.

– Понятно. – В его глазах появилось безразличное выражение, но я решила не замечать этого.

– Да, и еще, если уж мы говорим о Патрике; я вспомнила, что хотела

тебя попросить еще кое о чем! – беспечно добавила я. – Мой дорогой, Патрик так скучает по своему другу мистеру Странахану. Я понимаю, что его образование нельзя прерывать, но, может быть, ты позволишь ему вернуться на короткие каникулы? Патрик будет очень рад, и я с удовольствием с ним познакомлюсь.

– Значит, таким было условие примерного поведения Патрика.

– Понимаешь...

– Ответ на твою просьбу – «нет». Дерри совершил серьезный проступок, и я запретил ему появляться в моем доме три года не только в качестве наказания, но и чтобы отделить его от Патрика. Я не вижу абсолютно никаких оснований пересматривать мое решение и не собираюсь этого делать.

– Понятно. – Перед лицом такого догматического утверждения своей власти спорить было не о чем. По крайней мере, подумала я, смогу сказать Патрику, что попыталась.

– И, Маргарет, ты очень обяжешь меня, если в дальнейшем не будешь становиться на чью-то сторону в делах, которые не имеют к тебе отношения.

– Я не становилась ни на чью сторону, – с несчастным видом возразила я.

– Нет? – Он посмотрел на меня холодным, жестким взглядом. – Рад слышать. Это бы создало ненужное напряжение в наших отношениях, а я не понимаю, зачем кому-либо из нас лишние переживания. Поэтому прошу тебя: не надо больше бессмысленных заступничеств за Патрика. Занимайся исключительно вопросами, связанными со мной и твоим ребенком.

– Да, – ответила я. – Конечно. Но я не могу полностью исключить себя из жизни твоих детей.

– Да и я бы не хотел этого. Но роль мачехи – трудная роль и в лучшие времена. А быть мачехой взрослых детей, когда тебе самой только восемнадцать, – нелегкое испытание. Ты можешь облегчить свою жизнь, если будешь оставаться в стороне, когда возникают какие-то разногласия.

– Хорошо, – согласилась я. – Как тебе угодно.

И я прикладывала все усилия, чтобы следовать его совету, но при этом не могла не думать, что меня вполне устраивает держаться в стороне от Катерин, хотя держаться подальше от Патрика было затруднительно.

Катерин казалась мне очень скучной. Пока мы оставались в Вудхаммере, избегать ее не составляло труда, но в начале года мы вернулись в Лондон, и тут у меня начались серьезные испытания. Легко уклоняться от встреч с кем-то в особняке размера Вудхаммера, но совсем

другое дело – избегать кого-то в компактном городском доме.

Катерин бродила по дому в своем вдовьем трауре, как плохая актриса в мелодраме на Друри-лейн, и к началу февраля я уже стала спрашивать себя: сколько еще смогу выносить ее присутствие в моем доме?

Соломинкой, переломившей хребет верблюду, стало решение Эдварда съездить ненадолго в Кашельмару. Вопрос о моей поездке не стоял, но, поскольку Эдвард брал с собой Патрика, чтобы преподать ему урок в управлении имением, я очень надеялась, что Катерин присоединится к ним.

Но у Катерин были на сей счет другие соображения.

– Пересекать Ирландское море в такое время года выше моих сил, – сообщила она, а когда я намекнула, что для нее это шанс встретиться с сестрой Аннабель, которая жила во вдовьем доме в Кашельмаре, высокомерно добавила, что ей нечего сказать Аннабель после ее злосчастного второго брака.

– Понятно, – пробормотала я с упавшим сердцем. – Значит, вы останетесь здесь.

Она смерила меня холодным взглядом.

– Если для вас это неприемлемо, – процедила она после короткой убийственной паузы, – то я уеду в Кент к родителям мужа.

– Нет-нет, что вы! – виновато воскликнула я, думая, какая это прекрасная мысль. – Вы ни в коем случае не должны уезжать от нас, Катерин!

– Почему нет? Совершенно очевидно, что вы хотите избавиться от меня.

Это стало для меня сильным ударом. Неужели я совсем не умела скрывать свои чувства? Я быстро пролистала в памяти последние дни и ничего предосудительного за собой не обнаружила.

– Я категорически отрицаю... – энергично начала было я, но Катерин оборвала меня.

– К тому же, – продолжила она, – вы явно не в состоянии понять, что я нахожу наше совместное пребывание под одной крышей таким же невыносимым, как и вы. Лишь христианское милосердие подвигает меня на то, чтобы я жалела, а не осуждала вас за низость, которая мешает вам понять, что какие-либо интимные отношения в вашем возрасте с мужчиной в возрасте моего отца недопустимы. Ваше положение вызывает у меня чувство брезгливости. Да что говорить – стоит мне на вас посмотреть, как у меня тошнота подступает к горлу.

Тот, кто когда-либо страдал от безумной зависти, не может не заметить ее симптомы у другого человека. Я ответила ей удивленным смиренным

голоском:

– Вы завидуете! – Признаю, что это было не самое разумное замечание, но я была так взвинчена ее яростными нападками и поначалу слишком ошеломлена, чтобы не вернуть ей оскорбления.

– Завидую?! – воскликнула она, вытягиваясь во весь рост и уставясь на меня высокомерным взглядом.

– Завидуете! – бросила я ей в лицо это слово, начиная приходить в себя. – Вы завидуете моему месту в сердце вашего отца!

– Какая отвратительная клевета! – воскликнула она, при этом лицо ее было словно высечено из камня. – Это ложь! Я не знаю, какое место вы занимаете в сердце моего отца, но я прекрасно знаю, какое место там принадлежит мне. Я его любимая дочь. И всегда была. Да, я знаю, с Нелл он общался больше других, но только потому, что она намного старше нас, а когда мама заболела, Нелл стала ему опорой. Но когда Нелл вышла замуж за человека ниже ее по положению, даже она разочаровала его! Но я – никогда! Это я нашла себе блестящую пару. Он в день свадьбы сказал мне, как он гордится мной, и это стоило всех жертв, тех двух ужасных лет брака и кошмарных зим в Санкт-Петербурге. Такому вульгарному существу, как вы, трудно понять, какой несчастной я себя чувствовала! Но на протяжении всего этого времени мое место в сердце папы оставалось неизменным. Разве не доказательство тому, что он поехал за мной в Санкт-Петербург, чтобы привезти меня домой? Я знала, что он приедет. Я его любимая дочь, и вы с этим ничего не можете поделать.

Я этого не могла вынести. Она была совершенно несносна.

– А я его жена! – закричала я. – И вы с этим тоже ничего не можете поделать, вы, холодное, эгоистичное, отвратительное существо! Как вы посмели тащить его в Петербург для того только, чтобы доказать себе, что он приедет, если вы своими громкими стонами будете просить его о помощи! Как вы посмели лишить нас нашего первого совместного Рождества? Если вы считаете, что отец обожает вас настолько, то вам бы стоило послушать, как он был взбешен необходимостью тащиться через всю Европу, чтобы сделать то, что для него было всего лишь утомительным долгом!

– Вы злобная, беспринципная маленькая лгунья...

– Как вы смеете называть меня так?!

– А как вы смеете говорить, что папа не любит меня?! – вскричала Катерин, и ее каменное лицо покрылось десятком морщин отчаяния, и она с рыданиями выбежала из комнаты.

Меня настолько удивило, что она способна пролить хоть слезинку, что

несколько секунд я стояла неподвижно, глядя ей вслед. Но, начав понемногу остывать, взвесила ситуацию – так же я взвешивала очередной ход в шахматной партии. Можно либо умыть руки и надеяться, что она вскоре уберется из дома, либо предпринять попытки убедить ее в том, что я вовсе не такое подлое чудовище, каким она меня представляет. Чутье подсказывало, что нужно начать умывать руки, но затем я подумала, что, возможно, слишком сильно задела ее, сказав о нежелании Эдварда ехать на ее спасение. Я не сомневалась, что чувствовала бы себя совершенно несчастной, если бы Фрэнсис спас меня из какой-нибудь жуткой ситуации, а потом мне бы сказали, что он сделал это через силу, тогда как на самом деле хотел остаться в Нью-Йорке с Бланш.

Я дала Катерин полчаса, чтобы прийти в себя, а потом постучала в дверь ее спальни.

– Катерин, – заговорила я, когда мы снова оказались лицом к лицу, – думаю, мы обе вели себя весьма глупо. С вашей стороны было глупо утверждать, что мой брак с вашим отцом отвратителен, когда он на самом деле очень романтичен, а я повела себя еще глупее, избегая вас все эти недели, тогда как с первых дней брака желала иметь друга моих лет. Возможно, у нас нет ничего общего и любая попытка подружиться может закончиться полным провалом, но я бы хотела, по крайней мере, попытаться. Разве мы не можем начать с чистой страницы и относиться друг к другу с меньшим предубеждением и бóльшим... – я искала подходящее слово и вовремя вспомнила выражение из ее репертуара, – христианским милосердием?

Как осел, идущий за морковкой, Катерин не могла противиться искушению продемонстрировать милосердие.

– Я уверена, никто больше меня не хочет вести себя по-христиански, – важно заявила она, придя в себя от изумления, но, вспомнив о своей зависти, добавила: – Я не удивляюсь, что вам не хватало общества людей вашего возраста, но нужно было думать об этом перед тем, как выходить замуж за папу.

– Да, знаю, – серьезно согласилась я, спрашивая себя, насколько хватит моего терпения, несмотря на все благие намерения. – Знаю. Но как я завидую вам, Катерин! Хотя вы и отсутствовали два года, но наверняка знаете множество девиц в Лондоне вашего возраста!

– Разумеется, у меня без числа знакомых такого рода, – подтвердила Катерин все тем же тоном, – но я, конечно, сейчас совсем не в том настроении, чтобы наносить визиты.

– Да и мое положение мне тоже не позволяет. Но возможно, позднее,

весной...

– Пожалуй, в июне я бы могла отправить знакомым одну-две визитки, – согласилась Катерин. – Вы могли бы сопровождать меня, если захотите.

– Ой, я бы очень хотела! – воодушевленно защебетала я. – Огромное спасибо, Катерин.

Таким было предисловие, а ко времени возвращения Эдварда из Кашельмары мы с Катерин находились во вполне цивилизованных отношениях. До закадычной дружбы нам было еще далеко, но мы вместе прогуливались по саду после завтрака, а вечером, когда обменивались мнениями о нашем любимом журнале мод, она даже, случалось, предлагала сыграть мне на рояле. Играла она превосходно. Что говорить, она была одной из тех девиц, которые, кажется, преуспевают во всем, чем занимаются. Мир называет это хорошим воспитанием, но меня такое воспитание просто бесило.

– Катерин изумительно вышивает, – сообщила я Эдварду. – Обязательно посмотри ее вышивку! А на рояле играет даже лучше Бланш, а ее рисунки... – Я хотела сказать, что ее рисунки такие же талантливые, как у Патрика.

– Я очень рад, что ты уделяешь столько внимания Катерин, – благодарно ответил Эдвард. – Я всегда опасался, что ты сочтешь ее скучной.

После короткой паузы я пробормотала:

– Катерин не скучная. Просто немного робкая.

– Робкая! Мне она казалась совершенно уравновешенной... но какая жалось, что она такая механическая и холодная! Элеонора всегда говорила, что Катерин – настоящая маленькая восковая кукла.

Последовала еще одна долгая пауза.

– Правда? – спросила я наконец. – Восковая кукла? Да, мне это говорит кое-что о Катерин, но гораздо больше говорит об Элеоноре.

Я медленно встала и подошла к окну гостиной с видом на площадь. Я теперь всегда двигалась медленно, потому что приобрела такие неловкие формы. Деревья за окном стояли голые, со свинцового неба падал снег.

– Родители нередко отпускают скоропалительные замечания, когда дети выводят их из себя, – легкомысленно бросил Эдвард, целуя меня, отчего я тут же забыла о Катерин. – Быть родителем – трудная работа. Ну да ты сама скоро об этом узнаешь.

– Надеюсь, – буркнула я и, громко вздохнув, прижалась к нему. – Если Томас когда-нибудь решится появиться на свет. Ты понимаешь, я начинаю

думать, что я не только всегда имела такие формы, но теперь и всегда буду иметь.

Две недели спустя на свет появился Томас.

4

Томас родился маленьким, всего шести фунтов, но очень активным. Он был безволосый, с яркими глазами и губками бантиком. Чосер назвал бы его тщедушным. Я видела в младенце наилучший образец из всех возможных, и стоило мне взять его на руки, как я тут же была пленена.

– Посмотри, какой он хорошенький! – гордо заявила я Эдварду, а когда младенец заплакал, я в удивлении добавила: – И как громко он кричит!

– Восхитительно энергичный, – с мрачным лицом подтвердил Эдвард, но затем улыбнулся, а когда он поцеловал меня, я была уверена: в тот момент нет в мире женщины счастливее меня.

Роды прошли легко, и потому я быстро восстановилась. И мне хотелось быстро восстановиться по причинам, которые с учетом моего отношения к воздержанию были вполне логичными, но, когда в конце мая доктор Ивс сообщил, что теперь я могу снова жить полной жизнью, мне показалось, что восстанавливалась до нормального состояния я дольше, чем рассчитывала. Начало лета было неудобным временем для Эдварда и для меня, но понемногу все стало улучшаться, и, когда парламент наконец ушел на каникулы, Эдвард решил, что пора отправиться в давно ожидаемое путешествие – в Кашельмару.

– Как хорошо! – воскликнула я; мне и в самом деле очень хотелось увидеть место, которое он считал своим домом. – Не могу дождаться, когда уже увижу Ирландию!

– А я так давно собирался показать тебе ее, – ответил он, довольный моим энтузиазмом. – Мы можем поехать туда вдвоем – только ты и я – и остаться месяца на два. Я немедленно отправлю Филдинга, чтобы он подготовил поездку.

– А Томас?

– Нет, Ирландия не будет ему полезна в таком возрасте. Нэнни и кормилица позаботятся о нем в Вудхаммере, а в октябре мы вернемся к нему.

– Как это трудно, – произнесла я. – Извини, дорогой, но это меня никак не устроит. Ты не можешь предложить какой-нибудь другой вариант?

Он посмотрел на меня недоуменным взглядом:

– Элеонора всегда считала, что младенцев лучше оставлять в Англии.

– Но я ведь не Элеонора, правда?

– Я это прекрасно знаю, – быстро пробормотал он, слишком поздно поняв, что совершил ошибку. – Но после того как я видел смерть моего самого дорогого ребенка в Ирландии...

– Да, это, вероятно, было очень тяжело, но в том, что касается болезней, я фаталистка. Да, Томас может заболеть в Ирландии, но точно так же может он заболеть и в Вудхаммер-холле. И что я буду при этом чувствовать, находясь в трех днях пути, в Кашельмаре?

– Ты хочешь сказать, что Элеонора...

– Нет, дорогой, ничего такого я сказать не хочу. Пожалуйста, не думай, что я осуждаю Элеонору. Я просто говорю, что я – не она, только и всего. И пожалуйста, не думай, что я не допускаю и мысли о расставании с Томасом даже на один день. Я бы с удовольствием поехала с тобой в Ирландию на второй медовый месяц, но тогда давай договоримся, что мы расстанемся с Томасом на две недели, но не на два месяца. Нэнни и кормилица смогут привезти его в Кашельмару.

– Тогда и другие дети должны быть с нами, – произнес он, инстинктивно пытаясь быть справедливым.

– Конечно! Почему нет? Но сначала мы проведем две недели вдвоем.

– Так. Значит, ты хочешь одним выстрелом убить двух зайцев! – воскликнул он, рассмеявшись, а я, увидев, что он соглашается со мной, смогла только выдохнуть с облегчением: супружеская ссора закончилась, так и не начавшись.

5

Патрик предупредил меня, что Кашельмара находится на краю света, но каким же изумительным оказался этот край – огромные горы, вырванные из черной земли и раскинутые неровным кругом у берегов озера! Когда экипаж добрался до вершины перевала высоко над долиной и я наконец смогла посмотреть на Кашельмару, меня ошеломила, но в то же время и напугала безупречная красота. Я никогда прежде не видела таких пейзажей. Озера и долины – да, в штате Нью-Йорк всего этого тоже хватает, но там к тому же много леса, а здесь, в Коннахте, ландшафт такой голый, что мягких границ и плавных линий, которые у меня всегда

ассоциируются с сельской местностью, просто не существует. Для меня, горожанки, в этих огромных голых горах, возвышающихся над нами, словно уснувшие животные, было что-то пугающее, как и в громадных безлюдных просторах болот и пустошей, бегущих облаках, соединяющихся и разъединяющихся, будто их передвигает невидимая рука на бесконечном небе.

– Вон та гора называется Мать Дьявола, – объяснял Эдвард. – Источник многих местных легенд. А потом с запада на восток: Ноклаур, Бенви, Лейнабрика, Скелтия... – Он говорил о горах так, словно это были люди. – А за ними, хотя отсюда и не видно, Маумтрасна, самая высокая из них. Граница графства проходит по вершинам гор, а там вот Мейо. Местные называют эту землю Джойс-кантри, по имени племени. Коннемара, земля, по которой мы проезжали после Утерарда, находится в Джойс-кантри, но считается отдельной от нее.

Коннемара, Утерард, Мейо – в моей голове стоял звон ирландских названий. Я уже третий день находилась в Ирландии. В первый мы приехали в Дублин и провели ночь в гостях у лорда-наместника в Дублинском замке. На следующий день поездом доехали до роскошного «Железнодорожного отеля» в Голуэе, а этим утром оставили Голуэй и наняли экипаж, чтобы преодолеть последние сорок миль до дверей Эдвардова дома. Так что к этому времени я уже несколько часов могла созерцать Ирландию: от великолепия Дублинского замка до нищеты крестьянских хижин, и чем больше я видела, тем яснее понимала, что некоторые мои прежние представления были безосновательными.

В Нью-Йорке много обсуждают Ирландию. В городе полно американцев ирландского происхождения, которые при любой возможности с готовностью говорят о родине. Как и у других семей с положением, у нас была своя Бриджит на кухне и Китти в посудомоечной – обе они громко пели хвалу своей земле. Я слышала о бесчисленных оттенках зеленого, и чудных хижинах с соломенными крышами, и милых эльфах, танцующих над болотом. Но никакие рассказы не подготовили меня к подобной нищете, грязи, попрошайничеству, мазанкам и разрушенной, искореженной земле, вид у которой был такой, будто по ней прошла опустошительная война. Чем дальше на запад мы продвигались, тем более жуткие виды открывались моему взгляду, и наконец Великий голод сороковых перестал быть легендой прошлых лет – его зло осталось в великолепии этой неземной, мистической страны.

– Эдвард, я знаю, ты – хороший землевладелец, – сказала я, пытаюсь сохранить тактичность по отношению к нему, хотя в моей голове оживали

темные ирландско-американские воспоминания. – Ты сделал для Ирландии все, что было в твоих силах, но почему другие английские землевладельцы не могут последовать твоему примеру?

– Есть немало хороших землевладельцев. Просто плохие всегда на слуху – в этом все и дело.

– Но если так много хороших землевладельцев, то почему Ирландия пребывает в таком прискорбном и нищенском состоянии? Я хочу спросить... почему англичане считают необходимым сохранять Ирландию под своей властью? Может быть, ирландцы сумеют лучше управиться сами?

– Моя дорогая, – попытался объяснить Эдвард, – если бы ты жила в роскоши, в прекрасном доме и увидела у своего крыльца нищего, то что бы ты сделала? Не обратила бы на него внимания под тем предлогом, что право каждого человека – заботиться о себе без посторонней помощи, или ты бы пригласила его в свой дом и постаралась накормить и облегчить его страдания?

– Ну...

– У нас нравственные обязательства перед Ирландией, – уверенно проговорил Эдвард. – Наш долг в том, чтобы искупить прежние грехи и улучшить нынешнее состояние страны. Ирландским секретным обществам бесполезно требовать независимость. Неоспоримый факт состоит в том, что без помощи Англии ирландцы будет голодать, а Ирландия одичает.

– Но, Эдвард, – возразила я, – конечно, понимаю, что я – невежественная чужестранка, но разве ирландцы и без того не голодали, а Ирландия – эта часть Ирландии – не имеет дикий вид?

– В противоположность бытующему в Ирландии мнению Англия много сделала, чтобы помочь Ирландии во время голода, хотя я и согласен с тем, что этого было недостаточно. Мы должны найти способ предотвращать эти периодические случаи голода, но это невозможно сделать, пока сельское население зависит исключительно от такого уязвимого источника питания, как картофель. Если дать им стимул экспериментировать с новыми культурами, а не просто высаживать из года в год ряды картофеля... – Он принялся говорить о земельной реформе. – Дать крестьянам больше прав на их землю... в настоящее время у них нет стимула к ее улучшению... после голода я экспериментировал – дал моему лучшему арендатору свободу рук на пятьдесят лет... удивительно, как он изменился внешне, получив право собственности, но такая свобода рук почти неизвестна в Ирландии – вначале она не дает никаких прибылей землевладельцу, но в длительной перспективе...

Пока он говорил, я разглядела самую тайную причину его привязанности к Кашельмару. Это имение стало для него вызовом. Я так хорошо представляла его в более молодые годы, когда он, устав от проблем, которые не востребовали всех его способностей, искал новые миры, чтобы покорить их, а потом увидел свое имение после голода в разрухе, опустошенное и, казалось, не подлежащее восстановлению.

А мы тем временем свернули с дороги, экипаж проехал в ворота и дальше по длинной, петляющей дорожке.

– А вот и мой дом, – сказал наконец Эдвард, у которого загорелись глаза.

Я увидела старомодное сооружение, простое до строгости, но если кто любит архитектуру прошлых лет, то его бы такой дом, вероятно, вполне устроил своим видом. Лично мне нравится, чтобы было немного готики, но мои вкусы в архитектуре все же обычно шли в русле последней моды.

– Белые дома всегда очень элегантно выглядят, – пробормотала я; мне хотелось быть искренней, но я не могла не видеть, как элегантность теряется в сорняках на дорожке и щербатых каменных ступеньках.

Я вспомнила Вудхаммер, идеально сохранившийся и хорошо содержавшийся, и подумала, что два этих дома персонифицируют разницу между Англией и Ирландией: первая – богатая и удобная, а вторая – в шрамах прошлой трагедии и пребывающая в небрежении.

– За домом, наверное, какой-нибудь хороший сад? – поинтересовалась я за неимением других тем.

– Нет, ирландцы не верят в сады, – с радостным видом ответил Эдвард. – Там есть газон, а во времена моего отца рос кустарник, но я его выкорчевал, чтобы выращивать овощи. Здесь, видишь ли, нужно использовать каждый квадратный дюйм орошаемой земли.

Удивительно, неужели я могла думать о нем как об англичанине? Ни один англичанин никогда не стал бы корчевать кустарник.

– Уверен, ты вскоре будешь чувствовать себя здесь как дома, – добавил он, но я ни разу в жизни еще не чувствовала себя такой чуждой всему, что видела вокруг, даже Англия задним умом стала казаться уютной и знакомой, как Америка.

Однако в девятнадцать лет легко приспосабливаешься к новому, и я была полна решимости считать Кашельмару приятным местом для посещений, хотя про себя и благодарила Бога, что мне не придется жить здесь двенадцать месяцев в году. Моим благим намерениям способствовали слуги, которые были искренне нам рады. Большинство из них почти не говорили по-английски, так что общение было практически невозможно, –

я быстро оставила все попытки объяснить горничным смысл слов «пыльный» и «грязь», – но они улыбались с такой готовностью и казались исполнены доброжелательства, так что я прощала им все, кроме грелки, которая текла у меня в постели. Но даже Хейс, дворецкий, объяснил течь с таким пылким воображением, что очаровал меня, и я смирила нрав. У меня случались долгие разговоры с Хейсом и его женой, которая исполняла роль экономки, не только потому, что они были единственными людьми в доме, говорившими на приемлемом английском, – они еще утверждали, что в восторге от американского произношения. Проведя несколько месяцев среди англичан, которые были так добры, что не пеняли мне на дефекты речи, я с удовольствием выслушивала подобные комплименты.

В скором времени приехал из своего дома в Леттертурке племянник Эдварда – Джордж, напыщенный невысокий человечек, а потом появились еще три сквайра, мистер Планкетт из Аслеа, мистер Нокс из Клонбура и мистер Кортни из Линона. Их жены, облаченные в одежды, вышедшие из моды лет десять назад, так хотели познакомиться со мной, что я начала верить, будто мой приезд – самое знаменательное событие, случившееся здесь за много лет. Когда же мы наносили ответные визиты, я увидела еще больше Ирландии: от дома Джорджа в Леттертурке на поросших тростником берегах Лох-Маска до знаменитого постоялого двора в Линоне, который выходил на воды похожей на фьорд гавани Киллари.

– Мне не следует посетить бедняков? – спросила я Эдварда через две недели после нашего приезда.

Он был все это время занят – объезжал имение с его управляющим Макгоуаном, а мне наскучило читать, играть с собой в шахматы или совершать одинокие прогулки на небольшой золотой бережок на западной оконечности озера в ожидании прибытия Томаса из Англии.

Эдвард был доволен.

– Что ж, есть один или два дома, которые содержатся лучше, чем другие, и ты могла бы их посетить при желании, и, конечно, арендаторам определенно понравится, если ты нанесешь визит главным представителям кланов в долине.

– И кто же они?

– Шон Денис Джойс и... постой, я тебе, кажется, говорил о нем – молодой Максвелл Драммонд.

История взаимоотношений местных кланов была невероятно запутанной, но Эдвард пояснил мне, что Драммонд, которого он собирался отправить в Сельскохозяйственный колледж, через свою мать связан с кланом О'Мэлли, а О'Мэлли и Джойсы – два самых многочисленных

семейства в долине.

Мистер Драммонд жил с двумя ходившими в старых девах тетушками в аккуратном беленом домике, достаточно большом, – язык не поворачивался назвать его фермерским. За домом располагался картофельный огород, по двору с одной стороны расхаживали куры и поросята, а прямо у дверей лежала куча навоза. К моему удивлению, навоз не издавал запаха – его смешали с землей из болота, а в этой земле, как объяснял мне Эдвард, содержалось какое-то вещество, которое и уничтожало естественный запах. В доме особой чистоты я не заметила. До сих пор помню курицу – она сидела в висевшем на стене ведре. Впрочем, меня удивил безукоризненный порядок. К моему удивлению, я даже увидела три книги, они, протертые от пыли, лежали на столе, что произвело на меня впечатление. Одна из них была Библия (на латыни), другая – английская грамматика (с неразрезанными страницами), а третья – зачитанная книжка под названием «Легенды, мифы и другие истории почтенной страны Ирландии».

– Мой отец был человеком читающим, миледи, – объяснил молодой мистер Драммонд, который оказался моим ровесником и явно не страдал застенчивостью. – Я сам выучился читать в пятилетнем возрасте, я правду говорю, тетя Бриджи?

Тетя Бриджи подтвердила его слова: да, так и было, и одна Пресвятая Богородица знает, какое то было удивительное зрелище – ребенок, едва достигший пяти лет, сидит уткнувшись носом в книгу библейского знания.

– И я путешествовал, миледи, – добавил мистер Драммонд. – Я видел и другие места, кроме Джойс-кантри, ведь мой отец из Ольстера, и во время голода он вернулся домой в графство Даун, где было больше надежды прокормиться и найти работу. Я проехал через графства Мейо, Слайго, Литрим, Каван, Монахан и Арма – всю Ирландию повидал, а настанет день – и еще увижу, да поможет мне Бог.

– Мистер Драммонд слишком самоуверенный, – неодобрительно доложила я потом Эдварду. – Он все время говорил о себе, пока я была у него.

Эдвард удивленно посмотрел на меня.

– Он не похож на других крестьян Коннахта – умнее, и знает об этом, – ответил он. – Если это означает, что он чересчур высокого мнения о себе, я не собираюсь его разубеждать. Это делает его честолюбивым, а Господь знает, среди моих арендаторов мало найдется таких, у которых хватает честолюбия улучшить либо себя, либо свои земли.

И на следующий день он вызвал мистера Драммонда в Кашельмару и

предложил ему год обучения в Королевском сельскохозяйственном колледже в Дублине. Когда я вернулась после посещения главы семейства Джойс, то увидела в холле мистера Драммонда.

– Господь вас благословит, миледи, – произнес он с таким взрывом ирландского обаяния, что меня чуть с ног не снесло, и тогда я, к моему удивлению, увидела, что он вовсе не так непривлекателен, как мне показалось с первого взгляда.

Лучшая его одежда плохо на нем сидела, но тетушки для такого случая подровняли ему волосы, а его смуглая кожа посвежела.

– Я еду в Дублин! – воскликнул он с горящими глазами. – Лорд де Салис, несомненно, лучший землевладелец на ирландской земле!

И когда Драммонд мне улыбнулся сияющей улыбкой, я почему-то не смогла сдержаться, чтобы не улыбнуться ему в ответ и не пожелать благополучия.

– На самом деле меня не очень заботит мистер Драммонд, – заметила я позднее Патрику. – Он такой неотесанный и бесцеремонный, но все же в нем есть что-то привлекательное. Не могу сказать, что это. Думаю, мой любимый романист назвал бы это приземленностью.

– Приземленность! – глумливо воскликнул Патрик с ожесточением, вовсе не свойственным его характеру. – Да... приземленность навозной кучи! У вас очень странные вкусы, Маргарет, если вы считаете Драммонда привлекательным. Вот подождите – познакомьтесь с моим другом Дерри Странаханом! Тогда вы скажете, что Драммонд ничуть не привлекательнее тех свиней, которых он выращивает.

Я со временем узнала, что Драммонд приложил руку к наказанию Странахана, а потому Патрик к нему и не расположен.

Катерин предпочла остаться в Англии и посетить семью своего покойного мужа, а Патрик и мистер Булл приехали в Кашельмару с кормилицей, Нэнни и Томасом. Я была счастлива снова увидеть Томаса. Он подрос даже за те две короткие недели, когда мы были разделены, и я много времени проводила в детской, помогая ему ползать, – он напоминал маленького моржонка. У него восхитительно сильные мышцы на спинке и отважный характер.

– Не знаю, приедет ли Аннабель посмотреть на него, – сказал Патрик, с восторгом глядя на выходки Томаса. – Она еще не заходила?

– Нет. Эдвард предупредил, что тоже к ней не пойдет и я не должна. Жаль, правда? Я бы хотела с ней познакомиться.

– Постараюсь уговорить ее прийти. Расскажу ей, какая вы милая и как глупо она себя ведет.

Аннабель и ее второй муж разводили лошадей – популярное ирландское занятие. Поскольку она оставалась непримиримой противницей брака ее отца, меня не удивило, что Патрику не удалось убедить ее прийти, но в конечном счете, предполагая, что ей, вероятно, любопытно увидеть меня, так же как мне любопытно увидеть ее, я решила найти выход из нашей безвыходной ситуации. Я попросила Патрика сделать несколько набросков Томаса, купила щенка – одного из помета ирландского сеттера Ноксов – и отправила наброски и собаку в Клонах-корт с моими наилучшими пожеланиями.

Аннабель на следующий же день прислала приглашение.

А потом и я послала свою визитку в Клонах-корт.

– Мне казалось, я тебя просил не приглашать ее! – воскликнул Эдвард, когда я почтительно сообщила ему об этой новости.

– Но она первая пригласила! – возразила я, предъявляя в качестве доказательства ее визитку.

– Почему же ты мне не сказала?

– Не хотела тебя расстраивать, дорогой.

На следующий день я получила письмо: «Дорогая кузина Маргарет, спасибо за сеттера и рисунки ребеночка. У обоих, кажется, серьезный характер. Я, как правило, не интересуюсь детьми, но уверена, что когда-нибудь мы с Томасом встретимся. Ваша кузина Аннабель Смит».

Я тут же написала ответ: «Дорогая кузина Аннабель, буду счастлива познакомить Вас с Томасом. Я принимаю по вторникам. Остаюсь Вашей любящей кузиной, Маргарет Мариотт де Салис».

Завязав таким образом отношения, пусть и формальные, мы смогли удовлетворить взаимное любопытство без потери лица со стороны Аннабель и без страха вызвать гнев Эдварда с моей стороны.

Два дня спустя Аннабель появилась на нашей дорожке на коне, обвязала беззаботно поводья на ближайшем дереве и поднялась по ступенькам к двери.

6

– Думаю, вы считали, что я вела себя по отношению к вам чудовищно, – сказала Аннабель полчаса спустя, когда мы вернулись в гостиную из детской, – и так оно и было, конечно. Но иногда папа так меня злит, что я не останавливаюсь ни перед чем, чтобы разозлить его в ответ. И

знаете, оглядываясь назад, полагаю, что бóльшую часть моей жизни злилась на него по той или иной причине. Но мужчины бывают такими ужасными занудами, правда?

– Женщины тоже, – туманно пробормотала я, когда она сделала секундную паузу, чтобы перевести дыхание.

– О, женщины! – воскликнула Аннабель. – На женщин в этом мире накладывают столько обязательств, что они имеют все основания быть занудами, но у мужчин нет никаких извинений, как я сообщила моему мужу в тот день, когда решила уйти от него... хотя тогда и не ушла. В те годы я была моложе и трусливее. Ах, каким он был занудой! Понять не могу, почему я вообще вышла за него. Нет, неправда. Я точно знаю, почему за него вышла. Хотела бежать из Вудхаммер-холла. Вудхаммер! Тьфу! Он как гробница... нет, святилище. Святилище Луиса. Ведь папа рассказывал вам про Луиса?

– Бедняжка.

– Дрянь. Он был абсолютным поганцем. И ужасно избалованным! Я знаю, о мертвых не принято говорить плохо, но, если откровенно, я лучше буду говорить плохо, чем лгать. И настало время сказать правду о тех ужасных годах в Вудхаммере, после того как бедная мама стала затворницей. Я, разумеется, была предана маме – самой прекрасной и мужественной из женщин. И конечно, предана папе, хотя он и зануда, но как они смели вести себя так, будто после смерти остались бездетными? У них были еще четыре выжившие дочери и маленький сын. Почему они не благодарили судьбу за это? Разумеется, смерть Луиса стала трагедией, я не отрицаю, но им следовало уделять больше внимания живым, а не бесконечно оплакивать мертвых. Я вообще никогда не могла понять, почему они считали Луиса таким исключительным. Я была не глупее его и тоже хорошенькая, если говорить по правде. Но папа всегда смотрел на женщин как на низшие существа. Для мамы это, наверное, было тяжелым испытанием.

– Но ведь очевидно, что он восхищался умом вашей матери! И у него такие радикальные идеи касательно образования женщин.

– У папы? Радикальные? Господи милостивый, если он радикал, то я конокрад! Однако поймите меня правильно. Я знаю, папа человек выдающийся, и наверняка никто не восхищается его политической карьерой больше, чем я. Но я считаю его занудой, потому что никогда ни в чем не могла его убедить, пока между нами не начиналась ссора, а семейные ссоры, как вы наверняка знаете, кузина Маргарет, всегда ужасно выматывают.

Раздался стук в дверь.

– Извините меня, миссис Смит, – пробормотал Хейс, заглядывая в комнату, – но...

– Мой отец возвращается из Клонарина?

– Он сейчас скачет по дорожке к дому, в эту самую минуту.

– Мне пора. – Аннабель вскочила на ноги, схватила свой стек и начала натягивать перчатки. – Я была рада познакомиться с вами, кузина Маргарет, и должна поблагодарить вас за то, что приняли меня после всех неловкостей. Малютка прекрасен. Я довольна, что увидела его.

– Но разве вы не останетесь?..

– Лучше мне не оставаться, а то между мной и папой начнется очередной скандал. Может быть, вы передадите ему привет от меня как предложение мира после всех тех месяцев, когда мы с ним не разговаривали?

– Да, конечно. Но...

– Заезжайте в Клонах-корт и познакомьтесь с моим мужем, прежде чем уедете в Лондон. Папа, вероятно, сообщил вам, что Альфред ужасно грубый и вульгарный. Да, так оно и есть, но он хороший человек, такой веселый и никогда, никогда не бывает занудой. Я принимаю по средам.

– По средам. Замечательно. Но, кузина Аннабель, ваш отец говорил о вашем муже только хорошее. Он искренне рад, что вы счастливы в браке.

– Правда? Так почему же он не мог сказать об этом мне? – сердито спросила Аннабель. – Нет, он еще больший зануда, чем я думала!

Аннабель стремительно вышла из комнаты, не дав мне времени для ответа. Она спешила вниз по лестнице, чтобы не встретиться с отцом в холле.

7

– Что ж, я рад, что она вела себя цивилизованно, – произнес Эдвард, когда узнал о приезде Аннабель. – Она бывает такой неприветливой и занудливой. Когда я вспоминаю обо всех неприятностях, которые она доставила мне...

– Эдвард, мне совершенно ясно, что она очень тебя любит.

– Хотел бы я, чтобы это было ясно и мне, – горько ответил он, но после моих слов оттаял и признал, что тоже привязан к Аннабель, а еще добавил, что, если мне хочется, я могу съездить к ней в Клонах-корт.

Но я поехала к Аннабель не сразу. Решила, что не стоит торопить события, к тому же у меня будет масса времени в будущем, чтобы продолжить знакомство. И потому я дождалась последних дней нашего пребывания в Кашельмаре, села в экипаж и поехала на дальний конец озера с ответным визитом. Я выбрала правильный день, но не нашла никого дома. Хозяин и хозяйка, сообщили мне, уехали на лошадиную ярмарку в Леттертурк и не вернутся дотемна. Решив, что Аннабель забыла о своем обещании быть дома в эти дни или лошадиная ярмарка была слишком привлекательна, я оставила визитку и вернулась в Кашельмару.

Три дня спустя я снова ступила на английскую землю.

Мы в Ирландии не были отрезаны от мира: каждый день мальчик-конюх отправлялся за газетой, которую привозили в Линон дилижансом из Голуэя, но от событий в мире я была так далека, словно они происходили на другой планете. Однако стоило нам вернуться в Вудхаммер, как все это изменилось, и мне пришлось вспомнить о гигантских потрясениях в моей стране, оставляющих после себя кровавые следы катастрофы. Томас родился во время обстрела форта Самтер в апреле. Два дня спустя Линкольн призвал страну к оружию, а затем последовали новости о новых отделениях: Виргиния, Северная Каролина, Арканзас, Теннесси... и наконец мне стало казаться, что я слышу звук, будто рвется материя, – Америка разделялась на две части. Даже хорошие новости – сообщения о том, что некоторые рабовладельческие штаты отказались выходить из Федерации, – сопровождались новостями о разгроме федеральных войск в сражении у Булл-Рана. Меня охватила паника, когда я узнала об этом, но Фрэнсис написал: «Такого не повторится потому, что к следующему разу мы как следует подготовимся, и потому, что армию Потомака возглавит лучший из генералов, какой есть в Соединенных Штатах». И тогда я в первый раз услышала зловещий лязг имени Джорджа Б. Маклеллана.

К этому времени я, как и Фрэнсис, избавилась от моего первоначального недоверия к Линкольну, и теперь, когда война началась, у меня не оставалось сомнений, на чьей стороне правда. Но для меня, живущей ныне в Англии, одним из самых невыносимых аспектов войны было столь несуразное отношение к ней англичан. Прежде всего никто понятия не имел, за что сражаются люди. Большинство считало, что война как-то связана с вмешательством государства и нарушением прав собственности, а у англичан резко отрицательное отношение к вмешательству правительства в эту сферу. Даже люди, симпатизирующие Северу, считали, что дело только в неприятии рабства и не имеет никакого отношения к конституционным вопросам, но в то время эти люди были в

меньшинстве, поскольку общественное мнение симпатизировало южанам.

Тщетно Эдвард с иронией объяснял мне, что англичане в споре, как правило, встают на сторону слабейшего. Я пребывала в ярости, и такое объяснение меня просто не устраивало. Я прекрасно знала, что Англия давно озлобилась на северные штаты и рассматривает Америку как конкурента в мировых делах. Перспектива утереть нос этому конкуренту была слишком заманчива, чтобы ею не воспользоваться, но я считала, что такое поведение раскрывает наиболее непривлекательные стороны англосаксонской натуры.

Несмотря на обескураживающие известия из Америки и несносное отношение англичан, я чувствовала себя хорошо в Вудхаммере и порадовалась, когда мы вскоре стали чуть не каждый день принимать гостей, так что у меня не оставалось времени скучать. Среди знакомых, которых Эдвард пригласил на охоту, был и его ближайший друг лорд Дьюнеден, чью младшую замужнюю дочь я нашла наиболее близкой мне по духу. Ситуация лорда Дьюнедена напоминала ситуацию Эдварда до нашего брака. Он вот уже несколько лет как вдовствовал и подумывал о том, чтобы жениться еще раз. Я даже думала, что он может последовать примеру Эдварда и жениться на женщине гораздо моложе себя, потому что Дьюнеден проявлял необычайное внимание к Катерин, но сама Катерин быстро пресекла мои подозрения на сей счет, сообщив, что я начиталась всяких фривольных романов и имею слишком живое воображение.

– К тому же, – добавила Катерин, наслаждавшаяся уединением вдовьего траура, – я теперь долго не выйду замуж, а если вообще решусь, то выберу не плешивого старика.

Я не думала, что лорд Дьюнеден слишком стар для нее, – Эдвард был старше, но в том, что касается лысины, а к тому же и склонности к полноте – тут я с Катерин не могла не согласиться.

– Но он очень обаятельный, – возразила я. – И очень добрый.

– Может быть, – ответила Катерин с привычной холодностью, после чего мы с ней лорда Дьюнедена больше не обсуждали.

Мы прекрасно провели Рождество в Вудхаммере. Томас научился подниматься на ноги, цепляясь за планки своей кровати, а Патрик сделал замечательную зарисовку: Томас самодовольно поглядывает на перильца кровати. Патрик был добр с Томасом. Мы втроем часто играли в детской, но, хотя Эдвард каждый вечер и заходил к Томасу пожелать спокойной ночи, он лишь поглаживал сына по головке и наблюдал за ним несколько секунд.

– Томас будет тебе интереснее, когда станет постарше, – предположила

я, понимая, что не стоит ожидать от Эдварда поведения Патрика, который возился с ребенком на полу детской. – Вот будет забавно, когда он начнет ходить!

– Дети растут слишком быстро, – ответил он, улыбаясь мне. – Тебе его младенчество будет в радость.

– Ох, это такая радость. Но я жду, чтобы Томас теперь побыстрее вырос, в особенности еще и потому... – Но тут я замолчала. Я хотела сказать: «Потому, что вскоре, к моей радости, будет и еще один маленький», но почему-то прикусила себе язык.

– Почему? – спросил он, но, когда я так и не смогла объяснить, он догадался и поцеловал меня. – А как его зовут? – довольно поинтересовался Эдвард. – И когда появится на свет?

– Я думаю, в конце июня, – пробормотала я, разоруженная его хорошим настроением и чувствуя себя не такой смущенной. – Но имени у него еще нет, потому что имя должен выбрать ты. Имя Томасу я выбирала единолично – теперь твоя очередь.

– Нет, – уперся он. – Ты выбирай.

– Почему? – вскрикнула я. – Разве ты не хочешь выбрать имя? Неужели имя ребенка так мало для тебя значит?

И в эмоциональном припадке, какие свойственны мне во время беременности, я разрыдалась.

– Дорогая моя Маргарет! – Он был потрясен до глубины души. – Что ты говоришь?!

– Тогда выбери имя! – Я рыдала против воли, прижавшись к его груди, это была какая-то оргия плача.

– Дэвид, – сразу же предложил он. – В честь моего брата. Я его очень любил и помню, тебе он вроде бы понравился, когда приезжал в Нью-Йорк.

Это утешило меня. И я сумела произнести:

– Ты рад?

– Конечно, – сказал он, крепко прижимая меня к себе и глядя мои волосы.

Мое лицо все еще было прижато к его груди, и я не видела его выражения.

– Но для нас ведь ничего не изменится? – пробормотала я.

– Господи боже, что ты имеешь в виду?

– Ну вот с Томасом... иногда было трудновато... прежде... и особенно после... правда?

Он помолчал какое-то время, потом отрезал:

– Это все глупости. – А когда я попыталась возразить, он резко

добавил: – Ты, вероятно, считаешь меня очень эгоистичным, если думаешь, что я возражаю против детей.

– Но...

– Каждая женщина имеет право рожать детей.

– А долг каждого мужа беременеть жену? Ах, Эдвард, давай не будем говорить о долге и правах! Если ты не хочешь, чтобы я рожала ребенка...

– Моя дорогая Маргарет, – мягко, но очень твердо перебил он, – ты можешь не сомневаться: если бы я не хотел этого ребенка, я бы сказал тебе об этом задолго до его зачатия. А теперь, пожалуйста, не надо больше этой чепухи, или я по-настоящему рассержусь на тебя.

Мне стало гораздо лучше после этих его слов, и я сразу же принялась страстно целовать его. Меня во время беременности постоянно одолевала страсть, но это гораздо приятнее, чем страдать по утрам от тошноты или падать в обмороки.

После Рождества я не поехала с Эдвардом в Кашельмару, а отправилась в Лондон, где доктор подтвердил мое состояние и дал свои обычные скучные советы вести спокойный образ жизни. Вскоре Эдвард вернулся в Лондон, а королева созвала парламент. Потом я и оглянуться не успела, как зима сменилась яркой весной. С начала моей беременности я чувствовала себя превосходно, но в первых числах июня, когда до родов оставалось меньше месяца, случилось событие, обещавшее стать тревожным: дочь Эдварда Маделин бросила свой монастырь и написала отцу – спрашивала, можно ли ей вернуться.

Глава 3

1

Я представляла себе Маделин добродетельной героиней из романа Рэдклифф и фанатичной в своей религиозности, как первые христианские мученики. Никогда прежде я не видела монахинь. Эдвард не хотел с ней разговаривать, потому что она оскорбила его, сначала перейдя в римскую католическую веру, а затем поступив в монастырь, и даже когда она сообщила о своем намерении вернуться в мир, его единственная реакция была такой: «Слава богу, ум вернулся к ней, прежде чем она постарела настолько, чтобы не найти мужа».

– Ты хочешь, чтобы она жила здесь? – спросила я, не зная, в какой мере он собирается ее простить.

– Конечно, – ответил он. – Мой долг – предоставить незамужней дочери крышу над головой, но если она думает, что я буду относиться к ней как отец к блудному сыну, то, боюсь, ее ждет горькое разочарование.

Задавать вопросы и дальше у меня не было желаний, и я обратилась за информацией к Катерин, но та сразу же напустила на себя самое отстраненное выражение и сообщила, что ей почти нечего мне сказать.

– Но ведь она всего на год старше вас! – возразила я.

– У нас не было ничего общего, – отрезала Катерин и добавила со вспышкой прежней своей ревности: – Она была любимицей бабушки. Отсюда и ее фанатичная религиозность.

«Бабушка», как мне было известно, – это мать Эдварда, суетливая старушка, которая поддерживала самое папистское направление в Англиканской церкви и демонстрировала чудеса посредственности и долголетия.

– Она даже маму пережила, – размышляла вслух Катерин, – а когда папа уехал за границу после смерти мамы, в Вудхаммер приехала бабушка и заставляла нас каждый день молиться о смирении в нашей утрате.

– Разве это не ужасно?! – горячо вставил Патрик. – Такая тоска!

– А Маделин нравилось, – возразила Катерин. – Тогда-то она и стала религиозной. Папа потом говорил, что это вина бабушки.

– Не могу себе представить, что у Эдварда была мать, – заметила я. – Они не грызлись?

– Не ладили. – По моей просьбе Катерин добросовестно поправляла меня, указывая на американизмы. – Нет, они вполне ладили. Она была ему предана.

– Вообще-то, она была милая старушка, – добавил Патрик.

– А Маделин похожа на нее? – с надеждой спросила я, но у них обоих на лице промелькнуло сомнение.

– Фанатизм – это такое дурновкусие, – буркнула Катерин, а Патрик присовокупил:

– Не очень весело, когда тебе говорят, что ты обречен быть проклятым и вечно гореть в аду.

В этот момент у меня зародилось недоброе предчувствие относительно этого монстра-падчерицы, а когда Маделин приехала из своего ирландского монастыря, у меня едва хватило смелости, чтобы встретить ее в гостиной.

К счастью, со мной был Эдвард. Когда ее провели в комнату, он холодно произнес:

– Маделин, добро пожаловать домой. – Несмотря на жесткие слова, что я слышала от него прежде, он поцеловал ее и продолжил: – Позволь тебе представить...

Я смотрела на нее, не веря своим глазам. Никто мне не говорил, какая она привлекательная. Я намеренно использую слово «привлекательная», потому что Маделин не была красива, как Аннабель, или прекрасна, как Катерин, но обладала какой-то мягкостью черт, победительной округлостью, которой не могут противиться многие мужчины. Она была миниатюрная, как я, и чуть пухленькая. Смотрела с непередаваемым выражением своими спокойными голубыми глазами под чуть выющимися светлыми волосами. Я не могла представить себе девицы милее и послушнее.

– Здравствуйте, кузина Маргарет, – поприветствовала она, обведя заинтересованным, но не враждебным взглядом мою шарообразную фигуру, после чего закрыла свой маленький, похожий на розовый бутон рот с такой окончательностью, что я подумала, она вообще больше не скажет мне ни слова. Она повернулась к отцу. – Спасибо, папа, что принял меня, – вежливо проговорила Маделин, – но если все пойдет хорошо, то, думаю, я не буду долго затруднять тебя. Я подала заявление на должность сестры милосердия в Ист-Эндской благотворительной больнице моего ордена и намереваюсь начать работать там при первой возможности.

– Но я думал, ты оставила орден! – со злостью воскликнул Эдвард.

– Да, оставила. Я поняла, что не гожусь в монахини в монастыре. Для меня такое строгое послушание слишком затруднительно. Но орден по-

прежнему готов помогать мне, и когда я решила стать сестрой милосердия...

– Но ты, конечно же, не можешь быть сестрой милосердия! В жизни не слышал ничего нелепее!

– Не думаю, что мисс Найтингейл согласилась бы с тобой, папа.

– Меня не интересует мисс Найтингейл! – прокричал Эдвард, он уже пребывал в ярости. – Я тебе категорически это запрещаю!

– Да, папа, ты запрещаешь, но мой долг подчиняться Господу, как и всегда, сильнее моего долга подчиняться тебе.

Я бы никогда в жизни не осмелилась сказать такие слова Эдварду. Закрыв глаза в ожидании вспышки его гнева, я услышала откуда-то издалека чуть дрожащий голос:

– Кузина Маделин, вы, вероятно, устали после долгого пути, вам наверняка хочется отдохнуть. Позвольте, я покажу вашу комнату наверху.

Я удивилась, поняв, что этот голос принадлежит мне, но Маделин оставалась спокойной, а Эдвард не сделал попытки прервать меня. Я вывела ее из комнаты, прежде чем он успел взорваться, и поспешила вверх по лестнице, не закрывая рта: говорила о новых обоях в ее комнате, о путешествии поездом из Холихеда, спрашивала, не хочет ли она перекусить, не принести ли ей чая.

– Вы очень добры, – ответила она, благодарно глядя на меня, – но я могу подождать до обеда.

А когда я, уставшая, опустилась на кровать, она утешительно добавила:

– Знаете, вы не обращайте внимания на мои с папой отношения. Он давно привык к тому, что я – полная противоположность Катерин.

– Противоположность? – слабым голосом переспросила я. – Катерин?

– Конечно! Катерин считает, что если она перестанет быть послушной дочерью, то наступит конец света, а я считаю, что конец света наступит, если я стану покорной дочерью. Кстати, поскольку папа уже, наверное, подыскивает мне мужа, я буду вам крайне признательна, если вы передадите ему, что ни сейчас, ни когда-либо в будущем замуж я не собираюсь. Спасибо.

– Но...

– Вы проводите меня в детскую? Хочу посмотреть маленького Томаса. Обожаю детей. Знаете, когда-нибудь, если у меня будут средства, я мечтаю открыть приют для подкидышей.

– Как это благородно, но... в таком случае вы бы разве не хотели иметь собственных детей?

– Не выходя замуж? – спросила Маделин с очень серьезным видом, а потом разразилась таким заразительным смехом, что я не могла не присоединиться к ней. – Пожалуйста, поймите меня правильно, – сказала она наконец. – Брак – священный и благословенный институт, он как нельзя лучше подходит для человеческой расы, но Господь никогда не предназначал его для всех, верно? Такая простая истина, о которой трагически забывают женщины; их с колыбели обучают подчиняться диктату общества, а не воле Божьей. Да, здесь красивые обои. Занятно видеть новые веяния в убранстве дома! Одна из самых привлекательных черт американцев в том, что на них не давят века устаревших идей.

И после этого духоподъемного замечания все следы неловкости между нами исчезли, и вскоре я уже спрашивала себя, как долго удастся мне удержать ее с нами на Сент-Джеймс-сквер.

2

Мое удовольствие от пребывания Маделин в нашем доме ежедневно отравлялось неспособностью Эдварда сдерживать свой нрав по отношению к ней. Вряд ли Маделин можно было в чем-то винить, она всегда на все реагировала вежливо и любезно, но Эдвард никак не мог найти на это адекватного ответа.

– Если бы у тебя был муж и с полдюжины детей, то ты бы не чувствовала нужды работать в больнице, ухаживать за вшивыми подкидышами, – сказал он Маделин, когда она мягко упрекнула его за разговоры о женихах. А мне наедине он сердито добавил: – Если бы только я мог остановить всю эту больничную чепуху! Если бы я ее вразумил, она бы вскоре нашла подходящего жениха и зажила нормальной жизнью.

Он просто был не в состоянии понять. Ситуацию мог бы смягчить тот факт, что Маделин и не ждала от него понимания, но ее тихое приятие его неодобрения приводило Эдварда в бешенство. Тогда я осознала, что из всех дочерей Маделин больше всех его разочаровала. Он мог понять Аннабель, они были схожи, и, хотя Аннабель раздражала его в прошлом, Эдвард продолжал говорить о ней с любовью. Он выносил Катерин – она всегда стремилась угодить ему, и Эдварду не составляло труда быть добрым по отношению к ней. Но Маделин он не мог ни понять, ни выносить, и если бы я не была на сносях и они оба не опасались расстроить меня, то, думаю, безнадежно бы разругались через неделю после ее приезда.

Но мне Маделин нравилась. Хорошо, когда рядом заинтересованный человек, с которым можно обсудить неминуемое появление Дэвида и который разделяет мою поглощенность развитием Томаса. Надеюсь, я не принадлежу к числу тех занудливых женщин, что не могут говорить ни о чем, кроме своих детей, но если ты на девятом месяце беременности, то твой мозг только и занят что люльками, пеленками и погремушками, и Маделин, казалось, понимала это, как никто другой. Я нашла в ней утешение и хотела, чтобы она осталась.

Катерин стала дуться, но я велела ей не глупить; ее ничуть не интересовали дети, и я знаю, что в такое время я для нее – скучный собеседник.

– Но я не могу понять, с чего это вы с Маделин так подружились, – допытывалась Катерин, как всегда сгорая от зависти, потом добавила в отчаянии, словно говорила с малым ребенком: – У меня никогда прежде не было искреннего друга, а у Маделин их всегда целая куча!

– Бога ради, Катерин! – сердито воскликнула я. – Ну почему, черт возьми, я не могу дружить с вами обеими?

На это у нее, конечно, не нашлось ответа, и вскоре она стала благоразумнее, но я переживала из-за того, что они с Маделин так безразличны друг к другу, ведь между ними разница в возрасте всего в один год. Я ностальгически вспоминала Бланш. Этой весной она вышла замуж за богатого молодого человека, чья семья владела имением близ Филадельфии, и, хотя она писала восторженные письма о нем, мне показалось, что он скучен, а когда сестра прислала мне его фотографию, я увидела, что ее муж и вполнину не так красив, как Эдвард. Однако, поскольку она казалась счастливой, мне было легко радоваться за нее. Когда же Фрэнсис написал, что брак вышел вовсе не таким блестящим, на какой он рассчитывал для Бланш, я почувствовала себя еще более счастливой. Я очень любила Бланш и больше не завидовала ей, но в конце концов я всего лишь человек.

– Надеюсь, они будут счастливы, – сказала я Эдварду в день свадьбы Бланш. – Надеюсь, они будут счастливы, как мы.

– Надеюсь, они будут хотя бы вполнину счастливы, как мы, – ответил Эдвард, чья враждебность по отношению к Бланш со временем сошла на нет, – и даже это для них чрезмерно хорошее пожелание.

Эдвард был особенно добр со мной в конце беременности, потому что мы оба знали, как я ненавижу эти последние дни полноты, усталости и неспособности двигаться.

– Скорее бы уже появился Дэви! – восклицала я, вздыхая, но Дэвид

запаздывал, а когда наконец это случилось, я пожалела, что он не задержался еще.

Появление на свет Томаса прошло так легко и я так радовалась его появлению, что потом могла искренне говорить: процесс его рождения был для меня радостью. Даже думала тогда, что некоторые женщины делают много шума из ничего. Да, я понимала: мне повезло, но за все месяцы до рождения Дэвида мне не приходило в голову, что во второй раз мне повезет меньше, чем в первый. Я в своем невежестве и понятия не имела, что у одной женщины могут быть совершенно разные роды.

Дэвид родился попкой вперед. Если бы мне не помогли лучший доктор и повивальная бабка в Лондоне, то он, вероятно, родился бы мертвым. Может быть, умерла бы и я. И была уверена, что умираю. Маделин оставалась со мной во все время родов – никто не желал ее присутствия, но она хотела, а я тоже настояла – и в конце я, помнится, попросила ее соборовать меня по римскому обряду. А она вместо этого дала мне четки, чтобы я сжала их зубами – гораздо более разумное действие, – и я поняла, что из нее выйдет идеальная сестра милосердия.

Вскоре после этого я потеряла сознание, и, хотя перед появлением Дэвида я снова пришла в себя, доктор дал мне средство, считающееся сомнительным, – хлороформ, который принес чудесное облегчение от боли. Что говорить – я потом сердилась, что он не дал мне его раньше, но доктора осторожничают, когда дело касается естественного процесса деторождения, и он сказал, я должна радоваться, что вообще дал мне хлороформ.

Дэвид оказался гораздо крупнее Томаса и был совсем не похож на брата. Как только он появился на свет, я захотела посмотреть на того, кто принес мне столько страданий, и все могло сложиться печально, но Дэвид, к счастью для нас обоих, был красивым ребенком, розовым, белым и спокойным, и через день-другой я уже не находила в своем сердце никаких упреков к нему за такое мучительное появление на свет.

Естественно, на восстановление мне потребовалось какое-то время. Несколько недель я провела в кровати или же полулежа в шезлонге, но настроение у меня было хорошее. Я много читала, писала моей семье обо всем в мельчайших подробностях, начала новую тетрадь дневника и попыталась наверстать упущенные новости. Во время беременности у меня не было ни малейшего интереса к текущим событиям, но теперь я снова стала следить за развитием этой ужасной войны и доводила себя до исступления, видя гнетущие попытки Англии оставаться нейтральной, и я растолковала свою позицию Эдварду во время одного из наших

многочисленных споров о войне.

Но война была не единственным предметом наших разговоров. Когда я встала на ноги, мы озаботились более личными проблемами, и перед отъездом на осень в Вудхаммер Эдвард сказал мне:

– Ты наверняка захочешь иметь еще детей, несмотря на трудные роды Дэвида, но не лучше ли будет для твоего здоровья отложить на какое-то время следующую беременность.

– Отложи ее навсегда, если хочешь, – с дрожью в голосе ответила я, стараясь не вспоминать запах хлороформа и скрежет четок Маделин между моими зубами. – Меня два моих мальчика абсолютно устраивают.

Он воздержался от комментариев, но я почувствовала его облегчение.

– Что мне нужно будет делать? – с любопытством уточнила я: мои мысли металась от пояса целомудрия до черной магии.

– Господи боже, да абсолютно ничего, – произнес он так, будто я сделала какое-то скандальное предложение. – Я обо всем позабочусь.

– И что это?

– Нет нужды углубляться в обсуждение этого вопроса. Это такой вопрос, в котором женщине не нужно разбираться.

Меня даже обещание черной магии не могло встревожить больше, чем эти слова, а когда я наконец узнала, о чем идет речь, мне эта новация не очень понравилась. Пришлось жестко напомнить себе, что альтернатива этому – хлороформ и четки. Однако вскоре я привыкла к новинке и спустя какое-то время вообще не думала о ней, что лишний раз доказывает: если есть сильный стимул, то можно примириться с некоторыми неудобствами.

Маделин не поехала с нами в Вудхаммер. Я умоляла ее поехать, но она ответила, что и без того достаточно долго откладывала начало работы, а теперь, когда я встала на ноги, у нее больше нет предлога и дальше оставаться со мной.

– Но мне невыносимо думать, что ты будешь работать до изнеможения в жуткой больнице в самой нищей части Лондона! – в отчаянии воскликнула я и, как истинный ньюйоркец, добавила: – Ты ведь даже и денег за это не будешь никаких получать, только стол и крышу над головой! Это несправедливо!

– Ничуть, – возразила Маделин спокойным, как всегда, тоном. – Я буду работать и учиться.

– Но если бы ты могла учиться в медицинской школе Найтингейл – это было бы намного полезнее. Я знаю, у тебя нет денег, но могу дать в долг...

– Маргарет, ты же знаешь, папа никогда не разрешит этого, а я не хочу, чтобы ты с ним ссорилась. Надеюсь только на то, что смогу уйти, не

поссорившись с ним.

Ей это не удалось. Она объявила о своем намерении уйти, а когда Эдвард попытался ей воспрепятствовать, между ними началась ссора. Маделин была вежлива, сдержанна и абсолютно невозмутима, а Эдвард быстро перешел от раздражения к злости, а потом к абсолютной ярости.

– Слава богу, что твоя мать умерла и не может этого видеть! – крикнул он в конце.

– Прошу тебя, папа, – сказала Маделин, – тебе не кажется, что было бы мудрее не впутывать в это маму? Иначе я могу очень рассердиться.

– Это прелюдия к какому-то мудреному обвинению?

– Нет, конечно. У меня нет намерения указывать тебе на то, что ты и так знаешь, – ты относился к моей матери безобразно и разрушил ее здоровье своими отвратительными и эгоистичными требованиями.

– Это ложь! – Лицо Эдварда посерело.

– Это правда! Все твое хвастовство о счастливом браке – сплошной обман! А твоя скорбь после ее смерти – какое лицемерие!

– Я любил ее...

– Да. И это был твой пример мужней любви, которая заставила меня принять решение никогда не выходить замуж! Я не хотела стать жертвой, как моя мать!

– Ты даже не помнишь свою мать, какой она была! Тебе было шесть, когда с ней случился нервный срыв после смерти Луиса.

– И в течение шести следующих лет я видела, как она умирает вследствие твоих плотских излишеств! Нет, не прерывай меня. Мы больше не станем говорить об этом – ведь что бы мы ни сказали, это не будет иметь отношения к делу. С Божьей помощью я давно научилась прощать тебя, но, пожалуйста, если ты хочешь, чтобы я сохраняла вежливость, умоляю тебя, не швыряйся вот так именем моей матери. А теперь, если ты не можешь сказать мне ничего существенного, я оставлю твой дом и буду следовать моему призванию – работать сестрой милосердия.

– Ты можешь следовать чему хочешь, только не надейся – я тебе не дам ни пенса! После того, что ты здесь наговорила, даже если ты будешь стоять на улице с протянутой рукой, я пройду мимо!

– Вряд ли у меня появится нужда в твоих деньгах, – отрезала Маделин. – Орден предоставит мне все необходимое для жизни. Всего доброго, папа.

– Постой! – воскликнула я, хотя и знала, что вмешиваться с моей стороны глупо, и одновременно не в силах остановиться. – Маделин... Эдвард... – Я искала слова, пытаюсь найти какое-то решение. – Эдвард,

уход за немощными в наши дни стал уважаемым занятием. Не лучше ли будет Маделин иметь какие-то деньги, чтобы она могла посвятить себя своему призванию на самом уважаемом уровне?

– Моя дорогая, – процедил Эдвард ледяным голосом, – ты меня очень обяжешь, если воздержишься от комментариев. Если эта сцена угнетает тебя, позволяю тебе уйти.

Я на нетвердых ногах вышла из комнаты.

Позднее, когда Маделин уже покинула дом с потрепанной сумкой, в которой находились ее скромные пожитки, он мне много чего сказал. Ему понятно, говорил он, что я желала только блага и действовала из лучших побуждений; и он знает, сколько времени и сил я потратила, чтобы подружиться с его дочерьми; он благодарен мне за это и высоко ценит мои усилия. Но когда я становлюсь на чью-то сторону в семейных спорах и демонстрирую, что не согласна с ним, это не идет на пользу нашему браку.

– Я не прошу тебя лицемерить, – убеждал он. – Я не прошу тебя высказывать чуждые тебе суждения. Я просто прошу тебя помалкивать в случае конфликта между мной и детьми Элеоноры. Ты довольно громко сетуешь, видя это жалкое зрелище, которое называется английским якобы нейтралитетом по отношению к вашей Гражданской войне. Но сама ты очень далека от проявления нейтралитета! А ты в таких случаях должна оставаться нейтральной. Я не хочу, чтобы отголоски моего первого брака пятнали мой второй.

Его аргументы звучали убедительно, но полностью принять их я не могла. Однако и возражать ему не стала, опасаясь, что наш разговор перейдет в ссору, а я все равно не умела долго на него сердиться. Той осенью он снова повез меня за границу, теперь на юг Европы, и мы два месяца путешествовали по Греческим островам. Мы собирались часть этого времени провести в Италии, но в Риме все еще звучали отзвуки революционной риторики Гарибальди, а Эдвард решил избегать политически нестабильных районов. Я мельком увидела Венецию, откуда мы пароходом отправились в Афины, но, кроме полного энтузиазма решения вернуться когда-нибудь туда, в моем дневнике почти ничего не говорится о впечатлениях от этого великолепного города-сказки. Я посвятила Греции несколько страниц – все они в моей третьей тетради в красном кожаном переплете, названной «Посещение Греческих островов, 1862». Перечитывая записи, я теперь понимаю, что, хотя и отправлялась в путешествие, только чтобы не огорчать Эдварда, – мне очень не хотелось надолго оставлять мальчиков, – я вскоре забыла о том, что уезжала из Англии против воли.

Я правильно сделала, поехав с ним. Мы были очень счастливы, и в нашей близости, вдали от отвлекающих мелочей повседневности, я стала лучше, чем прежде, понимать, всю сложность его характера. Мне впервые пришло в голову, что он, вообще-то, мало подходит для семейной жизни. Эдвард был слишком беспокойным и независимым, чтобы не тяготиться узами домашнего очага, и, хотя был счастлив в браке, счастливее всего чувствовал себя, когда жена становилась скорее любовницей, а не хозяйкой дома. Я вспомнила слова Маделин о подчинении диктату общества, и мне показалось, что, несмотря на внешнюю поддержку принятого порядка, в душе он вовсе не был конформистом. Когда обстоятельства требовали от Эдварда вести себя в рамках установленных правил (в роли отца семейства, например), он становился наименее привлекательным и чувствовал себя совершенно не в своей тарелке. В лучшем своем виде он предстал, когда освобождался от всех пут, навязанных ему его положением. Именно таким я встретила его в Нью-Йорке, когда Эдвард предстал иностранцем вне своей привычной обстановки, и теперь снова наблюдала его таким, когда мы вдвоем находились вдали от дома.

Тогда начала я понимать, кем была для него Элеонора. Она тоже любила путешествовать, разделяя его интересы явно в большей мере, чем я. Вероятно, она тоже чувствовала себя лучше в мире вне пут повседневной жизни. Первая жена была тем спутником, который требовался Эдварду, истинной родственной душой, готовой разделять его приключения, и, когда он нашел ее, ни он, ни она не нуждались более ни в ком другом. Да, нужен был сын для наследования титула, возможно, дочь, чтобы заботилась о них в старости. И больше никто. Все остальное только мешало.

– Но я люблю тебя так же сильно, как Элеонору, – заявил он. – А иногда даже сильнее.

Все ссоры казались такими далекими после этих слов. И когда мы вернулись в Англию, я пребывала в убеждении, что мы больше не поссоримся ни разу в жизни, но Эдвард решил провести Рождество в Ирландии, и именно тогда, во время моего второго посещения Кашельмары, я познакомилась с его подопечным Дерри Странаханом.

3

Дерри мне понравился. Ему, как и мне, чуть-чуть не хватало до двадцати одного, он был красив – стройный, темноволосый, грациозный,

выглядел очень привлекательно. Говорил со странным акцентом – ирландским с сильными английскими интонациями, приобретенными, видимо, от Патрика. Обаяния ему хватало, чтобы соблазнить десяток пташек с любого куста, и он обладал острым как бритва умом. Отделаться от его обаяния было невозможно. Меня втайне интриговали его грехи юности. Женщин обычно интересуют мужчины с буйным романтическим прошлым, и я в этом смысле не стала исключением.

Тем Рождеством Дерри вернулся домой из Франкфурта после нескольких лет изгнания, и Эдвард разрешил ему провести месяц в Кашельмаре, прежде чем отправиться в Дублин и готовиться к поступлению в ирландскую адвокатуру.

– Для меня большая честь познакомиться наконец с хозяйкой дома, – сказал Дерри, низко кланяясь мне; я смотрела на него и никак не могла поверить, что он когда-то был крестьянским сыном и жил в дымной хижине у дороги на Клонарин.

Поначалу я почти его не видела – была слишком занята подготовкой к рождественским праздникам, да и он целыми днями пропадал где-то с Патриком – искали приключений. На Рождество его с нами не было: Эдвард настоял, чтобы он посетил родню в Мам-Кроссе. Дерри с мрачным видом уехал накануне Рождества. «Не удивлюсь, если придется спать под единственной кроватью со свиньями, курами и шестью малыми детьми», – заметил он. Эдвард возразил, что его долг – на Рождество посетить родню, пусть и дальнюю, а Дерри уже знал, что лучше не вызывать неодобрения Эдварда.

По возвращении из семейной обители он вскоре довел меня и Патрика до слез ужасно смешным рассказом об увиденном, и, поскольку все возможные рождественские визиты были уже нанесены и приняты, Дерри все чаще искал моего общества. Я от этого нервничала, потому что Эдвард быстро замечал любого молодого человека, который оказывал мне самые невинные знаки внимания, но потом я с облегчением поняла, что интерес Дерри проявляет не ко мне, а к моей неизменной компаньонке – Катерин.

Катерин тоже симпатизировала ему. Она видела его, когда Дерри был совсем мальчишкой, поэтому теперь словно встретила его в первый раз, как и я. Катерин, конечно, не призналась, что молодой человек ей нравится (она была для этого слишком скрытной), но я обратила внимание, что она часто улыбается в его присутствии и никогда не пресекает его попытки очаровать ее.

Я втайне радовалась. Да и возражений против этого не было; я все время читала любовные романы, в которых два таких человека влюблились

друг в друга, словно это было в порядке вещей. Катерин вдовствовала уже два года; она была богатой, красивой и достойной. Дерри по рождению стоял гораздо ниже ее, но был вполне респектабелен, и перспективы у него были блестящие. И еще он знал, как обходить застенчивость Катерин, а Катерин, со своей стороны, была идеальной слушательницей его остроумных историй. Один дополнял бы другого. Я не могла себе представить более чудесной пары.

Ситуация стала интереснее с романтической точки зрения, когда стало ясно, что у Катерин появился еще один поклонник. После Рождества к нам из своего замка, находящегося в восьмидесяти милях к востоку от Кашельмары, приехал друг Эдварда лорд Дьюнеден, который оказывал Катерин знаки внимания чуть не с первых дней ее возвращения из Санкт-Петербурга, а теперь стал еще внимательнее. Поскольку Катерин, как никто, умела скрывать чувства, бедняга Дерри вскоре погрузился в хандру.

– Конечно, лорд Дьюнеден очень знатная особа, – наконец сказал он мне в отчаянии, – он так богат, у него такое высокое положение – мне и за тысячу лет такого не добиться, но, леди де Салис, у меня тоже есть кое-какие достоинства, каких нет у него. Как по-вашему, мисс Катерин, то есть леди Роукби, совершенно не замечает их у меня?

Он остановил меня наверху лестницы. Я только что вернулась после второго посещения Клонах-корта, куда ездила повидаться с Аннабель, но так и не смогла увидеть неуловимого Альфреда, который, казалось, всегда отсутствовал – то продавал, то покупал лошадей. Но мы с Аннабель провели вместе неплохие полчаса, и я подумала, что на следующий год она, возможно, приедет к нам на Рождество, если мы будем в Кашельмаре.

– Что вы думаете, миледи? – серьезно спросил Дерри, в его темных глазах горела тревога, и, поскольку я пребывала в хорошем настроении, а его романтическое увлечение Катерин импонировало мне, я не удержалась и сказала:

– Конечно, мистер Странахан, я уверена, что ваши достоинства такие же выдающиеся, как и лорда Дьюнедена.

– Вы не верите, что он ей небезразличен? – спросил молодой человек с волнением, которое я имела все основания считать искренним, потом добавил, как герой одного из моих романов: – Как вы полагаете, могу я питать хоть малую толику надежды?

– Нет, мистер Странахан, это вопрос не ко мне, – возразила я. Но конечно, ответила ему улыбкой, чтобы у него создалось впечатление, что Катерин ценит его ухаживания.

Я испытывала такое волнение в связи с его сильным чувством, которое

я так тщательно пестовала, что не удержалась и намекнула на свое состояние Эдварду.

Помню, что мы спустились из детской, пожелав сыновьям спокойной ночи, и шли по коридору в наши покои переодеться к ужину. Тем вечером к нам из Леттертурка собирался приехать его племянник Джордж, и я была настолько поглощена мыслью, не поспешила ли я добавить карри в меню (одному Богу известно, как ирландцы готовят карри), что почти не слушала ворчания Эдварда о другом его протеже – Максвелле Драммонде. Молодой мистер Драммонд сильно разочаровал его. Прочувшись в колледже всего ничего, он убежал с дочерью одного из учителей, женился и приехал с ней в долину. Видимо не представляя, как чудовищно он отплатил Эдварду за его доброту, он приходил сегодня утром и спрашивал, может ли взять в аренду соседнюю пустующую ферму Странаханов, старый разрушенный дом Дерри. Эдвард раньше обещал ему сдать ферму в аренду за символические деньги, после того как он пройдет годичное обучение в Сельскохозяйственном колледже, и мистер Драммонд, несмотря ни на что, предполагал, что Эдвард сдержит обещание.

– Нахальный молодой дурак! – горячился Эдвард, наверное, уже в десятый раз. – Если я сдам ему в аренду участок Странаханов, то за хорошие деньги. Это научит его впредь не губить собственное будущее! Меня только удивляет, что эта девица еще не убежала от него, поняв, что упала в своем положении до крестьянки! Ты лишь представь – такой вот парень женится на дочери учителя! Нелепость!

– Но зато как романтично! – горячо возразила я, сумев оторвать наконец мысли от карри. – Конечно, было бы лучше, будь у него деньги, я это понимаю. Но если бы у них были деньги, если бы мистер Драммонд смог содержать жену как полагается, имело бы какое-то значение в этом случае небольшое различие в социальном положении?

– Маргарет, я не знаю, как обстоят дела подобного рода в Америке, но могу тебя заверить, что различие в данном случае далеко не небольшое.

– Но если говорить о разнице между кем-нибудь вроде Дерри Странахана и... и Катерин?

Мы к этому времени уже дошли до наших покоев. Он собирался дернуть шнурок звонка, чтобы вызвать слугу, но остановился, его рука замерла в воздухе.

– Дерри? – медленно проговорил он. – И Катерин?

– Ах, Эдвард! – радостно щебетала я. – Это так волнительно! Я уверена, они влюблены! Конечно, Дерри немного моложе, и я знаю, что по рождению он гораздо ниже, но он получил хорошее образование, подает

надежды; и потом, ты же его опекун.

– Никакой я не опекун, – возразил Эдвард. – Я никогда не считал его членом семьи и определенно не собираюсь делать это в будущем. Он сын ирландского крестьянина, к которому я проявил некоторую долю милосердия – нередко вопреки голосу разума, – и если он из-за этого забыл пословицу про сверчка, который должен знать свой шесток, то его, боюсь, ждет горькое разочарование.

Я была ошеломлена:

– Но...

– Маргарет, ты не поощряла эти его фантазии?

– Я... нет, то есть никак не давала ему это понять.

– Ты не навела Катерин на мысль о том, что этот мальчишка может быть ей подходящей парой?

Я проглотила слюну:

– Не совсем так, но...

– Не могу себе представить. Неужели ты проявила такую глупость – решила, что я могу одобрить такой брак?

– Понимаешь, я думала... ты опекун Дерри. Я не понимала... я не очень понимала...

– Нет, – произнес он, и я поняла с испугом, что он серьезно рассержен. – Ты не понимала. Ты знала, что я был вынужден отправить Дерри за границу из-за его аморального поведения, которое я не собираюсь тебе описывать во всех подробностях, и ты знаешь, что в прошлом я не одобрял его влияния на Патрика. Ты знала, что я только из доброты разрешил ему провести этот месяц в Кашельмаре перед отъездом в Дублин. Ты знала все это, и тем не менее ты полагаешь, что я смогу поощрить какие-то чувства к нему Катерин! И хуже того – тебе хватает духу говорить мне, ты якобы не понимала, что я не одобряю такой союз.

Я, стараясь не показывать свои чувства, сказала:

– Я, конечно, не знала, чем провинился Дерри, но думала, что ты все простил и забыл. А поскольку он так искренне привязан к Катерин...

– Очень сильно в этом сомневаюсь, – возразил Эдвард. – Он всего лишь хочет наложить лапу на ее деньги, чтобы можно было не зарабатывать хлеб свой насущный.

– Эдвард, у меня такое ощущение, что ты немного циничен.

– У меня такое ощущение, что ты невероятно наивна! – воскликнул он, выходя из себя. – Хуже того, тебе, как всегда, удалось влезть в дела моих детей и занять их сторону в прямом противодействии моим желаниям!

– В этом случае я не знала, что противоречу твоим желаниям, –

нерешительно поправила я. – Если я оскорбила тебя, то мне очень жаль. Этого больше не случится.

Прежде чем он успел сказать мне еще хоть слово, я поспешила выйти из комнаты. Я плакала, пока бежала по коридору, плакала, поднимаясь по лестнице в детскую, но обязанности были прежде всего. Мне пришлось остановиться, чтобы взять себя в руки, перед тем как войти в комнату и побыть с детьми.

Томас уже спал, его рыжие волосики взъерошились, а курносый носик прижался к простыням, а Дэвид не спал, ворковал потихоньку, глядя на мелькание ночника. Он безмятежно улыбнулся, увидев меня. Я подняла его. Он захекал, легонько потащил меня за волосы, толстенький и спокойный, устроился у меня на руках.

– Мой маленький, – ворковала я, – какой же ты тяжелый.

А потом я рыдала над ним так безутешно, что даже подумала, не беременна ли я, но спустя некоторое время мне стало лучше, я успокоилась, взяла себя в руки.

Осторожно уложив Дэвида в колыбельку, я на цыпочках вышла из детской и решительно отправилась на поиски Катерин.

4

– Прошу тебя, не огорчайся, Маргарет, – успокоила меня Катерин. – Естественно, ты не могла знать, что думает по этому поводу папа. Я тоже полагала, что он рассматривает Дерри как подопечного.

– Я бы никогда не настраивала тебя, если бы знала...

– Ты меня не настраивала. И в любом случае, – спокойно проговорила Катерин, – это вряд ли теперь имеет значение. Я бы ни за что не пошла на брак, который расстроил бы папу.

– Да, но... – начала было я, но прикусила язык.

– В некотором роде это упрощает ситуацию. Я выхожу замуж за лорда Дьюнедена. Он не очень красив, но, как ты заметила однажды, он обаятельный и добрый, и я думаю, что буду с ним счастлива.

– Но, Катерин, – возразила я, охваченная таким ужасом, что мне стало трудно говорить, – ты не обязана выходить замуж, если не любишь! Зачем тебе выходить замуж за лорда Дьюнедена – или кого-то другого – прямо сейчас? Подожди еще немного. У тебя наверняка вскоре появятся обожатели, и я уверена, что по крайней мере один из них понравится тебе

не меньше Дерри.

– Сомневаюсь, что найдется кто-нибудь лучше Дьюнедена. Папа о нем очень высокого мнения, а они старые друзья. У Дьюнедена имение в Ирландии, как и у папы, и дом в Лондоне, и он тоже активно участвует в парламентских делах. Папа будет очень доволен, если я выйду за Дьюнедена.

Я не могла оставить это без возражений. Попыталась, но не сумела сдержаться.

– Катерин, ты – вдова, – напомнила я. – Ты сама себе хозяйка. Ты один раз уже вышла замуж, чтобы угодить отцу, но тебе тогда было восемнадцать, и ты мало что понимала в жизни. Ты мне призналась, что у тебя был неудачный брак. Зачем совершать ту же ошибку еще раз, когда сейчас тебе не нужно угождать никому – только самой себе?

– Я не могла бы угодить себе, если бы это расстроило папу.

Она была тверда как скала и безукоризненно корректна. Я вспомнила, что мать называла ее восковой куклой, и я вдруг ужасно рассердилась. Вот только не могла понять, на кого злюсь.

– Это глупо, Катерин! – бросила я. – Неужели ты считаешь, что после брака с Дьюнеденом Эдвард будет больше тебя любить?

Она замерла. Я увидела ледяной взгляд ее глаз и поняла, что потеряла ее. Впоследствии, оглядываясь на эту катастрофу, я задним числом решила, что именно тогда мой брак и начал трещать по швам.

Глава 4

1

Поначалу я не поняла, что мой брак вошел в новую фазу. Семена раздора были посеяны ко времени брака Катерин и лорда Дьюнедена той весной, но ни одно из них не дало бы всходов, будь я более зрелой, а Эдварда не бесили бы так мои промахи. Мы поссорились из-за Маделин, мы поссорились из-за Катерин, а если бы Аннабель не принимала меры к тому, чтобы жить строго изолированной от нас жизнью, мы бы и из-за нее тоже поссорились. Для нас явно была подготовлена еще и сцена для ссоры в связи с Патриком, но она так и не состоялась из-за непредвиденных обстоятельств, которые безжалостно вытащили нас из-за кулис.

Первым из таких обстоятельств была перемена отношения ко мне Эдварда. Он после моего вмешательства в роман Катерин совершенно справедливо рассматривал меня как ребенка, сующего нос не в свои дела. Его ошибка состояла в том, что он продолжал относиться ко мне как к назойливому ребенку и после того, как Дерри собрал вещички и уехал в Дублин, чтобы начать свои юридические штудии, и много после того, как Катерин так угодила ему, выйдя замуж за его лучшего друга. Он, конечно, отошел от своей злости; единственная положительная сторона характера Эдварда состояла в том, что обычно долго злиться он не умел, но впоследствии вел себя по отношению ко мне как отец, обремененный капризным ребенком, которого должен с любовью привести к порядку. Он был вполне добр со мной и озабочен, и мне хотелось ему угодить, но, как я ни старалась, Эдвард неизменно оставался эмоционально замкнутым. Я чувствовала, что муж делает большие усилия над собой, исходя из соображений долга, но того самого факта, что он действует из соображений долга, было достаточно, чтобы охладить любые доверительные контакты. Его доброте и озабоченности не хватало души, при ближайшем рассмотрении они рассыпались на части. Он был замкнутым человеком и, несмотря на все его разговоры об одиночестве, очень сдержанным. Поскольку Эдвард мог на длительное время погружаться в свою работу, то предполагал, что другим людям он требуется не в большей мере, чем другие ему. Детям Эдварда приходилось нелегко, а еще больше доставалось его жене, когда к ней относились как к одному из детей.

Меня стали одолевать беспокойство и неудовлетворенность.

Моя ошибка состояла в том, что я скрывала свои чувства. С годами мой страх перед ссорами усилился, а потому, когда Эдвард снова начал, как в первые месяцы брака, учить меня правилам поведения за столом во время приемов, что говорить, какие благотворительные мероприятия поддерживать, какие книги читать, чтобы расширить мой кругозор, я безропотно принимала его советы. Но к этому времени у меня имелись собственные представления по этим предметам, и я считала, что уже нашла наилучший способ общения с его пожилыми друзьями во время встреч. Мое самообладание стало таким, каким стало, потому что я никогда не пыталась быть кем-то другим – только самой собой. Когда Эдвард объяснял мне, какие слова я должна говорить каждому из гостей, у меня возникало ощущение, что он хочет переплавить меня в какого-то другого человека, и мое самообладание, как следствие, пострадало от этого. Я начала страшиться каждого очередного приема, боялась не угодить ему каким-нибудь неосторожным словом, и мое положение становилось для меня все более невыносимым.

Ситуация могла бы взорваться гораздо раньше, если бы наши физические отношения прервались, но первое время, стоило закрыться двери спальни, наша близость расцветала с большей страстью, чем прежде. Меня, как и Катерин, обуяла одержимость угодить ему, а я знала, что в постели я могу ему служить до полного изнеможения. К несчастью, желание радовать его настолько овладело мною, что самой мне редко удавалось расслабиться и позволить ему подарить мне наслаждение, и, хотя долгое время у меня получалось невозмутимо принимать это, досада и беспокойство в конце концов стали овладевать мною.

И опять я молчала. Не осмеливалась. Эдвард спокойно говорил мне, какая для него радость, что я наслаждаюсь этой стороной брака, но если бы я попыталась намекнуть ему, что могла бы наслаждаться сильнее, а недостаток наслаждения отчасти и его вина, это наверняка шокировало бы его. Я не стала ссориться с ним по этому поводу, поскольку не походила ни на одну из этих лихих женщин, вроде моей соотечественницы мисс Блумер, которая считает, что женщины должны говорить мужчине о своих желаниях и даже носить при этом брюки. Я понимаю, что различия между мужчиной и женщиной определяют и разные образы поведения, но должна признаться, что, пока время шло и мои отношения с Эдвардом дрейфовали в бурные воды, мне очень хотелось, чтобы женщины в определенных обстоятельствах имели право откровенно говорить со своими мужьями.

Я даже и представить себе не могу, как долго мы жили бы в таком

неудовлетворительном состоянии, если бы не вмешались обстоятельства, которые ускорили развитие событий. Случилось так, что не прошло и двух лет после свадьбы Катерин и лорда Дьюнедена весной 1863 года, как Эдвард без всяких очевидных причин начал страдать импотенцией, и наши постельные отношения, всегда служившие опорой брака, внезапно прервались.

2

Началось все неожиданно, как это и бывает, когда в дом приходит беда. Не получилось у него один раз, затем некоторое время все было хорошо, но потом это случилось еще раз, а потом еще, после чего он отдалился от меня, полностью погрузился в свою работу. Он выступал в палате, заседал в комитетах, работал над новыми статьями, читал лекции по сельскому хозяйству в Дублинском колледже, посетил образцовую ферму в Восточной Англии, совершил краткосрочную поездку в Кашельмару, чтобы убедиться, что в его отсутствие никто не бьет баклуши. Он был занят днем и ночью. И я тоже. Наносила десятки визитов, организовала благотворительный бал, заказала себе новый весенний гардероб, пыталась учить Дэвида говорить и безжалостно держала себя в курсе всех событий. Следила за всеми перипетиями Гражданской войны, словно она происходила на моем заднем дворе, наконец я уже знала все про Роберта Ли и его вторжение на Север. Я во всех кошмарных подробностях изучила поражения при Фредериксберге и Чанселлорсвилле, пережила до последней минуты славную победу при Геттисберге, а в течение лета 1864 года была рядом с Шерманом на каждом шагу его марша к морю. Фрэнсис начал писать радостные письма, а симпатии англичан, на которых наконец Линкольн произвел некоторое впечатление, стали склоняться к северянам. Но англичане, как и всегда, были слишком заняты собой и ограничивались лишь сочувствием. Все говорили о недопустимости использования детей в качестве трубочистов, а вскоре я уже следила за парламентскими дебатами – готовился билль, запрещающий эти злоупотребления. В те дни я читала много газет, и Эдвард, вернувшись из Кашельмары, отметил, как хорошо я осведомлена.

После этого наши отношения улучшились на короткое время, но потом, к моему огорчению, наши беды возобновились, и на сей раз он отказался от своих привычек, никуда не ходил и большую часть дня и вечера проводил в библиотеке. Объяснил, что работает над новой статьей.

Внешне он был со мной очень вежлив, но в атмосфере неловкости, воцарившейся между нами, я чувствовала, что муж постепенно отдаляется от меня.

Я не знала, что делать. Хуже того, мне не к кому было обратиться за советом. Есть вопросы, которые просто не подлежат обсуждению с лучшими друзьями или даже с матерью, если она у какого-то счастливирика еще жива. Я осталась одна. Пыталась говорить себе, что все будет хорошо, что наши затруднения пройдут, но, к моему ужасу, мы, казалось, только глубже погружались в трясины отчуждения. А вскоре Эдвард перестал пользоваться способом, позволявшим мне избегать беременности. Он не спрашивал моего разрешения. Просто перестал им пользоваться, а когда я набралась смелости возразить, сказал, что в своих проблемах винит применяемый им способ, который угнетает его. Я впала в отчаяние, ибо больше не хотела детей, и мой страх забеременеть отбил у меня всякую охоту. Я пыталась скрывать мое нежелание, но он почувствовал его и, когда для нас не стало разницы, пользуется он своим способом или нет, в нашем разладе обвинил меня.

В тот момент, когда мое отношение к Эдварду достигло низшей точки, Патрика отчислили из Оксфорда.

Стоял февраль 1866 года. В Америке два явления – война и Линкольн – умерли кровавой смертью, но Фрэнсис уже писал, что на Севере зарабатывают хорошие деньги – идет восстановление; сам он после паники на Уолл-стрит в самом начале войны процветал, и если я соберусь в Америку, то он обещал устроить мне королевский прием. Но о таком визите, конечно, и речи не могло идти. Эдвард работал с утра до ночи и не мог отправиться в подобное путешествие, а уезжать одной, без него, было бы неприлично. Я даже и не предлагала такого, потому что знала: у него будут все основания не дать мне разрешения, но к 1866 году я уже стала подумывать, что временное расставание может пойти нам на пользу.

Расставание, казалось, улучшило его отношения с Патриком. Весной 1864 года Эдвард отправил сына в большое путешествие по Европе с мистером Буллом, а осенью этого же года Патрик поступил в Оксфорд. В течение первого года все шло неплохо, что немало радовало Эдварда. Сомневаюсь, что Патрик хорошо учился, но, думаю, он наслаждался свободой. Однако в последний семестр второго года его отчислили, сообщив в официальном письме, что он отчислен по причине «постоянного пьянства, непристойного поведения, отказа заниматься научной работой и частых прогулов».

Эдвард был в ярости. Что еще хуже – Патрик залез в долги. Азартные

игры проделали дыру в его бюджете, и Эдварду пришлось самому ехать в Оксфорд, чтобы оплатить счета.

Через день после его возвращения – в самой черной ярости – он сообщил мне, что дал Патрику две сотни фунтов и запретил в течение двенадцати месяцев появляться в каком-либо из домов.

– К тому же он больше не получит от меня ни пенса, – мрачно заявил он. – Две сотни ему хватит на год, посмотрим, как ему это понравится. И, Маргарет, если он появится на Сент-Джеймс-сквер просить деньги, ты не должна давать ему ни гроша, ты понимаешь? Ни гроша. Он опозорил меня своим слабовольным, отвратительным поведением. Бог мой, что за сын для человека моего положения! Если бы Кашельмара не была майоратом, я бы лишил его наследства.

Он направился в свой кабинет и захлопнул за собой дверь с такой силой, что задребезжал фарфор в гостиной.

Я промолчала. Я вообще мало что говорила ему в последнее время на любую чувствительную тему, которая могла вывести его из себя. Просто старалась как можно реже попадаться ему на глаза, а когда он вскоре уехал в Кашельмару, я, оставшись одна, вздохнула с облегчением. Меня снова захватил вихрь светской активности, а все остальное свободное время я отдавала детям. Томасу почти исполнилось пять, и он был таким непоседливым, что я боялась за несчастную Нэнни, которая непонятно как совладала с ним; даже я, беззаветно его любившая, проведя с ним полчаса, падала от изнеможения. А Дэвид, к счастью, был спокойным ребенком, толстым и безмятежным, как маленький будда, и совершенно безразличным к попыткам Томаса вовлечь его в более энергичное времяпрепровождение.

– Этот глупый младенец... – сердито говорил Томас. – Он никогда по-настоящему не вырастет, никогда. И он толстый.

– Мне нравится быть толстым, – возражал Дэвид. Ему исполнилось три года, и говорил он сочным контральто. – Нэнни тоже толстая. Я люблю Нэнни.

Волосы у Дэвида имели цвет соломы, очень светлой, чуть ли не белой, щеки были розовые, голубые глаза и ямочка на подбородке. Я не переставала удивляться, что, будучи дурнушкой, сумела родить такого ребенка.

Дорогой мой мальчик, думала я, глядя на Дэвида, который улыбался мне ангельской улыбкой, но я сдерживалась и не позволяла себе безрассудной любви. Я боролась и с искушением баловать детей в эти дни и думала, что причина этого искушения – частые разочарования в моих

попытках продемонстрировать хорошее отношение к другим.

Не прошло и месяца, как Патрик появился на Сент-Джеймс-сквер. Эдвард, вернувшийся к этому времени из Кашельмары, уехал куда-то по делам в карете, а я сидела на кушетке, просматривала корреспонденцию, только что закончила изучение последних обеденных приглашений, когда дворецкий сообщил, что в холле ждет Патрик.

Сердце мое упало. Я знала, что это непременно случится, как знала и то, что Патрик убежден: я не смогу ему отказать.

– Ломакс, – обратилась я к дворецкому, – мой муж, кажется, дал вам указания относительно Патрика.

– Да, миледи. Но мистер Патрик так настойчиво просил встречи с вами, что я счел своим долгом...

– Хватит. Будьте добры, скажите ему, что меня нет дома.

– Да, миледи.

Как только он вышел, я положила перо, бросилась по комнате к окну, распахнула его. Прошла минута, прежде чем Патрик медленно появился из дома, он шел ссутулившись, опустив голову.

Как только Ломакс закрыл дверь, я перевесилась через подоконник и громко прошептала:

– Патрик!

Он повернулся. Я прижала палец к губам.

– Жди в парке, – велела я ему вполголоса и поспешила за шляпкой и плащом.

День был теплый, типично весенний. В саду в центре площади под деревьями расцветали крокусы, чуть покачивались на ветру нарциссы. Я вышла из дому и пересекла дорогу – Патрик бросился мне навстречу, раскинув руки для приветственных объятий.

Трудно передать, что я чувствовала тогда. Я посмотрела на Патрика, и он впервые не показался мне мальчишкой. Его лицо посветлело, когда он увидел меня, и мое сердце перевернулось. Он не был похож на Эдварда и никогда не будет, но я видела в нем Эдварда, молодого, счастливого Эдварда, очень мягкого и любящего, и, глядя на его лицо, такое мучительно знакомое, на его длинные, сильные, идеальные конечности, я испытала жуткое желание, которое с трудом поддавалось обузданию. Я стояла там, раздираемая десятком противоречивых эмоций, и по иронии судьбы именно моя беспомощность и спасла меня. Я не могла ни двинуться, ни говорить, а потому инициатива перешла к Патрику, и я в три секунды увидела, что он, невзирая на все мои иллюзии, напротив, совершенно не изменился.

– Маргарет! – воскликнул он, обнимая меня, как брат обнимает любимую сестру. – Как я рад тебя видеть... и как это мило с твоей стороны, что ты согласилась встретиться со мной! – Он отпустил меня и показал на одну из скамеек, стоящих перед лужком. – Давай присядем.

Я кивнула. Мы сели на скамейку, я крепко сцепила руки и уставилась на покачивающиеся на ветру крокусы.

– Ах, Маргарет, – стонал мой пасынок. – Я попал в жуткую переделку. У меня всего один шиллинг и шесть пенсов, и я остановился в самой отвратительной, какую только можно представить, маленькой таверне к востоку от Сохо, там по кровати ползают какие-то насекомые. У меня в носках дырки, и я не знаю, как их починить, я понятия не имею, что делать с моими грязными рубашками, и ничего не ел со вчерашнего дня, когда купил булочку на Тоттенхэм-Корт-роуд. Ты не могла бы объяснить папе, что я раскаиваюсь за все, собираюсь начать с чистой страницы и буду делать все, что он мне скажет, я клянусь. Только бы он простил меня и предоставил еще один шанс. Пожалуйста, Маргарет! Пожалуйста, попроси его за меня!

Я пыталась найти слова, не осмеливаясь посмотреть на него. Я остро ощущала его бедро в трех дюймах от моего плаща.

– Я проиграл двести фунтов, которые он мне дал, – продолжал Патрик. – Думал, что легко смогу превратить их в тысячу, чтобы без проблем прожить год... и знаешь, вначале я выиграл довольно много денег...

Среди нарциссов танцевала белочка. Из кустов появился черный кот и, сев, принялся вылизывать лапу.

– ...и тогда я поехал в Ирландию, и Аннабель одолжила мне немного денег, но она устроила мне такую головомойку, что я больше не хочу к ней возвращаться. Я добрался в Дьюнеден-касл, но эта несчастная Катерин даже не пожелала меня видеть, передала мне, что я в черном списке у папы, хотя Дьюнеден дал мне пять фунтов, чтобы я мог ехать дальше. И я оттуда отправился в Дублин к Дерри – побыл у него какое-то время, но, господи боже, не могу же я доить его вечно, верно? Это просто было бы неправильно, да? У Дерри денег на себя едва хватает, потому что папа ужасно ограничивает его содержание. Дерри хотел, чтобы я остался, но это было невозможно. Вчера вернулся в Лондон, и, боже мой, Маргарет, я не знаю, что со мной будет, если ты мне не поможешь. Что мне делать, черт возьми?

– Я поговорю с Эдвардом, – пообещала я.

– Ах, Маргарет... – Он еще раз обнял меня. Я ощутила прикосновение

его бедра и левого бока. – Ты так добра ко мне, Маргарет.

Я встала и пошла прочь, чувствуя себя так, будто у меня тепловой удар.

– Ты не можешь остаться еще? – умоляющим голосом спросил он. – Я столько времени ни с кем не мог поговорить.

– Мы побеседуем с тобой позднее, – пробормотала я. – Но я должна обсудить все с Эдвардом. Где, ты сказал, твой отель?

– Мерсер-стрит, близ Севен-Дайалса, только не езди туда, Маргарет. Это ужасное место, оно не годится для леди.

– Я пошлю туда человека, – бросила я и ускорила шаг, прежде чем он опять попросит меня остаться. Я даже не вернула ему его расстроенное «до свидания». Просто со всех ног поспешила в дом, а когда добежала до своей комнаты, то попыталась представить, как набираюсь смелости, чтобы поговорить с Эдвардом о его сыне.

3

Вскоре домой вернулся муж, я все еще оставалась в своей комнате и о его возвращении узнала, услышав, как открылась дверь гардеробной, хотя даже тогда я сначала подумала, что это слуга Пиарс, но потом услышала его характерное покашливание. Вскоре раздалось несколько негромких звуков в знакомой последовательности: звяканье стакана, затем бульканье жидкости, наливаемой из бутылки. Я была озадачена. Что он может делать? Насколько мне было известно, он не принадлежал к тайным выпивохам, над которыми потихоньку посмеиваются друзья. Я оставалась на своем месте, ошеломленная, но инертная; наконец он без предупреждения открыл дверь между двумя комнатами и вошел.

Заметил он меня не сразу, а поскольку думал, что его никто не видит, не делал никаких усилий, чтобы не сутулиться, выпрямить плечи и идти своим обычным резвым шагом. Он шел медленно, прихрамывая. Горбился. Из-за этого казался странно невысоким, а поскольку наклонил голову, я впервые обратила внимание, что его волосы совсем поседели. Лицо Эдварда бороздили морщины усталости, брови сошлись на переносице – признак дурного настроения, и в целом он выглядел старым.

Я никогда не видела его таким и, прежде чем успела одернуть себя, стала сравнивать его с Патриком, вспоминая во всех подробностях юного пасынка, с его здоровьем и жизненной силой.

Эдвард увидел меня. И сразу же изменился. Распрямил плечи, спину, ускорил шаг, но это стоило ему немалых сил. Я заметила, как это усилие отразилось на его лице, прежде чем Эдвард успел прогнать все красноречивые признаки усталости, вымучив вместо них вежливую улыбку.

– Извини, – буркнул он. – Я понятия не имел, что ты отдыхаешь, если бы знал – не стал бы тебя беспокоить. Я возвращаюсь в гардеробную.

Он ушел, но я уже поднялась и поспешила за ним в гардеробную, увидела, как муж садится на диван.

– Эдвард... – начала я, но поняла, что не могу продолжать.

Он встал, непреклонный и прямой, вежливо ждал, что я ему скажу.

Мне в голову приходили десятки слов, но я отвергала одно за другим и все еще отчаянно искала нужное, когда он сказал неровным голосом:

– Полагаю, ты хочешь поговорить о Патрике. Ломакс сообщил мне, что сын приходил утром.

– Приходил. – Я так нервничала, что слова никак не давались мне, а он тем временем добавил:

– Увидел, как вы вдвоем гуляли по парку, и, чтобы не смущать вас своим появлением в неподходящий момент, приказал Лейси отвезти меня в клуб. Надеюсь, вы сказали друг другу все, что хотели.

Я тут же впала в такую панику, что могла только испуганно смотреть на него. Лицо у меня словно горело огнем.

– Я заметил, как он обнял тебя, когда вы сидели на скамье, – добавил он. – Все слуги тоже наверняка насладились этим зрелищем с их трибуны из окна холла.

Я ничем не провинилась перед ним и могла бы вполне достойно защитить себя от этих инсинуаций, будь хоть сто раз испугана, но мои тайные мысли заставляли меня вести себя так, будто я и в самом деле совершила ужасающий грех.

– Что ж, я некоторое время ждал, что это случится, – бросил он вскользь, словно его это совершенно не волновало. – В конечном счете чего другого я мог ожидать? Понятия не имею, случилось ли между тобой и Патриком в прошлом настоящее непотребство, но это вряд ли имеет значение. Если ты не согрешила с Патриком, то теперь уж наверняка с кем-нибудь другим. Отлично. Я это принимаю. Да и как могу винить тебя в этом, если я столь длительное время не являюсь полноценным мужем. Я, конечно, мог бы впасть в ярость и повести себя как какое-нибудь чудовище из мелодрамы – и нет сомнения, что многие в моем положении гордились бы таким поведением, – но я считаю себя человеком практическим и

надеюсь, что не настолько бесчестен или исполнен гордыни, что не могу не признать свою, а не твою вину в случившемся. Мне очень жаль. Я не должен был жениться на тебе. Несправедливо полагать, что молодая девица может оставаться счастливой с человеком моих лет, и теперь понимаю, что ждал от тебя слишком многого. Что ж, будь как будет. Ты дала мне шесть лет идеального счастья, и с моей стороны было бы чистой неблагодарностью, если бы я теперь ответил тебе злобой и недовольством. Ищи удовлетворения где угодно, если тебе это необходимо, но... – Эдвард замолчал и больше не смотрел на меня. Он оставался сдержанным, но теперь был вынужден отвернуться. – Только не с моим сыном, – быстро добавил муж. – Только не с ним. Я попытаюсь не замечать никого другого. Я тебя люблю и желаю тебе счастья. Ничто, кроме этого, не имеет значения.

И ничто теперь и в самом деле не имело значения. Патрик больше не имел значения, молодые мужчины не имели значения, ни один другой человек не имел значения.

– Ах ты, глупый, глупый человек! – Я поцеловала его, обняла за шею, прижала к себе со всей силой, какая у меня была. Кажется, он тоже заплакал, но я не хотела этого знать, потому что мужчины, а в особенности англичане, не должны плакать. – Пока ты меня любишь, мне все равно. Я не знала ни одного другого мужчины и никогда не узнаю, пока ты по-настоящему любишь меня.

– Я тебя люблю, – сказал он.

– Тогда все хорошо.

– Все?

– Господи боже, – ответила я, – разве же любовь – это только возня на широкой кровати?

Он рассмеялся. Я так давно не слышала его смеха, и мне казалось, что я только встретила его после долгого и мучительного отсутствия. Все напряжение между нами исчезло. Наши пальцы соприкоснулись, соединились, и вскоре я имела все, что хотела, и он тоже, и наша изоляция на темных границах отчуждения превратилась в мертвое воспоминание.

Эдвард проснулся раньше меня. Когда я открыла глаза, он смотрел на луч света сквозь щель в шторах, и его брови снова хмуро сошлись на переносице.

– Что случилось? – сразу же спросила я.

Он быстро убрал хмурое выражение с лица:

– Ничего. Нога у меня в последнее время побаливает. Утром я опять ездил к врачу, но, хотя он и дал мне какое-то новое лекарство, пользы от

него пока никакой.

– Так ты это делал в гардеробной? Я слышала, как из бутылки наливается лекарство. – Я поцеловала его, с тревогой осмотрела его ногу. – И давно это тебя беспокоит? – спросила я и вдруг поняла все: его прошлые затруднения в постели, несвойственное ему нежелание путешествовать, его занятия, его дурное настроение. Я пришла в такой ужас, что села на кровати столбом. – Эдвард, ты хочешь сказать, что у тебя эти неприятности с тех самых пор...

– Боль нерегулярная. Она не беспокоит меня постоянно. Я не видел нужды говорить тебе об этом.

– Но, Эдвард, ты же знаешь, как я не люблю мучеников! – Я рассердилась и расстроилась. – Ну почему ты мне не сказал об этом с самого начала?

– Не хотел.

– Но почему?

– Потому что не хочу выглядеть в твоих глазах стариком, – признался он и добавил с иронией, чтобы смягчить горечь: – Я в молодости презирал стариков, которые постоянно жаловались на свои болячки.

– Я не могу представить, чтобы ты жаловался. Не глупи! И вообще, что такого стыдного, если у человека что-то болит? Я могла бы понять твою скрытность, если бы ты болел какой-нибудь конфузной болезнью, типичной для пожилых джентльменов, но...

– Это не просто какие-то болячки, – пояснил он. – Это артрит. Ты помнишь, вскоре после Катерин у меня случилась горячка с болями?

– Да... но ты же поправился.

– Некоторое время я чувствовал себя неплохо, но потом боли стали повторяться. – Он помолчал, прежде чем продолжить. – Доктора говорят, тут медицина почти бессильна.

Его тон заставил меня похолодеть.

После паузы я твердо сказала:

– Ну что ж, от артрита ведь не умирают, верно?

– Насколько мне известно, нет.

Но потом я поняла: он думает о том, что будет значить для него смерть при жизни, существование в кресле-каталке, и очень испугалась. Этот страх, вероятно, отразился на моем лице, потому что Эдвард тут же весело сказал:

– Сейчас это всего лишь неудобство, и нет никаких оснований предполагать, что ситуация радикально ухудшится. Доктор Ивс был вполне оптимистичен, когда я встречался с ним утром.

– А почему ты ездил к нему? Он должен был приехать сюда! – воскликнула я, но тут же поняла. – Ах, если бы ты не был таким скрытным!

– Да, теперь я понимаю, что это ошибка.

Он смотрел, как я одеваюсь, не предпринимая попыток подняться с постели, и я поняла, что Эдвард ждет, когда я уйду, чтобы он мог одеваться без спешки, как того требует его скованность. Я надевала верхнюю юбку, когда он неожиданно спросил:

– И что сказал Патрик в свое оправдание? Ты можешь передать мне?

– Боже милостивый, я начисто забыла. – Я поразилась тому, что все мысли о Патрике оставили меня. – Эдвард, он совершенно без денег и ужасно несчастен. Он просит прощения. Клянется начать все с новой страницы.

– Да, у него вошло в привычку давать эти клятвы. Продолжай.

– Говорит, он сделает все, что ты скажешь.

– Это все хорошо, но я понятия не имею, что хочу с ним делать. Думаю, пусть живет потихоньку в Вудхаммере, пока я не куплю ему чин в армии. В Вудхаммере, по крайней мере, он вряд ли наделает долги.

– Но, Эдвард, ты и вправду думаешь, что Патрик годится для армейской карьеры?

– А что еще я могу для него сделать? Он ведь должен чем-то заниматься. Я не одобряю молодых людей, которые ведут бездеятельный, бесполезный образ жизни.

– Может быть, если ты наделишь его ответственностью за какую-нибудь свою собственность, он заинтересуется управлением недвижимостью?

– Этого никогда не случится, – горько пробормотал Эдвард. – Патрик никогда не заинтересуется управлением недвижимостью.

Я поправляла волосы; сосредоточившись на вкалывании шпилек в нужные места, я осторожно сказала:

– Уверена, что с Патриком со временем все будет хорошо, потому что в душе он очень... – Мне не приходило в голову подходящее слово. – Я хочу сказать, что знаю – он неуправляемый, но не все ли молодые люди отдают дань разгульному образу жизни? А Патрик молодой и... незрелый. – Я плохо зашпилила волосы. Шиньон обрушился под сеточкой, и мне пришлось начать сначала. – Патрик в душе очень спокойный, – добавила я вдруг. – Спокойный – вот именно это слово я искала. Думаю, он больше всего хочет ответственности за какую-нибудь собственность вроде Вудхаммера и жить там спокойно с женой и детьми. Да, подумай, как бы хорош был Патрик с детьми! Томас и Дэвид его обожают. Он наверняка

хочет, чтобы у него когда-нибудь появились дети, а когда женится и осядет... – На сей раз мне удалось правильно зашпилить волосы. Теперь, когда шиньон не носили низко свисающим на шею, укладывать волосы стало труднее, даже если у тебя имелся немалый навык. Если бы наш разговор не был таким семейным, я бы позвала горничную. – Патрику нужно жениться, – заключила я. – Не сразу, конечно же, потому что он еще очень молод, но через год-два. Да. Патрик должен найти какую-нибудь хорошенькую девицу, которая знает, чего хочет, и которая будет заботиться о нем и сдерживать его. Вот именно, Патрику нужна жена, которая будет заботиться о нем и сдерживать его. Я точно знаю, на девице какого типа он должен жениться...

– Маргарет, – строго произнес Эдвард, но когда я испуганно повернулась к нему, то увидела, что он улыбается. – Когда ты научишься не вмешиваться в жизнь других людей?

– Но я же с добрыми намерениями! – воскликнула я, смеясь вместе с ним, и бросилась через всю комнату в его объятия.

Позднее он сказал мне.

– Возможно, ты права насчет Патрика. Конечно, ничто не могло бы порадовать меня больше, чем если бы он наконец уgomонился и заинтересовался именениями. – Он помедлил, но сумел пробормотать: – Извини... за то, что наговорил вчера... глупо с моей стороны.

– Это не имеет значения. Я тебя очень люблю и знаю, что и ты меня любишь. Но я тебя прошу на будущее: обязательно говори мне, когда у тебя боли. Не держи это в себе, не проявляй такого благородства, потому что я же не могу тебе помогать, когда ты отвергаешь мою помощь.

– Хорошо. – Он улыбнулся. – Буду тебе жаловаться время от времени. Готов пообещать тебе все, Маргарет, даже это.

Мы расстались. На сердце у меня стало легче, и я с радостью побежала наверх, в детскую, и, только заглянув позднее в гардеробную и увидев бутылку с лекарством, снова почувствовала холод во всем теле. Постаралась прогнать это ощущение, сразу же выйдя из комнаты, но весь день меня преследовало слово «артрит», и мне казалось, что мы стоим на границе тьмы, которая тянется вдаль, на сколько хватает глаз.

Глава 5

1

Я с ужасом поняла, что беременна. Да, я была вынуждена несколько раз рисковать, с тех пор как Эдвард отказался от своего способа, но я всегда выходила сухой из воды и, наверное, безрассудно предполагала, что удача будет улыбаться мне вечно. А после нашего примирения все мои мысли были о том, чтобы он больше не страдал от импотенции, а это почти не оставляло места для других мыслей. Я все еще почти ничего не знала о контрацепции и понятия не имела, где можно узнать об этом, потому что пользующиеся хорошей репутацией доктора не желали говорить со мной на эту тему без разрешения мужа, а все мои знакомые женщины были осведомлены в таких делах не больше меня. Поэтому я просто продолжала надеяться на лучшее, но лучшее в конечном счете подвело меня, и теперь мне не оставалось ничего другого – только смириться с неизбежным.

Это было нелегко. Рождение Дэвида оставило тяжелый шрам в моей памяти, и мысль о новом мучительном испытании такого рода устрашала меня. Мне было бы проще набраться мужества, если бы я хотела еще одного ребенка, но меня вполне устраивали мои два мальчика.

Настроение у меня упало ниже некуда.

Я не стала скрывать мое состояние от Эдварда – сказала ему сразу же, как возникли подозрения. Думала, это взбодрит его, думала, муж снова почувствует себя молодым, и он, конечно, обрадовался, сказал, что мне приятно будет иметь еще одного ребенка, когда Томас и Дэвид уже почти готовы начать учебу.

Я улыбнулась и согласилась. У меня не было желания выдавать свое истинное отношение к беременности, потому что я знала: он расстроится, если узнает о моем недовольстве, а расстраивать его я не хотела. Для нашего брака было очень важно, чтобы он не знал о моем нежелании рожать еще детей, потому что Эдвард мог подумать, что я больше не люблю его, а тогда наши неприятности начнутся заново.

Однако я и вполтину не была такой умной, чтобы оставаться тайной мученицей, и, когда в один день он зашел в мою комнату и увидел, что я плачу, я сломалась и безжалостно выложила ему все, что у меня на душе.

– Да, я спрашивал себя, рада ли ты на самом деле, – признался он

наконец таким сочувственным голосом, что мне тут же стало немного легче. – Знал, что ты никогда не думала еще об одном ребенке. Но, Маргарет, разве трудные роды Дэвида обязательно означают, что и следующие будут такими же? Что говорит доктор Ивс?

– Что с Дэвидом мне не повезло и нет никаких оснований опасаться, что это может случиться еще раз.

– В таком случае...

– Но я не верю ни одному его слову! – Я зарыдала.

– Эта проблема легко решается, – продолжил Эдвард все тем же сочувственным голосом. – Поговори с другим доктором. Если хочешь – и с третьим. Собери их мнения, и, возможно, ты будешь чувствовать себя увереннее.

Я поплакала еще немного, но он, в общем-то, не оставил мне никаких оснований для слез. Я вытерла глаза платком и сделала усилие, чтобы успокоиться.

– Прекрасная мысль, – уверенно согласилась я. – Почему сама не догадалась? Какая же я глупая! – Но тут почувствовала, что мои глаза снова наполняются слезами. Сжав скатанный в тугий шарик платок, я попыталась прогнать слезы. – Уверена, что буду очень любить ребеночка, когда он появится, – пробормотала я со слезами на глазах и, несмотря на все усилия, снова разрыдалась.

– Мы должны сразу же придумать ему имя, – напомнил с хитрецей Эдвард. – Ты же помнишь, ты всегда говорила, что хочешь думать о Томасе и Дэвиде как о людях задолго до их рождения. Если ты сможешь думать о новом ребенке как о человеке, тебе, возможно, будет легче.

– Да, – согласилась я, бесполезно пытаясь промокнуть глаза мокрым платком. – Имя. Ох, дорогой, мне ничего не приходит в голову. Придумай имя, Эдвард.

Он дал мне новый платок.

– Может быть, Ричард? – предложил он. – Так звали дядю, который оставил мне Вудхаммер-холл, – дядю, который оказал на меня сильное влияние в юности. Если тебе нравится это имя...

– Ричард. Да. Да. Очень нравится, – поспешила согласиться я, и после этого мне и в самом деле стало легче готовиться к моему испытанию.

Конечно, родилась девочка.

Роды были легкие. Все закончилось за три часа. Ошеломленная, я сказала доктору Ивсу:

– Наверное, это ошибка. Неужели уже все?

Но доктор Ивс только улыбнулся покровительственной улыбкой, так что мне захотелось отвесить ему пощечину. Ребенок жалобно закричал, и повивальная бабка, соскучившаяся от неинтересных родов, язвительно сказала:

– У вас наконец девочка, миледи.

У меня сердце упало. Это была произвольная реакция. Я даже не задумывалась, почему у меня нет желания иметь девочку, и не понимала, откуда такое разочарование.

– Это не может быть девочка, – в отчаянии возразила я. – Это мальчик. Мы и имя выбрали – Ричард.

– Ну-ну, – успокоительно пробормотал доктор Ивс. – У нас всех случаются маленькие разочарования. Постарайтесь отдохнуть и восстановить силы.

И я уснула, но, когда проснулась, мое облегчение – слава богу, все позади – тут же омрачилось другой мыслью: Ричард оказался девочкой. Я лежала, сжимая в руках простыню, устремив взгляд в потолок; я почти не ощущала физического дискомфорта и ломала голову: что же теперь скажу Эдварду? Позднее, когда в комнату вернулась нянька, чтобы еще раз показать мне ребенка, мое настроение испортилось еще больше. Ребенок был совершенно дурен. Ярко-красная кожа, большая голова без волос и маленький живот.

– Да-да, – буркнула я, пряча по мере сил отчаяние. – Очень хорошенькая. Спасибо.

Ребенка уложили в колыбельку, и тут же появился Эдвард, а нянька вышла, чтобы мы могли поговорить наедине.

Мы обнялись, и он, улыбаясь, прошептал:

– Значит, все прошло хорошо?

– О да, – подтвердила я, пытаясь напустить на себя веселый вид. – Доктор Ивс ужасно неприятный человек, но не сомневаюсь: он очень умен. Даже подумать не могла, что роды пройдут так легко.

– Слава богу, – сказал он, снова целуя меня.

– Слава богу, – согласилась я, крепко сжав его руку.

Наступило молчание.

– Ну, – смешливо заметил он, – похоже, нам снова придется заняться именами.

– Я рада, что ты это упомянул, – тут же ответила я, – потому что у меня прекрасная идея. Эдвард, давай назовем ее Нелл. Красивое имя и короткое; я часто раздражалась, оттого что у меня такое длинное имя, и подумала, что ты будешь не против, если ее назовут в честь дочери, которую ты так любил. Что скажешь?

Он посмотрел на меня испуганным взглядом:

– Это очень благородно с твоей стороны, но...

– Как же хорошо, – оборвала я его, чувствуя, что слова будто помимо моей воли срываются с губ, – если мы назовем ее в честь твоей любимой дочери. Мне бы было очень приятно.

– И мне тоже, но, Маргарет, Нелл – это просто уменьшительное от Элеоноры, и людям может показаться странным, если я назову дочь моей второй жены именем первой.

– Господи боже, – отозвалась я, – да почему меня должно это волновать? – Мне вдруг пришло в голову, насколько я выросла с первых дней моего брака, когда имя Элеонора было для меня запретным. – К тому же Элеонору никто не называл Нелл, – напомнила я, – а Нелл никто не будет называть Элеонорой.

– Ну, если ты уверена...

– Абсолютно. Ах, Эдвард, ты очень расстроился, что это не мальчик?

– Моя дорогая Маргарет, нет, конечно! Я понимаю, что ты можешь быть немного разочарована, но что касается меня, то я просто рад, что ты и ребенок в безопасности и здоровы. Это гораздо важнее, чем пол ребенка.

Тяжелое бремя тревоги свалилось с моих плеч. Когда он встревоженно спросил: «Ты очень разочарована?» – я правдиво ответила: «Нет, я рада, что у нас дочь. Очень рада».

3

Девочка родилась слабенькой. Поначалу она много плакала, как Томас в первые месяцы жизни, но Томас, несмотря ни на что, быстро набирал вес, и его здоровье не вызывало беспокойства. О Нелл мы все беспокоились. Доктор Ивс регулярно приходил к нам, осматривал ее, нянька осталась, чтобы за девочкой был специальный уход. Большую часть времени я проводила в маленькой комнате дочери.

– Малышка болеет? – спросил Томас.

– Нет, дорогой, просто она слабенькая.

– А когда она сможет играть с нами? – уточнил Дэвид.

– Ну, до этого еще далеко. Но придет день – будет играть.

Постепенно у нее исчез красный цвет с лица, свойственный новорожденным. Кожа стала светлой, с каким-то забавным прозрачным свойством, делавшим ее словно воздушной. У нее были голубые, высоко посаженные глаза красивой формы. Я думала, что она со временем станет светловолосой. Часто представляла себе, как Нелл растет и какая радость будет выбирать материю для ее платьев, а потом примется просматривать со мной модные журналы. Может быть, будет проворнее меня с иглой, но с этим вряд ли возникнут какие-то проблемы. Мальчики со временем отправятся в школу, но теперь меня их исчезновение уже не расстроит так сильно, потому что со мной останется Нелл.

В марте, два месяца спустя после рождения, она стала плакать реже. А еще начала кашлять.

– Когда она начнет улыбаться? – спросил Томас.

– Позднее, дорогой, немного позднее. Когда наступит весна.

– А мы тогда сможем с ней гулять?

– О да, потому что маленькие любят солнышко. Тогда она будет часто улыбаться и смеяться, ты увидишь.

Я снова попыталась шить и сделала для нее платьице, когда она станет постарше. Материал был миленький, розовый шелк со слоями белого муслина, а по кайме я вышила розочки. Потратила на них не один час. Сидела у ее колыбельки с шитьем и дивилась своей новообретенной склонности к рукоделию. Быстро приближался лондонский сезон, но у меня пропал всякий интерес к светским мероприятиям, и на время я оставила всякую благотворительную деятельность.

– Я вернусь к этому позднее, – объяснила я Эдварду. – Когда Нелл станет покрепче, я буду опять выходить.

Я заказала новую коляску – не хотела, чтобы у нее было что-то старое. Коляска, которой пользовались Томас и Дэвид, теперь казалась слишком потрепанной, как и все их первые игрушки, которые лежали у меня на чердаке в корзине. Я купила ей красивую куклу. С таким удовольствием выбирала ее. Думала о том, как это прекрасно – прийти в магазин игрушек и выбирать куклу, а не бесконечных шерстяных животных и оловянных солдатиков.

Наступила весна. Нелл совсем пришла в норму. Она теперь не плакала, и я всем говорила, какая она умница.

– Но она все еще не улыбается, – заметил Томас.

– Нет-нет, улыбается, – ответила я. – Я часто вижу, как она улыбается.

– Мне кажется, у бедняжки кашель ухудшился, миледи, – сказала няня. – Сегодня утром...

– Нет, – возразила я, – с кашлем у нее лучше. Я только вчера говорила доктору Ивсу, что с кашлем у нее намного лучше.

И в конце, когда лужайка перед домом покрылась множеством розовых бутонов, а весеннее солнце заглядывало в окна детской, освещая игрушки, которых она никогда не увидит, я только сказала:

– Как это замечательно – иметь дочь! Нам будет так хорошо вместе, когда она вырастет.

Час спустя она умерла.

4

Я ушла в свою комнату и долго оттуда не выходила. Дом погрузился в тишину, обездвижел. Один раз я услышала громкий голос Томаса, но Нэнни шикнула на него, и дом снова погрузился в тишину. Я решила, что она обоих мальчиков увела на прогулку. Подошла к окну, но, когда не увидела их, посмотрела на розовые бутоны и зеленую листву, подумала, как красив парк весной. День стоял прекрасный.

Я переоделась. Надела черное платье и села перед зеркалом. Все веснушки с переносицы исчезли, но я ведь так мало выходила из дому в последнее время.

Эдвард постучал в дверь. Вошел и сообщил:

– Я не знал, хочешь ли ты все еще оставаться одна.

Я пожала плечами, потому что тоже не знала. Мысли путались, и я не находила слов.

Он сел на кровать рядом со мной, взял за руку:

– Маргарет, я... я знаю, никакие слова не могут изменить случившегося, но...

– Да?

– По крайней мере, это не мальчики. Понимаешь...

Я вскочила на ноги. От ярости в голове у меня помутилось. Комната передо мной погрузилась в туман.

– Не смей мне говорить такие вещи! – крикнула я ему. – Не смей говорить со мной так, будто я вторая Элеонора, которой, так же как и тебе, было все равно, что происходит с нелюбимыми дочерьми!

– Я только хотел сказать...

– Нелюбимыми! – прокричала я ему. – Нелюбимыми! Неудивительно, что я не желала дочерей, видя, в каких женщин превратились твои. Катерин, которая считает любовь подарком за хорошее поведение; Аннабель, которая предпочитает ссориться с тобой, только чтобы ее замечали; Маделин, которая превратилась в твою подвинутую на религии старуху-мать, потому что тебя не было с ней, когда она в тебе нуждалась... Ты и твои дочери! Да я удивляюсь, что решилась иметь сыновей, видя, как ты иногда относишься к Патрику.

Его лицо посерело. Он проговорил слабым голосом, так непохожим на его:

– Я уверен, что всегда пытался исполнять свой отцовский долг.

– Твой долг! – в ярости прокричала я. – Твой долг! Эдвард, когда дело касается детей, недостаточно просто исполнять свой долг! Ты считаешь себя незаслуженно обиженным, потому что они не оправдали твоих надежд, но на самом деле обижены они, потому что это ты не оправдал их надежд!

Голос сорвался, и наступила гробовая тишина, но я не стала ее слушать – выбежала из комнаты, хлопнула дверью так, что звук разнесся по всему дому, и бросилась вверх по лестнице в детскую. Нэнни и нянька все еще гуляли с мальчиками, дверь в комнату Нелл была закрыта. Я вошла, взяла малышку на руки и заплакала. Спустя какое-то время осознала, что она умерла. В потрясении оттого, что потревожила, я ее поцеловала, осторожно положила в колыбельку, снова задернула занавеску. В панике подумала, что схожу с ума – провалы в памяти, замешательство, столько жестокостей в адрес Эдварда. Я покинула комнату Нелл, но уйти не успела – он поднимался по лестнице. Шел очень медленно, и я поняла, что артрит, вероятно, снова терзает его.

Зимой он мучительно страдал от артрита, и я чувствовала его облегчение, когда была так занята сначала своей беременностью, а потом короткой жизнью Нелл.

Добравшись до площадки, он остановился, чтобы отдохнуть. Я слышала его затрудненное дыхание, затем дверь детской открылась, и Эдвард вошел.

Я опять обратила внимание, как он постарел. Муж теперь всегда волочил ноги, и только гордость не давала ему ходить по дому и на улице с тростью. Волосы его окончательно побелели, но это лишь добавляло ему благородства. Даже он не возражал против этого.

Он сначала просто стоял у двери – то ли еще не отдышался, то ли не мог найти нужных слов.

Наконец ему удалось проговорить:

– Ты меня неправильно поняла.

Я молчала.

– Когда я сказал: «По крайней мере, это не мальчики», я имел в виду, что потерю младенца легче вынести. Потеря ребенка всегда невыносима, но когда малыш перестает быть несмышленным и у тебя с ним связаны годы, а не месяцы драгоценных воспоминаний... Извини, я очень плохо выразил свою мысль.

– Да, плохо, – прошептала я. – Да.

– Но, Маргарет, я тоже был расстроен.

– Конечно, – согласилась я. – Уверена, по-своему ты был расстроен. Но ты никогда не думал, что она выживет. Никто по-настоящему не верил, что она выживет, правда? Знаю, что на меня смотрели как на идиотку, когда я купила куклу и новую коляску.

– Мы все восхищались твоим мужеством. Я убежден, что никто не предполагал...

– Я думала, что она выживет, если я буду покупать ей вещи, – пробормотала я. – С моей стороны это было глупо. – Я подошла к окну. – Хочу, чтобы мальчики поскорей вернулись.

Он подошел ближе. Я обратила внимание, что его рука тряслась, когда он прикасался к моей.

– Может, ты хочешь уехать на время?.. Побывать месяц-другой на Континенте?

– Нет, спасибо, в этом нет нужды. Я не Элеонора и не собираюсь бежать от детей... или от тебя... из-за нервного срыва.

Он ничего не ответил. Молчание затягивалось.

Наконец я сказала:

– Эдвард, прости, я наговорила тебе всякого, но я не смогла сдержаться. Пожалуйста, прости меня.

– Ты пережила потрясение, я понимаю. – Он оперся рукой о комод и переступил с ноги на ногу.

Снова воцарилось молчание.

– Что я могу сделать? – спросил он наконец. – Могу я сделать что-нибудь?

Я осознала, Эдвард спрашивает не только о том, что он может сделать для меня, но и что он может сделать для своих детей.

– Я бы хотела уехать в Вудхаммер, – сказала я. – За городом так красиво весной. И, Эдвард, я хочу, чтобы все дети приехали к нам, а особенно хочу, чтобы ты простил Маделин, чтобы и она приехала и побыла

с нами.

– Маделин ни за что не приедет. И Аннабель тоже.

– Они приедут. Маделин захочет увидеть мальчиков, а Аннабель – своих дочерей. Мы можем пригласить их из Нортумберленда. Ты давно видел своих внучек?

– Для тебя это будет слишком большая нагрузка – столько людей.

– Я не буду месяцами скорбеть о Нелл, – возразила я. – Я должна составить план какого-нибудь важного мероприятия и подготовиться к нему. Конечно же! – вдохновенно воскликнула я, представив вдруг, как могу хоть немного загладить мою вину перед ним за мои жестокие слова. – Мы соберем семью, чтобы отпраздновать годовщину нашей свадьбы. Но отпразднуем ее не в Вудхаммере. Мы поедем в Ирландию. Это будет лучший прием из всех, что я устраивала. И мы должны устроить его в Кашельмаре.

Глава 6

1

Мы наконец-то добрались до Кашельмары, до этой неземной красоты, смешанной с воспоминаниями о смерти и разложении, до дикой неземной твердыни Джойс-кантри, где родился Эдвард. Стоял май. Сочная трава зеленела после зимних дождей, от земли исходил чистый, свежий запах, полный обещания. После темных зимних месяцев в Лондоне я почувствовала, как улучшается мое настроение, и, как только мы устроились, я принялась готовиться к семейному приему по случаю годовщины нашей свадьбы.

Первым приехал Патрик. Я не видела его больше года, потому что для него Вудхаммер был закрыт, а я до и после рождения Нелл безвыездно сидела в Лондоне. К моему облегчению, Эдвард отказался от мысли о военной карьере для него, но по-прежнему не хотел наделять сына какой-либо ответственностью. Патрик был вынужден занимать себя целиком и полностью своими художественными делами. Это, естественно, вполне его устраивало, и он время от времени писал мне, сообщая, как счастлив. Я подозревала, что он ничуть не хотел ехать в Кашельмару, но покорно появился неделю спустя после нашего прибытия, и Томас с Дэвидом с радостью набросились на него. Видя, как Патрик рад снова встретиться с ними, я вспомнила о моем проекте женить его. Когда же от Фрэнсиса пришло письмо с фотографией моей племянницы Сары, я не смогла противиться и погрузилась в самые приятные размышления.

Сара... Ей теперь было семнадцать, и, если ее фотография не обманывала, она обещала стать царицей всех будущих балов. Я прежде не видела ее со взрослой прической – со взбитыми волосами, вид у нее был чрезвычайно изысканный. Ее сходство с Фрэнсисом дразнило меня. Она унаследовала его необыкновенную красоту, и я, глядя на фотографию, изнемогала от желания заново открыть племянницу, оставленную в Нью-Йорке семь лет назад. Мое желание увидеть Сару было тем острее, что она напоминала не только Фрэнсиса, но и Бланш, а сестры, к моему горю, больше не было в живых. Прошлым летом я получила весточку с извещением о том, что она умерла во время родов. Это известие повергло меня в скорбь, в особенности еще и потому, что я в то время сама

пребывала в панике в связи с моими родами, но Эдвард был так добр – обещал при ближайшей возможности свозить меня в Америку. Впрочем, такая возможность никогда не представится – теперь я это знала. Артрит не позволял ему совершать долгие путешествия, и, как бы я ни хотела увидеть Фрэнсиса и Сару, я понимала, что никогда не смогу оставить Эдварда, даже если он разрешит мне поехать одной.

– Невероятно! – воскликнул Патрик с самым отрядным энтузиазмом, когда я показала ему фотографию Сары. – Какая красавица! Маргарет, ты можешь пригласить ее к нам в Англию?

– Она пока еще слишком молода, – ответила я. – Но через год-другой – возможно...

Мои мысли резво устремились вперед, я представила себе, как Сара упрасивает Фрэнсиса отвезти ее в Европу, а тот не в силах противиться ее просьбам, потому что обожает. Сара и Фрэнсис приезжают в Англию, останавливаются у нас на Сент-Джеймс-сквер. Мои мысли перестали скакать с одного на другое, пошли в ногу вместе с моим романтическим воображением. Патрик и Сара встречаются, влюбляются без памяти, женятся. Сара остается со мной в Англии, Фрэнсис, конечно, не сможет противиться желанию часто приезжать в Европу, чтобы повидаться с нами обеими, Патрик будет великолепно устроен и недосыгаем для меня, с моими необъяснимыми пристрастиями...

– Она довольно привлекательная, правда, – согласилась я обыденным тоном Патрику. Проведя семь лет в Англии, я вполне освоила лукавое использование преуменьшения. – Подумала, тебе будет интересно увидеть последнюю фотографию кузины, а мы с ней часто переписываемся.

После этого я бросила эту тему, как горячий пирог, прежде чем один из нас не обжегся о нее.

2

Собрались все. Приехала Катерин с мужем, горничной, чемоданом и в бриллиантах. Маделин приехала одна, облаченная в костюм темно-синего цвета, с потрепанной черной сумкой. Аннабель появилась на великолепной гнедой кобыле вместе с неуловимым Альфредом на поводке. Аннабель была счастлива увидеть наконец своих дочерей. Их дед, с которым они жили в Нортумберленде, не позволил им оставаться в Клонах-корте, но Аннабель тут же приехала в Кашельмару, чтобы повидаться с ними. Эта

встреча стала для нее потрясением. Она думала о них как о маленьких девочках из детской, но Кларе уже исполнилось пятнадцать, а Эдит была на год моложе, обе они достигли такого возраста, чтобы холодно встретить мать, а на ее мужа поглядывать с видом истинных аристократок сверху вниз. Бедняга Альфред! Он оказался хорошим парнем и в Кашельмаре чувствовал себя не в своей тарелке. Я бы тоже чувствовала себя не в своей тарелке на его месте и в итоге не смогла воспротивиться моему неизменному порыву вмешиваться в чужие дела.

– Вы очень жестоки, – выговаривала я девочкам. – Разве мистер Смит бьет вашу мать? Разве он ее угнетает, делает ее жизнь невыносимой? Вы должны быть благодарны, что у нее добрый, заботливый муж, что она с ним счастлива, а что касается самой вашей матери, то, думаю, ваше отношение к ней неоправданно. Я знаю, она нехорошо поступила, оставив вас, но теперь жалеет об этом, и я убеждена, вы, как минимум, могли бы попытаться быть добры с нею, если еще не можете простить за то, что она сделала. В любом случае это совершенно не по-христиански – таить злобу и держаться от нее подальше. Разве бабушка и дедушка в Нортумберленде не ходят с вами в церковь? Ваше поведение бросает тень на их старания воспитать вас добродетельными девочками.

Я, как и предполагала, пристыдила девочек, и, к моему удовлетворению, они и в самом деле попытались загладить свою вину. Они не были плохими, но мне оставалось только пожалеть, что Клара и Эдит не пошли в мать, которую я находила все более и более приятной в общении. Клара была очень миленькой, хотя чуточку медлительной, а Эдит – бедняжка Эдит! – оказалась неуклюжей дурнушкой и едва могла поддержать беседу. Но мне известно, что такое страдать в тени хорошенькой старшей сестры, а четырнадцать лет – трудный возраст.

Я тем временем продолжала с успехом вмешиваться в чужие дела и считала свое вмешательство в высшей степени успешным.

– Эдвард, пожалуйста, ты мне обещал, что не будешь говорить с Маделин о замужестве! – умоляла я его, и муж заверил меня со смехом: он уже смирился с тем, что Маделин останется старой девой. – И о ее работе сестрой милосердия? – не отставала я.

– Что ж, если я должен простить ее, пригласив в мой дом, то, видимо, и с этим мне придется смириться, – неохотно согласился он, но на деле вел себя с Маделин очень пристойно.

Поскольку сама она была, как всегда, безмятежна, несмотря на свое жуткое существование в лондонском Ист-Энде, им удалось не поссориться друг с другом. Маделин получала теперь небольшое жалованье, так что не

жила в абсолютной нищете, но руки у нее огрубели от тяжелой работы, и я часто спрашивала себя, как она выносит такую жизнь, в особенности еще и потому, что могла бы жить в роскоши, как и Катерин.

– Эдвард, ты ведь будешь мил с Катерин, правда? – допытывалась я.

О, я вмешивалась во все. Совала свой длинный нос в дела всех и каждого и уже не помню, когда в последний раз получала такое удовольствие. Но Эдварду не требовались указания насчет Катерин. Едва дочь появилась, он тепло поцеловал ее и с восхищением сказал, что никогда не видел ее такой красивой.

– Папа изменился, – задумчиво заметила Катерин. – Уверена, он вполне смирился со своим возрастом.

– Как старый лев, – добавил Патрик, и я уже видела, как он мысленно набрасывает льва на бумаге. – Лев, который устал охотиться и хочет полежать в тени и вздремнуть.

– Эдвард, – заговорила я чуть позднее, – что касается будущего Патрика...

– Я уже все устроил, – перебил он, улыбаясь мне. – Терпение!

Я с трудом сдержалась, чтобы не вмешиваться дальше, и всю свою энергию направила на устройство семейного обеда, который должен был состояться вечером в годовщину нашей свадьбы, двадцатого июня.

Случай был такой особый, что Томасу и Дэвиду позволили лечь попозже, и они обедали с нами, но поскольку при этом число сидевших за столом оказалось равным тринадцати, то эта поблажка создала трудности.

– Если бы Джорджа не приглашать, – пробормотала я, но Эдвард напомнил, что Джордж – его единственный племянник и имеет право присутствовать.

Наконец я решила проблему, пригласив двух замужних дочерей лорда Дьюнедена с мужьями. Мы были в особых дружеских отношениях, а к тому же они приходились приемными дочерьми Катерин, и Эдвард знал их с рождения. Количество хозяев и гостей составило, таким образом, семнадцать человек – неловкое число, но в последний момент Альфред Смит сослался на начинающийся жар, и в результате мы пришли к замечательной цифре – шестнадцать человек.

Чутье говорило мне, что вечер удастся, – так оно и случилось. Я до сего дня помню, как мы вошли в столовый зал Кашельмары, увидели георгианское серебро, сверкающее в мягком свете канделябров, и длинные красные бархатные занавесы, горящие, как роскошный задник богато украшенной сцены. Помню перевозбужденного Хейса, который открывал бутылки шампанского и тихо обходил стол, наполняя бокалы. Помню, как

встал Патрик, чтобы сказать тост. Я так им гордилась, потому что он, не запинаясь, произнес речь так, словно долго готовил ее, а еще дольше заучивал наизусть каждый слог.

– ...и я уверен, папа не будет возражать, – закончил он, – если я попрошу вас всех выпить за Маргарет, которая собрала нас всех на... – Он впервые запнулся, помолчал, но сказал не «...на этот семейный праздник», а просто повторил: – Которая собрала нас всех.

В этот момент Аннабель крикнула вполне на свой манер:

– Верно! Верно!

Маделин дружелюбно улыбнулась мне, а Катерин убрала с лица высокомерное выражение и посмотрела на меня с детской любовью.

Чувства переполняли меня.

– Так давайте же выпьем за папу и Маргарет в седьмую годовщину их свадьбы! – закончил Патрик.

И когда все подняли бокалы, раздалось мягкое контральто Дэвида:

– У мамочки лицо такого же цвета, как томат, и ничуть не подходит к цвету ее волос.

Все рассмеялись. Томас разозлился, что не он сделал это замечание, но в следующий момент его тщеславие было удовлетворено, когда Патрик позвал его вручить семейный подарок. Это был серебряный поднос с гравировкой в честь сегодняшнего события. Эдвард с восторгом прочитал надпись и поднялся, чтобы произнести ответный тост.

Он поблагодарил детей за то, что они приехали в Кашельмару, и за подарок. Он поблагодарил меня за то, «что невозможно передать словами», а когда Дэвид вновь устремил заинтересованный взгляд на мое лицо, опять приобретшее томатный цвет, Эдвард сказал своему старшему сыну:

– И я бы хотел выпить за тебя, Патрик, с опозданием поздравить с совершеннолетием. Теперь, когда ты вырос, я с нетерпением поспешу передать тебе твою часть наследства, чтобы ты управлял ею так, как считаешь нужным. В мои годы большое утешение знать, что у меня есть сын, на которого я могу опереться.

Патрик разволновался еще сильнее меня. Я увидела слезы в его глазах, взмолилась, чтобы Эдвард, не дай бог, не заметил их, но он, к счастью, уже смотрел на других, поднимая бокал.

– Я сделаю все, что в моих силах, чтобы быть тебе опорой, папа, – заверил его Патрик, когда пришел в себя. – Какую часть Вудхаммера ты собираешься дать мне в управление?

– Вудхаммера? – удивленно переспросил Эдвард. – Я думал не о Вудхаммере. Ты его знаешь достаточно хорошо. Полагаю, пришло время,

когда ты должен побольше узнать о Кашельмаре.

Я увидела выражение лица Патрика, и сердце мое упало. Я постаралась лягнуть его, остеречь от возражений, но попала по ноге Аннабель.

– Господи боже! – охнула Аннабель. – Тут под столом жеребенок!

– Ах, Аннабель! – возбужденно вскрикнула я. – Расскажи Эдварду о жеребце, которого вы купили на днях на ярмарке в Леттертурке. Такая занятная история!

Упрашивать Аннабель не пришлось. Ситуация временно была спасена, но позднее, когда джентльмены присоединились к дамам в гостиной, я потихоньку сказала Эдварду:

– Дорогой, не могу тебе передать, как я счастлива, что ты настолько решил доверить Патрику. Он наверняка чувствует себя очень польщенным и довольным. Конечно, ему будет немного одиноко в Кашельмаре, в особенности когда мы уедем в Англию, но если у него какое-то время будет товарищ, то, я уверена, эта перспектива не покажется ему такой уж унылой. Может быть, ты позволишь Дерри погостить здесь недельку-другую? Дерри так хорошо преуспевает в Дублине, а ты никогда по-настоящему не винил его в той несчастной истории с Катерин, в которой я только одна и виновата. А теперь, когда Патрик вырос... ситуация стала совсем иная, он уже не тот мальчишка, который легко вовлекается в любое озорство. Думаю, и Дерри уже утихомирился, он ведь теперь в коллегии адвокатов. Наверняка не будет вреда, если он поживет в Кашельмаре.

Муж, конечно, согласился. В этот вечер Эдвард был готов во всем соглашаться со мной, и я опять гордилась своим успешным вмешательством и думала, как же умно я улаживаю мои семейные дела.

3

Дерри приехал утром две недели спустя после отъезда Катерин и Дьюнедена. Маделин почти сразу же вернулась в свою больницу, а поскольку Эдвард непременно хотел присутствовать на заключительной сессии парламента, мы сами собирались вернуться в Лондон на следующей неделе. Однако я сомневалась, что супруг будет в состоянии ехать, потому что после приема у него так разыгрался артрит, что он даже не мог объехать имение. Патрик был вынужден объезжать имение только с Макгоуаном, а Эдвард расстроился, что не смог провести время с сыном, –

ему так хотелось дать тому ценные указания.

Расстроило его и еще одно дело. Когда мы оставались одни, а боль становилась невыносимой, единственное, что он мог, так это принимать большие дозы настойки опия и ждать, когда боль стихнет.

– Ты на мой счет не беспокойся, – сказала я как-то раз, когда он пребывал в расстроенном состоянии.

– Но что мы будем делать? Как мы будем жить? Что произойдет с нашим браком?

Боль так ослабила его, что он уже не мог бороться с отчаянием.

– Пока ты полагаешься на меня, все будет хорошо, – ответила я. – Если ты любишь меня и готов довериться мне, я буду любить тебя так сильно, что переживу все сложности.

Он посмотрел на меня. Я видела циничное выражение в его глазах и борьбу его прагматизма с огромным желанием поверить мне, и вдруг я исполнилась ярости, какой не чувствовала со времени самых моих несчастных дней в Нью-Йорке, – ярости против судьбы, которая несправедливо отмерила нам так мало радости жизни. Будь Эдварду за семьдесят, я, возможно, смирилась бы с его состоянием, но ему до семидесяти было еще далеко, и разум у него оставался активным и молодым.

– Обещай мне... – требовательно сказала я ему, стараясь не думать о бесконечной череде сумеречных лет, ожидающих нас. – Обещай, что ты будешь полагаться на меня!

– Обещаю, – ответил он; настойка опия приглушила его голос до шепота, и он уснул, обхватив слегка мою руку.

На следующий же день прибыл Дерри Странахан. Обе дочери Аннабель чуть не упали в обморок при его появлении – ведь они вели уединенный образ жизни с бабушкой и дедушкой в Нортумберленде и никогда прежде не видели такого привлекательного молодого человека. Но Дерри хорошо выучил урок. Даже самый заклятый его враг не смог бы обвинить его в том, что он заигрывает с Кларой, чью красоту молодой человек явно заметил, но стоило ему перешагнуть порог дома, как его поведение стало безупречным.

Томас и Дэвид пришли в негодование, потому что Патрик теперь больше времени проводил в обществе Дерри, но я не могла сетовать на это, поскольку именно я своими руками и привела Дерри в Кашельмару, чтобы Патрику не было скучно. Я не жалела, что у Патрика на братьев даже получаса в день не остается, и, возможно, считала его привязанность к мальчикам обычной благодарностью. Естественно, ему было интереснее с

Дерри, и я решила придержать язык на сей счет, пока тот две недели остается у нас.

Дни шли. Наша жизнь в Кашельмаре проходила без происшествий, пока как-то раз утром в начале июля на ведущей к дому дорожке в повозке, запряженной ослом, не появился Максвелл Драммонд и не свел на нет все мои мучительные старания привести семью к спокойной жизни.

4

Максвелл Драммонд, грубый и дерзкий, вошел в дом, нагло топая сапогами по мраморному полу. Я стояла наверху на галерее и оттуда слышала, как он просит встречи с Эдвардом. Я, глядя на него, вспомнила, что он не оправдал надежд Эдварда, отказавшись от возможностей, которые предоставлял ему Сельскохозяйственный колледж, и убежал из Дублина с дочерью учителя.

– Милорд неважно себя чувствует, – сдержанно ответил Хейс. – Он сегодня не принимает посетителей.

Я не напишу того слова, которое использовал Драммонд для описания сообщения Хейса. Сказать, что оно было грубым, было бы несправедливо по отношению к его непристойной вульгарности.

– Это правда, хочешь верь, хочешь нет! – возмущенно ответил Хейс.

– ...эту правду, – сказал Драммонд. – Я останусь здесь, пока лорд де Салис не примет меня, Роберт Хейс, и ты лучше скажи ему, что я здесь, прежде чем этот ублюдок Дерри Странахан пройдет по этому залу, иначе тут совершится убийство, и да простит меня Господь, если я вру.

Я вдруг поняла, что стою на верхней площадке лестницы. Хейс посмотрел в мою сторону, и я увидела облегчение в его глазах.

– Миледи...

– Я поговорю с мистером Драммондом, Хейс.

Драммонд смерил Хейса самодовольным взглядом и низко поклонился мне:

– Храни вас Господь, миледи.

– Доброе утро, мистер Драммонд, – проговорила я ледяным тоном и пошла впереди него в маленькую голубую столовую, которая использовалась для приема людей низкого положения.

В комнате было влажно и прохладно. Снаружи в долину с гор сползал туман, тянулся липкими пальцами к озеру.

– Мистер Драммонд, мой муж неважно себя чувствует, – объяснила я, когда мы остались одни. – Но возможно, я могу вам помочь. Насколько я поняла, вы жалуетесь на мистера Странахана.

– Его самого, миледи, – ответил Драммонд. – Я мирный человек, миледи, я имею образование и могу принять любую ситуацию, если она справедливая и обоснованная, и лорд де Салис, несомненно, самый справедливый землевладелец к западу от Шаннона, вот почему я думаю, что на сей раз произошла какая-то ошибка. Я многое могу вынести от Иэна Макгоуана, этого подлого шотландского ублюдка, потому что в душе он честный человек и только старается как можно лучше делать свою работу, но чтобы этот сукин сын Родерик Странахан помыкал мной – этого я не потерплю. Вот мое последнее слово.

– Мистер Драммонд, если вы будете так любезны и объясните мне, в чем дело, я вам буду крайне благодарна...

– Напускает на себя – боже мой! Делает вид, что он такой джентльмен, а все помнят, как он тут бегал босиком перед лачугой дальше по дороге от моего дома... и все знают отсюда и до самого Клонарина, что его папочка был худший пьяница и игрок...

– Мистер Драммонд...

– Миледи, это правда, что лорд де Салис отдал мистеру Патрику всю землю на северном берегу и сказал: делай с ней что хочешь?

Я смотрела на него и не отвечала.

– Это правда, что Дерри Странахан не вернется в Дублин, потому что мистер Патрик передал землю ему в полное управление?

Я услышала какой-то шум и повернулась. Никто из нас не слышал, что дверь открылась, но, когда скрипнула половица, я увидела, что мы не одни. На пороге, тяжело опираясь на трость, стоял Эдвард, и мне одного взгляда на его лицо хватило, чтобы понять: он вне себя от ярости.

5

– Оставь нас, Маргарет, – проговорил Эдвард, и я вышла.

Я побежала по коридору, увидела Хейса, который выходил из столовой:

– Хейс, вы не знаете, где мистер Патрик?

– Знаю, миледи, он только что скакал по дорожке к конюшне.

Я бросилась к боковой двери, побежала под дождем к конюшне.

Патрика там не оказалось, но когда я собралась было бежать назад, то увидела его – он въезжал во двор вместе с Дерри. Они помахали, заметив меня, но, когда подъехали поближе, выражение их лиц изменилось.

Патрик быстро выпрыгнул из седла:

– Маргарет! Бога ради, что случилось?

Меня переполняла злость, к тому же и сердце слишком сильно болело, чтобы выбирать слова.

– Ты дурак! – прокричала я ему дрожащим голосом. – Непроходимый дурак! Как ты смеешь перекладывать свои новые обязанности на Дерри! Твой отец щедрым жестом отдал эту землю тебе, демонстрируя свое доверие. Как ты смеешь умыть руки и швырять эту землю назад ему в лицо!

– Леди де Салис, – ровным голосом сказал Дерри, пока Патрик в оцепенении смотрел на меня, – у вас в Америке, вероятно, примитивное правосудие, если вы обвиняете человека, даже не дав ему шанса высказаться.

– Я слышала достаточно, чтобы понять, что это ваша вина! – крикнула я ему, взбешенная его спокойствием и критиканством.

– Значит, вы слышали недостаточно, – возразил Дерри, по-прежнему совершенно спокойный, – потому что это ваша вина, а не моя.

– Как вы смеете говорить...

– Вашими стараниями я оказался здесь. Вы дали мне понять, что я нужен для помощи Патрику.

– Ничего я вам не давала понять! Я просто хотела, чтобы у Патрика была компания, потому что...

– Как это трогательно, что вы всегда озабочены благополучием Патрика! – сказал Дерри, и я, увидев злобный огонек в его глазах, была потрясена... я словно подняла драгоценный камень и увидела, как из-под него выползает гадюка. – Хорошо, что ваш муж слишком стар и не видит ваших самых тайных филантропических наклонностей, не правда ли, леди де Салис?

Я уставилась на него. На мгновение передо мной мелькнула истина, которая лежала далеко за границами его наглости, а потом она исчезла, прежде чем я успела понять ее, и гнев снова обуял меня.

– Мистер Странахан, – сумела произнести я, – ниже моего достоинства разговаривать с человеком... не могу сказать – с джентльменом... который позволил себе обращаться ко мне таким образом. Я нахожу ваше поведение грубым, дерзким и абсолютно неприемлемым, и я, безусловно, сообщу моему мужу, что считаю ваше дальнейшее пребывание в Кашельмаре

нежелательным. До свидания.

Я повернулась к ним спиной и пошла по грязи к дому, а туман во дворе сгустился, пронизывая меня до костей.

6

За этим последовала ужасающая ссора.

Я пыталась не слушать, но выбора у меня не было. Ссора заполнила весь дом.

Драммонда отпустили, и я из окна галереи видела, как тот неторопливо направился к своей повозке. Он насвистывал, и его развязность была для меня как нож острый. По прошествии нескольких часов ушел и Дерри. К тому времени я перешла в свою комнату, но поскольку ее окна выходили на дорожку, то наблюдала, как он со своим багажом дождался повозки из конюшни. Уходя, он ни разу не оглянулся, так что я не видела выражения его лица.

А Эдвард тем временем занялся Патриком. Я была не в силах слышать их крики, ушла в самую дальнюю часть западного крыла, отводившуюся для гостей. В последней спальне закрыла дверь, опустилась на стул у окна и принялась смотреть на влажную темень леса за огородом.

Наконец набралась мужества и вернулась в свою комнату, намереваясь оставаться в одиночестве, но как только я открыла дверь, то, потрясенная, увидела Эдварда. Страх настолько обуял меня, что я могла впасть в панику, броситься прочь, едва увидев его, если бы не поняла, что его мучит боль. Он сидел на краю кровати и отливал себе настойку опиума.

– Ах вот ты, – сказал он совершенно спокойным голосом. – А я уже собирался попросить твою горничную поискать тебя. Маргарет, в Уэстпорте есть доктор. Я забыл его имя. Но он время от времени пользуется лорда Слиго в Уэстпорт-хаусе. Ты бы не могла написать несколько слов и отправить ему? Мне так нехорошо, что, я думаю, причиной тому не может быть ни артрит, ни глупость Патрика.

– Конечно. – Я в потрясении забыла обо всех моих дурных предчувствиях. – Я немедленно пошлю за ним. У тебя жар?

– Не думаю, но в животе ужасная боль. Моя пищеварительная система в последнее время по какой-то причине играет со мной шутки. – А потом с ужасающей страстностью он добавил: – Господи, как я ненавижу старость!

Он закрыл лицо руками.

Я поцеловала его.

– Извини, что тебе пришлось так волноваться, когда ты чувствуешь себя плохо, – неуверенно пробормотала я. – Это я виновата, я знаю. Упросила тебя наделить Патрика большей ответственностью.

Он отрицательно покачал головой, уронил руки:

– Нет, твое предложение было правильным. Виноват я. Я слишком долго закрывал глаза – не хотел видеть, что собой представляет Дерри Странахан.

– Если бы только Патрик не отказался от своих обязанностей в такой манере...

– Он объяснил, что всего лишь жаждал угодить мне. Сказал, боялся не справиться с управлением, а потому попросил Дерри помочь ему. Якобы не хотел, чтобы я знал, как он боится новых обязанностей.

– А у Дерри не было иных мотивов, кроме доброты?

Я не могла скрыть скептицизма, и, конечно, в голосе Эдварда слышалась горечь.

– Дерри был рад предложению из корысти и желания отомстить тем, кто стал причиной его изгнания из долины три года назад. Он пытался вымогать деньги у Драммонда и О'Мэлли.

– Признаю, он и меня ввел в заблуждение, – повинилась я после паузы. – Странахан очень хорошо умеет скрывать свои чувства.

Эдвард только и смог выдавить:

– Дерри никудышный человек, черт его побери.

Он уставился в пол, сжимая руками кромки матраса.

– Эдвард, пожалуйста, не теряй веру в Патрика. Я знаю, что прошу слишком о многом после всего, что случилось, но...

– Патрик хороший мальчик, – неожиданно проговорил он, так удивив меня, что поначалу я подумала – ослышалась. Да и голос его я едва узнавала. Он звучал напряженно, необычайно тихо. – Он похож на моего отца, – добавил он. – Отец у меня был занятым человеком, жаль, что ты его не знала. Они с матерью были так преданы друг другу. Он как-то раз сказал мне: «У меня не хватит слов, чтобы описать тебе, какая это благодать – супружество». Я отчетливо помню эти его слова.

Я не вполне могла следовать за его рассуждениями, думала, что от опия мысли его скачут. Но я не упустила возможности сказать:

– Я уверена, Патрик скажет тебе то же самое, когда женится и угомонится.

– Женится... угомонится... да. – (Теперь я не сомневалась: опий воздействует на него, потому что он начал глотать слова.) – Лучше всего

для него... хороший мальчик, ни один мой сын не мог быть... другим.

– Я сейчас же пошлю за доктором, – опомнилась я и дернула за шнурок, вызывая его слугу.

Четверть часа спустя, когда человек с запиской к доктору был уже в пути, я принялась рыскать по дому в поисках Патрика.

7

Нашла я его наконец в одной из неиспользуемых оранжерей. Он сидел на перевернутом ящике в углу среди сорняков, уперев локти в колени, уткнув подбородок в ладони. Он поднял голову, когда я открыла дверь, и отвернулся, словно не мог встретиться со мной взглядом.

– Нам лучше не говорить, – сразу же сказал он. – Я знаю, ты невысокого мнения обо мне.

– Ах, Патрик! – воскликнула я, чувствуя себя опустошенной. И вдруг весь мой гнев исчез, и мне пришлось подавлять в себе желание слишком уж щедро утешить его. – Извини, я вспыхнула, – поспешила добавить я. – Наговорила то, чего не следовало, и Дерри, конечно, был абсолютно прав, когда обвинял меня в том, что я не дала тебе возможности защитить себя. Эдвард объяснил мне, что ты действовал из одного лишь желания угодить ему.

– Я думаю, он меня никогда не простит, но...

– Простит! Патрик, уверена, что простит. Ты знаешь, чем его можно порадовать сильнее всего? Если бы ты женился и уgomонился, устроился... в Вудхаммере, конечно. Убеждена, что могу поспособствовать этому.

– Но, Маргарет, я не знаю ни одной девицы, на которой я хотел бы жениться! Тебе хорошо говорить о браке, но девицы, с которыми я знаком, либо застенчивые – а это меня не устраивает, потому что я и сам застенчивый, – либо же они влюбляются в меня, потому что во мне шесть футов, я неплохо выгляжу в седле, имею титул и состояние, которые получу когда-нибудь. Но это меня тоже не устраивает, потому что я знаю: им ни чуточки не интересно, какой я на самом деле.

– Ах эти английские девицы! – страстно воскликнула я. – Либо покрываются румянцем, как беспомощные розы, либо прикидывают твой размер, словно ты модная новинка из Парижа! Если бы ты мог познакомиться с американкой! Американских девиц не обведешь вокруг пальца, они так свежи, так... интересуются своим поклонником! Я бы так

хотела, чтобы ты познакомился с моей племянницей Сарой. Если бы я могла убедить Фрэнсиса привезти Сару в Англию... Конечно, Патрик, какая прекрасная мысль! Почему бы тебе не написать Саре? Моя племянница все о тебе знает, потому что я часто упоминаю о тебе в своих письмах. Знаю, она будет рада получить письмо от тебя самого. Если бы между вами завязалась переписка, она бы наверняка вскоре захотела пересечь Атлантику.

– Но прилично ли мне писать ей – ведь мы незнакомы?

– Я напишу Фрэнсису, что дала тебе разрешение написать ей.

– Но что я ей скажу?

– Ну, для начала ты мог бы сказать, как тебе понравилась ее фотография и что гораздо приятнее тебе было бы увидеть ее воочию.

Он восхищенно посмотрел на меня.

– Маргарет, ты чертовски умна! – воскликнул он, улыбаясь мне сквозь пелену своих неприятностей. – Ты самая изобретательная девица, каких я встречал!

Сказать «вмешивающаяся в чужие дела» было бы более точным описанием моих махинаций, но я, конечно, предпочитала думать о себе как об изобретательнице. Покраснев от удовольствия, улыбнулась ему.

Некоторые люди никогда не учатся.

Глава 7

1

Мы не уехали из Кашельмары.

Артрит отпустил Эдварда, но проблемы с желудком так его беспокоили, что ему пришлось отказаться от планов вернуться в Лондон. Доктор из Уэстпорта диагностировал язву, прописал диету из щадящей пищи, но муж не любил, когда ему советовали, что есть, а потому послал за своим доктором в Лондон. К его раздражению, и лондонский доктор предписал ему щадящую диету, но разрешил немного бренди после обеда и бокал вина с едой. Я сильно подозревала, доктор Ивс говорит Эдварду только то, что тот желает слышать, но не вмешивалась. Я хотела, чтобы Эдвард выздоровел. Хотела уехать из Кашельмары. Мы пробыли здесь почти два месяца, вполне достаточно, чтобы я насладились неземной красотой и теперь стремилась к цивилизации, к блеску Лондона или уюту Вудхаммер-холла, словно списанному с книжной иллюстрации.

Но мы остались в Кашельмаре. Трава по обочинам дороги в Клонарин пожухла, а дрок и вереск снова зацвели, расцветив склоны холмов над лесом. Наступил сезон хорошей погоды. Горы посверкивали серо-голубой дымкой вокруг ослепительной лазури озера, а река Фуи под домом ленивее обычного несла свои воды через болото к золотой полосе западного берега.

Патрику хотелось уехать из Кашельмары даже больше, чем мне. Он с тоской говорил о Вудхаммере и даже предложил отправиться в Англию прежде нас, но я вполне определенно сказала ему, что отнесусь к этому очень плохо. Ведь наконец представлялась возможность загладить свою вину перед отцом, горячо объясняла я ему. Теперь, когда Эдвард был прикован к постели, для него было важно, чтобы именно сын, а не Макгоуан сообщал ему о состоянии дел в имении.

Патрик, казалось, раскаивался. Он обещал показать себя с наилучшей стороны, и, когда он так безропотно уступил моему напору, я почувствовала, что в моем отношении к нему наметилась небольшая перемена. В те дни я осознала, что по-настоящему могу любить мужчину только с более сильной волей, чем моя. Да, я любила Патрика, но теперь наконец исключительно как брата, потому что знала его слишком хорошо, чтобы любить как-то иначе. А любила и уважала я Эдварда. За лето я

убедилась, что люблю его сильнее, чем когда-либо прежде, а когда прошла осень и листья с деревьев облетели, поняла, что моя любовь стала еще крепче.

Мы не уехали из Кашельмары.

Долгое время он не выходил из своей спальни, но если поначалу жаловался на боль, то вскоре перестал. Когда ему становилось лучше, диктовал письма своему секретарю; потом мы без конца играли с ним в шахматы, тщательно подсчитывая победы и поражения. В трудные дни я читала ему вслух или просто вязала, а он лежал на подушках. Муж становился сонным от приема лекарства, и нередко ему удавалось убежать от боли в дремоту.

Каждый день я приводила к нему детей. Если он чувствовал себя хорошо, то душевно разговаривал с ними, интересовался в мельчайших подробностях их занятиями, но если его мучила боль, то я приводила их, только чтобы сказать «спокойной ночи». Мы часто обсуждали с ним их развитие. Томаса обучала гувернантка, и он уже бегло читал, а Дэвид, чтобы не отстать, осваивал алфавит.

Незадолго до Рождества Эдвард сказал:

– Жаль, что я не увижу их взрослыми. Вот что меня очень угнетает.

– Да, – согласилась я. – Это горько.

Я шила бархатную курточку для Дэвида – странно, как я пристрастилась к шитью в комнате больного, – и пыталась не прекращать работу за разговором. Курточка имела самую невероятную форму, но Дэвид рос таким упитанным.

Мы прежде не говорили о будущем, и я подумала, что Эдвард, наверное, переменит тему, но он спустя какое-то время добавил:

– Я хочу, чтобы ты оставалась такой, какой я помню тебя лучше всего, – очень яркой и веселой, любящей жить полной жизнью. Я не одобряю эти жуткие, растянутые во времени традиции траура, исполнения которых теперь ждут от вдов, и никогда не мог выносить людей, которые говорили, что обручены с памятью. Если бы эти люди и в самом деле получали такую радость от брака, то пытались бы вернуть ее с другим супругом, поэтому я бы твое новое замужество рассматривал как большой комплимент мне.

– Какая странная логика, – пробормотала я, на секунду подумав о Маделин, – но сколько здравого смысла!

Мгновение спустя я смогла улыбнуться ему. Оставив попытки продолжать шитье, сидела неподвижно с маленькой бархатной курточкой у меня на коленях. Я знала, что никогда не закончу ее, потому что ее вид

будет напоминать мне Эдварда, говорящего о будущем, в котором его нет.

– Что же, – ответила я, откладывая курточку в сторону, – если я когда-либо найду мужчину, который хоть как-то сможет сравниться с тобой – в чем я сомневаюсь, – и если этот мужчина захочет жениться на такой тощей, деспотичной, во все вмешивающейся дурнушке, да к тому же еще иностранке, – в чем я сомневаюсь еще больше, – то я всерьез подумаю о втором браке, обещаю.

Он улыбнулся. Мы помолчали какое-то время, но позднее, перед тем как уснуть, он прошептал:

– Чтобы не притворяться, нужно мужество. Я тебе благодарен.

Я собралась было ответить, что всего лишь следую его примеру, но слова почему-то не хотели произноситься, и мы больше не говорили о будущем.

Подоспело Рождество. Мы тихо отпраздновали его, но в новом году приехали Катерин и Дьюнеден, чаще стал заглядывать Джордж из Леттертурка.

Вернулся лондонский доктор и остался для постоянного присмотра за Эдвардом, а к концу января я написала Маделин – пригласила и ее приехать.

У меня появилось много дел. Гости требовали времени, а экономка – тщательного инструктажа, чтобы в соответствующее время всегда имелись горячая еда и горячая вода. Такой порядок трудно было обеспечивать и в Вудхаммере, но вдвойне трудно в Кашельмаре, где половина слуг часто отсутствовала по причине поминовения умерших, а заводить часы для соблюдения пунктуальности все, разумеется, забывали. Я обнаружила, что занятия по дому занимают все большую часть дня, поскольку число гостей постоянно увеличивалось. И хотя я знала, что детьми пренебрегать нельзя, времени у меня на них оставалось гораздо меньше, чем хотелось бы.

Как только появлялась свободная секунда, я приходила к Эдварду.

Он очень похудел, кожа висела на массивных костях. Есть он не мог. Спал урывками, лекарства давали ему лишь мимолетное облегчение от боли.

Помню, что все пребывали в расстроенных чувствах. Гости с неохотой посещали больного в его комнате, и я не могла их понять, потому что самой мне хотелось находиться там все время. Но я перестала водить к нему детей. Он был слишком болен, и не стоило мучить его ежедневными посещениями.

Я помню покрытые пылью шахматные фигурки, непрочитанную газету на прикроватном столике. А еще вид из окна, пятна света и тени в

комнате, тусклые седые волосы Эдварда на смятой подушке.

Помню, как в конце молилась, чтобы Господь отвел ему еще какое-то время, а потом молилась, чтобы ради Эдварда Господь не мучил его больше и дал поскорее умереть.

Я помню, как шипела на Патрика, сжимая кулаки так, что ногти впивались в ладонь:

– Не смей плакать! Не смей стоять и распускать сопли у его кровати как мальчишка!

Все спрашивали меня, следует ли им посетить больного, что им вообще сделать. Помню, что находила ответы, умела казаться бодрой, практичной, компетентной. В доме стояла тишина, голоса звучали приглушенно, словно во сне.

Помню, как спокойно сообщила Томасу и Дэвиду:

– Папа очень болен, он хочет попрощаться с вами перед смертью. Знаю, вам грустно прощаться, но он так страдает от боли, что на небесах ему будет гораздо лучше.

– А когда он вернется с небес? – спросил Дэвид, а Томас, который был старше и умудреннее, начал плакать.

Я позволила мальчикам лишь мельком посмотреть на него, потому что не желала их слишком сильно расстраивать, но ему так хотелось увидеть их в последний раз.

Перед концом он прошептал мне только: «Будь счастлива», затем Патрику: «Позаботься о Маргарет и твоих маленьких братьях».

А потом наступил конец, и я увидела багряный закат, темновато отсвечивавший от сверкающих вод озера.

2

Долгое время я вообще не могла спать. Думала о прошлом, вспоминала наши лучшие часы, а в какой-то момент перед рассветом в одну из этих бессонных ночей вдруг поняла (люди иногда внезапно признают какой-то факт без всяких на то логических причин), что более никогда не выйду замуж. Я часто размышляла об этом перед похоронами, и чем больше думала, тем крепче убеждалась, что совершенно не гожусь для брака. Многие мужчины не приемлют женщин с такой сильной волей, к тому же у меня есть эта досадная привычка во все совать нос. Туманно размышляла, хватит ли у меня когда-нибудь духу завести любовника. Я не желала ни

полного воздержания, ни брака с человеком меньшего масштаба, чем Эдвард, и думала, что сам бы он одобрил, если бы я завела с кем-нибудь тайный роман. Он всегда придерживался прагматической точки зрения в таких делах.

Я была абсолютно спокойна. Организовала похороны от начала и до конца. Ох, какое нелегкое это было дело, но времени у меня хватало, потому что я оставила все попытки уснуть. У меня просто отсутствовало всякое желание спать, и, как это ни удивительно, я ни чуточки от этого не страдала.

Знала, что на похороны приедет много гостей, хотя в феврале погода промозглая, а Кашельмара так далеко, но я представляла себе скорбящими именно этих людей из всего огромного круга друзей и приятелей Эдварда. И уж точно я не думала, что соберутся арендаторы, чтобы выразить ему уважение, ведь он был протестантом-землевладельцем, представителем одного из самых ненавистных классов в Ирландии. Да и разве он сам долгие годы не считал себя виноватым за то, что во времена голода повернулся спиной к своему ирландскому имению?

– Однако он какое-то время не брал арендную плату, миледи, – сказал Шон Денис Джойс, а один из О’Мэлли постарше добавил:

– Ни одного выселения за все годы голода не было.

А кто-то еще дополнил картину:

– А когда голод кончился, он вернулся и дал нам новые семена, картофельные и овсяные, а плату все равно не брал, пока мы не стали собирать урожаи и снова могли платить.

– Он был великий человек, миледи, – добавил Максвелл Драммонд с мягкостью, какой я никогда от него не ожидала. – И мы все, каждый из нас, в долгу перед ним.

Их пришло несколько сот из Клонарина. Они тихо собрались на дорожке, и среди них не было ни одного пьяного, а когда гроб вынесли из дому, все шли следом за ним до самых дверей часовни, через которые вошли только мы, протестанты. Но потом у могилы, перед тем как упасть в обморок, я чувствовала толпу вокруг нас, протянувшуюся до самого леса, и напряженное, сочувственное свойство тишины, такой сдержанной, такой неирландской, нарушаемой только позвякиванием четок.

Я так удивилась, когда упала в обморок. Ведь и понятия не имела, что заболела, и хотя, бессонница явно не шла мне на пользу, думала, что в конечном счете усну, когда дальше без сна станет уже невозможно. Мне не приходило в голову, что я цепляюсь за сознание, чтобы до последней секунды длить мою жизнь с Эдвардом, а когда увидела, как гроб опускают

в могилу, вдруг поняла: я осталась одна. Моя жизнь с ним закончилась.

И наступила темнота.

Когда пришла в себя, первыми моими словами были: «Я хочу видеть Фрэнсиса». Это меня удивило, потому что я давно научилась самостоятельности, не нуждалась ни в ком, кроме Эдварда, но, конечно, мое желание увидеть Фрэнсиса было естественным теперь, когда Эдварда не стало.

– Эдвард умер, – проговорила я. Его взволнованная семья собралась вокруг меня, и я видела его в каждом из них; он прятался за их глазами. – Но никто из вас не знал его, – сказала я. – Это было печально. Я единственная знала его, правда?

Кто-то принес нюхательную соль. Все суетились, перешептывались, но эти звуки слились в приглушенный рокот, похожий на далекий шум морского прибоя, а я теперь лежала под огромным, бескрайним небом. И вдруг он мелькнул передо мной. Я увидела его волосы, темные, лишь слегка тронутые сединой, какими они были, когда мы только познакомились, и еще увидела его голубые глаза. Я знала: он улыбается, хотя толком его улыбку и не разглядела. А потом отчетливо, чтобы не было ошибки, произнесла:

– Я никогда не смогу полюбить никого другого.

А затем небо потемнело, над головой у меня зашумело море, и я поняла, что когда приду в себя, то смогу плакать.

3

Плакала я долго. Мне пришлось остаться в постели, потому что я плакала слишком долго. Доктор Ивс был добр, но непреклонен. Я должна лежать с задернутыми шторами, за обедом мне можно немного куриного бульона, а каждое утро на завтрак вареное яйцо. И самое главное, мне нужен абсолютный покой, чтобы я могла спать. У меня осталось туманное впечатление, что все ходят на цыпочках и не осмеливаются говорить иначе как шепотом.

Когда я попросила, Нэнни привела детей. Маленькие бедняжки. Они только что потеряли отца и, судя по их виду, теперь опасались потерять и мать. Я так крепко обняла их, что дети пискнули, и, к сожалению, омыла их своими слезами, но они вели себя так хорошо. Дэвид даже сказал, что мои слезы очень вкусные, почти не хуже лимонада.

Другие дети Эдварда тоже были весьма добры. Маделин на время оставила свою больницу, чтобы ухаживать за мной, и, хотя Дьюнеден был вынужден вернуться в Лондон, Катерин осталась в Кашельмаре. Но больше всех поднимал мой дух Патрик. Он усердно работал вместе с Макгоуаном по делам имения, словно знал, что это лучший способ угодить мне. Он приглядывал за Томасом и Дэвидом с такой преданностью, будто то были его дети. Я больше могла не беспокоиться за них – они не останутся в небрежении, когда Патрик так заботлив.

В марте я получила письмо от Фрэнсиса. Он приглашал меня в Америку, чтобы я пришла в себя среди членов своей семьи. Если я не хочу ехать одна, то, может, мой приемный сын будет так добр, что проводит меня. Я была уверена, что новый лорд де Салис будет с почетом принят в моем старом доме на Пятой авеню.

Дорогой мой Фрэнсис! Я рыдала от такой его душевной щедрости. И считала, что с его стороны весьма благородно не испытывать неприязни к Патрику – сыну Эдварда, которого он не выносил. Подумала даже, каким он может быть бескорыстным, когда речь идет о моем благополучии. Однако вскоре узнала, что его расположенность к Патрику происходит из желания угодить не только мне, но и Саре.

Патрик в тот же день, когда мне пришло письмо от Фрэнсиса, получил письмо от Сары. Они к этому времени уже шесть месяцев состояли в переписке. К моему громадному удовольствию, Патрик, который никогда не отличался прилежностью в переписке, спешил ответить на каждое письмо Сары сразу же по получении. Сара присылала великолепные письма. Патрик показывал мне все, потому что они приводили его в восторг, а когда она написала, что поддерживает сделанное нам приглашение в Нью-Йорк, ему не потребовалось понуканий, чтобы принять приглашение.

– Поедем как можно скорее, – со счастливым видом сказал он мне. – Я улажу все дела по управлению с Макгоуаном здесь и с Мейсоном в Вудхаммере, наделю необходимыми полномочиями лондонских юристов, чтобы они в мое отсутствие действовали от моего имени. Маргарет, путешествие за границу – это то, что нам нужно! Я, конечно, понимаю, что ты в трауре и, вероятно, не меньше года должна вести тихий, уединенный образ жизни, но...

– Нет-нет, – перебила я его. – Эдвард вовсе не этого хотел для меня. – Так странно было произносить его имя. Мне захотелось заплакать, но я сдержалась. – Безусловно, давай как можно скорее собираться в Америку. Мне кажется, я сейчас больше всего на свете хочу оказаться дома.

Мы уехали в конце мая. Нам удалось купить билеты в надлежащие каюты на одном из лайнеров «Кунарда» под названием «Россия», славившимся своими удобствами и роскошью. Едва билеты были заказаны, я почувствовала себя на пути к выздоровлению. Что говорить – когда мы добрались до Ливерпуля и поднялись на палубу, я вдохнула морской воздух и ощутила себя здоровой. Когда же дала распоряжения горничной, что и как нужно распаковать, сразу вышла из каюты на палубу, чтобы присоединиться к семье.

Мальчиков нигде не было видно – они отправились исследовать пароход вместе с Нэнни, но Патрик внимательно вглядывался в толпу на набережной. Он облокотился о перила и подался вперед, но, когда я позвала его, выпрямился и повернулся ко мне. На его лице блуждала улыбка.

– Ты, кажется, очень занят, – беспечно бросила я. – О чем ты думал?

– Вообще-то, я думал о Саре. Маргарет, я наверняка женюсь на ней. Знаю, что влюблюсь в нее, а потом женюсь, остепенюсь, начну с новой страницы, как всегда хотел папа...

– Очень надеюсь, что ты не разочаруешься в Саре, – нервно проговорила я. – Нужно дождаться, когда вы познакомитесь, Патрик, а потом уже говорить об этом.

– Из-за всех ее замечательных писем чувствую себя так, будто знаю ее много лет! Я так чертовски волнуюсь... и все благодаря тебе, Маргарет. Ты понимаешь, как я тебе признателен? Ты оказала на мою жизнь такое огромное влияние. Если бы не ты, один Господь знает, где бы я сейчас был, но ты влияла на меня так, что я изменялся в лучшую сторону, благодаря тебе я стал таким, каким стал...

Он замолчал. Что-то привлекло его внимание внизу под нами в бурлившей на набережной толпе. Секунду спустя я увидела, что его лицо загорелось от возбуждения и он перевесился через перила.

– Наконец! – радостно воскликнул он. – Я уже думал, он не успеет! – Я недоуменно уставилась на него, и он, усмехнувшись, добавил: – Я сообщил ему, что мы уплываем, и он сказал, что приедет из Дублина проводить нас. Как мило с его стороны, правда?

Перевесившись еще сильнее через перила, он во весь голос прокричал ужасающе знакомое имя.

Я посмотрела вниз на Дерри Странахана.

Когда секунду спустя снова перевела взгляд на палубу, Патрика уже не

было. Он мчался к трапу, и Дерри тоже припустил бегом, он яростно протискивался сквозь толпу. Меня отделяло от него некоторое расстояние, но я видела, как сверкают его черные глаза на белом от напряжения лице.

Молодые люди встретились у основания трапа. Все уставились на них, когда они обнялись, но пристальнее всех смотрела я. Они смеялись, жестикулировали, снова обнимались. Я долго не могла разглядеть лица Патрика, видела только какую-то особую нескрываемую радость, смывшую все следы искушенности с лица Дерри. Потом же, когда Патрик повернулся к трапу, я посмотрела на его лицо и поняла – слишком поздно, – что он принадлежит именно к тому сорту людей, которые никогда не должны жениться.

III

Патрик

1868–1873

Преданность

...К несчастью, Эдуард II был слабым и упрямым. Предполагается, что король – главная движущая сила правительства, а голова Эдварда совершенно была не способна заниматься государственными делами... Он наслаждался музыкой и такими неаристократичными занятиями, как гребля, актерствование, катание в карете, скачки, кровельные и земляные работы. Но баронов отвратил не столько некоролевский характер этих развлечений, сколько его необузданная привязанность к молодому авантюристу из Гаскони Пирсу Гавестону.

*А. Р. Майерс. Англия в
позднее Средневековье*

Глава 1

1

Я женился на Саре в Нью-Йорке в июне 1869 года, ровно через год после нашей первой встречи, и после короткого медового месяца в загородном особняке ее отца повез в Кашельмару. Вот там-то наши неприятности и начались всерьез.

Ничего хорошего никогда не происходило со мной в Кашельмаре.

Но до того времени у меня не было особых причин жаловаться на то, как жизнь обходилась со мной, потому что природа не обидела меня здоровьем и внешностью, у меня был титул и кое-какие деньги. К тому же я был молод – когда впервые ступил на американскую землю, мне исполнилось двадцать три, а потому меня, с моей молодостью, здоровьем, хорошей внешностью и состоянием, вряд ли кто мог назвать невезучим. Да что там – мой друг Дерри Странахан называл меня самым большим счастливымчиком во всем этом дурацком мире, и я должен признать, что в день моей свадьбы я особенно чувствовал согласие с ним.

Дерри всегда говорил, что брак – это печальный конец мужчины, который наслаждался свободой, но я никогда особо не наслаждался свободой и еще мальчишкой думал о том, как было бы приятно не рисоваться перед противоположным полом на каждом приеме и не чувствовать себя обязанным реагировать соответствующим образом, когда дама легкого поведения предлагает развязать ей корсет. Я не то чтобы не любил женщин, но подростком был застенчив и обнаружил, что мне хорошо в обществе женщины, только когда я знаю, что у нее нет намерений тащить меня к алтарю или в спальню. Или и туда и туда. По этим словам можно подумать, что я чертовски тщеславен, что стоит женщине завидеть меня, как она вешается мне на шею, но, понимаете, я был таким треклятым везунчиком со всеми моими преимуществами, что и в самом деле порой чувствовал себя преследуемым. По правде говоря, я – полная противоположность тщеславию. Везение же мое представлялось мне великим неудобством. Иногда даже думал: ну почему я не родился кривоногим бедняком?

– Забудь про кривые ноги, – посмеивался Дерри. – Если бы ты родился бедняком, как я, то тебе не потребовалось бы дополнительного проклятия,

чтобы в полной мере наслаждаться благодатью недоли.

Я смеялся, когда он говорил это, и он тоже смеялся, потому что умел отпускать шутки о том, как по-разному обошлась с нами судьба. Дерри шутил даже о таких вещах, о которых не осмелилась бы шутить ни одна живая душа, а когда я был с ним, все прочее теряло значение, потому что ничто не могло меня расстроить, когда рядом находился Дерри Странахан.

Я думаю, мы были как братья, хотя никогда еще не рождалось таких непохожих братьев. Но мы своими различиями дополняли друг друга так, что иногда казалось, будто мы две стороны одной монеты. Когда нас разделяли, он, я думаю, чувствовал себя таким же потерянным, как и я без него, хотя он, конечно, никогда бы не признался в этом. Дерри ненавидел всякую сентиментальность.

Вскоре после моего приезда в Нью-Йорк Сара с любопытством попросила:

– Расскажи мне побольше о Дерри Странахане.

И я говорил, говорил чуть не целую вечность, но в то же время чувствовал, что мне почему-то не удастся описать его. Я слышал свой голос, пересказывающий голые факты его жизни, а мне все время хотелось сказать: «Знаешь, ты никогда и нигде не увидишь такого удивительного человека. Он прожил черт знает какую жизнь, каких только ужасов не навидался, а ему наплевать на всех и вся».

«Есть лишь одна вещь, которой я боюсь, – признался как-то давным-давно Дерри, – а боюсь я вот чего: запаха голода. Я никогда больше не хочу обонять вонь гниющей в полях картошки, никогда больше не хочу ощущать запах ям с картофельной гнилью и никогда, никогда, никогда не хочу вдыхать вонь голодного тифа».

Я хотел объяснить все это Саре, но мне удалось только сказать:

– Вся его семья умерла от тифа во время эпидемии, последовавшей за голодом. Дерри тоже заболел, но выжил. Ему тогда было шесть лет.

Где-то в глубинах моей памяти хранились слова Дерри: «Повсюду была рвота, все валялись с открытыми глазами, но никто ничего не видел. Распухший живот младенца, казалось, разорвало, а моя мать лежала неподвижно, как жердь, язык у нее выпал, а по волосам ползали вши».

– Какое чудо, что он выжил! – прошептала Сара, дивясь услышанному.

«...А я выжил, – доносился до меня из прошлого голос Дерри. – Должен был умереть, но выжил. И благодаря твоему отцу я был одет, обут, сыт и получил образование. Вероятно, Господь выбрал меня, определил для жизни в богатстве, иначе почему же тогда Он не позволил мне умереть

вместе с остальными? Должна же быть какая-то причина. Господь не допустил бы, чтобы я прошел через все это, если бы у Него не было какой-то задумки на мой счет».

Сказать, что Дерри стал чересчур религиозным, было бы очень большим преувеличением, но он вырос фанатически суеверным в том, что касалось соблюдения предписаний его религии. Словно опасался, что Бог посмотрит на него неодобрительно, если он не будет ходить на мессу три раза в неделю или исповедоваться каждое воскресенье. Он относился к Богу как к языческому идолу, которого нужно регулярно ублажать, чтобы отвлечь от какой-нибудь ужасной катастрофы. Кризис наступил, когда Дерри достаточно вырос и на исповедях ему приходилось признаваться во всяких непотребных грехах. Некоторое время я с любопытством наблюдал, как его богобоязненность боролась со страстью к женской плоти. И с сожалением отметил, что победила страсть к женской плоти, – ведь меня воспитывали на историях для мальчиков, где герой целомудрен, как сэр Галаад, но поскольку я считал, что Дерри не способен ни на что дурное, то постарался и изменил свое представление об идеальном герое с Галаада на Ланселота.

«В конце концов, – говорил Дерри, оправдывая свое поведение с помощью собственной суеверной логики, – возможно, намерения Господа состояли в том, чтобы через меня сделать женщин счастливыми, иначе Он бы наверняка избавил меня от искушений, а не подбрасывал бы их на каждом шагу».

Но чтобы не прогневить Бога, он после очередного случая прелюбодеяния отправлялся на мессу и зажигал множество свечей по своей усопшей семье.

К своей семье он относился противоречиво: когда был трезв, не упоминал вообще, а в пьяном виде говорил о ней непрерывно. Начинал с того, как сильно любил их всех, а потом постепенно принимался их всех обвинять. Я мог понять его обвинения в адрес отца, который наверняка был отъявленным негодяем, но я считал, что с его стороны немного несправедливо кидаться обвинениями в адрес матери. Так или иначе, не ее вина в том, что она умерла, но, слушая его, я начинал думать, что бедная женщина чуть ли не специально ушла, оставив его голодать.

«Моя мать тоже умерла, когда мне было шесть, – нередко напоминал я ему, – но я ни в чем ее не обвиняю. Меня вырастила тощая немногословная Нэнни, которая мрачно заявляла, что „мальчики труднее девочек“, а еще моя сестра Нелл – она была добрая, но постоянно отвлекалась. Теперь я знаю: ее беспокоило, как долго ей придется вести хозяйство и освободится

ли она когда-нибудь от семейных обязанностей, чтобы иметь возможность выйти замуж. Но в то время я просто чувствовал, что, заняв в доме место умершей матери, она несчастлива, и я старался не попадаться ей, чтобы не сделать ее еще более несчастной».

– Бедный маленький мальчик, – невразумительно пробормотала Сара, ее воображение придавало моему детству трагедийность, которой в нем вовсе не было. – Вероятно, ты очень тосковал по маме.

Не могу сказать, что я совсем не тосковал по ней. Но по правде, ничего не почувствовал, когда Нэнни сообщила мне, что мама умерла, и я по сей день вспоминаю о матери без ненависти или любви, а с полным безразличием. Но всегда скрываю это, потому что знаю: такая бесчувственность осуждается.

– А твой отец? – сентиментально спросила Сара. – Расскажи мне о твоём отце.

С этим было проще. Я испытал облегчение, уходя от темы моей матери, и теперь снова мог говорить откровенно.

– Мой отец был замечательным человеком, – сказал я и вспомнил его очень отчетливо, но не таким, каким он был в конце жизни, когда болезнь подточила его могучее тело, а десятью годами ранее, в годы моего детства, – громадного, сильного и богоподобного. От его шагов сотрясался пол в детской, он излучал силу волнами вызывающей трепет энергии.

Помню, отец как-то раз запрыгнул на лошадь, всего лишь опершись рукой о седло. Когда он мне улыбался, я чувствовал себя так, как должен чувствовать солдат, получая медаль от командира, а когда позднее люди стали говорить про меня: «Как он похож на отца!» – мое сердце разрывалось от гордости. Я часто смотрел на себя в зеркало, дивясь волшебству наследственности, и загибал пальцы, подсчитывая сходные черты. Те же голубые глаза, тот же широкий лоб, та же линия волос, чуть уходящая вглубь над висками, тот же решительный выступающий нос, тот же... нет, не тот же рот; у отца верхняя губа была тоньше, чем у меня. И другой подбородок – у него выступал сильнее, и челюсть более квадратная. У меня челюсть более точеная, более соответствовала остальным чертам, чем у него. Черт, человек бывает ужасным нарциссом в юности, тут нет сомнений, и я говорю об этом сейчас не ради хвастовства, а чтобы показать, какой удивительной личностью был мой отец и как я благодарен судьбе за то, что хоть немного, но похож на него.

– Мой отец был предан мне так же, как я предан ему, – гордо сообщил я Саре. – Да, знаю, я ворчал, потому что он был строгий, но ведь его волновало мое будущее. Он как-то раз объяснил все это мне. Отец меня

бил, потому что тревожился за меня. Многие отцы вообще не обращают внимания на своих сыновей и даже не замечают, какие коленца те выкидывают, но мой отец ничуть не походил на таких людей. Мне повезло иметь такого отца, но мне всегда чертовски везло в жизни.

И я принялся рассказывать ей, какой я счастливчик, но при этом смотрел на нее и надеялся против всякой логики, что придет день – и я буду еще счастливее.

2

Отец Сары Фрэнсис Мариотт жил в великолепном грубоватом здании, словно выложенном из коврижек. Мощеный двор, массивная лестница к парадной двери и однообразный ряд темных окон под крышей с башенками. Вдоль всей крыши с позолоченными водостоками друг на друга пялились в экзотическом изобилии горгульи, херувимы, сатиры и грифоны.

– Я бы хотел жить в таком доме, – проговорил мой маленький единокровный брат Дэвид, который проявлял бесстыдную сентиментальность и обожал все, что напоминало ему о его любимых сказках.

– И сколько его стоило построить? – спросил мой другой братишка. У Томаса математический мозг, и он уже ведет точный подсчет своих карманных денег.

– Томас, это очень некрасивый вопрос, – одернула его Маргарет, которая с того времени, как оставила этот дом восемь лет назад и стала второй женой моего отца, каждый день все больше и больше становилась англичанкой. – Я не имею ни малейшего представления о том, сколько это стоило, к тому же тебе нет никакой нужды это знать.

А когда она улыбнулась мне из-под копны рыжеватых волос, я вспомнил гипотезу Дерри, будто Маргарет тайно в меня влюблена. Это, конечно, чушь собачья, потому что она была предана моему отцу, это все знали, а его смерть так ее подкосила, что эта поездка в Америку для моего знакомства с ее семьей планировалась как средство приведения ее в нормальное состояние. Дерри никогда не любил Маргарет. Не могу понять почему. Я всегда очень хорошо к ней относился, даже лучше, чем к какой-либо из моих сестер. Верю, что она тоже меня любит, как любит своего брата Фрэнсиса. Маргарет была чудной девочкой, очень умной, пробивной,

если вы меня понимаете... не хорошенькой, но такой ладной, как свежееотполированное серебро с его сверканием, внутренней силой и острыми, колючими уголками. И конечно, если не говорить о Дерри, то ее общество я предпочитаю любому другому, и я ждал, что на пути из Ливерпуля в Нью-Йорк мы проведем вместе на главной палубе много часов за разговорами или будем убивать время в большом зале.

Никогда в жизни не постигало меня большее разочарование. Она каждый день была занята с мальчиками, потому что Дэвид страдал от морской болезни, а Томас постоянно был, как говорила Нэнни, «не ребенок, а наказание». Маргарет почти ни на минуту не оставляла их одних, а когда наступал вечер, мальчиков наконец укладывали в кровати, и она, не теряя времени, отправлялась в свою каюту, чтобы прийти в себя. Хуже того, на море все время было довольно сильное волнение, а я знал, что Маргарет – нервный пассажир. Я ее в этом не винил, потому что и сам нервничал. Можно, конечно, с улыбочкой говорить, что плавание через океан в наши дни так же безопасно, как купание в ванне. Это болтают те люди, которые всю жизнь предпочитают проводить на твердой земле, а потому сообщения об «исчезновении без следа» какого-нибудь большого лайнера их особо не трогают. Пассажирам пошло бы на пользу, если бы пароходные компании сами убеждали их в безопасности плавания, но в их брошюрах описывались только позолоченные салоны, роскошные каюты и великолепная пища, которую путешественники могут вкушать в самой изысканной обстановке. Слово «безопасность» не упоминалось ни разу, как и морская болезнь, неудобства и скука.

Однако я не хочу рисовать плавание одной черной краской, и поскольку сам не страдал от морской болезни, то мне по большому счету жаловаться не на что. У меня была прекрасная каюта. Не очень большая, но койка размером не уступала гробу, и еще оставалось место для кресла. Главный двигатель дьявольски шумел. Хотя «Россия» – новый пароход и говорилось, что на нем шумы значительно снижены по сравнению с другими судами, один Господь знает, как же шумят двигатели на них. Однако к шуму привыкаешь, хотя вибрации не замечать труднее. Общие помещения поражали роскошью, и еда, на мой взгляд, была очень неплоха, хотя старые морские волки фыркали, что меню новой линии «Кунард» и в подметки не годится ни одному из пароходов старой линии «Коллинз». Мне хотелось возразить: «Да, но, по крайней мере, пароходы „Кунарда“ остаются на плаву», хотя я, конечно, ничего такого не сказал – не хотел искушать судьбу, а поскольку «Коллинз» пользовался поддержкой в основном американцев, то такое возражение могло бы к тому же вызвать

скверную национальную перепалку. Кроме того, линия «Коллинз» уже не действовала, и вести какие-либо споры на сей счет не имело никакого смысла.

К концу путешествия погода, ко всеобщему облегчению, улучшилась, и цвет лица Маргарет стал терять зеленоватый оттенок. В надежде выманить ее на вечерний разговор я поднял вопрос о моей женитьбе. Она всегда проявляла большой энтузиазм, когда речь заходила о моем браке, но теперь, к немалому удивлению, не выказала никакого интереса к предмету и даже заметила, что мне бы лучше отложить это до тридцатилетия, потому что брак вовсе не делает человека остепененным. Это настолько противоречило всем ее прежним советам, что я, оправившись от изумления, не мог не обратить ее внимание на такой резкий поворот.

– Я поменяла мнение на этот счет, – призналась она... очень раздраженно, как мне показалось. – Ведь женщины должны время от времени менять свои мнения, правда?

Это было так не похоже на Маргарет, и я понять не мог, что так круто сломало ее отношение к моему браку, но в конечном счете приписал ее перемены остаточным влияниям морской болезни и попытался не принимать ее недовольство близко к сердцу.

Вот мое первое впечатление о Нью-Йорке: это великолепное место, когда приближаешься к нему с моря.

– А вон Санди-Хук! – воскликнула Маргарет, подпрыгивая теперь, как чертик из табакерки. – А белые дома за тем чудным песком – это Рокавей-Бич и Файр-Айленд. Ой, посмотри! Видишь отели на Кони-Айленде! Какая сегодня хорошая видимость... а вот карантинная станция на Лоуэр-Бей...

Но меня больше интересовал сверкающий мыс и невероятно мощная система укреплений. Все говорят, что Нью-Йорк неприступен, и я совершенно с этим согласен. В жизни не видел столько пушек. Они расположены по всему берегу.

– Статен-Айленд! – в восторге закричала Маргарет. – Нэрроуз! И смотрите, Томас, Дэвид, какие маленькие лодочки во внутреннем заливе!

Мы вошли в большую гавань, город лежал перед нами – справа Бруклин, слева Джерси-Сити. Река Гудзон тянется к северу, на сколько хватает глаз, а цвет воды такой, что даже Неаполитанский залив заткнет за пояс.

– Совсем итальянский свет, – зачарованно пробормотал я. – Ничего английского.

– Конечно тут ничего английского! – воскликнула Маргарет, в которой проснулся неистовый патриотизм; она вцепилась в перила так, будто уже

видела своего брата на пристани.

Он, конечно, был там. Фрэнсис поспешил нам навстречу, и Маргарет бросилась в его объятия с такой скоростью, что я удивился, как ей удалось не запутаться в юбках. Должен сказать, что кузен Фрэнсис, спортивного вида дядюшка, и в самом деле был очень рад встрече. Со мной он тоже был крайне обходителен, погладил мальчиков по голове, сказал, какие они замечательные.

– Мой дорогой Фрэнсис! – воскликнула Маргарет, утирая слезы его носовым платком. Поскольку это был американский платок, то размером он не уступал скатерти.

Нью-Йорк – замечательный город, внешне простоватый, но в нем столько энергии – как у щенка терьера. Я безразлично отношусь к городам, но те, кто любит города, наверняка бы взволновались, увидев Нью-Йорк. Входя в гостиную дома на Пятой авеню, я, конечно, тоже волновался, но по другой причине: наконец-то должен был увидеть Сару.

Я хорошо представляю себе сейчас эту гостиную. Шторы задернуты, чтобы не впускать внутрь гнетущую летнюю жару, три маленьких черных мальчика в ливреях стоят, размахивая огромными веерами. К сожалению, мне от них было мало пользы – моя рубашка прилипла к спине, а брюки чуть не промокли от пота.

На Саре было сиреневое платье. Ее кожа, не тронутая этим беспощадным чужеземным солнцем, оставалась кремово-белой, что делало ее длинные волосы, уложенные многочисленными кольцами, необыкновенно темными. Она смотрела на меня карими глазами, но такими светло-карими, что они казались золотыми. У нее были необыкновенные глаза, широко расставленные, уголки чуть приподнятые, что подчеркивало высокие скулы. Рот прямой, пухлые губы имели роскошный красноватый оттенок. У нее была невероятно узкая талия, точеные плечи и длинная красивая шея.

Она была великолепна. Я быстро забыл всех этих бледных жеманных английских красавиц, выходящих в свет каждый сезон, забыл всех этих пылких мисс на пароходе, забыл даже, как сказать простое «здравствуйте».

– Позволь мне, мой дорогой Патрик, – произнес Фрэнсис Мариотт своим хорошо поставленным голосом, который напоминал мне плохого актера, играющего Макбета, – представить тебя. Конечно, поскольку вы довольно долго состояли в переписке, в этом вряд ли есть необходимость, но... – Он еще несколько секунд нес бог знает что, но наконец замолчал, и я сумел проговорить:

– Мм... Да... очень рад, мисс Мариотт. Кузина Сара, я хотел сказать.

Да... Как поживаете?

Я покраснел как рак и весь пылал – не мог пылать жарче, даже если бы меня варили, как рака.

Она смерила меня взглядом, словно окатила волной презрения. Лед на Северном полюсе и вполонину никогда не бывал такой холодный, как мисс Сара Мариотт в Нью-Йорке 18 июня 1868 года.

– Кузен Патрик, я рада видеть вас наконец лично, – обронила она с небрежной изящной официальнойностью. – Добро пожаловать в Нью-Йорк. Сегодня ужасно жарко, правда?

Она не дала мне времени для ответа, проскользнула мимо меня к моим маленьким братьям, и я увидел только ее прямую спину и роскошные густые волосы, накрученные над длинной красивой шеей.

Моя досадная неотесанность ничего не значила для Сары Мариотт. Ей исполнилось восемнадцать лет, и она уже получила предложение от русского князя, калифорнийского миллионера и итальянского графа. Она была одной из самых выдающихся красавиц в Нью-Йорке и настолько привычна к богатству, что состояние для нее ничего не значило, настолько привычна к обожанию в высшей степени завидных женихов, что, вероятно, даже не заметила моего восторженного онемения. Я сразу же понял, что она избалованная и изнеженная. А еще что она с удовольствием устраивает соревнование между своими поклонниками. И шансов у меня не больше, чем у осла, участвующего в скачках чистопородных скакунов. Но мне было все равно. Не все равно мне было только то, что хотя бы раз в жизни мне не приходилось стыдиться своей счастливой судьбы, потому что впервые в отношении Сары Мариотт я оказался одним из многих.

3

Я не поверил своим ушам, когда она сообщила, что выйдет за меня. Мы сидели в саду под тенистым деревом, и Сара рисовала что-то на тропинке своим зонтиком от солнца. Погода по-прежнему оставалась невыносимо жаркой, но со времени моего приезда в Нью-Йорк прошло уже три недели, и я по привычке к местному климату. Мы обсуждали достоинства собак и кошек. У Сары был отвратительный и ужасно породистый пекинес по кличке Улисс, в честь генерала Гранта, который в этом году баллотировался в президенты, а еще она отчаянно хотела белого котика, которого мечтала назвать Омар Хайям. Она говорила о том, что очень

надеется получить такой подарок от отца, когда я вдруг услышал собственный голос:

– Сара, я бы хотел дать вам все, что вы пожелаете. Вы ведь никогда, ни за что не захотите выйти за меня замуж, верно? Потому что в противном случае я приду в бешеный восторг.

Она рассмеялась. Полагаю, таких дурацких предложений никто не делал, но я не мастак играть всякие роли и произносить цветистые речи. И по крайней мере, я сказал ей то, что чувствовал.

– Это лучшее предложение из всех, какие мне делали! – воскликнула она, продолжая смеяться. – Вы говорили с папой?

– Нет. Я не знал, что сделаю вам предложение. То есть я хотел, но не сейчас. То есть хотел...

– Если поспешите, то успеете поймать его, пока он не уехал на Уолл-стрит.

– Вы хотите сказать, что вы...

– О да, – ответила она. – Я буду рада. Я боялась, что вы никогда не сделаете мне предложение, а мы уже знаем друг друга почти месяц. Я практически похоронила надежду.

– Но почему... все ваши прочие поклонники...

Сара зевнула и принялась обмахиваться веером.

– Вы не похожи на других. Вы говорите со мной как с человеком, а не с иллюстрацией из книжки. И вы ни разу не попытались облюбовать меня поцелуями, когда думали, что нас никто не видит. Не выношу мужчин, которые выражают свои чувства, как спаниели.

– А теперь я вас могу поцеловать?

– Хорошо. Только не слюнявить.

Я старался изо всех сил. Обхватив ее рукой за талию, я поцеловал ее в одну щеку, в другую, а потом коротко в губы. У нее словно подкосились ноги в моих руках, ее тело прижалось к моему, и я вдруг почувствовал себя так, будто выпил потина и стал сильным как бык. Я резко отпрянул, но она едва ли заметила мое движение. Сара уже снова говорила своим низким голосом со странным акцентом, объясняла, что будет рада выйти замуж, потому что мать не понимает ее, а ее брат Чарльз большую часть года проводит в Бостоне, и она все время одна, а папа... да она предполагала, что ее отъезд чуть ли не убьет его, но...

– Он всегда думает обо мне как о ребенке, – ворчала Сара. – А я уже не ребенок. Я выросла и хочу быть взрослой. Хочу, чтобы у меня был собственный дом и собственная жизнь, даже если для этого мне придется расстаться с дорогим папочкой...

«Кузену Фрэнсису Мариотту лет сорок пять, и он считает себя любимцем женщин, – написал я Дерри вскоре после приезда в Нью-Йорк. – Он выпивает две бутылки портвейна в день, воображает себя первоклассным гонщиком лошадиных четверок, любит говорить об Уолл-стрит – там американцы занимаются финансовым бизнесом. Маргарет предупреждала меня, что он ненавидит Англию, но Мариотт без конца толкует о прибыльных финансовых связях с одной торговой фирмой в Манчестере, образовавшихся вследствие симпатии Северной Англии к юнионистам во время Гражданской войны, а сердце кузена Фрэнсиса склоняется туда, где есть деньги. А еще Сара умирает от желания повидать Европу и любит все английское (у американских девиц появилась такая мода – любить всякую древность из Старого Света). И поскольку кузен Фрэнсис души в Саре не чаёт, он не осмеливается быть слишком антиевропейским или антибританским, боясь оскорбить ее. Маргарет говорит, она и представить себе не могла, что ее брат будет таким подобоострастным по отношению к женщине, и ее выводит из себя, что кузен Фрэнсис так обожает Сару. Только я думаю, Маргарет ревнует, потому что он всегда был по отношению к ней скорее отцом, чем братом, а Сара – скорее сестрой, чем племянницей. Маргарет даже, кажется, не одобряет моего восхищения Сарой и пытается заинтересовать меня другими девицами. Должен сказать, что нахожу поведение Маргарет немного странным. Но мать Сары одобряет меня, так что мне не о чем беспокоиться.

Кузина Амелия – крупная женщина, весом не менее семнадцати стоунов, у нее как минимум три подбородка и громадная грудь, а еще большие, печальные, коровьи глаза. Я даже представить себе не могу, как кузен Фрэнсис может осуществлять свои супружеские права среди всего этого жира, но я слышал, что у него в разных частях города есть любовницы. Нью-Йорк удобен для тех, кто хочет иметь содержанок, и для того, что американцы называют „домá“. Проституткам не разрешают искать клиентов на Бродвее: они могут только проходить там быстро и опустив глаза – зрелище любопытное. Их называют здесь „уличные девки“, и если они находят клиента, то заводят его в какой-нибудь проулок, куда не заявляется полиция. Потом есть места, которые называются „концертные салуны“, классической музыки ты там не услышишь, но зато джин льется рекой, а еще есть танцевальные дома, где танцорки – сущие отбросы общества».

Я пытался описать ему все это так, будто своими глазами видел все эти места, но на самом деле только слышал про них от кузена Фрэнсиса как-то

вечером, когда женщины ушли из столовой, а он с удовольствием принялся за свою вторую бутылку портвейна. Он предостерег меня от посещения таких мест, поскольку там процветают воровство и всякие болезни.

«Но тебе бы здесь понравились азартные игры, – писал я Дерри. – В штате Нью-Йорк они под запретом, но никто на это не обращает внимания, а меньше всех – полиция. Игорные дома есть всего в одном квартале от Бродвея, а еще их много в Ист-Сайде – в Боуэри, квартале, где живут бедняки. Самая популярная игра в Америке – фараон. Игорные дома высшего класса обычно не жульничают, там роскошная мебель, а прислуживают тебе любезные чернокожие, большинство из них – бывшие рабы с юга. О боже мой, эта Гражданская война! Это вторая тема для бесед после импичмента президенту Джонсону. К слову, об импичменте; слушать, как кузен Фрэнсис непрерывно твердит об угрозе конституции, еще хуже, чем если бы тебя принуждали читать о новейших планах Вестминстера провести парламентскую реформу. Но я не хочу сказать ничего дурного в адрес кузена Фрэнсиса, гостеприимством которого пользуюсь, и думаю, если он станет моим тестем, то мне придется привыкнуть ко всем его скучным речам о политике».

Ответ Дерри на мое пространное письмо о семье Сары, уличных девках и фараоне прибыл вскоре после того, как я сделал Саре предложение.

«Касательно Маргарет, – начал он на принятый у адвокатов манер, – тут ясно как божий день, что она ревнует к Саре, но не потому, что она занимает такое важное место в голове Фрэнсиса. Ты иногда бываешь очень туп, лорд де Салис.

Касательно кузена Фрэнсиса и кузины Амелии: как две такие жуткие особи могли породить Чувственную Сару? Что представляет собой ее брат? Поскольку ты его не вспоминаешь, я предполагаю, он живет не дома – учится в Гарварде, или как там у них называется их колониальная имитация Оксфорда.

Касательно твоей страсти: ты всегда был подвержен невероятным прихотям. Я считаю эту черту частью твоего обаяния, но, откровенно говоря, Патрик, – ты ведь не всерьез рассматриваешь эту странную идею – жениться на американке? Жениться, когда тебе всего двадцать три, – мне кажется, это ужасная трагедия, при этом ты ведь не в моем положении и не женишься ради денег. Кстати, моя последняя богатая наследница уехала в Англию и теперь обручена с каким-то ничтожеством по имени лорд Джордж Суиндон-Каннингам. И потом, если уж тебе приспичило жениться в двадцать три, то почему на американке? Опять на тебя оказывает влияние

эта твоя мачеха, или я полный идиот. Но я не скажу ни одного дурного слова о Маргарет, поскольку если она возражает против твоего интереса к Саре, то мы с ней союзники. Да, судьба создает странные супружеские союзы... Кстати, постельные вкусы американок, кажется, весьма забавны, хотя если Господь так распорядится, что я женюсь на американке, то я первым делом заткну ей рот кляпом, чтобы она меня не отвлекала. Американский акцент выбивал бы меня из колеи, к тому же американские женщины всегда такие деспотичные, я не исключаю, что они, лежа на спине и разведя ноги, дают руководящие указания своему избраннику. Бога ради, возвращайся в Англию, прежде чем ты сделаешь какую-нибудь глупость. Твой и проч. Дерри».

Меня его письмо позабавило, но и взбесило. Ссылки на Маргарет меня не расстроили, потому что Дерри всегда говорил про нее всякие глупости, но его замечания об американских женщинах (которые, пусть и опосредованно, затрагивали и Сару) просто вывели меня из себя. Я до того разозлился, что даже пожаловался Маргарет: Дерри, мол, в пух и прах раскритиковал мою идею жениться на американке.

– А что он, черт его дери, скажет, когда узнает, что я уже обручен? – мрачно проговорил я.

– Он привыкнет к этой мысли, – резко бросила Маргарет и добавила более мягким, убедительным тоном: – Я ведь в конечном счете привыкла, так почему бы и ему не привыкнуть? Признаю, некоторое время я думала, что тебе не следует жениться на Саре, но теперь...

Настроение у меня улучшилось.

– Ты правда одобряешь?

– Да. – Она помедлила, прежде чем проговорить с большей уверенностью: – Да, одобряю. Некоторое время я колебалась, но теперь уверена: это к лучшему. Вполне уверена, – повторила она, словно на этот счет оставались еще какие-то сомнения, а потом улыбнулась и добавила: она жалеет, что была резковата со мной в последнее время.

Я тоже улыбнулся. Ничто не могло порадовать меня больше, чем это ее признание, – теперь мы снова можем быть друзьями. Когда она увидела, что я повеселел, то попыталась меня утешить:

– Вот подожди, увидишь, что следующее письмо Дерри будет полно поздравлений. Он с тобой не станет ссориться.

Она, как всегда, не ошиблась, но я провел много тревожных дней в ожидании его вердикта, а когда письмо от него пришло, то даже боялся его открывать.

«Прими мои поздравления, – любезно писал он. – Твоя скорость

застала меня врасплох, но брак с Сарой явно для тебя слишком искусителен! Я только надеюсь, ты не собираешься оставаться в Америке до своей свадьбы в следующем июне. Теперь, когда вы обручены, она определенно не удержит с другим обожателем, так почему бы тебе какое-то время не побыть дома? Не забывай, что разлука только укрепляет чувства, или, если говорить вульгарнее, воздержание (конечно, умеренное) делает нас тверже (надеюсь, ты понимаешь многозначность слов). Если ты вернешься на Рождество, подумай, как бы прекрасно мы смогли провести время в Вудхаммер-холле! Ты же знаешь, как я всегда хотел увидеть Вудхаммер. Здесь я завершаю. Извини за короткое письмо, но мне нужно подготовить речь к завтрашнему дню, а я уже сжигаю полуночное масло. Мои наилучшие пожелания будущей леди де Салис. Твой и проч. Дерри».

Все это было прекрасно, но, придя в себя после испытанного облегчения, я впал в растерянность. Честно говоря, идея провести Рождество в Вудхаммере казалась соблазнительной, потому что Америка уже стала мне надоедать. Но я не представлял себе, что смогу оставить Сару. Прежде всего я не хотел покидать ее, но дело обстояло еще сложнее. Точнее было бы сказать, что я боялся выпустить ее из виду. Да, она меня любила, но при ее очаровании и соблазнительности легко могла ускользнуть из моих рук, несмотря ни на какие обручения. Даже если бы я вернулся в Англию на самое короткое время, Сара могла пенять мне потом: «Ты же бросил меня – уехал. Значит, не очень сильно любил. Как же ты можешь обвинять меня в том, что я выбрала другого?»

Дерри, видимо, не чувствовал этой опасности, но мне она была очевидна.

– Конечно же ты должен остаться, – подтвердила Маргарет, когда я открылся ей. – Мы все задержимся.

– Но насколько я помню, ты же хотела уехать до конца года.

Вопрос о том, что Маргарет останется в Америке навсегда, не стоял. Она желала жить в Лондоне, чтобы Томас и Дэвид выросли англичанами, как того хотел бы мой отец.

– Ну, нам нет особой нужды торопиться, – сразу же объяснила она. – И потом, обстоятельства исключительные. Мы проживем до следующего лета, а там Томас и Дэвид смогут нести шлейф невесты, а я буду сидеть на передней скамье и радоваться.

– Я думаю, мы все можем отправиться в Англию в сентябре, а весной вернуться.

– Для мальчиков это слишком тяжело, – возразила Маргарет. – Это ужасное путешествие по морю, столько тысяч миль... нет, лучше уж

задержаться на несколько месяцев.

– Пожалуй, ты права. Но тебе не кажется, что такой жаркий климат вреден для детей?

– На следующей неделе мы поедем на север, у Фрэнсиса дом в долине Гудзона. Ой, Патрик, тебе понравится дом на реке! Знаю, ты не любишь города, а на природе тебе будет куда как лучше. А потом... тебе нет нужды все время болтаться в Нью-Йорке. Воспользуйся уж тем, что ты по эту сторону Атлантики, и посмотри Америку сколько удастся. Точно! Ты можешь отправиться в путешествие, как мистер Троллоп. Хотя я бы не ездила на юг – там, говорят, все еще разорено после войны. Но у Фрэнсиса друзья в Бостоне, Вашингтоне и Филадельфии. И конечно, ты должен увидеть Великие озера... может быть, еще и Чикаго...

У американок иногда так разыгрывается воображение. Я уже начал думать: возможно, в письме Дерри больше правды, чем я отваживался признать.

– Но что я, черт возьми, скажу Дерри? – спросил я, как всегда смущенный своей счастливой судьбой.

Мне казалось несправедливым, что я бездельничаю в Америке, а Дерри тем временем гнет спину в какой-то убогой юридической конторе в Дублине, и у него никаких перспектив, кроме одинокого Рождества в своем жилище.

– Напиши Дерри, что тебе, конечно, невыносима мысль о расставании с Сарой, – сказала Маргарет, посмотрев на меня взглядом, по которому я сразу же понял, насколько я туп. – А какие еще тебе нужны объяснения?

Вопрос она задала хороший. Я несколько часов провел, продумывая ответ, в конечном счете проникся убеждением, что если я каким-то образом смогу компенсировать ему мое отсутствие, то и моя совесть будет чиста, и он останется доволен.

«Дорогой Дерри, – написал я наконец, – я оказался здесь в затруднительном положении и не имею никакой возможности вернуться на Рождество (или вообще в любое время до моей свадьбы) в Вудхаммер. Я пытался перенести свадьбу на более раннее время, но им требуется несколько месяцев на подготовку. Да и кузен Фрэнсис изображает любящего отца и настаивает на годичном периоде обручения. Однако, поскольку у меня нет выбора – лишь смириться с долгим отсутствием, я подумал, не примешь ли ты важного поручения от меня. Не мог бы я задействовать тебя в твоём профессиональном качестве, чтобы ты приглядывал за тем, как идут дела в Кашельмаре? О Вудхаммере я могу не волноваться, потому что Мейсон прекрасный управляющий, но ты же

знаешь, как в Кашельмаре все начинает катиться под уклон, если кто-то регулярно не приезжает туда с инспекцией. Если бы ты мог поприглядывать за слугами, чтобы они не проводили все время за питьем потина, а арендаторы не дрались между собой, я был бы тебе ужасно благодарен.

Кстати, я сегодня утром получил весточку от Аннабель. Клара и Эдит теперь живут с ней в Клонах-корте. Их чванливые старые бабушка и дедушка наконец покинули сей мир с разницей в один месяц в их жутком, похожем на морг доме в Нортумберленде, так что они больше не могут не пускать детей к Аннабель. Я их ближайший родственник по мужской линии, и Канцлерский суд назначил меня их опекуном, чему я обрадовался, и, как только семейный адвокат сообщил мне об этом, я попросил Аннабель забрать девочек из Нортумберленда. Она их уже забрала, как выяснилось, но я уверен, сестра понятия не имеет, что ей делать с двумя созревшими дочерьми; может быть, у тебя найдутся какие-то предложения на сей счет? Клара как-то сказала мне, что ты ужасно важная персона, а поскольку Аннабель тоже о тебе хорошего мнения, может быть, тебе наконец повезет с наследницами! В любом случае удачной охоты. Твой и проч. Патрик».

«Дорогой Патрик, – писал в скором ответе Дерри, – я понять не могу, почему ты желаешь обречь меня на судьбу, которая хуже смерти (снова стать соседом Максвелла Драммонда), но поскольку я, да поможет мне Бог, не чужой в этом краю света и поскольку я чертовски устал работать за гроши как собака во влажных, темных палатах, да к тому же в данный момент по самые уши наелся этой жизни (отчего, черт побери, ты не можешь приехать домой, чтобы мы тут хорошо провели время?)... Впрочем, не буду перечислять все мои скорби и скажу: да, я согласен принять твое несчастное предложение, если ты будешь платить мне сотню фунтов в месяц (человек не может вести сколь-нибудь приличную жизнь, если зарабатывает меньше чем тысячу в год) и дашь мне доверенность, чтобы я мог управлять твоими делами надлежащим образом. Ты слишком доверился этому шотландскому ублюдку Макгоуану, и я не удивлюсь, если он грабит тебя где только может. Ты посмотри, как он сдал в аренду прежний участок моего отца этому дьяволу Драммонду за двадцать фунтов в год! Я прекрасно помню, что твой отец хотел сдавать Драммонду землю за символические деньги, так куда, по-твоему, могли уйти эти двадцать фунтов? Уж не в карман твоего отца, можешь не сомневаться. Эти шотландцы – они все на один лад. Им невыносимо видеть, как деньги уходят мимо их носа – их деньги или чьи-то еще. Чертовы черные протестанты – все они.

Бог ты мой, как забавно будет вернуться в Клонарин и снова начать дискутировать о преимуществах безбрачия с отцом Доналом. Не забудь сразу написать своим лондонским адвокатам, чтобы они как можно скорее выслали мне доверенность, и тогда я буду заботиться о Кашельмаре как о своей собственности. Твой и проч. Дерри.

P. S. Хорошие новости о Кларе. Ты не знаешь, какой у нее годовой доход? Полагаю, она вольна поступать с ним по своему усмотрению после замужества. Возможно, если все пойдет хорошо, то Рождество я проведу в Клонах-корте! Ты уверен, что не сможешь приехать и присоединиться к нам?»

Но домой я не поехал. Я остался в Америке с Сарой и Дерри увидел только спустя много месяцев.

4

В ту ночь мне снилась Сара. Мне снилось, что она скачет по дороге на Клонарин – по дороге, которая идет вдоль берега озера среди желтизны дрока. Она скакала на белой лошади, в черном ездовом костюме, в левой руке держала длинный изгибающийся хлыст. Сара медленно двигалась мимо обнесенных стеной полей на склоне холма над ней, но, доехав до разрушенной хижины, которая когда-то была домом Дерри, свернула с дороги и направила лошадь по пустой тропинке к двери.

Дерри вышел к ней навстречу из развалин, приветственно протягивая к ней руки.

Я, как и всегда, смотрел в знакомую трещину в крошащейся каменной кладке стены и видел, что она замерла лицом к нему среди сорняков, которые давно уже пробились сквозь земляной пол.

Сара отложила свой хлыст. Дерри помог ей раздеться, но под ездовым костюмом на ней не оказалось ничего, кроме блестящей нижней шелковой юбки с тонким корсажем. Дерри принялся стаскивать с нее юбку; он загораживал Сару, и потому я не мог видеть ее, не мог разглядеть ее лица – только его спину. Но по тому, как он торопливо, раздраженно стаскивал с себя одежду, я понимал – он возбужден. Он сдернул с себя рубашку. Я увидел знакомую длинную линию его шеи и сразу же, когда Дерри стянул с себя исподнее, заметил, как мышцы его ног мерцают в свете, отраженном сильной мускулатурой его бедер.

Он начал целовать ее. Потом уложил на землю, и земляной пол вдруг

превратился в сверкающее клеверное поле, а сверху с жаркого неба заструились горячие солнечные лучи. Его руки ощупывали ее. Потом его тело с силой вдавилось в ее, и наконец до меня стало даже доноситься ее учащенное хрипловатое дыхание. Я видел, как все шире открывается ее рот, как дугой выгибается спина, а потом земля вдруг разверзлась, и я стал падать в бездонную пропасть.

Я проснулся.

Проснулся так резко, что поначалу даже не мог понять, где я, кто я и что, черт побери, делаю. Секунду спустя, осознав, что спал, смог благодарно уронить голову назад на подушки, но сердце у меня колотилось как бешеное, и весь я вымок, словно утонувшая собака. Я тут же зажег свечу и протер себя губкой, намочив ее водой из кувшина. Руки у меня дрожали, я думал: что за ужасный, ужасный сон. Пожалел, что у меня нет стаканчика потина, чтобы прогнать это воспоминание из головы.

Но это был всего лишь сон, и когда я проснулся утром, то даже улыбнулся его нелепости и подумал: да с какого черта я так расстроился. Сны никогда ничего не означают, сегодня это всем известно, а я точно не был суеверен, чтобы вообразить, будто этот сон что-то предвещает. Задним умом понимаю: самое неприятное для меня в нем было то, что я почти не помню действий Сары, только Дерри, но сны всегда до нелепости иррациональны.

Я решительно выкинул все мысли о сне из головы и с облегчением отправился к Саре, которая, как обычно, рассуждала о нашей далекой свадьбе.

– Папа говорит, – мечтательно заметила она, – что он устроит мне лучшую свадьбу, какую можно устроить за деньги.

Никак не могу понять такого болезненного интереса американцев к деньгам. Сам я к ним не питаю ни малейшего интереса и считаю, что они – ужасно скучная тема для разговора.

– Расскажи мне еще про Лондон, – попросила меня в тысячный раз Сара. – Сколько там мануфактурных магазинов? Я хочу походить по лондонским магазинам. Там есть такой изысканный магазин, как «Лорд энд Тейлор»? Или такой большой, как «Стюартс»?

У американцев странное представление: они считают, что в одном магазине должно быть все, а потому чем больше магазин, тем он лучше. Они уделяют огромное внимание размерам и непрерывно обсуждают всякие внушительные сооружения.

– Я смогу покупать столько платьев, сколько захочу? Я никогда не надеваю одно бальное платье дважды. Папа говорит, что мои счета за

одежду совершенно разорительны.

Свадьба тоже предполагалась разорительная, но это, казалось, никого не волновало. Список гостей превысил пятьсот персон, но конца ему еще не было видно, а в дом приходило столько свадебных подарков, что я думал, мне придется нанять флотилию, чтобы перевезти их через Атлантику.

– Я люблю свадьбы, – сообщил мой маленький брат Дэвид, который никогда не бывал на свадьбе, но уже стал неизлечимо романтичным. – Люди красиво одеваются, играет органная музыка, поют песни. Мне Нэнни рассказывала.

Томас сочувственно посмотрел на него, потом дернул Маргарет за рукав. Он постоянно дергал ее за рукав, а особенно часто, когда она улыбалась Дэвиду.

– Мама...

– Да, дорогой?

– Когда мы вернемся в Англию?

– После свадьбы.

После свадьбы. Этот день казался таким далеким, что я думал, никогда до него не доживу. А Маргарет тем временем организовала мне несколько визитов, и я вдруг отправился поездом сначала в Бостон, потом в Филадельфию и наконец в Вашингтон. Больше всего мне понравилась Филадельфия; долина реки Скулкилл так прекрасна, а река, протекающая через город, похожа на английскую – неторопливая, петляющая и не очень широкая. Гудзон мне не нравился, а Сара им восхищалась, потому что он такой неанглийский своей шириной и окружающими его скалистыми вершинами. Он напоминал мне поездку на Рейн во время моего большого путешествия, а я после изгнания Дерри во Франкфурт всегда без особого энтузиазма относился ко всему немецкому.

Вашингтон мне не понравился – в этом городе есть что-то гнетущее, он методично выстраивается по плану, ему не позволено расти естественно. Его атмосфера приводила в такое же уныние, как и бесконечные незаконченные улицы, уходящие в болотные топи. А вот Бостон оказался куда как более приятным, и еще мне понравились деревеньки Новой Англии, с их деревянными домами, зелеными ставнями и белыми стенами.

– Правда, Америка замечательная? – восторженно спросила Сара, когда я вернулся из моей последней поездки и докладывал о своих впечатлениях.

– Необыкновенная, – сразу же подтвердил я, уже зная: американцев

нужно постоянно заверять, что они живут в прекрасной стране, но, откровенно говоря, увиденное мною не шло ни в какое сравнение с тем, что я видел в Англии или Европе.

– А как по-твоему, Новая Англия похожа на Старую Англию? – поинтересовалась Сара, жаждущая услышать детали.

– Вообще-то, нет, – сказал я, – хотя, конечно, Новая Англия замечательная.

– А чем она не похожа?

– Знаешь, Англия – Старая Англия – более обжитая, если ты меня понимаешь.

Она понятия не имела, что я имею в виду, и пришлось оставить попытки объяснить ей разницу.

– Вскоре ты сама все увидишь. После свадьбы.

Но до свадьбы было еще далеко.

А потом вдруг оказалось, что уже и не так далеко. В следующем месяце, на следующей неделе, завтра, и наконец я, все еще не веря своей счастливой судьбе, иду вместе с Сарой по проходу церкви Святого Томаса, мы выходим под яркое солнце июньского дня. Толпа радостно кричит, осыпает нас рисом. В особняке Мариоттов на Пятой авеню шампанское лилось рекой, пожелать нам счастья собралось семьсот пятьдесят гостей.

Ни у одного брака не было еще такого многообещающего начала.

5

Признаю, что я слегка побаивался медового месяца. Не по причине моей неопытности, хотя, если говорить откровенно, мне всегда казалось, что соитие – весьма переоцененное занятие. Удовольствия оно доставляет гораздо меньше, чем резьба по дереву, или рисование, или малевание акварельной кистью по манящей белизной странице альбома. Однако мужчина не может сказать – даже своему лучшему другу, – что он предпочел бы ковырять стамеской кусок дерева, чем соединиться своим телом с телом женщины, и, Господь свидетель, я не хотел быть белой вороной. Я и без того уже отличался от многих своими преимуществами и потому, когда представлялась такая возможность, вел себя как любой другой обыкновенный мужчина.

Да и вообще, не так уж это было и трудно. Я даже часто думаю, что любил женщин сильнее, чем Дерри, потому что он всегда проклинал их по

какой-то причине или стонал, что ему так часто нужно ложиться с ними в постель. Как-то раз я даже спросил у него: «Почему ты так гоняешься за женщинами, если ты их так не любишь?» Но он только взбесился, услышав мой вопрос, и сказал, что никто так не пристрастен к юбкам, как он, и вообще, что за чушь я несу. «Я ведь мужчина, верно?» – вспльчиво добавил он, а когда я рассмеялся и заметил, что с этим никто и не спорит, он немного оттаял и ответил, что очень любит женщин, но они чертовски его раздражают, после того как все сказано и сделано, и что касается его, то женщины годятся только для одного, и ничего более.

– Ну, ты, конечно, живешь по этим принципам, – поспешил согласиться я. – В этом нет сомнений.

Дерри не повезло родиться в стране, где целомудрие ценится очень высоко, но даже в строго нравственном католическом климате Коннахта всегда находилась горячая девица, которую можно было уговорить не дожидаться дня свадьбы, или одинокая вдова, которая тайно искала утешения. Дерри обладал такой чувствительностью, что с пятидесяти шагов ощущал готовность женщины, даже если она прятала лицо под вуалью, и, хотя я когда-то приходил в ужас от опасностей, которым он подвергается, мое восхищение его присутствием духа пересиливало мой страх.

Поначалу я был слишком мал, чтобы участвовать в его приключениях (я был моложе его на три года), но Дерри отличался щедростью и обычно позволял мне смотреть. Первое соблазнение, которому я был свидетелем, повергло меня в трепет, но, когда Дерри заверил меня, что женщина получила удовольствие, я перестал быть столь брезгливым. Да я был готов бесконечно долго выступать в роли наблюдателя, но в конце концов понял, что Дерри сочтет странным, если я и дальше буду получать наслаждение от женщин через вторые руки, и, когда в один прекрасный день он пригласил меня присоединиться к нему, мне не хватило духу отказаться. К моему облегчению, я вскоре понял, что нет правды в максиме «третий лишний», и позднее у меня были одно или два собственных приключения. Но для моих нервов они оказались просто сокрушительными, если я перед этим не принимал порцию потина – без этого мог поджать хвост и броситься куда глаза глядят. Понимаете, вообще-то, я очень застенчивый, хотя никто этому не верит, потому что все считают, если во мне шесть футов два дюйма роста, то я должен быть смел как лев. Я забывал о своей робости только вместе с Дерри. Он придавал мне такую уверенность и... ну, это трудно объяснить, но с Дерри Странаханом я становился совсем другим человеком.

Но на медовый месяц Дерри ждать не приходилось.

На свадебном завтраке я не собирался столько пить, но шампанское такое чертовски опасное питье, а лакеи тебе тут же подливают, если видят, что твой бокал опустел, и получилось так, что я глазом не успел моргнуть, как мне захотелось улечься где-нибудь в уголке и уснуть. Однако мне удалось держать глаза открытыми. Наконец после многочисленных задержек мы оставили дом и нас повезли по городу к Гудзону. Мы сели на яхту кузена Фрэнсиса, а потом поплыли по реке до самого его дома, где собирались провести две недели нашего медового месяца. Когда вошли в дом, уже наступила темнота, и я принес клятву больше никогда не прикасаться к шампанскому. Пробормотав извинения Саре, я свалился на одну из кушеток в гардеробной и погрузился в благодатное забытие.

Когда продрал глаза, было семь часов утра, голова у меня раскалывалась, а Сары поблизости не просматривалось.

Я сполз с кушетки. Слуга не осмелился меня потревожить – я был полностью одет. Едва соображая, огляделся. За окном ковром стелился аккуратный газон, доходивший до зеркальной воды Гудзона, а за рекой мрачно устремлялись к небу поросшие густым лесом холмы. Уже было слишком жарко, и на мгновения я испытал бессмысленную ностальгическую тоску по Вудхаммеру.

Можно ли пить воду из кувшина для мытья рук? Язык у меня словно расползался по швам; оглядевшись в поисках шнура для вызова слуги, я решил, что если прожду еще минуту, не утоляя жажды, то язык у меня точно отсохнет, поэтому зачерпнул немного воды и попил. Почувствовал себя лучше. Сделал еще глоток, а потом, набравшись смелости, на цыпочках подошел к двери в большую спальню, прислушался к тишине по другую сторону и потянулся пальцами к ручке.

Но дверь открылась, прежде чем я прикоснулся к ней. Секунду спустя я увидел Сару – она стояла передо мной по другую сторону порога.

На ней была длинная ночная рубаша, застегнутая до шеи, а под глазами фиолетовые тени.

Мы виновато посмотрели друг на друга. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что Сара чувствует себя такой же виноватой, как и я.

– Патрик... – Она бросилась ко мне, обхватила меня руками за шею и расплакалась. – Ах, Патрик, прости меня. Я не хотела. Думала выпить один маленький бокал шампанского, но...

И тут меня осенило. Я вдруг увидел эту ситуацию со смешной стороны и начал смеяться.

– Нет, в самом деле! – обиженно воскликнула Сара, когда ее страстные

извинения не вызвали не менее страстного заверения с моей стороны в том, что все в порядке. – Я не понимаю, что тут смешного!

– Не сердись, Сара... пожалуйста.

Я все еще хохотал и мог говорить только отдельными словами.

К счастью, мой смех оказался заразителен. Ситуация была спасена, когда Сара тоже начала хихикать, а как она была хороша в своей целомудренной белой ночной рубашке – я поцеловал ее и повлек к кровати.

Она сразу же отпрянула.

– Не при свете же дня! – оскорбленным тоном запротестовала она, словно я предложил ей какое-то невообразимое извращение.

– Нет, конечно, – горячо согласился я, ощущая боль в голове и шампанское во всех жилах. – Но я так хочу полежать немного, обнимая тебя, подремать, поговорить, вместе прийти в себя. О завтраке думать пока еще рано, так что мы можем не спешить вставать.

Сару пробрала дрожь.

– Уверяю тебя – если увижу поднос с завтраком, меня тут же стошнит!

Мы снова принялись смеяться, как дети, и, хотя оба страдали похмельем, я знал: она счастлива, как и я. Я частично разделся, оставив на себе брюки и рубашку, чтобы не смущать ее, и вскоре мы тихо лежали, обнимая друг друга, и вспоминали вчерашний день, насколько нам удавалось его вспомнить.

– Какая была чудная свадьба! – восхищалась Сара. – Мне все понравилось.

Мы согласились, что ни один из нас не видел таких прекрасных свадеб, а потом задремали, а когда снова проснулись, уже шел двенадцатый час, и мысли о завтраке не вызывали у нас тошноты.

– Я так счастлива! – воскликнула Сара, когда мы завтракали на террасе, наблюдая за павлинами, важно расхаживающими по газону. – Как это здорово – быть одним вместе, когда никто не говорит тебе, что ты должна делать! Я обожаю медовые месяцы!

Пить за обедом у меня не было желания, но я немного выпил – знал, что это необходимо. Потом, не желая околачиваться в гостиной, я предложил пораньше лечь спать, и Сара не стала возражать. Мы поднялись к себе, разделись каждый в своей комнате и отпустили слуг. Пока все шло хорошо. Я вошел к Саре в большую спальню, похвалил ее лимонного цвета ночную рубашку, улегся рядом с ней и задул свечу. И опять пока все шло хорошо. К несчастью, когда я задул свечу, оказалось, что мы легли слишком рано, – в комнате было светло.

– Давай не целоваться до темноты, – предложила Сара.

Но я знал, что любая задержка может обернуться для меня катастрофой. Действие вечернего вина не длится вечно.

– А почему нельзя целоваться при дневном свете? – настойчиво спросил я.

– Это не романтично.

– Кто говорит, что это не романтично?

– Я говорю!

В приглушенном свете я увидел, как упрямо натянулись ее губы.

– Ты привыкла всегда получать то, что хочешь? – спросил я; паника настолько переполняла меня, что я чуть не терял самообладание. – Так вот, сейчас для тебя неподходящий момент ожидать получения того, что тебе хочется, потому что теперь для разнообразия я получу то, что хочу я, поэтому не пытайся меня остановить и не говори больше ни слова, иначе я отправлю тебя назад к твоему чертову папочке.

– Патрик!

– И поверь мне, он вовсе не будет счастлив увидеть тебя!

– Как ты смеешь! – в ярости воскликнула она. – Как ты смеешь мне такое говорить!

Но я видел возбуждение в ее глазах и вдруг понял, что мое агрессивное поведение, обычно так несвойственное моей натуре, нашло в ней отклик. Я быстро притянул ее к себе, и, хотя она протестовала, ее сопротивление не продолжалось долго. Мы страстно поцеловались. Мое тело со всей силой прижалось к ее, и я почувствовал не только насущность моего желания, но и мою маленькую тайную горошинку страха. Я знал, что должен поторопиться, иначе один Господь знает, что может произойти, но мои пальцы одеревенели, на моих конечностях словно повисли тяжелые гири, и все простыни мешали, опутывали меня.

– Патрик, не делай этого.

– Прекрати говорить мне, что я должен делать! – прикрикнул я, вспомнил предположение Дерри, что все американки готовы раздавать мужчинам инструкции, и неожиданно мысль о Дерри, как и всегда, придала мне уверенность, и я понял, что в безопасности.

Все закончилось. Я каждым мускулом своего тела почувствовал необыкновенное облегчение. Откатившись от нее, обессиленно упал на спину, пот ослеплял мои глаза, сердце колотилось в груди, и я был настолько погружен в отзвуки пережитого, что поначалу даже не услышал плача Сары.

Я никогда в жизни не чувствовал себя таким виноватым. Мне невыносимо причинять боль людям или видеть, как кто-то мучится.

– Сара, прости меня. – Я попытался обнять ее, но она оттолкнула меня. – Сара, я не хотел... я был так взволнован...

Она поднялась с кровати. Теперь Сара не сдерживала рыданий, а ее глаза распухли от слез.

– Извини, – каялся я без всякого результата. – Прости меня.

Я поднялся следом за ней с кровати, но она повернулась и снова оттолкнула меня, ее пальцы, сжатые в кулаки, больно ударили мне в грудь. Мне от огорчения стало совсем не по себе. Я мог только тупо смотреть на нее, но наконец она сказала дрожащим голосом:

– Я хочу побыть какое-то время одна.

– Конечно, если ты хочешь. – Я направился к двери гардеробной. – Мне можно прийти позднее?

Она не ответила, и я, не видя альтернативы, вышел.

Я долго лежал без сна в гардеробной, наконец уснул. Хотел подняться пораньше, чтобы улечься в кровать с Сарой, прежде чем она проснется и вспомнит, что сердится на меня, но я спал, пока слуга не вошел ко мне и не раздвинул занавесы.

Едва открыл глаза, как воспоминания стали возвращаться ко мне густыми, удушающими волнами.

Я долго ждал, прежде чем войти в спальню, но, когда услышал, что Сара отпустила горничную, глубоко вздохнул, тихонько постучал и снова перешагнул порог с повинной головой.

Но Сара не дала мне возможности открыть рот. Я неловко остановился, а она вскочила на ноги, побежала ко мне по комнате, обвила руками мою шею:

– Ах, Патрик, ты ужасно сердисься на меня?

– Я?! – Язык ворочался с трудом. – Сержусь?! Нет, конечно. Я думал, может, ты...

– Я в полном порядке, – оборвала она меня, мимолетно улыбнувшись. – Правда в полном. Пойдем вниз?

– Сара, вчерашний вечер...

– Давай не будем это обсуждать, – сказала она четким и ровным голосом еще с одной мимолетной улыбкой.

– Но...

– Патрик, я просто не хочу говорить об этом.

Я уставился на нее. Улыбка сошла с ее лица. Она отвернулась, прежде чем выражение выдало ее, и я услышал приглушенный голос:

– И это должно происходить часто?

Вина еще слишком переполняла меня, чтобы я мог четко осознавать

реальность.

– Нет, если ты не хочешь.

– Хорошо, – сказала она и добавила спокойным, рассудительным голосом: – Я, конечно, все понимаю, это должно происходить время от времени, и ты можешь не беспокоиться: я всегда буду исполнять мой долг, Патрик, потому что очень люблю тебя. Правда люблю. – Она уже опять плакала, а я так расстроился, что мог только взять ее за руку и бормотать какие-то общие фразы, уж не помню, что именно, – но наконец она сморгнула слезы и набралась достаточно мужества, чтобы спросить, когда будет необходимо повторить то, что произошло вчера.

– Ну, не раньше чем через месяц, – пробормотал я, имея только одно желание: быть с нею добрым; потому я не предпринимал попыток прикоснуться к ней, пока мы не оказались за три тысячи миль от Нью-Йорка, под черной крышей Кашельмары.

6

В Кашельмару мы прибыли в июле. Изгородь из дикой фуксии за огородом вошла в полный цвет, а за всклокоченным газоном на грядках прорезались ростки картофеля. В Кашельмаре земля использовалась в абсолютно утилитарных целях. Мой отец с безразличием относился к цветам и думал о земле только в терминах севооборота, навоза и исследований в целях предотвращения неурожаев.

Поначалу я собирался продлить медовый месяц, совершив неторопливую поездку в Европу, а потом уже вернуться поздней осенью и осесть в Вудхаммере, но после годичного отсутствия у меня не возникло желания несколько месяцев бездельничать на Континенте. Я разочаровал Сару, когда предложил отложить нашу поездку, но ей слишком хотелось посмотреть Англию, потому долго она не протестовала.

– Мы побудем в Лондоне, прежде чем ехать в Вудхаммер? – спросила она, но я ей объяснил, что в августе все, напротив, уезжают из Лондона.

– Но мы приедем в июле!

– Понимаешь, я, вообще-то, думал, что мы побудем в Кашельмаре, перед тем как ехать в Англию, – сказал я. – Лайнеры останавливаются в Куинстауне, и мы можем добраться до Голуэя поездом.

– Но я думала, ты ненавидишь Кашельмару!

– Да, там скучновато, но отец сказал бы, что мой долг – раз в год

приезжать в Кашельмару убедиться, что все в порядке, чтобы я был спокоен, прежде чем мы обоснуемся в Вудхаммере. И к тому же я очень хочу познакомить тебя с моим другом Дерри Странаханом.

– Уверена, мне это понравится, – ответила Сара, согласившись на поездку в Ирландию с большей легкостью, чем я имел смелость надеяться. – Наверное, мне будет полезно в образовательном плане познакомиться с Ирландией.

Да уж, в образовательном, подумал я, вспоминая Кашельмару и едва подавляя дрожь. Однако даже Кашельмара становилась соблазнительна, когда там нас ждал Дерри, поэтому я наскоро написал ему, что мы едем. Кроме того, я отправил письмо моей любимой сестре Аннабель, но не видел оснований оповещать о моем приезде кого-либо еще. Я редко общался с Катерин или кузенном Джорджем, а что касается Маргарет, которая к этому времени прибыла в Лондон, то я знал: кузен Фрэнсис уже написал ей о наших планах.

Отец оставил лондонский дом Маргарет пожизненно с последующим переходом собственности сыновьям; он хорошо обеспечил свою вторую семью, завещав ей различные финансовые вложения, но оба имени оставил мне. Он наверняка завещал бы Кашельмару кому-нибудь другому, если бы это было возможно, но, к моему большому несчастью, Кашельмара по закону подлежала передаче старшему сыну. Чтобы преодолеть эту юридическую заковыку, нужно было пройти через немалые трудности, сути которых я никогда не понимал. Мне предстояло узнать об этих трудностях позднее, но, когда умер отец, для меня имело значение только то, что я становлюсь владельцем Вудхаммер-холла. Отец знал, что нет другого места на земле, которое я бы любил так, как Вудхаммер, и он был слишком добр и слишком справедлив, чтобы лишить меня этого имени только потому, что из какого-то идиотского законодательного крючкотворства мне по праву должны были достаться в наследство эти жуткие акры в Ирландии.

По прибытии в Ирландию я часто вспоминал отца, а еще больше думал о нем, когда мы ехали на север в ту дикую глушь, которую он называл своим домом.

– И что – вся Европа такая? – спросила в ужасе Сара, зная, что ответ будет отрицательный, но улицы Куинстауна настолько испугали ее, что ей потребовалось подтверждение.

– Нет, конечно! – твердо пообещал я. – Ирландия считается одной из самых отсталых стран Европы, поэтому тут так. Постарайся не замечать нищих, дорогая.

– Но запах! – воскликнула Сара, побледнев как смерть, и приказала

своей горничной найти ей пузырек одеколона.

– Худшие нищие всегда в Куинстауне. – Я понятия не имел, так оно или нет, но должен был как-то взбодрить ее. – Здесь собираются все подонки общества, намеренные эмигрировать.

– Но если они одеваются в рванье, как они могут эмигрировать?

– Землевладельцы нередко оплачивают плавание. Это дешевый способ освободить землю и избавиться от них, – объяснил я, вспоминая истории о парходах-гробах с голодающими; я не знал, доставляли ли они на самом деле свой человеческий груз на ту сторону Атлантики.

Правда же состояла в том, что я очень мало знал об Ирландии, кроме того факта, что большинство ирландцев – ленивые пьяницы, а чем чаще я посещал Кашельмару, тем меньше мне хотелось узнавать об Ирландии что-то еще. Нет, я вовсе не ненавидел ирландцев. Напротив, я им сочувствовал, поскольку был уверен: будь я обречен жить в такой стране, как Ирландия, не имея других занятий, кроме как наблюдать за дождем, который хлещет по картофельным грядкам, тоже быстро бы стал ленивым пьяницей.

– Погода! – ужасалась Сара. – Грязь!

– Да, знаю, – грустно согласился я. – Извини, дорогая, за такое жуткое путешествие, но в Голуэе будет лучше, я тебе обещаю. Там у вокзала есть довольно неплохой отель.

Да, отель был неплохой по ирландским стандартам, но по нью-йоркским он оставлял желать лучшего.

– Еда! – простонала Сара после первой ложки за обедом, а потом спросила: – Патрик, это у вас называется кофе?

– Я могу заказать чай.

– Я не выношу чай, – отрезала Сара, которая уже начала горько жалеть себя, и я знал: ей бы хотелось вернуться в Нью-Йорк.

Отвратительное путешествие понемногу продолжалось. Наемный экипаж без происшествий доставил нас из Голуэя в Утерард, но из Утерарда мы с каждой милей углублялись в более суровый, темный мир. Я прежде не обращал внимания на глинобитные хижины или канавы, в которых обитали самые неимущие обитатели графства Голуэй, но теперь так остро ощущал ужас Сары, что мне казалось, будто вижу все это в первый раз. Я поймал себя на том, что молюсь: Господи, пожалуйста, не надо больше хижин из глины, но за следующим поворотом мы встречали еще – да не одну хижину, а две, с привычной группкой полуголых детей, роющихся в навозе, с вонью свиного навоза, смешанной с торфяным дымком.

– Но почему Ирландия такая? – в отчаянии спросила Сара. – Почему

никто ничего с этим не делает?

– Понимаешь, англичане пытаются, – сочувственно объяснял я. – Но ирландцы предпочитают жить так. Они безнадежны. Вся страна безнадежна. Нет, ты посмотри на эту страну. Только посмотри на нее.

Сару пробрала дрожь.

Зрелище и вправду было не из лучших. Громадные горы, лысые как яйца, поднимались над болотами и вересковыми пустошами, а по мере нашего приближения к их затененным долинам запущенность разворачивала перед нами свои удушающие складки.

– Патрик, я не хочу ехать дальше. – Теперь Сара бурно разрыдалась от испуга.

– Дорогая, прошу тебя... – Я обнял ее, поцеловал. – Смотри, – пробормотал я с отвратительно фальшивой улыбкой, – солнце наконец-то появляется! И мы почти приехали. Вот перевалим за следующий холм – и дома.

Мне каким-то образом удалось ее успокоить, но она все еще закрывала глаза, чтобы не видеть того, что за окном. Мы уже съехали с главной дороги и теперь поднимались к перевалу по склону в узкой расщелине. Слабое солнце и в самом деле появилось на две минуты, но исчезло, как только экипаж добрался до вершины перевала и перед нами открылась долина внизу.

– Вон там озеро, – весело описывал я Саре. – Оно называется Лох-Нафуи, что означает озеро Веящих Ветров. А вон там Кашельмара. Видишь белый дом среди деревьев?

Сара взглянула один раз на долину и снова закрыла глаза.

– Она вся заперта, – прошептала Сара. – Все эти горы образуют круг. Здесь все заперто.

– Когда мы доберемся до дому, горы будут выглядеть не так устрашающе. А дом у нас очень хорош. – Я старался, чтобы мой голос звучал не слишком мрачно, но, говоря по правде, уже начал уставать от испуганного выражения Сары, и мне хотелось, чтобы она чуточку приободрилась и перестала балансировать на грани истерики.

Я ведь тоже не очень любил эти лысые горы, но в конечном счете в Америке немало диких мест. Ирландия – не единственное место на земле, где можно проехать много миль и не увидеть следов цивилизации.

Вероятно, Сара услышала ноту раздражения в моем голосе, потому что сделала над собой усилие. Она высморкалась, отерла слезы и пробормотала, что пейзаж, в общем, и не такой уж пугающий.

– Просто он не похож на все, что я видела прежде, – пояснила она с

дрождью в голосе, и я понял, что жена вспоминает суету Пятой авеню и все повозки, несущиеся по Бродвею.

Наш экипаж, выписывая зигзаги серпантина, спустился к основанию долины, пересек каменный мост через реку Фуи и проехал по кромке болота, окаймлявшего западный берег озера. Теперь мы ясно видели Кашельмару на склоне холма, и я вдруг понял, что, несмотря на все тяжести путешествия, испытываю радость. Меня больше не пугали ни дождь, ни туман, ни влага. Я забыл про уродливый ландшафт и усталость после долгого пути, о суровом испытании под названием Ирландия. Обняв Сару за талию, я встал как мог в тесном пространстве экипажа и высунулся в окно посмотреть, не увижу ли каких-нибудь признаков королевской встречи, которая ждет нас.

Экипаж доехал до ворот Кашельмары и устремился через лесок вверх по длинной петляющей дорожке.

Я увидел его, как только мы сделали последний поворот. Он стоял на верхней ступеньке, парадная дверь за его спиной была открыта; увидев карету, лениво помахал и стал неспешно спускаться по ступеням к дорожке. На нем были брюки в крупную клетку и куртка а-ля принц Уэльский, и выглядел он как очень важная персона.

– Уррра! – закричал я вне себя от радости, что снова вижу его, и, повинувшись порыву, распахнул дверь экипажа, выпрыгнул на землю и побежал к нему по дорожке.

Он засмеялся. Мой друг всегда был таким легкомысленным, таким жизнерадостным.

– Дерри! – закричал я. – Дерри, ах ты, старый сукин сын!

Он снова помахал, по-прежнему неторопливыми движениями.

– Сам ты сукин сын! – услышал я его медлительный голос.

Понимаете, он всегда был таким незмоциональным, и я не ждал от него ничего, кроме этой неспешности, но вдруг он тоже бросился ко мне навстречу, и, когда мы наконец обнялись, Дерри пробормотал, все еще смеясь:

– Эх ты, глупый идиотина, что же ты так долго не приезжал?

И я с удивлением увидел влагу в его глазах.

Глава 2

1

Мы, вероятно, казались болтливыми, как пара кумушек, – стояли там и трепались без умолку, и мы были так рады встрече, что никто из нас не заметил, как экипаж со скрипом остановился у крыльца. И только когда Дерри стрельнул глазами мимо меня, я понял, что Сара наблюдает за нами. Кучер помог ей выйти, и она стояла совершенно неподвижно, лишь влажный ветерок слегка колыхал ее вуаль. Она выглядела не только красивой, но и экзотичной на сером темном фоне леса, и сердце мое чуть не разорвалось от гордости.

– Сара! – воскликнул я, радуясь тому, что теперь могу познакомить двух самых близких мне людей. – Позволь тебе представить моего друга Родерика Странахана! Дерри – моя жена.

Они посмотрели друг на друга, и взаимная неприязнь между ними стала для меня как пощечина. Это Дерри был виноват. Он оглядывал ее с головы до ног, словно она была одной из его шлюшек, а Сара ему отвечала надменным взглядом, словно от него несло сточной канавой. Эта сцена сразу же обернулась катастрофой, когда Сара повернулась к нему спиной с заученной дерзостью и высокомерно сказала мне:

– Патрик, дорогой, так ли уж нам необходимо оставаться здесь под дождем? Вам с мистером Странаханом, может быть, и нравится разговаривать, не думая о моих удобствах, а мне очень холодно, я ужасно устала и хочу немедленно пройти в дом.

– Конечно, – пробормотал я, покраснев до ушей от смущения. – Извини. Сюда, пожалуйста. – Я предложил ей руку, но она так разозлилась, что проигнорировала мое предложение, приподняла юбки и без посторонней помощи поднялась по ступеням.

В холле собрались все слуги, чтобы увидеть новую хозяйку. Двадцать пар круглых глаз еще более округлились, двадцать шей выворачивались с гибкостью, которая могла бы устыдить и стадо жирафов. Дворецкий Хейс, худой, стройный человек лет пятидесяти с гаком, начал произносить одну из своих знаменитых речей, но в разгар его экзальтированно-восторженного приветствия Сара капризно сказала мне:

– Патрик, у меня невыносимая головная боль, я должна немедленно

лечь, иначе я сейчас упаду в обморок.

Рассердившись сначала на Дерри, я теперь начал сердиться и на нее. Хейс был старым занудой в том, что касалось речей, но, чтобы угодить ему, требовалась самая малость, и я полагал, что Сара по меньшей мере могла бы проявить вежливость и выслушать его до конца. Я смущенно проговорил:

– Хейс, простите нас, но моя жена устала после путешествия и должна отдохнуть. Мы оба от души благодарим вас за такой великолепный и трогательный прием.

Говоря с ирландцами, всегда нужно немного преувеличивать; ни одно преувеличение не покажется им чрезмерным.

Хейс выглядел разочарованным, но благородство помогло ему принять заботливое выражение. Мне сказали, что для нас все подготовлено, и после обильных благодарностей я повел Сару наверх в покои, выделенные для хозяина и хозяйки дома.

– Что? – воскликнула Сара. – Камин не горит? И комната не проветрена. Мне слышалось, дворецкий сказал, что для нас все подготовлено!

– Я вызову горничную, – поспешил сказать я и дернул шнурок звонка с такой силой, что чуть не оборвал его.

– И мне нужна горячая вода, – добавила Сара. – Немедленно. Я продрогла до костей.

Я вздохнул. Просить в Кашельмаре горячую воду немедленно – все равно что просить шампанское в постоялом дворе.

– Я, пожалуй, пока оставлю тебя, – неловко пробормотал я, когда отдал распоряжение насчет горячей воды, а горничная занялась камином.

Пришла собственная горничная Сары, слуги разгружали огромный американский багаж, заносили его наверх по круговой лестнице. Задержавшись в гардеробной, чтобы помыть руки и ополоснуть лицо холодной водой, я поспешил по галерее в гостиную, но Дерри там не оказалось, я спустился в нижнюю гостиную, но она тоже была пуста, потом прошел по коридору в библиотеку.

Здесь Дерри тоже не было, но я задержался, вспомнив отца. Здесь стоял громадный стол, занимавший немалую часть помещения, и я подумал о том, сколько раз заходил сюда и видел здесь папу: он сидел спиной к окну, погрузив локти в море бумаг. Теперь столешница выглядела странно пустой. Повинуясь порыву, я сел в отцовское кресло и оглядел библиотеку. Книги придавали ей мрачный вид, но тут был нравившийся мне камин итальянского мрамора, а над каминной полкой висел притягивающий

взгляд портрет моей матери. Я посмотрел в ее темные глаза и подумал: как странно, что мы с ней связаны. Портрет был хорош. Я решил, что аккуратно заверну его и положу на один из чердаков, чтобы он не испортился во влажном ирландском воздухе. Я обдумывал картину, которую нарисую на замену этой, и тут взгляд упал на миниатюру моего брата Луиса, который смотрел на меня из-за чернильницы. Луис умер, когда мне было три месяца, но мой отец так часто говорил о нем во времена моего детства, что у меня возникло впечатление, будто я его хорошо знал. Подавшись вперед, я взял миниатюру большим и указательным пальцем и уверенно уложил ее в нижний ящик стола. Я очень давно хотел это сделать.

Открылась дверь, раздался тягучий голос Дерри:

– Бог мой, как странно видеть тебя на этом месте!

Мы оба посмеялись, но потом я вспомнил сцену у лестницы.

– Дерри, какого черта ты так повел себя с Сарой? – сердито спросил я. – Должен сказать, что ты был с ней дьявольски дерзок.

– Но господи Иисусе, Патрик, ты разве не видел, как она смотрела на меня?

– Я...

– Хорошо, я виноват! – оборвал он меня, весь сплошное нетерпение и добродушие. – За обедом я заглажу свою вину, обещаю, и компенсирую все убытки, но, господи боже, эта юбка холодна, как айсберг. Она тебе не отмораживает яйца в постели?

– Прекрати! – воскликнул я.

Он рассмеялся:

– Брось ты, Патрик! Ты что, не расскажешь мне во всех подробностях о своей постельной жизни?

– Не сейчас. – Я хотел разозлиться на него, но только почувствовал себя неловко. – Сара – моя жена. Она не «юбка», как ты выразился.

– Боже мой, какой ты романтик! – фыркнул он своим ленивым голосом и, зевнув, направился к окну.

Когда я ничего на это не ответил, он повернулся. Наши взгляды встретились, и я увидел в его глазах какое-то мимолетное неопределенное выражение. В следующее мгновение он уже с улыбкой заговорил:

– Не обижайся. Я всего лишь шутил, а ты же знаешь, что я люблю шутить обо всем на свете. Мы так долго не виделись, что ты забыл обо всех моих пороках? Слушай, я признаю, что завидую, потому что никогда в жизни не видел существо столь очаровательное, в этом вся причина. Ты такой счастливчик, черт тебя возьми, но тебе всегда везло, правда? Я еще не встречал такого везунчика. Сядь, вот так, молодец, и давай попросим

принести нам виски, чтобы привести тебя в чувство после путешествия, потому что мне столько нужно сказать тебе, что, честью тебе клянусь, даже не знаю, с чего начать.

Я почувствовал себя лучше. Конечно, вполне естественно, что он завидует мне с такой красавицей-женой, а поскольку Дерри честно признался в своей зависти, я решил простить его за дурное поведение по отношению к Саре. И потому, когда Хейс принес нам виски с водой и мы удобно устроились в креслах перед камином, я радушно спросил его, как идут дела в Кашельмаре.

– От тебя перед моим отъездом из Америки целый месяц не приходило писем, – сказал я, стараясь, чтобы мои слова прозвучали просто как комментарий, а не сетование. – Надеюсь, ничего не случилось?

– Ты не получил письма, в котором я тебе писал о кузене Джордже?

– Нет... Боже мой, неужели Джордж опять вмешивался?

Мой кузен Джордж, единственный сын единственного брата моего отца, жил в жутком доме в Леттертурке, в пяти милях от Кашельмары, и проводил время, постреливая невинную дичь или наблюдая, как отвратительная стая гончих разрывает на части не столь невинных лис. Он был на двадцать лет старше меня и любил покомандовать.

– Проклятье! – воскликнул Дерри. – Видимо, письмо опоздало. Я еще думал, успеет ли оно прийти до твоего отъезда. Короче, друг мой Патрик, я решил поменять декорации. Когда ты собираешься уехать в Вудхаммер?

– Как можно скорее, – с жаром проговорил я. – Мы заглянули, только чтобы повидаться с тобой. Да, а почему бы тебе не приехать в Вудхаммер на какое-то время? Прекрасная мысль. Я завтра загляну к Аннабель, спрошу, не отпустит ли она к нам девочек ненадолго. Конечно, с Эдит будет морока, но пригласить одну Клару невозможно.

– Аннабель не согласится расстаться с ними. В прошлом месяце она ясно дала мне понять, что у нее другие планы касательно Клары.

– Не может быть! Неужели правда?

Я с трудом верил его словам. Снобизм был совсем не в духе Аннабель – ее второй муж и вполнину не был таким представительным, как Дерри.

– У меня были кое-какие несогласия с ее мужем в последнее время, – беззаботно объяснил Дерри. – Он такой скользкий тип, уж можешь мне поверить. Ему не нравится мое внимание к Кларе, а когда он назвал меня дешевым прохиндеем, который охотится за богатыми наследницами, разве я в ответ не должен был ему сказать, что думаю о жокеях, которые предпочитают скакать на лошадях, а не на женщинах? Мне ведь нужно

было что-то сказать в свою защиту, правда, а потом, я искренне восхищаюсь Кларой. Она словно с картинки и с таким милым характером, что, думаю, я бы женился на ней, даже если бы за ней не давали ни пенса, но, конечно, когда я оскорбил Смита, Аннабель взбесилась и сказала, чтобы я больше никогда не подходил к порогу их двери.

– Боже мой! – горестно простонал я. Я ведь хорошо относился и к Аннабель, и к Дерри, и мне было мучительно узнать, что они в таком раздразе. – Да, но при чем тут Джордж?

– Понимаешь, после ссоры со Смитом из своего Леттертурка прискакал кузен Джордж, который сообщил мне, что, по словам Аннабель, я слишком много о себе возомнил, или еще какую-то такую дребедень. Он стоял на ковре футах в двух от того места, где ты теперь сидишь, и выдыхал огонь, как какой-нибудь злобный перекормленный дракон, но уже не по поводу Клары, представь себе, а по поводу Макгоуана. Да-да, этого шотландского ублюдка Макгоуана! Сказал, что он – Джордж – много месяцев сдерживался, но жалоба Аннабель стала соломинкой, которая переломила хребет верблюду. А когда я спросил, что же такого я сделал, он мне и смог только ответить, что я огорчил Макгоуана.

– Но...

– И вот я ему и сказал: «Конечно я расстроил Макгоуана, этого бесчестного, нечистого на руку мошенника! Благодаря полномочиям, которые дает мне доверенность, я смог вырвать финансовые рычаги из его рук и поставить его на место!» В конечном счете Макгоуан всего лишь управляющий, а не злобный деспот. Тут кузен Джордж побагровел и сказал, что его дядюшка всегда был высокого мнения о нем, а когда я указал – заметь: уважительно указал, – что покойного лорда Салиса уже нет в этом мире, кузен Джордж впал в еще большую ярость и пробормотал какие-то угрозы: он, мол, поговорит с тобой, когда ты вернешься домой. Джордж такой маленький зануда, к тому же невыносимо груб!

– Боже мой, – с несчастным видом снова проговорил я.

– Не расстраивайся, – успокаивающим голосом ответил Дерри. – Если Клара для меня недоступна, у меня, конечно, нет никакого желания оставаться здесь, в Кашельмаре. Кузен Джордж и Макгоуан могут вместе катиться к чертовой матери и прихватить с собой Максвелла Драммонда.

– Только не говори мне, что Драммонд опять тебе досаждал! – в отчаянии воскликнул я.

– Да он бы и королеву стал допекать, будь у него возможность. Это ерунда; буря в стакане воды разыгралась, когда я решил повысить арендную плату за землю, которую прежде арендовал мой отец. Двадцать

фунтов – такая нелепо смешная сумма, а поскольку я уверен, что бóльшая ее часть отправлялась прямо в карман Макгоуана... я ведь, как ты понимаешь, только действовал в твоих интересах, Патрик! Но Драммонд, конечно, не заплатил ни пенни новой арендной платы и говорит, что не будет платить, пока не встретится с тобой лично.

– Теперь у меня наконец появился шанс выселить его.

– Возможно, ты отберешь у него землю, на которой работал мой отец, но выселить его не получится: он не арендатор по соглашению с землевладельцем, а лизгольдер. У него лизинг на пятьдесят лет на его хижину и окружающие ее акры, так что ты не можешь его выселить, как любого другого арендатора, когда тебе заблагорассудится. Если он перестанет платить аренду, тогда у тебя появляется шанс, но земельная рента такая низкая, что он всегда найдет на нее деньги.

– Но в Ирландии все арендаторы по соглашению, как, черт побери, Драммонду удалось получить права лизгольдера?

– Потому что у твоего отца – упокой Господи его душу – были всякие эксцентричные идеи об улучшении доли ирландцев. После голода он дал отцу Драммонда право лизгольдера как стимул для работы. А Драммонд это право получил по наследству. Он будет твоим соседом до Судного дня, Патрик, или до тысяча девятисотого года. Уж не знаю, что наступит первым.

Я выслушал столько мрачных новостей, что налил себе еще виски.

– Как бы мне хотелось оказаться в Вудхаммере! – горячо пробормотал я.

– Когда мы можем уехать?

– Нужно дать Саре день-другой, чтобы пришла в себя после путешествия. Я думаю, в конце недели.

Раздался стук в дверь, и в библиотеку вошел Хейс с письмом. Серебряный поднос, на котором оно лежало, имел занятный желтоватый оттенок. Мягкий шафрановый, подумал я, и вспомнил надписи на моих акварельных красках.

– Только что доставили из Леттертурка, милорд.

– О мой бог! – изумился я. – От кузена Джорджа. Он времени не теряет, да?

– Сожги его не читая, – посоветовал Дерри, когда Хейс вышел.

Но меня одолело нездоровое любопытство – что же там написал Джордж.

«Мой дорогой Патрик, – начал он родительским тоном. – Прежде всего позволь поздравить тебя с возвращением из Америки. Мои наилучшие

пожелания тебе и твоей молодой жене. С нетерпением жду возможности познакомиться с нею. – Закончив на этом формальности, он начал с красной строки и перешел на более витиеватый стиль. – К большому моему сожалению, моя честь и долг обязывают меня... – Честь и долг вечно к чему-то обязывали кузена Джорджа. Не раз мне хотелось, чтобы они его удушили, – сообщить тебе, что в Кашельмаре вот уже несколько месяцев происходят прискорбные события, причиной которых, по моему мнению, исключительно вмешательство Родерика Странахана...»

– О господи, – буркнул я с отвращением, дочитав до последнего абзаца, в котором Джордж грозил на следующий день посетить меня, чтобы обсудить ситуацию. Я передал письмо Дерри. – Почитай!

– Не вижу в этом нужды, – отказался Дерри. – Я могу представить, что там написано. – Он вытянул губы, приподнял нос, словно ему в ноздри ударил отвратительный запах, и преобразился в кузена Джорджа. – «Не выношу этого типа – Странахана! – пролаял он. – Всегда знает, как утереть мне нос! Чертов наглый щенок, Богом клянусь!»

Я смеялся до упаду.

– Еще! – попросил я наконец. – Еще!

Дерри опустил подбородок на грудь, грозно нахмурился, принял строгое выражение.

– Макгоуан! – удовлетворенно выдохнул я.

Дерри воспроизвел отрывистое лоулендское произношение Макгоуана:

– Меня зовут Макгоуан, я трезвый и подлый, я не улыбаюсь, я не смеюсь и не пью потин.

На сей раз я смеялся так, что даже не было сил попросить его повторить, но Дерри сам с удовольствием продолжил представление. Он встал. Разгладил волосы, напустил на уши. Потом снял галстук, расстегнул верхние пуговицы рубашки, стянул ее вниз, чтобы создать иллюзию голых плеч.

– Патрик, дорогой... – жеманно проговорил он с хорошо модулированным американским акцентом – точно как Сара. – Я хочу это, хочу это, хочу просто все.

Он замолчал. Я уже собирался возразить: «Эй, послушай! Кузен Джордж и Макгоуан – сколько угодно, но не Сара!» – но тут почувствовал сквознячок из открытой двери у себя на щиколотках и увидел Сару, которая смотрела на нас с порога.

Дерри среагировал молниеносно:

– Леди де Салис, слава богу, вы пришли! Я пытался поднять настроение Патрику маленьким представлением, но, клянусь, он настолько измотан, что мое сражение было заранее проиграно. Если вы оба извините меня, я пойду переоденусь к обеду.

Он проскользнул мимо Сары, закрыл за собой дверь.

– Как ты смеешь! – взорвалась Сара, которую трясло от гнева. – Как ты смеешь позволять ему так издеваться надо мной!

– Я как раз собирался задать ему трепку, когда появилась ты. – К счастью, благодаря виски я сохранял спокойствие. – И потом, он не имел в виду ничего оскорбительного, я уверен. Дорогая, что-то случилось? Я думал, ты собираешься принять ванну.

Сара тут же разразилась потоком слез, она прорыдала что-то о слугах, которые не понимают ни одного ее слова, и она хочет назад в Нью-Йорк.

– Моя бедная Сара... – Я ей и в самом деле очень сочувствовал и ни в коей мере не хотел провести следующие полчаса, утешая ее. Когда горячую воду наконец принесли из кухни, я заставил ее пообещать, что сразу же после ванны она ляжет спать. – Прикажу, чтобы обед подали сюда, – вдохновенно сказал я, – а как только закончу есть, поднимусь и посижу с тобой.

Я и в самом деле собирался подняться к ней, но мы с Дерри открыли бутылку портвейна и даже понять не успели, что происходит, как перед нами оказались уже две пустые бутылки, а старинные часы в углу отбивали полночь.

– Пора спать, – сказал я, пытаясь говорить твердым голосом, но у меня получился только удивленный.

– Господи Иисусе, я бы хотел оказаться на твоём месте и чтобы Сара ждала меня наверху. Поделись ею со мной, ты, везунчик.

– Не будь ты таким дураком, – без злобы ответил я. На сей раз он был даже пьянее меня. – Только не рассказывай мне про свое одиночество, я уверен, ты в последние несколько месяцев использовал какую-нибудь кухонную девицу вместо грелки.

– Что мне кухонные девицы? – мрачно возразил он. – Что мне грелки? Я могу умереть завтра, а никто и слезы не прольет.

Дерри в пьяном виде всегда говорил о смерти, а еще часто произносил: «Разве жизнь не прекрасна?» – словно в недоумении оттого, что у смерти может быть такой чудесный противник. О смерти он говорил очень мрачным тоном, но объяснялось это, безусловно, его католической верой, которая рисовала ему то, что произойдет с ним после смерти, с такой

ледящей кровью четкостью. Лично я считаю протестантов более разумными в том смысле, что о жизни после смерти они выражаются утешительно-туманно. Хочу сказать, я безусловно верю в Бога, но не верю, что кто-то отправляется в ад, если уж он не натворил черт знает что, и очень сомневаюсь, что на небе полно ангелов и херувимов. Это было бы ужасно скучно. Представляю себе небеса таким идиллическим садом, полным цветов, деревьев и дружелюбных животных, потому что если уж Господь сотворил человека по своему подобию, то почему бы Ему тогда не сотворить рай наподобие сада? Мне это казалось абсолютно логичным и утешительным, когда я думал о смерти, что, впрочем, случалось нечасто, в основном когда Дерри напоминал мне о ней.

– Я пролью слезу, если ты умрешь завтра, – пообещал я и, поднявшись на ноги, погладил его по голове. – Спокойной ночи, старина. Хорошего тебе сна, и попытайся поднять себе настроение.

Я шел по галерее, и моя рука с подсвечником подрагивала, горячий воск капал мне на пальцы. Бормоча проклятия, поднялся по лестнице, покачиваясь прошел по галерее к дверям своих покоев.

Слуга терпеливо ждал меня, я мигом разделся и оказался в ночной рубашке. Когда справил дела в ночной горшок за ширмой, он уже унес мою одежду, и я, к нашему общему облегчению, отпустил его, а сам пошел через дверь в соседнюю комнату.

Я предполагал, что в спальне стоит темнота, но, к моему ужасу, ночник у кровати светил во всю мощь, а Сара полулежала на подушках с книгой в руках.

– Где ты был? – тут же спросила она дрожащим голосом.

О боже, подумал я, ощутив вдруг, что невыносимо устал и чертовски пьян. Подушки с моей стороны кровати светились приглашающей белизной.

– Ты обещал прийти наверх сразу же после обеда! Я сколько часов тебя жду!

– Извини, – беспомощно пробормотал я. – Не обратил внимания на время. – Я улегся в кровать и подался к ней, чтобы поцеловать, но она отвернула лицо.

– Ты, насколько я понимаю, был очень занят – сплетничал с мистером Странаханом!

– Ну а почему нет? – обиженно проговорил я. – Он мой лучший друг. Пожалуйста, Сара, успокойся. И давай спать! Я слишком устал для ссор.

– Для ссор? Разве ты не дал мне повода сердиться? Стоило нам оказаться в этом ужасном месте, как ты начал отвратительно относиться ко

мне!

– Мы уедем отсюда через день-два, – пробурчал я в подушку, наслаждаясь роскошной материей из лучшего ирландского льна.

– Надеюсь, без мистера Странахана! – воскликнула она, сев в кровати.

Чутье подсказывало мне, что если я раз подтвержу это, то буду обречен на бессонную ночь. Собрав всю свою волю, я тоже сел на кровати и изо всех сил постарался быть изобретательным.

– Сара, ты устала и переутомлена, – строго ответил я. – Прекрати уже это ныть, загаси лампу и давай спать.

– Я не ною! – Она швырнула книгу, та пролетела полкомнаты и упала, а я подумал, как Сара хороша, когда злится. Ее глаза сверкали, щеки горели, а волосы, не заплетенные сегодня, ниспадали на грациозные плечи. – Как ты смеешь говорить, что я ною?

– Ты ноешь, стонешь, и вообще все на свете вызывает у тебя неприязнь, – потребовал я, теряя терпение. – Замолчи сейчас же!

Она отвесила мне пощечину.

Я уставился на нее. Секунду спустя она отвесила мне еще одну, после чего надолго воцарилась тишина, а затем я понял, что сейчас займусь с ней любовью. Поначалу мои движения были грубыми, потому что я опасался, что она будет сопротивляться, но Сара не сопротивлялась. Она лежала на подушках, позволяя мне делать то, что я хочу, а потом даже взяла меня за руку и смущенно пожала ее, словно говоря, что я прощен. Я вдруг почувствовал приступ невероятной любви к ней. Обнял ее, прижал к себе с такой силой, что она вскрикнула, и, хотя никто из нас не сказал ни слова, я знал, что мы оба счастливы.

В конце концов я хорошо выспался, несмотря на все мои страхи, и только на следующее утро, проснувшись, стал думать, как, черт возьми, мне сообщить ей, что Дерри едет с нами в Англию.

3

Обстоятельства складывались так, что мне не пришлось говорить ей об этом сразу же, потому что после завтрака принесли наскоро написанную записку от моего зятя Альфреда Смита, в которой он сообщал, что Аннабель неудачно упала с лошади, и просил немедленно приехать в Клонах-корт.

Сара укоризненно посмотрела на меня, словно бедняжка Аннабель

намеренно доставила ей это неудобство, и сказала, что она все еще чувствует себя настолько усталой, что даже и подумать не может пусть и о самом коротком путешествии.

– Я очень надеялась, что мы сможем провести утро вдвоем, – добавила она, – но я понимаю, что, если твоя сестра получила серьезное повреждение, ты должен немедленно ехать к ней.

Я слишком беспокоился за Аннабель, чтобы придавать значение недовольству Сары. Альфред не приводил никаких подробностей в своем письме, и я воображал себе сестру со сломанной спиной, доживающую последние часы жизни.

– Поедем со мной, – попросил я Дерри, придя к этому времени в сильное волнение, и он сочувственно заметил, что отправится со мной в Клонах-корт, хотя будет лучше, если останется у ворот и подождет там.

Мы вместе поскакали по дороге на Клонарин, и, несмотря на все мои тревоги, я почувствовал, как настроение у меня улучшается. Утро стояло прекрасное. Посверкивала роса на траве у обочины, мои арендаторы улыбались мне со своих полей или от дверей хижин. Дерри делал вид, что не замечает ни души, но ему в любом случае нужно было держать дистанцию, что давалось ему нелегко, поскольку он был одним из них. Я был слишком занят – отвечал на их дружеские приветствия, а потому не замечал, какими взглядами они провожают его, хотя помню, что меня не отпускала мысль: ну почему люди так завистливые?

Наше путешествие продолжалось на этот приятный манер до того момента, когда дорога сделала поворот, и мы впереди увидели не кого-нибудь, а главного смутьяна в долине – Максвелла Драммонда.

Дерри всегда говорил, что у Драммонда шотландская кровь, и отец Драммонда и в самом деле был выходцем из Ольстера, где жило много шотландцев, но для меня этот человек был ирландцем до мозга костей: упрямым как осел, который тащил его повозку, и в тысячу раз агрессивнее. У него были широкие плечи, настолько широкие, что его остальное тело казалось непропорционально худым, толстая шея и сломанный нос; я считал его самым уродливым типом, каких мне доводилось встречать. У него появилась одна положительная черта: он избавился от своего прежнего жуткого запаха, потому что его жена, дочь школьного учителя, привыкшая к более приятным ароматам, явно держала в доме запас мыла.

Он съехал в сторону, вызывающе кивнул мне, когда мы проезжали мимо, и сказал:

– Добро пожаловать домой, лорд де Салис. – Говорил он с акцентом не менее густым, чем сметана, но слова выбирал, как англичанин. – Надеюсь,

вы приехали сюда, чтобы привести свой дом в порядок. – При этом он посмотрел на Дерри таким пренебрежительным взглядом, что я удивился, как тот не выпрыгнул из седла и не принялся мутузить его.

Но Дерри был слишком галантен, чтобы опускаться до такой пошлости. Он только зевнул, сделал вид, что разглядывает облако, потом неторопливо сказал мне:

– Нам лучше поспешить, Патрик, если мы хотим добраться в Клонах-корт до дождя.

– Надеюсь, Господь прольет достаточно дождя, чтобы утопить тебя, ублюдка, – бросил Драммонд, – потому что в этой долине не будет мира, пока Он этого не сделает. Всего доброго, лорд де Салис, – добавил он, хлестнув вожжами осла, и тот потащил повозку мимо нас по краю дороги.

– Минутку! – сердито крикнул я. Нельзя было допустить, чтобы ему сошло с рук оскорбление моего друга. – Если вы считаете, что мистер Странахан взялся за неблагодарную работу управления моими делами в этой долине по собственному желанию, то вы ошибаетесь! У него есть занятия получше, чем допекать таких, как вы. Он в конце недели уезжает со мной в Англию и...

– Да благословит вас Господь, лорд де Салис! – воскликнул Драммонд, обрывая меня от переполнявшей его радости. – Я знал, что вы увидите правду и удалите этого негодяя из Кашельмары сразу же по возвращении! Ни один сын вашего великого и могущественного отца, пусть Господь его благословит и сохранит память о нем, не смог бы поступить иначе. Желаю вам хорошо провести время в Англии, Дерри Странахан. Что до меня, то скорее отправлюсь в чистилище, чем ступлю хоть краем носка на саксонскую землю.

Осел рванулся вперед рысцой. Повозку чуть занесло в луже, и грязь брызнула на одежду Дерри, а я выкрикнул ругательства вслед Драммонду, но он, к сожалению, их не услышал.

– Экая наглость! – завопил я.

Даже моя лошадь танцевала от ярости.

– Патрик, забудь ты о нем! Пусть катится ко всем чертям и будет проклят, он не стоит твоего гнева! – Дерри уже презрительно улыбался, а когда я попытался возразить, он просто ссутулился, опустил уголки губ и сказал с акцентом Драммонда: – Уж он-то точно будет гореть в аду, этот мошенник, и ни одна душа не закажет для него мессу у священника.

Тут я тоже улыбнулся – он так умело подражал разным людям, – и на минуту ничто не имело значения, потому что мы скакали вместе, и светило солнце, и жизнь была прекрасна.

– Правда, жизнь великая вещь? – спросил Дерри.

И только тогда я подумал о смерти – он всегда наводил меня на такие мысли, когда жизнь казалась особенно прекрасной; моя тревога еще усилилась, когда мы подъехали к воротам Клонах-корта.

Дом стоял на юго-восточном берегу озера, в полумиле от умирающего поселения Клонарин. На восточной оконечности долины есть большая низина – разрыв в кольце гор. Разрыв этот не виден ни из Кашельмары, ни с западного перевала, ведущего в долину, – этому мешают горные хребты на юге, но долина тянется за Клонарин до берегов Лох-Маска и маленьких городков – Леттертурка, Клонбура и Конга. Клонах-корт, вдовый дом, построенный моим отцом для своей матери, стоял фасадом к долине на возвышении в тени горы, называющейся Бенкоррах. Моя бабушка специально выбрала такой вид, потому что, прожив много лет в Кашельмаре, она заявила, что устала смотреть на озеро и на горы.

На выгулах перед домом мирно паслись лошади. Я подумал – с какой из них упала Аннабель? – и вдруг расстроился донельзя, потому что Аннабель была такой веселой, и хотя я ее не очень хорошо знал (она выросла, когда я еще из детской не выходил), но любил больше, чем двух других своих сестер, Маделин и Катерин. Думаю, она меня тоже любила. Она даже как-то раз сказала, что я гораздо лучше нашего брата Луиса, а это было смелое заявление, потому что о Луисе иначе как о маленьком святом никто не говорил. Но Аннабель не стала бы нянькаться со святошами. Она для этого была слишком честная и благоразумная.

Добравшись до дома, я привязал лошадь к ближайшему дереву и разогнал с полдюжины собак, яростно лаявших у моих ног. Парадная дверь стояла открытой – она в Клонах-корте всегда открыта, – и я увидел Альфреда Смита, он уже спешил навстречу. На нем была залатанная куртка, грязные ездовые бриджи, а о галстук и говорить не приходилось. Его короткие темные волосы стояли дыбом и напоминали мне щетку.

– Господи боже, – пробормотал он. – Чертовски рад видеть вас. Входите.

– Она...

– Нет, она жива, но что-то себе ужасно повредила. Миссис О’Шонесси, Дэнни, Милли и я – мы уложили ее как могли поудобнее, но ей нужен кто-то еще, чтобы посмотрел, и как, черт побери, я найду доктора, когда тут за тысячу миль ни одной амбулатории? Миссис О’Шонесси и Милли не могут уехать, у Дэнни такой ревматизм, что он и в седло не может сесть, если его не поднимать на веревках, а я не хочу ехать, потому что должен оставаться с Аннабель. Господи боже, вы должны ее увидеть, она там лежит, белая, как

лилия, – добавил Альфред, неожиданно переходя на поэтический язык. – Просто смотреть не могу, когда она такая неподвижная и ни на что не откликается.

– Я сразу же поскачу в амбулаторию, – предложил я, радуясь тому, что могу хоть что-то сделать.

– Знаю, у вас медовый месяц, но, может, вы могли бы послать кого-нибудь... А еще девочки. Клара и Эдит. Они в таком состоянии, бедняжки. Если бы вы могли подбодрить их хоть словечком – они были бы рады вас видеть, я уверен.

Как говорят, нет худа без добра. Я побеседовал с племянницами, потом дал мой носовой платок Кларе и предложил им обеим провести день-другой в Кашельмаре в обществе моей жены.

– Но мы не можем оставить бедную мамочку! – воскликнула Клара, она была такая хорошая и добросердечная девочка.

– Почему нет? – возразила Эдит, которая была полной противоположностью сестре и всегда, казалось, зла на весь мир. – Она вон на сколько лет нас оставила. Почему мы не можем оставить ее на день-другой? И потом, мама же не умирает, а сейчас и вообще не знает, здесь мы или нет.

– Ты такая жестокая, Эдит! – укоризненно посетовала Клара, но, когда я упомянул, что у ворот ждет мой друг мистер Странахан, который проводит их в Кашельмару, Клара быстро побежала наверх следом за Эдит собираться.

Мне не пришлось упрашивать Дерри выступить в роли сопровождающего. Девочки вместе со старой няней, которая по-прежнему занималась их одеждой, поскакали в двуколке, а Дерри поехал рядом с ними с выражением, которое подошло бы респектабельному коту, перед которым поставили миску со сметаной.

После их отъезда я мог заняться поисками доктора. Никто, казалось, не знал, где находится ближайшая амбулатория, впрочем экономка предположила, что доктор, вероятно, есть в Конге. Это было ближе, чем Уэстпорт или Голуэй, но все же в тринадцать милях, и я в итоге остановился в Клонбуре, чтобы уточнить у местного мелкого землевладельца Уилла Нокса.

Должен сказать, что Уилл Нокс оказался очень любезным человеком. Как только он узнал о том, что случилось, то предложил свои услуги: он был готов сам привезти доктора в Леттертурк. Поскольку я мог не сомневаться в том, что Нокс по дороге не заглянет в кабаки и не забудет, куда и зачем едет (на что были горазды многие ирландские слуги), я принял его

предложение и вернулся, чтобы успокоить Альфреда: помощь уже в пути. Я посмотрел на Аннабель, но она все еще оставалась без сознания, лежала с жутким белым цветом лица, что привело меня в сильное расстройство.

– Я вернусь позднее, – сообщил я Альфреду, – а пока от меня будет больше пользы, если я отправлюсь в Кашельмару и помогу девочкам устроиться.

– Хотелось бы мне, чтобы здесь была ваша сестра, – буркнул Альфред. – Та, которая сестра милосердия, я имею в виду, а не леди из Дьюнеден-касла.

Мне это показалось неплохой идеей.

– Я напишу Маделин, – пообещал я. – Впрочем, когда письмо достигнет Лондона, Аннабель, возможно, будет уже на ногах.

– Либо на ногах, либо в гробу, – горько добавил Альфред и лягнул ножку стола, чтобы дать выход чувствам.

Помню, что тогда впервые проникся к нему симпатией, потому что прежде думал, как и все остальные, что этот человек женился на Аннабель из-за ее денег, а теперь увидел, что он, вероятно, все же любил ее.

Я уже чуть не умирал от голода, когда добрался до Кашельмары, и думал, что могу выпить галлон пива, чтобы утолить жажду, но, к моему ужасу, меня ждал неприятный прием. Сара пребывала на грани истерики, потому что девочки свалились на нее без всякого предупреждения. Макгоуан сидел, кипя, в холле – ждал меня, чтобы сообщить о том, что намерен покинуть работу, и, наконец, пожалуй, самое неприятное: мой кузен Джордж де Салис выхаживал туда-сюда по гостиной, как индюк, и требовал немедленного разговора со мной.

4

С Джорджем пришлось разбираться первым – выбора у меня не было. Я оказался в гостиной, и бежать оттуда было поздно.

– Ты, конечно, попросишь Странахана убраться отсюда, – потребовал он, как только мы оказались вдвоем. – Он не должен оставаться под одной крышей с твоими племянницами.

– Бога ради, Джордж! – возразил я. – За девочками приглядывает их старая нянька, а кроме того, тут есть и Сара. Не думаешь же ты, что тут может произойти что-то непотребное.

К сожалению, именно так он и думал.

– Случилось так, что я точно знаю: у Странахана были планы относительно Клары.

– Но ты же не думаешь, что он собирается ее соблазнить!

– С него все станется, – мрачно изрек Джордж. – Послушай, Патрик, у тебя нет выбора. Этот мошенник должен убраться.

– Не смей мне диктовать, что я должен делать! – завопил я. Обычно я спокойный, уравновешенный человек, но сегодня к половине третьего я еще оставался без ланча, а моя любимая сестра, возможно, умирала, и я никак не был расположен для подобных бесед с кузеном Джорджем. – Ты мне не отец, поэтому прекрати говорить со мной отцовским тоном и не лезь не в свои дела, старый осел!

Он уставился на меня, словно золотая рыбка, выкинутая из аквариума. А потом взорвался. Он кричал, что я «неблагодарный», что я «наглый щенок» и он ничуть не удивится, если я «плохо кончу». Он рад, что мой отец не видит тех «руин», в которые превращается все вокруг вследствие «моего длительного небрежения моими обязанностями». Один Господь знает, каким бы «разочарованием» я стал для отца.

– Это все вранье! – орал я на него. – Мой отец гордился мной! Ты завидуешь – завидуешь, потому что твой отец был младшим сыном, а мой – старшим, потому что у меня Кашельмара и Вудхаммер, а у тебя только жалкая лачуга с крысами в Леттертурке!

– Как ты смеешь говорить мне такое?! – Он задохнулся и посинел, как гиацинт. – Моя озабоченность Кашельмарой происходит из самых чистых мотивов! – (Я рассмеялся ему в лицо.) – Отлично! – крикнул он мне. – Если тебе не нужны мои советы, я придержу язык, а ты вместе со своим Странаханом можешь катиться к чертям, и чем скорее, тем лучше.

Дерри в этот момент произнес бы какую-нибудь убийственную остроуту, но я слишком устал, и мне было все равно – пусть последнее слово останется за ним. Как только Джордж выбежал из комнаты, я вызвал Хейса, попросил его принести мне в библиотеку пива и сэндвичи, а сам рухнул в кресло за столом моего отца.

Хейс появился десять минут спустя с большой кружкой эля, аккуратно нарезанным хлебом и тарелкой с маслом и сыром.

– Хейс, бога ради, у нас что, нет холодного мяса?

– Была замечательная куриная ножка, милорд, но ее некоторое время уже никто не видел. Милорд, Иэн Макгоуан хочет поговорить с вами теперь, если вы не возражаете.

– Найдите эту куриную ножку! – прорычал я, вгрызаясь в хлеб с целеустремленной сосредоточенностью, которая исключала возможность

рассмотрения каких-либо других вопросов.

Хейс вышел.

Почтительно вернувшись некоторое время спустя, он сообщил, что куриная ножка исчезла с лица земли. Ему даже хватило наглости сказать о вмешательстве колдуний. После этого, горя желанием поговорить с кем-нибудь трезвым и практичным, я потребовал пригласить Макгоуана.

– И принесите мне еще пива! – рассерженно крикнул я вслед Хейсу, в очередной раз спрашивая себя, как англичанин может жить в Ирландии и сохранять здравомыслие.

В комнату вошел Макгоуан, кислым голосом пожелал мне доброго дня и сообщил, что хочет оставить работу. Я с большим усилием удержался, чтобы не сказать: «Скатертью дорожка», вместо этого вгрызся зубами в мягкий кусок сыра. Почему ирландцы не умеют делать приличного твердого сыра – эта тайна известна только им.

– Милорд, – заявил Макгоуан, – Кашельмара слишком мала для двух управляющих, один из которых уничтожает все нелегкие и верные труды другого. Я не имею права критиковать ваше назначение мистера Странахана на важный пост здесь. Могу только указать, что оно сделало мое пребывание здесь нецелесообразным. Поэтому, с вашего разрешения, милорд, я почтительно прошу вас освободить меня от моих обязанностей и покину вас при первой возможности.

Еда привела меня в чувство. Я тут же понял, что отставка Макгоуана сейчас нужна мне меньше всего, если я собираюсь вскоре уехать с Дерри в Вудхаммер-холл. У Макгоуана могут быть недостатки, но он на свой манер ровно управляет имением. Если он уедет, у меня могут возникнуть трудности с поиском замены, а то и того хуже – я буду вынужден остаться в Кашельмаре на бог знает какой срок, прежде чем удастся найти и проинструктировать подходящего человека. Уж лучше знакомый черт, сказал я себе, чем незнакомый.

– Макгоуан, – ответил я, – мистер Странахан и я собираемся вскоре уехать в Англию, мне очень жаль, что вам пришлось нелегко. Усложнять вам жизнь никак не входило в мои намерения, и я вам обещаю, что с этого момента вы можете управлять имением так, как считаете нужным. Я очень ценю вашу работу в мое долгое отсутствие и буду рад, если вы примете увеличение жалованья на... – Я запнулся, так как вдруг понял, что понятия не имею, сколько он получает. Мои адвокаты из Лондона ежемесячно присылали ему вознаграждение.

– Мой брат в Шотландии, служащий управляющим у маркиза Лохлиалла, получает в год на двадцать пять фунтов больше меня, – заметил

Макгоуан с типичным шотландским иезуитством. Говорил он таким мрачным тоном, что даже худший его враг не смог бы обвинить его в нахальстве, – он ведь не предлагал никакой суммы до того, как это сделал я.

– Ну, у нас здесь не Шотландия, Макгоуан, верно? Но тем не менее думаю, вы определенно заслужили дополнительные двадцать пять фунтов в год. – Не успев сказать это, я понял, что он предполагал увеличение в пятьдесят. Чтобы скрыть смущение, я поспешил спросить: – Кстати, как ваша семья в Шотландии? Как Хью?

Его сына звали Хью. Он был на год моложе меня, и я не видел его с тех пор, как он уехал из Кашельмары десятью годами ранее и поступил в школу в Глазго. Вскоре после этого миссис Макгоуан, свирепая женщина такого сложения, что вполне могла бы завоевывать призы по метанию бревен, оставила мужа и уехала в Глазго к родственникам, чтобы быть рядом с сыном. Никто не знал, как относится Макгоуан к этой ситуации, но, вспоминая миссис Макгоуан, можно было только догадываться, что он порадовался, простившись с нею. Жил он один в аккуратном каменном доме по другую сторону реки Фуи и, как говорили, хранил мешок с золотом – прятал его в отхожем месте.

– У Хью все хорошо, спасибо, милорд, – ответил Макгоуан, который смягчился, получив надбавку в двадцать пять фунтов, добавлявших золотого блеска его будущему. – Мой брат в Шотландии устроил его в ученичество в поместье Лохлиалл и теперь учит его во всех подробностях искусству управления.

– Великолепно, – одобрил я. – Передайте от меня привет Хью в следующем письме.

На самом деле мне Хью Макгоуан никогда не был близок. Помню его как здорового, угрюмого парня, который всегда напрашивался на драку или дулся из-за того, что я предпочитаю его обществу Дерри, и мне было совершенно наплевать, что я, скорее всего, больше никогда в жизни его не увижу.

Макгоуан был вполне удовлетворен, Хейс принес еще пива, и я начал думать, что, вероятно, переживу этот день. Мне еще нужно было уладить дела с Сарой, но, к моему облегчению, я обнаружил, что она уже успокоилась и старается быть гостеприимной по отношению к моим племянницам. Дерри же, со своей стороны, предпринимал огромные усилия, чтобы обаять ее, и, хотя она по-прежнему демонстрировала ему свою холодность, ситуация была далеко не такой безысходной, как мне казалось прежде. У меня даже нашлось время написать Маделин – попросить ее о помощи, а чтобы не откладывать дело в долгий ящик, я

приказал мальчику с конюшни немедленно доставить письмо к почтовому экипажу в Линоне.

Разобравшись со всеми кризисами в Кашельмаре, я смог вернуться в Клонах-корт, но не успел я пересечь порог, как увидел спускающуюся по лестнице рыдающую экономку, – она сообщила, что моя сестра умерла.

5

Я плакал, Альфред бранился, но поделаться ничего было нельзя – она ушла. Наконец я вытер слезы, которые изо всех сил старался не показывать другим, а Альфред перестал ругаться. Теперь в доме воцарилась тишина.

– Выпейте, – предложил наконец Альфред, принеся громадную бутылку светлого потина.

– Спасибо.

Мы сели и начали пить. Он рассказал мне все о себе. У него было шесть братьев и семь сестер, и он думал, что родился в конюшне эпсомского ипподрома, но не уверен в этом. Его отец служил конюхом у лорда Растинтона, отца первого мужа Аннабель. Альфред, будучи старшим сыном, пошел по стопам отца. К счастью, его телосложение оказалось подходящим для того, чтобы стать жокеем, и после этого ему несказанно везло в жизни, он даже смог уберечь родителей от нищеты на склоне лет. Его братья либо умерли, либо уехали в Канаду, как и его выжившие сестры, их мужья и потомство, – он понятия не имел, сколько их всего. Альфред не думал, что когда-либо женится, потому что любил только высоких девушек, а высокие считали его слишком маленьким. Аннабель была единственной женщиной, которая относилась к нему по-человечески. Он так любил ее, что даже готов был простить принадлежность к аристократии, к которой никогда не испытывал особого почтения. Он часто сталкивался с аристократами на скачках и не находил в них ничего особенного. Просто они были другими.

– Выпейте еще потина, – добавил он, словно проснувшись, и выхватил стакан у меня из-под носа.

– Довольно крепкая штука, – пробормотал я, чувствуя себя как в тумане, пока он наливал мне еще с полпинты.

– Он ужасно старый, потому такой ужасно светлый. Его делают в кабаке тут неподалеку, но, клянусь, ни одной живой душе не скажу, где это, а то власти пронюхают. Так вот я и говорю...

Он еще много чего наговорил, описал их первые совместные годы во всех милых его сердцу подробностях, а потом я тоже принялся выкладывать ему историю своей жизни. Мы проболтали до глубокой ночи и наконец, поклявшись в вечной дружбе, уснули за обеденным столом. Когда я открыл глаза, Альфред все еще храпел напротив меня, утреннее солнце стояло высоко в небе, и, если бы в дверь вошел священник, я бы попросил его соборовать меня. Нам обоим было настолько плохо, что в тот день я так и не покинул Клонах-корт, сумел только написать записку Саре, что вынужден остаться с Альфредом, чтобы подготовить похороны.

Следующие несколько дней смешались в один сплошной и все ухудшающийся кошмар. К моему облегчению, Дерри находился в Кашельмаре и мог опекать женщин, иначе я бы не смог задержаться в Клонах-корте и опекать себя и Альфреда. Я отчаянно пытался организовать похороны, но, когда понял, что ничего не смогу сделать в этом забытом богом уголке земли, пришлось проглотить гордость и обратиться за помощью к кузену Джорджу. У него, по крайней мере, было то преимущество, что он жил здесь, и ему в конце концов удалось организовать пристойные английские похороны. Я ничего не имею против Римской католической церкви, но ирландские похороны такие ужасно неанглийские, а я знал, что Аннабель хотела бы, чтобы ее похоронили без лишней суеты.

Могилу вырыли на маленьком участке близ семейной часовни. Священника позвали из Леттертурка, где находилась ближайшая протестантская церковь, пригласили нескольких избранных гостей – Ноксов из Клонбура, Кортни из Линона и Планкеттов из Аслеаха. После простой короткой службы гроб опустили в могилу, и это испытание, к моему облегчению, кончилось.

Я совсем забыл о письме, которое отправил Маделин, и, когда она приехала на следующий день, удивился, увидев ее. Она наняла экипаж из Голуэя и прошла три мили пешком до Кашельмары от дороги на Линон. Естественно, что после такой тяжелой дороги она была более чем оскорблена, что я не задержал ради нее похороны.

– Но я ведь даже не знал, приедешь ли ты, – огорченно покаялся я. – Ты ведь не написала, и я понятия не имел, сколько мое письмо будет идти к тебе.

– Что ж, дело уже сделано, – рассерженно ответила Маделин, – но я должна сказать, что все это происшествие, начиная с падения Аннабель до ее похорон, – сплошной кавардак. Почему ты не послал за настоящим доктором вместо этого старика из Леттертурка?

– Потому что докторов здесь нет на много миль! – горячо воскликнул я. – Да тут никто даже не знает, где находится ближайшая амбулатория!

– Скандал! Совершенный скандал. Я должна что-то с этим сделать.

– Сделай, – согласился я, чувствуя облегчение оттого, что теперь в трагедии виновата Ирландия, а не я.

– Я открою амбулаторию в Клонарине, – решила Маделин. – Обращусь к архиепископу за деньгами, а если понадобится, дойду до самого папы. А ты, Патрик, можешь подарить землю в память Аннабель и построить небольшой дом, где я могла бы принимать больных.

Если я должен был заплатить такую цену за то, чтобы успокоить Маделин, то, пожалуй, я был готов к этому. По виду Маделин можно предположить, что она и мухи не обидит, но под добродушной оболочкой крылся железный характер, что и обнаружил мой отец, когда пытался отговорить ее сначала обратиться в римскую католическую веру, потом уйти в монастырь, позже стать монахиней, а затем сестрой милосердия. По какой-то причине, которая выше моего понимания, Маргарет любила ее больше всех других моих сестер.

– Маргарет очень расстроилась, оттого что ты не уведомил ее о происшествии с Аннабель, – строго выговаривала мне она. – Перед отъездом из Лондона я заглянула к ней. Патрик, ты должен был написать ей! Это серьезное упущение.

– Но Аннабель была жива! Я имею в виду, когда я писал тебе...

– Да ведь, наверное, было очевидно, что она умирает. Ты написал Катерин?

– Нет еще.

– Патрик!

– Я же знал, что она в Лондоне и не поедет так далеко на похороны.

Маделин посмотрела на меня испепеляющим взглядом своих фарфорово-голубых глаз и вежливо сообщила:

– Я немедленно напишу Катерин. Ты будешь здесь, если она решит приехать в Кашельмару?

– Нет, я еду в Вудхаммер, – сообщил я. – Мы с Сарой уезжаем послезавтра.

– А что ты планируешь делать с Кларой и Эдит? Ты ведь не собираешься оставить их с несчастным Смитом?

– Альфред Смит – замечательный парень, – сердито возразил я. – И я не хочу слышать о нем ничего плохого.

– Слово «несчастный» просто характеризует его нынешнее состояние. Ты, конечно, позволишь ему остаться в Клонах-корте? Хорошо. Я рада, что

ты проявляешь сострадание. А теперь что касается девочек...

– Они поедут с нами в Вудхаммер.

– Отличное решение! В любом случае при всех благих намерениях нельзя не признать, что Клонах-корт был для них совсем неподходящим местом, и потом, от Джорджа я слышала, что Кларе нужно держаться подальше от Дерри Странахана.

– Дерри едет с нами в Вудхаммер, – отрезал я, слишком возмущенный, чтобы скрывать это от нее. – И если он захочет жениться на Кларе, я определенно не буду стоять у него на пути.

Маделин замерла. Она уставилась на меня с непроницаемым выражением и наконец проговорила:

– Понимаю. Конечно, я не вправе вмешиваться, но не могу не думать, что ты заблуждаешься.

Полчаса спустя Сара прибежала ко мне в безумной ярости, чтобы сказать: если Дерри поедет с нами в Вудхаммер, то она первым же пароходом возвращается в Нью-Йорк.

6

Мне удалось успокоить ее, но это оказалось нелегко, и мне пришлось раз двадцать повторить: я сделаю все возможное, чтобы она была счастлива.

– Но сейчас я должен помочь Дерри, – умоляющим голосом сказал я. – Если он сможет устроиться с Кларой, это будет очень важно для него, и в конце концов... это же мой самый старый друг, дорогая. Попытайся понять.

– Прежде чем он сможет жениться на Кларе, пройдет немало месяцев, а нам придется все это время терпеть их и эту ужасную Эдит.

– Но, дорогая, я думал, Клара составит тебе хорошую компанию!

– Почему *ты* не можешь составить мне хорошую компанию?

– Я не против, но ты должна признать, что мне в последнее время досталось.

– Не придумывай оправданий! Ты меня не любишь. Если бы ты меня любил, мы бы поехали в Европу.

– В Вудхаммере гораздо лучше, чем на Континенте, – возразил я, целуя ее. – Подожди, скоро сама увидишь.

Мне казалось, что я говорю достаточно убедительно, но в итоге понял: если хочу доказать ей свою любовь, то одними разговорами тут не

отделаешься. Мне пришлось предпринять усилие; я убедил ее лечь в постель, и все снова стало хорошо. По крайней мере, уезжая из Кашельмары, мы уже не были в ссоре.

Даже и пытаться не буду описать дорогу в Вудхаммер. Достаточно упомянуть, что путешествие через всю Ирландию, через пролив, с несколькими пересадками до Уорикшира в компании с тремя женщинами, кучей слуг и горой багажа – это может повергнуть в уныние любого здорового мужчину во цвете сил. Мы с Дерри добрались до места абсолютно больными, и, думаю, я в жизни еще не испытывал такого облегчения при виде старого доброго Вудхаммера, дремлющего под солнечными лучами среди прекрасной, упорядоченной цивилизованной Англии.

Дом, с благодарностью подумал я и с трудом сдержался, чтобы не расплакаться от радости. Дерри, который презирал сентиментальность, подозрительно поглядывал на меня, но, бог мой, как же это здорово было – снова оказаться в Вудхаммере! Я здесь родился, провел все детство. Люди входили в мою жизнь и уходили из нее – родители, братья, сестры, слуги, друзья, – никто, казалось, не задерживался надолго, только не Вудхаммер! Вудхаммер всегда оставался на своем месте. Он представлял собой непрерывность, безопасность, тепло, уют и покой. Многие поколения де Салисов жили и умирали здесь; было приятно осознавать это. Нет, я вовсе не из тех, для кого история что-то значит, но мне нравится думать о том, что мои предки росли так же, как рос я за старинными стенами Вудхаммера. Совсем маленьким я приставал к воспитателям, допытываясь, откуда я взялся, и мне наговорили кучу всякой ерунды про аиста, а потом я вдруг услышал верные слова от кухарки. Она сказала: «Так из Вудхаммер-холла и взялся, дорогой, как и все остальные де Салисы». С того момента аисты перестали меня интересовать. Я знал, кто я такой и откуда появился. Я был де Салис из Вудхаммер-холла, а Вудхаммер-холл был центром вселенной. И когда мой отец отсутствовал, а отсутствовал он почти всегда, и потом, когда умерла моя мать после нескольких лет уединения, в течение которых я практически не видел ее, – тогда моя нянька в очередной раз замечала, что мальчики труднее девочек, а моя сестра Нелл тревожилась сильнее, чем всегда, – я ни на что не обращал внимания. У меня был дом, и я любил его со всей страстью, которую никогда не мог распространить на людей.

И какой же это был красивый дом! Елизаветинский, в традиционной форме буквы «Е», с величественными трубами, с высокими обветренными стенами и удивительными окнами, непохожими друг на друга. Дом

выходил на парк, разбитый по приказу одного из моих предков, живших в восемнадцатом веке, но за домом находился очаровательный елизаветинский сад с лабиринтом, который вполне мог сравниться с лабиринтом Хэмптон-Корта, и несколькими огороженными беседками, где цветы цвели все лето, а трава была очень ровная, короткая и зеленая. Тут были и другие следы восемнадцатого века – оранжерея и довольно устрашающий бельведер, – но елизаветинский сад нравился мне больше всего, и именно там я впервые заинтересовался посадкой цветов и наблюдением за тем, как они растут.

В холле, обшитом панелями из великолепного дуба, над огромным камином висели скрещенные мечи, а на одной из стен растянулся громадный персидский ковер. А дальше – лестница, моя лестница, лучшая из всех лестниц в мире, вырезанная вручную Гринлингом Гиббонсом с таким мастерством, что я не мог смотреть на нее без трепета. Такой же восторг переполняет меня, когда я вижу великолепное произведение искусства, которое невозможно описать словами. Именно эта лестница и вдохновила меня начать резьбу по дереву, и я всегда получал ни с чем не сравнимое удовольствие от этого занятия.

В Вудхаммере много резьбы, хотя ничто не может сравниться с великолепной резьбой лестницы. Отделанные панелями комнаты были теплыми и спокойными, лабиринт коридоров навевал ощущение сказки, бесконечно очаровательной тайны. Какое это было чудо для ребенка – расти в таком доме, и ничто не доставляло мне большего удовольствия, чем мысль о том, что мои дети тоже будут расти здесь.

Я, конечно, никогда не говорил об этом отцу, потому что знал: он не поймет. Отец принадлежал к тому поколению де Салисов, которое выросло не в Вудхаммер-холле. Мой бедный папа! Он родился в Кашельмаре, строгой, жуткой, новой Кашельмаре, безумно симметричной, архитектурно идеальной, но не имеющей души. Построенная в глуши, лишенная связи с прошлым, что так грело меня в Вудхаммере, пронизанная сырым ирландским воздухом, от которого стыли мозги, окруженная враждебными ирландскими крестьянами, Кашельмара была для меня устрашающей, гнетущей и отталкивающей. Когда я возвращался домой в Вудхаммер из Кашельмары, даже побывав там несколько дней, мне всегда хотелось встать на колени и поблагодарить Бога за то, что Он спас меня от зла.

«Слава богу!» – лихорадочно, как обычно по возвращении, думал я. Когда же смотрел на слуг, выстроившихся в ровные линии, Ирландия казалась такой далекой, как какой-нибудь остров Южного моря, а Кашельмара – просто неприятностью, растворяющейся в тумане памяти.

Я радостно пожимал руку мажордому, когда заметил кого-то сбегавшего по лестнице. Увидев блеск рыжих волос, зайчик, посланный стеклышком пенсне, размах темного модного платья, я почувствовал, как мое сердце радостно екнуло во второй раз.

– Маргарет! – воскликнул я. – Какой чудный сюрприз!

Но Маргарет даже не улыбнулась мне. Она смотрела куда-то над моим правым плечом, и, когда я понял, что мой энтузиазм не взаимен, мимо меня со скоростью лисы, убегающей из норы, пронеслась Сара и бросилась в распростертые объятия тетушки.

Глава 3

1

– Решение совершенно очевидно, – твердо сказала Маргарет. Дорогая Маргарет, у нее и в самом деле необыкновенный талант улаживать жизнь других людей. – Вы с Сарой должны проводить больше времени вдвоем.

Час спустя мы сидели в длинной галерее Вудхаммера. Сару успокоили и уложили в кровать, девочки тоже приходили в себя после путешествия, а Дерри еще не появлялся из своей комнаты. Я собирался найти убежище в тихом уголке, предпочтительно на чердаке среди моей коллекции резьбы, когда Маргарет, словно коршун, налетела на меня, ухватила за рукав, чтобы я не мог сбежать, и усадила на один из диванов, с которого через террасу был виден елизаветинский сад. Выбора у меня не оставалось – только сдаться. Я мрачно выслушал ее рассказ о страданиях Сары и повеселел, лишь когда она добавила:

– Разумеется, это не только твоя вина, я все понимаю.

– Правда? – с надеждой спросил я.

– Господи, нет, конечно. Я же не настолько слепа, чтобы не вычитать между строк письма Сары мольбу о помощи и просьбу приехать в Вудхаммер. Думаю, короткий визит в сложившихся обстоятельствах может пойти на пользу.

– Я так рад тебя видеть. Почему бы тебе не послать за мальчиками и не пожить здесь месяц-другой? Понять не могу, почему ты их оставила в Лондоне.

И в этот момент Маргарет поделилась со мной своим мудрым советом: мы с Сарой должны больше времени проводить вдвоем.

– Вот почему я не собираюсь задерживаться, – пояснила она. – Я приехала забрать в Лондон Клару и Эдит. Они могут поехать со мной, когда я повезу мальчиков на море в Борнмут.

– Но... – начал я и споткнулся.

– О, я понимаю! – сразу же заворковала Маргарет. – Ты такой добрый и щедрый, Патрик, тебе никогда и в голову не приходил отказ взять девочек под свое крыло, но в настоящий момент будет гораздо лучше, если они поживут у меня.

Подозрительность и смятение одолевали меня.

– Маргарет, это очень мило с твоей стороны, но...

– Есть какие-то трудности? – спросила Маргарет, глядя на меня рысьими глазами.

– Не то чтобы трудности, но, понимаешь, Дерри очень увлекся Кларой, и он рассчитывал, что будет здесь видеться с ней.

– Отлично! – воскликнула Маргарет. – Почему нет? Он наверняка всегда хотел посмотреть Лондон, а умный молодой человек, вроде Дерри, точно сможет найти хорошо оплачиваемую, достойную работу.

– Гм... – Мне ничего не приходило в голову. Я попытался быть откровенным. – Понимаешь, я сам хотел провести какое-то время с Дерри, но, вероятно, ты права, и лучше ему будет поехать в Лондон за Кларой. Он в ней просто души не чает.

– Замечательно! Я люблю романтические увлечения!

– Ты это одобряешь? – Я не мог скрыть удивления. – Все вокруг говорят, что Дерри даже смотреть на Клару непозволительно.

– Думаю, Дерри пора последовать твоему примеру и угомониться, – твердо проговорила Маргарет. – И потом, мы должны быть практичными, верно? У Дерри масса талантов, он честолюбив, но мы все знаем, что одних талантов и честолюбия недостаточно для успеха. Ему, чтобы войти в историю, нужна богатая жена со связями, а Кларе, как и любой другой девице, нужен муж, обаятельный, умный, молодой муж. Что может быть важнее?

– Маргарет, господи боже! – воскликнул я в искреннем восхищении. – Ну почему на свете так мало таких разумных людей, как ты? Жить стало бы проще и гораздо удобнее. Значит, ты простила Дерри, да, за ту историю перед смертью папы?

– Это не по-христиански – таить злобу, – мягко произнесла Маргарет. – Патрик, выслушай меня. Когда мы все уедем из Вудхаммера, а вы с Сарой останетесь вдвоем, ты должен помнить, насколько она теперь зависит от тебя. Ей нужно привыкать к новой стране, к новому образу жизни, и она неизбежно поначалу будет чувствовать себя незащищенной. Ты должен помнить об этом и входить в ее положение. Договорились?

– Да, конечно. Бедняжка Сара. Разумеется, я все сделаю. Я совсем не собирался оставлять ее надолго одну в Ирландии, но смерть Аннабель и похороны...

– Для тебя это, вероятно, стало серьезным испытанием, – сочувственно сказала Маргарет. – Ну ничего, я уверена, теперь, в Англии, ты очень быстро сможешь загладить свою вину перед женой.

Я и в самом деле почувствовал облегчение при мысли о том, что смогу

наладить отношения с Сарой. Уйдя с длинной галереи, я собрался пойти в ее покои, узнать, не стало ли ей получше, но тут вспомнил про Дерри и решил зайти к нему на пару слов.

– Бог мой, – протянул он, стоило мне упомянуть имя Маргарет. – Я все спрашивал себя, как скоро ты опять подпадешь под ее влияние.

Но когда я сообщил, что Маргарет благоприятно отозвалась о его возможном браке с Кларой, он оттаял и согласился, что новость, может быть, не так уж и плоха.

– Я бы предпочел остаться в Вудхаммере, – добавил он, – но коли уж я оказался в Англии, то стоит посмотреть и Лондон. И в любом случае я не могу допустить, чтобы Клара проскользнула у меня между пальцев. Что, если она встретит другого, когда обоснуется в городе? – При этой мысли его пробрала дрожь. – Когда вы с Сарой приедете в Лондон?

– Да понятия не имею. Я об этом еще не думал.

– Ты же не рассчитываешь, что Сара будет долго мириться с сельской жизнью, а? – со смехом поддразнил он.

– Надеюсь, какое-то время будет. – Я с нетерпением ждал нескольких спокойных месяцев в Вудхаммере, прежде чем исполнить обещание и увезти ее весной за границу.

– Патрик, не обманывай себя. Она не успокоится, пока не увидит городских огней. Почему бы тебе не приехать с ней на неделю-другую?

– Ну...

– Черт побери, Патрик, что я буду делать один в Лондоне, если тебя нет рядом, чтобы показать мне город? – недоуменно возразил он.

Когда Дерри так сказал, я тут же представил себе, как отлично мы могли бы провести время в игорных домах в Мэйфейре, выпивая в Сохо и носясь сломя голову по Роттен-роу.

– Да, можно было бы неплохо развлечься, – неохотно согласился я.

– Конечно. И Сара сама это поддержит. Готов поставить пять гиней, что через три дня после нашего отъезда в Лондон она будет требовать, чтобы вы поехали следом.

На это потребовалось не три дня, а пять – Сара вдруг начала говорить о Лондоне с той легкоузнаваемой мечтательной ноткой в голосе, по которой я сразу понял: мне не будет покоя, пока я не отвезу ее туда. Я, однако, попытался отсрочить неизбежное. Снова убеждал, что в августе в городе никого нет и до конца сентября лучше задержаться за городом.

– Но за городом тоже никого нет, – возразила Сара, и я не мог не признать, что в ее словах есть свой резон, поскольку все наши соседи уехали в Шотландию стрелять рябчиков.

Однако мне удалось уговорить ее отложить поездку в Лондон до октября, после чего я успокоился и начал в полной мере вкушать прелести Вудхаммера. К сожалению, Сара не могла разделять со мной это удовольствие, и я обнаружил, что мне затруднительно наслаждаться жизнью, когда она ходит туда-сюда по длинной галерее в поисках способа убить время. Беда была не только в том, что она не выносила одиночества. Помня слова Маргарет, что Сара теперь, в чужой для нее стране, полностью зависит от меня, я входил в ее положение чуть не каждую минуту дня. Но главная трудность состояла в том, что у нее не было никаких увлечений. Вы скажете, что мне следовало догадаться об этом еще в Нью-Йорке, но там она была постоянно занята – уезжала на всевозможные приемы, и я почти не видел, чтобы Сара искала, чем бы ей заняться. В Вудхаммере дела обстояли иначе. Она бралась за вышивание, но через полчаса в скуке откладывала работу в сторону; прочла один-два романа, но больше главы в день не могла осилить. В отличие от Маргарет, которая проглатывала одну книгу за другой, Сара ничуть не интересовалась литературой, текущими событиями или политикой. Я не ставил ей это в упрек, потому что и сам не интересовался этими сторонами жизни, но у меня, по крайней мере, были другие увлечения, тогда как у Сары – ни одного.

Я ходил с ней гулять, ездил в экипаже и верхом. Старался изо всех сил удовлетворить ее потребность в постоянных развлечениях, но мне хотелось и побыть одному с моим деревом, а если днем мне не удавалось выкроить на это время, то я засиживался за резьбой ночью, когда мог побыть один. Но ведь мне и спать нужно было! Она справедливо раздражалась, когда я несколько раз днем уходил вздремнуть.

К началу октября я не меньше Сары хотел уехать из Вудхаммера, а придя к выводу, что у меня появится свободное время для себя, только когда Сара погрузится в городскую жизнь, я с неприличной настоятельностью написал Маргарет – спрашивал, не может ли Сара побыть у нее.

Дерри к тому времени был уже неплохо устроен. Он поселился в Вестминстере, а Маргарет удалось найти ему место клерка в Министерстве по делам колоний. Будучи членом ирландской коллегии адвокатов, он не мог практиковать в Лондоне, но это его мало беспокоило.

– Я вообще никогда не хотел быть адвокатом, – заявил Дерри. – Это была идея твоего отца, а не моя. Но нет сомнения, что юридическая квалификация открывает двери в другие сферы, а когда мы с Кларой поженимся, я посмотрю – может быть, удастся получить место в парламенте. Говорят, что даже теперь, несмотря на реформу, все упирается

в твое знакомство с нужными людьми и наличие денег.

Его роман с Кларой шел ровно, и он думал сделать ей предложение на Рождество. Дерри эта перспектива настолько вдохновляла, что у него даже нашлись добрые слова в адрес Маргарет: он сквозь зубы признался, что она была очень полезна ему в Лондоне.

– А как тебе нравится Лондон? – спросил я, думая о том, как он неплохо устроился, но Дерри скорчил гримасу и ответил, что рассчитывал увидеть здесь город-сказку, хотя быть ирландским католиком в Лондоне ничуть не лучше, чем чернокожим в Америке до Гражданской войны.

– Но теперь, когда ты здесь, я уже не чувствую себя таким чужаком, – с облегчением проговорил он. – Ты надолго?

Я понятия не имел, но вскоре Сара заговорила, что мы не можем бесконечно злоупотреблять гостеприимством Маргарет и почему бы нам не купить собственный дом? Я не мог не признать, что в этом есть смысл, и мы начали проводить целые дни в поисках дома. У меня это не вызывало ничего, кроме скуки, но Сара наслаждалась каждой минутой, и, когда мы выбрали дом на Курзон-стрит, она с огромным энтузиазмом принялась подыскивать мебель. Поскольку жена отдавалась этому занятию с утра до вечера, мне наконец удалось выкроить время для резьбы, и я вырезал американского бурундука – увы, он не удался – и бордюр с белочками, который получился гораздо лучше. Я использовал сосну – мягкое дерево, а фоном сделал растения, листья, желуди. После этого почувствовал себя великолепно. Когда закончил бордюр, Сара все еще занималась домом, так что я мог посвятить время Дерри, чтобы он перестал чувствовать себя чужим в Лондоне. На Парк-стрит недавно открылся новый клуб «Альбатрос», и я записал себя и Дерри в его члены. Членами были и несколько человек, которых я знал по Оксфорду, и воспоминания о наших совместных развлечениях в прошлые времена должны были наверняка понравиться Дерри. Предполагалось, кажется, что у клуба есть некие туманные политические цели, но о политике никто не говорил. Туда приходили пообедать, выпить хорошего бренди, а потом там все время играли, так что место вошло в моду. Дерри в клубе ужасно понравилось.

К Рождеству я так вошел во вкус, что больше уже не тосковал по Вудхаммеру, как это обычно случалось со мной в Лондоне. Да что там говорить – я с удивлением вспоминал времена, когда Лондон мне не нравился, хотя на самом деле объяснялось это просто: прежде я никогда не был в Лондоне с Дерри.

Я все же подумывал, не провести ли Рождество в Вудхаммере, но в итоге смирился и решил остаться в Лондоне, где Сара в канун Нового года

собиралась устроить грандиозный бал по поводу новоселья. Должен отметить, что она умела устраивать такие вещи и все, начиная с принца Уэльского, были приятно поражены. Дом вполне подошел бы и для королевской семьи, и, хотя некоторая чрезмерность в обстановке свидетельствовала об американских вкусах, ничего вульгарного в выборе Сары не было. Я подумал, что это, вероятно, стоило кучу денег, но в конечном счете человек моего положения должен иметь приличный дом в Лондоне, о чем я и сообщил Филдингу, когда он известил меня, что начали приходить счета. Я сохранил Филдинга, секретаря моего отца, чтобы он занимался адресованными мне письмами о пожертвованиях и следил за оплатой счетов; он взаимодействовал с семейными адвокатами, которые при необходимости инструктировали его. Вообще-то, я был недоволен, когда Филдинг сообщил мне о счетах, поскольку я его для того и держал, чтобы не думать о всяких скучных вопросах. Дерри как-то раз заметил, что самое приятное в богатстве – это отсутствие необходимости считать деньги.

С наступлением нового года Дерри сделал предложение Кларе, она ответила согласием, и мы, чтобы отпраздновать это событие, отправились в клуб, где он выиграл чуть не пятьсот фунтов в «мушку». «Вот это отметили!» – подумал я, когда мы пили шампанское, а Дерри решил, что судьба наконец-то заметила его, он чувствует это своими костями. На следующий день он отказался от места в Министерстве по делам колоний и сообщил, что до свадьбы будет джентльменом свободных занятий.

– А почему бы и нет? – согласился с ним я, ведь если мы оба будем джентльменами свободных занятий, то у нас появится еще больше времени вместе получать удовольствие от Лондона, и после того, как он наносил визит Кларе, мы могли распорядиться собой, как нам угодно.

О Саре я мог не беспокоиться – она была слишком занята своими светскими визитами и портнихами, к тому же Маргарет в моем присутствии намекнула ей, что мое желание помочь Дерри провести последние холостяцкие деньки вполне естественно. Одно небольшое недоразумение случилось, когда нам пришлось перенести на осень наше путешествие по Европе, потому что свадьба ожидалась весной, но Сара легко согласилась, поскольку при таком раскладе она на весь сезон оставалась в Лондоне.

Я решил подарить Дерри на свадьбу дом. Он ведь женился на богатой невесте, и я не мог допустить, чтобы мой друг шел к алтарю с пустыми руками, это было бы для него унижительно. Я купил миленький небольшой дом за углом от Кларджес-стрит, и Клара пришла в восторг. Дерри

пребывал в некотором недоумении – ему нужно было обставить дом, и, когда я добавил стоимость мебели к моему подарку, Филдинг снова разволновался в связи со счетами. Филдинг стал меня раздражать. Я начал серьезно задумываться о том, чтобы уволить его и нанять кого-нибудь помоложе.

Дерри не ошибся, когда говорил, что судьба повернулась к нему лицом, потому что в начале года ему необыкновенно везло в картах. Признаюсь, я начал ему завидовать, в особенности когда пережил полосу серьезных проигрышей, но в азартных играх есть своя положительная сторона: пусть тебя преследуют неудачи, но при следующей сдаче судьба может повернуться к тебе, так что ты никогда долго не остаешься в минусе.

Наступила весна. Я не знал, приедет ли на свадьбу какая-нибудь из моих сестер, – нет, не приехали. Маделин была занята строительством амбулатории в Клонарине – я был вынужден финансировать это предприятие, когда архиепископ не дал денег, а правительство не стало брать на себя ответственность за проект. Катерин же категорически отказалась принять Дерри, не говоря уже о том, чтобы присутствовать на его свадьбе.

«Не могу найти в сердце слов, чтобы поздравить Клару, – невелико счастье выйти замуж за сына ирландского крестьянина», – написала она в своей безрассудно-высокомерной манере, после чего мне ничего не оставалось, как только принести Дерри извинения за то, что у меня такая сестра.

– Ну, я бы не стал беспокоиться из-за леди Дьюнеден, – ответил Дерри с легкой скорбной улыбкой, которую он обычно адресовал тем, кто оскорблял его, – очевидно же, что она завидует Кларе: та выходит замуж за человека, который на сорок лет моложе ее мужа и, уж конечно, гораздо более привлекательный.

Я подумал, что, вероятно, так оно и есть, хотя Катерин, казалось, была абсолютно счастлива с Дьюнеденом, и даже Маргарет призналась, что ее брак оказался счастливее, чем она надеялась. У Катерин не было детей, впрочем я подозревал, что у нее случились один-два выкидыша, и Дьюнеден относился к ней так, словно та была бриллиантом из короны, слишком священным, чтобы к нему можно было прикоснуться. Старики иногда выставляют себя такими дураками, не раз говорил мне Дерри.

Я устроил Кларе великолепную свадьбу. Пришло пятьсот гостей, потому что девушка имела хорошие связи благодаря родителям. Несмотря на отказ Катерин, многие хотели пожелать невесте счастья. Кроме того, мы с Сарой произвели в Лондоне такой фурор, что любая свадьба, в которой

мы принимали участие, была обречена на успех. Поэтому свадьба Дерри и Клары прошла великолепно. Венчались в церкви Святого Иакова на Пиккадилли после небольшой закрытой службы в церкви Иезуитов на Фарм-стрит, затем молодые на шесть недель уехали в Италию, но у меня даже не было времени скучать по Дерри, потому что нас с Сарой немедленно увлек вихрь лондонского сезона.

– Ах, как это восхитительно! – воскликнула сияющая Сара и заказала двадцать пять новых бальных платьев во имя joie de vivre^[7].

Лето прошло на свой манер удивительно. Придворные круги, конечно, по-прежнему оставались невыносимо скучными, а королева с каждым днем увеличивала рекорд своей непопулярности, но люди из круга Мальборо-хауса были ловкими чертями, и жизнь там кипела бурно. Я, конечно, был не прочь позабавиться, как и все другие, а поскольку Сара пользовалась успехом, не только гордился, но и с облегчением радовался тому, что она счастлива. Я не мог не пожалеть, что в первую годовщину нашей свадьбы не имелось ни малейшего намека на сына или дочь, но, поскольку Сара не сетовала, не хотелось поднимать эту тему. Про себя я надеялся, что беременность позволит опять отложить поездку на Континент, но такие мысли вызывали у меня чувство вины, поскольку я знал, что Сара будет разочарована. Надеялся только, что сомнительная международная ситуация даст мне необходимый предлог, когда подойдет осень. Этот зануда Бисмарк снова вышел на тропу войны, и все французы свихнулись от паники.

Когда Дерри и Клара в начале августа вернулись после медового месяца, то присоединились к нам в Каусе, где уже начался яхтенный сезон, а вскоре, когда пришло время уезжать, я пригласил их к нам в Вудхаммер.

– Ты что сделал?! – воскликнула Сара, когда я упомянул ей о моем приглашении.

– Ну, ты же знаешь, как тебя одолевает скука в Вудхаммере. Я подумал...

– Скука будет одолевать меня еще сильнее, когда ты станешь целыми днями пропадать с Дерри, а мне придется развлекать эту отвратительную маленькую ломаку Клару! И потом, ты не забыл, что нас пригласили в Шотландию к...

– Мы не едем в Шотландию, – возразил я. – Мы едем в Вудхаммер.

– Но...

– Мы едем в Вудхаммер.

Я со всех сторон человек сговорчивый, но вполне способен держаться раз принятого решения.

– Хорошо, – согласилась Сара, у которой на щеках проступили алые

пятна. – Но без Дерри и Клары.

– Черт побери, Сара, им больше некуда ехать, и они не могут торчать в городе в августе.

– Они мне не нужны в Вудхаммере! – истерически воскликнула Сара. – Я и без того достаточно долго мирилась с их присутствием!

– Как ты можешь это говорить, когда они только-только вернулись после медового месяца – и недели не прошло?

– Разве я не мирилась с ними с того самого дня, как мы уехали в октябре из Вудхаммера в Лондон? Да вы с Дерри ни на шаг друг от друга не отходите, это уже невыносимо! Маргарет просила, чтобы я мирилась с этим, пока он не женится, но больше, что бы она ни говорила, я терпеть не собираюсь.

Меня это убило. Я и понятия не имел, что ее одолевают такие сильные чувства, но все же мне ее слова показались чрезмерными. Разве человек не должен время от времени встречаться со своим лучшим другом? Чувствуя потребность в дружеской помощи, я, как всегда, обратился к Маргарет, но, к моему удивлению, она была со мной очень холодна и заявила, что мне пора оставить Дерри – пусть живет своим умом.

– Ты сделал все, что может сделать друг, и даже больше, – откровенно сказала она. – Теперь он какое-то время должен жить собственной жизнью и не зависеть от тебя. Пусть найдет кого-нибудь другого, кто бы пригласил его пожить за город.

– Но у него нет других настоящих друзей. У меня ведь есть какие-то обязанности.

– Да, есть! – воскликнула Маргарет с таким напором, что я вздрогнул. – Но твои обязанности не перед Дерри, а перед Сарой. – И она посмотрела на меня взглядом, который проделал бы дыру в двухдюймовой доске самого твердого дерева.

– Хорошо. – Я сдался: спорить с ней и дальше было бесполезно. – Возможно, ты права, но я уже пригласил Дерри. Я же не могу теперь сказать ему: «Нет, не приезжай».

– Поскольку ты его единственный друг, не сомневаюсь, что он поймет, если ты извинишься и скажешь, что вынужден изменить планы.

Все это было чертовски неловко, но, к счастью, мне стало известно, что в двух милях от Вудхаммера сдается маленькое поместье под названием Бингхам-Чейз, и я тактично посоветовал Дерри снять его под тем предлогом, что Кларе, может, понравится пожить в своем маленьком имении за городом этим летом. Пришлось аккуратно подбирать слова, чтобы не задеть его чувства, а Сара тем временем устроила жуткий шум,

узнав, что Странаханы будут нашими соседями. Но ведь она не сетовала на их соседство в Лондоне, а потому я понять не мог, с чего это она так разъярилась, но, чтобы успокоить ее, я завел разговор о нашей скорой поездке на Континент, и Сара пришла в чувство – принялась разглядывать карты и путеводители. Опасность начала Франко-прусской войны была велика, поэтому я предупредил, что разумнее воздержаться от посещения Парижа, но путешествие морским путем в Италию было вполне безопасным. К тому же Италия привлекала меня больше Франции. Мне нравились итальянские краски и формы кипарисов, дворцы и картины, мрамор и бронза, вино и смех. И этот красивый, изящный язык.

– Вот подожди – увидишь Флоренцию, – горячо убеждал я Сару и, к своему удивлению, обнаружил, что и сам вовсе не против этого путешествия.

Я написал моим юристам, что мне необходимы деньги для трехмесячного пребывания за границей, и за день до нашего предполагаемого отъезда из Лондона в Вудхаммер ко мне на Курзон-стрит неожиданно зашел мистер Ратбон из «Ратбон, Армстронг и Мазер».

Мистер Ратбон вовсе не был желчным стариком, какие часто встречаются среди семейных адвокатов. Ему еще не исполнилось и сорока, одевался он со вкусом и носил длинные бакенбарды на манер лорда Дандриари^[8]. «Но молодой Ратбон очень благоразумный человек, – сказал мой отец, когда умер старик Ратбон. – Он вполне может делать то, что делал и его отец».

По какой-то причине я всегда раздражался, вспоминая это замечание, хотя при встречах с Ратбоном старался прогонять всякие предубеждения.

– Лорд де Салис, – проговорил он, засвидетельствовав мне почтение на свой обычный манер, – к сожалению, мне необходимо обсудить с вами один деликатный и неприятный вопрос.

Я понятия не имел, о чем он ведет речь, а потому предупредил, что у меня через полчаса назначена встреча за ланчем, и попросил его изложить свою проблему как можно скорее.

– Конечно, милорд. Речь идет, к сожалению, о финансовой ситуации вашей светлости.

– Да-да, – пробормотал я, подавляя зевоту. – Вы подготовили деньги для моей поездки в Италию?

– Милорд, – заявил Ратбон, – дела обстоят таким образом, что в настоящий момент для вашего предполагаемого путешествия в Италию не имеется средств.

Я сразу же понял, что он сошел с ума. Вот я сижу тут в собственном

доме на Курзон-стрит, владею Вудхаммер-холлом и Кашельмарой, имею годовой доход в бог его знает сколько тысяч фунтов и при этом не могу наскрести какие-то жалкие фунты, чтобы съездить с женой в Европу?

– Ваша светлость задолжали банкирам значительные средства, – пояснил Ратбон.

– Ну и что? Разве банкиры не для этого и существуют?

– Лорд де Салис, наступает момент, когда даже банкиры подводят черту. А кроме банкиров, есть, к сожалению, еще и займодавцы. Мне нанес визит некто мистер Голдфарб с Бред-лейн.

– А, это карточные долги. Я надавал расписок приятелям в клубе, а когда пришел срок покрыть долги, мистер Голдфарб помог мне. Он друг капитана Дэнзигера, секретаря клуба, и был очень любезен.

– Даже мистер Голдфарб не может быть любезен вечно, милорд...

– Пойдите... – прервал я стряпчего, решив, что уже наслушался этой белиберды. – Да, я в этом году потратил немало денег, но я небедный человек и не понимаю, с чего это мои кредиторы так всполошились. В Лондоне, вероятно, много людей, чьи долги намного превосходят мои.

– Милорд, я не могу вам советовать пополнять их ряды. Считаю, вам необходимо уменьшить объем ваших долгов, прежде чем они достигнут таких размеров, что вам придется расставаться с вашей собственностью. Вот почему я, положив руку на сердце, не могу рекомендовать вам поездку с женой в дорогостоящее путешествие в настоящее время.

– Мне очень жаль, но я не могу разочаровать жену. Мне нужны деньги. Обратитесь к другому банкиру и получите их.

– Милорд, я сомневаюсь, что сегодня в Лондоне найдется банкир, который кредитовал бы вас, не взяв под залог ваше имущество.

– Ну и дайте им под залог то, что они попросят! Бога ради, Ратбон, разве я не ясно сказал?

Последовала пауза.

– Ваша светлость дает мне поручение отдать в залог Вудхаммер-холл?

– Что?! – Я вскочил со стула.

– Другого способа получить деньги нет, милорд. Ваши долги слишком велики.

– Никто и пальцем не прикоснется к Вудхаммеру!

– К Кашельмаре тоже никто не прикоснется, потому что это майорат, милорд, – возразил Ратбон.

– Но майорат можно отменить, в особенности в Ирландии! Парламент после голода выпустил какой-то акт, который разрешал почти всем отменять майорат, чтобы появилась возможность продавать имение.

– Акт о закладе имения не распространяется на Кашельмару, милорд.
– Почему нет, черт побери?
– Потому что на Кашельмару распространяется ограниченное право собственности, а конечное имущественное право принадлежит короне. Иными словами...

– Да говорите уже, ради бога!
– Королева Елизавета даровала вашим предкам эти земли при условии, что они будут наследоваться по мужской линии. Было и еще одно условие: если мужская линия по каким-либо причинам пресечется, то имение отходит к короне. Эти условия исключают возможность отмены майората. Ситуация редкая, но довольно известная. Герцог Мальборо, например...

– Меня не интересует герцог Мальборо!
– Хорошо, милорд, тогда я только повторю, что в сложившихся обстоятельствах Вудхаммер является вашим единственным имуществом, которое подлежит залогу.

Я опустил на стул.
– Не говоря уже о вашей поездке на Континент, милорд, я рекомендовал бы вам выплатить не менее тридцати тысяч фунтов ваших долгов, в противном случае при самом скромном существовании вы не сможете выплачивать даже проценты по основной сумме долга. Может быть, если вы продадите дом в Лондоне...

– Нет, – перебил я и попытался представить, как на это прореагировала бы Сара. – Нет, это исключено.

– Тогда, может быть, часть земли Вудхаммера...
– Никогда! – в ярости воскликнул я.
– Что ж, в таком случае, милорд, я бы вам советовал консолидировать ваши долги, заложив Вудхаммер-холл, и если вы все еще собираетесь в Италию, то боюсь, что от средств, полученных по закладной, почти ничего не останется.

Но мысль о том, чтобы заложить Вудхаммер, не укладывалась в моей голове.

– Должен быть и какой-то другой способ, – упрямо проговорил я.
– Если вы отказываетесь продавать что-либо из вашей собственности, то такого способа нет, – отрезал Ратбон. – К тому же мистер Голдфарб начисляет сорок процентов годовых на ваш долг. Если вы не уменьшите ваши долги, то хотя бы консолидируйте их и выплачивайте приемлемые проценты уважаемому кредитору.

Я отчаянно искал какой-то выход. Может быть, Фрэнсис Мариотт ссудит мне какие-нибудь деньги, но я не хотел одалживаться у тестя. Был

еще кузен Джордж. Он, не имея детей, владел неплохим состоянием. Был еще муж Катерин Дьюнеден. Он тоже не нищенствовал. Просить деньги у моего кузена или зятя мне хотелось не больше, чем у моего тестя, но они, по крайней мере, были английскими джентльменами, и я знал – они понимают, что у человека время от времени могут возникать трудности.

– Я добуду деньги другим способом, – жестко сказал я. – Я дам вам знать, когда все устрою. До свидания, мистер Ратбон.

Закончив таким резким манером наш разговор, я позвал дворецкого, чтобы тот проводил адвоката до двери.

2

Саре про визит Ратбона я не сказал. Не видел нужды говорить ей о трудностях до нашей поездки за границу, хотя здравый смысл подсказывал – придется предупредить ее, чтобы она отказалась от чрезмерных трат. Но моя первоочередная задача состояла в том, чтобы проинформировать не Сару, а кузена Джорджа и Дьюнедена, и я, стиснув зубы, заставил себя написать необходимые письма. Я старался писать непринужденным тоном, чтобы не прозвучали нотки отчаяния, но одновременно давал понять, что попал в затруднительное положение. Мне, конечно, и прежде приходилось время от времени брать в долг, но никогда у кузена и зятя. И только немного. Поэтому я очень нервничал, ожидая в Вудхаммере их ответов.

Ответа мне пришлось ждать две недели, но, еще не получив их совместного ответного письма, я начал подозревать, что они сносят друг с другом. Дьюнеден находился в своем имении в восьмидесяти милях от Кашельмары, и кузену Джорджу ничего не стоило приехать к нему из Леттертурка на военный совет.

«Мой дорогой Патрик, – написал Джордж; тон его письма был такой холодный, что у меня не осталось никаких сомнений: он писал его под диктовку Дьюнедена. – Мы с лордом Дьюнеденом получили твои письма от 23-го числа, и, поскольку я имел удовольствие обедать с ним сегодня, мы сочли, что имеем основания подробно обсудить твою ситуацию. Однако мы пришли к выводу, что многие детали нам неизвестны, и мы будем признательны, если ты сможешь встретиться с нами в самое ближайшее время, чтобы мы могли узнать их от тебя. Я бы предложил побеседовать в Кашельмаре в конце недели, пятнадцатого августа. Пожалуйста, дай мне

знать о твоём отношении к такой встрече, чтобы мы могли произвести необходимые приготовления. Остаюсь твоим любящим кузеном...»

У меня не оставалось выбора – только ехать. Я предупредил Сару, что возникла некая кризисная ситуация и Макгоуан вызывает меня; она весьма сочувственно отнеслась к этому. Даже предложила поехать со мной, что, на мой взгляд, было чертовски благородно с ее стороны, ведь жена ненавидела Кашельмару. Но я, конечно, настоял на том, чтобы она осталась в Англии. К счастью, поскольку с нами собирались побывать Маргарет с мальчиками, мне не пришлось настаивать слишком долго. Но с Дерри я мог позволить себе больше откровенности. Я ему уже сообщил об ужасной беседе с Ратбоном, а теперь с облегчением поделился страхом перед приближающимся разговором в Кашельмаре.

– Джорджа я не опасюсь, – рассуждал я. – С ним я могу встретиться в любой день, но Дьюнеден – он совсем из другого теста. Я теперь жалею, что и его втянул, но для одного Джорджа такая сумма была бы неподъемной, а больше мне обратиться не к кому. Бог мой, Дерри, я бы хотел, чтобы ты был со мной! А то я боюсь, как мышь. И мне даже не стыдно в этом признаться.

– Я поеду с тобой, если хочешь, – сразу же согласился он. Нет на земле друзей лучше Дерри. – Мне наплевать и на этого старого седобородого козла, и на потрепанную толстую жабу.

И он так похоже изобразил кузена Джорджа, наставляющего меня, что я не мог удержаться от смеха, а посмеявшись, почувствовал себя лучше и уже не так боялся предстоящего мне испытания.

– Нет, – отказался я, собирая все свое мужество. – Я сам залез в эту яму – сам должен и выбираться. Было бы несправедливо еще и тебя заставлять мучиться. Оставайся с Кларой и почитай за меня новенну или соверши какой-нибудь другой католический ритуал, которые ты так любишь.

Он стал возражать, но я проявил твердость и на следующее утро, приняв самое свое отважное выражение, отправился в муторное путешествие в Ирландию.

Когда добрался до Кашельмары, шел дождь, а в доме стояла сырость, как в склепе. Присев у камина в библиотеке, я выпил много горячего бренди с водой, прежде чем набраться мужества и подняться в мою комнату, но на следующее утро из носа у меня потекло, и я проникся невыносимой жалостью к себе. Дождь еще не кончился. Озеро имело цвет закопченного стекла, а на горах лежал густой туман. Делать мне больше было нечего, и я снова устроился у огня в библиотеке с горячим бренди и

водой, и вот, когда я уже почувствовал себя лучше, появились кузен Джордж и Дьюнеден, и я опять ощутил себя больным, как голодранец в тюрьме.

Мне и в голову не приходило, почему они решили встретиться со мной в Кашельмаре вместо Дьюнеден-касла или Леттертурка, но ответ вскоре стал мне ясен. Мои инквизиторы хотели поговорить с Макгоуаном, посмотреть книги и убедиться, что имение управляется в моих наилучших интересах.

– Патрик, откровенно говоря, – сказал Дьюнеден своим хорошо поставленным голосом, – я никак не могу поверить, что ты жил настолько не по средствам, что тебе нужен кредит в таких огромных размерах.

– У меня в этом году было много крупных расходов, – смиренно объяснил я.

Понимая, что лучше молчать о громадных проигрышах в карты или о свадьбе Дерри, я сказал только:

– Господи, Джордж, ты же не ждешь, что я предоставлю список трат. Поговори с Ратбоном, если тебя интересуют подробности, но лично я не понимаю, зачем нужна такая вьедливость.

– Мой дорогой Патрик, – заявил Дьюнеден, напомнив мне своим тоном отца, – ты просишь нас дать тебе в долг значительную сумму. Полагаю, мы в таких обстоятельствах обязаны поинтересоваться твоими финансовыми делами.

– Да, конечно, – пробормотал я, спеша успокоить его. – Это я понимаю. Хорошо. Так с чего мы начнем?

Что за ужасный это был день! Вызвали Макгоуана, принесли бухгалтерские книги, исследовали каждый пенс дохода с имения. Следующие три дня мы объезжали имение (дождь шел непрерывно) и инспектировали все на месте. Кузен Джордж заметил, что арендная плата скандально низка, потому что для многих арендаторов она не поднималась с начала пятидесятых, и Дьюнеден тоже счел это ошибкой – арендная плата должна быть поднята до реальных сумм.

– Как только ирландцы привыкают к крыше над головой за гроши, – заявил он, – они будут ногтями и зубами отбиваться, чтобы не платить больше.

А кузен Джордж добавил:

– Ты им дай палец – они оторвут всю руку. И потом, это для их же блага, Патрик. Если ты обанкротишься, то это им не поможет. А я видел много погибших имений после голода и знаю, как арендаторы страдают в таких обстоятельствах.

Несмотря на все это, Макгоуан, хотя и неохотно, был признан честным, а его работа – вполне приемлемой.

– Так, – подвел итог Дьюнеден, когда Макгоуану были даны поручения относительно новой арендной платы, – с Кашельмарой мы разобрались. Теперь требуется заняться Вудхаммером.

Я пытался возражать, но это было бесполезно, потому что они держали меня на коротком поводке, и мы все это понимали. Я оказался в очень неловком положении – пришлось объяснять Саре, почему я посвящаю моих родственников в свои дела, и весь этот несчастный процесс, который мы прошли в Кашельмаре, начался снова.

По иронии судьбы я всегда был совершенно уверен: в Вудхаммере все организовано идеально, но оказалось, старик Мейсон, мажордом, стал давать слабину, и доходы резко упали. Кроме того, по всей стране в сельском хозяйстве наблюдался спад. Не знаю почему, но кузен Джордж винил во всем падение урожаев, а Дьюнеден – увеличивающуюся экономическую мощь Соединенных Штатов, но я уверен, что оба они ошибались. Как бы то ни было, после недели, проведенной в Вудхаммере, Дьюнеден заявил, к моему ужасу, что мы должны ехать в Лондон и поговорить с мистером Адольфусом Ратбоном из «Ратбон, Армстронг и Мазер».

Остановить его я не мог. Два дня спустя я сидел в маленькой столовой моего дома на Курзон-стрит и в отчаянии слушал, как Ратбон беспечно рассказывал о городских домах, шикарных многолюдных свадьбах, амбулаториях на западе Ирландии, бесчисленных бальных платьях и последнее, хотя и самое неприятное, о мистере Голдфарбе с Бред-лейн и его убийственных процентах.

В довершение всего до Дьюненена дошли слухи о том, что я как-то раз в «Альбатросе» за один вечер просадил три тысячи фунтов. Я понял, что мне если что и светит, так это крупная взбучка.

К этому времени я пребывал в смешанных чувствах: злость, негодование, униженность. Был вне себя от ярости, что они сочли возможным совать нос в мою жизнь, и хотя я признавал их право знать, как обстоят мои дела, но все же полагал, что между джентльменами заем либо дается, либо нет, без всяких вопросов. И только из-за того, что я их родственник, они осмелились разобрать по косточкам мои дела. Еще я пребывал в ярости оттого, что меня унижают перед моим юристом и моими слугами, относясь ко мне как к неразумному ребенку, который не в состоянии содержать свой дом в порядке. Я знал, что вел себя глупо, – тут и возразить нечего. Но все совершают ошибки, и мое глупое поведение не

сделало меня никчемным мошенником, как явно считали они. Единственная причина, почему я играл с ними в эту игру, состояла в том, что мне отчаянно требовались деньги, но в конце я даже начал сомневаться: не слишком ли высокую цену плачу, подвергаясь такому унижению со стороны родственников?

Час расплаты настал в одно прекрасное утро, когда мы собрались в гостиную дома Дьюнедена на Брутон-стрит. Дьюденен, видимо осознавая, что, ввиду отсутствия кровного родства со мной, его высокомерная позиция будет более непозволительной, назначил говорить от имени их обоих кузена Джорджа.

– Итак, Патрик, – заявил, как всегда напыщенно, кузен Джордж, – мы наконец пришли к решению.

Чертовски мило с вашей стороны, в ярости думал я, но мне удалось придать лицу вежливо-вопросительное выражение.

– Мы решили дать тебе деньги...

У меня вырвался вздох облегчения.

– Это очень достойно с вашей стороны, – искренне сказал я. – Огромное спасибо.

– На определенных условиях, – добавил Джордж, даже не дав себе труда ответить на мои слова благодарности. Пошло-поехало, подумал я. – Прежде всего совершенно очевидно, что в течение следующих двух лет тебе придется жить скромно, пока твои долги не будут уменьшены до приемлемого уровня.

– Да, конечно, – согласился я. – Уверен, что не буду против круглый год проводить в Вудхаммере.

Я старался не думать о том, как на это прореагирует Сара, и сказал себе, что буду возить ее в Лондон на короткое время.

Но Дьюденен, черт его побери, точно знал, о чем я думаю.

– Патрик, Вудхаммер уж очень близко к Лондону, – заметил он. – А в Лондоне слишком много искушений, чтобы потратить деньги. К сожалению, мы должны посоветовать тебе закрыть Вудхаммер по меньшей мере на два года, а дом в Лондоне на Курзон-стрит сдать, чтобы увеличить доходы. Твой кузен и я возьмем документы на право собственности этим лондонским домом в качестве обеспечения той крупной суммы, которую мы тебе предоставим. На мой взгляд, этот городской дом не имеет смысла продавать, поскольку ты не окупишь безумных затрат на него. Лучше его сохранить, если можешь, исходя из предположения, что стоимость недвижимости будет возрастать.

– Но послушайте, – встревожился я, – если нельзя жить в Лондоне и

вы не позволяете мне жить в Вудхаммере, то где, черт возьми, нам жить?

Я знал ответ, еще не закончив вопроса. Именно тогда впервые понял, что на самом деле значит фраза «испугаться до смерти».

– Конечно в Кашельмаре, – удивленно ответил кузен Джордж. – Где же еще?

Я открыл было рот, чтобы сказать «Никогда!», но тут же закрыл его. Лучше пока подыгрывать им. Сейчас был самый неподходящий момент заявлять, что никакие канаты в мире не могут снова привязать меня к Кашельмаре.

– Не стану притворяться, я бы лучше себя чувствовал в Вудхаммере, – заявил я после неприлично длинной паузы, – но если вы говорите, что я должен жить в Кашельмаре, вероятно, так тому и быть. Есть ли еще какие-то условия?

Роль спикера теперь взял на себя Дьюнеден:

– Ты должен дать нам слово, что не будешь участвовать ни в каких азартных играх ни сейчас, ни в течение ближайших двух лет.

– Хорошо. Знаю, что вел себя глупо. Я дам вам слово. Когда я смогу получить деньги?

– Есть еще одно условие, о котором мы пока не говорили.

– Да? – Я едва скрывал раздражение. – Какое?

– Мы категорически требуем, чтобы ты в будущем разорвал все контакты с Родериком Странаханом.

Последовала еще одна пауза. Лучи утреннего солнца наискосок падали на роскошный аксминстерский ковер^[9], под открытым окном по Брутон-стрит в направлении Беркли-сквер прогрохотали два ландо.

Я встал. Наступает момент, когда мужчина должен встать, и хотя я знал за собой много недостатков, но знал еще и одну добродетель, которую никто никогда не подвергал сомнению.

Я всегда предан друзьям.

– В таком случае, джентльмены, – заявил я, – нам больше нечего обсуждать. Сохраните при себе ваши деньги. Я не торгую моей дружбой с Родериком Странаханом, какую бы цену мне ни предлагали, даже ту, которую хотели предложить вы.

Это потрясло их. Они уставились на меня, словно не могли поверить своим ушам, и, видя ошеломленное выражение на их лицах, я наслаждался местью за все их сование носа в мои дела, проповеди и диктаторские требования.

– Ты, конечно, говоришь это не всерьез, – выдавил наконец Дьюнеден.

– Ты не можешь себе позволить поступить иначе! – вскипел кузен

Джордж, горячася на свой обычный манер.

Я не мог себе вообразить другого замечания, которое придало бы мне больше решимости отказаться от их денег.

Дьюнеден смотрел на меня глазами серыми, как озеро во время дождя в Кашельмаре. Внешне он ничуть не походил на моего отца, но все же очень напоминал его. И вдруг непонятно почему я вспомнил давний разговор с отцом, он тогда предупреждал меня об опасностях мира и об отталкивающих сторонах половых отношений. Каждый раз вспоминая этот разговор, я чувствовал себя больным, как и в тот миг, глядя в глаза Дьюнедена. В них я увидел скрытое выражение, которого поначалу не смог понять. Потом догадался, что он жалеет меня, и от этого так разозлился, что тут же перестал чувствовать себя больным. Возможно, я и запутался в своих финансовых делах, но ни один человек не имеет права смотреть на меня с жалостью или презрением, и уж никак не тот, кто предложил мне заем на таких чудовищных условиях и почти три недели превращал мою жизнь в ад.

– К чертям вас обоих! – бросил я, возвращая его презрение и позволяя себе роскошь сказать ему без обиняков, что он может делать со всеми своими грязными деньгами. Потом развернулся, вышел из дома и взял кеб до Темпл-Бара.

Полчаса спустя я сидел перед Ратбоном в его кабинете в Саргентс-Инн и давал ему указания заложить Вудхаммер-холл.

Глава 4

1

Когда дело было сделано, настроение у меня улучшилось, и я с облегчением понял, что в закладе имущества нет ничего такого уж страшного. Напротив, Ратбон был очень доволен и отметил, что я сделал большой шаг к выходу из моих трудностей, позволяющий консолидировать мои долги.

– Но тем не менее, милорд, – предупредил он меня, – вам категорически рекомендуется вести некоторое время скромный образ жизни, если вы не хотите оказаться перед необходимостью продавать ваше имущество.

– Да, конечно, – мягко ответил я. – Понимаю.

Я испытал такое облегчение, освободившись от кузена Джорджа и Дьюнедена, что меня не могла расстроить даже мысль о будущей скромной жизни. От Ратбона я поехал домой по залитым солнцем улицам, в тот же самый день вернулся в Вудхаммер и с радостью сообщил Саре, что наши неприятности на ближайшие месяцы преодолены.

– Значит, мы сможем прямо сейчас поехать за границу! – воскликнул я, с любовью целуя ее. Я так радовался тому, что не разочарую ее отказом от наших планов.

Мы прекрасно провели время на Континенте, хотя на севере бушевала Франко-прусская война, а поскольку Париж находился в осаде, у меня не осталось выбора – лишь держаться моего плана и плыть прямо в Италию.

– Если бы мы не откладывали нашу поездку столько раз! – Сара пыталась говорить с одним лишь сожалением, но скрыть обвинительной интонации ей не удалось. – Теперь я не увижу империю во всей ее славе. Все говорят, что Париж больше никогда не будет таким, как прежде.

К счастью и к моему большому облегчению, итальянское общество открыло нам свои двери, стоило только ступить на итальянскую землю. Когда же нас забросали приглашениями в загородные имения, городские особняки, оперы, театры и салоны, Сара быстро отошла от своего разочарования. Жена пользовалась большим успехом; к поездке она обновила гардероб, и, хотя я немного устал от утомительной светской жизни в Риме, Венеции и во Флоренции, но гордился, когда видел, какое

Сара производит впечатление на итальянцев своим изяществом. Нам все же удалось урвать пару спокойных дней у северных озер, и я написал несколько восхитительно ярких акварелей озер Комо и Маджоре. Я был бы счастлив рисовать целыми днями, но Сара сетовала на мое пренебрежение, а ее беспокойство напоминало мне, что еще предстоит объяснить ей, какую жизнь нам придется вести в будущем.

Я сообщил ей эту новость на пыхтевшем парходике, который перевозил нас через Ла-Манш, рассекая бурлящее декабрьское море на пути к Дувру. Домой мы ехали через Швейцарию и новое государство Германия, в обход несчастного голодающего Парижа (должен признаться, что в тот момент я был настроен антипруссски не менее, чем принц Уэльский), а на парход сели в Остенде.

– Сара, дорогая, – осторожно сказал я, – нам в течение нескольких месяцев придется экономить, пока мои дела не поправятся. Знаю, это ужасно грустно, но теперь, когда Вудхаммер в закладе, я просто должен быть осторожен. Ты меня понимаешь?

– Да, конечно, – ответила Сара. – Я сокращу список приглашенных на новогодний бал.

Мне стало нехорошо.

– Сара, нам лучше отменить наши планы устроить бал в этом году. Дело в том...

– Отменить бал?! – Она посмотрела на меня как на сумасшедшего. – Но каким образом? Люди ждут, что мы повторим прошлогодний успех!

– Поделаться с этим ничего нельзя. Нам, к сожалению, придется уехать в Вудхаммер и какое-то время пожить тихой сельской жизнью. Более того, я собираюсь сдать городской дом на год.

– Сдать городской дом?!

Если бы я предложил ей проехать голой по Курзон-стрит, это напугало бы ее меньше.

– Может быть, еще не буду сдавать, – поспешил успокоить я жену. Мне ужасно не хотелось ее огорчать. – Но мы должны ограничить наше пребывание в Лондоне, потому что оно стоит нам кучу денег.

– Да прекрати ты говорить о деньгах! – взорвалась Сара, которая уже дошла до белого каления. – Я не приучена считать гроши и не понимаю, почему должна учиться этому теперь только из-за того, что ты напиваешься с Дерри Странаханом и проигрываешь кучу денег!

– Это не имеет никакого отношения к Дерри.

– Имеет! И еще какое! – кипела она. Мы стояли у окна на закрытой палубе, а под ногами у нас покачивалась палуба, такая же неустойчивая,

как наш брак. Глаза Сары порыжели, губы растянулись в жесткую сердитую линию. – И я тебе вот еще что скажу, – добавила она. – Я не собираюсь жить в Вудхаммере, пока он обитает за рекой в Бингхам-Чейзе. И в Лондоне я не останусь, пока он живет за углом на Кларджес-стрит. Я его ненавижу и презираю. Всегда так к нему относилась и всегда буду, и, если бы я до свадьбы знала, что ты каждый день собираешься встречаться с ним, можешь не сомневаться, я разорвала бы обручение и осталась в Америке.

– Бог ты мой, жаль, что не осталась! – в ярости воскликнул я и отвернулся от нее.

Мы оба так разозлились, что не разговаривали до конца путешествия, пока не прибыли в Лондон. А когда наконец добрались до Курзон-стрит, я улегся спать в своей гардеробной, как делал это, когда она была не в настроении.

На следующее утро я сказал ей, что в конце недели мы уезжаем в Вудхаммер.

– Ты можешь делать, что тебе угодно, – отрезала Сара. – Но я тебя уже предупредила, что не поеду в Вудхаммер, пока Дерри в Бингхам-Чейзе. Если ты уезжаешь из Лондона, я отправлюсь на Сент-Джеймс-сквер и останусь с Маргарет. Пока это позволит избежать нежелательных слухов.

Она меня так разозлила, что я чуть не крикнул ей: «Валяй – мне наплевать!» – но у меня, как и у всякого мужчины, была своя гордость, и я знал, что ни один муж не должен робко выслушивать, как жена диктует ему свои планы.

– Ты в Лондоне не останешься, – решительно заявил я.

– Попробуй этому помешать, – ответила Сара.

Мы оба прибыли к дому Маргарет почти одновременно. Я выбежал из дома и взял кеб, пока Сара ждала, когда к двери подадут карету, так что у меня, к счастью, был десятиминутный выигрыш во времени. Мне удалось объяснить Маргарет, что Сара совершенно не понимает моей финансовой ситуации, и тут Ломакс доложил о приезде Сары.

– Боже мой! – застонал я.

– Жди здесь, – велела Маргарет, как всегда изобретательная. Мы разговаривали в гостиной. – Я приму ее внизу. А ты, Патрик, успокойся, проявляй терпение и, что бы ни случилось, не смей нас прерывать.

Я полчаса выхаживал по гостиной. Когда Маргарет наконец появилась, я пребывал в таком состоянии, что не мог найти слов, чтобы спросить ее, чем все закончилось.

– По крайней мере, мне удалось растолковать ей про твои финансовые

затруднения, – сообщила Маргарет, опускаясь в ближайшее кресло. – Но я так и не смогла объяснить, почему ты столько времени должен проводить с Дерри. Вам с Сарой нужно прийти к компромиссу. Сара сказала, что она готова провести следующий год в Вудхаммере, если ты в свою очередь будешь меньше встречаться с Дерри. Но я понятия не имею, как тебе это удастся, если Дерри живет в двух шагах от тебя.

– И я тоже не имею понятия, – с горечью буркнул я, – как Сара сумеет целый год прожить в Вудхаммере, не сведя нас обоих с ума.

– Если только...

– Да?

– Да нет, ничего. Я лишь подумала, как жаль, что у нее до сих пор нет ребеночка. – Она неловко одернула свой рукав, прежде чем переменить тему. – Дерри нужно найти себе какое-то занятие, – добавила она. – Если найдет, то, думаю, не будет постоянно искать твоего общества. Ты вроде говорил, что он хочет стать членом парламента? Возможно, если он после Рождества привезет Клару в Лондон, мне удастся организовать ему встречу с людьми, которые могут проявить к нему интерес.

– Думаю, ему это понравится, – мрачно согласился я. – Но все равно не понимаю, как мне убедить Сару уехать в Вудхаммер.

– А почему бы нам всем не отправиться туда на Рождество? – предложила Маргарет. – Полагаю, Сара поехала бы, если бы я согласилась составить ей компанию, даже если Дерри все еще будет в Бингхам-Чейзе.

Такой компромисс оказался приемлемым, но я по-прежнему продолжал считать Сару безрассудной и отвергал ее категорическое неприятие моего лучшего друга.

– Бог ты мой, женщины – это сущий ад! – воскликнул Дерри во время нашей верховой прогулки в праздник подарков. – Вечно на что-нибудь жалуются!

– Ну, Клара-то наверняка не жалуется! – удивленно воскликнул я.

– Еще как! Все время стонет, как ей худо теперь, когда она беременна. Ну, по крайней мере, у нее, бедняжки, есть на что жаловаться.

– Но вы с Кларой счастливы?

– Разумеется, счастливы – почему бы нет? На самом деле брак не такая плохая вещь, и я буду горд от счастья, когда у Клары родится маленький.

Я промолчал. И хотя ничуть не сетовал, видя его везение, все же ничего не мог с собой поделать – завидовал, что у него такая скромная любящая жена и что весной у них родится ребенок. Мы с Сарой не были в ссоре, но, когда оставались одни, от нее исходил такой холод, что я по-прежнему предпочитал ночевать в своей гардеробной и уже начинал

сомневаться в том, что она когда-нибудь подарит мне сына и наследника.

Но она оттаяла, когда Странаханы уехали с Маргарет в город. Мы снова стали спать вместе, и вскоре у нас появилась надежда, что она пойдет по стопам Клары. Но нас опять ждало разочарование. Как-то в марте я вернулся с верховой прогулки и обнаружил ее плачущей у себя в комнате.

– Не расстраивайся, – утешил я, когда она сообщила мне о том, что случилось. – Удача вскоре улыбнется нам. Нужно только проявлять терпение.

– Я уже устала проявлять терпение! – воскликнула Сара, слезы стекали по ее щекам. – Как я могу проявлять терпение, когда мама присылает из Америки одежду для ребенка и даже эта глупая маленькая Клара забеременела во время медового месяца.

Но Клара потеряла ребенка. Он родился рано и прожил всего несколько часов.

«В следующий раз повезет больше», – философски написал Дерри, но я знал, что он расстроен, потому что почти ничего не писал о политике. Я слышал разговоры о том, что его на следующих выборах могут выставить как либерального кандидата от Ланкашира, и он этим очень гордился.

– Если бы я только могла вернуться в Лондон, – плакала Сара. – У меня наверняка никогда не будет ребенка, пока я здесь такая несчастная!

– Моя бедная Сара...

Мужчине не нравится, когда его жена несчастна. Нужно было что-то придумать, чтобы она взбодрилась, и я пообещал съездить с ней в Лондон на пару недель. Стоял апрель, впереди – весь лондонский сезон, и, поскольку мы жили так тихо последние пять месяцев, я подумал, что мы оба заслуживаем вознаграждения.

Я не собирался играть в азартные игры с Дерри. Правда не собирался. Но вы знаете, как это бывает после бутылочки шампанского, когда другие снимают карты, когда все так рады твоему возвращению. И я в самом деле не планировал играть в «мушку», это глупая игра, за которую ни один серьезный человек в жизни не сядет. И в покер я играть не хотел, в эту чудовищную языческую игру, но тем вечером в клубе был один американец, а вы же знаете, что американцы просто без ума от покера. И еще вы знаете, как человек чувствует себя, сразу выиграв двадцать фунтов, а тут кто-то заказывает содовую и бренди, и в игровой комнате так тепло, уютно, удобно.

Я хотел остановиться после выигрыша. Я все рассчитал – собирался уйти, как только выиграю пятьдесят фунтов, но тут пошла такая жуткая карта, и я немного проиграл, всего два фунта. И конечно, после этого я уже

не мог остановиться, и никто бы не смог, верно? Вы же знаете, какое это чувство при чарующем светло-желтом свете на зеленом сукне, когда крупье тасует карты и начинается совершенно новая сдача. Ведь тут что угодно может произойти, верно? И ты знаешь, что в итоге можешь выиграть, и просто обязан продолжать. Кто-то заказывает еще бренди, и скоро уже все утрачивает значение, тебя ничто не трогает, ты не чувствуешь боли, отчаяния, потому что остаются только карты. Ты видишь лишь то, как они ложатся, слышишь лишь звяканье монет и шелест бумажных денег, которые передвигают по столу к победителю.

Я не мог не продолжать.

Игра закончилась уже к рассвету. Я онемел, словно кто-то стукнул меня по голове рукоятью револьвера, но именно Дерри нашел кеб, который отвез нас на Курзон-стрит.

Перед тем как нам расстаться, он сказал:

– Я могу отдать тебе деньги, которые ты проиграл.

– Не валяй дурака. Я больше проиграл другим, чем тебе. И потом, какая мне разница? Я не нищий, все ко мне вернется. Скоро у меня пойдет полоса везения.

Все лето я провел в Лондоне, ждал своей полосы везения, а Сара была так рада, что даже закрывала глаза на мои регулярные посещения «Альбатроса» с Дерри. Когда она заказала новый летний гардероб и поновому украсила первый этаж дома, мне не хватило совести остановить ее, к тому же я знал, что счастье мне вот-вот улыбнется. Так оно и случилось. В течение одной сказочной недели, что бы я ни делал за карточным столом, все шло мне на пользу, но не успел я подсчитать выигрыш, как он ускользнул у меня сквозь пальцы. Полоса везения оказалась настолько чертовски короткой, что я исполнился уверенности: она вернется через день-другой, поэтому продолжал играть. Но к моему ужасу, катастрофа следовала за катастрофой, и, когда мы в августе уехали за город, я уже дал распоряжение Ратбону сдать лондонский дом и взять вторую закладную на Вудхаммер.

2

Я сообщил Саре, что сдам городской дом на следующее лето. Только так ее и можно было утихомирить, но, когда в октябре мне пришлось отказаться от рождественского бала в Вудхаммере, мы жестоко

поссорились и несколько недель почти не разговаривали. Дерри по-прежнему оставался в Лондоне, подстегиваемый своими политическими амбициями, поэтому большую часть времени я проводил наедине у себя на чердаке. Резьба успокаивала меня. Я пытался сделать сложные вазы с цветами на манер Гринлинга Гиббонса, но стебли получались слишком тонкие, а лепестки – тяжелые, как свинец. Разочарованный неудачей, я понял, что больше не могу отстраняться от своих бед, да и Сара к этому времени пребывала в таком расстроенном состоянии, что я написал Маргарет – просил ее принять нас на Рождество.

И именно в Лондоне – и, конечно, в «Альбатросе» – я услышал про железнодорожные акции. Все о них говорили как о превосходном вложении средств. Все знали о состояниях, сделанных на прокладке железных дорог в Америке, и об этой новой компании, созданной для прокладки железной дороги от Сан-Франциско до Тусона, вложения в которую дают четырехкратную прибыль любому инвестору.

Дерри вложил в это кучу денег, и я, не желая отставать, взял в долг две тысячи фунтов у моего старого друга мистера Голдфарба с Бред-лейн. Все говорили, что это хорошее вложение, что такой шанс не стоит упускать.

Все.

Катастрофа наступила в апреле, когда компания обанкротилась. Мы все еще находились в Лондоне. Я уже снял дом в городе, потому что полагал, несколько тысяч фунтов прибыли, как минимум, позволяют мне иметь временный дом в Лондоне. Но теперь все надежды на прибыль растаяли, деньги, взятые займы, оказались потеряны, и мистер Голдфарб стал наносить визиты Ратбону в Сарджентс-Инн.

Тут меня охватило отчаяние. Что вполне понятно – я оказался в ужасной дыре. Дерри помог бы мне, будь у него такая возможность, но он тоже потерял деньги на этом банкротстве и теперь целиком зависел от трастовых фондов Клары.

Взяв в долг еще две тысячи – на сей раз у мистера Маркса с Хай-Холборн, я снова сел за карточный стол.

Вы же понимаете, другой надежды у меня не было. И каким-то образом... объяснить это трудно, но я был абсолютно уверен, что выиграю и выправлю ситуацию.

Месяц спустя, зная, что потеряю Вудхаммер, если не проглочу свою гордость, я вновь сел за письмо Дьюнедену и кузену Джорджу.

Мне снился мой дом посреди зеленого парка. Дом, который я люблю, его теплые, уютные стены, высокие трубы и упорядоченная успокаивающая строгость елизаветинского сада. Мне снились сверкающие деревянные панели, мои предки в рафах и массивная мощь мебели красного дерева. И наконец, мне снилась лестница, искусное творение Гринлинга Гиббонса, чья работа значила для меня больше, чем любые шедевры Микеланджело, Леонардо или Рафаэля. Я видел каждый хрупкий листик, каждую изящную веточку ягод, каждый бутон с тонкими как паутинка лепестками. Я мог всю жизнь потратить на то, чтобы вырезать что-либо подобное, но во мне бы не загорелось ни искорки его дара. Но лестница была моя, и никто не мог забрать ее у меня, никто не мог лишиться меня моего дома. Но мысль о том, что я – тот самый де Салис, который может навсегда потерять Вудхаммер, настолько мучила меня, что мой разум отказывался воспринимать дом как единое целое и цеплялся только за лестницу, которая в своей красоте и изяществе символизировала собой все, что значил для меня дом.

Дьюнеден сказал:

– Очевидно, что ты совершенно не способен распоряжаться деньгами. Я не дам тебе ни пенса, если ты не передашь свои финансовые дела в полное управление твоему кузену и мне. Мы будем выплачивать тебе месячное содержание.

Прекрасная лестница. Я представлял себе золотистый вечерний свет, проникающий наискосок через высокие окна и яростно сверкающий на дереве, преобразованном Гиббонсом.

– Вудхаммер должен быть закрыт, сельскохозяйственные угодья сданы фермерам, а персонал заменен управляющим.

Я видел, как пыль садится на эти резные листья, но это не огорчало меня, потому что листья все же будут принадлежать мне.

– Ты должен жить в Кашельмаре. Никаких пышных развлечений, никаких поездок в Лондон...

Я видел фрукты, зрелые и сочные. Неужели дерево может иметь такой вид? Но он добился невозможного – совершил чудо. От этого чуда у меня щемило в горле, слезы жгли глаза.

– ...и никаких контактов с Родериком Странаханом. Если ты согласен соблюдать эти условия, мы готовы тебе помогать. Если ты нарушишь хоть одно из них, то можешь катиться в ад с той скоростью, которая тебя устраивает, и ни твой кузен, ни я и пальцем не пошевелим, чтобы остановить тебя. Это твой последний шанс. Я ясно сказал? Другого шанса у тебя не будет.

Так я спас свою лестницу. Спас дерево, вырезанное Гиббонсом. Спас единственное звено, которое связывало меня с талантом такой мощи, что я не мог равнодушно думать о нем. Я победил.

Но дорогой ценой.

– Пошли они оба к черту! – вскричал Дерри. Его черные глаза горели яростью. – С какой стати они диктуют тебе такие условия? Что я им сделал – почему они настроены против меня? Разве это преступление, если человек стремится к лучшему? Если так, то они должны ополчиться на твоего отца, который дал мне образование и крышу над головой! Почему моя дружба с тобой рассматривается как преступление? У меня нет родителей, братьев или сестер. Разве мне нельзя иметь хотя бы одного друга? Разве я взял у тебя что-нибудь без нажима с твоей стороны? Что я мог поделаться, если у тебя возможностей давать всегда было гораздо больше, чем у меня. Послушай, Патрик, я возьму все, что ты вложил в меня. Я буду откладывать собственные деньги, чтобы помочь тебе расплатиться с долгами.

– Но...

– Знаю, у меня сейчас нет своих денег, только доходы Клары, но ты подожди! Когда меня выберут, я выйду на прямую дорожку, а когда меня назначат на младшую должность в правительстве, у меня будет жалованье, и можешь считать, что оно все твое.

Я, конечно, сказал ему, что думаю обо всей этой чепухе, но меня тронуло его предложение, и я еще больше исполнился неприязни к кузену Джорджу и Дьюнедену.

Мы не прощались.

– Какой смысл? – заявил Дерри, поостывший от своего приступа ярости. – Мы увидимся рано или поздно, когда твои финансовые дела выправятся, но будем надеяться, что это случится скорее рано, чем поздно. Так что никаких долгих прощаний, приятель, ты же знаешь, как я дьявольски ненавижу сентиментальность.

Мы расстались. Он пошел по улице, а я остался стоять у «Альбатроса», глядя ему вслед. Настроение у меня было такое паршивое, что я не мог заставить себя сообщить Саре о нашем незавидном будущем. Вместо этого я отправился на Сент-Джеймс-сквер и спросил Маргарет, не сообщит ли она об этом моей жене.

– Маргарет, ты бы не могла поехать с нами в Ирландию на какое-то время? – в отчаянии заключил я. Одна лишь мысль о Саре в Ирландии, где ей нечего будет делать, только смотреть, как идет дождь, вгоняла меня в панику. – Если бы ты побыла в Кашельмаре, пока Сара освоится...

Она ничего не ответила.

– Пожалуйста! – взмолился я. – Это очень важно. Пожалуйста!

Маргарет вдруг сказала:

– Патрик, нельзя вечно рассчитывать на меня, когда тебе нужно улаживать отношения с Сарой. Это ваш брак – твой и Сары, и только вы можете сохранить его.

– Да, ты права... я уверен, что ты права, но, Маргарет, сейчас такой кризис, что я не представляю, как мы сможем сохранить брак, если ты нам не поможешь. Господи боже, когда я думаю о том, что нужно все время жить в Кашельмаре...

– Может быть, это скрытая благодать, – неожиданно перебила меня Маргарет. – Вы теперь больше времени будете проводить вместе.

– Да, но...

– Патрик, Саре нужно лишь немного внимания. Ты думаешь, она стала бы тратить так много денег на наряды и все прочее, если бы ей не казалось, что она должна постоянно предпринимать усилия, чтобы не оставаться незамеченной?

– Да я только и делал, что уделял ей внимание! Я почти обанкротился, чтобы дать ей то, чего она хочет.

– Ты уверен, что тебе известно, чего ей хочется?

– Я точно знаю, чего ей не хочется, – жить круглый год в Кашельмаре! Маргарет, пожалуйста, если в тебе осталась хоть капля жалости...

– Да черт побери вас обоих! – сердито воскликнула Маргарет. – Я от вас без сил. Хорошо, я поговорю с Сарой и приеду на какое-то время в Ирландию, поддержу тебя, но я не хочу слышать с утра до вечера, как вы жалуетесь друг на друга. Если это начнется, я сразу же уеду. Мне надоела роль связующего звена в вашем браке и вечного посредника между вами.

Облегчение мое было слишком велико, чтобы обижаться на ее грубоватый юмор. Да что говорить, я испытал такое облегчение, что, когда она отправилась к Саре, я остался поболтать с моими маленькими братьями, с которыми совсем не виделся, с тех пор как у меня начались неприятности. Они уже перестали быть малышами. Долговязому и серьезному Томасу исполнилось одиннадцать. Он воображал себя очень сильным и любил со мной бороться. Его толчки и усилия были основаны на теории, связанной с законом гравитации, каждый свой шаг Томас просчитывал на бумаге в виде уравнения. Дэвид, которому немного оставалось до десяти, ничуть не интересовался борьбой, ему нравилось играть в крикет; он с удовольствием изображал из себя полевого игрока, я работал битой, а Томас со всей силой швырял мяч. Но главным интересом

Дэвида была музыка. Он недавно построил оперную сцену из папье-маше и хотел поставить фрагменты из «Женитьбы Фигаро», нужно было только изготовить кукол, а основные партии собирался исполнять он сам.

– Ты ведь придешь? – спросил он, пригласив меня на премьеру. – Не пришлешь какую-нибудь отговорку?

Я почувствовал себя виноватым, услышав слова Дэвида, и поспешил заверить его: непременно приду. А потом добавил, что вскоре смогу посмотреть больше его постановок, когда мы все приедем в Кашельмару.

Я так никогда и не узнал, как Маргарет убедила Сару, но, хотя жена два дня ходила с красными глазами, ни ссор, ни скандалов больше не было. В день нашего отъезда из Лондона мне удалось пообещать ей:

– Это ненадолго. Мы вскоре вернемся в Лондон, клянусь тебе.

Когда она кивнула без слов, не глядя на меня, я взял ее руки, чуть сжал их и сказал: я сделаю все, чтобы она была счастлива в Кашельмаре.

– Я сделаю все, чтобы сделать счастливым *тебя*, – смиренно отозвалась она, и ее ответ стал такой неожиданностью для меня, что я уронил ее руки и уставился на нее с открытым ртом. – Я знаю, что... не слишком хорошо исполняла свои обязанности. Маргарет объяснила, что ты не ходил бы так часто играть, если бы в доме было согласие.

Я даже не думал об этом в таком свете, но должен признать, что нашел объяснение Маргарет очень толковым.

Сара не упомянула имени Дерри, и когда я вспоминал разговор с Маргарет, то понял, что и та ни слова не сказала о нем. Но моя мачеха всегда была умницей – умнее не встречал. Я мог только надеяться, что Сара научится быть похожей на нее, когда мы наконец останемся одни в Кашельмаре.

4

Я так боялся возвращения в Ирландию, что испытал приятное потрясение, когда выяснилось: жизнь там не так уж плоха. Я выполнил свое обещание братьям проводить с ними время и, как всегда, с удовольствием общался с Маргарет. Моя племянница Эдит, к счастью, осталась в Лондоне с Кларой, так что Маргарет была избавлена от необходимости тащить ее в Кашельмару. Не хочу быть недобрым по отношению к Эдит, но должен признать, что нахожу ее трудной девицей, и я безгранично восхищался Маргарет за ее терпение к ней.

– Эдит неплохая девочка, – объяснила мне Маргарет, когда я затронул эту тему, – но очень обидчивая. Она, конечно, делает вид, что не хочет выходить замуж, но только потому, что боится – вдруг никто не сделает ей предложения. Уверена, она бы ни за что не осталась с Кларой, если бы не хотела побыть в городе до конца сезона. Эдит знает, что здесь, в Кашельмаре, уж точно не встретит ни одного молодого человека.

– В Кашельмаре можно целыми днями не встретить вообще ни одного человека, – мрачно добавил я, не погрешив против истины.

Да, я ездил к Альфреду Смитсу, который все еще жил в Клонах-корте, но он пребывал в таком жутком настроении, что никак не мог составить мне компанию. Он сказал, что в долине стало слишком одиноко без Аннабель и он подумывает вернуться в Эпсом и найти там место берейтора. Он попросил у меня денег в долг и никак не мог поверить, когда я ответил ему, что у меня нет ни одного лишнего пенса. Я предложил ему обратиться к кузену Джорджу, но между нами после этого возникла некоторая неловкость, и больше я к нему не ездил.

Единственный человек, с которым мы обменивались визитами, была Маделин. Я боялся, что и она станет просить деньги, но архиепископ, к счастью, проснулся и оказывал помощь, а кроме того, несколько благотворителей поддерживали ее маленькую амбулаторию. Она даже планировала открыть небольшую больницу, и я, зная Маделин, не сомневался, что и больница вскоре будет построена. Некоторым людям всегда удается добиваться своей цели.

– Сара, послушай, – деловито заявила Маргарет, после того как мы посетили Маделин и видели ужасную очередь больных ирландцев, ждущих у дверей, – вот тут прямо у твоего порога благотворительное заведение, которое вполне достойно твоего внимания. Почему бы тебе немного не помогать Маделин? Когда больница откроется, ты бы каждую неделю могла возить туда еду и цветы.

– Я буду отправлять все это Маделин, – быстро ответила Сара, – но не хотела бы ездить туда сама.

Посещение бедняков всегда выбивало ее из колеи, и вся ее благотворительная деятельность сводилась к благотворительным балам. Я ее ничуть не винил. Мы не можем все быть похожи на Флоренс Найтингейл... или на Маделин, которая сохраняла абсолютное спокойствие при виде отвратительных болезней, процветающих в убожестве нищеты.

Стояли ясные летние дни. Я брал братьев кататься на лодке по озеру, ездил с ними по горам. Один раз мы доехали до самого Лиона и поели в гостинице, глядя, как лодки доставляют морские водоросли, которыми

питались многие крестьяне, жившие на берегах Киллари. В другой раз мы съездили в Леттертурк, хотя я и не стал заходить к кузену Джорджу, потом в Клонбур, где мы заглянули к Ноксам. Позднее даже ездили в Конг – смотрели руины монастыря. С мальчиками я чувствовал себя хорошо. Мне нравились энергия и энтузиазм Томаса, удивляло понимание красоты, свойственное Дэвиду. Я начал подозревать, что Дэвид похож на меня не только внешне, но и своими наклонностями, и чем больше времени мы проводили вместе, тем сильнее мне хотелось именно такого сына. Но это напоминало мне о бесплодии Сары, и меня охватывала печаль – так туман проникает сквозь деревья, когда облака низко повисают над долиной.

Сара нашла, чем занимать время. Она часами писала письма семье (я сильно нервничал, думая о том, что она может рассказать в своих письмах, но она клялась, что только пытается утешить отца, который стал болеть). Но как Маргарет ни пыталась убедить Сару вести дневник, та отказывалась под тем предлогом, что ее жизнь скучна, что в ней не происходит ничего такого, о чем она хотела бы написать.

– Но, как я замечаю, это не мешает тебе писать Фрэнсису, – сказала Маргарет.

Должен сказать, что Маргарет прилагала немало усилий, чтобы найти занятие для Сары, но та оставалась глухой ко всем предложениям по благотворительной работе, ведению дневника и других способов проводить время. Сара, впрочем, предпринимала попытки «исполнять свои обязанности», как она это называла, но как может мужчина получать удовольствие, занимаясь любовью с женой, если он знает, что ей ненавистна каждая секунда этих занятий.

В середине августа Маргарет невзначай обронила:

– Мы с мальчиками должны вскоре собираться. Я обещала погостить в Йоркшире у Фенуиков в начале следующего месяца, а перед поездкой на север хочу недельку побыть на Сент-Джеймс-сквер.

Мы с Сарой тут же погрузились в отчаянную панику и умоляли ее остаться, но она отказалась.

– Мне нравилось в Кашельмаре, – твердо сказала Маргарет, – и я знаю, что мальчикам тоже понравилось. Патрик, ты уделял им столько времени. Но никакие гости не должны засиживаться, и у нас есть другие обязательства.

Они уехали. И вот мы остались вдвоем в Кашельмаре, стояли у двери, смотрели, как удаляется экипаж, спускаясь по склону, и тут Сара разрыдалась, а я почувствовал себя, как, вероятно, чувствовал Робинзон Крузо, когда оказался на своем жалком необитаемом острове.

– Почему ты не спишь со мной? – спросила Сара.

– Я думал, ты этого не хочешь, – ответил я.

– Не хочу.

Это было неприятно слышать. Я знал: она предпочитает спать одна, но все же ее слова доставили мне боль.

– Тогда почему ты спрашиваешь?

– Потому что мы должны спать вместе.

– Но мне показалось, ты говоришь...

– Я хочу ребенка. – Сара заплакала. – Я хочу ребенка, а откуда он может взяться, если ты ко мне и не приближаешься, никогда меня не целуешь, никогда ко мне не прикасаешься, никогда, никогда, никогда ничего не делаешь...

И тогда на нас обрушилась самая ужасная катастрофа. Я пытался заниматься с нею любовью, но все было тщетно.

– Почему ты не можешь? – спросила Сара. – Почему? – Она снова плакала.

– Не плачь.

– Но я не понимаю.

Мне пришлось выйти из спальни. Больше не мог слушать ее нытье. Я спустился по лестнице, напился и уснул за обеденным столом, а когда проснулся, вышел из дому в дикий сад, чтобы увидеть восход солнца.

Думаю, именно тогда я и решил стать садовником. Сев на покрытую плесенью скамейку близ поросшего сорняками участка подлеска, я увидел вдруг ровные зеленые луга, цветущие клумбы и петляющие по лесу среди рододендронов и азалий дорожки. Я мог бы обустроить здесь маленькие террасы, беседки. Можно сделать фонтан или выкопать пруд с лилиями, поставить одну-две статуи из чистого белого мрамора в тени кипарисов. Создать настоящий итальянский сад. Он напоминал бы мне о Флоренции и более счастливых временах. Я ничего не знал о садоводстве в таких больших масштабах, но не сомневался, что смогу выучиться. Это будет еще интереснее резьбы по дереву, потому что, каждый раз вырезая что-то, я знал, как далеко мне до совершенства Гринлинга Гиббонса. Но сад... мне больше не нужно будет беспокоиться, чем занять время в Кашельмаре. Мне ни о чем не нужно будет беспокоиться. Я стану думать только о цветах, деревьях и кустарниках, о земле и камне, свете и воде. Создам замечательный сад в Кашельмаре, такой прекрасный, что те, кто придет

после меня, будут говорить: «Этот сад создал Патрик де Салис», и мое имя станет синонимом красоты, искусства и мира. Это будет бессмертием. И тогда не важно, есть у меня сын или нет. Не будут иметь значения мои неудачи во всем остальном, что я предпринимал. Я создам прекрасный сад в Кашельмаре, произведение искусства из диких зарослей.

Я много времени проводил, обдумывая планы, десятки раз исходил огороженные стеной акры, примыкающие к дому, а потом уединился в библиотеке и набросал мои идеи на бумаге. Тогда же нашел книги по садоводству. Прежде я их и не замечал, но всегда думал, что никакие книги в библиотеке не могут меня заинтересовать. Книги по садоводству находились в небольшом алькове с одной стороны камина, а когда я стал просматривать их, то нашел имя моего деда – Генри де Салиса; оно было выведено аккуратными буквами на каждом форзаце.

Меня вдруг страстно увлек мой дед, и, обыскав чердак, я нашел его портрет и перенес в библиотеку. Я давно собирался убрать портрет матери с его места над камином, а теперь мог заменить его изображением человека, которого никогда не видел. На меня с холста с невинным выражением смотрело простецкое голубоглазое лицо. Художник написал портрет без души, но эта картина значила для меня больше, чем тщательно исполненный портрет матери с ее неотразимой красотой и изяществом.

Сара не могла понять этого, но она не понимала почти ничего из того, что я теперь делал. Мы безнадежно поотирались друг подле друга в течение недели-двух после отъезда Маргарет, а затем, слава богу, возник повод отвлечься от наших будней – Катерин спрашивала, не может ли она заглянуть к нам с визитом.

Мы, конечно, оба принялись упрашивать ее погостить у нас (не кого-нибудь – Катерин!), потому что любое общество было предпочтительнее нашему уединению в Кашельмаре, и Катерин приехала из Дьюнеден-касла, чтобы провести с нами сентябрь. Дьюнеден не явился, но меня это не удивило – я знал, он меня презирает, к тому же догадывался, что Катерин приехала, руководствуясь лишь правилами приличия: она не могла не посетить брата и невестку, которые обосновались всего в восьмидесяти милях от ее дома.

Когда Катерин уехала, я снова попытался заниматься любовью с Сарой, но опять ничего не получилось, хотя я и подкрепился необходимым количеством потина. В Кашельмаре начались бесконечные дожди – час за часом, день за днем, и я ничего не мог делать у себя в саду, сидел в библиотеке, листал книги деда и мечтал о том, чем займусь весной. И все это время чувствовал, что сначала нужно пережить Рождество – Рождество

вдвоем с Сарой, потому что Маргарет давно пообещала провести Рождество с Катерин, и, хотя я тоже надеялся на приглашение, из Дьюнеден-касла не пришло ни слова.

Альфред Смит отправился в Эпсом. Маделин уже планировала рождественский обед для всех бесхитростных крестьян, которые ради бесплатной еды были готовы прикидываться голодающими. Мы остались одни.

Пятнадцатого декабря я поднялся с рассветом, оделся и спустился в библиотеку.

«Пожалуйста, приезжай, – написал я Дерри. – Кузен Джордж и Дьюнеден могут идти ко всем чертям, потому что я в таком состоянии, что меня уже даже потеря Вудхаммера не волнует. Здесь скука смертная, как ты можешь себе представить, а мне бы хотелось весело провести Рождество. Надеюсь, Клара поправилась. Сара в добром здравии. Мы с нетерпением ждем вас обоих. Пожалуйста, пожалуйста, приезжайте. Твой П.»

Письмо получилось плохое, но я не чувствовал в себе способности написать что-либо другое. Как бы то ни было, я его запечатал, оседлал лошадь и поскакал в гостиницу в Линоне, где позднее в этот день должна была появиться почтовая карета. Солнце встало, когда я проехал мимо озера и пересек каменный мост через реку Фуи. Когда моя лошадь трусила к вершине перевала, я оглянулся и увидел черные горы на фоне бледно-розового неба.

Мне оставалось проехать милю до дороги, которая шла от Голуэя в Линон, когда я заметил, что мне навстречу кто-то едет.

Я сразу же узнал, кто это, но как – понятия не имею, потому что еще толком не рассвело, а он являл собой всего лишь облаченное в черное фигуру на лошади. Но я знал. И он тоже знал, кто я, потому что мы оба дали шпоры лошадям и одновременно поскакали галопом. Грязь летела из-под копыт, ветер пел у меня в ушах, еще минута – и мы уже смеялись, тянули друг к другу руки, а Дерри произнес своим невозмутимым голосом, так хорошо мне знакомым:

– Жизнь прекрасна, правда?

Глава 5

1

– Патрик, после твоего отъезда в Лондоне стало дьявольски скучно, – сообщил Дерри, когда утихли восторги радостной встречи. – И потом, мне так часто доставался туз пик в картах, что я бы наверняка заболел и умер, останься я в Англии. – Он кинул взгляд через плечо, словно ожидал увидеть там ухмыляющуюся смерть, а когда я рассмеялся, Дерри возразил: – Ты не понимаешь, какое это жуткое дело – быть ирландцем в Лондоне. Вы, англичане, такие надменные ребята!

– Что-то я не замечал, чтобы по отношению к тебе кто-то проявлял надменность.

– Нет, конечно, все ко мне относились дружески, пока ты оставался в Лондоне, но стоило тебе уехать – предрассудки в отношении так и полезли. Уотермилл и Хантингфорд не принимали мои долговые расписки, а этот ублюдок Дэнзигер попросил меня покинуть «Альбатрос». Он сказал, что поступали жалобы, будто я мошенничаю в карты, – мошенничаю! Ты можешь себе представить? Жаль, что наш разговор проходил без свидетелей, а то бы я засудил его за клевету – он бы у меня голым остался.

– Но кто...

– Откуда я знаю, кто запустил эту ложь? Думаю, Стил. Он задолжал мне пару сотен и не хотел отдавать, когда мне требовались деньги, чтобы погасить долги. Но какое имеет значение, кто на меня обозлился? Скоро стала распространяться ложь, будто меня выставили из «Альбатроса» за жульничество, и никто из политиков не пожелал и близко ко мне подходить. Конец всем моим политическим амбициям! Вот что значил туз пик, у меня на этот счет нет сомнений, – мою гибель как начинающего политика.

– Но это же чудовищно несправедливо!

– Может быть, но меня это больше не волнует. Я собираюсь вернуться в Дублин и снова заняться адвокатской деятельностью. Клару я оставил на Сент-Джеймс-сквер с Маргарет. Я решил, что сначала подыщу место для жилья, а потом уже привезу ее в Ирландию. Но как только я оказался в Ирландии, то подумал, что никак нельзя не сесть на поезд до Голуэя. Когда же добрался до Голуэя... я сел в рейсовый экипаж, но доехал только до Утерарда, а там лошадь захромала и всем пришлось сойти, хорошо еще мне

удалось взять эту жуткую клячу, которая едва двигает ногами...

– Ты хочешь сказать, что всю ночь ехал из Утерарда?

– Выбор был невелик: либо ехать, либо ночевать в клоповнике!

– Бедняга, ты, наверное, устал. Давай-ка побыстрее домой.

– Не хочу создавать для тебя трудности. Я не забыл, какие условия тебе поставил этот мошенник Дьунеден, но не думаю, что мое короткое пребывание в Кашельмаре может принести тебе какой-то вред. Какие у тебя новости? Как Сара?

Не нужно было ему рассказывать, но я не удержался. Выложил ему все, опустил только то, что Сара два раза довела меня до импотенции. Когда я закончил, он беспечно бросил:

– Пресвятая Богородица, женщины – сущий ад, верно? – (Мое одиночество стало не таким гнетущим.) – И с чем только нам, мужчинам, не приходится мириться! – воскликнул Дерри, его черные глаза загорелись дерзостью, и я рассмеялся, потому что жизнь снова улыбалась мне, и даже худшие мои неприятности казались тривиальными теперь, когда рядом со мной снова был Дерри.

2

Увидев Дерри, Сара сразу же пошла к себе наверх и написала письмо кузену Джорджу. Долго ответа ждать ей не пришлось. Тем же самым днем Джордж прискакал из Леттертурка, ворвался в библиотеку, где мы с Дерри пили содовую с бренди, и заявил, что я нарушил слово и он обещает мне, что я пожалею. Вся сцена выглядела настолько нелепой, что Дерри не смог удержаться и в присутствии Джорджа принялся карикатурно изображать его, а это привело Джорджа в жуткую ярость, я даже искренне опасался, что с ним сейчас случится удар.

– Я завтра еду в Дьунеден-касл! – воскликнул он, выходя из комнаты.

– Богом клянусь, в аду нет такой злости, как в мелком сквайре, – пролаял Дерри ему вслед, и Джордж, который очень не любил, когда его называли мелким сквайром, даже вернулся в комнату, чтобы сказать, что Дерри, без сомнения, обречен на адские муки. – Я подготовлю вам там удобное местечко, – заявил Дерри, оставив, как всегда, последнее слово за собой. – *Au revoir*.

Мы оба расхохотались, когда еще Джордж не успел выйти из комнаты. Думаю, мы немного переборщили с Джорджем, но я ненавижу его

деспотические попытки навязывать мне свою волю.

– Господи Иисусе, – сказал Дерри, отирая слезы с глаз, – ну я и наговорил тут. Извини, нужно было придержать язык.

– Я рад, что ты не придержал язык. Мне кузен Джордж смертельно надоел.

– Насколько ты сейчас зависишь от его денег? То есть какова твоя финансовая ситуация?

Я сам толком не знал, но постарался объяснить:

– Он и Дьюнеден оплатили долги, которые я наделал прошлым летом, и они обещали выплачивать мне ежегодно проценты от сдачи внаем Вудхаммера, пока я буду тихо жить в Кашельмаре и не иметь связей с тобой. Если договор будет исполняться в течение трех лет, то у меня будет достаточно денег, чтобы выплатить второй заем, и мой доход снова придет в более здоровое состояние. Я, вероятно, даже снова смогу жить в Вудхаммере и время от времени ездить в Лондон. Но пока все доходы от Кашельмары и Вудхаммера поступают напрямую к Джорджу и Дьюнедену, а они выплачивают мне месячное содержание.

– А что они делают с излишком? Вкладывают его?

– Понятия не имею. Наверное.

– А проценты с вложений ты получаешь?

– Не думаю, поскольку они выплачивает проценты на заем. Полагаю, это справедливо.

– Патрик, черт побери, еще не было такого доверчивого человека, как ты! Филдинг все еще работает у тебя? Может быть, он больше осведомлен о ситуации.

– Нет, Филдинга уволили в целях экономии. Все счета идут Дьюнедену, и думаю, его секретарь следит, чтобы оплачивались все счета.

– Господи боже, Патрик, ты целиком отдался в руки твоих злейших врагов, а они, вероятно, грабят тебя на сотни фунтов ежегодно.

– У меня не было выхода: либо так, либо потеря Вудхаммера, – мрачно напомнил я. – И даже если они мои злейшие враги, они английские джентльмены.

– Английские джентльмены! – глумливо воскликнул Дерри. – Английские джентльмены поставили крест на моей политической карьере и хорошей жизни в Лондоне! Я тебе вот что скажу: я бы предпочел встретиться с шестью вооруженными до зубов членами «Молли Магуайерс»^[10], чем с парой английских джентльменов, наделенных правомочиями по доверенности! Каковы ежегодные проценты по закладной на Вудхаммер? Я готов биться об заклад, что с помощью небольшого

обдуманного упорядочивания и ловких вложений ты мог бы безопасно выплатить проценты и при этом еще иметь какие-то деньги – и все это без всякой помощи Дьюнедена и кузена Джорджа!

– Не знаю, – с сомнением проговорил я. – Я в денежных делах плохо разбираюсь.

– Зато я разбираюсь хорошо, – заявил Дерри. – Меня жизнь научила считать каждый пенс. Да, я, конечно, ошибся с этой чертовой железной дорогой, но даже самые проницательные ребята иногда ошибаются. Патрик, я тебе помогу. Если эти два английских джентльмена устроят бучу, наплюй на них. Мы с Кларой можем приехать и жить здесь, в Кашельмаре, и я тебя снова сделаю богатым, даже если больше мне ничего не суждено сделать в жизни.

3

Дьюнеден и Джордж разорвали договор, наделявший их полномочиями, и заявили, что траст, созданный для того, чтоб «спасти меня от меня самого», бесповоротно уничтожен.

– Мы сделали для тебя все, что было в наших силах, – сказал Дьюнеден. – Больше сделать мы ничего не можем.

И слава богу, подумал я. Хотел произнести это вслух, но не сумел, потому что Дьюнеден и Джордж уже ушли. Я с огромным облегчением проводил их взглядом, после чего мы с Дерри выпили бутылку шампанского, чтобы отпраздновать мою вновь обретенную независимость.

Теперь осталось решить проблему Сары.

– Я отказываюсь жить под одной крышей с Дерри, – категорически заявила она. – Либо он уедет, либо я.

Я попытался представить, на чью сторону встала бы Маргарет, и у меня возникло неприятное ощущение, что на сторону Сары. К тому же я не хотел терять Сару, в особенности теперь, когда я снова распоряжался своими делами и в большей мере чувствовал себя мужчиной. Несмотря на ее угрозы, я сомневался, что она оставит меня навсегда, поскольку ее гордыня не смогла бы смириться с положением брошенной жены, но я опасался, что жена может отправиться в Лондон и надолго осесть у Маргарет. Мне не нравилось думать о себе как о муже, который не способен удержать при себе жену, когда она нужна ему. Еще больше не нравилась мне мысль, что, как следствие, может пострадать моя дружба с

Маргарет. Поэтому я хотел успокоить Сару, но понятия не имел, с чего начать. Мне и в самом деле была необходима помощь Дерри для ведения моих финансовых дел, и меньше всего хотелось вышвыривать его из дома.

– Но какие тут могут быть трудности? – удивился Дерри, безмятежный как всегда. – Клара хочет жить под собственной крышей не меньше, чем Сара. Почему бы нам не пожить в Клонах-корте – ведь Альфред Смит уехал в Англию? Дом отсюда в трех милях по другую сторону озера, и если Сара не захочет нас видеть, то и не будет. А с другой стороны, дом достаточно близко, чтобы ты мог приезжать, когда тебе заблагорассудится.

Такое решение и в самом деле казалось идеальным, у Сары не было больше поводов заявлять, что я вынуждаю ее находиться в обществе Дерри, а если я каждый вечер буду проводить с ней, она не сможет обвинить меня в небрежении. Я по-прежнему не спал с ней – мне не хватало мужества попробовать еще раз, – но я чувствовал, что делаю шаги в верном направлении и смогу восстановить наши отношения в спальне, когда представится подходящая возможность.

А тем временем мне приходилось решать другие проблемы. Дерри очень аккуратно обустроил мои финансовые дела, используя излишки дохода на покрытие процентов по закладной на Вудхаммер. Он не вмешивался в дела управления имением, чтобы не обидеть Макгоуана, а поскольку арендная плата недавно была повышена, то в смысле реформирования заниматься ему было нечем. Мы вчетвером, Дерри с Кларой и я с Сарой, жили скромно, но в достатке и в наших домах, так что жаловаться мне не приходилось. Вот только я понятия не имел, как мне когда-либо удастся выкупить ту или другую собственность из залога. Но Дерри вскоре изобрел схему.

– Можно делать деньги на лесозаготовках. – Он поведал мне долгую историю про ирландского пэра, который заработал состояние, посадив несколько деревьев в своем имении. – Я думаю, имеет смысл проконсультироваться со специалистом по лесозаготовкам. Он скажет, какая часть имения более всего подходит для лесопосадок, и это не потребует от нас никаких расходов. Если мы решим, что это невыгодно, то потеряем только то, что заплатим специалисту.

Мне это показалось разумным, поэтому я написал в Королевский сельскохозяйственный колледж в Дублине, и они тут же порекомендовали мне некоего мистера Макдональда, который был пионером в области лесопосадок в Хайленде в Шотландии.

Он не скрывал ужаса при виде безлесных пространств Кашельмары, но считал, что земли подходят для обустройства небольшой плантации. На

полпути к озеру дорога на Клонарин делает виток, огибая Лейнабрику. Скальная порода здесь резко уходит вверх, а прикрывает ее лишь тонкий слой земли. Поскольку почва эта слишком бедная, а склон слишком крутой для любых занятий, кроме самого примитивного земледелия, я считал, что мы ничего не потеряем, очистив эту землю от нескольких картофельных полей и отправив крестьян куда-нибудь в другое место. Дерри добавил, что есть еще много заброшенной земли, где они смогут обосноваться, если предпримут для этого необходимые усилия, а остальные члены их племени позаботятся о том, чтобы они не голодали.

– На самом деле это пойдет им на пользу, – рассуждал Дерри, – потому что эта земля и козу не прокормит, а тут есть земли и получше – на южной стороне озера; они их смогут обрабатывать на условиях аренды.

Таким образом, я решил попробовать. Меня эта схема очень захватила, потому что мистер Макдональд расписывал свои успехи в Шотландии и мне нравилась идея зарабатывать, сажая деревья.

Заботило только то, что у меня не было денег для начального вложения. Нужно было закупить саженцы, посадить их, ухаживать за ними, и, когда все счета были оплачены, у меня не осталось ни пенса.

– Может быть, продать что-нибудь из семейных ценностей? – сказал я Дерри, хотя при мысли о продаже прекрасного георгианского серебра у меня внутри все переворачивалось.

К тому же я сомневался, что закон позволяет мне сделать это. Я бы с удовольствием заложил все бесполезные драгоценности Сары, но об этом и речи не могло идти. С Сарой я должен был вести себя осторожно.

– Ничего не продавай, – отмахнулся Дерри, с обычной своей легкостью предлагая идеальное решение. – Зачем тебе беспокоиться? У тебя богатый тесть по другую сторону Атлантики, и у него неважно со здоровьем. Напиши ему и напомни, что деньги он с собой все равно не заберет, когда уйдет в мир иной.

Это казалось разумным, в особенности еще и потому, что прежде я ни разу не просил у кузена Фрэнсиса ни пенса, но почему-то мысль о письме за океан меня не привлекала, и я решил отложить это на день-другой.

– Давай сначала очистим землю, – предложил я Дерри и вызвал Макгоуана, рассказал ему про идею лесопосадок и попросил выписать необходимые извещения о выселении.

– Начнутся волнения, милорд, – сразу же сказал Макгоуан самым мрачным своим голосом.

Я повторил предложение Дерри: арендаторы смогут переселиться на южный берег озера.

– Земля там теперь не лучше болота, милорд, – возразил Макгоуан. – Прежде было иначе, но река изменила русло, и арендаторам пришлось уйти оттуда. Вот почему та земля больше так никогда и не сдавалась в аренду.

– Ну... тогда отправьте арендаторов в Америку или еще куда, – предложил я словно по вдохновению. – Они живут в такой нищете, что, возможно, уцепятся за подобный шанс.

– Если вы захотите, чтобы они уехали, они пожелают остаться, – предупредил Макгоуан и, воспроизведя свое глубокое знание ирландских крестьян, добавил голосом, который можно было сравнить разве что с голосом судьбы: – Понимаете, они все О’Мэлли.

– Меня не волнует, кто они. – Я пришел в сильное раздражение, а потом вспомнил, что во главе клана О’Мэлли стоит не кто иной, как мой старый враг Максвелл Драммонд. – О господи! – воскликнул я. – Вот проблема! Что ж, пожалуй, лучше выплатить им компенсацию.

– Это обойдется вам очень дорого, милорд, и создаст опасный прецедент. После этого каждый выселенный арендатор будет требовать компенсацию, и на вас вскоре со всех сторон посыплются неприятности.

– Господи... Ладно... – Я к этому времени был совершенно растерян. – Я поговорю с мистером Странаханом, – сообщил я наконец, зная, что Дерри так или иначе найдет выход из этого затруднения.

Но Дерри не видел иного выхода – только стоять на своем, если О’Мэлли начнут протестовать.

– Они справятся! – воскликнул он. – А то, что Макгоуан болтает, будто земля на юге бесполезна, то я ему ни капли не верю. Им и всего-то нужно что выращивать картофель! Лучшие акры долины для этого не требуются.

– А если Драммонд устроит бучу?

– С Максвеллом Драммондом я сам разберусь, – пообещал Дерри, и я знал, что у него, как истинного ирландца, уже чешутся кулаки. – Предоставь его мне.

Я так и сделал, но мне не понравилось то, что последовало; шли недели, и происходящее нравилось все меньше и меньше. Мне удалось получить деньги от кузена Фрэнсиса, хотя он и сопровождал их дьявольски высокомерным письмом, но я не смог запустить проект лесопосадок, потому что очистить землю оказалось невозможно. Дерри разослал извещения о выселении, Макгоуан занял позицию мрачного нейтралитета, а все О’Мэлли собрались толпой, подошли к самым дверям Кашельмары и потребовали встречи со мной. Когда я отказался, полагая, что переговоры со сборищем швали обернутся для меня потерей лица, они разбили два окна, а Сара пришла в такое состояние, что у меня не осталось иного

выбора – только послать за Максвеллом Драммондом. Но Драммонд, этот чертов наглец, отказался встречаться со мной. В аккуратно написанном послании он сообщил, что ни о каких переговорах не может идти речи, пока Дерри пребывает в Кашельмаре.

– Не слушай его! – возмущенно воскликнул Дерри. – Какое он имеет право рассуждать о переговорах и ставить тебе условия! Патрик, ты подписал ордера на выселения. Ты не должен отступать! Если сейчас уступишь им, то дальше так и пойдет.

Говорить можно было что угодно, но пытаться подавить ирландское недовольство – это все равно что пытаться ликвидировать течь из старого, дырявого ведра: заткнешь одну дыру, тут же образуется другая. В конечном счете нам удалось выселить арендаторов, но для этого субинспектору в Леттертурке пришлось собрать в долину все полицейские силы, имеющиеся в его распоряжении, и вызывать стенобитные машины, которые принялись рушить глиняные хижинки так, что они падали чуть не на головы выселяемых. Я думал, что после этого худшее осталось позади, но никогда еще я так сильно не ошибался. Протесты только-только начинались. Мой скот, мирно пасшийся в лугах у реки Фуи, покалечили. Один из моих любимых сеттеров, Полоний, исчез, а неделю спустя его нашли на алтаре часовни – он сидел там без головы, которая аккуратно лежала рядом. Еще хуже – часовню осквернили. От алтаря несло мочой, а скамьи были изрезаны ножом.

К этому времени я пребывал в бешенстве и жутком расстройстве. Я никогда бы не взялся за проект лесопосадок, если бы знал, к чему это может привести. Мне не хотелось никого обижать, и откуда я мог знать, что О’Мэлли так непримиримо воспримут всего несколько выселений? Я желал лишь одного: как можно скорее оставить эту идею, что, конечно, было бы унижением короны, и Дерри совершенно справедливо отказался даже говорить на эту тему.

И я пытался не отступать, но жизнь превратилась в черт знает что. Кроме того, я вскоре стал серьезно беспокоиться за Сару: речь шла не только о неприятных переживаниях, но и о реальной опасности для нее. Последней соломинкой стал случай в начале марта: экипаж Сары забросали тухлыми яйцами, когда она после поездки к Маделин возвращалась из Клонарина.

Я пребывал в таком расстроенном состоянии, что обещал немедленно отвезти ее в Лондон.

– Но деньги! – рыдая, воскликнула Сара, которая наконец прониклась пониманием того, что мы должны жить скромно.

– Мы используем часть тех денег, что прислал твой отец, – тут же предложил я. – А остановимся на Сент-Джеймс-сквер у Маргарет.

Я испытал облегчение, как только решение было принято.

– Вам с Кларой тоже имеет смысл уехать, – посоветовал я Дерри. – Ни к чему тут оставаться.

– Я лучше останусь, – возразил он. Я никогда еще не видел в нем такой решимости. – Ты, конечно, уезжай и забери обеих женщин в Лондон – мне будет легче, если я перестану тревожиться за Клару, – а я должен довести это дело до конца. Это вопрос наших личных отношений – меня и Драммонда, и я не отступлю, пока не посажу его за решетку: он участвовал в заговоре, нарушении права собственности, беспорядках и еще в десятке других преступлений. Дай я один раз посажу ради тебя Драммонда, и, клянусь тебе, в долине снова воцарится спокойствие, как в райском саду до грехопадения.

Мне не нравилась мысль оставить его одного в Кашельмаре, я хотел потребовать, чтобы полиция постоянно охраняла его дом, но Дерри и слышать об этом не желал.

– Они еще решат, что я их боюсь, – фыркнул он. – А с чего мне бояться кучки вонючих крестьян? У меня есть пистолет, а если они хотят проверить мою меткость, то я им покажу, что могу за себя постоять. Патрик, не беспокойся обо мне. Я тебе напишу, как только Драммонд окажется за решеткой.

Я заявил, что вернусь, когда женщины будут в безопасности в Лондоне, но он отрицательно покачал головой.

– Это мой шанс сделать что-нибудь для тебя, – сказал он. – Я загнал тебя в этот чертов угол. Теперь должен вывести тебя оттуда.

Не было еще людей вернее и честнее; любому в трудной ситуации можно пожелать такого друга. Я неохотно отпустил его, но больше уже не чувствовал себя виноватым, покидая его, потому что был убежден: именно этого он и хочет. Я написал суб-инспектору в Леттертурке, прося его о вооруженном сопровождении, а когда получил его ответ день спустя, покинул долину с Сарой и Кларой.

Никогда еще с такой радостью не уезжал я из Кашельмары.

Удивительно, как изменилась Сара, когда мы оставили Ирландию. И

чем ближе мы подъезжали к Лондону, тем заметнее становились происходящие с ней изменения. От скуки и угрюмости в Кашельмаре она дурнела, а теперь снова стала красавицей, засверкала, как бриллиант, который я так хорошо помнил, и ее восстановление не могло не повлиять на меня. Я больше не чувствовал, что визит к ней в спальню требует от меня какого-то особого мужества. Для этого требовалось лишь посещение хорошего спектакля в театре и поздний ужин вдвоем в доме на Сент-Джеймс-сквер; мне нужно было только увидеть ее в новом платье с аметистами у горла, чтобы густые ее волосы были изящно уложены, а глаза горели над высокими скулами. И позднее, когда мы остались одни, она поцеловала меня, демонстрируя свою готовность, и все наши несчастья растворились, моих неудач словно никогда и не было, и передо мной искусительно возник призрак того, что могло быть нашим браком... и все еще могло стать, если мы только дадим ему маленький шанс.

– Сара, я люблю тебя, – сказал я. – Очень люблю. И хочу начать все с чистой страницы, и все будет по-другому, клянусь тебе.

Мы поговорили о будущем, и когда Сара в отчаянии воскликнула: «Если бы только нам не нужно было жить в Кашельмаре!» – я пообещал, что свожу ее в Нью-Йорк. Я подумал, может быть, кузен Фрэнсис инвестирует для меня какие-нибудь деньги в Нью-Йоркскую биржу, а когда денег накопится достаточно, чтобы отдать его заем и погасить вторую закладную, я смог бы снова жить в Вудхаммере, а во время сезона приезжать в Лондон. Кузен Фрэнсис увеличил собственное состояние в десятки раз, почему бы ему не сделать и маленькое состояние для меня, в особенности еще и по той причине, что речь идет о счастье его дочери? Мне все это казалось совершенно логичным, а когда Сара загорелась идеей поездки домой, Маргарет одобрительно заметила, что долгое путешествие по Атлантике будет подобно второму медовому месяцу. Мы назначили дату отплытия в мае, и, пока Сара писала десятки восторженных писем семье, сообщая о наших планах, я заказал и оплатил билеты деньгами, которые кузен Фрэнсис дал мне в долг на проект лесопосадок.

За три дня до отплытия я получил письмо от Дерри.

Письма от него я получал каждую неделю, а когда пришло это последнее, я подумал, что оно будет мало чем отличаться от остальных: перечень новых случаев «аграрного бешенства», примеры увертливости Драммонда, который уходит от рук правосудия, и решимость любой ценой сокрушить О'Мэлли. Но в этом письме содержалась мольба о помощи. Он передумал и решил просить полицию об охране Кашельмары – тогда я и понял, что ситуация обострилась до предела, – но субинспектор, который

находился в приятельских отношениях с кузеном Джорджем, злоумышленно отказал ему в просьбе.

«Я бы сам поехал в Леттертурк, – писал Дерри, – и потрянул бы этого дуралея так, чтобы у него вылетели все зубы, но дела тут зашли так далеко, что я не осмеливаюсь в одиночестве выйти из дому, и нет никого, кому бы я мог довериться, чтобы он сопровождал меня. Я передаю это письмо Макгоуану, пообещав ему вознаграждение, если оно дойдет до тебя, потому что у меня нет сомнений: жадность заставит его скакать в Линон, чтобы успеть к почтовой карете. Ты не мог бы приехать как можно скорее и разбудить субинспектора? Ты же знаешь, я бы никогда не обратился к тебе без крайней необходимости, но если я не предприму какой-нибудь отчаянный шаг, то этот дьявол Драммонд отправит меня в ад, хотя будь я проклят, если при этом не прихватчу его с собой».

У меня не было выбора. Он вел мои дела и делал все, что должен был делать преданный друг. Кем бы я стал, если бы не отозвался на его призыв о помощи, а отправился бы вместо этого в Нью-Йорк? У мужчины есть определенные обязанности, и как бы я ни хотел выполнить обещание, данное Саре, я не видел возможности сделать это без предательства по отношению к Дерри. У меня перед ним были моральные обязательства.

– Пусть Дерри сам ведет свою войну! – взорвалась Сара.

– Он и пытался, но сейчас, как это очевидно, попал в чертовски опасную ситуацию.

– Он сам ее и выбрал!

– Да. Но чтобы помочь мне. Чтобы мы с тобой могли жить в Лондоне! Как я теперь могу отказать ему в помощи?

– Я не верю, что ему нужна помощь! – вскричала Сара в такой безумной ярости, что убеждать ее в чем-то стало бессмысленно. – Он просто хочет, чтобы ты вернулся! Завидует, думая о том, что мы вместе, и решил выманить тебя!

Я старался проявлять терпение:

– Дорогая, если бы ты находилась в Кашельмаре, а мы с Дерри в Лондоне, ты бы завидовала нам, тут нет вопросов, но это не дает оснований обвинять в подобной же зависти Дерри. Нельзя же приписывать твою женскую зависть мужчинам вроде Дерри.

– Нельзя? Это почему? Он всегда завидовал мне, с самого первого дня.

– Абсолютная чепуха. Послушай, Сара...

– Патрик, если ты отменишь нашу поездку в Нью-Йорк и отправишься сейчас в Ирландию, я тебе этого никогда не прощу. Никогда. Это будет концом нашего брака.

– Да не будь ты такой смешной и мелодраматичной! Только потому, что события в Кашельмаре пришли к серьезному кризису...

– Это не имеет никакого отношения к Кашельмаре! – взвилась она. – Речь идет о Дерри! Тебе нужно было выбрать между мной и им, и ты выбрал его!

Ну что можно поделаться с женщиной, которая извращает истину на такой безумный манер и усугубляет свое безумие такими истерическими заявлениями? Я решил, что должен сохранить достоинство и дать ее ярости поостыть, поэтому пожал плечами и смиренно пошел к двери.

Но так до нее и не дошел. Мой отказ спорить с ней взбесил ее еще сильнее, она ухватила мое запястье. Я развернулся. Она собралась было ударить меня, а я, чтобы не дать свободу ее взметнувшимся рукам, нетвердо попытался ее обнять. И только когда она в отвращении отшатнулась от меня, я наконец потерял терпение.

– Черт тебя подери! – вспыхнул я. – Ты избалованная, эгоистичная сучка.

Я наговорил ей много слов, каких она никогда не слышала прежде, и внезапно ярость ушла из ее глаз, я увидел, что Сара испугана.

Теперь пришел черед отшатнуться мне. Мне было невыносимо видеть ее в таком состоянии – она тряслась, словно студень. На ее лбу проступили капельки пота, и от нее запахло страхом – Сара вызывала у меня отвращение. Я посмотрел на ее округлые груди, и они показались мне уродливыми. Я посмотрел на ее шею – не шея, а карикатура.

– Какое же ты жалкое существо! – с горечью бросил я. – Какая от тебя польза мужчине? – Гнев кипел во мне, как лава. Он переполнял меня, его груз изменял меня, превращал в иное, более темное существо. Я больше не контролировал свои слова, моим голосом будто говорил кто-то другой. – Ты думаешь, ты такая красивая и желанная, но это не так. Ты бесполоя, ты сплошное злосчастье, от тебя проку как от козла молока, еще ни один мужчина, идущий к алтарю, не получал в жены такое ничтожество.

Она начала плакать. У меня остались смутные воспоминания о глазах, полных слез, и спутанных волосах, и опять на меня накатила такая волна отвращения, что мне пришлось покинуть комнату. Но она бросилась за мной. Сара теперь громко рыдала, упала на колени, уцепилась за подол сюртука, умоляя остаться.

Я оттолкнул ее, побежал наверх, и меня вырвало. Я думал, мне станет лучше после этого, но не стало. Мозг у меня словно онемел, я не мог ясно соображать. Мог только говорить себе: это был не я. Это слова говорил не я – кто-то другой.

Кто-то, кого я не хотел знать.

Позвал слугу, приказал ему собрать мне багаж. Позднее Маргарет постучала в мою дверь, но я отказался общаться с нею.

Я сел на дневной поезд до Холихеда, а на следующее утро пересек море и сошел на берег в Кингстауне. Вечером дублинский поезд добрался до Голуэя, а я чувствовал себя настолько измотанным, что выбора у меня не оставалось – только сразу же лечь в постель в отеле на Эйр-сквер.

Когда я проснулся утром, головной боли у меня не было, но вскоре она вернулась. Я не смог заставить себя позавтракать и не решился нанять частный экипаж, а потому сел на рейсовый, который ежедневно отправлялся в Клифден. Ехал я один. Я не хотел никого видеть, а потому оставил слугу в Лондоне, и никто не взирал на меня неодобрительно, когда я сел между священником и женой фермера. Экипаж поскрипывал, продвигаясь по сельскому пейзажу Утерарда. Потом деревья кончились, луга уступили место болотам, а вдали завиднелись громадные голые горы Коннемары и Джойс-кантри.

Я вышел из экипажа в Мам-Кроссе, где дорога разветвлялась: одна развилка на Клифден, другая – на Линон, и мне удалось нанять лошадь у одного из живших там дальних родственников Дерри. Несчастное животное отказывалось спешить, как я его ни подгонял. Поэтому прошло больше часа, прежде чем я наконец съехал с дороги на Линон и направился вверх по склону через ущелье к перевалу между Нокнафохи и Баннаканнином.

Погода стояла не по сезону жаркая, и я редко видел долину такой спокойной. Даже рваные берега озера казались выровненными, а склон по другую сторону долины, где стояла Кашельмара, таинственно сиял каким-то неестественным мерцающим светом.

Наверное, Дерри заметил меня издали, потому что, когда я миновал оконечность озера и моя лошадь начала подниматься по склону, я увидел, как он бежит по темной подъездной дорожке к воротам.

Дерри поднял руку, весело помахал. Если бы я был поближе и мог его услышать, он бы сказал со смехом: «Жизнь прекрасна, правда?» – и я вдруг снова стал самим собой, и все мои неприятности не значили ничего.

Он начал отпирать ворота гигантским ключом. Я все еще находился от него на некотором расстоянии, но, когда ворота открылись, я поднялся в стремени, чтобы прокричать приветствие.

Дерри так ничего и не услышал – бросился ко мне. Прежде чем я успел произнести хоть слово, увидел яркий отблеск солнца от летящего клинка, затем донесся стук о землю бесполезного пистолета, выпавшего из

его руки.

Он остановился. Какое-то мгновение стоял, гордо выпрямившись, глаза его сверкали, ветерок чуть шевелил его волосы, а потом рухнул сначала на колени, а затем лицом вперед – в дорожную грязь у его ног.

Нож торчал из его спины с бесстыдством использованного не по назначению креста.

Моя лошадь отказывалась перейти на галоп, и тогда я выпрыгнул из седла и побежал. Бежал и бежал, чувствуя острые камни через подошвы своих городских туфель, а солнце освещало долину со своего жаркого, парящего неба.

Я подбежал. Он был в сознании. Мы посмотрели друг на друга, но никто не сказал ни слова, а посторонний внутри меня посмеивался над нами, говорил, что мы, вообще-то, никогда и не разговаривали толком. Словно пытаясь возразить этому, Дерри попытался произнести что-то, но было слишком поздно. Язык уже не слушался его, и, когда я прижал Дерри к себе, его лицо вдруг застыло, глаза потемнели. Он умер, из его рта побежала струйка крови.

5

Я так и не видел того, кто убил его. Вероятно, он прятался среди больших камней над дорогой, а потом ему легко было ускользнуть, исчезнуть за углом стены, огораживающей Кашельмару. Кроме Дерри, я никого не заметил.

Но я пустился на поиски Максвелла Драммонда. Вызвал всех членов магистрата. Вызвал субинспектора. Написал всем органам правопорядка в графстве Голуэй. Я даже написал генеральному инспектору Королевской ирландской полиции, Государственному секретарю лорду-наместнику в Дублинский замок. А когда люди в ответ только пожимали плечами и говорили, что насилие в наши дни вещь распространенная, я написал Гладстону в Вестминстер, что Ирландии требуется не тайное голосование или земельная реформа, а закон и порядок.

«Мы – лидеры цивилизованного мира, – писал я, и слова будто пьяные выходили из-под моего пера, – но вот прямо у нас на пороге располагается эта неопишуемая страна, обитатели которой хуже дикарей, а убийство – вещь столь заурядная, что считается не преступлением, а образом жизни. Почему с этим ничего нельзя сделать? Почему мы должны терпеть эту

невыносимую ситуацию?»

Мистер Гладстон в своем ответе написал, что Ирландия и в самом деле тяжелый крест для Англии, но нам, как добрым христианам, следует способствовать улучшению судьбы ирландцев, чтобы вывести их из мрака их неудовлетворенности на дорогу к просвещению. Иными словами, ему хватило нахальства сказать, что для пресечения насилия мы должны цацкаться с ирландцами, чтобы сделать их счастливыми.

– Я бы хотел перестрелять всех О’Мэлли отсюда до Клонарина, – свирепо сказал я Джорджу, когда он и его коллеги – члены магистрата и субинспектор собрались наконец в Кашельмаре. – Для начала вы должны посадить за решетку Драммонда. Он несет ответственность. Посадить за решетку и бить, пока не признается.

Все непонимающе посмотрели на меня, я принялся кричать на них, обвинять в том, что они сочувствуют убийцам, а когда эти люди попытались прервать меня, я стал браниться – бранился до полного изнеможения. После этого оказалось, что я внезапно очутился один на один с Джорджем. Он сказал, что я веду себя недостойно и должен немедленно взять себя в руки.

– Не раньше, чем найду убийцу и увижу его на виселице.

– Мой дорогой Патрик, – сообщил Джордж, – позволь мне сказать тебе, что ты его никогда не найдешь. И никто другой не найдет. Драммонд во время убийства находился в Линоне. Это подтвердят с полдюжины свидетелей. Нет ни малейшего шанса доказать, что он заговорщик. А по поводу того, кто из О’Мэлли бросил нож... то ты скорее докажешь, что Земля плоская.

– Но должны быть свидетели! Если мы предложим вознаграждение, кто-нибудь наверняка появится.

На это Джордж лишь ответил:

– Неужели ты никогда не слышал о риббонизме?^[11]

Я слышал, но вид у меня был, вероятно, недоуменный, потому что кузен принялся объяснять:

– В Ирландии полно секретных организаций, вроде старого Союза зеленой ленты, созданного в сороковые, и все они заняты тем, что подначивают крестьян на бунты против землевладельцев. В этой долине действует общество блэкбутеров, и, какие бы возражения мне ни приводили, я убежден, что их поддерживает не кто иной, как Ирландское республиканское братство.

– Это Братство – фении. Ни один англичанин не может относиться к ним серьезно!

– Насмехайся над ними, сколько тебе угодно, но помяни мои слова: ты не найдешь никого, кто станет сотрудничать с властями в таком деле, – любой пособник властей будет подвергнут самому суровому наказанию. Ты не найдешь никого, кто будет готов давать показания по убийству Странахана.

– Тогда что же я, по-твоему, должен делать? – в ярости спросил я. – Сидеть и смотреть, как убийца моего друга будет счастливо жить и дальше?

Джордж ничего не ответил. Его молчание бесило меня.

– В один прекрасный день я сквитаюсь с Драммондом. Я этого не забуду, и придет час, когда увижу его на виселице.

Я уже тогда знал, что не имеет значения, кто бросил нож. Имело значение лишь то, что организовал это Драммонд.

Но я ничего не мог сделать, только ждать случая, а пока нужно было достойно похоронить моего друга. Задача эта оказалась нелегкая. Я знал, что его могила в Клонарине будет осквернена, а когда решил похоронить его в тихом уголке фамильного кладбища у часовни в Кашельмаре, то не смог найти католического священника, который прочитал бы мессу у его могилы. Отец Донал сказал, что его мучат боли в ноге, а когда я предложил послать за ним коляску, ответил, что у него жар, и просил его извинить.

Вот тогда я и поверил в разговоры Джорджа о влиянии тайных обществ в сельской местности, но, к счастью, на помощь мне пришла Маделин. Она за мзду уговорила личного капеллана архиепископа съездить в Кашельмару. Хотя бедняга был испуган до смерти и явно ожидал, что его прикончат в кровати, мне в конечном счете удалось похоронить Дерри по обрядам его церкви. Жаль, что на похоронах не было Клары, но я, конечно, запретил ей приезжать, потому что никогда не простил бы себе, если бы с ней что-то случилось.

Размышляя о Кларе, я вспомнил Сару, и после похорон, когда мне оставалось только принять как данность смерть Дерри, я стал острее чувствовать свое одиночество. Мной овладела апатия. Думаю, она стала следствием пережитого потрясения, но я не предпринимал попыток покинуть Кашельмару и воздерживался от возвращения в Лондон, пока у меня не было уверенности, что меня там ждут. Я так и не решился анализировать нашу ссору во всех подробностях, но потом все же написал ей – умолял простить меня, выражал надежду, что по моему возвращении в Лондон она согласится обговорить все со мной.

Сара не ответила. Вскоре я написал ей еще раз: сообщал, что приеду в Лондон и отвезу ее, как и обещал, в Америку; я рассчитывал, что это вызовет у нее быструю реакцию, но, когда она и в этот раз не ответила,

решил, что мои письма перехватывают недоброжелатели. В это же время я послал за Макгоуаном. Я устал жить в осажденной крепости, устал от неприятностей, доставляемых мне смутьянами, которые вознамерились отравить мою жизнь. Я сказал Макгоуану, что готов сделать все необходимое, чтобы восстановить отношения с арендаторами, а когда он спросил о лесопосадках, сообщил, что отказался от этого проекта и О'Мэлли могут возвращаться на свои участки, если хотят.

Я еще неделю ждал ответа от Сары, но, когда ничего так и не получил, написал ей третье письмо. Впервые я попытался воспроизвести подробности нашей ссоры и, исписав множество черновиков, отправил ей следующее: «Моя дорогая Сара, я знаю, что наговорил тебе непростительные слова, когда мы поссорились, но ни одно из них не соответствует действительности. Я оглядываюсь назад, и мне кажется, что это сделал кто-то другой. Кто бы этот другой ни был, его больше нет, и я теперь стал самим собой. Я уже не тот человек, который сделал тебя такой несчастной. Я – тот, кто любил тебя, кто женился на тебе и кто до сих пор тебя любит. Прошу тебя, дай мне еще один шанс. Хочу лишь одного – сделать тебя счастливой и доказать, что люблю тебя, как никто на свете. Пожалуйста, ответь. Я уеду из Кашельмары, как только получу от тебя хоть словечко о том, что ты еще можешь простить меня. С любовью, Патрик».

Я ждал. Медленно миновали три дня. Наконец я в отчаянии написал Маргарет. Сара никогда не простит меня? Она уехала в Америку? Заболела? Умирает? Мертва?

«Пожалуйста, напиши, – умолял я Маргарет. – Пожалуйста, пожалуйста, напиши».

Я чувствовал себя таким одиноким. Несмотря на заверения Макгоуана о мире с О'Мэлли, я все еще опасался уходить далеко, поэтому прекратил конные прогулки, катание на лодке и визиты к соседям. Но по мере того как моя апатия слабела, я стал работать в саду. Решил сделать газон так, чтобы он напоминал озеро, окруженное цветами и кустарником. Я читал, что газоны создают некое визуальное подобие воды, и хотя позднее я собирался вырыть пруд для лилий, решил перенести его вверх по склону на плато в лесу. Пруд станет частью моего итальянского сада, и он будет связан с «озером» сада длинным пролетом ступеней. Когда деревья будут спилены, откроется вид на озеро и горы, а я тогда смогу дать достойное обрамление этому виду, построив что-то вроде павильона. Может, итальянский чайный домик или полуразрушенный древний храм. Сад будет тосканским, не ренессансным, проект основывается на представлении Петрарки о том, что, видимо, являл собой классический римский сад, а акцент сделаю не на

цветах, а на воде и камне. А окаймлять мой тосканский сад будет... я решил, что для этого подойдут стриженные кустарник и деревья. Мне нравилось думать о придании формы деревьям, об их различной конфигурации, стрижке, уходе, экспериментировании.

Я уже любил мой сад, хотя он пока и оставался первобытным лесом, и в моем отчаянии находил утешение в мечтаниях и работе. Я очистил газон, окаймил его, потом в одной из оранжерей нашел ржавый каток и принялся выравнивать им неровную, бугристую землю.

Все слуги считали, что смерть Дерри свела меня с ума, но я не обращал на них внимания и вскоре написал в Королевский сельскохозяйственный колледж, прося у них сведения о рекомендуемых травяных семенах, потому что газон не желал приобретать приличный вид. Если я хочу, чтобы мой газон когда-нибудь стал походить на озеро, то не имело смысла тратить время на клочок земли, который больше напоминал клеверную поляну.

Писем от Сары так и не приходило.

Как-то серым днем я работал в саду – выкапывал клевер, когда Хейс осторожно подошел ко мне и сообщил о приезде гостей.

– Гости? – недоуменно переспросил я, потом выпрямился, опустил закатанные рукава, вытер пот со лба. – Кто?

Хейс устался на карточку, лежащую на серебряном подносе в его руке.

– Некто мистер Ратбон из Лондона, – сообщил он, раскатывая звук «р» на французский манер.

Я протянул грязную руку, взял у него в недоумении карточку. Первая мысль была: Сара просит развода. Насколько я понимал, оснований для развода у нее не имелось, но я не видел других объяснений приезда Ратбона в Ирландию.

– Он приехал в качестве сопровождающего, – пояснил Хейс. – Путешествовать в одиночестве для леди в такие времена нежелательно, я думаю.

– Какой леди? – испуганно спросил я.

Хейс посмотрел на меня с сострадательной настороженностью, с которой добрые люди обращаются к безнадежно больным на голову.

– Да вашей же леди, милорд, – сказал он. – Вашей жены, да защитят ее Богородица и святые.

Я оставил его и бросился к дому прямо по газону.

Ратбон сидел в маленькой столовой. В одиночестве.

Я произнес всего два слова:

– Моя жена?

Он, еще даже не успев подняться на ноги, ответил:

– По-моему, она пошла в ваши покои, милорд, освежиться после поездки.

Я бросился наверх, споткнулся на верхней ступени и с такой силой ударился о стену, что чуть не сломал ключицу. Сердце мое билось как барабан, я похромал по галерее и вломился через порог в спальню.

Она была там. Очень бледная. И пока мы стояли, глядя друг на друга, я ощутил в ней какое-то новое спокойствие, осанку и серьезность, незнакомые мне прежде.

– Сара? – неуверенно прошептал я, подумав на одно странное мгновение, уж не галлюцинация ли это.

Она сделала шаг ко мне, попыталась что-то сказать, но у нее не получилось. Ее глаза наполнились слезами.

– Сара... – Я сам мог говорить с трудом. – Ты меня простила? – спросил я, не отваживаясь поверить в это. – Ты вернулась?

Она кивнула. Слезы потекли по ее щекам, и я, потрясенный, вдруг понял, что это слезы не отчаяния, а радости.

– Ах, Патрик... – произнесла она необычным тихим голосом. – Патрик, это чудо. У меня будет ребенок.

IV

Сара

1873–1884

Страсть

*Красота
королевской пары...
вызывала всеобщее
восхищение; жених был
красивейшим из принцев
Европы, а раннее не по
возрасту обаяние
невесты уже заслужило
ей имя Изабелла
Красивая.*

*Агнес   Стрикленд.
Жизнь   английских
королев*

Глава 1

1

Он родился в декабре, перед Рождеством, и весил ровно восемь фунтов.

– Фрэнсис! – восторженно прошептала я, как только мне дали его в руки.

– Эдвард! – сказал в тот же момент Патрик с неменьшим восторгом.

Мы никогда ни о чем не могли договориться.

– Сара, думаю, на сей раз ты должна уступить Патрику, – заметила моя тетушка-миротворец Маргарет. – Ребенок – наследник титула, а по английским традициям наследника нужно нарекать в честь отца Патрика, а не твоего.

Я бы ни за что так часто не прислушивалась к советам Маргарет, но дело в том, что она всегда права. Не выношу людей, которые всегда правы, но правота Маргарет такая умная, что я люблю ее так, как если бы она была моей сестрой (а может, даже намного сильнее). И вот я в тысячный раз уступила Патрику, а я сама становлюсь не своя, если уступаю, когда мое сердце настроено на что-то другое. Ребенка крестили в часовне Кашельмары Патриком Эдвардом в честь отца и деда.

Не успев допить шампанское за ланчем после крещения, мы с Патриком затеяли спор, как обращаться к новорожденному – Патрик или Эдвард.

– «Патрик» звучит лучше, чем «Эдвард», – сказала я. Мне всегда казалось, что Эдвард слишком уж чванливое английское имя.

– Мы не можем называть его Патрик, – возразил Патрик. – У нас будет вечная путаница.

– Но Эдвард чересчур официально для маленького мальчика!

– Мы станем называть его Нед.

– Нед! – Я пришла в ужас. – Все равно что ослика! Нет, Патрик, это невозможно!

– А мне нравится, – упорствовал Патрик с выражением, которого я стала побаиваться. – А кличка у ослов – Недди, а не Нед. Если бы ты правильно говорила по-английски, то знала бы.

– Как ты можешь утверждать, что я неправильно говорю по-

английски? – воскликнула я, возмущенная его нахальством: сам он всегда изъяснялся на ужаснейшем жаргоне, а моя речь была гораздо правильнее, чем его.

А кроме того, если быть честной, я всегда считала, что произношение культурных американцев куда приятнее для уха, чем апатичная тянучка, какую слышишь в лондонских гостиных.

После этой ссоры Маргарет наедине посоветовала мне:

– Сара, уступи Патрику с этим ребенком, и тогда ты сможешь делать все, что твоя душа пожелает, со следующим. Неужели ты не понимаешь?

– Если только когда-нибудь появится еще один ребенок, – горько ответила я. Не собиралась это говорить, но меня так рассердила перспектива обращения к ребенку как к ослу, что слова произнеслись сами по себе.

– Разумеется, будет и еще ребенок! – резко возразила Маргарет. – Не глупи, Сара. У тебя появилась прекрасная возможность начать ваш брак заново, и я не думаю, что ты такая недалёковидная, чтобы упустить этот шанс.

Ее слова, конечно, взывали к моей гордости и к тому же показывали, что наша глупая ссора не стоит и выеденного яйца, и я вдруг устыдилась. Какое может иметь значение, как называть ребенка? Он был здесь – вот что самое главное – и хорошо рос, и еще он был, безусловно, самым красивым ребенком в мире. Да, я знаю, все матери так говорят о своих детях, но Нед и правда был самым красивым. Все это утверждали – не только я.

– Теперь твоя судьба переменилась к лучшему, – напомнила мне Маргарет перед отъездом в Лондон в новом году. – Я и вправду верю, что у тебя с Патриком все теперь будет хорошо, но, что бы ни случилось в будущем, запомни: есть три вещи, которых ты не должна делать. Никогда не жалуйся на нехватку денег, никогда не вспоминай прошлые катастрофы и никогда, никогда, никогда...

– ...не произноси имени Дерри Странахана, – устало закончила за нее я, стараясь скрыть раздражение. Четыре с половиной года брака сделали меня чуточку мудрее, и у меня не было ни малейшего желания повторять ошибки, что я совершала девятнадцатилетней невестой. – Знаю, Маргарет, знаю, ты мне все это уже говорила.

– Есть вещи, которые нужно повторять и повторять, – настаивала Маргарет, но, увидев мою досаду, поспешила добавить: – Ты не думай, что я только к тебе пристаю. Я и Патрику говорю очень жесткие слова. И знаешь, – продолжила она, намазывая слой похвалы на несъедобный совет, – когда я вспоминаю, как Патрик пренебрегал тобой прежде, я

удивляюсь, как это ты ему не изменила. Ты вела себя очень достойно и, конечно, заслужила теперь право быть счастливой.

Я люблю, когда меня хвалят. Мне ничто не доставляет такого удовольствия, как искренняя улыбка и любезные слова благодарности, но я не заслуживала ее похвалы и прекрасно это знала. И потому не улыбнулась ей, а покраснела (я редко краснею – такой уж у меня цвет лица) и пробормотала смущенно что-то о флирте в бальных залах Лондона.

– Но ты ведь ни с кем не ложились в постель? – резко спросила Маргарет, и эта вспышка неделикатности настолько ошеломила меня, что я и опомниться не успела, как уже выложила ей правду.

Я никогда никому не рассказывала все прежде. Никогда. Есть такие темы, настолько неприличные, что о них и думать-то трудно, я уж не говорю – облекать в слова.

– Ты ведь ни с кем не ложились в постель? – повторила Маргарет, и я ответила, дрожа:

– Господи боже, нет! И с Патриком-то в постели сплошная мука, зачем мне ложиться с кем-то еще?

Мы смотрели друг на друга в наступившей тишине, и я, к собственному изумлению, увидела, что потрясла ее гораздо сильнее, чем она меня.

2

Я часто думаю: что нас делает такими, какие мы есть, – обстоятельства или наследственность. Я всегда считала себя жертвой обстоятельств, думала, что моя жизнь пошла наперекосяк в результате неудачного брака, но, с другой стороны, почему же я согласилась на этот брак? Потому что меня воспитали в убеждении, что наивысшее достижение для девицы – это брак с богатым, молодым, внешне привлекательным аристократом? Или потому, что я была дочерью своего отца и роскошь играла для меня такую важную роль? Или даже – ужасная мысль! – потому, что я была еще и дочерью моей матери и всегда хотела угождать людям, «делая то, что положено делать»?

В одном, по крайней мере, можно не сомневаться: ничто в моем детстве не подготовило меня к несчастливому браку. Да, я знаю – я была экстравагантной, своевольной и ужасно избалованной любящим отцом. Как четко я понимаю это теперь! Но меня любили. Любили, наверно, чрезмерно

и баловали чрезмерно, защищали от суровых реальностей мира, посадив в позолоченный кокон, но при этом любили, и в течение многих лет, пока я росла, мне даже и в голову не приходило, что я могу существовать в мире, в котором меня не окружают любовью.

«В вашей семье все так счастливы!» – бросил мне Патрик не без зависти, когда мы только познакомились в Нью-Йорке, и это было правдой. Мама и папа любили друг друга; они, конечно, никогда не ссорились в нашем присутствии, и хотя годы спустя я узнала от Чарльза, что папа содержал любовницу, думаю, такие взаимоотношения устраивали их обоих. Чарльз, который родился за два года до меня, был более усердным и серьезным, чем я, но иначе оно и быть не могло: он – сын и наследник, на его плечах лежала определенная ответственность. Я считала Чарльза образцом совершенства и любила его до безумия. Как и мама. Думаю, именно поэтому мы с мамой так часто не ладили, когда я росла, но уж если я была любимой дочерью папы, то по справедливости Чарльзу полагалось стать любимым сыном мамы.

Отдавая маме должное, не могу не признать: она, как никто другой, подозревала, что брак станет для меня жестоким потрясением. Мама всегда производила впечатление ленивой и глупой женщины, но только потому, что с годами очень располнела. На самом же деле она отличалась здравым смыслом и проявляла невероятную активность в социальной жизни. Мама страдала от неуверенности в себе, и ей никогда не хватало силы воли возражать мне или папе, когда мы проявляли неумеренный деспотизм. Но я знала: она беспокоилась обо мне перед моей свадьбой, потому что заставила себя поговорить со мной о Вещах Запретных. Это, вероятно, стало большим испытанием для мамы, которая всегда строго придерживалась рамок приличия.

– Жаль, что ты уезжаешь так далеко после свадьбы, дорогая, – до сих пор слышу я ее голос. Вижу взволнованное выражение в ее больших карих глазах. – Как бы мне хотелось, чтобы ты жила в Нью-Йорке!

– Но в Лондоне у меня будет Маргарет, – раздраженно напомнила я, полагая, что она делает из мухи слона. Я уже давно для себя решила, что мы с Патриком заживем счастливой жизнью, как и все лучшие люди, и не видела никакой нужды в том, чтобы мама жила за углом.

– Но Маргарет всего на восемь лет старше тебя, – возразила мама, – и к тому же... – Они с Маргарет никогда не дружили, но она, разумеется, имела право говорить то, что произнесла дальше: – К тому же случаются времена, когда девушке нужна мать.

– Да-да, – согласилась я, подавляя зевоту. Я была такая самоуверенная,

думала, что знаю все на свете. – Ну, вы запросто можете приехать к нам в Лондон.

– Пока нет. – Мама всегда проявляла благоразумие, никогда не позволяла себе никаких иллюзий. – Твой папа очень занят, к тому же не любит Европу. Через несколько лет мы, конечно, посетим тебя, но ты к тому времени уже обоснуешься, и я не буду тебе так нужна.

– Мама, я уверена, что прекрасно справлюсь! Не понимаю, с чего ты так взволновалась.

– Сара, двум людям очень трудно ужиться, и, хотя Патрик выглядит таким добрым и мягким, он поначалу может оказаться не таким уж добрым.

И она рассказала мне все о Супружеском Действе (она говорила так, словно первые буквы у этих слов прописные) и с каждым словом краснела все сильнее, но дошла до самого конца, почти не прерываясь, чтобы перевести дыхание. Оглядываясь, я могу только восхищаться ее смелостью, но тогда мне казалось, что она поступает отвратительно, рассказывая мне о таких ужасных вещах, и, когда она закончила, я только дерзко ответила:

– Я это все знаю уже сто лет!

Это было, конечно, абсолютной ложью, потому что, выращенная в позолоченном коконе, я бы даже не подозревала, что мужчины и женщины ниже пояса устроены по-разному, если бы не видела Чарльза голым, когда мы были совсем маленькими. Даже классические статуи в особняках на Пятой авеню всегда имели фиговый листок в соответствующем месте.

Мысль о Супружеском Действе не отпускала меня на протяжении всей церемонии венчания, и чем больше я о нем думала, тем сильнее убеждалась, что мне оно понравится, невзирая на маму, которая преподнесла все это так, что вызвала у меня отвращение. Выходя из церкви с Патриком, я пребывала в веселом настроении, решив, что Супружеское Действо не может быть таким уж мучительным испытанием, иначе ни одна супружеская пара не могла бы жить счастливо до самого конца.

Я помню, что очень разозлилась на маму: зачем она меня так напугала, и, когда пришло время покинуть свадебное пиршество, наш прощальный поцелуй был довольно холоден.

Бедный папочка, когда увидел, что я ухожу, ужасно расстроился и заплакал, что меня очень сильно огорчило. Я даже подумала, не плачет ли он потому, что мне придется подчиниться Супружескому Действу, а от этого опять разнервничалась, и у меня его слезы вызвали сильное негодование.

И к тому времени, когда мы добрались до летнего особняка папы, где должны были провести первые недели нашего медового месяца, я злилась

и негодовала; у меня даже не возникло желания поцеловать Патрика, а когда оказалось, что он слишком пьян и в первую брачную ночь способен только спать, я на него разозлилась не меньше, чем на папу и маму. И когда я теперь оглядываюсь на прошлые дни, то яснее всего в моей супружеской жизни помню ту злость, которая родилась в первую брачную ночь. То тупое, кипящее негодование, что я никогда не могла ни понять, ни объяснить, чувство, которое каким-то образом, в какой-то момент я обманула, сумела провести. Я часто не ощущала своей злости, иногда взрывалась во время ссоры, но обычно моя злость дремала, малое зерно неудовлетворенности постоянно проедало стенки моего изящного позолоченного кокона.

Нет нужды говорить, что Супружеское Действо было, как и предупреждала мама, сущим адом, только еще хуже. Сначала я думала, что не выдержу его, но, к счастью, Патрик, казалось, расположен к интимным отношениям не больше, чем я, поэтому Супружеское Действо стало ежемесячной обязанностью, которую мы выносили скрепя сердце, потому что оба хотели детей.

Не знаю точно, сколько времени мне потребовалось, чтобы понять, что не все женщины относятся к этому, как я. Это случилось до того, как мы вошли в круг Мальборо-хауса, потому что я помню: к тому времени нравы англичан меня уже не удивляли. Может быть, меня осенило, когда мы обосновались в Лондоне и я познакомилась с молодыми английскими женами, которые любили посплетничать о супружеских изменах знакомых. Меня потрясла сама мысль о существовании такого порока, потому что от нью-йоркского упадничества я была надежно защищена, а когда в конце шестидесятых приехала в Англию, общество дошло до того, что на безнравственность в высших классах смотрели как на нечто само собой разумеющееся. Да, принц Уэльский уже встал на путь, который сделал его окружение самым развратным в Европе, но тем не менее образцом в национальных представлениях о морали служили умеренность королевы и ее двора, и я поначалу даже не поняла, что между словами и поступками многих людей существует пропасть.

Я, конечно, инстинктивно понимала, что ни одна порядочная женщина не может получать удовольствия от Супружеского Действа. Но я испытала большое потрясение, когда узнала, что не только некоторые внешне добропорядочные женщины ведут образ жизни куртизанок, но и по-настоящему «добропорядочные» женщины либо вовсе не возражают против Супружеского Действа, либо относятся к нему как к скучноватому, но приемлемому занятию.

Вот тогда-то я и поняла: вероятно, со мной что-то не так. Задолго до того, как Патрик сказал мне, что я бесполое, сплошное злосчастье и от меня проку как от козла молока, я уже стыдилась своей ненормальности, как калека стыдится своего уродства. Мое единственное утешение состояло в том, что никто об этом не знал, кроме Патрика и Маргарет, и я была полна решимости не расширять круг осведомленных о моей неполноценности дальше этих двоих. Это исключало возможность каких-либо любовных интрижек, и, хотя я часто встречалась с привлекательными мужчинами, одна только мысль о том, что на моих глазах их восхищение превратится в разочарованное отвращение, обескураживала меня, и я без всякого труда проявляла холодность, когда того требовали обстоятельства.

Мне не приходило в голову, что, возможно, есть и другие женщины, у которых исполнение супружеского долга вызывает такое же омерзение, как и у меня. Мне даже не приходило в голову, что и другие женщины могут с такой же фанатичностью, как и я, скрывать свои недостатки, – ведь никто не выставляет напоказ свою несостоятельность. Считая, что одна такая, я просто как могла несла свой крест, а это было нелегко, в особенности во время самых жестоких ссор с Патриком. Все, даже Маргарет, считали Патрика неизменно добрым и мягким, но в его характере была и темная сторона, особенно очевидная, когда он напивался, а в таких случаях он становился как бешеный и очень несдержанный на язык.

– Сара, ты такая чертова лицемерка! – бросил он мне как-то раз. – Ты заманиваешь мужчину, а когда тот воспламеняется, становишься куском льда. Есть очень вульгарное слово для описания таких женщин, как ты, но, зная твой ужас перед вульгарным языком, я его попридержу, пока ты не попытаешься соблазнить меня поцелуями, а когда задеру твою юбку, впадешь в истерику. Я тебя хорошо знаю, а потому ждать мне недолго.

– И я тебя хорошо знаю, – ответила я, – и знаю твое нежелание заирать мою юбку, а потому нам наверняка придется ждать вечность.

Эта перебранка привела к такому жуткому скандалу, что он все же назвал меня тем словом, что было у него на уме, а вдобавок еще и несколькими другими. Когда Патрик впадал в ярость, то становился очень грубым, и хотя я понимала, что проявляю слабость, пасуя перед вульгарным языком, но поделаться с собой ничего не могла. А от разговоров о Супружеском Действе мне становилось нехорошо физически.

После подобных сцен я обычно находила предлог, чтобы несколько дней спать отдельно, но это не решало наших проблем. Меня обижало быстрое согласие Патрика с этим моим предложением, а потом я чувствовала себя униженной от необходимости напоминать ему, что мы оба

хотим детей. И впадала в ужас, когда в отчаянии безысходности пыталась его соблазнить. Отчаяние переполняло меня не только потому, что я хотела ребенка, я хотела и самого Патрика – стремилась покончить с одиночеством, в которое погружалась, когда он поворачивался ко мне спиной. Со временем мне становилось все труднее решать, что для меня хуже – жить с Супружеским Действом или без него, я даже начала подумывать, наберусь ли я смелости, чтобы оставить Патрика.

Но это было бы безумием. Женщина, которая уходит от мужа, теряет место в обществе, лишается будущего. Она уничтожена; и хотя я знала, что могу выносить тяжесть несчастливости брака, не выставляя этого напоказ, но и подумать не могла о том, что это станет известно всему миру. Что угодно, думала я, что угодно, только не это.

И поэтому старалась занимать себя, чтобы не думать о моих бедах. В Лондоне это не составляло труда, там хватало знакомых, но за городом... Одна только мысль о жизни в сельской местности наполняла меня ужасом.

«Твоя беда в том, что у тебя нет никаких интересов, – твердил мне Патрик. – На самом деле ты вообще ни черта не умеешь, только тратить деньги, хорошо выглядеть и флиртовать за пальмами в кадках».

Он часто доводил меня до слез, но я старалась не плакать при нем. Я плакала, оставшись одна, а особенно плакала, когда он говорил, что я ничего не умею, – я-то понимала, что это правда. У Патрика было куда как больше художественных способностей, чем у меня, и я всегда сторонилась рисования, а на рояле хотя и играла, но плоховато. Немного читала, немного вышивала, немного того, немного сего, но Патрик ясно дал мне понять, что мои достижения более чем средние.

Однако я не сомневалась: у меня есть какой-то дар, вот только нужно открыть его. Я много размышляла об этом и постепенно, по мере того как один бесплодный год сменял другой, стала понимать: я хочу ребенка не только потому, что от женщины ждут рождения детей, а потому, что была уверена – у меня талант материнства. Я начала постоянно молиться о ребенке. Прежде я не отличалась религиозностью, слишком была занята собой, а потому Бога почти не замечала, но затем вдруг стала очень религиозной, и каким-то чудом мои молитвы были услышаны, когда родился Нед.

Стоило мне взять его на руки, как я поняла, в чем мой талант. Не просто материнство, но любовь. Я смотрела на моего сына и любила его с такой же страстью, с какой любила отца, мать и брата. После этого у меня долго вертелась в голове мысль: встретить я мужчину, которого полюбила бы с той же страстью, как могла бы любить мужа, то мой избранник не мог бы

не полюбить меня в ответ хотя бы чуточку.

3

После того как родился Нед, мы с Патриком дали друг другу всевозможные клятвы и обещания, которые должны были ознаменовать новый этап нашего брака. Этому предшествовали признания – мы повинились в прошлых ошибках, выразили наши сожаления. Я уверена, ни одна супружеская пара не была так исполнена решимости измениться, как мы.

– Сара, я тебя очень люблю, – сказал Патрик, – и начну жизнь с новой страницы, клянусь тебе.

Меня тронули его слова, и я пообещала ему то же самое, и, решив жить в гармонии, мы открыли новую страницу.

Мне потребовалось несколько месяцев, чтобы восстановиться после рождения Неда, но никто из нас не возражал против этого предложения спать отдельно. Но в конце концов предлог избегать друг друга по ночам исчез, и, как только Супружеское Действие снова подняло свою уродливую голову, я поняла, что никакие благие намерения в мире не могут излечить неизлечимое.

Но я ничего не сказала. Делала вид, что изменилась, хотя это притворство и давалось мне тяжело, к тому же я повзрослела и поумнела. В прошлом я слишком много жаловалась, и вот это по меньшей мере я могла изменить. Еще часто ходила мрачная, в дурном настроении, полная противоположность скромной, покорной жене, но это тоже могла изменить. Я так хотела исполнить свои обещания, а поскольку он держал свои, то чувствовала себя обязанной вдвойне, чтобы не разочаровать нас обоих.

Патрик взял в привычку реализовывать свое супружеское право на интимность раз в неделю, в пятницу. Людям это может показаться смешным, но для нас было проще жить по такому заведенному порядку, потому что в этом случае мы знали, на каком мы свете. Мы знали, что остальные шесть дней в неделю можем не опасаться друг друга, и это сильно улучшило наши взаимоотношения. В пятницу, зная, что нас ждет, мы могли соответствующим образом подготовиться. Например, выпить много вина за обедом, я в этом смысле не отставала от него, а потом мы рано расходились, чтобы избежать невыносимых часов ожидания в гостиниой. Вино смягчало мою боль, а иногда совсем уничтожало ее, и я

погружалась в то желанное состояние, при котором могла закрыть глаза, думать о чем-то другом и ничего не ощущать. Когда все заканчивалось, мы веселели. Лежали, обнимая друг друга, разговаривали какое-то время о том о сем, и тогда я чувствовала себя очень счастливой, пребывала в убеждении, что лучше жить с Супружеским Действом, чем без него, и тешилась тем, что мы оба готовы предпринимать усилия ради такой близости.

На самом деле главная моя трудность после рождения Неда состояла не в том, чтобы заново приспособливаться к исполнению моих супружеских обязанностей, а в том, чтобы смириться с жизнью в том месте, где жить мне хотелось меньше всего, – в невыносимой глуши и отупляющей изоляции Кашельмары. К этому времени я уже была готова к сельской жизни; у меня появился Нед, которому я отдавала свое время, и я гордилась тем, что прошла стадию светской бабочки, которая погибала без ежедневной диеты балов, вечеров и обедов. Я могла жить в Вудхаммерхолле в Уорикшире... да я могла жить в любом месте в Англии и смирилась с тем, что мы не можем себе позволить жить в Лондоне. Но Кашельмара! Это был один из пунктов, по которому мы с Патриком никак не могли найти согласия.

– Я знаю, это ужасное место, – сказал Патрик, когда мы приносили обещания измениться, – но нам в течение двух-трех лет иное не по карману. Теперь, когда Дерри не стало, Дьюнеден и кузен Джордж согласились еще раз уладить мои финансовые проблемы, и они пообещали, что если мы только сможем некоторое время пожить скромно в Ирландии, то потом вернемся в Вудхаммер. Так что если бы ты могла потерпеть, дорогая... мне трудно тебя об этом просить, но...

Конечно, я пообещала потерпеть.

Но приходилось мне нелегко. Даже не могу сказать, что больше всего не нравилось мне в Кашельмаре. Вероятно, тишина. В Вудхаммере местность была наполнена слабыми звуками: от птичьих трелей или полоскания выдр в реке, от горностаев, которые возились в кустах, до далекого шума железной дороги в ясный день. В Кашельмаре ничего этого не было. Вокруг дома росли деревья, но я редко видела там птиц и ни разу какого-нибудь дикого животного. Во время Великого голода сороковых всех диких зверей истребили ради еды, и, хотя говорили, будто животные вернулись, они предпочитали не попадаться людям на глаза. С озера не доносилось ни звука. Река Фуи беззвучно текла по болоту между песчаными берегами, и даже дождь падал бесшумно, никогда не молотил по окнам и не плескался в дождевой бадье.

Я до сих пор слышу эту тишину. Если кто-то говорит, что тишина не слышна, то он никогда не был в Кашельмаре. Там обитала живая тишина, неземная и пугающая, но я ни разу не сказала Патрику, как она гнетет меня. Если он мог без жалоб выносить Кашельмару, то могла и я.

У него родилась какая-то безумная идея разбить сад в зарослях за домом, и той весной он словно помешался на этом, работал целыми днями, копал землю, выравнивал, срубал деревья, а иногда даже переносил их в другие места. Он взял четырех человек в помощь, но ирландцы готовы работать за гроши, так что даже кузен Джордж не мог назвать это излишеством. Правда, Джордж называл поведение Патрика странным, потому что он работал вместе с ирландцами, словно чернорабочий. Я же признаюсь, что считала это не только странным, но и унижительным. Но и тогда я ничего не сказала. Патрик не критиковал меня за то, что я целиком отдаюсь Неде, поэтому я не критиковала Патрика за то, что он целиком отдает себя саду. Так или иначе нам обоим требовалось какое-то отвлечение, чтобы жизнь в Кашельмара была более или менее сносной.

Летом Маргарет вернулась с мальчиками и похвалила нас за Неда – он рос как надо.

– Он такой умненький! – восхищенно проворковала она. – Это видно с первого взгляда.

– Маргарет говорит, что Нед очень умненький, – гордо сказала я Патрику.

Я, конечно, знала об этом с момента его рождения, но с удовольствием слушала, когда кто-то другой подтверждал это. И Нед и в самом деле казался умненьким. Он сидел прямо, глазки его горели на светящемся личике.

– Он просто образец здоровья, – одобрительно добавляла моя золовка Маделин.

Она каждую неделю приезжала к нам из Клонарина, где у нее была амбулатория, и для меня в моем заключении ее приезды становились отдохновением. Я боялась растить ребенка в месте, столь отдаленном от цивилизации, но после заверений Маделин в том, что никаких проблем у меня не будет, ее уверенность передалась и мне. Она убедила отставного доктора из Дублина приехать в Клонарин и помогать ей. Доктору Таунсенду давно перевалило за шестьдесят, но уговорить более молодого человека обосноваться в таком месте было невозможно, и я подозревала, что доктор Таунсенд просто не смог отказать такой сильной личности, как Маделин. Она познакомилась с ним во время визита к архиепископу, и потом пошли разговоры, что с тех пор доктора Таунсенда как подменили.

– Но Маделин никогда не выйдет замуж, – с сожалением заметила моя другая золовка Катерин. – Она слишком не от мира сего.

Мне нравилась Катерин. Нравился ее вкус в одежде, а прически она всегда носила самые модные, и я завидовала ей черной завистью.

– Весь секрет в том, моя дорогая, – объяснила Катерин, – что нужно иметь горничную-француженку. А дальше все получается само собой.

Я подумала, сколько стоит иметь горничную-француженку, но спросить не отважилась. Моя горничная была лондонской девушкой, очень рукастой, добросовестной, но без всякого воображения. Мне часто не хватало Люси – горничной, которую я привезла с собой из Америки, но, когда мы поселились в Лондоне, она тут же вышла замуж, и, как следствие, пострадал мой гардероб.

– Не могу понять, что ты находишь в Катерин, – удивлялся Патрик. – Но в любом случае мне это не нравится. Ты после общения с нею сама не своя.

– Ничуть, – возразила я, хотя он и был прав. Катерин, такая красивая, такая изящная, жила той жизнью, которой хотела бы жить я, – она, будучи хозяйкой дома, женой английского пэра, принимала политиков, организовывала благотворительные вечера. – Думаю, Катерин не удовлетворена жизнью, – с вызовом сказала я Патрику. – У нее нет ребенка.

И все время я думала: ты не должна жаловаться, не должна ныть, не должна хотеть, чтобы жизнь была чуточку веселее и мы могли бы жить где угодно, только не в Кашельмаре.

Братьям Патрика нравилось в Кашельмаре. Мальчикам она, вероятно, должна была казаться чарующим местом с бескрайней неизведанной территорией и возможностями новых впечатлений каждый день. Маргарет предоставляла им чрезвычайно много свободы, и все говорили, что это совершенно не английский метод. Полагаю, результаты показали ее правоту, потому что мальчики были хорошо, но не до занудства воспитаны и при этом умели резвиться, не доставляя никому неудобств. Мне не очень нравился Том – остроносый рыжеволосый мальчик, слишком высокого мнения о себе, а Дэвид был хорош – сильное воображение и не поддающееся определению старомодное обаяние. Он только что преодолел возрастной кризис, перестав быть ребенком в семье, и даже предлагал покатать Неда в коляске.

– Глупо! – бросил Томас, который всех младенцев считал недостойными его внимания.

– Вовсе нет, – возразил Дэвид, которому исполнилось двенадцать, но говорил он иногда как шестидесятилетний. – Чтобы катать коляску в саду

Патрика, требуется немалая смелость и значительная сила.

К сожалению, так оно и было. Патрик перепахал газон, а теперь работал над тем, что называл аллеей азалий, которая должна была связать газон с часовней. Грязь, беспорядок и разрушения были настолько ужасающими, что, выходя на прогулку, я могла катать коляску лишь между домом и воротами.

Я столько времени проводила с Недом! Его нянька, вероятно, думала, что слишком много. Я всегда помогала купать его, одевать, причесывать маленьким серебряным гребешком. Мы с Патриком не вылезали из детской, и я никогда не чувствовала себя счастливее, чем в те времена, когда мы оба сидели там на полу, а рядом ползал Нед со своими игрушками.

Я писала восторженные письма семье.

«Дорогие мама и папа, все здесь прекрасно, и мы все очень счастливы...», и «Дорогие мама и папа, когда вы приедете к нам в гости? Я знаю, вы не хотели приезжать, пока мы переживали бурные времена, но те дни давно остались в прошлом...», и «Дорогие мама и папа, мы с Патриком очень хотим, чтобы вы приехали к нам в Кашельмару...».

В июле из Америки пришло письмо с черной рамкой. Оно было адресовано Патрику. Чарльз просил его как можно мягче сообщить мне: папа умер в конце мая после непродолжительной болезни и вероятность приезда мамы в Кашельмару в ближайшие месяцы крайне невелика.

4

Смерть папы так ошеломила меня, что я тут же хотела мчаться в Нью-Йорк, но Патрик и Маделин сказали, что на похороны я все равно не успею: папу, наверное, похоронили еще до прибытия письма в Кашельмару.

– Кроме того, – практическим тоном напомнила Маделин, – ты только вообрази себе долгое путешествие с младенцем по океану.

– Неда мы могли бы оставить здесь, – с сомнением в голосе сказал Патрик.

– Нет, я не вынесу расставания с ним! – Я заплакала, а когда представила разлуку с сыном, слезы хлынули у меня ручьем.

К счастью, Маргарет находилась в Кашельмаре. Говорить с человеком, который любил папу так же сильно, как и я, было для меня утешением, и вскоре, почувствовав себя лучше, я написала маме и Чарльзу, что сейчас не

могу предпринять долгое путешествие. Еще я просила маму пересмотреть ее решение не ехать в Кашельмару, но она в ответ написала: ее собственное здоровье в таком состоянии, что врачи запретили ей путешествовать. Что же касается Чарльза, то он настолько занят, что сейчас и речи быть не может о его поездке. Состояние папы сильно пострадало во время кризиса на Уолл-стрит 1873 года, а проблемы со здоровьем воспрепятствовали его попыткам восстановить прежнее финансовое благополучие.

Из-за этих несчастий мне почти не приходилось ожидать большого наследства – или вообще какого-либо наследства, – но, несмотря на все свои несчастья, мой бедный дорогой папочка смог наскрести для меня пятьдесят тысяч долларов. Папа всю жизнь был миллионером, так что эту сумму вряд ли можно было считать состоянием, но для нас, погрязших в долгах, такая сумма казалась громадной, и мы оба страшно обрадовались. Патрик с неохотой произнес:

– Я думаю, мы все эти деньги должны бы направить на погашение наших долгов.

Но я возражала. Отец завещал их мне, чтобы я потратила все по своему усмотрению, и, как бы мне ни хотелось вложить деньги в погашение долгов, я не считала, что все наследство следует потратить на эти цели.

– Но, Патрик, ты подумай! – У меня голова пошла кругом, как у голодающего при виде пиршества. – Пятьдесят тысяч долларов! Разве мы не можем потратить хоть капельку на то, чтобы провести месяц-другой в Лондоне?

– И в Вудхаммере, – с тоской в голосе сказал Патрик. – Мы могли бы оплатить вторую закладную и снова открыть дом...

– Развеяться, – продолжала я, мысленно уже покупая бальные платья и нанимая французскую горничную. – Ах, Патрик, всего месяц в Лондоне, прежде чем мы уедем в Вудхаммер.

– Конечно, ты можешь провести месяц в Лондоне! – согласился он, целуя меня. – Ты была такая замечательная, Сара, все эти месяцы. Месяц в Лондоне – это самое меньшее, чего ты заслуживаешь.

Я заплакала от радости. Мы снова поцеловались, на сей раз очень страстно, а потом перспектива бегства из Кашельмары так опьянила нас, что мы принялись кружиться по гостиной в танце, а Патрик во всю силу своего голоса запел «Голубой Дунай».

Нужно ли мне описывать, что произошло в Лондоне? Ну разве не должны были мы оба понимать, что, несмотря на все наши клятвы и заверения, Лондон – это такое место, где ни одному из нас нельзя доверять?

– Ну, теперь-то все по-другому, – возразила я Маргарет, когда она осторожно обронила остерегающее словцо. – Мы оба стали гораздо мудрее, чем прежде.

Да, я и в самом деле так сказала. Я поехала в Лондон, прекрасный, восхитительный, лихорадочный Лондон с его поразительным, бесконечным блеском, и я искренне верила, что жизнь меня всему научила и я не позволю себе никаких излишеств. Верила в это, даже когда начала покупать новые платья, потому что, конечно же, это было оправданно после всех этих долгих, жутких месяцев экономии в Кашельмаре. Разве я не заслужила вознаграждения за все те времена, когда терпела не жалуясь? И вот я заказала себе платья, великолепные, пышно украшенные тесьмой, воланами и цветами, дневные платья из атласа и японского шелка в двух оттенках одного цвета – яблочно-зеленого и темно-зеленого, пастельно-голубого и синеватого. Ах, как они были великолепны! Я заказала накидку в виде бурнуса, трехслойную пелерину и три котиковые шубки. Нет, я не могу объяснить, зачем мне понадобились три, разве что они чуточку отличались друг от друга и были так поразительно красивы, что стоило мне надеть одну из них, как я чувствовала себя особенной и счастливой. Потом купила муфты к шубкам, три пары длинных лайковых перчаток, и шляпку Долли Варден^[12] с ленточками-приманками, и десять пар туфель на высоком каблуке. Теперь мое прежнее нижнее белье стало казаться безнадежно убогим, и я не успокоилась, пока не купила моднейшие нижние юбки и шелковые чулки. А потом еще маленькие кружевные чепчики, шемизетки, фишю и кружевные воротники – все такое замечательное, что я чувствовала себя теперь как королева. А Патрик, дорогой Патрик, подарил мне драгоценности – он сказал, что очень гордится мной. То было длинное изумрудное ожерелье, и оно, конечно, было таким поразительным, что я не могла не купить к нему сережки. Все наши друзья так радовались возможности встретить меня снова, и, куда бы мы ни приходили, люди говорили: ах, какая красивая пара, ах, как они рады видеть нас такими счастливыми.

– Ах, Патрик! – простонала я, когда месяц, который мы отвели себе в Лондоне, стал подходить к концу. – Как мы сможем вынести возвращение в Кашельмару, когда наступит время?

Да, я это сказала. Как ни ужасно признавать, но я это сказала. И еще добавила слова, которые мне стыдно повторить теперь, – о том, как я

ненавижу считать каждый пенс, как ненавижу жить за городом и никогда не смогу быть по-настоящему счастливой, если не буду жить в городе.

Тем вечером Патрик незаметно выскользнул из нашего арендованного дома. Он уходил уже пять вечеров подряд, но я ничего не знала об этом, пока как-то утром не спустилась к завтраку и не увидела, что его нет.

В тот день он вернулся в два часа. Я уже с ума сходила от тревоги и собиралась обратиться в полицию – только гордость останавливала меня. Я думала, что полиция тут же решит, что речь идет о неверном муже и его истеричке-жене, но я не сомневалась в верности Патрика, как не сомневалась и в том, что он не играет в карты. Неверность не входила в круг его пороков, что же касается карт... разве он не обещал измениться?

Он вошел очень тихо, с серым, изможденным лицом, воспаленными глазами, запах бренди окутывал его, словно невидимые доспехи. Посмотрел на меня – я бросилась к нему вниз по лестнице – и ничего не сказал.

– Где ты был? – спросила я, расстроенная, оглянувшись через плечо, чтобы убедиться, что слуга уже далеко и нас не слышит. – Как ты смеешь не ночевать дома?! Я изволновалась до смерти!

Он не ответил – прошел мимо меня к лестнице.

– Патрик! – Я схватила его за плечо, встряхнула. Я все еще была скорее сердита, чем испугана, но когда он вывернулся с такой грубой силой, что я чуть не упала с лестницы, то вышла из себя. – Прекрати! – закричала я. – Что с тобой случилось? Прекрати немедленно!

– Не шуми! – Он уже поднялся на самый верх, а когда я бросилась за ним, затащил меня в гостиную и захлопнул дверь. И начал браниться. Сказал, что я избалованная дрянь, что все неприятности из-за меня. – Ты меня довела до этого! – вопил он голосом, который у него появлялся только в очень пьяном виде. – Нарушила все свои обещания жить скромно, устроила такой шум, жаловалась на Кашельмару. Ты довела меня до этого!

– До чего? – закричала я на него, но я уже знала. Моя ярость сошла на нет. Я была в ужасе.

– До того, чтобы отыграть те деньги, которые ты потратила! – выдал в ответ муж, и еще до того, как он пустился в долгие путаные объяснения, я поняла, что он проиграл все, и даже больше.

Он говорил и говорил. Патрик переживал заново каждый час прошедших пяти ночей, которые провел за игрой. Рассказывал, как он выиграл, и как почти выиграл, и как чуть было не выиграл, и как выиграл бы, «если бы только».

– Это все твоя вина, – снова и снова повторял он, когда больше сказать

было нечего. Патрик плакал. Его лицо исказила гримаса боли, его глаза сквозь крупные слезы казались слепыми. – Это все твоя вина.

Я открыла было рот, чтобы возразить, но так и не сказала ни слова. Отрицать что-либо было бессмысленно. Хотела бросить обвинения ему в лицо, но и это ни к чему бы не привело. Я молча смотрела на него. В тот миг мне было очевидно: мы снова вернулись на грань катастрофы и мое будущее зависит от того, что я произнесу сейчас.

Я подумала о Неде и других детях, которых хочу родить. Меня спасла гордость. Она напомнила мне о горьком унижении, которое придется пережить, если мир узнает, что наш брак закончен. Подумала о восемнадцатилетней Саре Мариотт – той девушке, что вышла замуж за богатого, титулованного, красивого молодого англичанина, о блеске успеха в свете, о том, как я упивалась положением невесты сезона, головокружительными перспективами, открывающимися передо мной в ослепительном будущем. Я не должна потерпеть фиаско, лихорадочно думала я, этого не случится.

– Патрик, – прервала я, – давай не будем говорить об этом сейчас. У тебя ужасно усталый вид. Почему бы тебе не поспать немного? Тебе станет лучше, когда ты отдохнешь, и тогда мы сможем все спокойно обсудить и решить, что нам делать.

Сделав над собой невероятное усилие, я села на подлокотник его кресла и поцеловала его в лоб.

Его реакция была до нелепости благодарной, что привело меня в ужас. Он обнял меня. Сказал, что презирает себя, ни на что не годится, всегда знал, что ни на что не годится, всегда был глупым, недоумком, за что бы ни брался – ничего не мог довести до конца.

– Это нелепый разговор, – ответила я, пытаюсь не показывать, что его вспышка самоуничижения повергла меня в ужас. – Ты подумай обо всех своих талантах. Подумай о Неде. Как ты можешь считать себя неудачником, если у тебя такой сын?

Он ответил, что не заслуживает Неда, не заслуживает меня, что мы слишком хороши для него.

Я и в самом деле сочувствовала ему, но у меня вызывало неприязнь его униженное смирение. Я должна была напоминать себе, что родила от него ребенка – самое главное желание в моей жизни, что он и в самом деле добрый, мягкий и любящий муж. Многие женщины завидовали бы мне. Но потом все эти ужасные мысли снова стали одолевать меня – не уйти ли мне от него; нет, исключено, я тогда буду уничтожена. А если смириться с тем, что я буду уничтожена? Нет, это невозможно, потому что, уйди я от него,

мне придется оставить Неда; нет ничего более презренного, чем жена, ушедшая от мужа, все судьи так утверждают – только на днях в газете писали о таком случае.

– Сара, я очень люблю тебя, – прошептал Патрик, который продолжал плакать, как мальчик, и я после паузы сказала:

– Я тебя тоже люблю. – Я не знала, так оно или нет, но считала, что так оно должно быть, если я остаюсь с ним. – Ложись спать, – повторила я. – Тебе нужно отдохнуть.

Говорила эти слова, а сама думала: я в ловушке. Выхода нет. Никакого выхода.

Он вел себя как послушный ребенок, когда я отвела его в постель и, как только пришел его слуга, вернулась в гостиную. Шел дождь. Дерево в маленьком саду обрело сочный зеленый цвет. Я долго стояла у окна, смотрела, и постепенно гнев снова принялся жечь меня, мои ногти, словно булавки впились в ледяные ладони.

6

Ему пришлось продать Вудхаммер-холл. Суммы закладных были уже так велики, что получить новую закладную было невозможно, и его кузен Джордж, муж Катерин лорд Дьюнеден и Ратбон, семейный адвокат, пришли к единодушному мнению: Вудхаммер должен быть продан.

Мы к этому времени уже вернулись в Кашельмару, но Патрик еще раз съездил в Англию, чтобы в последний раз посмотреть на дом, в котором провел детство. Никто не дал ему денег на поездку, но он заложил семейное серебро. Отсутствовал всего две недели, и я уже начала беспокоиться, но тут он появился. Выглядел больным, одежда его была в ужасном состоянии, потому что он не мог себе позволить взять с собой слугу.

– Что ты делал все это время? – недовольно спросила я и в ужасе добавила: – Неужели опять играл?

– Нет, я был только в Вудхаммере. В Лондон не ездил.

Он показал мне несколько набросков. Всего их было двадцать четыре – зарисовки Вудхаммера, не менее шести из них изображали резную лестницу в большом зале.

– Моя лестница, – пробормотал Патрик, и я быстро нашла предлог выйти, пока он не расплакался снова.

Не то чтобы я не сочувствовала ему – я знала, как он любит Вудхаммер, – но я сама готова была зарыдать в любую минуту в последнее время, и мне требовался кто-нибудь, на кого я могла опереться, а не тот, кто хочет опереться на меня.

Шли дни.

В Кашельмаре было очень тихо.

Патрик с удвоенной энергией занимался своим садом и редко выходил за ограду, а я предпринимала попытки организовать собственную жизнь и придумать какую-нибудь убивающую время рутинную работу. Я скрупулезно наносила визиты, ездила в Аслех, Линон и Клонбур, а мне в ответ наносили визиты Планкетты, Ноксы и Кортни. Разговоры велись о детях, протестантской церкви и о том, как помочь бедным. Патрик категорически отказывался встречаться с кем бы то ни было, так что вопроса об устройстве званого обеда не стояло, даже если бы мне и захотелось. Сама я редко видела Патрика. Наши интимные пятницы закончились, он часто пропускал еду, и, как правило, мы встречались в детской. Казалось, что единственный, кого он хочет видеть, – это Нед.

Я постоянно писала маме и Чарльзу в Америку, Маргарет – в Лондон. Я даже начала вести дневник, хотя прежде клялась себе, что ни за что не буду это делать, но удивительно, к чему только не прибегает человек, когда отчаянно хочет занять себя хоть чем-нибудь. Я знала, что ситуация улучшится, когда Нед подрастет, но пока он еще спал по утрам и днем, а в половине седьмого его уже укладывали на ночь.

И все это время стояла тишина, бесконечная отупляющая тишина, от которой невозможно было бежать, спастись.

Я снова и снова повторяла, что должна найти себе занятие. Должна что-то делать. Должна заполнить эти пустые часы, иначе сойду с ума.

Как-то раз я пошла в часовню по новой аллее азалий. Нет, мне не хотелось молиться, просто я не знала, что мне делать, и на полпути вдруг стала задыхаться. Тишина, казалось, накрывает меня волнами, налетающими одна за другой, я запаниковала и закричала во весь голос, но не услышала ни звука. Ужас охватил меня. Я подумала, что на самом деле схожу с ума, а потому со всех ног пустилась назад в дом, приказала подать коляску к двери. Возможно, доктор, помогающий Маделин, пропишет мне какое-нибудь успокоительное, но, когда доехала до амбулатории, обнаружилось, что он уехал в Леттертурк за какими-то медицинскими средствами, которые в тот день должны были доставить из Дублина.

– Сара, какой приятный сюрприз! – проурчала Маделин, прежде чем я успела рассказать, что меня беспокоит. Увидев меня, она решила, что мой

приезд – это филантропический жест. – Я все время тебя жду. Хочешь выпить чая, прежде чем посмотреть палату?

Я находилась в таком состоянии, что даже не могла сообщить ей: болезни по-прежнему вызывают у меня отвращение и я не имею ни малейшего желания посещать больных, чтобы убивать время. Просто прошла за ней в кабинет – крохотную комнатку не больше кладовки, опустилась на стул, а она попросила одну из деревенских девушек приготовить чай.

– Я бы привезла цветы, – слабым голосом сказала я, – но сад...

– Ты привезла себя, – возразила Маделин. – Это гораздо важнее. – Она передвинула какие-то бумаги на маленьком столе, достала корзиночку с яйцами из-под другого стула. – Ты выбрала для приезда превосходное время. Я только что закончила прием в амбулатории и собиралась написать архиепископу, прежде чем идти в палату.

– Я надеюсь... ну, там нет ничего инфекционного? Я должна думать о Неде.

– Конечно. Нет, ничего такого здесь нет. У нас всего девять кроватей, поэтому мы принимаем только тех, кто умирает и у кого нет семей, чтобы ухаживать за ними. Сейчас у нас одно злокачественное образование, две болезни печени, а остальные – недостаток питания, зашедшее настолько далеко, что больные уже неизлечимы. У нас было трое чахоточных, но теперь их нет, упокой Господь их души. – Она рассеянно перекрестилась, и в этот момент раздался стук в дверь. – Войдите! – тут же отозвалась она.

В комнату вошла молодая женщина, постарше меня, но моложе тридцати. Ее аккуратное черное платье и мягкие манеры навели меня на мысль, что Маделин упросила ее приехать из Дублина, как и доктора Таунсенда.

– Ваш чай, мисс де Салис, – сказала она Маделин с улыбкой.

– Да, спасибо огромное. Сара, позволь представить тебе одного из моих самых преданных и ценных волонтеров. Миссис Максвелл Драммонд. Миссис Драммонд, это моя невестка леди де Салис.

Я узнала имя Максвелл Драммонд, но была удивлена тем, что эта учтивая, воспитанная женщина вышла за такого мошенника, который, по словам Патрика, был не только главным смутьяном в долине, но еще и ответственным за смерть Дерри Странахана.

– Здравствуйте, миссис Драммонд, – поприветствовала я женщину, пытаюсь скрыть удивление.

– Здравствуйте, миледи, – вежливо отозвалась она, сделав едва заметный книксен, но я обратила внимание, что она при этом не смотрит на

меня.

– Младший ребенок миссис Драммонд такого же возраста, как и Нед, – сказала Маделин, не замечая ни моего замешательства, ни смущения миссис Драммонд. – Оставайтесь, выпейте с нами чая, миссис Драммонд. В углу, за мешком с овсом, есть табуретка.

– Я не хотела бы мешать, мисс де Салис.

– Вы не помешаете, – возразила Маделин своим самым вежливым и мягким тоном. – Вы просто не примете приглашения.

Миссис Драммонд явно проработала с Маделин достаточно долго, чтобы по голосу отличить настоятельное требование от приглашения.

– Огромное спасибо, мисс де Салис, – ответила она. – Я тогда схожу за чашкой для себя.

– Хорошо, – благосклонно произнесла Маделин, проводив ее взглядом. Как только мы остались одни, она заявила: – Я сочувствую этой девушке. Ты сама видишь, она образованная и воспитанная – дочь учителя из Дублина, – но совершила ужасную ошибку, убежав с Драммондом, и... ты ведь знакома с Драммондом?

– Господи боже, нет, конечно, Патрик его и на милую ко мне не подпустит!

– Он очень неотесанный... и это еще самое мягкое слово для его описания. И безнравственный, – добавила Маделин, вытягивая маленькие губы. – Однако не мне его судить – я оставляю это Господу, – но я, по крайней мере, смогла помочь этой бедной девушке, дав ей занятие и немного человеческого участия. К счастью, две тетушки ее мужа, обе старые девы, живут на той же ферме, так что у нее есть кому присмотреть за детьми и она может потратить несколько часов в неделю, помогая мне в амбулатории. Она на днях сказала мне, какая для нее радость...

Раздались шаги миссис Драммонд. Когда дверь открылась, Маделин уже спрашивала о здоровье Неда.

Я посмотрела на миссис Драммонд свежим взглядом и подумала, что мне повезло в жизни. Я испытала чувство стыда оттого, что придавала слишком уж большое значение нашим недавним несчастьям: ведь у нас есть Кашельмара, прекрасный дом, пусть мне в нем и одиноко, а Патрик всегда оставался преданным мужем.

– Сколько у вас детей, миссис Драммонд? – спросила я, стремясь быть с нею дружелюбной.

– Шесть выживших, миледи, слава богу, четыре девочки и два мальчика.

– А ваш младший – тот, который ровесник моему?

– Его зовут Денис, миледи. Он родился в прошлом декабре.

Мы выяснили, что Денис и Нед родились с разницей в три дня, а затем последовал весьма прелестный разговор – мы сравнивали свои наблюдения за ростом наших детей. Маделин, нужно отдать ей должное, тоже находила беседу восхитительной. Только после того, как мы выпили по две чашки чая, она предложила сходить в палату, но я к тому времени пребывала в таком благодушном настроении, что готова была без жалоб смотреть что угодно.

– Очень надеюсь, что вы вскоре снова посетите нас, леди де Салис, – сказала миссис Драммонд, после того как я улыбнулась каждому из девяти пациентов и пожелала им выздоровления.

– Непременно приеду! – сразу же отозвалась я и, повернувшись к Маделин, успела заметить ее довольное выражение.

И прежде чем кто-либо из нас успел сказать еще хоть слово, появился мистер Таунсенд из Леттертурка, и миссис Драммонд удалилась на кухню, чтобы руководить приготовлением дневного супа.

– Я надеюсь, вы окажете нам честь и отобедаете с нами, леди де Салис, – заявил доктор Таунсенд.

Он оказался стройным и бодрым, и на вид ему было ближе к пятидесяти, чем к семидесяти, но я подумала о Неде, которого кормят в детской, и сказала, что, к сожалению, не могу остаться. Я уже собиралась уезжать, когда в палате случился кризис: один из пациентов закричал, что ему нужна помощь, Маделин и доктор Таунсенд поспешили в палату, а я осталась одна в коридоре.

Коридор был большой, поскольку служил еще и комнатой ожидания для тех, кто приходил в амбулаторию, и пустой, если не считать рядов табуретов вдоль беленых стен. Я стояла в конце коридора, в самом отдаленном от входной двери углу, но в ожидании Маделин медленно передвигалась по помещению, задерживаясь у религиозных текстов, висевших на стенах между изображениями Марии с Младенцем. Я думала о том, сколько ирландцев умеют читать и сколько из тех, кто умеет, смогут оценить такие мысли, как «Блаженны нищие», но тут мои занятия оказались прерванными. Входная дверь распахнулась, и порыв прохладного воздуха заставил меня плотнее закутаться в накидку, пока не закроется дверь.

Но дверь оставалась открытой. В коридоре против света стоял человек. На нем были грязные штаны, ботинки в комьях земли и вонючая куртка.

У меня за спиной раздался голос миссис Драммонд:

– Макс! Ты почему здесь? Что-то случилось дома?

Она бросилась к нему, и в этот момент он закрыл дверь, пресекая и поток света за его спиной, и тогда я впервые увидела лицо врага моего мужа – Максвелла Драммонда.

Глава 2

1

Он был высокий, но из-за широких плеч казался ниже. Его длинные, очень темные волосы торчали клочьями, баки давно не видели ножниц, но подбородок и кожа над верхней губой были чисто выбриты. Его глаза казались еще темнее волос.

– Макс... – Миссис Драммонд зарделась, мое присутствие сильно смущало ее. Он искала подходящие фразы для представления. – Леди де Салис... мой муж... Макс, это...

– Конечно это она, – подхватил он. – Ведь ты же уже сказала. Добрый день, миледи. Эйлин, тебе лучше поспешить домой. Салли подвернула ногу, и тут бессильны даже любимые припарки тетушки Бриджи.

– Иду. – Миссис Драммонд глянула на меня огорченным и смущенным взглядом. – Я должна взять шаль и сказать мисс де Салис, что ухожу. Попросить доктора Таунсенда посмотреть Салли?

– Да нет же, бога ради. Салли нужна мать, а не доктор!

– Я только подумала...

– Где твоя шаль?

Миссис Драммонд вышла, не сказав больше ни слова, но я видела, что она прикусила губу, будто заставляя себя промолчать. На меня она не посмотрела. Когда женщина вышла, я начала натягивать перчатку.

В коридоре наступило молчание. Он смотрел на меня. Моя вторая перчатка выскользнула из пальцев и упала на пол; я ждала, что он ее поднимет, но Драммонд не шелохнулся. Мне пришлось самой ее поднять, но сначала я посмотрела на него.

Нос его, судя по всему, не раз ломали в прошлом, челюсть казалась необыкновенно квадратной.

Я помнила про перчатку. Та все еще лежала на полу. Я посмотрела на нее так, словно она являла собой какую-то неразрешимую загадку, и чувствовала, как румянец, жар и пот ползут с моей шеи на лицо.

А ведь я никогда не краснею. Такой уж у меня цвет лица.

Он не сводил с меня глаз.

Я повернулась, быстро прошла к палате.

– Маделин! – позвала я. – Маделин, ты здесь?

Маделин все еще стояла, склонившись над пациентом.

– Сара, пожалуйста, еще минуточку, – сказала она, не поднимая головы, и я медленно отступила назад в коридор.

Я подняла перчатку, натянула ее на руку. Что делает миссис Драммонд? Почему не возвращается со своей шалью. Подойдя к ближайшему распятию, я принялась читать очередной текст, но внезапно меня словно что-то вынудило обернуться.

Он улыбался мне.

– Макс, извини, что заставила тебя ждать...

Миссис Драммонд стремглав влетела в коридор, но я ее почти не видела. Она что-то говорила, но ее слова не доходили до меня.

Миссис Драммонд попрощалась со мной, а я, кажется, попрощалась с ней. Они ушли, а я выждала еще минуту и тоже вышла, не простившись с Маделин, и велела кучеру везти меня домой в Кашельмару.

2

Всю дорогу домой повторяла: я больше не буду об этом думать. Но когда думала об этом, то говорила себе: ерунда. Вспоминала всех мужчин, которые улыбались мне в прошлом, а когда потеряла им счет, пожала плечами и попыталась думать о чем-нибудь другом.

Я приехала домой такая разгоряченная и потная, что решила принять ванну. Принимать ванну днем в Кашельмаре – все равно что просить о землетрясении, но в конце концов к трем часам ванну наполнили горячей водой, и я принялась тщательно отмывать себя последним куском дорогого мыла, привезенного из Лондона. И лишь позднее, когда моя горничная помогала мне надеть чайное платье, я вспомнила, что забыла про второй завтрак – не только свой, но и Неда в детской.

Вместо этого я выпила с ним чая, и вскоре из сада пришел Патрик, чтобы покатать Неда на спине по полу детской. Я довольно смотрела на них, когда мне в голову закралась мысль: интересно, когда я увижу его еще раз? И эта мысль со всеми вытекающими последствиями так встревожила меня, что мне пришлось схватить Неда со спины Патрика и крепко прижать к себе, чтобы воспоминание о Драммонде исчезло из моей головы.

После ужина тем вечером я сказала Патрику:

– Я бы так хотела еще ребеночка. Как ты думаешь... может быть...

И мы возобновили наши пятничные совместные ночи, но ребенка все

не было и не было, и наконец я, не в силах больше терпеть Супружеское Действо без передышки, спросила Патрика, не можем ли мы приостановить на месяц наш пятничный ритуал. Сказала ему, что чувствую себя неважно. Патрик ответил, что ему очень жаль и он надеется, я вскоре поправлюсь.

Он не сумел полностью скрыть того огромного облегчения, что испытал.

А я тем временем раз в неделю посещала амбулаторию, но больше ни разу не видела Драммонда, хотя поймала себя на том, что все ближе и ближе знакомлюсь с его женой. В начале декабря я даже навестила ее – привезла маленький подарок Денису. Слух, что леди де Салис побывала на ферме Драммонда, быстро дошел до Кашельмары, и Патрик так разозлился, что я поняла: моя поездка была ошибкой. К счастью, на Рождество к нам прибыли Маргарет с мальчиками, так что нам пришлось уладить ссору, но неловкость осталась, и мы продолжили спать в разных комнатах.

Пришла весна, промелькнуло лето, но ни разу за время моих еженедельных поездок в Клонарин я не видела Максвелла Драммонда. Воспоминание о нем стало стираться, но всегда, отправляясь в Клонарин, я исполнялась предвкушения. Я признавала это чувство, но никогда не пыталась задерживаться на нем, и оно делало сносной пустоту жизни в Кашельмаре, удручающую скуку вышивания простыней в амбулатории, визиты, ежедневную страничку в моем дневнике и безуспешные попытки развить в себе интерес к домашнему хозяйству.

Новый удар я получила осенью, когда от Чарльза пришло письмо, которым он сообщал о смерти мамы. Я до этого даже не понимала, как жду ее приезда, как тороплю ее выздоровление, и это известие погрузило меня в отчаяние. Я написала Чарльзу, умоляла его приехать в Ирландию и была горько разочарована, когда он опять написал, что в настоящий момент никак не может оставить бизнес: кризис за кризисом сотрясали Уолл-стрит. Годы спустя я узнала от Чарльза, что, когда мама умерла, он был на грани банкротства. Вместо этого он пригласил в Нью-Йорк меня с Патриком, но мы, конечно, были ближе к нищете, чем он, а гордыня не позволяла мне открыть брату, что мы не можем себе позволить путешествие через Атлантику.

Снова наступила зима, а с нею и второй день рождения Неда. Мы устроили для него маленький праздник. Пришли дети кухарки и внучки Хейса, приготовили сладкий бисквит с масляным кремом и двумя голубыми свечками. Патрик смастерил для Неда лошадку-качалку, и в

детской звучали счастливые визги сына, который раскачивался туда-сюда.

В канун Рождества я повезла две корзинки с едой в Клонарин, одну передала больным в амбулатории, а потом заехала к приходскому священнику, чтобы оставить вторую бедным. Маделин была невысокого мнения о священнике, твердила, что он необразованный, суеверный, не лучше, чем крестьяне его прихода, но мне он казался милым. Этот человек намного превосходил свою угрюмую паству, которая каждую неделю наблюдала мои приезды в Клонарин. Его страстно интересовала Америка, и, когда мы встречались несколько раз, он задавал мне самые разные вопросы про Нью-Йорк.

– Отец Донал, я привезла немного еды, – сообщила я ему, когда он вышел из коттеджа встретить меня. – Может быть, вы будете так добры раздать ее беднякам завтра?

– Храни вас Господь, миледи, – от души ответил он, помогая кучеру достать корзинку. – Пусть все святые с небес улыбаются вам, видя ваше милосердие.

Рассыпавшись в благодарностях, он затем спросил у меня, не окажу ли я ему честь – не войду ли в его дом выпить чая.

Я никогда прежде не бывала в его доме. Все наши предыдущие встречи происходили в амбулатории, но я не видела причин, по которым Патрик мог бы возражать против моего визита вежливости к местному священнику. Да и Маделин наверняка одобрила бы это, несмотря на ее невысокое мнение о способностях отца Донала. Поэтому я вышла из экипажа и позволила провести себя в маленький, тесный дом, в котором витали запахи сажи, торфа и другие, о природе которых я пыталась не думать. Я хотела достать мой платок с ароматом лаванды, но побоялась обидеть его. Отец Донал предложил мне лучший стул перед очагом, и я осторожно села на жесткое деревянное сиденье. Меня преследовали мысли о вшах и блохах, а экономка отца Донала, поклонившись не менее четырех раз, оттолкнула от меня двух вонючих собак и поставила на огонь чайник с водой.

Отец Донал уже говорил про Нью-Йорк. Курица, сидевшая в нише в стене, снесла яйцо.

– Слава богу! – воскликнула экономка и перекрестилась. – Она их вынашивает по два дня!

– А правда ли, миледи, – спросил отец Донал, – что придел Богоматери в соборе Святого Патрика украшен материей с золотом и драгоценными камнями размером с куриное яйцо? – (Раздался стук в дверь.) – Китти, меня нет дома, – велел отец Донал. – Разве что кто-нибудь умирает, а если уже

умер, то скажи, что я приду попозже.

– Ну и ну, отец, – проговорил Драммонд, открыв дверь, прежде чем Китти успела дойти до нее. – Хорошее приветствие старому другу.

Он обвел взглядом комнату. Увидел меня – мне удалось чуть кивнуть ему.

– Макс, как видишь, – укоризненно заметил отец Донал, – у меня благородная гостья.

– Да, я вижу. Добрый день, леди де Салис, – поздоровался тот, по-прежнему стоя на пороге.

Я хотела в ответ сказать «добрый день», но не смогла. Мне стало нехорошо. Я даже опасалась, что могу упасть в обморок.

– Ты разве не видел экипаж миледи у дома? – сердито спросил отец Донал.

– Видел, – признался он и развернулся. – Я зайду позже.

– Если что-то срочное!.. – крикнул ему вслед отец Донал, почувствовав, видимо, укол совести.

– Ничего. Ерунда.

Он ушел. Дверь закрылась. Все кончилось.

– Никогда не видела Макса таким странным! – воскликнула Китти, готовя чай.

– Макс всегда был невоспитанным, – раздраженно бросил отец Донал. – Должен попросить у вас прощения, миледи. Надеюсь, вы не станете говорить мужу, что видели Максвелла Драммонда в моем доме.

– Нет, конечно, – ответила я.

Мне стало лучше, но дышала я еще неровно. К счастью, отец Донал снова принялся болтать о церкви Святого Патрика, и я, сосредоточившись, сумела даже вставлять «да» в нужных местах. Чай помог мне. Когда моя чашка опустела, я поняла, что могу встать, не чувствуя головокружения.

– Да благословит вас Господь, миледи, – сказал отец Донал, провожая меня до экипажа. – Счастливого Рождества вам и лорду де Салису, а также благородному мастеру Патрику Эдварду.

– Спасибо, – поблагодарила я, понимая, что мое Рождество уже уничтожено, и весь путь до Кашельмары спрашивала себя, насколько глубоко погрузил меня в безумие вид человека, которого я едва знала.

Тем вечером за ужином я выпила много вина, а потом, чувствуя головокружение, рано ушла спать.

Мне приснился сон. В нем фигурировал Драммонд, но только находился он далеко. Он пропалывал картофельное поле близ озера. Потом пришел Патрик и показал мне цветы из сада. Прекрасные цветы. «Сегодня пятница, – сказал он. – Ты не забыла?» И мы пошли в постель вверх по лестнице. Свеча погасла, как только я улеглась под одеяло, и меня обуял такой страх, что я вскрикнула. Вспыхнула спичка, свеча снова загорелась, но я боялась открыть глаза, поскольку не знала, чье лицо увижу над собой. «Только Патрика, – твердила я, – никого, кроме Патрика, потому что никто другой не должен знать». Но я понимала, что в постели со мной вовсе не Патрик, ведь тот ушел в свою комнату. «Нет! – вскрикнула я, все еще не открывая глаз. – Нет!» Но было слишком поздно. Кто-то смеялся, издевался над моей несостоятельностью, выбалтывал мои постыдные тайны миру.

«Нет, нет, нет!» – прокричала я снова и проснулась на грани истерики. Шарила в поисках спичек, чтобы зажечь свечу, и все это время звала Патрика. Наконец он появился из соседней комнаты, и, когда в темноте вспыхнула спичка, я увидела его встрепанные волосы; он недоуменно зевал.

– Моя дорогая Сара, что случилось, черт побери? – спросил он, а когда я, зарыдав, ответила, что мне приснился кошмар, он мягко пробормотал: – Ну-ну, успокойся. – Потом обнял меня. – И что тебе снилось?

– Ничего. Не помню. – Мое тело все еще дрожало. – Патрик...

– Мм? – промычал он, подавив зевок.

– Я должна родить еще ребенка. Пожалуйста.

– Почему нет? Буду счастлив. Послушаешь тебя, так можно подумать, будто я возражаю. Ведь это не я несколько недель назад ушел в другую спальню.

– Знаю. Это моя вина, но...

– Да, твоя. Впрочем, бог с ним. Мы попробуем еще, если ты хочешь. Вернемся к нашим пятницам.

– Но, Патрик...

– Да, в чем дело?

– Я подумала... мы обязательно должны дожидаться пятницы? Мы не можем... что, если мы начнем сегодня?

– Бога ради, в такой час? Когда ты на грани истерики, а у меня глаза смыкаются?

Я сразу же поняла, что веду себя безрассудно, но слезы продолжали унижительно течь у меня из глаз.

– Извини. – Я пыталась говорить ровным голосом и делала огромное усилие, чтобы успокоиться. – Я просто не подумала.

– Конечно. – Он нежно-нежно поцеловал меня. – Я проведу ночь рядом с тобой, – сказал он и улегся в постель. – Тогда тебе не будет страшно спать без света. Кошмары – жуткая штука.

Он уснул почти сразу же, едва его голова коснулась подушки, но я пролежала без сна всю ночь, а когда рассвело, меня все еще трясло при воспоминании о том, как Максвелл Драммонд открыл дверь в дом отца Донала в Клонарине и обвел взглядом комнату, ища меня.

4

После этого я несколько месяцев думала о Драммонде, все те долгие безотрадные дни, когда я тщетно пыталась забеременеть, первые девять месяцев 1876 года. За это время дважды видела его. Один раз в мае издали на пути в Леттертурк, а в другой раз позднее, тем летом, когда я выглянула из окна амбулатории и увидела, как он проезжает мимо в телеге с впряженным в нее осликом. Я позволяла себе прибегать к изоощренным фантазиям. Поначалу просто воображала, что встречаюсь с ним и мы вежливо разговариваем. Встреча происходила в амбулатории, или на главной улице Клонарина, или даже у его фермы, которая стояла близ дороги на Кашельмару. Потом постепенно фантазии менялись. Встречи происходили в какой-то горной глуши – в полуразрушенном домике, может быть. Мы по-прежнему вежливо разговаривали, но теперь не на таком формальном уровне, как раньше. Я воображала, как Драммонд берет меня за руку и держит ее, глядя взыскующе мне в глаза. Не это ли неизменно происходило в романтических книгах, которые каждый раз по приезде оставляла мне Маргарет? Пасторальный пейзаж, сцепленные руки, обещание бессмертной любви... Это была бы, конечно, Безнадежная Любовь, и Из Нее Ничего Бы Не Получилось. Мы простились бы в последний раз, он поцеловал бы меня, может быть, мимолетным поцелуем в губы, но скорее уж более долгим в лоб. Героинь из романов всегда целовали в лоб. В этом я находила что-то очень утешительное. Никаких жарких объятий, никаких обнаженных непотребств, никакой непереносимой боли. Я все глубже и глубже погружалась в свои фантазии.

Я думала, что все изменится осенью, когда обнаружила, что беременна, но сны наяву продолжались. Всю зиму я не выходила из

Кашельмары, всю зиму мне снился Драммонд, пока весной наконец не родился мой второй сын и не спас меня от мучительного пребывания Драммонда в моих мыслях.

Мы думали, что ребенок не выживет. Он родился таким маленьким и болезненным, что даже молоко не мог сосать, а после рождения еще так потерял в весе, что превратился в маленькую пригоршню кожи и костей. Я слышала, как повивальная бабка буркнула Маделин: «Часто лучше, если такие умирают сразу». Это так расстроило меня, что я вспылила и запретила женщине приходить в дом. Я решила, что он должен выжить. Я отдавала ему все свое время и всю свою энергию, и в эти месяцы у меня, конечно, не оставалось времени на то, чтобы страдать по Драммонду.

Слуги напоминали друг другу, что мы с Патриком родственники, – мы и в самом деле дальние родственники, но никто не утруждал себя тем, чтобы посчитать, насколько далеко это родство, – а между родственниками кровь нередко разжижается. Всякие такие разговоры кумушек, омерзительная радость в предвкушении неизбежной трагедии и шепоток мне в спину. Я их всех ненавидела.

Мы назвали его Джоном. Я хотела назвать сына Фрэнсисом, но вначале его смерть казалась неизбежной, и я решила приберечь имя отца для сына, который будет здоровеньким, как Нед, а имя Джон – одно из тех немногих, по поводу которых у нас с Патриком не возникло споров.

Но Джон не умер. Он пил все больше и больше молочка с крохотной ложечки, которая помещалась у него во рту, а вскоре набрался сил и уже мог сосать сам из бутылочки. Однажды он улыбнулся мне, и тогда ничто уже не имело значения – ни Кашельмара, ни наша злосчастная судьба, потому что мой ребенок наконец набирался сил, и все в доме, начиная от Нэнни и кончая посудомойкой, твердили, что он выжил только благодаря мне.

– Когда маленький вырастет, чтобы играть со мной? – спросил Нед в свой четвертый день рождения в декабре.

– Потерпи немного, – ответила я, обняв его. Я чувствовала себя виноватой, потому что на протяжении всех этих тревожных месяцев слишком много занималась Джоном и не уделяла обычного внимания Неду. – Следующей весной он начнет ходить, и тогда играть с ним будет куда легче.

Но Джон поздно встал на ноги и к весне едва ли мог сидеть. Здоровье у него оставалось хрупким, и каждый его чих вызывал у меня тревогу. Но он был чудный ребенок. Черноволосый, с точеными чертами лица, и глаза у него имели необычную форму.

– Возможно, он вырастет не такой, как другие дети, – сказала мне Маделин, когда пришло время, а Джон никак не хотел вставать.

– Вырастет, как все! – сердито возразила я. Меня обидело ее замечание – ну и пусть Джон не такой шустрый, как Нед в его возрасте. – Ему нужны только любовь, уход и внимание.

Маделин больше не заговаривала со мной на эту тему, но Маргарет, приехавшая летом с сыновьями, меня успокоила.

– Господи боже! – воскликнула она. – Дэвид был таким толстым в возрасте Джона, что я думала, он так всю жизнь и просидит на полу, а посмотри на него теперь!

И я посмотрела на Дэвида, которому уже стукнуло шестнадцать: он все еще был полноват, но очень подвижен, и у меня на душе стало гораздо спокойнее.

Стоял сентябрь, и Маргарет гостила в Кашельмаре, когда мы получили письмо из Дьюнеден-касла: у Катерин легочное воспаление и она хочет увидеть нас.

– Я поеду только в том случае, если она умирает, – твердо сказал Патрик. Он не мог больше пяти минут находиться в одной комнате с мужем Катерин. – Я останусь с детьми, если ты хочешь поехать с Маргарет и мальчиками.

– Детей я возьму с собой, – сразу же ответила я.

– Ни в коем случае. Джон недостаточно крепок для такого путешествия, а Нед будет рыдать от скуки в Дьюнеден-касле. Черт побери, Сара, почему ты хочешь, чтобы дети всегда были при тебе? Ты не забыла, что они такие же мои дети, как твои? Без меня ты бы их не родила!

– Тем прискорбнее, – вырвалось у меня, и тут же между нами началась худшая ссора за многие месяцы.

Как обычно, Маргарет предложила приемлемый компромисс: Джон остается с Нэнни в Кашельмаре, а Патрик и Нед поедут со мной в Дьюнеден-касл.

– Потому что будет очень некрасиво, – строго заметила Маргарет, – если ты не приедешь, а Катерин вряд ли позвала бы нас, если бы не чувствовала себя очень больной.

Патрик мрачно согласился с тем, что она права, и мы стали готовиться, чтобы уехать как можно скорее. Необходимо было поспешать. Когда мы приехали в Дьюнеден-касл, посеревший лорд Дьюнеден сказал, что Катерин отходит, и через три часа после нашего приезда она умерла в возрасте тридцати восьми лет.

– Господи боже, – мрачно произнес Патрик, когда мы начали приходить в себя после потрясения, – теперь я попал в переplet.

Мы сидели в наших покоях перед обедом. За окнами ирландская зелень пряталась за влажным туманом, который прилепился и к серым стенам замка. Мои мысли были слишком заняты Катерин, и поначалу я не услышала, что он сказал, и даже, когда Патрик повторил свои слова, не поняла их смысла.

– Ты что имеешь в виду? – спросила я, вздрогнув.

– Я собирался попросить у Дьюнедена денег в долг, но в таких обстоятельствах это невозможно. Дьявольски неловко.

– Денег в долг?! – Его слова потрясли меня настолько, что я начисто забыла о Катерин. – Но, Патрик, я думала, наша финансовая ситуация после рождения Джона улучшилась! Ты даже поговаривал о поездке в Америку через год.

– Это верно, – неохотно согласился он. – Поговаривал.

– Но что случилось?

– Не впадай в истерику, дорогая.

– Я не впадаю! Просто хочу знать, что случилось.

– Неурожай случился, – сказал Патрик. – Прошлый год был ужасен, и в этом году ситуация явно не улучшится, поэтому арендаторы не могут платить арендную плату и... В общем, мои финансы поют романсы, мягко говоря. Будь у меня другой источник доходов – никаких проблем не возникло бы, но теперь все свои деньги я получаю только от Кашельмары, а Кашельмара даже в лучшие времена далеко не самое богатое ирландское имение.

– А почему арендаторов нельзя заставить платить? Наверняка у них остаются какие-то деньги!

– То небольшое, что у них было, они истратили после первого неурожая, и Макгоуан говорит, что бессмысленно ждать от них того, чего у них нет. Сара, ты не понимаешь, насколько бедны эти люди. Они выращивают картошку для себя, а пшено и овес на продажу, чтобы платить ренту. Если неурожай, у них нет ничего. Макгоуан говорит, что я еще должен благодарить Бога, что неурожай не затронул картошку, потому что если бы это случилось, то все, включая и меня, стали бы нищими.

– Но что-то ты ведь можешь сделать! – в отчаянии воскликнула я. – Если нужно взять деньги в долг, то, может, Джордж...

– Джордж в той же мере зависит от своих арендаторов, что и мы, так что у него тоже наверняка наступили трудные времена. Нет, Дьюнеден был моей единственной надеждой. Разве что после похорон...

Ситуация сложилась очень неловкая, и мне больше ничего не хотелось знать про нее, но после похорон Патрик попросил меня быть с ним, когда он обратится к зятю с просьбой. Я попыталась было отказаться, но он настаивал, убеждал, что его шансы на успех будут выше в моем присутствии. Я была уверена, что он ошибается. Поскольку похороны повергли меня в ужасное настроение, я вовсе не хотела становиться свидетельницей этого затруднительного разговора, но, чтобы предотвратить новую ссору, согласилась. Мы встретились с лордом Дьюнеденом втроем утром перед нашим отъездом в Кашельмару, и беседа получилась именно такой унижительной, как я и предполагала.

– Как ты смеешь говорить об этом в такое время! – вскричал лорд Дьюнеден. Он уже был стариком на восьмом десятке, но очень представительной и благородной наружности. – И как ты смеешь затевать такой разговор в присутствии твоей жены, которая ничего не должна знать о таких делах! Неужели у тебя совсем не осталось гордости? Ты совершенно утратил всякое представление о правилах приличия!

Патрик пробормотал извинения, перемешивая их ссылками на плохой урожай, но лорд Дьюнеден оборвал его властным жестом.

– Я с тобой покончил, – отрезал он. – Я помогал тебе все эти годы по одной, и только по одной причине – ты был братом Катерин. Но теперь, когда Катерин мертва, никакая сила на земле не заставит меня снова помогать тебе. Немедленно покинь мой дом и никогда не возвращайся!

Больше сказать было нечего. Я не знала, куда спрятаться от стыда, и мне едва хватило сил, чтобы выйти из комнаты, а потом, боясь, что беседа с Патриком может обернуться ссорой, я отправилась прямо к Маргарет.

– Но, решение очевидно, – сказала она, удивленная всем тем, что я ей выложила про наши беды. – Вы должны немедленно закрыть Кашельмару, чтобы экономить все до последнего пенса, и поехать жить ко мне на несколько месяцев.

– Но Маргарет... – пробормотала я, чуть не плача от ее щедрости. – Лондон... я думаю, мы не сможем... ты же знаешь, что с нами там произошло.

– Слушай, так получилось, что я как раз подумываю о покупке маленького имения. Я в последнее время заработала немного денег на своих инвестициях и вот уже некоторое время думаю, что устала круглый год жить в Лондоне. Было бы хорошо найти какое-нибудь место в Суррее, а

в дом на Сент-Джеймс-сквер приезжать только во время сезона.

– Суррей так близко от Лондона, – с опаской заметила я.

– В мои намерения входит найти дом подальше от железнодорожной станции, – уточнила Маргарет.

Так и решили. Томас и Дэвид были в восторге от этой идеи. И даже Патрик, придя в себя после стычки с лордом Дьюнеденом, заметил весело, что не было бы счастья, да несчастье помогло. Что же касается меня, то моя радость при мысли об отъезде из Ирландии на несколько месяцев омрачалась лишь тем, что нам придется жить на иждивении Маргарет, но, поскольку это явно ничуть не волновало Патрика, я решила, что будет глупо и мне думать об этом.

Я к тому времени чувствовала себя совершенно вымотанной. Ведь я и прежде сравнивала себя с Катерин, а когда смотрела на ее мертвое лицо, мне в какой-то жуткий момент показалось, что я смотрю на себя. Тогда у меня не оставалось выбора, только признать, как мне страшно заглядывать в будущее, потому что я поняла, что гарантий тебе не дает ни красота, ни молодость, ни какие-либо материальные блага, которые может предложить жизнь. Ничто в конечном счете не спасет тебя от хода времени, от старости, от могилы.

Несколько дней я была сама не своя. Патрик заложил еще фамильное серебро, чтобы выплачивать жалованье Макгоуану во время нашего отсутствия; я даже готовиться к отъезду не могла. А когда начала, то забот на меня обрушилось столько, что времени на посещение амбулатории не оставалось, и я узнала, что у Эйлин Драммонд родился еще один ребенок, лишь когда Маделин посетила нас в конце октября, за три дня до нашего отъезда.

– Драммондам, в отличие от остальных, по крайней мере, не приходится беспокоиться о неурожае, – сообщила Маделин и пустилась в объяснения о лизгольде, который гарантировал им безопасность владения землей. – А Драммонд умелый фермер, – добавила она. – Он как-нибудь перебьется и накормит лишний рот в семье.

– Маделин, – заговорила я, не успев прикусить себе язык, – я бы хотела сделать маленький подарок ребеночку. Может быть, если я дам тебе что-нибудь сейчас...

– Я передам миссис Драммонд, когда увижу ее, – одобрительно сказала Маделин. – Очень хорошая мысль.

– Только не говори Патрику. Ты ведь помнишь, как он был недоволен, когда я как-то раз посетила миссис Драммонд?

– Жена не отвечает за грехи мужа, – убежденно произнесла Маделин.

И я поднялась и забрала три платица, которые носил новорожденный Джон. Я их сама сшила из тончайшего шелка и украсила голубыми оборочками.

Три дня спустя, когда я вышла с коляской прогулять Джона, Максвелл Драммонд появился на своей тележке с ослом, проехал в чугунные ворота и направился рысцой к нам.

6

Я была одна. Нед помогал Патрику, который использовал последние часы, чтобы поработать в саду, а Нэнни в детской собирала игрушки.

– Добрый день, миледи, – поздоровался Драммонд, когда тележка остановилась передо мной. Он соскочил с нее – с обнаженной головой, волосы ниспадают на плечи, баки доросли до подбородка, в руке он держал три детских платица, которые я отправила его жене. – Нам не понадобится ваша благотворительность, поэтому я возвращаю вам старую одежду вашего сына, – сообщил он, кидая платица на край коляски, потом развернулся, словно собираясь тут же запрыгнуть на свою тележку.

Ярость помогла мне обрести дар речи.

– Мистер Драммонд, – проговорила я, удивляясь твердости собственного голоса, – я послала платица вашей жене в знак расположения к ней и не давала никаких оснований говорить со мной так, словно вещи годятся только на то, чтобы быть выкинутыми. На Джона их так редко надевали, и они почти новые.

– И такими же остались, – ответил он, прихлопывая блох на спине осла, – потому что нам они не понадобились.

– Но...

– Ребенок умер, – сказал он и развернулся лицом ко мне. – Эйлин была благодарна вам за ваш подарок, но решила, что должна его вернуть.

Я пришла в ужас от собственной нечуткости. Он, вероятно, подумал, что я безнадежно тупа! Я проглотила комок в горле и попыталась заговорить, но Драммонд опередил меня:

– Так оно лучше. Мне было бы трудно прокормить шестерых детишек зимой, и ребенок бы недоедал.

Я подумала об Эйлин и несчастном умершем младенце и чуть не задохнулась от ярости.

– Как вы можете говорить такое? – воскликнула я. – Младенцы так

мало едят.

– Достаточно, чтобы остальные недоедали.

– Но...

– Вы ничего не знаете, – перебил он. – Вы не знаете, что такое голод, и если вы хотите сказать мне, что лучше видеть, как дети умирают постепенно, чем быстро и без страданий, то я попрошу вас помолчать и не совать нос в чужие дела.

– Мистер Драммонд...

– Да-да, я знаю, что вы собираетесь сказать! Вы думаете: «Не ему бы жаловаться – он обеспечен в десять раз лучше, чем все остальные в долине!» Но я в родстве с О'Мэлли, и в долине нет никого беднее их. И неужели вы думаете, что я буду сидеть в своем уютном маленьком домике, когда моя родня голодает? И не говорите мне, что я мог бы послать мою жену с детьми к родственникам в Дублин, потому что ее отец отказал ей в доме, когда она вышла за меня, поэтому Эйлин прикована к этому месту, как и мы. Но вы! Вам-то какая забота? Вы можете бежать в Англию. Клянусь, я уже слышу, как ваш муж организует эту прекрасную поездку! Он закроет дом, оставит без работы всех слуг, скажет Макгоуану организовать выселения, бросит тонущий корабль со скоростью стаи крыс...

– Замолчите! – крикнула я. Меня трясло от ярости, я была выведена из себя этим категорическим неуважением. – Замолчите!

Джон начал плакать в коляске.

– Вот что вы наделали! – воскликнула я, расстроенная до безумия, и разрыдалась.

– Пресвятая Богородица! – раздраженно произнес Драммонд. – Ну-ну, маленький.

Он погладил Джона по головке, а Джон посмотрел на него затуманенным взглядом, и тут я смогла взять себя в руки.

– Хватит, – сказала я своим самым резким и холодным тоном. – До свидания.

Я попыталась проехать мимо него, но колесо коляски застряло в рытвине, и мне было никак не вытащить его. Я беспомощно пыталась протолкнуть коляску, а Драммонд стоял и смотрел.

– Помогите мне – вы что, не видите? – Слезы опять готовы были хлынуть у меня из глаз. – Помогите же!

– Так вам помощь нужна? – усмехнулся Драммонд. – А разве леди всегда не добавляют «пожалуйста», когда о чем-то просят у джентльмена?

Когда я подняла руку, чтобы отвесить ему пощечину, он ухватил меня

за запястье со смехом и сказал мягким голосом:

– Прошу прощения. – Драммонд улыбнулся, глядя мне прямо в глаза.

Джон в коляске снова начал плакать, но я даже не посмотрела на него.

Я боюсь подумать о том, что могло бы случиться дальше, если бы в этот момент не появился Макгоуан верхом на лошади. Он поскакал по дорожке, и Драммонд резко повернулся лицом к нему. Джон все еще плакал. Я подняла его из коляски, прижала к себе, и он улыбнулся мне из складок своего одеяльца.

– Убирай свою телегу, – резко сказал Макгоуан и, обращаясь ко мне, вежливо добавил: – Добрый день, миледи.

– Добрый день, мистер Макгоуан.

Макгоуан снова обратился к Драммонду:

– Что ты здесь делаешь?

– Это мое дело. – Он уже разворачивал свою тележку к воротам. – Если вы уберете клячу, на которой сидите, то я уйду. Всего доброго, леди де Салис.

– Всего доброго, мистер Драммонд, – отозвалась я, провожая его взглядом, – он вместе со своим осликом двинулся в сторону Клонарина.

Глава 3

1

– Маргарет, мне необходимо поговорить с тобой, – неровным голосом сказала я.

Мы сидели в гостиной ее дома на Сент-Джеймс-сквер в вечер нашего приезда в Лондон. Патрик с братьями остался в столовой, и хотя я знала, что они вскоре присоединятся к нам, но не могла больше сдерживаться – мне необходимо было поговорить с Маргарет. К счастью, Эдит, племянница Патрика, которая жила с Маргарет, уехала погостить к сестре Кларе. Та недавно вторично вышла замуж, и потому Маргарет была целиком в моем распоряжении.

– Мне просто необходимо поговорить с тобой, – повторила я, осознав неожиданно, что даже не знаю, как начать признание. И принялась выхаживать между диваном и камином.

За окном фонарщик зажигал огни на площади, но, хотя обычно я задерживаюсь у окна, чтобы понаблюдать за этим чарующим свидетельством цивилизации, сейчас я пребывала в жутком состоянии и даже не отдавала себе отчета в том, что уже несколько лет не встречала фонарщика.

– Я, как тебя увидела, сразу поняла, что ты попала в шторм, – заметила Маргарет, усаживаясь в свое любимое кресло и кладя крохотные ноги на скамейку с расшитой подушечкой, – но думала, что ты взволнована возвращением в Лондон после столь долгого отсутствия. Сара, я надеюсь, ты будешь вести себя рассудительно? Имею в виду, будучи в Лондоне. Я очень хочу, чтобы вы с Патриком уехали прямо в новый дом, как мы и планировали с самого начала, но мистер Ратбон говорит, что оборудование дома удобствами всегда нескорое дело, и...

– Маргарет, ты когда-нибудь видела Максвелла Драммонда?

– Драммонда? Фермера? Да, видела. Он какое-то время был протеже Эдварда.

– И что ты о нем думаешь?

Выражение глаз Маргарет изменилось.

– А почему ты спрашиваешь? Я считала, что он довольно опасен, – сказала она после паузы. – И слишком высокого о себе мнения.

– Да, понимаю.

– А что? Он тебе нравится?

– Да что ты! – поспешила отмахнуться я. – Я его терпеть не могу. Но и из головы он у меня не выходит. Это что-то необычное и особенное. Оно лишено всякого смысла, но каждый раз, когда я его вижу...

– Понимаю, – проговорила Маргарет, убрав всякое выражение с лица. Ее голубые глаза из-за пенсне пристально разглядывали меня.

– Ведь его и красивым-то назвать нельзя. Он, вообще-то, довольно уродлив и очень груб на язык. Я говорила с ним только раз, но...

– Понимаю, – снова отозвалась Маргарет. – Всего раз.

– Но видела я его тогда в пятый раз. – Я рассказала о первой встрече в амбулатории, двух мимолетных пересечениях в Клонарине, встрече в доме отца Донала и, наконец, о разговоре на дорожке в Кашельмаре. Говорила очень быстро, не останавливаясь, чтобы набрать воздуха, и имя Драммонда звучало снова и снова, пока не стало казаться, что сам воздух гудит им. – И каждый раз, когда я его встречаю...

– Хватит! – оборвала Маргарет.

– Я просто не могу понять. Будь он какой красавец...

– Такие вещи часто никак не связаны с красотой.

– Если бы он был человеком моего круга...

– Тогда это было бы проще, – закончила Маргарет. – Ты могла бы завести с ним роман и очень быстро выздоровела бы.

– Маргарет!

– Моя дорогая Сара, не надо делать такие большие глаза! Мы обе знаем, что происходит в мире, и я не вижу никаких причин, почему мы должны притворяться, будто пребываем в неведении.

– Я бы и представить себе такого не могла...

– Не могла? – спросила Маргарет. – Тогда ты, вероятно, не настолько влюблена, как тебе кажется. Не бери в голову, наш разговор беспредметен, поскольку ты все равно не можешь завести роман с человеком, который считай что крестьянин. Даже любовные романы имеют свои условности.

– Но что мне делать? Я как увидела его, так все время о нем думаю!

– Ты попробуй относиться к своей безрассудной страсти как к тому, что она и есть безрассудная страсть. Ты думаешь, что его внешность не способна вызывать у тебя страсть, но на самом деле именно его внешность и очаровывает тебя. Ты его едва знаешь, а потому не можешь питать страсть к его благородной душе, если только она у него есть, в чем я сомневаюсь.

– Но...

– Господи боже, Сара, у тебя ведь и прежде бывали случаи безрассудной страсти. Ты ведь писала мне, что в четырнадцать лет была страстно влюблена в своего учителя танцев.

– Это другое, – только и смогла ответить я.

– Боюсь, что нет, моя дорогая.

– Нет, ты не понимаешь. – Я слышала упрямую нотку в своем голосе, и она тоже услышала ее, потому что поспешила добавить:

– Нет-нет, думаю, что понимаю! У меня, видишь ли, тоже бывали случаи безрассудной страсти, и довольно мучительные, но рано или поздно я приходила в себя. Нужно проявлять терпение и ждать, когда они умрут естественной смертью.

– Я впервые увидела Драммонда четыре года назад, – сказала я. – Если это безрассудная страсть, то разве не должна она была бы уже давно умереть?

– Она длится так долго, потому что ты редко его видишь. Близкое знакомство рождает презрение. Если бы ты видела его каждый день, то скоро стала бы спрашивать себя: да чего же я в нем нашла? Сара...

– Да?

– Он знает о твоих чувствах?

Я ответила молчанием.

– Силы небесные, Сара, не могла же ты в здравом уме намекнуть ему...

– В этом не было нужды, – прошептала я. – Он всегда знал, как и я.

– Как такое возможно?! Ты драматизируешь ситуацию, делаешь из нее романтическую историю.

– Я ничего не могу с собой поделать, если так оно и есть, – выдавила я и вдруг поняла, что плачу.

– Ну-ну... извини. – Голос Маргарет звучал встревоженно и расстроено. – Не хотела тебя обижать, но... Сара, ты должна проявить благоразумие, непременно! Знаю, с Патриком ты не так счастлива, как тебе хотелось бы. Тебя, вероятно, искушает желание попробовать с другими мужчинами, но, Сара, только не с такими, как Драммонд! Для тебя это кончится катастрофой, неужели ты не понимаешь? Патрик в тот же день уйдет от тебя. Ты можешь не надеяться ни на какое снисхождение с его стороны или даже на его попытку скрыть твою измену, что было бы возможно, заведи ты роман с человеком своего класса. Он с тобой разведется, ты будешь опозорена, станешь социальным изгоем. Дети... – (Издаലെка из коридора донесся смех Патрика и звук шагов по лестнице.) – Детей ты никогда не увидишь. Никогда.

Добавить больше было нечего. У меня не оставалось выбора – только забыть о Драммонде, но я продолжала думать о нем и на протяжении следующих счастливых месяцев так и не смогла избавиться от ужасного желания увидеть его еще раз.

2

Вероятно, Маргарет посоветовала что-то Патрику после нашего разговора, потому что он стал очень нежен со мной и впервые за несколько месяцев мы опять стали спать вместе. К Новому году появились подозрения, что я снова беременна. У меня заметно увеличился размер талии, и я подумала, каким облегчением будет, если желание купить новую, модную одежду пропадет из-за растущего живота. Мы жили спокойной жизнью в Лондоне и почти не видели наших старых друзей, но я знала, что прежние искушения никуда не делись. Знал это и Патрик. Но он не поддавался своим пристрастиям к азартным играм, как я избегала ненужных трат, – может быть, мы после всех наших катастроф немного помудрели. Патрик все еще был очарован своим садом в Кашельмаре и продолжал перестраивать его на бумаге. Он перестал заниматься резьбой по дереву, но все время просматривал старинные книги по садоводству и брал Неда в свои поездки в ботанический сад в Кью.

В январе его отвлек сад в новом доме Маргарет в Миклхеме, маленькой живописной деревне в Суррей-Хиллз, к югу от Лондона. Маргарет купила особняк «Королева Анна», находившийся за гостиницей, и в саду были только неухоженные газоны и громадные кедры. Этот сад мало чем можно было улучшить, когда земля промерзла и затвердела, но Патрик не терял времени, рисовал планы розового сада, двух клумб и пары одинаковых фонтанов по сторонам беседки.

– Патрик, это же будет стоить целое состояние! – возразила Маргарет, когда он предложил сделать фонтаны из итальянского мрамора.

– Да, но подумай, как это будет красиво! – воскликнул он. – Маргарет, это станет памятником тебе.

– Какой ужас – как на кладбище! Нет, Патрик. Я буду рада клумбам и всем цветам, которые тебе придут в голову, но никаких фонтанов, никаких беседок и ни одного дюйма под итальянский мрамор.

Мы начали обживатьсья, и я помогла Маргарет в приятном вопросе заказа оставшейся мебели. Посещение Брайтона и Королевского павильона

дали мне абсолютно новое представление об украшении интерьера, и, к ужасу Маргарет, меня очаровала мебель, украшенная вырезанными изображениями змеи.

– Глаз привлекает, но непрактично, – поспешила сказать она. – Создание комфорта – вот главная задача мебели.

А ко всему этому требовались шезлонги, диванчики, подставки для ног и еще бог знает что. Но мы с ней сошлись на приятных для глаза обоях в цветочек для малых гостиных. Такой выбор удовлетворил и вкус Маргарет к современной обстановке, и мое мимолетное стремление к экзотике.

Быстро пронесся январь. Томас и Дэвид вернулись в свои школы в Харроу, а Нед, который хорошо чувствовал себя в их обществе во время рождественских каникул, начал с мрачным видом слоняться без дела.

– Когда мы вернемся в Кашельмару? – услышала я как-то раз его вопрос Патрику.

Но тот не знал ответа. Раз в месяц он получал отчеты от Макгоуана, который писал, что ситуация ухудшается. Время от времени приходили сообщения от Маделин: люди толпами шли в амбулаторию, а богадельня в Леттертурке была переполнена выселенными. Но весной она написала: «Все полны радужных надежд относительно урожая этого года, и картофельные поля здоровы. Бог даст, к осени вы сможете вернуться в Кашельмару».

День или два спустя Макгоуан написал, что по-прежнему старается взыскивать арендную плату с тех, кто может платить, но был вынужден выселить три семьи, которые злонамеренно утаивали деньги. «Винить нужно политику, – строго добавил он. – Пока этот мошенник Парнелл^[13] говорит крестьянам, что у них есть моральное право не платить аренду, ни здесь, ни в Ирландии не будет мира. Блэкбутеры встречаются в Клонарине каждое воскресенье и открыто признают свою связь с Братством, только теперь Братство называет себя Земельной лигой. Священник завяз в этом по уши, так что обращаться к нему, чтобы он нравственно наставил крестьян, бесполезно. Пришли трудные времена для преданного, трудолюбивого управляющего, милорд. Отовсюду летят ругательства и тухлые яйца, и мои собственные слуги не хотят работать на меня, потому что боятся мести со стороны блэкбутеров. Даже Хейсу и его жене сказали, чтобы они покинули Кашельмару, и Хейс так испуган, что убежит при первых признаках смуты. Если он уйдет, я буду вынужден обратиться к полиции, чтобы установили охрану дома, но для этого потребуются дополнительные деньги, так что заранее предупреждаю Вашу милость о

возможном увеличении расходов. Ваша милость также должны знать, что управляющие повсюду бросают поместья, кроме тех, кому увеличили жалованье. Остаюсь, милорд, Вашим скромным, покорным и преданным слугой. Иэн Макгоуан».

Я продала пару бриллиантовых сережек, чтобы Патрик смог отреагировать на этот шантаж. Лично я сочла это письмо чудовищно дерзким, но Патрик заявил, что если Макгоуан уедет, то все будет потеряно, и он отправил деньги. Я не осмелилась возражать, когда Патрик намекнул, что мы могли бы продать кое-какие драгоценности, потому что боялась: откажи я – и он начнет играть, попытается выиграть нужные деньги.

Если не считать тревожного письма от Макгоуана, лето прошло спокойно. Нед помогал Патрику в саду, вся местная знать протоптала дорожку к двери Маргарет, а Томас и Дэвид, вернувшись из школы, начали ходить в долгие походы на Бокс-Хилл или по Моул-Вэлли. Томасу уже исполнилось восемнадцать. Он стал лучше выглядеть, но все еще во многих отношениях оставался неповоротливым и, казалось, ничуть не интересовался светскими разговорами и не имел к ним способностей. Его очень привлекала медицина, и он воображал, что у него большой талант препарировать мышей. Дэвид по контрасту был чрезвычайно общителен, покладист, разговаривать с ним не составляло труда. Из двух братьев он больше проявлял интереса к Неду. Брал его с собой на прогулки через луга к реке или сажал на двуколку с впряженным в нее пони и ехал в Доркинг побродить по магазинам.

Неду в декабре исполнялось шесть.

– Уж такой смысленый, – любовно говорила про него Нэнни.

– Такой высокий для своих лет, – вторила нянька, которую взяли для помощи с новым ребенком.

– Какой красавчик! – восклицала кухарка.

– Сара, какие мы счастливые, – говорил Патрик.

– Знаю, – отвечала я. – Знаю.

Я и себе все время повторяла, какая я счастливая.

– Некоторые люди рождаются счастливыми, – заметила племянница Патрика Эдит, которая, к сожалению, весной вернулась из дома своей сестры Клары.

Я ее не выносила. Ей уже исполнилось двадцать шесть, замужем она не была; из-за таких женщин у выражения «старая дева» и сложилась плохая репутация.

– Не могу себе представить, как ты выносишь ее в своем доме, – мрачно сказала я Маргарет вскоре после возвращения Эдит. – У тебя,

вероятно, терпение святой.

– Мы должны делать скидку на человеческие слабости, – мягко ответила Маргарет, а потом рассказала, как трудно живет несчастной Эдит, ею пренебрегала мать, и она вечно жила в тени хорошенькой старшей сестры. – Бедняжка Эдит! Я точно знаю, что ей нужно, но представить не могу, как она сможет это получить.

– Ей нужна хорошая оплеуха, и она ее получит, если не станет поосторожнее.

К счастью, как только начался сезон, Эдит уехала в город к друзьям Маргарет и оставалась в Лондоне до июля.

В августе, когда Эдит стенала, что никто не пригласил ее покататься на яхте в Каус, родился мой третий ребенок. Девочка, очень хорошенькая, кожа розовая и белая, личико идеальное.

– Ты такая счастливая, Сара! – воскликнула Маргарет, чья дочь умерла во младенчестве.

– Какие мы счастливые! – восхищенно подхватил Патрик. – Два мальчика и теперь девочка. Как хорошо мы все устроили!

Он хотел назвать девочку Элеонорой.

– В честь твоей матери, вероятно, – предположила я, обдумывая его предложение.

– Слушай, я не думал о матери. – (Я не удивилась – Патрик никогда не вспоминал о своей матери. Несмотря на все его заявления о том, что он думает о ней с любовью, я давно поняла, что муж относится к ней крайне отрицательно.) – Я думал о моей сестре Нелл – это она меня воспитала.

Я подумала, что Элеонора – красивое имя, и мы так удивились тому, что пришли к обоюдному решению без споров, что нам хватило пыла выбрать ребенку до крещения и второе имя – Маргарет.

На следующий день после крещения от Макгоуана пришло мрачное письмо.

«Дождь не прекращается ни на день, – немногословно написал он, – и, похоже, овес никогда не взойдет. Урожай на торфах можно считать потерянными. Несмотря на мои прежние надежды, лето оказалось плохим, милорд».

Но нас ждали и еще более мрачные новости. Мы написали Маделин о рождении Элеоноры, и ее ответ пришел вскоре после письма Макгоуана. Ниже поздравлений она написала: «Урожай картофеля не будет, вонь гниющих картофельных всходов стоит непередаваемая. Люди сидят, тупо уставившись в почерневшие поля. Господь послал ирландцам еще одно страшное испытание. Молитесь за нас».

Больше от нее писем не приходило, но Маргарет начала сбор пожертвований беднякам Кашельмары, организовав несколько благотворительных акций, а мы с Эдит работали бок о бок, помогая ей. Эдит нравились благотворительные акции. Их организация давала ей основания разговаривать начальственным тоном и вести себя навязчиво. Я как могла сдерживалась, но вздохнула с облегчением, когда последняя посылка была отправлена отцу Доналу и в амбулаторию Клонарина был переправлен последний фартинг.

– Не знаю, сколько я еще выдержу в одном доме с Эдит, – в отчаянии сказала я Патрику. – Если бы только ситуация в Кашельмаре улучшилась.

Словно отвечая на мои пожелания, Макгоуан в октябре сообщил, что положение изменилось. Дожди прекратились, урожай созрел, и торфяные угодья можно спасти, если хорошая погода продержится. Что касается болезни растений, то она не затронула все, и картофель в Леттертурке продают по четыре пенса за стоун.

«Я сказал полиции, что они больше не охранять Кашельмару, – добавил он, – потому что уверен: теперь, когда дела выправились, трусливый Хейс вернется от родственников в Дублине. Очень советую Вам, милорд, освободить Хейса от его обязанностей – такое предательство не должно остаться безнаказанным. Я сам, как хорошо знает Ваша светлость, придаю большое значение верности и убежден, что Господь наказывает ленивых, бестолковых и ненадежных. Да приведет Он и Его милосердие Ирландию к Истинному Покаянию, подвергнув их этому Голоду и Поветрию. Остаюсь, милорд, вечно Вашим скромным, послушным и преданным слугой...»

– Ну просто настоящий Кромвель! – воскликнула Маргарет, которая пришла в ужас, когда Патрик прочел нам письмо, но Патрик напомнил, что Макгоуан всегда склонялся к религиозному фанатизму, а шотландские пресвитериане были яркими приверженцами идеи Господней кары в отношении ленивых ирландцев.

– Странно, почему Маделин не пишет нам об изменениях к лучшему, – сказала я день или два спустя после получения письма от Макгоуана.

– Я думаю, она очень занята, – предположила Маргарет, составлявшая список приглашенных на благотворительный бал, который собиралась устроить в Лондоне на Новый год. Голодающие ирландцы были у всех на устах, и Маргарет очень надеялась, что бал посетит сам принц Уэльский.

– Тете Маделин нравится сообщать лишь плохие вести, – заметила Эдит, прервав свои занятия вышивкой, – ее творение представляло собой самый уродливый образец, какой только можно себе представить. – А

теперь, когда новости хорошие, меня ничуть не удивляет, что она не пишет.

– Это ты не выносишь хороших новостей, – бросила я, не успев прикусить себе язык. – Мы все знаем, что тебе тяжело слышать о ком-то, кто счастливее и удачливее тебя.

– Конечно, мне невыносимо слушать людей, которые хвастаются своими удачами на такой нескромный манер!

– Эдит! – воскликнула Маргарет тоном строгим, как у гувернантки. – Сара! Прекратите вести себя как дети! – А когда Эдит вышла из комнаты, Маргарет добавила: – Сара, ты должна уже знать: говорить об удаче в присутствии Эдит – все равно что размахивать красной тряпкой перед быком.

Удача, удача, удача. Один благотворительный базар, одна продажа, один чайный прием. Какая удача! Одна прогулка с моей прекрасной новой деткой, час игры с моим ласковым, любящим Джоном, один мимолетный поцелуй Неду, прежде чем он убежит в сад играть в крикет. Столько удачи. Один легкий завтрак с приходским священником, два обеда с местными семьями, одно объятие красивого мужа, который твердит, как он меня любит. Удача за удачей, удача за удачей.

– Патрик, – сказала я в ноябре, – мы не можем вечно жить на иждивении у Маргарет. Ты не считаешь, что ситуация теперь выправилась и мы можем вернуться в Кашельмару?

Я посмотрела на Патрика и увидела на его лице выражение облегчения и энтузиазма.

– Я не хотел предлагать это тебе первым. Думал, что, невзирая на Эдит, тебе здесь с Маргарет лучше, но, говоря по правде, мне так хочется вернуться в Кашельмару. У меня новые планы по саду...

Он снова начал говорить про свой сад, а я подумала: как странно, что мы, так ненавидя Кашельмару в прошлом, теперь стремимся туда, словно нас влечет неодолимая сила, которой мы не можем противиться.

3

Маргарет принялась так активно возражать, когда мы сообщили ей о наших планах, что мы тут же пригласили ее на Рождество в Ирландию.

– Мы бы так хотели отблагодарить тебя за гостеприимство, – умоляла я ее. – Дай нам возможность начать как можно скорее.

– Но вы уверены, что возвращаетесь не слишком рано? Арендной

платы вы не увидите до следующей весны.

– Я могу продать одну-две картины, чтобы перебиться первое время, – сказал Патрик, – и последние отчеты Макгоуана очень оптимистичны. Маргарет, все хорошо.

– Ну, если ты так уверен...

– Абсолютно.

– Тогда я приеду. Но вот что странно, – недоуменно заметила Маргарет, – мы так и не получили никаких известий от Маделин.

Мы решили уехать в конце ноября. Томас и Дэвид все еще были в школе, и Патрик написал им письмо, приглашая приехать в Кашельмару с Эдит, как только закончится семестр. Эдит, слава богу, снова отправилась к Кларе, так что быстрого ее приезда в Кашельмару ждать не приходилось. Но даже без Эдит и мальчиков компания собралась большая, и прошло несколько дней, прежде чем Патрик смог собраться.

– Домой! – прокричал Нед, подпрыгивая от радости. – Мы едем домой!

Его радость оказалась заразительной. Даже я пришла в такой восторг, что забыла о гнетущей тишине Кашельмары, туманах, дождях и сырости, думала только об отблесках солнечных лучей от вод озера и о горах в фиолетовой дымке. Нетерпение, странное, но очевидное, овладело мной, и, когда мы отправились в путь, я пребывала в лихорадке предвкушения.

Холихед, переход по штормовому морю до Кингстауна, трудная поездка от Кингстауна до Дублина, с детскими криками, и плачем Джона, и полным смятении слуг. Ночь в Дублине, веселая поездка на вокзал, долгий муторный путь от Дублина на запад в Голуэй, еще одна ночь в отеле, потом наемный экипаж, старый и шумный, который должен был довезти нас последние мили до ворот Кашельмары.

Лошадей поменяли в Мам-Кроссе. Погода стояла солнечная, мягкая, и, несмотря на все передряги путешествия, настроение у меня улучшалось.

– А почему мы не видим людей? – спросил Нед. – Почему все эти домики разрушены?

– Все люди уехали в Америку, дорогой, – сказала Нэнни. – Им там лучше.

– А зачем они разрушили дома перед отъездом?

– Я думаю, это сделал землевладелец, дорогой, когда плохие люди перестали платить за аренду.

– А почему они перестали?

– У них не стало денег.

– Почему?

– Никогда не слышала, чтобы ребенок задавал столько вопросов,

сколько Нед, – с улыбкой сказала я Маргарет.

– Томас был точно таким. Должна сказать, что местность очень опустела. Я тут никогда не видела такого безлюдья.

День уже клонился к вечеру, а когда мы добрались до перевала, ведущего к Лох-Нафуи, и увидели Кашельмару, было еще позднее.

Стены белели, как обесцвеченный череп.

И вот тут-то и начался кошмар. Мы спустились в долину между брошенных хижин и погибших полей и, сколько хватало глаз, не видели ни одного живого существа. И все это время по другую сторону долины фасадом к нам стояла Кашельмара, зловещая Кашельмара, с пустыми глазницами окон, похожими на черные дыры в безжизненном мертвом теле.

– Что это за запах? – спросил Нед.

Никто из нас не мог понять, но запах становился все сильнее и сильнее, наконец мне пришлось вытащить из сумочки пузырек с лавандовым настоем. И вдруг Нед спросил, показывая пальцем:

– Это что?

Это была почерневшая, разложившаяся масса, лежащая в канаве. Нэнни, взглянув, оттащила Неда от окна. Я, борясь с рвотным позывом, обратила внимание, как посерело ее лицо.

– Что это было? – спросил Нед, когда мы проехали мимо.

Никто ему не ответил. Джон, сидевший у меня на коленях, уткнулся носом мне в грудь.

– Что это было? – не отставал Нед. – Я хочу знать.

– Сара, – окликнула Маргарет, подсунув мне под нос нюхательную соль.

– Тетя Маргарет...

– Это было мертвое тело, Нед. Мы уже проехали его.

– Это оно пахло?

Когда ему опять никто не ответил, он попробовал еще раз:

– Это было...

– Мы больше не будем говорить об этом, дорогой, – оборвала его Нэнни, приходя в себя. – Сядь. Вот хороший мальчик.

– Жаль, что папа едет не с нами, он всегда отвечает на мои вопросы.

Я все еще не могла говорить. Наконец мы добрались до ворот Кашельмары, и по обе стороны экипажа поднялись темные деревья.

– Дорожка заросла сорняками, – заметил Нед. – (Экипаж повернул последний раз. Мы остановились перед парадной дверью дома.) – Ой, посмотрите! – воскликнул Нед в ужасе. – Кто это сделал?

Передние окна были разбиты. Дверь косо висела на петлях. Дух

заброшенности лип к стенам, создавая впечатление руин.

– Макгоуан слишком рано отпустил полицию, – мрачно произнесла Маргарет. – Сара, ведь Патрик написал Макгоуану, сообщил ему о дне нашего приезда?

– Конечно! – От ужаса я почти не могла говорить. – И я послала Хейсу и его жене извещение, просила их подготовить дом к нашему приезду, потому что Макгоуан сообщил об их возвращении из Дублина.

Но, переступив порог дома, мы не увидели ни малейших признаков того, что нас ожидали. На мебели лежал слой пыли, а войдя через зеленую, обитую сукном дверь в часть дома, отведенную для слуг, мы увидели, что кухня пуста, в кладовой нет припасов, повсюду мышинный помет и плесень. Никаких признаков Хейса и его жены.

– Что нам делать? – прошептала я Маргарет.

Мы были одни в кухне. Патрик осматривал остальную часть дома – не обнаружится ли там признаков жизни, – а дети и слуги ждали в холле.

Впервые я видела Маргарет, которая не знала ответа на вопрос. Она стояла неподвижно посреди буфетной, с непроницаемым лицом, быстро обшаривая взглядом грязное, заброшенное помещение.

– Нам придется остаться здесь, – решила она наконец. – По крайней мере на сегодня. Скоро стемнеет, а дети устали.

– Но я не могу уложить детей, не покормив их!

– Мы отправим один из экипажей в Клонарин. У Маделин в амбулатории наверняка есть еда. Мы можем на сегодня взять еду у нее, а завтра утром пошлем кого-нибудь в Голуэй. – Она решительным движением закрыла дверь в буфетную и повернулась к ней спиной. – Ясно, что Макгоуан не получил письма Патрика, – проговорила она секунду спустя. – Может быть, длительное молчание Маделин тоже объясняется тем, что она не получала наших писем. Что ж, скоро мы узнаем. Давай вернемся в холл.

– Полагаю, Хейс и его жена не возвращались из Дублина, – пробормотала я, когда мы снова открыли дверь, обитую зеленой сукном. – Я просто предположила, что поскольку Макгоуан писал об изменениях к лучшему...

– Думаю, мы неправильно поняли Макгоуана, – прервала меня Маргарет. – Возможно, урожай спасен и картофель продается в Леттертурке, но, скорее всего, перемены к лучшему для многих людей в этой части Ирландии произошли слишком поздно.

Когда мы вошли в холл, Патрик спускался по лестнице. Он сообщил, что дом пуст, а когда Маргарет повторила свое предложение попросить

помощи у Маделин, сказал, что немедленно отправится в Клонарин.

– Нет, Патрик, стой. – Маргарет понизила голос. – Чтобы у людей совсем не упало настроение, лучше тебе остаться и взять хозяйские полномочия на себя. Посмотри – у этой маленькой горничной такой вид, будто у нее в любую минуту начнется истерика. Займи ее чем-нибудь. Займи их всех. Они будут меньше подвержены панике в твоём присутствии. А мы с Сарой поедem к Маделин.

– А если вы по пути встретите банду мародеров?

– Сомневаюсь, что мы встретим вообще кого-нибудь, разве что увидим другие разлагающиеся тела, к тому же у старшего кучера есть мушкетон.

– Ну, если ты считаешь, что так будет лучше...

– Считаю. Идем, Сара.

Мы попросили Нэнни и няньку отвести детей наверх и устроить их поудобнее в детской. Потом я объяснила Неду, куда мы едем, и пообещала вскоре вернуться. К этому времени я отказалась изобретать предлог, чтобы никуда не ехать. Не могла отпустить Маргарет одну, а Патрик, конечно, должен был остаться в доме и взять на себя обязанности хозяина.

У старшего кучера не было ни малейшего желания проделывать еще три мили до Клонарина, но, когда Маргарет напомнила, что ни у кого в противном случае не будет еды, он неохотно забрался на свое сиденье. Младшему кучеру поручили отыскать корм для лошадей, и, когда мы уезжали, он оглядывал безнадежным взглядом пустые конюшни.

К счастью, Маргарет не ошиблась в том, что касается мародеров. Мы не увидели никого на дороге до Клонарина, но, пока ехали, начало темнеть и холодать. Я порадовалась, что взяла самую свою теплую шубку, и, глядя в окно на пустынную местность, куталась в нее поплотнее, но все равно не могла сдержать дрожь.

– Не забыть попросить у Маделин мышьяка, – пробормотала Маргарет. – Я знаю, у нее в амбулатории всегда есть запас от крыс. Боюсь, мыши плотно обжили Кашельмару, пока вас там не было.

Меня еще сильнее пробрала дрожь.

– Я там не останусь – только чтобы сделать самое необходимое! Маргарет, если ты хочешь сразу же вернуться в Англию, пока мы остаемся в Голуэе, я тебя пойму.

– Глупости! Я, конечно, останусь, пока вы тут все не приведете в порядок. Вам понадобится помощь, чтобы найти сносных слуг и организовать доставку еды. Чтобы поставить Кашельмару на ноги, понадобятся немалые усилия, и никакая помощь не будет тебе лишней.

Запах смердящей плоти не дал мне ответить. На сей раз я сразу же

нашла пузырек с лавандовой настойкой, а Маргарет уже держала свои соли в руке.

Еще стояли сумерки, когда мы добрались до Клонарина, но главная улица оказалась пуста. Грязные лачуги криво тянулись до самого кладбища, а за церковью в неясном свете проступали очертания амбулатории. Когда экипаж остановился, мы услышали гнетущую тишину. Не лаяли собаки, не пели птицы, не мяукали в темноте коты.

– Наверное, все умерли, – прошептала я, борясь с паникой.

– Кажется, в амбулатории горит свет. – Маргарет уже передвинулась к краю сиденья. – Почему кучер не открывает дверь?

И тогда мы услышали звук. Это был шепот, почти щебет, словно несколько птиц, лишенных голосов, пытались петь. Секунду спустя запах ударил нам в нос. Другой запах, непохожий на вонь смердящих тел, но в то же время это был запах разложения. Когда я увидела, как посерело лицо Маргарет, тоже подалась к окну. Увиденное настолько ужаснуло меня, что поначалу я даже не поверила своим глазам.

Мы видели живых мертвецов, пугал, которые когда-то, вероятно, были мужчинами и женщинами, полуобнаженных, бесполох, с серой кожей. Видели и маленьких пугал с карикатурно раздутыми животами, а одна женщина держала на руках мертвого ребенка с почерневшим языком.

Шумное верещание, бессмысленное и нечеловеческое, продолжилось. Тощие руки тянулись к нам, просили подаяние.

– Маргарет... – Мой голос прозвучал словно издалека, искаженный, будто я находилась в конце длинного коридора.

– Оставайся здесь, – отозвалась она. – Я схожу.

– Нет, не надо! – Мне стало страшно за нее, за себя. – Мы возвращаемся в Кашельмару!

– Мы должны увидеть Маделин. – На бледном лице Маргарет застыло решительное выражение. – Мы проделали такой путь. Мы должны ее увидеть.

– Но...

– Дай мне все монетки, что у тебя есть.

Ужас настолько охватил меня, что я больше не могла с нею спорить. И сделала то, что она просила. У меня перед глазами заплескали черные точки.

Когда Маргарет открыла дверь, в нос ударил такой невыносимый запах, что и она заколебалась. Я видела ее неуверенность. Кучер сидел на своем месте и не желал спускаться, поэтому ей пришлось самой выкарабкиваться из экипажа. Она бросила монетки в толпу и, когда раздался звон денег, поспешила к дверям амбулатории.

Дверь открылась. Я увидела комнату, полную людей, и потеряла сознание.

Когда пришла в себя, Маргарет уже возвращалась. Щебет стал громче, и она бросила оставшиеся монеты, но толпа проигнорировала их и стала нажимать, прося еды. Но еды у Маргарет не было, поэтому ей пришлось протискиваться, спотыкаясь, когда ее хватали за одежду; вдруг раздался громкий взрыв – это кучер выстрелил из своего мушкетона в воздух. Толпа в страхе отпрянула. Сбрав все силы, я распахнула дверь и затащила Маргарет в экипаж.

Она так побледнела, что веснушки выступили на ее переносице, как темные пятна. Маргарет, дрожа, рухнула на сиденье рядом со мной.

Экипаж резко рванулся с места. Кошмар щебетания понемногу смолк в темноте.

Прошло немало времени, прежде чем она сумела произнести:

– Палата... маленькая палата с девятью койками...

– Да?

– Там человек сорок, и все они умирают.

– От голода?

– От тифа. От голодного тифа. – Маргарет крепко сцепила пальцы на коленях. – У Маделин нет никакой еды, кроме супа. Я ничего у нее не взяла. Это было бы неправильно. Она не получала наших писем, а написать самой у нее не было времени. Она и доктор Таунсенд не спали толком несколько недель. Тиф пришел в долину месяц назад из Леттертурка, и люди стали умирать как мухи. Маделин сказала, что если бы подозревала о нашем желании вернуться...

Она замолчала. Экипаж ехал вдоль длинного озера. Лошади настолько устали, что все время спотыкались, экипаж мучительно раскачивало на узкой дороге. Уже наступила темнота, и с неба светили звезды.

– Мы можем уехать немедленно, – услышала я свой голос. – Сразу же. Как только вернемся.

– Слишком поздно нам уезжать. – Долгое молчание позволило Маргарет набраться сил, и, когда она заговорила, голос ее звучал уверенно и убедительно, как всегда. – Но Нэнни и няньке с детьми нужно отправляться завтра же утром, как только мы проснемся. И они должны уехать с другим экипажем и с другим кучером.

– Но...

– Сара, тиф переносится на одежде. Возможно, в эту минуту он на нас. Мы не можем рисковать и видеть детей, пока не станет ясно, что нам ничего не грозит. – Она помолчала, потом добавила: – Любимый сын

Эдварда Луис умер здесь от тифа тридцать лет назад. Мы не должны допустить, чтобы это повторилось.

Эта мысль привела меня в такой ужас, что я до конца поездки не смогла сказать ни слова и обрела дар речи, только когда по прибытии мы обнаружили, что Патрик не терял времени, пока мы отсутствовали. В детской, библиотеке и кухнях горели каминные, сам Патрик с ловкостью лесоруба колот дрова. Огонь в кухне так весело потрескивал, я даже подумала, меня перестанет трясти, если я встану перед ним на колени, но я продрогла до костей, и мой мозг онемел от ужаса, пережитого нами в Клонарине.

На следующее утро дети уехали в Голуэй, чтобы дальше ехать в Дублин, а оттуда в Англию.

Когда я закончила плакать, оказалось, что Патрик взял одну из лошадей оставшегося экипажа и поскакал в Леттертурк за едой. Никто из нас не спал в ту ночь. Патрик, Маргарет и я сидели перед огнем в библиотеке, а его слуга и наши горничные устроились как могли в кухнях.

– Сара, мы должны найти себе занятие, – сказала Маргарет. – Прикажи слугам разобрать одежду наверху, а мы начнем снимать тут чехлы со всего.

– Но, Маргарет...

– Мы пробудем здесь не меньше недели и должны чем-то занимать себя.

Спорить с ней было трудно, и когда Патрик приехал из Леттертурка, то увидел Маргарет, которая энергично подметала коридор, и меня – я складывала снятые с мебели чехлы.

– Господи боже! – воскликнула Маргарет. – Ты посмотри на всю эту еду!

– Не странно ли? В Леттертурке полно еды, но Джордж сказал, что у многих совсем нет денег, – последние одеяла они заложили ростовщикам. Даже не могут заплатить четыре пенса за стоун картошки!

– Это же чудовищно! – воскликнула Маргарет. – Как можно голодать в стране, где много еды? Я немедленно напишу в «Таймс», чтобы всем стало известно о том, что здесь происходит. Наверное, в Вестминстере у кого-то совсем плохо с мозгами! Любая администрация, которая допускает такое, должна предстать перед судом за преступную халатность.

– Но англичане изо всех сил стараются помочь! – возразил Патрик. – Ты подумай обо всех деньгах, которые сейчас собирают.

– Сбирать-то собирают, но где они, эти деньги? Что с ними происходит? Почему люди продолжают голодать? Это ужасно! – Маргарет пришла в бешенство. – Это просто невыносимо!

Ее реакция была характерной для нее и слишком бурной. Я почувствовала, что она заставляет себя успокоиться, и мне пришлось постараться, чтобы моя собственная паника не прорвалась наружу.

– Мы должны занимать себя, – повторяла она. – Давайте попробуем готовить еду. Я всегда хотела. Как, вы думаете, готовят картошку?

– Ее кипятят до размягчения, – тут же ответил Патрик. – На это уходит около получаса.

– Откуда ты это взял? – недоуменно спросила я.

– Я маленьким все время торчал на кухне в Вудхаммере, – радостно объяснил Патрик. – Я все знаю про готовку. Это очень забавно.

Я воздержалась – не стала говорить, что это в высшей степени необычно. Я слишком проголодалась и теперь хотела только одного: чтобы он немедленно приготовил нам еду.

Мы позвали слуг сверху и разделили с ними один из хлебов и хоть немного утолили голод, пока готовится главная еда. Патрик варил яйца вместе с картошкой и был разочарован тем, что яйца получились очень крутые. Но мы все так проголодались, что съели все, а когда горничная Маргарет предложила приготовить одну из кур, Маргарет пообещала ей увеличить жалованье.

Мы доели последнее яйцо, когда, заметив дым из труб, появился Макгоуан – приехал, чтобы узнать, что происходит. Он был не только ошеломлен, когда увидел нас, но и потрясен до глубины души, когда увидел Патрика без пиджака в кухне.

– Если бы ваша милость сообщили, что вы приедете...

Как мы и подозревали, он не получил последнего письма Патрика. Тут же начал извиняться за разбитые окна, поврежденную парадную дверь и исчезнувший скот, потом говорил, что полиция уехала, несмотря на все попытки подкупить их, но Маргарет оборвала его:

– Макгоуан, почему вы присылали сообщения, что дела в долине улучшаются? Все здесь на грани смерти от голода – это очевидно.

– Это не так, миледи, при всем моем уважении. Голодающие – это главным образом О’Мэлли, а они всегда были слишком ленивы и ограничивались одним картофельным полем. Это Божья кара за их лень и праздность, миледи.

– Не смейте говорить мне о Божьей каре! – в ярости вскинулась Маргарет. – Это английская нерадивость, а не Божья кара.

– Конечно, это воля вашей милости решать, – мрачно сказал Макгоуан. – Но Джойсы и О’Флаерти собрали свой урожай, пусть и не из лучших, но и не из худших, и они справятся. Все сообщения о голоде

преувеличены, и если бы ваша милость знали ирландцев так, как я, то вы бы знали и о любви ирландцев преувеличивать свои беды. Говоря по правде, они даже жаждут всяких бед, чтобы иметь возможность сетовать на англичан.

– Полная ерунда! – отрезала Маргарет. Я никогда не видела ее такой резкой, и мы все сидели, глядя на нее с открытым ртом. – Там люди, умирающие от голодного тифа. Как вы смеете говорить, что они жаждут этого?!

– Это кара Господня, миледи, – повторил Макгоуан, – и Божья воля. Милорд, с вашего разрешения, я удалюсь.

– Да, пожалуйста. Хотя постойте. Макгоуан, нам нужны слуги – кухарка, пара горничных. Найдите их как можно скорее и пришлите сюда.

– Постараюсь, милорд, но эти крестьянки только картошку и умеют готовить, и они не понимают, что значит слово «чистота». Придется послать в Голуэй, чтобы найти пристойных христианок.

Когда он ушел, Маргарет потребовала дрожащим голосом:

– Патрик, ты должен его уволить. Он невыносим.

– Маргарет... – Патрик увидел, что она измучена и устала, и попытался обнять ее, но Маргарет его оттолкнула:

– Не подходи ко мне слишком близко.

– Не заболеешь ты никаким тифом, – мягко сказал он. – У многих людей сопротивляемость к таким болезням. Сколько ходит историй о том, что кто-то выхаживал больного, но ничуть не заболел. Ничего с тобой не случится, и скоро все будет хорошо.

– Ничто не будет хорошо, пока ты не выгонишь Макгоуана, – только и бросила она, а потом отвернулась. – Он принесет нам беду, я уверена. Я это нутром чувствую.

– Я его уволю позднее, когда все вернется в норму, но сейчас не могу. Он мне нужен.

Даже Маргарет была вынуждена согласиться с этим. Вооруженный Макгоуан совершал регулярные поездки в Леттертурк, закупал там продукты. Ездил в разное время, чтобы не попасть в засаду, и в течение следующей недели ему удалось найти старуху, которая стала готовить для нас, и двух молоденьких девиц – они мыли полы и растапливали камин. Все местные коты были съедены, а потому в доме изобиловали мыши, но Патрик расставил на них мышеловки, и вскоре я уже ложилась спать без боязни обнаружить мышь под одеялом, когда проснусь.

Потом на дорожке стали появляться пугала. Они не были склонны к насилию, но отказывались уходить, даже когда мы давали им ту еду, что

могли отдать. Стояли час за часом и уходили только с наступлением темноты.

– Мы должны устроить бесплатную столовую, – предложила Маргарет. – Будем варить суп – это просто, и им можно накормить многих.

И мы начали готовить суп, а одна из горничных, которая прежде перенесла тиф, принялась его раздавать.

– Что еще мы можем сделать? – спросила Маргарет, которую переполняла энергия, тогда как я валилась с ног от усталости. – Я знаю – детские. Нам нужно их подготовить к возвращению детей. Сара, это придаст тебе бодрости. Давай-ка возьмем тряпки и пойдем наверх.

Мы протирали везде пыль, а горничные занимались более тяжелой работой – у них не оставалось времени для такой легкой, как уборка, и Маргарет работала с бóльшим усердием. До сих пор вижу ее: жесткие волосы убраны под чепец, на тонкой талии плотно завязан передник, очки прочно сидят на тонком носу. Она отказалась от пенсне год назад, сказав, что не видит вообще ничего, когда пенсне падает у нее с переносицы, и что уже слишком стара, чтобы из тщеславия быть слепой. Очки ее и в самом деле старили, но она по-прежнему оставалась миниатюрной, а потому выглядела моложе своих тридцати семи лет. Только ее волосы, прежде ярко-рыжие, теперь потускнели, свидетельствуя о том, что она ближе к среднему возрасту, чем могло показаться.

Но в том, как она работала тряпкой, не было и намек на средний возраст, а потому я удивилась, когда позднее в дневной детской ее энергия, казалось, начала иссякать. Я как раз вытирала пыль с лошадки-качалки Неда, когда она кинулась открывать все окна.

– Ты что делаешь? – испуганно спросила я.

День стоял прохладный, и в верхних комнатах было очень холодно.

– Разве тебе не жарко?

– Ничуть.

– Я, пожалуй, спущусь, посмотрю, готова ли новая порция супа. А потом выйду подышать свежим воздухом. Я ненадолго.

Когда она не вернулась, я отправилась на ее поиски. Но внизу ее никто не видел, на кухню она не заходила.

Я подошла к ее комнате.

– Маргарет? – окликнула я, постучав в дверь. – Маргарет, тебе лучше?

Потом я открыла дверь и ощутила запах болезни, увидела лужицу рвоты на полу.

Мы пытались привезти врача. Патрик тут же отправился в Клонарин. Но доктор Таунсенд тем самым утром умер от тифа, а Маделин осталась

одна с ее больными и умирающими. Кто-то сказал, что доктор есть в Леттертурке, Патрик поспешил туда, но и этот доктор умер, и никто не знал, где найти другого. Тем временем все ирландские слуги оставили нас, кроме той, что переболела тифом, а горничную Маргарет охватил такой страх, что она отказывалась заходить в комнату своей хозяйки. Просить об этом мою горничную я тоже не могла, как не могла оставить Маргарет на попечение несчастной безграмотной служанки, оставшейся в доме.

– Но наверняка за мной может ухаживать кто-нибудь другой, – прошептала Маргарет. – Я знаю, как ты относишься к болезням.

– Меня пугали мысли о болезнях, – призналась я. – Но теперь, когда я столкнулась с одной из них лицом к лицу, я не боюсь.

– Но ты не должна подходить слишком близко.

– Дорогая моя Маргарет...

– Сара, я не хочу, чтобы ты заболела. Пожалуйста, уходи. Я ничуть не буду тебя винить. Пожалуйста!

– Нет.

– Но...

– Никогда.

Страдала она ужасно. Головные боли мучили ее невыносимо, она кричала в агонии, голова у нее кружилась, тошнота и рвота не давали покоя. На пятый день появилась сыпь, темно-красные пятна покрыли все ее тело, вызвали подкожное кровотечение.

Патрик поскакал за доктором в Голуэй, и я знала, что какое-то время его не будет.

Дни сменяли ночи, я как могла промокала губкой ее горящую кожу, часто меняла белье, как могла пыталась уложить ее поудобнее. Запаха я уже не замечала. Час за часом сидела у ее кровати и вскоре перестала видеть все остальное – только ее. Иногда вспоминала моих детей и благодарила Бога за то, что они в безопасности, но уже не задумывалась о том, умру я сама или нет. Смирилась с тем, что этот выбор не зависит от меня. Я каждый день проживала в кошмаре и потому уже не думала ни о чем, только сжимала руку Маргарет, словно могла удержать ее от падения в тот мрак, которого сама страшилась всю жизнь.

Горничная Маргарет заболела, но выжила. Меня потом это все время мучило. Я могла только смотреть на нее и думать: она выжила. И я никогда не смогла ее простить за это, как и она не могла простить меня за то, что я упростила ее хозяйку провести с нами Рождество в Кашельмаре.

Из Голуэя Патрик отправил письмо Дэвиду и Томасу, но оно, конечно, не дошло до них вовремя.

В долине начались дожди. Лес на фоне зимнего неба стоял черный, а над домом выделялись серые контуры часовни среди деревьев, которые раскидывали в стороны свои голые руки.

Потом наступил конец – бред, а за ним умирание. Она много говорила о своем муже Эдварде, а когда Патрик вернулся из Голуэя, приняла его за своего мужа, сказала, как чудесно, что видит его снова, что она тосковала по нему так, как никто и представить не мог. Говорила о Томасе и о Дэвиде, и иногда казалось, что она говорит о них Эдварду. Маргарет сказала, мол, он не должен сетовать на Томаса за его страсть к медицине, потому что очень важно позволять детям заниматься тем, к чему они сами чувствуют склонность, а не пытаться делать из них копию родителей. Иногда рассказывала о Лондоне и Вудхаммере. И даже о Нью-Йорке, а один раз заговорила о своем медовом месяце на Континенте, но при этом она неизменно обращалась к Эдварду, словно он сидел рядом и она видела его яснее, чем нас.

Доктор, которого Патрик привез из Голуэя, оказался бессилён.

Прежде чем она потеряла сознание навсегда, бред отступил, и Маргарет узнала меня. Я была одна с ней. Солнце вставало за окном, и комната наполнялась бледным, белым светом.

– Сара, я чувствую себя такой виноватой, – произнесла она, и потрясение оттого, что Маргарет говорит ясным голосом, было настолько сильно, что я потеряла дар речи.

Я поняла, что вздремнула на стуле и отпустила ее руку, это так напугало меня, что я тут же опять ухватила ее пальцы, сжала в своих.

– Такой виноватой, – повторила она. – Это все моя вина. – Голос у нее пропал, говорила Маргарет едва слышным шепотом. – Я подтолкнула его к браку с тобой и сделала вас обоих несчастными.

Я отрицательно покачала головой:

– Мы теперь счастливы... – Я искала слова. – Все хорошо – еще один ребенок...

– Так бездарно потрачено время, – бормотала она. – Такая жалость...

– Ты не должна так думать. – Я была настолько огорчена, что так и не смогла найти подходящих слов.

Затем последовало долгое молчание, и, когда я подумала, что она уснула, Маргарет произнесла сильным, ясным голосом:

– Будь очень осторожна, Сара, хорошо?

Больше она не сказала ни слова.

Час спустя я заметила, что она не дышит. Я задержала собственное дыхание, прислушалась, но ничто не нарушало тишины, и тогда поняла,

что осталась одна.

Я все еще держала ее руку.

Спустя некоторое время посмотрела на ее лицо и увидела, что она выглядит очень молодой, гораздо моложе меня, а ее черты стали странным образом незнакомыми, словно принадлежали кому-то другому, кого я никогда не знала.

Я все еще сидела у кровати, когда в комнату тихо вошел Патрик и спросил, как она.

– Она умерла, – ответила я. – Маргарет умерла.

И продолжала разглядывать ее незнакомое лицо и держать ее знакомую руку.

Заплакал он, а не я. В ярости прорычал:

– Те, кого я люблю сильнее всего, всегда умирают!

Потом, словно маленький мальчик, прижал ее ладонь к щеке и начал рыдать так, будто его сердце вот-вот разорвется.

4

Мы похоронили Маргарет рядом с мужем на семейном кладбище. День стоял ясный, теплый для этого времени года, и легкий ветерок чуть шевелил белый стихарь на священнике из Леттертурка. Томас и Дэвид прибыли днем ранее, кузен Джордж приехал из Леттертурк-Гранджа. Маделин удалось вырваться из амбулатории и прийти на службу. Больше никого не было. Люди слишком боялись тифа, а все многочисленные друзья Маргарет находились далеко в Англии.

Я не плакала. Просто смотрела, как гроб опускали в могилу, и понимала, что никакого Бога нет, и это потрясло меня, потому что все верили в Бога, ведь верили? На самом деле не случилось ничего такого, чтобы не верить или, по крайней мере, не делать вид. Но я утратила веру, и это было очень тяжело. Потому что если я не верила в Бога, то не могла винить Его в смерти Маргарет, но кто-то ведь должен быть виноват – это я ясно понимала: кто-то должен нести ответственность.

Кто-то бросил комок земли на гроб. Это была Сара Мариотт, Сара де Салис, Счастливица Сара, которая всегда получала то, что хотела. Она захотела, чтобы Маргарет поехала с ней в Кашельмару на Рождество, и Маргарет, конечно, поехала.

Нет, то была не моя вина. Меня винить не в чем. Я не желала

возвращаться в Кашельмару. Это все Патрик с его разговорами о саде. Я не желала ехать.

Но разве не ты сказала: «Патрик, мы не можем вечно жить на иждивении у Маргарет...»? Ты подумала о Максвелле Драммонде и захотела вернуться.

– Сара... – (Кто-то обращался ко мне. Гроб засыпали землей. Священник закрыл свою книгу. Все уходило.) – Сара...

– Я хочу немного побыть одна, – сказала я тому, кто звал меня. – Я хочу подумать.

– Но ты не должна здесь оставаться... тебе нужно вернуться домой.

Это был Патрик. Я почувствовала запах виски в его дыхании и вывернулась из его рук:

– Нет.

– Сара...

– Оставь меня одну! – крикнула я ему и побежала по кладбищу к дверям часовни.

Внутри было темно и тихо. Я села, прислушалась, но теперь тишина перестала быть гнетущей, она меня утешала. Наконец-то я мыслила ясно, мои мысли стали разумными, логичными. Больше никакого Драммонда. Один только его вид будет вызывать у меня отвращение, потому что он пусть и косвенно, но все же несет ответственность за смерть Маргарет. Когда я признала это, то мне стало очевидно: нет никаких причин, которые мешали бы дальнейшему продолжению нашего брака. Я могу родить еще как минимум троих детей с интервалом в три года. На это уйдет девять лет. Сейчас мне двадцать девять, так что, когда я рожу еще троих, мне будет тридцать восемь. Возможно, я успею родить еще одного. Мне к тому времени перевалит за сорок, это будет ужасно, но я тогда смогу радоваться, глядя на моих выросших детей. Вот будет забавно, когда Элеонора вырастет настолько, что ее нужно будет выводить в свет... а за кого она выйдет замуж? Придется позаботиться о том, чтобы мы вели приемлемую светскую жизнь. Только вот Патрик считал, что мы можем постоянно жить как отшельники, а он будет трудиться, как чернорабочий, в этом несчастном саду. Нам по меньшей мере нужно вывести в свет Элеонору в Дублинском замке... нет, это было бы слишком уж провинциально. Это должно случиться в Лондоне, деньги мы как-нибудь найдем.

В голове у меня мелькали всевозможные варианты. Я всегда относилась к Кашельмару с неприязнью, но не видела причин, почему ее нельзя переделать в красивый и модный дом. Маргарет считала, что стиль Кашельмары безнадежно устарел, и когда я сама впервые увидела этот дом,

то он показался мне просто каким-то топорным сооружением, но в этих прямых линиях, в этой необыкновенной симметрии было что-то постепенно очаровавшее меня. Красота Кашельмары была не сегодняшняя, но какое это имело значение? То была красота тысячи прошедших лет и, возможно, тысячи будущих, вневременная Кашельмара, идеальная геометрически, великолепно-суровая. Такая красота отталкивала меня, но мне казалось, что я наконец знаю, как ее можно использовать с выгодой. Не уделять особого внимания комнатам, прикупить недорогую, но сделанную с воображением мебель, упорядочить прилегающую территорию...

Вероятно, Патрика теперь, напротив, следует поддерживать в его садовнических занятиях. Окружающая территория очень важна. Если люди приедут пожить, то увидят прекрасный экзотический сад, а за стеной можно порыбачить или поохотиться. Если принц Уэльский может приехать к Браунам в Уэстпорт, то почему бы ему не заглянуть в Кашельмару? Конечно, с деньгами будет проблема, но в обычные времена Кашельмара приносила достаточный доход, а если я возьму на себя труд обучиться финансам... Да, вот оно. Не оставлять больше беззаботно вопросы ведения хозяйства на неумелого управляющего, не ждать, что Патрик примется тратить деньги хоть с толикой разума, не заявлять высокомерно, что я не воспитана считать гроши. Нищие не могут быть привередливыми. Безусловно, я не собиралась становиться обнищавшей англо-ирландской аристократкой, но если уж так получилось, то я должна хотя бы ради детей выжать из этого все, что можно. Если мне, несмотря на все наши злосчастья, каким-то образом удастся дать моим детям имеющиеся у нас преимущества, то у меня будет ощущение, что наши беды были пережиты не напрасно. Теперь значение имеют только дети, я это понимала и хотела дать им все лучшее. Мои дети должны быть самыми счастливыми, и ни одному ребенку не будет улыбаться удача так, как моим.

А мой брак? Что ж, мы с Патриком притремся друг к другу. Почему нет? Такое случается со многими парами, и мы не хуже.

Мне и в голову не приходило подвергнуть эти планы сомнению, но теперь я понимаю, что закрывала глаза на одну истину, которая к тому времени стала совершенно очевидной: одна только Маргарет и удерживала нас с Патриком вместе, а без нее наш брак был обречен.

Глава 4

1

Менее трех недель спустя после смерти Маргарет в Кашельмару приехал Хью Макгоуан, сын управляющего.

Мои дети все еще оставались с Нэнни и нянькой в загородном доме Маргарет, и хотя я очень тосковала по ним, но еще боялась привозить их. Тиф в долине сходил на нет, но в других частях страны продолжал бушевать, и считалось, что вспышки возможны всю зиму, пока урожай картофеля не покончит с голодом.

После похорон Маргарет я хотела уехать в Англию, пока ситуация в Кашельмаре не улучшится. Я и думать не желала, что не увижу детей до весны, но Патрик справедливо сказал, что мы должны дождаться нового года, чтобы убедиться, что не заражены тифом. Тем временем мальчики Маргарет оставались с нами. Томас оканчивал первый семестр в Оксфорде, а Дэвид последний год доучивался в Харроу, но после смерти матери им не имело смысла возвращаться в Англию за несколько дней до каникул, поэтому они остались с нами на Рождество. Для них было утешением находиться рядом с Патриком, а Патрик в свою очередь находил утешение в их обществе.

Что касается меня, то я ни в чем не находила утешения. Не могла плакать или скорбеть, как это принято, вместо этого целиком ушла в домашнее хозяйство и каждый вечер ложилась спать, чуть не падая с ног. Я продолжила бесплатную столовую, заведенную Маргарет, пыталась обучить новых слуг и содержать дом в порядке. Патрик тем временем съездил в Голуэй и купил лошадей, нанял конюхов, отремонтировал экипаж; конюшни утратили свой запущенный вид. Новые конюхи провожали Макгоуана в его поездках за едой, хотя Макгоуан и заявил, что от этого будет мало проку, если он попадет в засаду, поскольку они, вероятно, перейдут на сторону грабителей.

– Патрик, – сказал Томас незадолго до Рождества, – ты не замечал, что Макгоуан сошел с ума?

Мы сидели в маленькой столовой после завтрака. В комнате все еще оставался затхлый запах плесени, но в камине потрескивал огонь, и мне было лень оставлять шитье и идти на кухню – проверять, как там идут

дела. Я нашла на чердаке кусок шелка и шила маленькое платье для Элеоноры.

– Ты не преувеличиваешь? – спросил неопределенно Патрик у Томаса.

Он стоял у окна и смотрел на свой подернутый туманом, заросший сад.

– Да ничуть я не преувеличиваю! Я думал, всем очевидно, что Макгоуан совершенно спятил. Он стал религиозным маньяком.

– Должен сказать, – заметил Дэвид, отрываясь от томика Теннисона, – что с его стороны довольно безнравственно сообщать ирландцам, будто в голоде они сами виноваты, потому что католики. Это ужасно нетактично, не так ли?

– Говорят, что он собирается выселить всех О’Мэлли, – резко сообщил Томас. – Утверждает, что он инструмент в руках Господа, а Господь наказывает ленивых. Патрик, я думал, ты воздержишься от выселений по крайней мере до следующего лета.

– Полагаю, Макгоуан знает, что делает, – бросил Патрик.

По выражению его глаз я видела, что он думает о своем саде и лишь вполуха слушает Томаса.

– Маргарет хотела, чтобы ты избавился от Макгоуана, – напомнила я, чтобы разбудить его.

Ее имя оставалось висеть в воздухе долго после того, как я его произнесла. Все посмотрели на меня, потом Дэвид снова погрузился в свою поэзию, а Томас, засунув руки в карманы, направился к двери.

– Она хотела? – переспросил Патрик, забыв о своем саде. – Он ее выводил из себя! Пожалуй, я поговорю с ним о выселениях.

На этом тему оставили, и я больше не думала о ней, пока мы не встретились вечером в гостиной перед обедом. Патрик появился последним.

– Томас, ты был прав насчет Макгоуана, – сказал он, едва войдя в комнату. – Он совершенно спятил. Только и говорит что о гневе Господнем, и Судном дне, и вечном огне в аду для католиков. Даже не знаю, что мне делать.

– Избавься от него, о чем тут еще думать, – посоветовал Томас.

– Я пытался... хотя, Бог свидетель, меньше всего я хочу теперь искать нового управляющего. Но он меня просто не слушает. Господи боже, что мне делать?

– Уволить его – и дело с концом! – раздраженно бросила я. – Как можно оставлять дела имения в руках безумца? Если ты не предпримешь чего-нибудь в ближайшем будущем, у тебя вскоре начнутся бунты.

– Но, моя дорогая Сара, после тридцати лет службы...

– Да, было бы жестоко уволить его так сразу, – задумчиво пробормотал Дэвид. – К тому же его безумие может носить временный характер. Ты не можешь предложить ему обратиться к доктору?

– Ему не доктор нужен! – воскликнул Томас. – Ему нужна смирительная рубашка!

– Но у Патрика нет власти сдать его в сумасшедший дом.

– Тогда он должен связаться с кем-нибудь, у кого такая власть есть! Разве у Макгоуана нет родственников?

– У него есть сын, – вспомнила я. – Он работает управляющим в каком-то шотландском имении – Лохлиалл-касл, кажется, в Уэстер-Россе.

– Думаю, я бы мог ему написать, – с сомнением в голосе произнес Патрик.

– На твоём месте я бы не откладывал.

– Полагаю, он по меньшей мере должен знать, что его отец, похоже, не в себе, – заметила я, смягчая непримиримую формулировку Томаса, чтобы эта мысль стала удобоваримой для Патрика. – Тогда даже если он не захочет помещать отца в сумасшедший дом, то хотя бы возьмет на себя его содержание.

Патрик тяжело вздохнул.

– Да, пожалуй, лучше этого ничего не придумаешь, – неохотно согласился он, и, таким образом, дней десять спустя в темное туманное предвечерье к воротам Кашельмары прибыл Хью Макгоуан и по длинной петляющей дорожке въехал в наши жизни.

2

Патрик поехал с мальчиками в Линон, чтобы отправить письма с почтовой каретой, а я осталась одна в гостиной перед камином с шитьем. Я делала вышивку на платице для Элеоноры. До сих пор вижу: розовые бутоны на белом муслине поверх бледно-голубого шелка. Меня работа радовала, поскольку получалось очень красиво.

– Извините, миледи, ваша честь, – сказала Катлин, младшая из двух драгоценных горничных, засунув голову в открытую дверь, – но вас спрашивает мистер Макгоуан, но только это не мистер Макгоуан, а кто-то другой.

Когда я расшифровала это сообщение, то распорядилась, чтобы она

провела мистера Макгоуана в голубую столовую и сказала ему, что я туда сейчас приду. Голубая столовая была предназначена для приема гостей низшего сословия. Она находилась в конце маленького коридора, который вел в часть дома, отведенную для слуг. Я отложила вышивку и спустилась, надеясь, что горничная правильно передала мое послание и я не найду мистера Макгоуана в ожидании все еще в коридоре. Но Катлин на сей раз все сделала правильно. В холле я никого не увидела, а когда вошла в голубую столовую, обнаружила там незнакомого человека.

Когда я вошла, он повернулся ко мне. Макгоуан-младший перед этим смотрел в окно, и я, взглянув мимо него, увидела, что тучи низко висят над горами, а дождь начинает стучать по стеклу.

– Мистер Макгоуан? – уточнила я. – Добрый день. Мой муж сейчас отсутствует, но я ожидаю его в ближайшее время. Он наверняка будет рад видеть вас. Состояние вашего отца сильно его беспокоит.

– Мне очень жаль это слышать, леди де Салис. – Он сделал шаг ко мне, вежливо пожал мою протянутую руку и чуть поклонился.

Когда же распрямился, я внимательнее присмотрелась к нему. Он был высокий, но не чрезмерно – выше среднего роста, и на его мускулистом теле я не увидела ни одной лишней унции. Ни темно-, ни светловолосым я бы его не назвала. На первый взгляд мне показалось, что он человек непримечательный, но потом я взглянула на его серые глаза – очень неподвижные, они придавали его лицу чрезвычайно сосредоточенное выражение. Что-то в его внешности привлекало внимание. Каштановые волосы начали редеть, на бледном лице бросался в глаза широкий, грубый рот.

– Вероятно, это ваш первый приезд в Кашельмару за долгие годы? – спросила я.

– Я уехал отсюда тринадцатилетним мальчишкой, двадцать лет назад.

Он говорил хорошей, правильной речью, но по-шотландски обрубал слова, хотя его акцент был едва ли заметен, и, кроме голоса, я не обнаружила в нем других сходств с отцом.

– Может быть, съедите что-нибудь, пока ждете моего мужа? – предложила я несколько секунд спустя.

– Нет, спасибо, миледи. Мы обедали с отцом меньше часа назад.

Он чуть улыбнулся, расслабив мышцы вокруг рта.

Я по какой-то необъяснимой причине отвернулась и уже открыла было рот, чтобы сказать: «Я попрошу мужа принять вас, как только он появится», когда услышала смех в холле и поняла, что Патрик уже вернулся из Линона.

– Я скажу мужу, что вы ждете его.

Конюх, вероятно, уже сообщил Патрику, потому что я даже не успела закончить фразу, как дверь открылась и муж вошел в комнату.

– Добрый день, лорд де Салис, – поздоровался Хью Макгоуан.

– Хью! Боже мой, я бы тебя не узнал! – Он так небрежно швырнул свой стек, что тот упал со стула на пол, и, сделав несколько шагов вперед, протянул руку. – Как поживаешь? Добро пожаловать в Кашельмару.

– Спасибо, милорд.

– Присаживайся, располагайся поудобнее! Бог мой, я рад тебя видеть... кажется, мы буквально вчера были мальчишками.

– Совершенно верно, милорд. – Он все еще стоял, держал себя спокойно и очень вежливо. – Милорд, прежде чем мы начнем вспоминать старые дни, я бы хотел поговорить о цели моего приезда. Надеюсь, вы поймете, если я скажу, что настолько озабочен положением моего отца, что сейчас не готов к воспоминаниям о прошлом.

– Да, конечно, – неловко ответил Патрик. – Да, я вполне понимаю.

– Я вас оставлю, если хотите, – тактично пробормотала я, но, к моей ярости, Патрик тут же возразил:

– Нет, тебе нет нужды уходить, дорогая. Это скорее светский разговор, чем деловая встреча, несмотря на то что сказал Хью. К тому же он один из моих старейших друзей.

Я сразу же догадалась, что Патрик нервничает перед необходимостью сообщить старому другу неприятную новость, а когда посмотрела на Хью Макгоуана, то поняла, что и тот это знает. Он смотрел на Патрика со своим особым напряженным вниманием, и я увидела, как снова напряглись мышцы вокруг его рта.

– Я, пожалуй, лучше уйду, – услышала я собственный голос, а потом, заметив выражение лица Патрика, добавила с ноткой фальшивой веселости: – А впрочем, если ты хочешь, останусь.

Я села на стул у двери, всем своим видом выражая благодушие.

Патрик и Макгоуан продолжали стоять.

– Прошу, Хью, садись, – предложил Патрик.

– Я лучше постою.

Патрика, казалось, застало врасплох это проявление враждебности, но он быстро взял себя в руки.

– Хорошо, – сказал он ровным голосом. – Так вот, что касается твоего отца...

– Насколько я понимаю, вы хотите его уволить, – заключил Макгоуан.

– Да, я сделал такое предложение. Понимаешь...

– Он тридцать лет служил вам и вашему отцу, – перебил Макгоуан, – но вы собираетесь в один миг вышвырнуть его вон.

– Ни в коем случае. Он непременно получит щедрую пенсию.

– Работа для моего отца – смысл его жизни. Он не готов уходить в отставку.

– Но я чувствую...

– То, что вы чувствуете, неприемлемо, лорд де Салис, – бросил Макгоуан. – Это совершенно неприемлемо.

За этим последовало убийственное молчание. Наглость этого человека настолько ужаснула меня, что я онемела. Мой мозг взывал к Патрику: «Ответь же ему! Вышвырни его из дома!»

Но Патрик был ошеломлен не меньше меня и только изумленно смотрел на Макгоуана.

– Мой отец не в себе, – тихо признал наконец Макгоуан. – Он заездил себя, служа вам, управлял имением, практически погубленным голодом, и арендаторами, которые только и заняты тем, что слушают вождей Земельной лиги. Вы ничего не знаете о том, что творится в Ирландии? Вам ничего не говорит то, что нынешние политические бунты самые серьезные за столетие, что вся страна готова свалиться в анархию? Чарльз Стюарт Парнелл произносит речи, убеждает ирландцев соглашаться только на ту арендную плату, которую они считают справедливой, но вам наплевать на Чарльза Стюарта Парнелла, верно? Вы беззаботно проводите время в Англии, и моему отцу одному приходится тащить на себе бремя подавления бунта арендаторов, моему отцу приходится решать, что массовое выселение в итоге неизбежно, это мой отец вынужден спать с пистолетом под подушкой, потому что убежден, будто должен оставаться преданным своему нанимателю. Но вы, вернувшись из Англии, только бездельничаете и говорите моему отцу, что ему надо уйти в отставку! Он заслуживает вашей благодарности, милорд, а не презрения, и это плохое вознаграждение за всю его верную службу – говорить о принудительной отставке и «щедрой» пенсии.

– Но...

– Он страдает только от усталости. Дайте ему месяц отдыха, и он будет готов работать и дальше.

– Я... я не понимаю, почему ты в этом уверен, – сказал Патрик, запинаясь от неловкости. – Я что хочу сказать: он серьезно болен. К тому же он не молодеет. Я считаю, будет лучше, если...

– Ни о какой отставке не может быть и речи, – отрезал Макгоуан.

– Но я не могу держать на работе сумасшедшего.

– Не смейте называть моего отца сумасшедшим!

– И перестань выдвигать мне требования! – закричал Патрик. Я никогда так не радовалась, видя, что он выходит из себя. Я сидела как прикованная к своему стулу, не в состоянии сказать ни слова. – Убирайся из моего дома и забирай своего свихнувшегося отца к себе в Шотландию, и катитесь оба к чертовой матери!

После этого все случилось очень быстро. Я все еще с облегчением смотрела на Патрика, а он, дрожа от ярости, поворачивался ко мне, когда Макгоуан схватил его за руку, развернул и нанес сильнейший удар в лицо.

Я вскрикнула и вскочила. Патрик в этот момент, оттолкнувшись от высокой спинки стула, тоже поднялся на ноги.

– Патрик! – вскрикнула я снова и инстинктивно метнулась к нему, но он оттолкнул меня.

– Не подходи! – бросил он мне сквозь зубы и выкинул вперед руку, метя Макгоуану в челюсть.

Макгоуан увернулся, бросился на Патрика, попытался уронить его на пол неожиданным напором, но Патрик был достаточно силен и, падая, утащил за собой Макгоуана. Они начали бороться, их тела сплелись, они дышали, как загнанные звери, и, когда я распахнула дверь, они оба одновременно увидели упавший на пол стек Патрика.

Я как парализованная остановилась на пороге, и, хотя и попыталась вскрикнуть в третий раз, никакого звука не вышло из моего рта. Макгоуан схватил стек. Я ждала, не понимая поначалу, чего жду, но наконец поняла: я жду, что Патрик вырвет стек из руки Макгоуана. Он мог бы это сделать. Я знала, что мог бы. Он был выше Макгоуана и явно сильнее, но тут всякое желание сопротивляться оставило его – я видела это своими глазами, – и Макгоуан принялся хлестать распростертое на полу тело.

– Прекратите, прекратите!

Но это кричала я, а не мой муж. Патрик не сказал ни слова, и внезапно его молчание наполнилось красноречивым смыслом.

Воспоминание мелькнуло перед моим мысленным взором. Патрик со странной ностальгией вспоминал воспитательные порки, которые задавал ему отец. Возбуждение Патрика, когда я ударила его во время одной из первых наших ссор. Разве я давным-давно не обнаружила: чтобы возбудить его, требуется не только страсть, но и боль? Я никогда не задумывалась об этом прежде, а теперь, когда подумала, поняла. Потому что такое поведение не имело смысла. Невозможно представить себе человека, которому доставляет удовольствие насилие над ним, никто не будет радоваться, когда ему причиняют боль.

Но вот невозможное происходило на моих глазах. Я смотрела, не в силах поверить тому, что вижу, и даже, когда поверила, не могла этого объяснить. Все это было выше моего понимания, за пределами моего жизненного опыта, а потому эта сцена приобрела новое измерение ужаса и отвращения.

Я отпрянула, попятилась, ударились спиной о дверную раму, а в следующий момент уже бежала по коридору. Двигалась словно в кошмарном сне, в том знакомом кошмаре, когда ноги налиты свинцом, а длинный коридор все не кончается, а в темноте, которая осталась позади, прячется какой-то ужас, не имеющий имени. Мой рот открылся. Я звала Томаса, Дэвида, даже Хейса, который так и не приехал из Дублина, и мой голос отдавался у меня в ушах с таким же неправдоподобием, как если бы я падала в бездонную шахту.

Последнее, что я помню, перед тем как потерять сознание, – это бледное от ужаса лицо горничной, удаляющееся от меня, по мере того как мои ноги подкашиваются и я падаю на мраморный пол.

Когда я пришла в себя, со мной были Томас и Дэвид, горничная скрылась, а я, казалось, лежала в луже потина.

– Сара, выпей немного. Бренди я не смог найти, но Патрик это пьет, значит безопасно.

Это был Дэвид. Я обнаружила, что полулежу-полусижу, он придерживает меня, а в двух дюймах от моего носа маячит стакан с потином. Я оттолкнула стакан и попыталась собраться, чтобы снова не потерять сознание.

– Вот и Патрик, – сказал Томас высоко надо мной, а потом испуганным голосом: – Бога ради, Патрик, что происходит, черт побери?

Я широко открыла глаза. Туман рассеялся, и все приобрело резкие, мучительные очертания. У Патрика под глазом был синяк, разбита губа, на щеке красный рубец, но он улыбался. На лице Макгоуана я не увидела ни отметинки. Он тоже улыбался.

– Патрик... – Я вдруг поняла, что стою на ногах, хотя я и не помнила, как поднималась. Я тяжело опиралась на Дэвида. – Патрик...

– Моя бедная Сара, в чем дело? Тебе лучше подняться к себе и отдохнуть. Да, кстати, Хью, позволь, я представлю тебя моим братьям. Томас, Дэвид, это Хью Макгоуан. Хью, ты останешься на обед?

– Патрик... – снова окликнула я, прежде чем успел ответить Макгоуан. – Я не понимаю. Ссора, драка...

– Драка? Бога ради, Сара, всего лишь поваляли немного дурака. Хью, верно я говорю? – добавил он, а Макгоуан улыбнулся в ответ, и я увидела,

что Патрик смотрит на него с тем очарованным энтузиазмом, с каким прежде смотрел только на моего старого врага Дерри Странахана.

3

Несколько месяцев мы с Маргарет волновались, смогу ли я сохранить верность Патрику. По иронии судьбы когда мой брак пришел к краху, то неверным супругом оказалась не я, а Патрик.

Мне потребовалось немало времени, чтобы понять, что происходит. Я не была слепой. И с самого начала поняла, что Хью займет место Дерри, но, предполагая, что Хью станет всего лишь вторым Дерри, закрывала глаза на происходящее, тогда как их давно следовало широко раскрыть. Была и другая причина моего тугодумия – я в новом году уехала в Англию повидать детей и уладить кое-какие дела Маргарет, а потому несколько недель отсутствовала в Кашельмаре.

– Я бы, конечно, поехал с тобой, – сказал Патрик, – но я считаю, что мой долг теперь оставаться здесь.

Уезжать ему и в самом деле было сейчас не с руки. Хью предложил оставить свой пост в Шотландии, чтобы помогать стареющему отцу в Кашельмаре, но сначала собирался вернуться в Шотландию, чтобы завершить дела там. Если бы уехал еще и Патрик, то имение осталось бы без присмотра. Старший Макгоуан отправился вместе с сыном («Отпуск для поправки здоровья», – объяснил Патрик), и усадьба на месяц осталась без управляющего.

Я поехала в Лондон. Увидела детей. Написала длинное, обстоятельное письмо Патрику, спрашивала, могу ли я нанять горничную или учителя для Неда, сообщала, как хорошо уже ходит Джон и какая прелестная Элеонора, когда улыбается. Дэвид вернулся в школу, но Томас каждый уик-энд приезжал из Оксфорда, помогал мне разбираться с собственностью Маргарет. Закончив с домом на Сент-Джеймс-сквер, я отправилась в Суррей. Мне мучительно было возвращаться в дом в Миклхеме, где мы провели столько счастливых месяцев, но я, борясь с болью, наконец-то смогла скорбеть о Маргарет по-настоящему – я много часов плакала в своей комнате.

Словно отвечая на мою боль, Томас сообщил, что хочет продать дом в Миклхеме, но Дэвид заявил, что не позволит этого. Счастливые воспоминания, которые были так мучительны для Томаса и меня, для

Дэвида служили утешением. В конечном счете из уважения к его чувствам дом не стали продавать – сдали на короткое время семье, которая недавно вернулась из Индии. Загородное имение сохранили. Мальчики считали его своим домом, и, хотя Патрик приглашал их пожить с нами в Кашельмаре, они уже стали достаточно взрослыми, чтобы предпочесть собственный дом.

– И потом, – добавил Томас, – Ирландия теперь, когда там орудует Земельная лига, когда крестьяне бунтуют, когда идут все эти разговоры о Гомруле^[14], не место для английского джентльмена.

– В Ирландию здорово приезжать, – добавил Дэвид, чтобы слова брата не обидели меня, – и я бы с удовольствием проводил часть года в Ирландии, но...

– Но не весь год, – закончила я. – Понимаю.

Патрик тоже сказал, что все понимает. Он сразу же отвечал на мои длинные детальные письма, чем удивлял меня, – обычно корреспондентом муж был никудышным. Вскоре он сообщил, что Хью вернулся из Шотландии и они часто обедают после совместного объезда имения.

«Хью поразительно эффективен, – писал он, – а в том, что касается денег, то от него никто и пенса не утаит. Даже поверить не могу, как нам повезло с таким управляющим».

Это мне очень понравилось. Если Патрик благодаря Хью снова разбогатеет, то с какой стати я буду возражать?

«Старику Макгоуану стало лучше, – написал Патрик в марте, – но он не очень ладит с Хью, поэтому я пригласил Хью пожить в Кашельмаре, пока не перестроят Клонах-корт. Думаю, Клонах-корт ему вполне подойдет. Он, конечно, пустовал после смерти Аннабель и Дерри, а паршивые ирландцы сорвали все двери и использовали их на дрова, но тем не менее у дома есть свои достоинства. Хью говорит, что пока нет средств на его немедленный ремонт, поэтому я и пригласил его пожить в Кашельмаре. Он может поселиться в гостевых комнатах западного крыла, и, думаю, мы его совсем не будем видеть».

Господи боже, подумала я. Но на меня произвела впечатление хватка Хью, которой совершенно не обладал Патрик, и я согласилась: если хочешь иметь первоклассного управляющего в Кашельмаре, необходимо обеспечить его первоклассным жильем.

Я тем временем готовилась к возвращению в Ирландию. Для Неда наняли гувернантку, я повидалась напоследок с мистером Ратбоном, семейным адвокатом, а Патрик написал, что в долине вот уже три недели не зафиксировано ни одного случая тифа.

«...И еще я получил письмо от Эдит, – добавил он, завершая послание плохой новостью. – Она поссорилась с Кларой и спрашивает, нельзя ли ей пожить у нас. Это дьявольски неловко. Теперь, когда Маргарет мертва, Эдит вряд ли может жить одна с мальчиками на Сент-Джеймс-сквер, а поскольку она поссорилась с Кларой, ей больше не к кому обратиться. Пожалуй, я должен пригласить ее, но знаю, для тебя это будет тоска смертная, дорогая, и ты, возможно, будешь в ярости. Но у меня нет иного выхода, правда?»

Я вспомнила слова Маргарет: бедная Эдит... нужно учитывать ее ситуацию. И я из последних сил стала черпать остатки своего милосердия.

«Да, ты должен ее пригласить», – неохотно согласилась я с Патриком, и вскоре Эдит приехала на Сент-Джеймс-сквер, чтобы вместе со мной отправиться в Ирландию.

Нужно отдать должное Эдит: она не могла без слез упоминать имени Маргарет, и, когда я видела это, мое сердце смягчалось и я давала себе зарок быть с ней терпеливой и дружелюбной.

Но мне по-прежнему было нелегко с ней. Эдит сердилась, потому что не получила приглашения провести сезон в городе, и перспектива томиться в Кашельмаре угнетала ее.

– Меня не интересует брак как таковой, – сообщила раздраженно она, – просто незамужняя девушка и гроша ломаного не стоит, мы обе это знаем. К тому же мне хочется иметь собственный дом и свободу приезжать и уезжать когда захочу. Лично я считаю, что большинство мужчин – глупые существа, а дети меня никогда особо не интересовали, но у меня есть самоуважение, как и у любой девушки, и я не понимаю, почему я должна быть неудачницей, а Клара успешной из-за того лишь, что она размалевывает себе физиономию и жеманно улыбается в нужный момент. Господи боже, ты бы посмотрела, сколько Клара румянится! Думаю, это отвратительно. Я и представить не могла, что наступит день, когда моя сестра опустится так низко.

Мне пришлось выслушивать эти унылые разговоры на протяжении всего путешествия в Ирландию, а к моменту приезда в Кашельмару я спрашивала себя не только как вынесла поездку, но и как вынесу приближающееся лето. Я так устала от Эдит, что, увидев Патрика, обрадовалась гораздо сильнее, чем предполагала. Он тепло обнял меня, сообщил, что я выгляжу много лучше, прокатил Неда на спине по холлу. Среди возбужденных криков радости я едва заметила Хью, наблюдавшего с галереи, и только несколько минут спустя Патрик пригласил его вниз представить Эдит и семье.

Разумеется, я скоро поняла, что они дружки – водой не разольешь. Они вместе ездили по имению целыми днями, вместе ужинали каждый вечер, но я сразу решила, что не буду сетовать. Я прожила на этом свете двадцать девять лет, давно уже не была избалованной, раздражительной девятнадцатилетней невестой и гордилась тем, что повзрослела достаточно, чтобы закрывать глаза на крепкую дружбу моего мужа с представителями его пола. А потому, когда Патрик виновато сказал мне: «Ты, наверное, коришь меня за то, что я столько времени провожу с Хью», я сразу же ответила: «Ничуть, дорогой. Я думаю, ты скучал по мальчикам после их отъезда в Англию, и хорошо, что ты нашел надежного друга, с которым можешь проводить время».

Я подумала, как бы гордилась мной Маргарет. Никаких сцен, никаких вспышек гнева, только спокойствие, которое дает тебе умение выходить из неловких ситуаций. Конечно, неловкость состояла в том, что Патрик выбрал себе в друзья управляющего-шотландца, но ситуация была ничуть не хуже, чем с Дерри. Я уже привыкла к подобным вещам, прошла по этой дороге прежде, а решать знакомую проблему уже не так трудно, как проблему, которая лежит за пределами твоего опыта.

К тому же мой брак перешел на другой этап. В первые годы мне каждый час, ночью и днем, требовалось общество Патрика, но теперь, когда мы оба жили своей жизнью, я больше не чувствовала в себе желания выходить из себя только потому, что он предпочитал мне другое общество.

Да, Хью ничем не походил на Дерри. Я знала это, но со слепотой, которая задним числом кажется чуть ли не нарочитой, продолжала приписывать ему ту же роль, что играл и Дерри. Я ненавидела Дерри. Но теперь неожиданно вспоминала о нем чуть ли не ностальгически. Помнила его остроумие и веселость, его красоту и обаяние. Я могла понять, почему Патрик после одинокого угрюмого детства выбрал в друзья Дерри, но вот чего понять не могла, так это почему он в лице Хью нашел замену Дерри. Хью всегда был вежлив со мной до самоуничтожения, и мне не хватало сил возненавидеть его, но при этом я считала, что он не только не обладает чувством юмора и холоден как рыба, но еще и бесконечно скучен.

– Но вообще-то, он очень умен, – возразила Эдит. – Да, он, прямо скажем, не джентльмен, но весьма образован для простого управляющего, к тому же шотландцы всегда такие трудолюбивые. Не могу понять, почему Хью до сих пор не женат.

– Он настолько некрасив, что лишь совершенно отчаявшаяся женщина посмотрит на него во второй раз, – раздраженно бросила я.

Эдит всегда вызывала у меня раздражение, и, проведя десять минут в

ее обществе, я ловила себя на том, что начинаю говорить такие вещи, от которых обычно воздерживаюсь.

– Но он очень мужественный. Тебе не кажется? – спросила Эдит.

Я ответила, что не думала об этом, и изобрела предлог избавиться от ее общества, сообщив, что мне нужно просмотреть счета по хозяйству. В Кашельмаре к этому времени был полный штат, но, хотя Хейс и его жена вернулись из Дублина, желая занять прежнее положение, Хью, как и его отец, настоял на их увольнении. Мне было жаль расставаться со всегда услужливой миссис Хейс, да и мистер Хейс давно, казалось, стал частью Кашельмары, но, по крайней мере, я получила возможность хозяйствовать по своему усмотрению, построить собственную систему управления домом. Поначалу приходилось нелегко. Ирландские слуги славятся своей неумелостью, и я уже впадала в отчаяние, боясь, что мне никогда не удастся организовать домашнее хозяйство. Однако постепенно я научилась на собственных многочисленных ошибках и наконец стала понимать, сколько стоит еда, сколько арендаторов платят за аренду продуктами, чего можно ждать от слуг и сколько похорон и поминок они выдумают, чтобы уклониться от своих обязанностей. Я разрывалась между своими делами по дому и детьми, а потому только в начале июня точно узнала, какого рода отношения связывают Патрика и Макгоуана.

Все случилось довольно просто. Как-то поздним утром из Леттертурка приехал Джордж, а когда я приняла его, он сообщил, что явился, потому что откликнулся на просьбу Патрика. Он не сказал, о чем говорилось в той записке, но я подозревала, что речь идет о небольшом займе. Крупного Патрик не осмелился бы попросить, но только деньги могли заставить его пригласить Джорджа на ланч.

Я ничего не знала об этом приглашении, но скрыла недоумение и отправила Фланнигана – нового дворецкого из Дублина – на поиски Патрика. Фланниган, казалось, всегда ходил на цыпочках, он носил перед собой огромный живот и имел безупречные рекомендации.

– Надеюсь, Патрик не забыл, что посылал за мной, – встревожился Джордж, чувствуя мое неведение и начиная раздраженно расхаживать по комнате. – Я отложил важную встречу, чтобы приехать к нему.

Фланниган выждал подходящий момент, чтобы войти в комнату, и сообщил, что Патрика нигде нет.

– Тогда я сама пойду и поищу его, – решила я, к этому времени совершенно смущенная, и поспешила вверх по лестнице.

Я посмотрела в наших покоях, а когда не нашла его там, направилась в ванную. В Кашельмаре была только одна ванная, новинка, которой я

добилась с огромным трудом несколько лет назад, – тогда вызывали из Лондона специалиста, и тот установил ванну и оборудовал ватерклозет. И хотя трубы постоянно протекали, это, по крайней мере, было улучшением по сравнению с теми средневековыми условиями, которые я застала при первом посещении Кашельмары. Будучи убежденной, что найду Патрика там (деликатность не позволила бы Фланнигану искать Патрика в таком месте), я шумно подергала ручку, но, к удивлению, когда я распахнула дверь, ванная оказалась пуста. Я отправилась в детскую. И там никого – дети уже играли в саду. Я уже начинала волноваться и тут вспомнила про малую гостиную в части дома, где обитал Хью, и по длинному коридору поспешила в западное крыло дома.

– Патрик! – крикнула я, постучав в дверь.

Ответа не последовало. Заглянула внутрь. И эта комната была пуста. Занавеси чуть покачивались на ветру из открытого окна, и я уже собралась назад в галерею, когда услышала смех Патрика.

Я развернулась. В другом конце комнаты, футах в двадцати от меня, находилась дверь, которая вела в примыкающую к гостиной спальню.

Мне бы тогда остановиться и задуматься, но я не сделала этого. Не останавливаться, не думать, не знать – это было намного проще. Намного проще думать о Джордже, который сердито расхаживает внизу в малой столовой, намного проще сказать себе: так вот где Патрик. Намного проще пересечь комнату, постучать, открыть дверь, не дожидаясь ответа.

– Патрик... – начала я, но тут все и кончилось: все мои иллюзии, все мои ложные надежды, все мое желание сохранить нелепую скорлупу нашего брака.

Я увидела правду, и правда ужаснула меня.

Никто из нас не сказал ни слова. Эта сцена должна была бы навсегда четко запечатлеться в моей памяти, но увиденное привело меня в такое смятение, что теперь, когда я оглядываюсь назад, вспоминаю только кровать, купающуюся в ярком солнечном свете летнего утра, и веселую улыбку в уголках широкого, грубого рта Макгоуана.

Глава 5

1

– Я так понимаю, нам нужно поговорить? – поинтересовался Патрик.

А я словно онемела, я не знала, что ответить. Совершенно забыла о Джордже, который ждет внизу. Только несколько часов спустя узнала, что он ушел в раздражении, когда ни я, ни Патрик не появились к ланчу, но в тот момент я не могла думать ни о чем другом – только о том, что увидела.

Мы находились в моей комнате. Лиловатое с розовым покрывало, такого же цвета драпировка, мебель атласного дерева, такая изящная и красивая, а за окном знакомый вид – озеро, вода, сверкающая в зное летнего полдня.

Патрик бормотал какие-то слова о том, что сожалеет, что я должна верить ему и он не хотел сделать мне больно.

Я рассмеялась. Вероятно, пребывала в смятении гораздо большем, чем мне казалось.

– Нет, Сара, пожалуйста... послушай. Я знаю, ты не поймешь, но...

– Я прекрасно понимаю, – перебила я. – Я была очень наивной и очень глупой. Полагаю, это продолжается уже довольно долго. И с другими мужчинами.

Он отрицательно покачал головой:

– Больше никого не было.

– Никого после Дерри, ты хочешь сказать!

Он опять покачал головой и повторил:

– Больше никого не было.

– Я тебе не верю, – ответила я.

Меня трясло. Я чувствовала, что теряю контроль над собой, и в следующее мгновение, прежде чем успела остановить себя, начала говорить жуткие вещи, жестокие вещи, называла его извращенцем, развратником, отвратительным. Пока кричала на него, он стоял спокойно, не говоря ни слова в свою защиту, и наконец его пассивное восприятие моих оскорблений обозлило меня еще больше, чем если бы он дал волю своей ярости. Я замолчала. Слов у меня не осталось, и в наступившей тишине я уже не чувствовала злости, только изумление, унижение этой пассивностью, в которой теперь увидела достоинство. Хотела заплакать, но

слез не было. Хотела понять, почему я чувствую себя такой уничтоженной, но понимала только мою полную изоляцию, беспомощность и переполнявшее меня ощущение краха.

Спустя какое-то время я сумела выдавить из себя:

– Если бы меня отвергли ради другой женщины, я могла бы понять, увидеть для этого основания. Могла бы драться за тебя, попытаться изменить себя к лучшему, вернуть тебя. Но это... с этим я ничего не могу поделать. Я отвергнута за то, что я такая, какая я есть, и не в силах что-либо изменить.

– Ты такая, какая ты есть, – согласился он. – И я такой, какой я есть. И я недавно обнаружил, что мне лучше быть таким, какой я есть, а не пытаться быть кем-то другим.

– Но...

– Тебе не о чем беспокоиться. Для остального мира все останется как прежде, просто я больше не буду притворяться перед собой, только и всего. С этим покончено.

Боль пронзила мне голову. Я пыталась мыслить ясно, но это было трудно.

– Сара, послушай... – продолжал Патрик. Он взял стул от туалетного столика и сел лицом ко мне. Смотрел на меня голубыми глазами. – Давай больше не будем обманывать себя. Наш брак закончился задолго до этого. Мы часто делали друг друга очень несчастными, и ты знаешь это не хуже меня. Если бы не дети, то одиннадцать лет нашего брака можно было бы рассматривать как бездарно потерянные, но дети искупают почти все – все ссоры, все схватки, все споры. Теперь вопрос о разводе не стоит, мы оба это знаем, и нет сомнения в том, что ради детей мы должны и дальше жить под одной крышей, как и любая другая супружеская пара, но пришло время признать, что мы живем своей отдельной частной жизнью. Я не буду возражать, если у тебя появятся любовники. Я только буду возражать, если ты не будешь вести себя так же осмотрительно, как собираюсь я с Хью.

– Не хочешь же ты сказать, что ваши отношения с Хью продолжатся? – быстро проговорила я, чуть не глотая слова.

Он посмотрел на меня как на сумасшедшую.

– Конечно продолжатся, – удивленно подтвердил он. – А ты как думала?

– Но ты же не можешь... не будешь...

– Мы не будем ставить тебя в неловкое положение. Никто никогда не узнает.

– Еще как узнают! Обнаружат! – Ужас снова настолько охватил меня,

что я с трудом выталкивала из себя слова. – Патрик, если ты и дальше будешь с этим человеком...

– Сара, он значит все для меня в этом мире. Я с ним не расстанусь.

– Тогда уйду я, – отрезала я, внезапно почувствовав себя сильной. Я встала. – Заберу детей. Разведусь с тобой.

– Не глупи. – Он тоже встал. Наконец Патрик стал терять свою спокойную пассивность, его губы скривились в упрямую сердитую линию. – Неужели ты думаешь, что я отпущу детей?

– Ты не годишься для воспитания детей!

Я двинулась к двери.

– Сара, послушай меня! – Он сжал мою руку, развернул лицом к себе, но я вывернулась из его рук.

– Отпусти меня! – Я в бешенстве ухватила за дверную ручку. Дыхание у меня перехватывало, взгляд мутился от слез.

– Нет... постой...

Он снова ухватил мое запястье, но слишком поздно. Ручка повернулась, дверь широко открылась.

На пороге стоял Хью Макгоуан.

2

У меня не было времени закричать. Даже чтобы охнуть, почти не было. Патрик облегченно воскликнул:

– Слава богу, ты здесь! Почему ты сразу не пришел?

И тут я услышала приятный, ровный голос Макгоуана:

– Я полагал, что леди де Салис по меньшей мере нужно дать шанс уступить здравому смыслу без излишних убеждений.

Он закрыл дверь, щелкнул ключом в замке. Я сделала шаг назад, потом еще один, но, только когда он повернулся ко мне, поняла, что меня охватил ужас.

– Сядьте, пожалуйста, леди де Салис, – сказал он. Мы всегда так вежливо общались друг с другом: он обращался ко мне, соблюдая все формальности, подходящие по отношению к супруге нанимателя, а я обращалась к нему с сердечностью, с какой подобает обращаться к другу мужа. Да, про себя я думала о нем как о «Хью», но только в этот день, когда была вынуждена называть его по имени, в моих мыслях он стал просто Макгоуаном. – Я думаю, нам с вами пора поговорить, – добавил он, и я,

отступив к кровати, села на самый край.

Он пристально смотрел на меня серыми глазами, чуть наклонив голову, словно производя сложные расчеты. Я обратила внимание, что его руки не висели свободно, а прижимались к бокам, пальцы были согнуты.

– Прежде всего, – проговорил он, – я вам скажу, что вы должны делать. Потом я вам скажу, почему вы должны делать это... или, иными словами, я вам объясню, что случится, если вы не будете делать точно то, что вам сказано.

Мне удалось посмотреть на Патрика. Он стоял у окна, разглядывал ноготь большого пальца. В лучах яркого солнца, проникающих под углом в комнату, его волосы казались светлее обычного.

– Сара, вы меня слушаете? – спросил Хью Макгоуан.

Злость придала мне смелости.

– Как вы смеете называть меня Сара! – в ярости вскричала я. – И как вы смеете говорить мне, что я должна делать!

– Спокойно. – Он ни разу не повысил голос, но я видела, как блестят костяшки его пальцев в тусклом свете у двери. – С Патриком говорите, как вам угодно, но я предостерегаю вас от ошибки думать, что со мной вы можете обходиться так, как с ним.

Наступило молчание, потом он подошел к изножью кровати, а я вцепилась пальцами в складку покрывала.

– Никакого скандала не будет, – произнес он наконец. – Сара, вы это понимаете? Никакого скандала. А это означает, что и никакого развода. Мы все должны прийти к договоренности. Очень цивилизованной договоренности, Сара, и если вы будете вести себя благоразумно, то нет причин, чтобы для вас такие условия стали невыносимыми. Напротив. Вы останетесь хозяйкой Кашельмары и будете и дальше жить с вашими детьми. А что еще вам нужно? Но конечно, никакого любящего мужа, настаивающего на своих супружеских правах, и никакого любовника, который делил бы с вами постель. Разумеется, как Патрик уже сказал, вы можете завести себе любовника, если захотите, но не будем лицемерить. Если уж мы так честны друг с другом, давайте признаем, что у вас есть свои недостатки по женской части и вы вряд ли будете страдать оттого, что спите одна.

Он замолчал. Мне стало нехорошо. В этой агонии унижения я могла думать только о том, что он знает: Патрик все выложил ему; он знал о моем дефекте и презирал меня за него.

– Безусловно, мы все вынуждены будем пойти на маленькие жертвы, чтобы наша договоренность не нарушалась, – продолжил он, – но в целом,

думаю, Патрику и мне придется жертвовать большим, чем вам, чтобы сохранить конфиденциальность. Вам же придется пожертвовать только вашей гордостью, Сара, а поскольку вам и гордиться-то почти нечем, то я не думаю, что прошу у вас слишком многого.

Наступило молчание. Он чуть расслабился, разжал один кулак, провел пальцем по столбику в изножье кровати.

– Сара, вы пока все поняли? Хорошо. А теперь позвольте мне объяснить вам, что случится, если вам придет в голову предпринять действия, подрывающие нашу договоренность. Например, если вы пожалуетесь вашей невестке мисс де Салис, или братьям Патрику, или даже вашему собственному брату в Нью-Йорке... Или, того хуже, если вы попытаетесь бежать с детьми и искать юридической помощи или предпринять какие-то шаги, которые приведут к скандалу... Что ж, это будет в высшей степени неблагоприятно. Поверьте мне, это будет очень глупо. Вы никогда не должны забывать, что Кашельмара – место очень... удаленное. А в удаленных местах могут случаться самые неприятные вещи, в особенности с людьми, которые нарушают свое слово или отказываются от сделки... а мы с вами заключим сделку, Сара, не заблуждайтесь на сей счет. Вы дадите нам слово, что предпримете все возможное, чтобы сохранить status quo. У вас нет выбора. Карта легла не в вашу пользу, и если каким-то образом вам удастся подать заявление в бракоразводный суд, то вы скоро узнаете, что именно вы пострадаете больше всего. Беглянка-жена, возможно, несколько сфальсифицированные свидетельства об адюльтере, и что вы тогда скажете судье? «Послушайте, милорд, мой муж состоит в непотребных отношениях с другим мужчиной»? И кто вам поверит? Ни одна душа ни в Англии, ни в Ирландии не сможет свидетельствовать, что Патрик прежде был замечен в чем-то подобном, что же касается меня, то я имею намерение жениться, когда перееду в Клонах-корт, – одна из жертв, которые мне придется принести, чтобы сохранить наши договоренности... А судья дважды подумает, прежде чем поверить истерическим обвинениям, которые вы по глупости можете предъявить. Но вы же не настолько глупы? Я не могу отказать вам в некотором уме, к тому же буду очень сердит, если вы нарушите условия нашей сделки. Сара, вы меня понимаете? Я буду очень сердит.

Он стоял надо мной. Я, ничего не видя, сидела, уставясь в ковер, но хорошо чувствовала присутствие его кулака в шести дюймах от моего лица.

– Нам ведь не нужно устраивать скандал, Сара, правда?

– Правда, – подтвердила я.

– Это было бы очень плохо для всех нас. В особенности для детей.

– Да.
– Хорошо. Я рад, что мы пришли к согласию. Теперь дайте мне слово, что вы сделаете все, чтобы сохранить наши договоренности.
– Я... даю слово...
– Продолжайте.
– ...сделать все... чтобы сохранить наши договоренности.
– Вы останетесь преданной женой Патрика. Не будете жаловаться.
– Да.
– Сара, мне нужно ваше слово.
– Обещаю.
– Да?
– Преданная жена... не жаловаться.
– Прекрасно. – Он прикоснулся ко мне. Я в шоке вскрикнула, а Макгоуан, увидев ужас в моих глазах, улыбнулся. – Так-то лучше, – проговорил он, приподнимая мой подбородок и вынуждая меня заглянуть ему в глаза. – Я люблю, чтобы женщины были покорными и послушными. – Его пальцы сжали мое лицо. Я бы вскрикнула еще раз, но едва могла дышать. – А теперь слушайте меня, – сказал он, понизив голос; улыбка исчезла с его лица. – Вы сдержите свое обещание, иначе, клянусь Господом, я прищемлю вас в таком месте, куда не заглядывает даже ваша горничная.

Он освободил меня. Я упала на кровать, и комната закружилась перед моими глазами.

– Патрик, ты хочешь что-нибудь добавить?

Наступила тишина – тишина Кашельмары, напряженная, пустая и жестокая.

– Отлично, мы уходим. Сара, до свидания. Не забывайте о том, что я вам сказал.

И я не забывала. Вспоминала ночь за ночью, день за днем, а когда в отчаянии пыталась вырваться из оков моего брака, перед моим мысленным взором возникал кошмар «договоренности» с Макгоуаном и застилал мой взор.

3

Прошла неделя. Они оставили меня в покое, а если я сталкивалась с Макгоуаном, он был настолько безупречно вежлив, что я вполне могла

поверить, будто сцена в комнате наверху мне приснилась. Наконец, когда я пришла в состоянии, в котором могла с холодной головой обдумать сложившуюся ситуацию, я даже согласилась с ним в том, что скандал, который может повлиять на будущее наших детей, никому не нужен. После смерти Маргарет я решила, что будущее детей – это и мое будущее, и мне казалось чрезвычайно важным не ставить его под угрозу. Дети – это все, что у меня было. Мой единственный успех среди множества неудач, поэтому, что бы ни случилось, о них я должна думать в первую очередь. Что может значить моя частная жизнь и мое собственное унижение, когда на чаше весов лежит благополучие детей? Для них важно иметь двух родителей, которые внешне находятся в благопристойных отношениях. Любой намек на развод с какими бы то ни было слухами на неестественные пороки... Нет, немыслимо. Уж лучше договоренность с Макгоуаном, чем это. К тому же, как только Макгоуан переедет в Клонах-корт, я его почти не буду видеть.

Может быть, эта договоренность будет кошмаром, каким он мне и представлялся с самого начала. Мое унижение продолжится, но об этом, по крайней мере, никто не будет знать.

Нед не будет знать. Нед, с его яркими волосами и глазами, его бурной, неистощимой энергией, такой непохожей на робкую живость Джона. Люди утверждали, что молчаливость Джона странная, но сын мог говорить, я знала, что мог, и он был таким ласковым, ничуть не похожим на Неда, – тот вечно стремился в какую-нибудь экспедицию, и все его ласки ограничивались резким объятием на бегу. Джону требовалось только время. Маргарет это понимала, когда рассказывала мне истории о том, как поздно начал ходить Дэвид.

Как мне не хватало Маргарет!

– Маленькая хорошо ходит, миледи, – сообщила Нэнни, когда я помогала Элеоноре идти по полу детской. – Я думаю, она еще до года начнет ходить.

Элеонора походила на Неда яркостью волос и глазами. Она обещала стать хорошенькой, и я с нетерпением ждала, когда она подрастет немножко, чтобы я могла заказать ей кучу платьиц, шелка, муслина, кисеи, шляпок, включая и соломенные с розовыми ленточками, и маленькие чепчики для воскресных служб в часовне. Я ясно видела, как иду по аллее азалий, Патрик легонько держит мои пальцы, дети идут рука об руку... и никто не знает.

В сентябре Макгоуан начал работы в Клонах-корте и объявил, что переедет туда в новом году.

Слава богу, подумала я и начала с нетерпением ждать нового года, как заключенный ждет дня освобождения.

– Сара, – обратилась ко мне Эдит в начале октября, – ты не могла бы уделить мне минутку?

На Эдит было платье, дополненное косынкой^[15], очень модное, со множеством алых оборочек – в цвет ее нарумяненных щек. Поначалу я подумала, что она отважилась снова надеть турнюр, но потом поняла, что на ней плохо сидит корсет.

– Да, Эдит, конечно.

Я писала письмо Чарльзу, но отложила перо. Мы с Эдит избегали друг друга этим летом гораздо успешнее, чем я надеялась. И я даже забыла, когда мы в последний раз «обменивались словами».

Эдит села. Мы находились наверху, в комнате, которую я переоборудовала в маленький будуар или гостиную для себя. Я испытывала потребность в приватности, и, хотя и думала, что Патрик будет возражать, он согласился с этой идеей и даже предложил купить новую мебель для комнаты, если я пожелаю. Но я не хотела лишних трат – принесла старую мебель с чердака, заказала новую обивку для греческого дивана и стульев и попросила отполировать заново письменный столик карлтон-хаус. Мне успели приестся экзотические вкусы принца-регента, и я не находила их более декадентскими. Кашельмара незаметно влияла на меня, и точно так же, как я больше не считала этот дом уродливым, теперь находила моду начала века более привлекательной, чем изыски современных мастеров с их машинами.

– У меня для тебя важная новость, – сказала Эдит.

– Да? Ой как интересно! Слушаю. – Я подумала, может, она получила приглашение от Клары на Рождество. Они забыли про ссору и снова регулярно переписывались.

– Я выхожу замуж.

За этим наступило молчание. Я посмотрела на огонь в камине и туман за окном, потом на мое незаконченное письмо Чарльзу на письменном столе.

– Эдит, как это здорово! – Но это было совсем не здорово. Я предвидела конец моей свободы и моего тюремщика – не на отдалении, а расположившегося навсегда у дверей моей камеры. – И кто тот джентльмен, которого я должна поздравить?

Она сказала. Я попыталась придумать какой-нибудь ответ.

– Младший Макгоуан, конечно, – улыбнулась Эдит, видя, как я подыскиваю слова.

– Конечно, – повторила я, все время спрашивая себя, что ей известно и есть ли хоть малейшая возможность заставить ее переменить решение.

– Свадьба состоится в новом году. Клонах-корт к тому времени будет готов, и Хью сделает его очень удобным. Однако, – сказала Эдит, снова улыбаясь мне, – я предполагаю, что мы часто будем встречаться в Кашельмаре.

Я ничего не ответила. Снова наступила пауза.

– Понимаю, ты думаешь, что я выхожу за человека, который ниже меня по положению, – проговорила Эдит, однако, судя по ее голосу, ее это ничуть не обескураживало.

– Естественно, я думаю, что ты выходишь за человека ниже тебя по положению, – подтвердила я. – Хью Макгоуан никак не принадлежит к твоему классу.

Снова наступило молчание.

Эдит продолжала улыбаться, и я, поняв, как она меня ненавидит, вдруг увидела перед своим мысленным взором ряд картин из будущего, каждая более ужасающая, чем предыдущая.

– Пожалуйста, Сара, не беспокойся, – заговорила Эдит. – Я объявляю, что буду истинным образцом конфиденциальности. Конечно, я рассчитываю на маленькие услуги с твоей стороны время от времени, но ничего такого, что составило бы для тебя труд. Например, я жду регулярных приглашений из Кашельмары и хочу возвращаться в твоём социальном кругу. Патрик говорит, что у тебя полно планов на будущее, потому что ты хочешь, чтобы дети не выпали из твоего круга. – Она помолчала. – Да брось, Сара, не упрямясь! Ты ведь все равно не сможешь меня изолировать, когда я выйду замуж. Хью это не понравится. Он, напротив, даже считает, что, если я буду жить рядом с тобой, это пойдет тебе на пользу. Тебе нужно общество человека твоего возраста, чтобы поднимать настроение, когда ты падаешь духом, – человека, который... приглядывал бы за тобой. Это так предусмотрительно с его стороны. Ты не считаешь?

Я положила перо. Глядя на пламя в камине, произнесла:

– Эдит, я думаю, нам больше нечего сказать друг другу в настоящий момент. Если ты меня извинишь, я бы хотела закончить это письмо.

– У-тю-тю, – протянула Эдит. – Мы вдруг начали дерзить? Раздражаться!

– Эдит, я не могу поверить, что ты и в самом деле хочешь выйти замуж за такого человека.

– А почему нет? Я устала оттого, что на меня не обращают внимания,

обходят, жалеют и забывают! И мне нравится Хью. Он единственный мужчина, который похвалил мой ум. «Мне нужна умная, исключительная жена, – сказал он. – Женщина, способная действовать в необычной ситуации с максимальной эффективностью и конфиденциальностью. Мне нужен партнер, которому я могу доверять, который сможет разделить мои амбиции».

– Он женится на тебе только для того, чтобы скрыть свои отношения с Патриком, – заметила я.

– А вот и ошибаешься. Я ему нравлюсь в той же степени, в какой он нравится мне.

– Думаю, ему нравится мысль о богатой жене, и больше ничего. Твои деньги компенсируют ему скучную необходимость разделять с тобой дом.

– Как ты смеешь говорить такие вещи!

– А почему нет? Это же правда. Делить с тобой дом – скука смертная. Уж мне ли не знать.

– Ты безнравственная злоязычная шлюха! – завизжала Эдит. Она покраснела, ее выпученные глаза горели от ярости. – Ты еще пожалеешь!

– А ты пожалеешь, что не осталась старой девой, – отрезала я. – Одному Господу известно, какой брак тебя ждет.

Она не ответила. Вылетела стрелой из комнаты, и, когда дверь захлопнулась за нею, меня начало трясти при мысли, что она пожалуется Макгоуану.

4

– Это с вашей стороны было не очень благоразумно, – бросил Макгоуан, войдя в комнату без стука; потрясение, которое я испытала при виде его, заставило меня резко вскочить на ноги. Журнал мод, доставленный этим утром, выскользнул из моей руки на пол, но я не сделала попытки поднять его. – Сядьте.

Я села на стул у окна и молча уставилась на него.

– Если вы хотите, чтобы я относился к вам с минимальной вежливостью, – сказал он, – то вы должны изменить ваши манеры общения с Эдит.

– Да. Мне жаль.

– Вот это правильно. Вы можете извиниться перед Эдит в гостиной сегодня вечером перед ужином, но не прежде, чем туда придем мы с

Патриком. Я хочу своими ушами услышать ваши извинения.

– Да.

– И если вы позволите себе грубо обращаться с Эдит...

– Не позволю.

Дверь закрылась. Он ушел. Невысказанная угроза повисла в воздухе. Наконец, перестав дрожать, я отправилась к себе в спальню, вытащила шаль из сундука, плотно закуталась в нее и на цыпочках спустилась по лестнице. Патрик был в саду. Он проводил там столько дней, что солнце выбелило его волосы. С иронией, посетивший меня на мгновение, я поняла, что, хотя он всегда был красив, его красота стала еще более поразительной сейчас, в тридцать пять, чем двенадцать лет назад, когда он делал мне предложение. Изменения состояли не только в том, что Патрик окреп физически благодаря явно хорошему здоровью, а его глаза обрели необычную голубизну, особенно заметную на фоне загорелой кожи. Разница была более глубокой. Он, казалось, обрел новую уверенность в себе, и я, глядя на него за работой, отметила, что у него не только изящные, но и целеустремленные движения, которых ему недоставало, когда Патрик был всего лишь бесхитростным и неприкаянным прожигателем жизни.

На нем была рабочая одежда – старые брюки и ботинки, выцветший твидовый пиджак, а в руках – метла из прутьев, которой он сметал осенние листья с прополотого газона. Нед и Джон, каждый с маленькими метелками, помогали ему, а на другой стороне газона, рядом с коляской Элеоноры, сидела с вязаньем Нэнни.

– Патрик, можно тебя на пару слов? – позвала я.

– Конечно. – Он улыбался Неду, который топал к тачке с охапкой листьев в руках. – Слушаю.

– Без детей.

– Папа, не пора разводить костер?

– Через минутку. Я только покажу маме новые солнечные часы в итальянском саду. А ты побудь с Джоном, посмотри, чтобы он не выкидывал листья из тачки.

Мы пересекли газон, и он повел меня по дорожке к месту новой вырубке, где каменные балюстрады окружали глубокую длинную яму, которую со временем предполагалось наполнить водой. В дальнем конце в центре вымощенной площадки стоял камень, из которого он сделал солнечные часы.

– Так в чем дело? – спросил он, остановившись, чтобы провести пальцами по знакомому камню, и по этому жесту я поняла, насколько он спокоен, расслаблен, беззаботен.

Я сжимала края шали до боли в пальцах, а воздух среди деревьев стоял такой влажный, что меня снова начало трясти. Опавшие листья имели слабый сырой запах осени, а солнце над нами уже начинало клониться к закату по вечернему небу.

– Эдит сообщила мне об обручении, – сказала я. Мне приходилось говорить, тщательно выбирая слова, потому что все они будут переданы Макгоуану. – Я рада за нее, ведь ей так хочется выйти замуж, и надеюсь, этот брак принесет ей то, что она желает. Но ты знаешь, что мы с Эдит никогда не ладили. Ты сам десятки раз говорил, как с ней трудно! Но теперь она заявляет, что после свадьбы будет часто видеться со мной, и я просто не знаю, что мне делать. Как мне избежать ссор с нею? Мы совершенно не годимся в подружки. Я думаю, Хью не понимает этого.

– Мм... – Патрик продолжал гладить камень. Я заметила, что на его пиджаке отсутствует пуговица. – Тебе лучше делать то, что говорит Хью.

– Я знаю, но... – Я замолчала, успокоилась, попыталась снова: – Патрик, я поставлена в очень трудное положение, неужели ты этого не видишь?

– Ну почему бы тебе не поговорить об этом с Хью?

– Потому что... – Мои ногти вонзились в ладони. – Патрик, я боюсь Хью. Полагаю, в один из дней он воспользуется каким-нибудь предлогом, чтобы побить меня, и я боюсь, что нужный ему предлог он найдет в моем отношении к Эдит. Я буду стараться быть вежливой, но... если я совершу ошибку – оскорблю ее, – Патрик, ты ведь не позволишь Хью бить меня? Я хочу сказать... не настолько же ты меня ненавидишь?

– Конечно я тебя не ненавижу! – удивленно воскликнул он и утешающе легонько прикоснулся к моей руке пальцами. – Я не понимаю, почему тебя так беспокоит Хью. Он тебя не тронет, если ты того не заслужишь. Хью добр и справедлив. И... я ему доверяю – пусть делает то, что считает нужным. Он очень проницателен и не из тех людей, которые совершают ошибки.

– Мы все совершаем ошибки. – Мне стало нехорошо, и я оперлась на камень солнечных часов, чтобы не упасть.

– Да если бы ты только не относилась с таким предубеждением к Хью! – воскликнул он со смесью раздражения и нетерпения. – Если бы ты только увидела его таким, какой он есть на самом деле! Он такой умный и интересный... и он любит эту землю, как люблю ее я, хотя в цветах совсем не разбирается. Его больше всего интересуют деревья, и Хью сделал превосходные предложения по фигурной стрижке. Что говорить – он единственный человек, который смог оценить мою задумку о саде. Мы

часами беседуем об этом и... Сара, ты не слушаешь.

– Я должна присесть на минуту.

– Но почему ты не хочешь понять, что твой взгляд на Хью искажен? Почему ты не можешь это признать? Глупо проявлять такое упрямство.

– Ты специалист по упрямству, – услышала я свой голос, но Патрик не ответил, а через секунду, когда головокружение у меня прошло, я огляделась и поняла, что осталась одна.

Вокруг стояла тишина.

Я долго сидела, потом вернулась на газон. Нэнни увела Джона и Элеонору в дом, а Нед помогал Патрику с костром. Я посмотрела на них, а когда Нед махнул, подумала: что же мне делать? Но ответа не было, только яркая улыбка Неда и едкий запах дыма. Наконец, не найдя альтернативы, я вернулась в свою комнату, чтобы одеться к ужину.

Глава 6

1

В декабре приехали Томас и Дэвид, чтобы провести с нами Рождество, но, поскольку у них были свои проблемы, ни тот ни другой не заметили сразу же, что происходит в доме. Томас хотел оставить Оксфорд и изучать медицину в Лондоне, а Дэвид, которому исполнилось восемнадцать, спрашивал разрешения Патрика посетить знаменитые оперные театры на Континенте. После этого он собирался поступить в Кембридж и писать либретто, изучая английскую литературу.

– Но, Дэвид, либретто... сцена – разве это приемлемо? – с беспокойством спросила я, на что Патрик твердо возразил:

– Дэвид, я сделаю все точно, как ты хочешь, а если твои либретто достигнут стандартов Уильяма Гилберта, буду чертовски гордиться тобой. Ты никогда не подумывал перевести оперы Иоганна Штрауса на пристойный английский?

– Но переводить его так трудно! Как ты переведешь песню, в которой все персонажи просто стоят и поют «Дуй-ду»?

– Бог ты мой! – с жаром воскликнул Томас. – Слава богу, мне хватило здравого смысла выбрать практическую профессию!

– Но, Томас, – медицина! – не сдержалась я. – Вряд ли это аристократическое занятие. Что бы сказала твоя мать?

– Я думаю, она была бы очень довольна, – ответил Томас. – Мама всегда поощряла мой интерес к анатомии и патологии. Знаю, что медицина – профессия среднего класса, но мне все равно. Что касается ухода из Оксфорда без степени – мне это тоже все равно. Какой смысл отдавать два года жизни для получения бумажки, которая не будет иметь для меня никакой пользы? Я должен учиться либо в Лондоне, либо в Эдинбурге. Оксфорд для меня бесполезен. Он слишком старомоден.

– Я ненавижу Оксфорд, – сочувственно признался Патрик.

– Значит, ты не возражаешь?

– А с чего мне возражать? Делай то, что считаешь нужным. Да, может быть, Хью знает о медицинской школе в Эдинбурге. Спроси у него.

Но Томас так и не спросил. После того как их личные дела были так благополучно улажены, они с Дэвидом внимательнее пригляделись к

ситуации в Кашельмаре и вскоре стали подозрительно поглядывать на Макгоуана.

– Тебе ведь он не нравится, Сара, правда? – спросил Томас.

Я пожала плечами:

– Он лучший друг моего мужа, так что я должна стараться изо всех сил.

– Но не может же Патрик вечно оставаться им очарованным!

– Наверное, не может, – согласилась я.

Эта надежда и в самом деле поддерживала меня в худшие минуты моей депрессии. Большинство любовных связей не длится долго. Почему эта должна стать исключением из правила? Я ежедневно приглядывалась – не возникли ли какие-нибудь разногласия между ними, но единственное разногласие возникло, когда после отъезда Томаса и Дэвида Патрик по какой-то причине начал сильно пить.

– Глупо с твоей стороны начинать пить с утра, – услышала я обращенные к Патрику слова Макгоуана.

– Ты это говоришь только из-за своего треклятого пресвитерианского воспитания.

– Я это говорю потому, что мне безразлично твое здоровье, – ответил Макгоуан, очень умно ответил, ведь Патрик становился сентиментальным, когда кто-то проявлял о нем заботу.

Манипулировать Патриком для Макгоуана было проще простого, и Патрик на какое-то время перенес выпивку на вечер.

Настал февраль. Эдит была по уши занята последними штрихами ремонта в Клонах-корте, и я редко ее видела, а свадьбу назначили на середину марта.

– Брак, возможно, поспособствует успокоению бедняжки Эдит, – заметила Маделин во время одного из своих приездов в Кашельмару. Теперь она приезжала чаще, потому что ей наконец удалось найти нового доктора для своей амбулатории. Ее успех был тем заметнее, что доктор Кагилл получил образование в Лондоне и Дублине. – Конечно, Макгоуан совершенно неприемлем, но Аннабель тоже вышла замуж за человека ниже ее, так что обе ее дочери имели плохой пример. Но я в данных обстоятельствах намерена быть очень снисходительна, и, разумеется, приятно будет увидеть Клонах-корт снова обитаемым. Я прекрасно помню, когда была жива моя бабушка...

Мысли мои витали в других областях. Маделин часто говорила о своей бабушке, а как-то раз посетовала, что та оказала на нее дурное влияние. Если бы только была жива Маргарет...

- Я не ошиблась – от Патрика пахло виски, когда он меня поцеловал?
  - Маделин, не знаю. Сама я не заметила.
  - Его что-то беспокоит?
  - Насколько мне известно – нет.
  - А тебя что-нибудь беспокоит?
  - Нет, Маделин. Ничего.
  - В последние месяцы у тебя какой-то напряженный вид. Я подумала...
  - Ведение хозяйства отбирает много сил. Всегда столько дел.
  - Теперь, когда финансовое положение Патрика улучшилось, ты можешь нанять экономку.
  - Нет, мы должны максимально экономить. Дети... будущее...
- Я принялась говорить о будущем, потому что это было гораздо легче, чем рассуждать о настоящем.

Мы жили в смутные времена. Мои личные проблемы настолько поглотили меня, что я почти не обращала внимания на то, что происходит в мире, но теперь впервые за год обнаружила вокруг себя газеты и непрерывные разговоры о политике. Макгоуан внимательно наблюдал за общественной жизнью, а Эдит то ли из естественных наклонностей, то ли из желания произвести на него впечатление следила за событиями так же внимательно, как он. У Макгоуана, конечно, были свои мотивы. Он и его отец, который продолжал помогать ему, ежедневно имели дело с враждебными, агрессивными арендаторами, и любое огнеопасное слово, произнесенное Парнеллом, Дэвиттом и Диллоном, разогревало тлеющее недовольство. Работа Макгоуана категорически требовала от него знания текущих событий, а потому я все время слышала про Земельную лигу, организацию Парнелла, требовавшую реформу ирландской земельной системы, про самого Парнелла с его бандой из шестидесяти членов парламента в Вестминстере, выступавших за Гомруль. Парнелл, Диллон, Салливан и другие вожди Земельной лиги были арестованы год назад и обвинены в заговоре – агитации против выплаты аренды, но в ноябре после двадцатидневных слушаний присяжные заседатели не смогли вынести вердикт.

– Черный день для нас, управляющих, – мрачно сказал потом Макгоуан и начал рассуждать о деле Бойкотта.

Бойкотт, управляющий, который жил менее чем в сорока милях от Кашельмары на побережье Лох-Маска, отказался принимать плату, на которую соглашались его арендаторы, но, когда приступил к выселениям, оказался в такой изоляции, что ему пришлось привозить волонтеров с

севера, чтобы собрать урожай. Военные вынуждены были защищать волонтеров, и стоимость всего этого кошмара в десять раз превысила стоимость спасенного урожая.

– Бог ты мой! – воскликнул Патрик, сильно встревоженный такой неспособностью управлять объединившимися арендаторами. – А если это случится здесь?

– Это невозможно, – категорично отрезал Макгоуан. – Ты можешь себе представить, чтобы Джойсы объединились с О’Мэлли дольше чем на пять минут? И потом, Земельная лига в долине представлена древним и нелепым секретным обществом блэкбутеров, которых возглавляет этот олух Максвелл Драммонд.

Имя Максвелла Драммонда из уст Макгоуана так потрясло меня, что я почти не слышала слов Патрика, который призывал своего друга к осторожности.

– В конце концов не забывай, что случилось с Дерри, – взволнованно заключил он.

– Дерри Странахан жил своими мозгами, а не кулаками, – бросил Макгоуан. – Если бы он понимал, что нужно меньше говорить, а больше действовать, то он до сих пор был бы жив.

– Хью, Дерри Странахана убили!

– Черт побери, Патрик, я могу душу вытрясти из Максвелла Драммонда, если у меня одна рука будет привязана за спиной! Я только надеюсь, что в один прекрасный день он предоставит мне шанс сделать это.

В итоге все разговоры сводились к тому, что в данное время для поддержания порядка в графстве Мейо находится в общей сложности семь тысяч полицейских и военных, а Кашельмара расположена в двух шагах от Мейо, чуть южнее границы, которая проходит по вершинам гор неподалеку за домом. Неудивительно, что королева, открывая сессию парламента в январе, сообщила, что напряженность в Ирландии принимает тревожный характер. Она преуменьшала опасность ситуации, и, когда в феврале палата общин провела рекордное сорокаодночасовое обсуждение нового билля о защите жизни и собственности в Ирландии, мы поняли, что эхо бунта доносится даже до Вестминстера. Мои оставшиеся в Лондоне друзья писали мне письма, умоляя вернуться в Англию, пока меня не убили в моей же постели, а я в тревоге спрашивала себя, следует ли мне взять детей и остановиться в доме на Сент-Джеймс-сквер.

– Хью, что думаешь? – спросил Патрик.

– Нет, Сара пока должна оставаться здесь, – мгновенно ответил Макгоуан. – Если ты позволишь жене убежать, то тем самым покажешь

ирландцам, что боишься их. Она должна остаться.

– Хорошо, но, может быть, дети...

– Патрик, если кто и получит пулю в спину, то совершенно точно не дети, а я.

Я тут же принялась молиться, чтобы это произошло как можно скорее, но никакой пули в спину не случилось, и двенадцатого марта Макгоуан и Эдит тихо поженились в часовне Кашельмары и отправились жить в Клонах-корт. Как я и предполагала, это не освободило меня от них. Эдит приезжала каждый день. Ни одна сторожевая собака не могла быть надоедливее. Она и Хью продолжали ужинать в Кашельмаре не меньше раза в неделю. Но все же ситуация улучшилась, и, когда весной Эдит спросила, может ли она сопровождать меня – а я собиралась сделать несколько светских визитов, – я согласилась без возражений. Принимать гостей в Кашельмаре пока не было возможности, потому что наши английские друзья и думать не хотели о поездке в Ирландию, а наши ирландские соседи не желали отправляться в путь с наступлением темноты, но я настаивала на соблюдении формальностей. Так я оторвалась от гнетущих хозяйских обязанностей и с наступлением весны пользовалась любой возможностью улизнуть из дому.

Ездили мы непременно в сопровождении двух вооруженных слуг, и я если и видела крестьян, то с расстояния. Драммонд мне ни разу не попался на глаза, но это не имело значения, поскольку я теперь редко думала о нем. Для меня он умер вместе с Маргарет, а моя дружба с его женой казалась такой далекой, как и те времена, когда я каждую неделю ездила в амбулаторию в надежде увидеть его.

Прошло лето. Гувернантка Неда уведомила о своем намерении оставить работу, чем очень порадовала сына. Патрик подал объявление – «требуется учитель». Джон отпраздновал четвертый день рождения, гордо задул все четыре свечи на своем праздничном пироге. Его здоровье все еще беспокоило меня, но я видела, как он вырос за последний год. Теперь Джон уже мог произносить слова, хотя и не много, но понимал все, что ему говорили. Как и Элеонора. Ей еще и двух не исполнилось, а в детской не прекращалось ее щебетание, я даже начала беспокоиться – не слишком ли она скороспелая.

– Нам скоро придется нанять гувернантку специально для нее, – сказал, смеясь, Патрик, и в те моменты, когда мы вместе гордились детьми, я понимала, что все мои усилия не напрасны и никакая жертва ради них не будет слишком велика. – Я только надеюсь, что нам удастся найти хорошего учителя для Неда.

– Найди учителя-шотландца, – посоветовал Макгоуан. – Лучше шотландского образования не найти.

– Я не хочу, чтобы Нед говорил с шотландским акцентом! – воскликнул Патрик, поддразнивая его, но Макгоуан, у которого отсутствовало чувство юмора, только ответил, что у образованных шотландцев акцент почти незаметен.

– У твоего отца сильный акцент.

– Мой отец необразованный человек.

Я никогда не понимала взаимоотношений Макгоуана с его отцом. Они хорошо работали вместе, старик относился к сыну с ревнивым почтением, а Макгоуан, без сомнения, был почтительным сыном, раз в неделю появлялся в доме отца; но я слишком хорошо знала Хью Макгоуана и часто спрашивала себя, не кроется ли за его внешне безукоризненными манерами глубокое презрение. Он редко говорил об отце. О матери, которая осталась в Шотландии, не вспоминал вообще. Единственный намек на его прошлую жизнь с родителями я слышала, когда он заметил после не понравившихся ему слов Эдит: «Надеюсь, ты не собираешься стать надоедливой женой, моя дорогая, ибо я презираю мужей-подкаблучников».

Эдит тут же поспешила заверить его, что он вовсе не из тех людей, которые становятся подкаблучниками у жен.

Я понятия не имела, разочарована ли Эдит в своем браке, но жалоб от нее никто не слышал, и я решила, что пока она удовлетворена. Но я подметила, что Макгоуан почти не обращает на нее внимания, даже если она проницательно говорила о политике. Если бы мое отвращение к Эдит было не таким сильным, я бы, возможно, ей посочувствовала.

В Вестминстере бесконечно обсуждали Ирландский земельный билль, а когда в августе парламент ушел на каникулы, в Кашельмару приехали Томас и Дэвид – привезли лондонские новости из первых рук. Томас уже изучал медицину в Лондоне, а Дэвид, который в октябре собирался поступать в Кембридж, писал не либретто, а детективную историю.

– Истории мне нравится сочинять больше, чем либретто, – признался он мне. – Вот будет здорово, если их напечатают.

– «Выдающиеся» – вот слово, которого ты ждешь, – поддразнил брата Томас, который считал все романы пустой тратой времени. – Не «здорово». Сара, Патрик обычно так много пьет или он просто пребывает в радостном настроении от нашего приезда?

– Вероятно, он празднует ваше появление. – Я улыбнулась ему, но улыбка у меня получилась натянутая и неловкая.

– Мне бы хотелось, чтобы он праздновал с меньшим усердием. После

обеда Патрик выпил столько портвейна, что я в ужас пришел. Я недавно вскрывал печень, принадлежавшую одному бродяге, который умер в ночлежке при работном доме в Мэрилебоне, и если бы Патрик увидел состояние этой печени, то наверняка больше никогда не прикоснулся бы к портвейну.

– Томас, не говори гадостей, – жестко пресек его Дэвид. – У тебя выработалась омерзительная привычка рассказывать истории обо всех трупах, что ты вскрываешь. Вскрываешь своими руками. Меня ничуть не удивляет, что Патрик так много пьет. Я и сам запил бы, если бы мне приходилось каждый день выносить общество Макгоуана. Мне жаль, что они по-прежнему такие закадычные друзья.

– И мне тоже, – согласился с ним Томас. – Бог ты мой, если бы я хорошо не знал Патрика, я бы сказал, что это дружба на грани неестественного.

– Что за гадости ты говоришь! – воскликнул Дэвид; мое присутствие при этих словах настолько смутило его, что он даже зарделся. Но я подозревала, что эта мысль и ему приходила в голову.

– Бога ради, я же не сказал «неестественная», правда? Я только сказал, что если бы хорошо не знал Патрика...

Но они плохо знали Патрика. Патрик пил и играл свою роль, а я тоже стала выпивать, играя свою. В разное время выпивала по стаканчику мадеры днем и еще непременно один за ужином.

– Сара, – ужаснулся Томас, обнаружив меня в одиночестве рядом с графином в столовой за день до их отъезда, – что происходит в этом доме?

– Ничего, – ответила я и посмотрела на графин. – У меня в последнее время стала побаливать голова, и вино вроде бы помогает.

– Ты показывалась врачу? Сейчас против головной боли создано новое действенное лекарство и... Сара, что-то случилось?

– Нет-нет, просто некоторые вещи слишком меня волнуют. Беспокоюсь, что мы не сможем найти учителя, который согласился бы приехать сюда. Или слуги надумают уйти. Или Нэнни скажет, что больше не может жить в Ирландии.

– Я понимаю, что политическая ситуация не идет на пользу нервам. Если бы ты могла приехать в Лондон...

– Нет, я не могу. Это невозможно. Макгоуан сказал... – Я умолкла, но было уже слишком поздно.

– Макгоуан, – повторил Томас. – Макгоуан то, Макгоуан се. Куда ни сунься – всюду Макгоуан. Он все контролирует в этом доме?

– Томас, это к лучшему. Патрику нужен сильный человек, чтобы

организовать хозяйство.

– Я не думаю, что к лучшему, когда Макгоуан заходит в этот дом, как в свой, и указывает тебе и Патрику, что вы должны делать.

– Я не могу это обсуждать. Ты должен поговорить с Патриком.

Но у Томаса не хватило духу поговорить с Патриком – мешала разница в возрасте в шестнадцать лет, – к тому же Томас все еще смотрел на старшего брата словно на идола, как в детстве. Хотя Томасу хватало смелости задавать некоторые вопросы, в то же время смелости у него было маловато, чтобы выслушивать ответы. Поэтому ничего так и не было сказано, а вскоре они с Дэвидом уехали в Лондон, пообещав вернуться к Рождеству.

Но они не вернулись. Придумали какой-то предлог. Особое приглашение от лучшего друга Маргарет... Рождество в Йоркшире... никак не могли отказаться... очень надеялись, что мы с Патриком пойдем.

Патрик понял и напился. Я после отъезда мальчиков перестала прикладываться к мадере, но Патрик, к ярости Макгоуана, продолжил. Получив письмо от мальчиков, Патрик выпил две бутылки портвейна, и Макгоуан нашел Патрика в его комнате в состоянии ступора.

– Идиот ты чертов! – закричал Макгоуан. Хотя моя комната находилась между спальней Патрика и будуаром, я слышала каждое слово. – Вставай! – Потом звуки ударов.

Мне стало плохо, и я убежала вверх в детскую. По какому-то несчастливому стечению обстоятельств именно в этот день с ежегодным визитом приехал Джордж, и, когда меня позвали из детской принять его, я пребывала в таком расстроенном состоянии, что он это тут же заметил.

– Моя дорогая Сара, что-то случилось... Я чем-то могу помочь?

Его голос звучал с такой неожиданной добротой, что я посмотрела на него новыми глазами. Я всегда видела в нем замшелого старого холостяка, от которого Патрику никакой пользы, как и ему от Патрика, но теперь осознала, что все напускное куда-то ушло и передо мной сочувственное лицо и застенчивые взволнованные глаза.

– Если возникли какие-то трудности... Надеюсь, вы можете мне довериться... Всегда считал вас такой замечательной девицей, гораздо лучше, чем заслуживает Патрик... Не люблю видеть расстроенные лица красивых женщин.

Я заплакала. Не потому, что он назвал меня красивой. Я бы все равно заплакала.

– Извините... переутомилась... совсем не в себе...

– Патрик должен увезти вас отсюда. Здесь стало слишком тяжело. Я

дам ему денег, если он не может заплатить.

– Вы очень добры, но... мы должны остаться. – Только не упоминать Макгоуана. – Патрик говорит...

– У Патрика нынче нет своей головы, если хотите знать мое мнение. Маделин рассказывала, как он позволяет этому шотландскому управляющему помыкать собой, – просто унижительно. Настоящий скандал, Богом клянусь. Еще хуже, чем когда этот наглый щенок Странахан имел тут свободу рук.

– Я не могу... не мне критиковать...

– Конечно не вам. Вы преданная и любящая жена, все это видят. Но кому-то все же нужно сказать ему кое-что. Если дойдет до того, я и сам скажу. Господь свидетель, я никогда не уходил от своего долга, каким бы неприятным он ни был.

– Нет... кузен Джордж... пожалуйста...

– Не утруждайте вашу хорошенькую маленькую головку, моя дорогая. Я поговорю с Патриком.

– Нет! – взвизгнула я. Я была на грани истерики. – Он решит, что я нажаловалась... будет ужасная сцена. Пожалуйста, кузен Джордж, пожалуйста, не говорите ничего!

Он согласился придержать язык, но я понимала, Джордж считает, что я сбита с толку, и его сострадание лишь усилилось.

– Всегда знайте, что вы можете обратиться ко мне за помощью, – сказал он на прощание, пожимая мне руку. – Вам нужно только отправить словечко в Леттертурк-Грандж.

Как это ни странно, но меня его слова приободрили. Когда ты знаешь, что есть кто-то, готовый прийти к тебе на помощь, если жизнь станет невыносимой, ты чувствуешь себя по-другому. Тем временем жизнь после того бурного эпизода, как это нередко случается, вернулась к норме, наступило затишье. Патрик, в синяках и подавленный, бросил пить. У Эдит случилась простуда, и я смогла неделю отдохнуть от ее общества, а дети с предвкушением праздника заговорили о Рождестве.

Ради детей мы в Кашельмаре всегда предпринимали невероятные усилия, чтобы сделать Рождество настоящим праздником. Мы украшали елку в холле, как это делают немцы, а Патрик часами изготавливал цветные бумажные цепочки, чтобы повесить на стенах детской. Кухарка и ее помощники начали готовить ошеломительный набор пирогов и пудингов, а во дворе, как полагается, зарезали самого крупного гуся. Я завернула подарки, надписала их, положила вокруг елки, у которой мы в Рождество вместе со слугами пели веселые песенки, а в рождественское утро

раздавались все подарки в хорошеньких обертках.

После этого в Кашельмару приезжал пастор мистер Маккардл и проводил службу в часовне, а потом уезжал в Леттертурк, где устраивал службу для тамошних прихожан-протестантов. Мы теперь устраивали службу в часовне только два раза в месяц для поддержания приличий, но чтобы провести Рождество без службы – нет, такое было немислимо.

Мне еще удалось насладиться Рождеством в тот год, потому что я все время проводила с детьми, и они были такие счастливые, беззаботные и веселые.

После Рождества наступил Новый год. Я ненавидела канун Нового года с его символами уходящего времени и жизни, утекающей в небытие, а теперь, когда будущее представлялось таким мрачным, последний день старого года казался еще невыносимее, чем всегда. Я думала о том, какой могла бы стать наша жизнь, если бы в нее не вторгся Макгоуан. Элеоноре было два с половиной, и я могла бы подумать еще об одном ребенке. Было бы к чему стремиться, и я бы не чувствовала себя такой раздавленной ощущением бездарно упущенного времени и собственной никчемности.

Если бы я только могла родить еще одного ребенка!

Я продолжала думать об этом. Думала об этом бесконечно, скоро это превратилось в наваждение. Наверное, я сошла с ума; возможно, напряжение последних месяцев сказалось на мне сильнее, чем я отдавала себе в этом отчет. Но с другой стороны, а почему бы нет? Я соблюдала условия сделки, разве мне не полагается вознаграждение? С какой стати Макгоуан станет возражать, если рождение нового ребенка только послужит подтверждением того, что все у нас в доме превосходно? Почему я не могу иметь что-то такое, чего могу ждать с нетерпением?

– Нет, – отрезал Патрик. – Абсолютно исключено.

– Почему? – Я старалась не кричать.

– Потому что мне и без того уже приходится притворяться перед многими людьми, я не хочу, чтобы их стало еще больше.

– Но ради меня...

– Мы бы совершили большую ошибку, принеся в этот мир еще одного ребенка, – заявил он с так хорошо знакомым мне упрямым выражением. – Ты выдумала, что хочешь ребенка, – для этого нет разумных оснований.

Разочарование мое было таким безграничным, что я стала жестокой.

– Ты так говоришь, потому что теперь даже если бы и захотел, то был бы не способен дать жизнь ребенку, – презрительно бросила я.

Он побледнел как смерть, потом повернулся ко мне спиной и ушел.

Не прошло и десяти минут, как дверь будуара открылась снова. Я

просматривала журнал, но расстройство не позволяло мне толком разглядеть картинки, мелькавшие у меня перед глазами.

– Только не говори, что передумал, – горько проворчала я, не поднимая головы, а потом на кушетку упала тень, и я поняла, что в комнату вошел Макгоуан.

2

– Сара, не надо так волноваться, – сказал он, подходя к камину и облокачиваясь на полку. – Я пришел к вам с хорошей новостью. Патрик сообщил мне, что по некоторым причинам вы бы хотели снова улечься с ним в постель, и я подумал, вам будет приятно узнать, что у меня, по крайней мере, нет никаких возражений.

Я уставилась на него. Хью смотрел на меня, и на миг я ощутила, что ревность и ярость переполняют его.

– Так вот, Патрик передумал, – добавил он. – И проведет с вами ночь.

Увидев недоуменное выражение на моем лице, он спросил:

– Разве не этого вы хотели?

– Я хотела ребенка, – ответила я, едва двигая губами.

– Конечно. И вас беспокоило, что Патрик не сможет дать вам того, что вы хотите.

Я промолчала.

– Бросьте, Сара, не беспокойтесь об этом! Вы лучше беспокойтесь о зачатии, если у вас есть такое желание. Разве у вас не возникали вечные проблемы с этим? А о Патрике можете не беспокоиться. Я приму меры к тому, чтобы у него с этим все было в порядке.

Я попыталась что-то сказать, но ничего не получилось.

– Все еще беспокоитесь? Да, одна ночь, взятая наугад, вряд ли может закончиться беременностью, но не волнуйтесь, есть и другие ночи, верно? И если вы так одержимы этой нелепой идеей обзавестись еще одним ребенком...

– Нет, – сказала я.

– Не одержимы? Ах нет, я понимаю. Вы хотите сказать, что мое изобретательное решение проблемы вызывает у вас неприязнь. Какая жалость! А мне эта идея нравится. Когда общество вынуждает человека жить, соответствуя тому, что принято называть «нормальной христианской жизнью», то обещание необычной забавы нередко вызывает совершенно

непропорциональное возбуждение. Чудно, правда? Наводит на мысль, а что же случилось бы в обществе, в котором нет никаких правил – дозволено все? Естественно, все бы быстро умерли от скуки.

– Не приближайтесь ко мне.

– Если не хочешь, чтобы приближался, то не трогай Патрика, не задевай его гордость, сука!

Всякое подобие вежливости исчезло с его лица, и в каждой его черте, каждом движении я видела только насилие.

– Я не это имела в виду.

– Имела-имела, – прорычал он. – Я знаю таких – подпустить чуточку сарказма, вставить коварное замечание. Вы уничтожаете мужчину каждый день понемногу.

– Я...

– Заткни рот! У тебя была возможность высказаться, и настанет день, очень скоро, клянусь Господом, ты мне за это заплатишь.

Времени кричать не было. Он ушел, почти не закончив говорить, дверь захлопнулась за ним с такой силой, что все украшения в алькове затряслись, занавеси вздрогнули в порыве воздуха, пронесшемся по комнате.

Я долго сидела, потом встала, нашла нож для резки бумаги и сунула его себе под нижнюю юбку, так чтобы рукоять осталась выше чулка. После этого я почувствовала себя в большей безопасности, хотя и не могу объяснить почему, – мне бы никогда не хватило мужества воспользоваться им. Даже для самозащиты. Я хотела написать Чарльзу, но знала, что не должна этого делать. Я слишком слаба характером, чтобы просить о помощи, а если еще Макгоуан перехватит письмо... Нет, это совершенно не годится. Я допустила ошибку, и вот наступил кризис, и его нужно просто пережить. Макгоуан и прежде не раз мне угрожал, но никогда не воплощал угрозы в жизнь, и у него не было оснований делать это, пока я имела вполне запуганный вид. И тем вечером перед ужином я принесла извинения Патрику в присутствии Макгоуана. Потом для вящей безопасности извинилась и перед Макгоуаном, а Патрик смущенно сказал, что больше не хочет об этом говорить.

Следующие две недели я запирала дверь моей спальни и даже баррикадировалась – ставила сундук у двери, но никто меня не тронул. Постепенно страхи сошли на нет. Я перестала носить нож в чулке, а на следующий день, когда Патрик сказал мне, что будет ночевать в Клонах-корте, я решила, что нет нужды запирать дверь в мою спальню.

Это была моя ошибка. Они вернулись. Уже за полночь. А я в это время

впервые за две недели спокойно уснула. Они пришли в мою комнату вдвоем, и, когда Макгоуан запер дверь, выхода для меня не осталось.

Поначалу я думала, что Макгоуан собирается только держать меня, пока Патрик будет насиловать. Я предположила, одного присутствия Хью будет достаточно, чтобы возбудить Патрика и унижить меня.

Я оказалась очень наивна.

Они зажгли лампу... вернее, Патрик зажег, потому что Макгоуан придавливал меня к кровати, пока я пыталась вывернуться и кричала. Муж был пьян. Не настолько, чтобы не держаться на ногах, но достаточно, чтобы разглагольствовать громким голосом. Поначалу я не слышала, что он говорит, но потом, видимо, перестала кричать и разобрала его слова о какой-то демонстрации. Я не понимала, о чем он, а когда попыталась спросить, не смогла выдать ни слова.

И тогда Макгоуан сказал, что я должна перестать думать о Патрике как о своем муже и понять, что Патрик безраздельно принадлежит ему. А поскольку я явно решила не признавать этого, у них не осталось выбора, как заставить меня принять эту истину.

– А истина состоит в том, что сейчас мы покажем тебе единственный способ, каким я могу быть с тобой в постели, – сообщил Патрик. – Единственный.

И в следующий момент уже он прижимал меня к кровати, а Макгоуан за его спиной доставал что-то из-за пояса.

Это был хлыст. С декоративной серебряной рукояткой, сверкавшей в свете лампы.

Я все еще не понимала.

Макгоуан стянул с Патрика одежду, сверкала рукоятка хлыста. Зажмурив глаза, я попыталась снова закричать, но мокрый рот Патрика накрыл мой, в нос ударило его зловонное дыхание. Я ощутила рвотный позыв – настолько силен был запах, но даже рыгнуть не могла. Я могла только слышать хлыст. Можно было закрыть глаза, чтобы ничего не видеть, но куда деть слух? Кроме того, хотя удары и не достигали меня, я ощущала каждый из них по экстатической дрожи Патрика.

Он чрезвычайно возбудился. Тело его замирало на прерывистом вдохе, а его грубые, расхлябанные движения доставляли мне мучительную боль. Никогда прежде это не было таким болезненным. Я чуть сознание не потеряла от боли и, наверное, потеряла бы, если бы вдруг не поняла, что звук хлыста прекратился.

Мой страх усилился, когда Патрик оглянулся через плечо, и выражение его лица так ужаснуло меня, что я совсем перестала управлять собой. Я

принялась биться, истерика придавала мне силы настолько, что я даже сумела освободить одну руку, а в следующее мгновение лампа упала на пол. Порыв холодного воздуха погасил пламя, стекло разбилось, и на несколько минут в темноте воцарился полный хаос.

Макгоуан принялся проклинать меня. Патрик отвлекся, и его возбуждение прошло, я с дрожью почувствовала, как он обмяк. Кровать закрипела, когда я снова стала сопротивляться, но, хотя Патрик к этому моменту и вышел из меня, его тело свинцом приковывало меня к кровати.

Макгоуан чиркнул спичкой.

Я посмотрела в его глаза за пламенем.

Это я запомню навсегда. Это я унесу с собой в могилу. То, что случилось потом, помню смутно, время милосердно смягчило воспоминания, но даже сегодня я слышу чирканье спички и вижу, как Макгоуан немигающе смотрит на меня над огоньком пламени.

На одно мгновение я увидела себя его глазами – соперницу, постоянную угрозу, единственного человека, который потенциально может отобрать у него Патрика. Я поняла, что мое желание родить ребенка он счел уловкой, ухищрением, чтобы разделить его и Патрика, моей попыткой вернуть мужа. И наконец увидела, что, прервав действие, в котором он намеревался получить наслаждение от своего любовника, я довела его до крайней степени исступления.

Он не сказал ни слова.

Спичка обожгла его пальцы. Он тряхнул рукой, погасил ее, чиркнул еще одной, потом зажег другую лампу, поднес ее поближе. Патрик так и оставался недвижим на мне, но Макгоуан с такой яростью отпихнул его, что он скатился на пол. Патрик не возражал. Он уже почти что спал, и, хотя я кричала, умоляла его защитить меня, мои крики не доходили до его ушей.

Никто не слышал. Никто не пришел мне на помощь. А когда Макгоуан беззвучно подошел ко мне, я поняла, что предмет его вождлений сейчас не его партнер по содомии, а я.

Глава 7

1

Когда сознание вернулось ко мне, единственная моя мысль была: настанет день – и я убью его. Я понятия не имела как, или где, или когда, но это не имело значения. Значение имело только то, что когда-нибудь я отомщу Хью Макгоуану, и месть будет такая, что он пожалеет о своем появлении в Кашельмаре, пожалеет, что вошел по длинной петляющей дорожке в наши жизни.

Лампа все еще горела в полутьме; я осталась одна. В комнате царил лютый холод, и меня пробрала дрожь, пока я приходила в себя после пережитого потрясения. Когда же внутри меня вспыхнула ярость, холод отступил. Ярость росла и росла. Вскоре она превратилась в такую громадную злобную силу, что я не понимала даже, как ее контролировать, ее мощь пугала меня; я подумала, что схожу с ума. Но потом поняла, что мой гнев порождает особую силу, которая дает мне возможность оставаться самой собой, ведь если я сойду с ума, то Макгоуан победит. Он отправит меня в сумасшедший дом, и я больше никогда не увижу детей.

Одна только мысль о таком повороте событий привела меня в неистовство. Я тут же приняла решение сохранить рассудок во что бы то ни стало. Я хочу победить, а для этого должна жить.

Я поразмыслила о том, как обмануть Макгоуана.

Он должен верить, что запугал меня окончательно, а значит, я буду играть роль сломленной жертвы так убедительно, чтобы ни капля моего гнева не просачивалась наружу. По отношению к Патрику я могу позволить себе умеренную дозу гнева, это будет вполне естественно в сложившихся обстоятельствах, но по отношению к Макгоуану стану демонстрировать полную покорность. Тогда он решит, что я больше не представляю для него угрозу, а когда уверует в это, я смогу воспользоваться его самоуверенностью и бежать.

Побег будет очень трудным и опасным, в особенности еще и потому, что я не могу бежать без детей. Придется тщательно все продумать. Конечно, Макгоуан должен умереть... но тогда полиция сразу же арестует меня за убийство, а это, как и безумие, будет означать, что я потеряю детей, а это конец всего.

Я проверила себя. Размышляю об убийстве – что это значит? Потрясение, вероятно, на какое-то время лишило меня разума, ведь убийство совершают только безумцы или злодеи, а я сходила с ума не собиравшись и на этот счет уже приняла решение. Злодейкой я тоже не была.

Но мне хотелось его убить. Я жаждала мести.

Нет, я не должна сейчас думать об этом. Нужно думать о чем-то одном. Сначала выживание, все мысли о возмездии отложить на потом, когда сбегу из Кашельмары.

В тот день я не выходила из своей комнаты, а когда Патрик прислал мне записку – он хочет поговорить со мной, – отказалась встречаться с ним. Очень хотелось увидеть детей, но они были такие невинные, а я чувствовала себя такой нечистой. Наконец несколько раз приняла ванну. Я принимала ванну тем вечером и на следующее утро, а потом в третий раз после ланча и еще один – перед ужином. Наконец остановилась, чтобы мое поведение не показалось слишком эксцентричным, но, по крайней мере, я нашла наконец в себе силы прийти в детскую, а когда снова увидела детей, то почувствовала себя не только гораздо сильнее, но и исполненной непреклонной решимости сыграть в отложенную игру, которую выбрала для себя.

Я спустилась. Увидела Патрика лицом к лицу. Подавила в себе волну ненависти, которая поднялась при виде его. Это, конечно, потребовало немалых усилий, но я ощущала, как растут во мне силы, подпитываемые яростью, и мощь гнева поражала меня. Вскоре я уже чувствовала себя окрепшей не только умственно, но и физически – мне хватило сил нянчить Джона ночь и день, пока у него была легочная инфекция. Единственное нарушение моего здоровья состояло в отсутствии ежемесячных проявлений, но это, конечно, было всего лишь результатом пережитого мною потрясения.

Макгоуан не появлялся в Кашельмаре. Патрик, если это было возможно, избегал меня, и я в конечном счете вернулась к заведенному порядку, даже подумывала, не возобновить ли мне мои светские визиты, но, когда Патрик запретил мне это, я, лишившись той роли, которую играла, была так потрясена, что согласилась на несколько минут частного разговора с ним. Запинаясь от неловкости, он напомнил мне о беспокойном мире, в котором мы живем. Он бубнил, а я вспомнила арест Парнелла в предыдущем октябре и официальный запрет Земельной лиги неделю спустя.

– Но то было давно, – заметила я. – Много месяцев назад. Все смуты уже должны были кончиться.

– Напротив. Недовольство просто ушло в подполье, а теперь, кажется, закипает сильнее прежнего. В Клонах-корте разбили окна на прошлой неделе, и Хью никогда не выезжает один. Сара, что касается Хью...

– Я отказываюсь говорить про него. – Меня испугала резкость собственного голоса, и я, встревожась, сделала над собой усилие, чтобы успокоиться. Я не должна показывать ему всю силу моей ярости.

– Сара, извини. Я никогда не думал... никогда представить не мог... что он прикоснется к тебе.

Я не доверяла себе, а потому предпочла промолчать. Он умоляюще посмотрел на меня, и я, чтобы не видеть его лица, закрыла глаза... И вдруг, словно в ночном кошмаре, увидела вспышку спички в темноте, глаза Макгоуана над язычком пламени.

– Я только хотел показать тебе, каким я теперь стал.

– Тебе это удалось, – подтвердила я.

– Нет, ты не понимаешь. Пожалуйста, послушай меня минутку.

Я открыла глаза, посмотрела на свои руки. Отвратительный образ Макгоуана исчез. Головокружение у меня прошло.

– всю жизнь – до встречи с Хью – я пытался быть таким, каким хотели меня видеть другие люди. Сначала таким сыном, каким меня хотел видеть отец, братом, которым восхищалась бы Маргарет, мужем, которого ты искала... но я не был никем из них, и чем больше я старался стать тем, кем я не был, тем в больший кошмар превращалась моя жизнь. Но когда я встретил Хью... Сара, ты это можешь понять? Наконец я осознал, кто я есть. Я вырос. Я не был государственным деятелем или политиком... или даже светским кутилой... и уж точно не был тем мужем, которого хотела иметь ты. Но это не имело значения, потому что я вырос достаточно не только для того, чтобы признать, кто я, но и принять это. Я был обычным парнем, которому нравится разбивать сады, а будь я ремесленником или даже скромным сельским сквайром, это не имело бы ни малейшего значения. Но главная неудача моей жизни в том, что я родился совсем не в том классе, не в том веке и не в той стране. Родись я две-три тысячи лет назад в Греции, мои отношения с Хью были бы абсолютно приемлемыми и никто бы даже внимания на них не обратил.

– Понимаю, – процедила я. – Значит, ты не порочный, не развратный, не падший. Тебе просто не повезло. Ах, какое это утешение для всех нас!

– Сара, знаю, ты справедливо злишься и не веришь мне, но той ночью случилось совсем не то, что я имел в виду. Я только хотел показать тебе: я уже не могу пытаться быть тем, кого предполагают увидеть во мне другие люди, включая и тебя. Ты должна была стать зрителем, но вот напился

сильнее, чем следовало бы, а когда начал возбуждаться...

– Ты подумал, как это будет забавно: ты насилуешь меня, а Хью тем временем – тебя. Ах нет, я забыла: Хью не должен тебя насиловать, ты ему отдаешься по собственной воле и с большой радостью. Что ж, Патрик, я никак не могу последовать твоему примеру, хотя тебе это и может показаться какой-то экзотикой. А теперь, если ты меня извинишь, я должна обсудить с Фланниганом новые счета от поставщика вин из Голуэя.

– Сара, этого больше не повторится, клянусь тебе. Прошу тебя, давай попытаемся забыть это несчастье раз и навсегда. Давай вернемся туда, где мы были прежде.

Меня поразило, что он считает это возможным. Я снова посмотрела в пол, чтобы выражение глаз не выдало меня.

– Сара, ради детей.

Я боролась с собой, пытаюсь сдержать гнев. Нелегкая была борьба, но я победила. Я хотела выкрикнула ему: «Не смей упоминать детей рядом со своими извращениями!» – но вместо этого с безразличным лицом произнесла:

– Хорошо, Патрик, но тем не менее я бы предпочла больше не видеть Хью, по крайней мере какое-то время. Ты наверняка меня понимаешь.

– Боже мой, он завтра вечером придет на ужин, прошу тебя, будь благоразумна. Все равно рано или поздно ты увидишь его, так что...

Значит, Макгоуан наконец решил посмотреть, насколько покорна я буду в его присутствии. Я пережила сладкое мгновение, тешась надеждой на мщение, но потом взяла себя в руки и ответила Патрику то, что он желал услышать.

– Хорошо, – холодно сказала я. – Я приму его, но только чтобы соблюсти приличия ради детей. В будущем я бы хотела, чтобы ты ужинал в Клонах-корте, а не приглашал его сюда.

Он пообещал, но я знала, что его обещания ничего не стоят. Патрик явно с облегчением поверил, что я согласна вернуться к вежливому общению, которое мы трое поддерживали при людях, а это согласие подразумевало, что я более не настаиваю на том, чтобы Макгоуан больше не появлялся в доме. Он явно полагал, что это мое требование было всего лишь формальностью, поблажкой моей ущемленной гордыне.

Я отвернулась от него, прежде чем ярость вновь заполнила мои глаза, и отправилась к Фланнигану говорить о поставщике вин.

Приближалась весна. Поговорив с Фланниганом, я поднялась наверх и, чтобы смирить ярость, осмотрела свой гардероб, решая, что из прошлогоднего набора можно переделать, чтобы отвечало новой моде.

Я начала примерять мои летние платья.

Странно! Ни одно из них мне не подходило. Мне, конечно, уже перевалило за тридцать, и трудно было ожидать, что я навсегда сохраню прежнюю фигуру, но каким образом мне удалось набрать столько веса? Я знала, что много ем, но при этом все время занята, а ведь человек толстеет, лишь если бездельничает. Может быть, – ужасная мысль! – я стану такой же толстой, как моя мать?

Я вспоминала мать следующим вечером, когда на ужин пришел Макгоуан. Весь день мысль о том, что увижу его, вызывала у меня гадливое чувство, а подчиненная роль, которую буду вынуждена играть, наполняла отвращением, но, когда мы оказались лицом к лицу, знакомое уже ощущение силы снова пришло мне на выручку, и я обнаружила, что могу контролировать свои чувства, если только не смотрю ему в глаза. Если бы я хоть раз позволила себе это, то снова увидела бы пламя спички в темноте, поэтому я сидела, потупив взгляд, а говорила, только когда ко мне обращались.

Но Макгоуан общался лишь с Патриком. Весь ужин речь шла о методике выращивания леса, а я, делая вид, что слушаю их, думала о маме, которая говорила, что случаются времена, когда дочь нуждается в матери. Потом думала о длинных белых платьях и обещаниях вечной преданности, о том, какая это бесчестная игра словами – свадьба, бесполезная, лживая и даже немного фантастическая. Попыталась вспомнить мое свадебное платье, но не смогла.

Странная штука с этими летними платьями.

– Дорогая моя Сара! – воскликнула Маделин, приехав в Кашельмару на несколько недель. – Тебя пора поздравлять?

И я подумала: если не буду в это верить, то оно и не случится.

Но хотя я и сказала Маделин, что она ошибается, тем не менее понимала: у меня не остается иного выбора – только принять это.

2

Поначалу я не волновалась. Думала о вязальных спицах, падении с лестницы, стакане джина – обо всех этих историях всяких кумушек, которых я слышала за мою супружескую жизнь. У меня не будет этого ребенка. Я не могу родить его и остаться в своем уме. И страх сойти с ума снова так наполнил меня, что я долго ничего не могла – только трястись, не

контролируя себя. Когда мне наконец удалось унять дрожь, я дала волю жалости к себе и заплакала. Все мысли о побеге на несколько следующих месяцев придется оставить. Бежать с детьми было довольно трудно, а при таком осложнении, как беременность, вообще исключено. Придется подождать. Я снова стала рыдать. Бога все-таки нет. Я умру, попытаюсь избавиться от ребенка. Мысль о том, чтобы избавиться от плода, пугала меня. Снова слезы. Я плакала и плакала без конца в своей комнате.

А когда слез не осталось, вдруг подумала: бедная, бедная маленькая детка.

Я вспомнила и о том, кто хотел ребенка. Не Патрик. Не Макгоуан.

Я.

Почему меня так ошеломила моя беременность? Разве я всегда не получала того, чего хотела? Я хотела ребенка. Себялюбие настолько поглотило меня, что я презрительно усмехнулась, когда Патрик сказал, что в мир Кашельмары нельзя приносить ребенка, но он был прав, теперь я знала это, и ответственность за весь кошмар ляжет не на чьи-то плечи, а на мои.

Я поплакала еще, но на сей раз не из-за ребенка, а спустя долгое время, когда слезы высохли, подумала, что буду любить его сильнее всех остальных, чтобы искупить свою вину. Я пыталась представить этого ребенка и надеялась, что это будет девочка, темноволосая, как я, и совсем непохожая на Патрика. Когда я буду смотреть на нее, то уже не стану думать о Патрике и, что бы ни случилось, никогда-никогда, глядя на нее, не буду вспоминать пламя спички в темноте и немигающий взгляд Макгоуана.

Нет, я не вспомню об этом, потому что так сильно ее полюблю, что уже не важно, каким образом она была зачата. Моя любовь к ней защитит нас обоих от прошлой непристойности; напротив, может быть, Господь послал мне ее, чтобы притупить страшные воспоминания о той ночи. Конечно! Вот оно в чем дело. Ребенок – вовсе не катастрофа, а предвкушение победы, которую я в один прекрасный день одержу над Макгоуаном. Ведь не может быть большего триумфа, чем мое безразличие к воспоминанию о нем и моя радость не только в принятии ребенка, но и в любви к нему всем сердцем.

Я закрыла глаза. Чувствовала себя очень усталой, но пребывала в мире с самой собой и точно знала, что выживу.

Я не говорила Патрику, что беременна. Перешила свои платья, попросила белошвейку, чтобы она расширила их не по моде, но он никогда не догадался, почему я прячу фигуру. И в любом случае виделись мы редко. Иногда встречались в детской, а один раз в июле он подошел ко мне в гостиной, когда Маделин заехала на чай.

– Ну и кого бы ты хотел на этот раз, Патрик, – сына или дочь? – дружелюбно спросила Маделин.

Я не могла ее ни в чем винить; уже давно призналась: она не ошиблась тогда, решив, что я беременна. Маделин, естественно, предполагала, что Патрик с нетерпением ждет нового ребенка.

Патрик промолчал. Просто посмотрел на меня, встал и вышел из комнаты.

– Силы небесные! – воскликнула потрясенная Маделин.

– Он... он не хотел ребенка, – объяснила я, опасаясь, как бы она не начала задавать уточняющих вопросов, но Маделин только сказала:

– Никто не может идти против воли Господа.

Едва она ушла, я отправилась на поиски Патрика. Думала, он в саду, но нашла его в столовой с кружкой потина.

– Ты, по крайней мере, мог бы сделать вид перед Маделин, что рад! – раздраженно бросила я. – Ведь ты сам в первую очередь твердишь о необходимости соблюдения приличий!

– Извини. – Патрик поднял на меня взгляд, и я увидела, что он пребывает в таком же ужасе, что и я, когда только узнала о своем состоянии. – Господи боже, это просто черт-те что!

– Ребенок ни в чем не виноват. Ты, конечно, можешь быть к нему как тебе угодно безразличен, что же касается меня, то я сделаю над собой дополнительное усилие, чтобы любить его сильнее других.

– Это наименьшее, что мы можем сделать в сложившихся обстоятельствах.

Я не ожидала, что его чувства будут так же сильны, как и мои. После некоторого молчания я ответила:

– Что ж, пожалуй, я должна быть тебе благодарна за такое отношение. Думала, что поскольку это я хотела ребенка, то ты будешь обвинять меня в том, что случилось.

– Полагаешь, я бы пил так, если бы считал себя невиновным?

Его неожиданная готовность разделить со мной ответственность облегчила мое бремя. Мне даже стало немного лучше, но вскоре появились недомогания, которых при прошлых беременностях не случалось. Болезненно отекали голени, я страдала от спазматических болей и

странных выделений – даже начала опасаться выкидыша. Чувствовала себя устало и нехорошо.

Доктор Кагилл из амбулатории начал приезжать ко мне два раза в неделю. Он сказал, что я не только должна как можно больше отдыхать, но ни в коем случае не совершать никаких поездок. Вскоре после того, как он дал мне этот совет, Макгоуан объявил, что Нэнни должна увезти детей из долины перед днем выселения.

Ирландия кипела все лето после освобождения Парнелла из тюрьмы в мае и убийств в Феникс-парке^[16]. Убийства потрясли даже Макгоуана, и после гибели главного секретаря Ирландии и его заместителя нас не могли успокоить никакие слова Парнелла о том, что он не подозревал о готовящемся насилии. В Вестминстере правительство попыталось утихомирить ирландские беспорядки, но Ирландия представляла собой кипящий котел: чем дольше удерживаешь крышку, тем вернее она взлетит. Обитатели долины коллективно отказались выплачивать ренту, а Макгоуан заказал стенобитную машину и подразделение солдат из Леттертурка, чтобы начать выселения первого сентября.

Я не встречалась с любовником мужа с того времени, когда Патрик узнал о моей беременности, не увидела я его и теперь. Он просто сообщил Патрику, что, хотя он и не предвидит серьезных возмущений в Кашельмаре, не будет вреда, если принять разумные меры предосторожности относительно детей. В том месяце нас всех страшно потрясли «убийства Маумтрасны», когда погибла целая семья, и предложение Макгоуана представляло собой своеобразное признание того, что теперь он не единственный подвергается опасности.

– Ты, думаю, захочешь поехать с детьми, – неловко пробормотал Патрик.

– Конечно захочу, – сухо ответила я. – Вот только не могу, даже если бы Хью и позволил.

– Полагаю, он разрешит тебе уехать и остановиться у Эдит и Клары.

– Я никуда не могу ехать. Ты забыл?

Он запямятовал. Патрик пил больше обычного в последние недели и часто забывал то, о чем ему говорили.

Дети уехали с Нэнни и нянькой, чтобы провести месяц на морском берегу в Солтхилле, а без них дом стал похожим на морг. Я пыталась занимать себя вышивкой для ребенка, планированием переделки моего зимнего гардероба, но время шло медленно, в особенности с учетом того, что большую часть дня я проводила в шезлонге.

Доктор Кагилл продолжал приезжать, и раз в неделю Маделин

удавалось сопровождать его. Она стала заглядывать чаще, когда мое состояние ухудшилось.

– Сара, я рада, что детей отослали, – призналась она тридцать первого августа. – Завтра с началом выселений начнутся и беспорядки, и, хотя я уверена, что Кашельмаре ничто не грозит, могут произойти неприятные демонстрации, а это напугало бы детей. Патрик, вероятно, будет здесь с тобой?

– Надеюсь, да.

– Ну, тогда тебе не о чем беспокоиться.

Пришло первое сентября. День стоял ясный, и я, проснувшись, сразу же поняла: будет жара. Жара меня не радовала из-за моих ног, поэтому я знала, что нужно оставаться под крышей, искать там прохладу.

Я все еще лежала в кровати и заставляла себя съесть завтрак, когда в дверь постучал Патрик, заглянул узнать, как я себя чувствую. Я тут же подумала, что Маделин его накачала, рассказав о моем состоянии, потому что обычно он вот так никогда ко мне не заходил.

В ответ на его вопрос я сообщила, что чувствую себя так же, как прежде.

– Вот как... – Он попытался придумать еще что-нибудь, и я в наступившей тишине чуть ли не слышала строгий голос Маделин, выговаривавшей Патрику: «С Сарой нужно обращаться со всем возможным вниманием». Наконец он неловко пробормотал: – Хочешь, я принесу тебе цветы?

Цветы мне теперь были совершенно безразличны, но мы оба спешили найти предлог, который бы позволил Патрику уйти.

– Будь добр, – согласилась я. – Это очень мило.

Он с облегчением вышел и вернулся час спустя с огромной охапкой цветов и двумя большими вазами.

– Поставить их?

– Буду тебе благодарна. Мне не рекомендуют вставать, а делать букеты сидя затруднительно.

Это был самый долгий разговор между нами за довольно продолжительное время. От меня требовались невероятные усилия, чтобы оставаться спокойной и вежливой. От напряжения даже голова заболела.

Он начал подбирать цветы, уделяя большое внимание деталям, и, глядя на него, я почувствовала, что мы оба думаем о Макгоуане.

– Я хотел съездить в Клонарин, чтобы помочь, – заговорил наконец Патрик, подрезая стебли гладиолусов, – но Хью твердо сказал мне, что я не должен соваться.

Я не ответила. Думала в ту минуту о том, что Макгоуан избегает меня с того дня, когда Патрик сообщил ему о моей беременности, и представляла, что эта новость не только вызвала у него отвращение, но и взбесила, когда он понял, что бессилён что-либо изменить. Мысль о Макгоуане, пребывающем в бешенстве и в то же время в бессилии, так согрела мою душу, что я даже улыбнулась.

– ...И мне бы хотелось, чтобы ирландцы так не упорствовали, – рассуждал Патрик. – Господь свидетель, я никого не хочу выселять, но что еще делать с людьми, которые не платят аренду? Будь я богат и имей другие источники доходов, я бы особо не возражал, но арендная плата мне просто необходима, и вообще, дело ведь не в том, что арендаторы не могут платить. Если бы не могли – было бы другое дело. Но почему я должен страдать, если они решили не платить по политическим причинам? Земли в Ирландии распределены так, как они распределены! Все это сложилось несколько веков назад, задолго до моего рождения. И как я могу это изменить и продолжать сводить концы с концами?

– Мистер Парнелл наверняка даст тебе ответ. – Мои мысли снова вернулись к далекой перспективе мести, хотя я пока понятия не имела, как мне это удастся. Я снова улыбнулась.

– Парнелл! – воскликнул Патрик. – Англо-ирландский протестант и землевладелец, как и я. Бог ты мой, этот тип предал свой класс. – Он пристроил последнюю веточку, а уходя из комнаты, добавил: – Не знаю, как там дела у Хью.

Прошло много времени, прежде чем я увидела его снова.

Днем я проспала два часа, а когда проснулась, позвонила, чтобы принесли чай. Я послала горничную по магазинам в Голуэй, чтобы купить материю на два зимних платья для меня, а сопровождал ее Фланниган, который должен был сверить бухгалтерские книги поставщика вин, присылавшего нам невероятные счета. Когда в ответ на мой зов никто не появился, я тут же подумала: в отсутствие Фланнигана все слуги сбежали на ближайшие поминки. Горестно вздохнув, я поняла, в какой мере теперь завишу от Фланнигана, с его тяжелым дыханием и беззвучными шагами.

Поскольку никто на мои крики не откликнулся, у меня не осталось выбора – только спуститься самой и узнать, что там происходит. Это потребовало от меня немалых усилий, но после отдыха я чувствовала себя лучше, а отеки на ногах почти сошли. Найдя тапочки, я плотно закуталась в пеньюар и спустилась по лестнице.

Никого.

– Теренс! – позвала я. – Джеральд!

Никто из слуг не ответил, и тогда я неохотно пошла по коридору к двери, обитой зеленым сукном.

Кухни оказались пусты. Тут должна была кипеть работа. Я стояла остолбеневшая, вспоминая, как мы с Маргарет увидели кухни брошенными во время голода 1879 года. Брошенные кухни означали катастрофу. Резко повернувшись, я вышла через заднюю дверь в кухонный двор, прошла мимо туалетов, мимо небольшого огорода, по саду к прекрасному газону Патрика.

– Патрик! – крикнула я. – Патрик, где ты?

Ответа не последовало. Светило солнце, и цветы покачивались на ветру. Дальше я идти не хотела – мои тапочки были слишком непрочными, а доктор Кагилл строго запретил всякие упражнения, но и в дом, не найдя Патрика, я не могла вернуться.

Я снова позвала его, а когда никто не ответил, заглянула в оранжереи, с трудом прошла по дорожке к итальянскому саду, заглянула в окна недостроенного чайного домика. Хотела было пойти по аллее азалий, но до нее было слишком далеко, к тому же я не видела причин, по каким он бы мог отправиться в часовню. Ноги у меня снова начали отекают. Понимая, что нужно отдохнуть, я вернулась в дом и прошла в библиотеку в надежде, что он уснул на кушетке.

В библиотеке я его не увидела, но под пресс-папье на столе нашла записку, села и прочла ее. «Сара, я все же решил съездить в Клонарин. Не могу больше сидеть и думать, не случилось ли что-нибудь с Хью. Увидимся позже. П.».

Я долго разглядывала записку. Наконец, почувствовав себя получше, прошла в кухню, закрыла на щеколду заднюю дверь и заперла боковую, ведущую в сад. Потом вернулась в библиотеку, села у окна и погрузилась в долгое ожидание Патрика.

4

Спустя какое-то время у меня закружилась голова, и я на час прилегла на кушетку. Хотела запереть дверь библиотеки, но ключа не нашла. До меня все время доносились какие-то тихие звуки, – вероятно, возились мыши за стенными панелями. Мыши были вечной неприятностью. Нужно будет попросить еще мышьяка у Маделин.

Постаралась думать о ребенке. Про себя я уже назвала ее Камиллой, но

не сомневалась, что Патрик станет возражать. Мы ни разу не сошлись ни в одном имени, кроме Элеоноры, но и в этом случае он сердился, когда я произносила его на американский манер. Но я уже перестала быть американкой до мозга костей. Тринадцать лет назад я покинула Нью-Йорк, а сразу же по приезде приложила немало усилий, чтобы стать настоящей англичанкой. Маргарет рассказывала смешные истории о том, как трудно ей было привыкать к Англии, а мне это далось легко. Трудность Маргарет, конечно, состояла в том, что брак с человеком много старше, чем она, отсекал ее от людей ее поколения. Помню, что всегда сочувствовала ей из-за ее брака с пожилым человеком. Ах, насколько же не по адресу направляла я свое сочувствие! Я пыталась вспомнить отца Патрика, но у меня плохо получалось, потому что я видела его очень давно, когда он приезжал в Нью-Йорк. Я тогда была совсем маленькой, но помню кого-то очень высокого – он отбрасывал длинную тень, был недоступный, сильный и далекий. Я почему-то его боялась и так и не смогла понять почему, хотя иногда казалось, что я вижу эту длинную тень на моем будущем, но это не имело смысла, потому что он умер до того, как я вышла замуж.

Я поднялась и подошла к окну. Дом стоял на очень крутом склоне, и над вершинами деревьев я видела озеро, а открыв окно и опершись на подоконник, разглядела дымок в дальнем конце долины. Неужели они поджигают дома? Я не знала. Попыталась вообразить себя ирландской крестьянкой на восьмом месяце беременности, с праздным мужем, тремя детьми и без крыши над головой. Как живут эти люди? О чем думают? Конечно, у них нет надежд на благоустроенную жизнь и у них есть для утешения их религия, но...

Я представила себе Парнелла, который произносит речи в Вестминстере на своем прекрасном английском. Что, если Парнелл прав, требуя Гомруль для Ирландии? Судя по тому, что пишут газеты, многие англичане тоже так думают. Вот об этом ирландцы никогда не помнили. Они всех англичан считали негодяями, непримиримыми противниками каких-либо перемен в управлении Ирландией. А я? Что я думала об этом? Политика меня никогда не интересовала, и я всегда находила утешение в возможности спрятаться за максимум, гласящую, что женщина и политика несовместимы. Но это уже перестало быть политикой. Это мой муж и его управляющий выгоняли из домов женщин и детей, обрекали их на голод, это мои слуги покидали дом, потому что знали о грядущих беспорядках. Это была я на восьмом месяце беременности, оставленная совершенно одна в Кашельмаре.

Не думай об этом. Думай о чем-нибудь другом. Дым в конце долины –

это не может быть Клонах-корт? Нет; разумеется, нет. Возможно, если я посмотрю сверху, то будет видно лучше.

Горел Клонах-корт, теперь я не сомневалась. Я опустилась на колени перед окном и постаралась подавить панику и понять, что мне делать дальше. Может быть, спрятаться в часовне? Нет, слишком далеко идти вверх по аллее азалий. Мне это не по силам; снова стало нехорошо. Нужно найти еду. Я спустилась по лестнице. В холле у меня так закружилась голова, что я села на нижнюю ступеньку и дождалась, когда головокружение пройдет. Затем вернулась в библиотеку – ближайшую комнату – и легла на кушетку. Не знаю, сколько я пролежала, вероятно, уснула, потому что, когда открыла глаза, уже смеркалось, начались долгие сумерки летнего ирландского вечера; наконец услышала топот лошадиных копыт по дорожке.

Я подбежала к окну, увидела, кто это, поспешила открыть входную дверь.

Патрик был невредим. Он спешил, как только кони остановились у дверей, но куртка Макгоуана напиталась кровью, а одна рука безвольно висела.

– Быстро, Сара! – выдохнул Патрик. – Позови Теренса и Джеральда и скажи им...

– Слуги ушли, – сообщила я, опершись о косяк двери, чтобы снять часть нагрузки с ног.

– Что ты имеешь в виду? Куда ушли?

– Не знаю.

– О господи! Что ты там стоишь – пялишься на нас? Принеси бренди!

– Принеси сам, – ответила я, пошла и снова села на ступеньку.

Через открытую дверь я видела, как он помог Макгоуану слезть с коня. Тот не произвел ни звука, но я знала: его мучит боль, потому что, когда они вошли в холл, он сразу же принялся искать взглядом ближайший стул.

– Идем в библиотеку.

Они исчезли в библиотеке, а через мгновение Патрик вернулся в холл.

– Черт тебя побери! – с яростью напустился он на меня. – Ты и пальцем не можешь пошевелить, чтобы помочь человеку с пулей в руке.

Я ничего не сказала, но у меня столько сил ушло на то, чтобы хранить молчание, что не осталось на то, чтобы встать. Но мысль о пуле доставила мне удовольствие. Я улыбнулась, а Патрик резко развернулся и прошел в столовую.

– Черт побери, неужели в доме нет бренди? – Он вернулся в холл в еще большей ярости. – Где ключ от подвала?

– У Фланнигана есть, – холодно напомнила я. – Другой наверху, в верхнем ящике моего письменного стола. – Он пошел вверх по лестнице, когда я бросила ему вслед: – Но бренди больше нет. Ты все выпил.

Я никогда не видела его таким озлобленным; он бросился вверх по лестнице за корпией и бинтами из кладовки при ванной.

Патрик принес не только медицинские принадлежности, но и бутылку потина, которая была спрятана у него где-то в тайном месте. Он не посмотрел на меня, не сказал мне ни слова – трудно было поверить, что всего несколько часов назад этот человек приносил мне цветы и сочувственно спрашивал о моем здоровье.

Он забинтовал руку Макгоуана. Я слышала, как Патрик бормотал что-то вроде:

– Похоже, кость не затронута. Если я затяну потуже... Выпей еще потина. Извини, больно сделал? Нужно, чтобы тебя осмотрел доктор... как можно скорее.

Макгоуан только раз открыл рот, чтобы выдать:

– Настанет день – я разделаюсь с этим сукиным сыном Максвеллом Драммондом.

Его уродливый шотландский акцент звучал так сильно, что мне показалось, это другой человек, не тот гладкоязычный управляющий Кашельмары, которого я знала.

Теперь, когда я была в доме не одна, то захотела подняться наверх, но после долгих, разрушительных для нервов часов одиночества находила странное утешение в присутствии других людей – даже этих – и продолжала сидеть на лестнице еще минут пять после того, как до меня издали начал доноситься звук громких голосов.

Входная дверь была открыта. Я подошла к порогу и увидела факелы внизу у ворот, слышала топот ног.

– По дорожке к дому идут люди! – Я доковыляла до библиотеки и отчаянной скороговоркой произнесла эти слова, даже сама не понимая зачем.

Лицо Патрика посерело.

– Ты уверена?

– Посмотри! – Я подтащила его к окну и показала в сгущающуюся темноту.

Он повернулся к Макгоуану:

– Мы поскачем по аллее азалий мимо часовни и дальше в горы. Ты сможешь сесть в седло?

Макгоуан кивнул и поднялся на ноги.

– Ты не можешь оставить меня, – убеждала я Патрика. Описания в газетах убийств в Маумтрасне мучительно всплыли перед моим мысленным взором и заставили забыть о гордости, которая не позволила бы мне обращаться к нему за помощью. – Ты не можешь уйти. Я здесь одна.

Он помогал Макгоуану.

– Я должен быть с Хью.

Я, онемев, смотрела на него.

– Они его убьют, если найдут здесь. Я должен помочь ему скрыться.

– Пусть скрывается сам.

– Он ранен.

– Он вполне может скакать в седле!

Патрик только покачал головой и повел Макгоуана к двери.

– Патрик, ты не можешь бросить меня одну. Я на восьмом месяце. Я ношу твоего ребенка. Пожалуйста, останься. Ты должен остаться. Пожалуйста!

– Они ничего не сделают беременной женщине.

– Но одичавшая толпа, склонная к насилию...

Он не слушал меня. Я продолжала его умолять, даже заплакала, но меня словно и не было. Его волновал только Макгоуан.

Они едва успели завернуть за дом, когда толпа вышла на последнюю кривую дорожки и направилась по отсыпанному гравием двору ко мне.

Я развернулась и побежала. Я так испугалась, что даже не остановилась, чтобы закрыть парадную дверь. Попыталась забаррикадироваться в библиотеке, подтащив кресло к двери, но оно оказалось слишком тяжелым для меня, и, когда боль пронзила меня, я в ужасе опустилась на кушетку. Слезы текли по моему лицу. Я обняла ребенка, словно могла силой воли задержать его появление на свет, и, как ни странно, этот бесполезный жест придал мне мужества. Злость на бежавшего Патрика переполняла меня, а со злостью пришла и знакомая сила. Поэтому, когда я услышала, как распахнулась дверь и раздалась грубая ирландская речь, я встала, отерла слезы, села за громадный стол лицом к незванным гостям.

Кто-то ударом ноги распахнул дверь. Я увидела горящий факел. По комнате пронесся шум, запах дыма и немых тел ударил мне в нос. Силы внезапно оставили меня, тошнота узлом завязала мой желудок, я услышала, как бородатый головорез неразборчиво что-то завопил, комната поплыла перед глазами, и благодатная тьма поглотила меня.

Придя в себя, первое, что я почувствовала, – тишина. В комнате было полно людей. Я ощущала их запах, смутно видела вдалеке их лица, все они молчали. Кто-то находился рядом со мной. Я больше была не одна.

Потом раздался голос. Ирландский звучал мягко и тихо, умирающий язык, но в то же время такой прекрасный, а в следующее мгновение я ощутила стеклянное ребро стакана у моих губ, и мое горло обжег огонь потина. Я поперхнулась, охнула. Рука обнимала меня, и ближе немых тел, даже ближе запаха потина, я ощущала грубоватый, едкий дух карболового мыла и слабый аромат табака.

– Вы в полной безопасности, миледи, – сообщил Максвелл Драммонд.

Я подняла взгляд. Он был здесь. Мрачно смотрел на меня.

– Позвольте мне перенести вас на кушетку.

Кто-то взял стакан из моей руки. Я почувствовала, как меня подняли с пола, мягко положили на бархат обивки. Бунтовщики молча вышли из библиотеки в коридор и замерли там в тишине.

– Миледи, я должен задать вам несколько вопросов.

Я уставилась на него, и он замолчал. После долгой паузы спросил:

– Где ваш муж?

– Он... ушел. – Голос мой звучал выше обычного, но на удивление сильно.

– С Макгоуаном?

– Да.

– Куда?

– Мимо часовни, – сообщила я. – В горы.

Он глянул на свою маленькую армию и отдал приказ на ирландском. Неожиданно все пришли в движение, тишину разорвали сотни голосов, топот ботинок по мраморному полу холла. Я с облегчением закрыла глаза – теперь меня оставят одну, но когда открыла их, то увидела, что Драммонд остался. Я и подумать не могла, что он задержится, и его присутствие так потрясло меня, что я резко вздрогнула.

Он сделал успокаивающий жест:

– Я вам ничего не сделаю. Схваток у вас нет?

– Нет, просто небольшая слабость... потому что я не ела... после ланча. Все слуги ушли. Я собиралась приготовить себе что-нибудь, но... – Я не могла вспомнить, что мне помешало, но понимала, что это уже не имеет значения.

– Вы хотите сказать, что, кроме вас, в доме никого нет?

– Да.

– И ваш муж знал это?

– О да, – подтвердила я, чувствуя, что и это больше не имеет значения.

– Господи боже, что же он за человек! Если бы я своими глазами не видел вашу фигуру, то сказал бы, что он лишь прикидывается мужчиной.

Он допил потин и со стуком опустил стакан на стол.

– Из этого стакана пил Макгоуан всего полчаса назад, – заметила я.

– Вы сказали мне об этом поздновато. Я уже отравлен!

Мы улыбнулись друг другу. Внезапно мне стало лучше, силы вернулись.

– Я хочу сквитаться с Макгоуаном, – сообщила я.

– Я выпью за это. – Он налил себе еще потина и протянул мне стакан. – Мы оба выпьем за это, – добавил он, и я сделала маленький глоток, совсем маленький – боялась опять поперхнуться, а когда передала ему стакан, Драммонд поднял его и сказал со смехом: – За самого черного из черных протестантов, который когда-либо приходил из Шотландии, – пусть он горит в аду! – Когда я тоже засмеялась, он сказал: – Я когда-нибудь сделаю вам подарок. Вы не будете возражать?

– Какой подарок?

– Длинное веревочное ожерелье с подвешенными к нему интимными частями тела Макгоуана.

Он снова рассмеялся, а самое необычное случилось потом: я рассмеялась следом. Я ничуть не была шокирована его словами. Его предложение с образами, которые оно порождало, было настолько восхитительно абсурдным, что я захихикала, как подросток, и у меня вдруг не осталось никаких сомнений в том, что моя месть состоится. Настроение у меня поднялось. Я даже не помнила, когда чувствовала такой восторг. И хотела только одного: чтобы он остался.

Но он, конечно, не мог. Драммонд должен был уйти.

– Я перед уходом принесу вам какую-нибудь еду. Как мне найти кухню?

Я попыталась объяснить ему, но он перебил:

– Дева Мария, мне понадобится компас, иначе я потеряюсь безвозвратно! – С этими словами он со свечой исчез в холле. Отсутствовал он не более пяти минут, а вернувшись, принес буханку хлеба, полкурицы и кувшин с молоком – все это едва уместилось на серебряном подносе. – Вам нужен дворецкий, – проговорил он. – Я на эту должность не стану претендовать. Какой прок от такого маленького подноса?

– Этот поднос только для визиток.

– Тогда считайте, что я нанес визит и оставил визитку. – Он оглядел библиотеку. – Отличный дом, в таком и королю не стыдно жить. Мне всегда нравилась Кашельмара. – Драммонд налил мне немного молока в стакан, из которого пил потин, а мгновение спустя добавил: – Я сообщу мисс де Салис, что вы здесь одна, и она может прийти с доктором, чтобы все было хорошо. Но обещаю, что вам не будет причинено никакого вреда. Вы уверены, что у вас нет схваток?

Я смотрела на смешливые морщинки в уголках его губ и глаз, но вдруг они пропали из вида, потому что он приблизил свое лицо к моему и мои глаза не успели приспособиться к новому фокусу. Драммонд сидел на кушетке рядом со мной, и я видела только его прямую узкую верхнюю губу, а его ладони осторожно проскользнули мне под затылок.

Я раскрыла губы еще до того, как его рот соединился с моим. Никогда не делала этого раньше, но, правда, и целоваться никогда не любила – поцелуи такие слюнявые и грязные, а потом дерганые и грубые. Но теперь хотела поцелуя, и, к моему удивлению, все произошло так приятно и твердо, что все мое тело расслабилось в его руках.

Мой рот снова оказался свободен. Я почувствовала, как он распрямил спину, и зажмурила глаза, чтобы собраться с силами и проститься с ним. Но он отложил прощание. Опять наклонился ко мне, и я, чувствуя его руки на своих плечах и шее, не могла поверить, что когда-то считала его неотесанным. Драммонд словно знал, какое отвращение вызывает у меня эмоциональное насилие, хотя, конечно, он никак не мог этого знать. Я должна принять меры, чтобы он никогда не смотрел на меня с сожалением или презрением, когда обнаружит, какой я банкрот по жизни.

Слезы затуманили мне взгляд. Он отпрянул от меня, но я чувствовала такую удрученность и смущение, что почти не заметила этого. Когда я смогла снова посмотреть на него, Драммонд уже поднялся на ноги и смотрел на меня сверху вниз.

– Вы плачете, а вы самая отважная женщина, каких я встречал! От слез нет никакой пользы. Если хотите сквитаться с Макгоуаном, то забудьте о слезах. – Он нагнулся и прижал свое лицо к моему. – Желаю вам счастливого разрешения и быстрого восстановления. А когда вы встанете на ноги... – Драммонд помолчал, глядя в мои глаза в нескольких дюймах от его. – Я вас найду.

Он не стал дожидаться моего ответа, вышел из комнаты. Я слышала стук его ботинок в холле, но по-прежнему чувствовала в себе силу и больше не боялась оставаться в доме одна. Выпила немного молока, съела

хлеба и куриного мяса, а спустя какое-то время вспомнила, что винила Драммонда в смерти Маргарет и убеждала себя в том, что один только его вид вызовет у меня отвращение.

Прошло пять часов, прежде чем расстроенная Маделин приехала с доктором Кагиллом, но я не возражала против долгого ожидания. Лишь лежала на кушетке в библиотеке и думала о Максвелле Драммонде, а вспоминая обещанное им ожерелье, чувствовала, как мои губы искривляются в произвольной улыбке.

Глава 8

1

Макгоуан исчез. Они с Патриком пробрались через горы в Эрифф-Вэлли, где тот сел в первый проходящий экипаж до Уэстпорта, а Патрик с конем Макгоуана поехал в другую сторону – в гостиницу в Линоне.

Слуги потихоньку вернулись в Кашельмару. Маделин, которая решила остаться со мной, пока не минует опасность выкидыша, устроила слугам такую взбучку, что они все заплакали от стыда, затем послала их всех на мессу в Клонарин исповедоваться. Одному из слуг поручили после мессы отправиться в Леттертурк за Джорджем.

Джордж рассказал, что Клонах-корт полностью разрушен, а дом старшего Макгоуана разнесли так, словно там поработала стенобитная машина. Хью днем раньше отослал отца в Голуэй, так что старик находился в безопасности, а капитан воинской части приехал в Кашельмару и доложил, что его люди получили многочисленные ранения.

Прибыла полиция, чтобы арестовать бунтовщиков, но Джордж отказался это делать. Один Господь знает, что может случиться, если еще, помимо выселений и стрельбы, произвести аресты. Лучше дать ситуации затихнуть самой по себе, прежде чем предпринимать дальнейшие шаги.

– Мы должны думать о здоровье Сары, – объяснил он Маделин. – Нельзя рисковать новыми бунтами в Кашельмаре.

– Я никогда не думала, что Джордж будет настолько благоразумен, – сказала мне Маделин впоследствии. Сама она порицала выселения и много раз советовала Патрику не прислушиваться к рекомендациям Макгоуана.

– Патрик, прямо скажем, необъективен, когда дело касается Макгоуана, – заявил Джордж.

– Мы не будем говорить об этом в присутствии Сары, – потребовала Маделин.

– Почему нет? – спросила я. – Я лучше кого-либо другого знаю, насколько он необъективен.

Никто из них не отважился заглянуть мне в глаза.

– Джордж, мы должны побеседовать с Патриком, – предложила Маделин после паузы.

– Не знаю, будет ли такая возможность, – откровенно сказала я. – Для

Макгоуана вернуться в долину в ближайшее время равносильно самоубийству. А Патрик не захочет расстаться с ним.

– Но, моя дорогая Сара, он непременно вернется! – воскликнула потрясенная Маделин. – Я знаю, Патрик вел себя очень плохо, и никто не может винить тебя в том, что ты оскорблена, но совесть по меньшей мере у него есть. И потом, не говоря уже о тебе и твоём ребенке, у него нет выбора – только вернуться в Кашельмару. У него нет денег, и жить ему негде.

И все же я полагала, что Патрик останется с Макгоуаном, но ошибалась. Он вернулся. Патрик тем вечером приехал домой из Линона с конем Макгоуана и отказался видеть кого бы то ни было до следующего дня. Он мог бы сидеть взаперти и дольше, если бы не приехали Драммонд с Майклом Джойсом, новым патриархом самого влиятельного семейства в долине. Они хотели выставить какие-то требования, а Джордж, который все еще оставался в Кашельмаре, отказался принимать их от имени Патрика.

Я Драммонда не видела. Отдыхала в будуаре и узнала о его приезде в Кашельмару, только когда Джордж поднялся проконсультироваться с Маделин, которая сидела со мной.

– Патрику придется встретиться с ними, – взволнованно сказал он. – Если мы отошлем их сегодня, они придут завтра. Подумать только, что О’Мэлли и Джойсы выступают заодно. Сколько помню, они всегда были готовы перегрызть друг другу глотки! Что ж, по крайней мере, Макгоуан если и не принес мира в долину, то принес единение.

– Я позову Патрика, – решила Маделин, откладывая шитье. – Сару нельзя этим беспокоить.

Она вышла из будуара, прошла через мою спальню к двери в комнату Патрика. Я не разобрала, как он ответил на стук в дверь, но, когда Маделин вошла в его комнату, я услышала ее слова: «Как отвратительно! Как ты позволяешь себе пить виски с самого утра?» А Патрик заорал на нее в ответ.

– Боже мой! – воскликнул Джордж и побежал на выручку Маделин.

Ссора началась нешуточная.

– Я не собираюсь встречаться с этим ублюдком Драммондом! – вскричал Патрик.

– Дьявольски дурацкие слова! – завопил в ответ Джордж. – Извини мой язык, Маделин, но в самом деле...

– Прошу тебя, Джордж, – отрезала Маделин, – сейчас вряд ли подходящее время для светских изысканностей. Патрик, ты должен поговорить с Драммондом и Джойсом. Ты не в том положении, чтобы

уклоняться от встречи. А если ты этого не понимаешь, то ты еще глупее, чем я думала.

– Закрой свой поганый рот, – прошипел Патрик.

В этот момент я и поняла, насколько он пьян, потому что обычно он никогда так не обращался с женщинами.

– Не закрою! – с напором воскликнула Маделин. – Я слишком долго держала его закрытым из-за тебя, а теперь, думаю, пришло время объяснить тебе кое-что. Ты должен взять себя в руки. Ты стал абсолютным позором, запойным пьяницей. Бросил беременную жену, обожевляешь этого Макгоуана на такой унижительный для тебя манер...

– Не читай мне проповедей! Убирайся!

– Нет, я буду читать тебе проповеди! Это мой моральный долг как твоей сестры и христианки. Что бы сказал папа, увидев тебя сейчас?!

– Да что вспоминать про дядюшку Эдварда, – практически заметил Джордж. – Слава богу, что он мертв и не видит этого позора. Теперь имеет значение то, что говорят другие люди, и я должен заявить тебе, Патрик: твоя частная жизнь становится предметом самых бесстыдных слухов отсюда до Дублина... и до Лондона тоже, насколько мне известно.

– Бога ради, какое это имеет значение теперь? Хью уехал, разве нет? Я здесь с моей беременной женой, так? Так, я спрашиваю?

– Ты должен дать нам слово, что Макгоуан никогда не вернется. Именно этого хотят Драммонд и Джойс, а если ты не согласишься, то я не ручаюсь за последствия.

– Патрик, у тебя обязанности перед Сарой, перед детьми, перед твоим нерожденным ребенком...

– Я просто хочу, чтобы меня оставили в покое. Хочу работать у себя в саду. Хочу, чтобы вернулись дети.

– Тогда...

– Да скажите вы Драммонду и Джойсу то, что хотите. Какая мне разница? Только оставьте меня в покое!

– Он, конечно, был отвратительно пьян, – передала мне Маделин, когда Джордж ушел вниз беседовать с Джойсом и Драммондом. – Я бы сказала ему и побольше, но, когда он в таком состоянии, говорить с ним бесполезно.

– Абсолютно, – согласилась я.

Патрика я увидела только два дня спустя. Маделин в это время уже вернулась в амбулаторию, а Джордж, пообещав Драммонду и Джойсу, что будет найден новый, умеренный управляющий вместо Макгоуана, в полном изнеможении уехал в Леттертурк. Поскольку в долине установилось

спокойствие, я решила обсудить с Патриком возвращение детей.

– Я их уже вызвал, – сообщил он. – Вчера написал Нэнни.

– Почему ты мне ничего не сказал? – сердито спросила я после проведенной бессонной ночи, когда с беспокойством думала, уже пора или еще рано отправлять письмо в их отель в Солтхилле.

– Не хотел с тобой говорить.

– Да, но... – Мое внимание привлекла мрачность, несвойственная ему. – Патрик, ты должен сделать над собой усилие, непременно, иначе дети заподозрят, что наши отношения вовсе не такие, как кажутся.

Произнеся эти слова, я осознала: когда родится ребенок, я уйду от него. Заберу детей и уеду в Дублин – или в Лондон – искать юридической помощи. Теперь, когда Макгоуан уехал, я больше могу не бояться побега.

Затем подумала: без Макгоуана жизнь в Кашельмаре более или менее сносная. Я никогда не прощу Патрика, как никогда не прощу и Макгоуана, но, хотя ненавижу и презираю его, я определенно смогу так устроить жизнь, чтобы мы почти не общались друг с другом. А ради детей я должна избегать скандала, не разводиться. Если это возможно, нужно попытаться сохранить семью. И к тому же... разве Драммонд не обещал найти меня, когда я снова встану на ноги?

– Патрик... – начала я рассудительным голосом, но он оборвал меня:

– Я устал лгать. – Он опять пил. В одиннадцать утра Патрик уже выпил содовой с бренди – Фланниган привез из Голуэя. – Я устал беспокоиться о том, что скажут другие.

– Но ты должен беспокоиться о том, что скажут твои дети! Ты подумай о Неде – ему уже девять! Если он когда-нибудь узнает правду...

– Узнает. Когда-нибудь узнает.

– Но он не должен узнать! Как ты можешь говорить об этом так спокойно?

– Могу. Потому что мои ценности отличаются от твоих. Потому что не хочу, чтобы мой сын сказал обо мне когда-нибудь: «Мой отец был великолепным лжецом и превосходным актером, я его совершенно не знал». Я хочу, чтобы он мог сказать обо мне: «Мой отец любил меня и был честным со мной, а больше ничто не имеет значения».

– Ты снова пьян! – в ярости вскричала я. Но поскольку изгнание Макгоуана придало мне мужества и теперь мне требовалось сотрудничество Патрика, я подавила в себе гнев и презрение и сделала еще одну попытку воззвать к его разуму. – Мы должны соблюдать внешние приличия, – резонно напомнила я, используя выражение, которое он нередко обращал ко мне. – Если мы поставим на этом крест сейчас, то все

наши прошлые усилия были потрачены впустую. Обещай мне, что сделаешь еще одну попытку – ради детей.

– Я обещаю тебе что угодно, – буркнул он, – только оставь меня в покое.

К счастью, настроение в доме улучшилось после возвращения детей, но долгие запои оставили свой отпечаток на его внешности. Патрик выглядел старше своих лет, его покрытое пятнами лицо бороздили морщины. С исчезновением Макгоуана он потерял интерес к саду, а в отсутствие физических занятий набрал вес, и если прежде был замечательно сложен, то теперь обрюзг, появились первые признаки увядания. Он все еще сохранял самоуверенность, которую придал ему Макгоуан, но без цели в жизни Патрик, казалось, все глубже погружался в апатию, а без детей становился мрачным и враждебным. Когда они вернулись, он попытался быть таким, как прежде, и я, видя это, с облегчением думала, что, возможно, позор и унижение развода обойдут их.

Родился ребенок.

Я плохо перенесла роды, которые, в отличие от предыдущих, были затяжными и трудными, а крови я потеряла так много, что несколько часов оставалась без сознания. Никто долго не решался говорить мне об опухолях, а когда доктор Кагилл гораздо позднее и рассказал, он тут же принялся заверять меня, что они не раковые, и я так ничего и не поняла. Никто не ждал, что я выживу. Доктору Кагиллу пришлось воспользоваться скальпелем. Не будь он молодым прогрессивным врачом, не учись в Лондоне, а потом в Дублине, то я бы наверняка не выжила. Несмотря на все его современные знания, я получила какую-то инфекцию и в течение нескольких дней чувствовала только жар и боль. Но наконец как-то утром мне стало лучше, и я вспомнила, что когда-то давно родила ребенка.

– Маленькую девочку, – подтвердила Маделин, которая все это время преданно ухаживала за мной. – Очень хорошенькую. Темноволосую, как ты, и ничуть не похожую на Патрика.

Я спросила, выживет ли она, и не поверила своим ушам, когда Маделин сказала: да, выживет.

– Ты говоришь это, чтобы пощадить меня, – предположила я, но, когда мне показали ребенка, я увидела здоровый, розовый цвет кожи. – Какое счастье, – только и пробормотала я, опускаясь на подушку. – Мне всегда везет. – Но больше я ничего не могла сказать, потому что была слишком слаба.

Несколько недель спустя Маделин сообщила, что я теперь не смогу иметь детей. Она объяснила это на медицинском языке, но я никогда толком

не разбиралась в женской анатомии, так что только кивала и старалась делать заинтересованное лицо. Поначалу ничуть не расстроилась, потому что не имела ни малейших намерений рожать еще одного ребенка от Патрика, но спустя время факт моего бесплодия тяжелым грузом лег на мое сознание и не раз вызывал у меня слезы, когда я оставалась одна в своей комнате. Я твердила себе, что не имею права жаловаться, родив четырех прекрасных детей, но все же мысль о том, что я перестала быть полноценной женщиной, иногда терзала меня, и на сердце свинцовым грузом ложилась великая печаль.

Чтобы поднять себе настроение, я думала о Драммонде. Но меня ожидало долгое выздоровление, и я понятия не имела, когда снова увижу его.

Ребенка крестили на Рождество, когда я уже могла ходить. Патрик, естественно, возражал против имени Камилла, а я, разумеется, противилась имени Луиза, и за час до прибытия священника ситуация сложилась безвыходная.

– Попробуйте что-нибудь простое, – предложила Маделин, взяв на себя роль миротворца, которую прежде исполняла Маргарет. – Может быть, Джейн или Джоан.

– Только не Джоан, – сказали мы одновременно с Патриком в редком согласии, и девочку назвали Джейн, к большому разочарованию других детей, которые сочли имя слишком уж простецким.

– Гвиневра было бы здорово, – сказал Нед, который читал про короля Артура.

– Георгина, – предложил Джон, любивший цветы.

– Виктория – в честь нашей дорогой королевы, – добавила развитая не по годам Элеонора, бросив косой взгляд на отца, и тот со смехом сказал, что он в жизни не встречал девочки умнее ее.

Будет ли она умнее своей сестры? Бедная малютка, думала я каждый раз, целуя младенца. А потом целовала еще раз, чтобы она знала, что ее любят.

Бедная маленькая Джейн.

На крещение приехали Томас и Дэвид. Рождество они провели в Кашельмаре. Братья не делали тайны из того, что рады отсутствию Макгоуана, а в каменном доме старика Макгоуана живет новый управляющий. Томас добавил, он рад, что Патрик бросил пить.

Но пить Патрик не бросил. Он лишь научился лучше скрывать свое пристрастие, а счета от поставщиков алкоголя только росли и составляли теперь чуть ли не самую крупную статью расходов в домашнем хозяйстве.

Один раз на Рождество я получила известие от Эдит. Она снимала дом в Эдинбурге, и Макгоуан жил с ней. У него были проблемы с рукой – рана никак не заживала. Но врачи в Эдинбурге прекрасные, так что он получает лучшее лечение. Старик Макгоуан тоже жил в Эдинбурге, но не с ними. Хью возражал против этого, хотя и снял помещение для отца в полумиле от их дома.

Я предполагала, что Макгоуан будет искать новое место, когда выздоровеет. Или просто продолжит жить на доходы богатой жены. Я собиралась спросить Патрика, не хочет ли он съездить в Эдинбург, но в разговорах с мужем мне приходилось быть осторожной, и в конце концов я решила не упоминать имени Макгоуана.

Прошел январь. Теперь после всех моих испытаний я окрепла и снова спрашивала себя, как мне увидеть Драммонда. Думала, что могу съездить в Клонарин и зайти в амбулаторию. Тогда он узнает, что я окончательно выздоровела. Меня ничуть не смущала мысль о встрече с его женой. Эйлин никогда не ассоциировалась у меня с Драммондом, а теперь я и вовсе выкинула из головы то, что он женат и имеет детей. К тому же я не планировала никакого грубого непотребства. Просто знала, что смогу остановиться в шаге от этого, чтобы он не стал меня презирать, а вреда в том, что буду встречаться с ним по несколько минут время от времени, я не видела.

«А когда вы встанете на ноги, я вас найду», – обещал Драммонд.

Но Макгоуан опередил его. Он появился из Леттертурка с большим войсковым подразделением и всей полицией графства Голуэй. Прежде чем солнце село в долине тем вечером, ферму Драммонда сожгли дотла, а самого Драммонда бросили в тюрьму графства.

2

Эйлин Драммонд уехала с детьми в Дублин, где все еще жили ее родители. Маделин ссудила ей денег. Я тоже хотела помочь, но не осмелилась.

– Как хорошо вернуться! – воскликнул Макгоуан, садясь на стул во главе стола. – Фланниган, принесите бутылку шампанского.

На следующий день Фланниган уведомил о том, что уходит.

Шок от возвращения Макгоуана произвел на меня странное впечатление. Голова у меня кружилась, а время от времени я смотрела на

себя словно с большого расстояния и видела марионетку, которая изображает хозяйку дома.

– Сара, тебе больше нет никакой нужды беспокоиться о счетах, – сказала Эдит. – Хью хочет, чтобы этим занималась я. По его словам, ты чересчур экстравагантна и тратишь слишком много на одежду. Ты будешь получать содержание, и Хью говорит, что ты ни в коем случае не должна его превышать.

Остальные слуги тоже стали уведомлять об уходе, а когда Эдит заменила их самыми смиренными из девушек в долине, качество обслуживания резко ухудшилось. Но мне сообщили, что это всего лишь временное неудобство, пока порядок не будет восстановлен и Клонах-корт не отстроен заново.

А пока Макгоуаны собирались жить в Кашельмаре.

Наставник Неда уехал, а когда приехал новый, больше недели не выдержал. Даже Нэнни известила об уходе, потому как Эдит попыталась уменьшить потребление дров в каминах детских комнат, и уведомление она отозвала, только когда я разрыдалась и уговорила ее не уезжать.

Станным образом испуг, который я испытала перед угрозой ухода Нэнни, оказал на меня положительное воздействие. Он вывел меня из моего потрясения, а когда потрясение прошло, моя ярость стала закипать снова. Я тщательно скрывала ее, но теперь могла мыслить достаточно ясно, чтобы понимать: что-то необходимо предпринять. Очевидно, мне нужно было дожидаться, когда Макгоуан вернется в Клонах-корт, но после этого... Трудности побега снова преследовали меня. Я не смогла бы покинуть Кашельмару без детей, но бежать с детьми было невозможно. Кашельмара, как верно заметил когда-то Макгоуан, место отдаленное. Даже если мы не возьмем багажа, нам так или иначе понадобится экипаж, а к экипажу лошади, конюхи и кучер – без этого тронуться в путь невозможно. Чтобы представить себе все трудности побега, не требовалось большого воображения. Попытка побега ночью с четырьмя детьми могла закончиться только неудачей, потому что, даже если мы сумеем покинуть Кашельмару и Патрик не остановит нас, у нас не было ни малейшего шанса добраться до Джорджа в Леттертурке. О побеге Патрику сообщат максимум через час. Он поскачет за нами, позовет Макгоуана... Если нам и повезет доехать до Леттертурк-Гранджа, Джордж никак не сможет помешать Патрику забрать детей и вернуть их домой. А что случится со мной?

Пламя спички в темноте. Его немигающие глаза над язычком пламени.

Мне было плохо. Мой страх и ненависть к нему поднимались к горлу, как рвота, начинало казаться, что я задыхаюсь, мысли мои путались, я не

могла уже сосредоточиться на плане побега. Может быть, когда Макгоуаны вернутся в Клонах-корт, я смогу мыслить яснее.

Патрик для своего пруда с лилиями заказал лучший мрамор из Коннемары, и все то жуткое лето его сад представлял собой яркую массу цветов. Я до сих пор вижу рододендроны – многочисленные, расползающиеся, экзотичные, густых оттенков на фоне буйно разросшейся листвы деревьев, а вдоль дорожки до самой часовни цвели азалии, горели своим жутковатым огнем. Клумбы вокруг похожего на озеро газона тоже были насыщены цветом. Помню, что день за днем смотрела на красные трубочки пламенных настурций, ослепительную голубизну горечавки, многоцветные фантазии самых разных анемонов, бледное совершенство изящных лилий. В тот год цвела и магнолия, а во фруктовом саду ветки персиковых деревьев гнулись под тяжестью сочных плодов до самой земли. Я никогда прежде не видела такого красивого сада. Патрик так упорно работал над каждым цветком, что они, казалось, каким-то таинственным образом начинали жить собственной жизнью, а в часовне истлевала на престольной пелена на алтаре и скамьи покрывались слоем пыли.

В июне я узнала, что отдохновения от Макгоуанов не предвидится. Они решили остаться в Кашельмаре навсегда, и я, узнав об этом, в отчаянии стала подумывать о том, чтобы бежать без детей. Но я понимала, что не смогу так поступить, не будучи уверена, что потом верну их с помощью закона. Если бы я только могла проконсультироваться с адвокатом и узнать мое юридическое положение. Я постоянно пыталась найти выход. Мне пришло в голову, что вот она наконец ситуация, в которой мне может оказать помощь Джордж.

Я написала ему записку. Дала ее Маделин, когда она приезжала к нам на чай. Это было нелегко, потому что Эдит смотрела на меня, словно коршун, – не совершу ли я какой ошибки, о которой она потом сообщит Макгоуану. Но я перевернула чашку чая на новое платье Эдит, и та была в таком состоянии, что не видела, как я сунула записку Маделин, которая, не меняя выражения лица, затолкала ее в манжет.

Джорджу я написала: «Прежде я приняла решение оставаться здесь ради детей, но дела развиваются так, что, полагаю, для них будет гораздо хуже, если они останутся, чем если я увезу их отсюда. Однако я боюсь уехать в открытую – не знаю, что сделает со мной Макгоуан, если попытаюсь. Уверена, что опасна для него, потому что могу свидетельствовать о его извращенном поведении с Патриком, и если дело дойдет до суда, то я должна быть уверена, что существует хотя бы шанс не только уничтожить их обоих, но и лишить Патрика права опеки над

детьми, – Патрик всегда этого опасался. Прежде чем я решусь на побег, я хотела бы знать мое юридическое положение, а поскольку не смогу бежать из долины, у меня нет выбора – только просить Вас встретиться с адвокатом от моего имени. Знаю, что прошу слишком многого, в особенности еще и потому, что Вас, конечно, не порадует скандал, который неизбежен в связи с разводом, но, дорогой мой Джордж, скандалы больше не волнуют меня. Мое отчаяние слишком велико, чтобы думать об этом. Умоляю, умоляю Вас: помогите мне! В частности, узнайте у адвоката, не может ли мое кажущееся согласие со сложившейся здесь ситуацией служить основанием для отказа мне в моем требовании развода. Я не могу бежать только для того, чтобы потом узнать, что мне отказано в праве воспитывать детей. Словами не передать, как я боюсь и ненавижу Макгоуана.

Пожалуйста, верьте мне, когда я говорю, что взывать к разуму Патрика бесполезно. Он никогда, никогда не откажется от Макгоуана. И умоляю Вас, уничтожьте это письмо, как только прочтете его, и никому не говорите об этой моей мольбе о помощи».

В этом, по крайней мере, Джордж послушался меня. Он, вероятно, уничтожил письмо, потому что ни слова из написанного мной никогда не дошло до Макгоуана, но, несмотря на мои предупреждения, он не мог поверить, что Патрик не откажется от Макгоуана даже под угрозой скандала. Полагаю, Джордж был потрясен, так как я облекла в слова то, что он давно подозревал, и потрясение, вероятно, затмило его разум, потому что он приехал в Кашельмару в последний раз воззвать к Патрику.

Патрик и Макгоуан приняли его в малой столовой, а я ускользнула от Эдит, сославшись на головную боль, и спряталась в темном месте на галерее, надеясь увидеть выражение лица Джорджа, когда он будет уходить. Я боялась, что он выдаст меня – расскажет о моем письме, и меня волновало только одно: в безопасности я или нет.

Но я больше так и не увидела Джорджа. Я услышала громкие голоса, а секунду спустя тяжелый удар, за которым наступила тишина.

– Он упал, – сообщил позже Макгоуан доктору Кагиллу. – Такое несчастье. Может быть, апоплексия? Он словно потерял равновесие, и, прежде чем мы успели его подхватить, он ударился головой о каминную решетку.

Доктор Кагилл обнаружил, что Джордж давно страдал от повышенного кровяного давления и, согласно его диагнозу, из-за резкого головокружения упал. «...Скончался вследствие удара головой о каминную решетку. Несчастный случай. Виноватых нет...»

Я промолчала. Не знала, чему верить, хотя была уверена: доктор Кагилл высказал бы свое мнение, если бы подозревал, что смерть Джорджа не стала следствием падения и удара о каминную решетку. Я хотела верить в вероятность несчастного случая, потому что иначе меня обуял бы страх, но ночь за ночью мне снились сильные руки Макгоуана, и я просыпалась в холодном поту.

Думала отправить письмо Томасу и Дэвиду, но потом решила не делать этого. Слишком опасно. Как для меня, так и для них. Можно ли рассчитывать на помощь Маделин? Но она была так религиозна. Она может просто сказать мне, что, как бы ни тяжелы были мои обстоятельства, мой моральный долг в любом случае оставаться с мужем. Возможно, Чарльз... Нет, Макгоуан просматривал все мои письма в Америку, и я не сомневалась – их он читал в первую очередь. Можно было попросить Маделин отправить письмо, но мне не хватало духу рискнуть и еще раз тайно передавать ей его.

К этому времени я отказалась от мысли искать юридической помощи до принятия радикальных шагов; не верила, что суд вернет мне детей, если я по собственной воле покину Кашельмару. Хорошо известно, как относится суд к женам-беглянкам, а Макгоуан наймет лучших адвокатов, чтобы дискредитировать меня и обелить Патрика. Я считала, что в сложившихся обстоятельствах с моей стороны будет глупо ожидать, что я автоматически получу опеку над детьми.

Так я вернулась к тому, с чего начинала. Знала, что должна бежать и взять с собой детей, но пока не понимала, как мне это сделать.

В июле в Голуэе судили Драммонда и приговорили к десяти годам заключения.

Драммонд помог бы мне, если бы был на свободе...

Должен быть какой-то способ, думала я. Должен.

В сентябре из тюрьмы близ Дублина бежали два политических заключенных, а в газетах написали, что Ирландская национальная лига подкупила тюремщиков, что обеспечить побег. Ирландская национальная лига была новой организацией, включавшей членов распущенной Земельной лиги, а также всех подразделений Лиги Гомруля. Если бы мне каким-то образом удалось поговорить с мистером Парнеллом... Макгоуан и Патрик на суде оба давали показания против Драммонда. Если бы я смогла доказать кому-то в высоких инстанциях Национальной лиги, что арест, процесс и заключение Драммонда есть следствие личной вражды... Но я не могла написать мистеру Парнеллу и не могла бежать, чтобы встретиться с ним. Я была такой же пленницей, как и Драммонд в тюрьме графства

Голуэй.

– Храни вас Господь! – приветствовал нас отец Донал, когда мы с Эдит как-то встретились с ним во время утреннего посещения Маделин, и я вдруг вспомнила, как Патрик говорил о Земельной лиге и горьком письме старика Макгоуана: «...священник завяз в этом по уши».

– Доброе утро, отец Донал. – Я улыбнулась ему.

В тот же самый вечер я набралась смелости и сказала Патрику в присутствии Макгоуанов:

– Ты бы не мог устроить, чтобы отец Донал приехал ко мне сюда? Я уже какое-то время думаю о том, чтобы перейти в римскую католическую веру, и хотела бы выслушать его наставления.

Я почувствовала на себе взгляд Макгоуана. Но я теперь никогда не смотрела ему в глаза, так как боялась выдать себя. Говорила тихим голосом и смиренно взирала на Патрика, точно как и всегда. По другую сторону стола Макгоуан расслабленно сидел на своем стуле. Мне удалось усыпить его подозрения.

– Ах, как это похвально, Сара! – иронически сказал он, насмехаясь надо мной. – И как не похоже на вас.

– Да... знаю. – Я попыталась улыбнуться, словно в насмешку над ним, – иногда делала это и знала, что он не считает такое поведение необычным. – Но со времени рождения Джейн я все чаще думаю о религии.

Я считала, это умный ход. После столкновения со смертью многие люди с неожиданным рвением обращаются к религии.

– Патрик, думаю, это можно устроить, – добродушно позволил Макгоуан. – Ты можешь написать отцу Доналу, если Сара хочет. Эдит, возможно, ты тоже хочешь узнать побольше про Римскую католическую церковь.

Эдит открыла было рот, чтобы возразить, но тут же передумала.

– Что ж, думаю, можно поразвлечься, – заметила она и смерила меня презрительно-сочувственным взглядом.

Эдит продержалась четыре часа наставлений, в течение которых отец Донал бубнил долго и серьезно своим приятным ирландским голосом обо всем на свете, кроме своей веры, а потом перед его пятым визитом я услышала, как Эдит сказала Макгоуану:

– Неужели мне и в самом деле так уж необходимо и дальше выслушивать наставления отца Донала?

– Тебе разве не нравится? – весело спросил он.

– Он самый скучный зануда из всех, кого мне доводилось видеть.

– А Сара?

– Бедняжка. Она это всерьез. Абсолютная глупость.

У меня от восторга чуть голова не закружилась. Наконец-то я встретила с отцом Доналом наедине и, убедившись, что нас никто не подслушивает, начала говорить о Национальной лиге, и политических заключенных, и тюрьме графства Голуэй.

Глаза отца Донала округлились, а спустя какое-то время рот у него распахнулся и так и не закрывался, а сидел он на самом краешке стула.

– Храни вас Господь, миледи, – выдавил он наконец. Моя речь настолько его ошарашила, что никакие другие слова не приходили ему в голову. – Храни вас Господь.

– Уверена, Он меня сохранит, если нам сначала удастся освободить Драммонда. Послушайте, отец Донал, у меня есть план. Я хочу, чтобы Драммонд отправился в Нью-Йорк и передал послание моему брату. Это очень важно для моей безопасности и безопасности моих детей. И это нужно держать в абсолютной тайне, потому что, если Макгоуан узнает, я не сомневаюсь, мы все будем убиты в наших кроватях. Если блэкбутеры, или Братство, или как уж они там себя теперь называют, смогут организовать побег Драммонда в Америку...

– Миледи, тут есть одна проблема, но я молю Бога, чтобы у вас были средства для ее разрешения. На это потребуется много денег.

– Сколько?

Он задумался:

– Это на взятки. Для нескольких человек. Каждый следующий просит больше, чем предыдущий. Мы живем в ужасном мире, и любовь к деньгам...

– Сто фунтов?

– Не меньше, миледи.

Но денег у меня не было, а мои ожерелья, браслеты, серьги и диадемы были проданы для нужд сада Патрика и мрамора для пруда с лилиями.

Я сняла обручальное и помолвочное кольца и дала их ему:

– Продайте это.

Он остолбенел:

– Миледи, вы не можете...

– Я хочу, чтобы Драммонд вышел из тюрьмы и отправился в Америку, – отрезала я. – Все, что у меня есть, зависит от этого.

– Но ваш муж спросит вас про кольца...

– Он и не заметит.

– Мистер Макгоуан может заметить, – напомнил отец Донал.

Мы посмотрели друг на друга.

– Скажу ему, что потеряла их, и он не сумеет доказать, что это не так.

Он открыл было рот, но тут же снова закрыл.

– Я буду молиться за вас, миледи... – проговорил он и добавил, словно ему в голову пришло запоздалое соображение: – Даже если вы останетесь протестанткой.

Ничего более христианского за всю мою жизнь в Ирландии я не слышала, да к тому же из уст малообразованного сельского священника.

– Может быть, в один прекрасный день вы прочтете мессу в часовне Кашельмары, – с улыбкой сказала я, а он ответил, что будет великий день и тоже надеется на это.

Прошло немало времени, прежде чем удалось организовать побег Драммонда, но в конечном счете это пошло на пользу беглецу. К тому времени, когда все было подготовлено, наступила весна, и я знала, что мягкая погода уменьшит его неудобства на пути назад в долину.

Потому что я настаивала на том, что должна повидать его, прежде чем он уедет. Никому другому не могла я доверить моего письма Чарльзу. К тому же мне так хотелось снова увидеть его. Риск стоил того. Мысль о встрече с ним помогла мне перенести долгие месяцы заточения, и я знала: после встречи я обрету новый заряд мужества на предстоящие месяцы ожидания.

Наступил май, тринадцатое мая, и обещание лета вдохнуло волшебную жизнь в сад Патрика.

Драммонд бежал. Тюремщик смотрел в другую сторону, пока он перепиливал решетку в окне и спускал веревку, принесенную ему в камеру, а добравшись до главных ворот, он обнаружил, что они не заперты, а тюремщики спят. Снаружи его ждали люди из Братства, они в темноте провезли его в безопасное место в муравейнике Кладдаха.

Следующим вечером он перебрался в Утерард, и его в теплой хижине ждала горячая еда и место перед очагом, где он мог провести ночь.

К этому времени его уже искали, но никому, конечно, и в голову не пришло, что он отправится на север. Обыскали причалы Голуэя, прочесали Кладдах, заблокировали дорогу на Дублин, но его так и не нашли.

Ночью он добрался до Мам-Кросса, а потом до Клонарина, где отец Донал вручил ему одежду и деньги, помог вымыться, подстричься, избавиться от вшей.

На следующее утро до рассвета Драммонд поднялся в горы и направился на запад вдоль долины к Кашельмару.

«Над Кашельмарой есть полуразрушенная хижина, – сообщила я отцу

Доналу. – Она стоит на склоне приблизительно в полумиле от стены, окружающей поместье».

Я в ту ночь не могла уснуть, лежала, пока не увидела, что небо за Клонарином начинает светлеть. Я все еще пребывала в ужасе: вдруг что-нибудь сорвалось, а когда поднялась, не стала зажигать свечу – оделась в темноте. Накануне вечером я подобрала себе простое серое платье и пару туфель, пригодных для долгой прогулки по склону.

Без света я не могла уложить волосы, но расчесала их в темноте и связала сзади ленточкой Элеоноры. Понимала: вид у меня простоватый, но сознательно пошла на это. Лучше выглядеть простовато, чем рисковать разбудить Макгоуана или Эдит, долго и тщательно выряжаясь. Я уже утратила прежнюю красоту. Напряжение последних месяцев измотало меня, а после рождения Джейн я сильно похудела.

Я завернулась в плащ и на цыпочках вышла из дому.

Никто не увидел меня. Я аккуратно обогнула безупречный газон Патрика и через живую изгородь прошла наверх в направлении гор. Над аллеей азалий стояли сумерки, и я так нервничала, что все время спотыкалась, оглядываясь через плечо. Но за мной никто не шел, и вскоре среди деревьев возникла серая призрачная башня часовни. Я прошла мимо. К этому времени ступни ног у меня начали болеть, потому что тропинка резко уходила вверх. Наконец я добралась до стены, ограничивающей территорию поместья, и до толстой деревянной двери, через которую открывался выход наружу. Я нащупала ключ, уронила его, нагнулась, чтобы поднять. Рука у меня так дрожала, что я с трудом повернула ключ в скважине, но секунду спустя дверь уже закрылась, и передо мной предстал голый горный склон, на котором стояла полуразрушенная хижина.

Я поскользнулась на камешках и думала: а если его нет, если что-то задержало его, если что-то не сложилось? В то время наверняка я знала одно: три дня назад Драммонд бежал из тюрьмы и с тех пор никто его не видел.

Небо светлело, и, оглянувшись в последний раз, я заметила, что рассвет приложился своими большими золотыми пальцами к озеру далеко внизу.

Дверь в хижине отсутствовала. И тогда я поняла, что его нет, но все же шла дальше, преодолевая боль в ногах, тяжело дыша; воздух обжигал горло, слезы – глаза. Минуту спустя мне пришлось остановиться, чтобы отдышаться, а потом, когда я снова посмотрела на пустой проем двери, то увидела в нем тень, и радостная волна облегчения накатила на меня – он ждал.

Он похудел, но от этого казался выше. Морщинки у его рта стали глубже, но это никак не изменило его улыбку. Его волосы выглядели темнее прежнего, не тронутые сединой и клочковатые после ножниц отца Донала.

Драммонд молчал. Он даже не двинулся из двери мне навстречу. Только сделал шаг назад, а когда я пересекла порог, заключил меня в объятия и увлек в сторону, прижал спиной к стене.

Мы по-прежнему молчали. Он начал целовать меня. Драммонд целовал мои щеки, глаза, лоб и нос, наконец он нашел мои губы. Его руки ласкали мою талию, мои бедра, потом снова талию, и, прежде чем они переместились выше, я знала, что подчинюсь любому его желанию.

Я была в ужасе. Заикающимся голосом, с глазами, полными слез, проговорила:

– Пожалуйста, нет... я не очень... страстная женщина... такая бесполезная... такое злосчастье.

Наступила тишина. Я с трудом выносила груз моей скорби, а потому, не в силах посмотреть на него, только напрягала слух в ожидании его слов.

Наконец он спросил очень мягким голосом:

– Кто тебе это сказал? Твой муж? – А когда я согласно кивнула, чувствуя, как горят от стыда мои щеки, он закинул назад голову, рассмеялся и недоуменно воскликнул: – И ты ему поверила?

Кривое зеркало, в которое я смотрелась всю свою замужнюю жизнь, пошло трещинами. Передо мной вдруг появилось иное зеркало, а после этого не было никаких слов. Я просто смотрела, ошеломленная, на свое новое отражение, и, когда он наконец прикоснулся ко мне снова, мои слезы исчезли вместе с грузом злосчастья, который я так долго тащила на себе.

Я излечилась. Впервые начала жить, и страсть бушевала во мне негасимым пожаром.

V

Максвелл Драммонд

1884–1887

Честолюбие

*[Роджер
Мортимер был]
решительным,
честолюбивым... он не
знал угрызений
совести... имел
репутацию отважного
человека... нравился
женщинам... и,
кажется, имел все
повадки современного
гангстера...*

*Томас Костейн. Три
Эдварда*

Глава 1

1

Она оставила его.

Оставила мужа, оставила дом и даже своих детей. У нее, конечно, был план вернуть их себе впоследствии, но, поняв, что Макгоуан никогда не позволит ей уехать со всеми четверьмя детьми, которые цеплялись за ее юбки, она отправилась в Америку одна.

Я уже был там, ждал ее. Никогда не забуду, как я ждал. Ждал все лето и всю осень. Ждал, пока у меня не сложилось впечатления, что я навсегда заключен в этом дьявольском городе, где стоит жара почище, чем в аду, где рубашка прилипает к твоей спине уже в восемь утра, а по ночам такая духота, что проще задохнуться, чем уснуть. Думал, что знаю об ожидании все, проведя несколько месяцев в тюрьме Голуэя по сфабрикованному обвинению, – господи боже, ох уж эта тюрьма в Голуэе! – но я ни черта не знал об ожидании, пока не сошел с иммигрантского парохода в Нью-Йорке в июне 1884-го.

Мне предстояло многому научиться, но учился я быстро, а тем временем ждал. Я ждал, когда Сара высвободится из сети Макгоуана, когда сойдет лед с Гудзона, когда ее роскошный пароход войдет весной в Нью-Йоркскую гавань. Ждал столько, что уже не мог представить себе день, когда мое ожидание закончится. Когда же такой день все же наступил и мое ожидание подошло к концу, я пришел в порт и увидел, как ее роскошный пароход входит в гавань, мне казалось, что все это сон, и я мог бы побожиться, что это сон, не будь река такой зловонно-голубой, а от шума на причале у меня не ломило в ушах. Этот город – я не видел ничего невероятнее. Чертово место, которое не принадлежало никому, переполненное людьми, открытое для всех, кошмарное путешествие в чистилище. Господи Боже, молился я, избавь меня от зла, опасности и всего этого города Нью-Йорка. Аминь.

Спустили трап, очень красивый трап, белый и сверкающий, и корабельные офицеры в своей форме с золотой тесьмой кланялись и расшаркивались перед богатыми пассажирами, а я ждал, искал ее глазами, шея у меня болела от напряжения, пальцы сжимались в кулаки, а рот высох, как брошенная хлебная корка. Я ждал и ждал, и вдруг словно

свершилось чудо: появилась она.

И тут я сошел с ума. Принялся проталкиваться к трапу, работая локтями, – уж этому-то Нью-Йорк меня научил. Раздался чей-то возглас: «Господи Иисусе, еще один пьяный ирландец!» – предрассудки в этом городе были очень сильны, многие национальности так вечно и толклись внизу у лестницы судьбы. Но меня не волновало злословие, меня не волновало ничто, кроме одного: добраться до Сары прежде ее напыщенного брата, который тут же увезет ее в свой безвкусный маленький дворец. Я видел Чарльза Мариотта с его лакеями, которые прокладывали ему дорогу в толпе, и он меня тоже заметил, потому что вздрогнул, словно я какой-то бродяга из трущоб Файв-Пойнта. Но я добрался до трапа первым, опередил его и первым встретил Сару в ее вонючем, переполненном, грязном городе. Она припустила по трапу, спотыкаясь в спешке, а я бросился к ней навстречу, и сразу все плохое забылось – бегство, ожидание, бесконечная, гнетущая тоска, вгонявшая по ночам в пот, не дававшая спать. Я обхватил ее с такой страстью, что мы лишь чудом не упали за ограждение в воду, и, прижимая ее тело к своему, вспоминал лорда де Салиса в суде в тот день, когда меня приговорили к заключению. А еще – клятву, что дал себе тогда: я отделаю его любовника, как бог черепаху, и уложу в постель его жену, иначе буду ползти в бесчестье до самой могилы.

2

Мои враги говорят, что я – уголовник, который должен до конца отбыть свой десятилетний срок в тюрьме. Даже моя жена Эйлин, которая никогда не отрицала, что я стал жертвой несправедливого суда, возможно, до сих пор говорит нашим детям, что я обыкновенный плохо образованный крестьянин. Но это все ложь, потому что я учился в лучшей школе для бедняков к западу от Шаннона. По крайней мере, такой ее считали мы, несмотря на то что она помещалась в сарае, как и в прежние времена, когда тираны-саксонцы запрещали ирландцам получать католическое образование. На самом деле она была лучше, чем школы для бедняков, и ее репутация была известна в таких местах, как Клонбур и Конг. И еще до того, как мне пойти в школу, отец научил меня читать и писать. Отец был родом из Ольстера и в Коннахт приехал по единственной причине: младшему сыну из девяти детей не осталось земли в доме его отца близ Донахади. Теперь мои враги утверждают, что он был шотландцем, но и это

ложь. В Коннахте все так тебе будут говорить, если ты из Ольстера, но каждый знает, что в прошлые времена в графстве Ферманах были епископы Драммонды, и семья моей матери, О'Мэлли, потомки королевы Грейс О'Мэлли, ее бессмертной славы и благородства.

Так что я ирландец до мозга костей, а что касается моего имени, которое все считают большой саксонской ошибкой, могу только сказать, что меня нарекли в честь доброго друга моего отца. Он, вероятно, был потомком шотландских еретиков, но при этом хорошим католиком, потому что мой отец никогда не назвал бы меня в честь черного протестанта. И потом, мне нравится мое имя. Оно хорошо звучит и придает уверенность, которой у меня, наверно, не было бы, носи я имя Пэдди Мерфи. Эйлин сказала как-то, когда мы женихались, что мое имя звучит как имя джентльмена. Я это навсегда запомнил. Да, я родился на скромной ферме в Коннахте, но родился с именем джентльмена.

Впрочем, и ферма была не такой уж скромной. Эйлин не соглашалась, но отцовская ферма была лучшей в долине, всегда была, после того как мой отец женился на женщине выше себя, породнился с семьей О'Мэлли и начал работать не покладая рук – выращивал пшено, овес, не ограничивая себя одним картофельным огородом. У нас было двадцать пять акров пахотной земли и еще двадцать пять акров торфяного болота, и из пахотной земли на десяти акрах выращивали урожай, а остальное было под травой. Земля под травой не годилась для пахоты – слишком была каменистая и неровная, но овцы ее любили, и мои коровы тоже. Зимой коровы уходили на торфяник и выдергивали черный камыш – у него белый сочный корень длиной больше шести дюймов, и я даже думаю, что коровам это было полезнее, чем трава летом. Для торфяника находилось и еще одно применение – он давал мне вереск для подстилки моему ослику, а также запас топлива, и я согласен с теми, кто говорит, что небольшой торфяник – благо для умного фермера.

В прежние времена мы платили аренду в двадцать шесть фунтов из расчета фунт за акр пахотной земли и фунт за акры торфяника, но после голода старый лорд де Салис пошел навстречу моему отцу и сдал землю в аренду по сниженной цене. Это называется лизгольд и означает, что эта земля все равно как наша на пятьдесят лет, и мы с тех пор не считались простыми арендаторами. Будто случилось чудо, я до сих пор помню, как моя мать пролиwała слезы радости, а отец, взбодрившись потином, воспевал хвалу лорду де Салису.

Так что жили мы неплохо, у нас в доме даже книги водились, а леди де Салис (вторая жена старика) заходила к нам, и мы были важными

персонами, не такими, наверно, важными, как хотелось бы Эйлин, но важнее любой другой семьи арендаторов в Кашельмаре.

Я был единственным ребенком в семье. Мне это нравилось, потому что у отца всегда находилось время для меня, а моя мать не сходила с ума оттого, что еще десяток детишек вертелись у нее под ногами. Еще из этого вытекало, что в семье всегда хватало еды, а я был прилично одет и имел пару ботинок. И что бы там ни болтала Эйлин, я ничуть не пыжился, когда давным-давно в Дублине сообщил ей, что мой отец – мелкий сквайр. Я вправду считал себя на голову выше остальных в долине, потому что моя мать была О’Мэлли и родной половине Клонарина, а когда мне, еще мальчишке, отец Донал сказал, что ради моей бессмертной души мне лучше всего жениться молодым, то кого могло удивить, что я среди потенциальных невест не рассматривал крестьянских девушек, а предпочел дочь учителя?

Эйлин сочла, что я вполне хорош для нее, когда мы познакомились в Дублине. Старый лорд де Салис дал мне денег, послав учиться в Сельскохозяйственный колледж, и я большую их часть потратил на одежду, чтобы другие студенты не косились на меня презрительно. Дублинцы всегда смотрят свысока на выходцев из Коннахта, которые получают хоть малейший шанс, и, конечно, хотя я и был прекрасно одет, разглядывали меня так, будто я кусок дерна из торфяника. Мне не понравилось в Сельскохозяйственном колледже. Честно говоря, это была сплошная трата времени и трескотня о вещах, которые меня не интересовали. Когда мне сказали, что я слишком плохо образован, чтобы получить какую-то выгоду от учебы, то я подумал: черт побери, если это и есть то образование, которое мне нужно, то пошло оно к дьяволу, потому что мне полученных знаний уже и без того хватает. Разве я не знал латынь и греческий из школы, всю классическую мифологию, разве я не мог во всех подробностях пересказать битву при Клонтарфе, когда Брайан Бору (да благословят святые его бессмертную память) победил викингов? Да какие могут быть сомнения – я получил образование! Так полагала и Эйлин, когда мы вместе читали газеты и обсуждали политические вопросы. Она довольно внимательно слушала, когда я говорил об освобождении Ирландии от тирании, а когда я делал паузу, добавляла, что я стану политиком в Вестминстере, как и национальный герой О’Коннелл.

В то время, когда она была столь высокого мнения обо мне, я жил в доме ее отца. Старый лорд де Салис устроил так, что я остановился у одного из учителей, потому что понимал: мне поначалу будет не по себе в городе и отец Эйлин сможет присмотреть за мной.

Но Эйлин присматривала за мной лучше отца. Мы долго счастливо жили в браке, хотя теперь она, конечно, не признается в этом. Ее потрясло, когда она впервые увидела ферму, но она преодолела это, я знаю – преодолела, что бы Эйлин ни твердила потом во время нашей первой ужасной ссоры.

Мы ни разу не ссорились, пока я впервые не увидел Сару де Салис. Мне понадобилось срочно вызвать Эйлин домой из ее амбулатории. Помню, что злился: почему она не дома, а изображает из себя медсестру в Клонарине, а потом выяснилось, что она тоже злится, ведь я грубо разговаривал с ней в присутствии леди де Салис. «Ты по меньшей мере мог быть вежливым», – горько заметила она, а я закричал на нее: «А ты по меньшей мере могла бы быть дома!» Эйлин ответила, что не понимает, почему она не может заниматься благотворительной работой, к тому же это для нее отдохновение – время от времени разговаривать с такой культурной, утонченной леди, как мисс Маделин де Салис. «А с каких это пор твоя семья недостаточно хороша для тебя?» – заорал я на нее, разозлившись еще сильнее, а потом добавил, что ей пора больше времени проводить дома и уделять внимание мужу и детям.

«Я уделяю тебе внимание!» – отрезала она.

«Недостаточно! – злился я. – Единственное внимание, какое я получаю от тебя теперь, – это десять минут в темноте раз в неделю... если мне повезет, а часто и этого не случается!»

Господи Иисусе, у нас тогда случилась самая ужасная ссора. Эйлин кидала мне в лицо одно обвинение за другим, бранила, что я гладок на язык и не уделяю ей внимания. Я постоянно напиваюсь с О'Мэлли или выделяюсь на политических митингах, так когда же она дождет моего внимания? Ей позволено задать мне такой вопрос или же она должна удовлетвориться ролью замены Розы Костелло, когда у меня возникнет желание? Тогда я сказал ей, что Розы Костелло, по крайней мере, дает мне то, что я хочу, пусть и за деньги, а потом – господи Иисусе – ссора стала и дальше набирать обороты, и чего мы только не наговорили друг другу! Она называла меня всякими словами, а я заметил, что, если я изменил ей раз или два, это не имеет никакого значения, потому что я делал это, лишь щадя ее. Эйлин возмутилась: как это я смею утверждать такие вещи и когда это она просила, чтобы я ее щадил? А я ответил, что она, конечно, никогда о таком не просила, поскольку для этого слишком покорная жена, но я ничуть не хуже любого умею сложить два и два, разве нет?

Эйлин впала в ярость от этих слов. Снова принялась обзывать меня. Сказала, что я мерзость и грубиян и она всегда жалела, что вышла замуж

ниже себя.

– Всегда? – спросил я. Это было очень больно.

– Всегда! – отрезала она. – Или ты считаешь, что я бы не предпочла жить как леди в приличном доме в Дублине, чем как крестьянка в этой дымной хижине?

– Это отличный фермерский дом. И мы не живем как крестьяне.

Она рассмеялась. Я ей этого никогда не простил. Мы как-то помирились после этой ссоры, но уже перестали быть теми мальчиком и девочкой, которые сбежали к алтарю в Дублине, и оба понимали это. Если я и был негодяем, как считала Эйлин, то, в свою очередь, мог бы обвинить ее в отчуждении, которое появилось между нами задолго до того, как мы окончательно расстались, но я не стану этого делать. Я хочу быть честным, а потому должен признать, что вина не на Эйлин, а на мне. Вина лежит на мне – я не мог простить ее предательство, то, что она считала, будто я ничем не лучше простого крестьянина, а еще я виноват потому, что знал: леди де Салис будет моей, если мне удастся провести с ней наедине больше пяти минут.

3

Может быть, Эйлин была права во время самой тяжелой нашей ссоры, когда она назвала меня мошенником, сукиным сыном, никчемным человечешкой, но я не могу поверить, что есть на земле человек, который не возжелал бы Сару де Салис с первого взгляда.

Она была очень, очень красива.

Красива необычной красотой. Не похожа ни на одну из тех, кого я видел прежде. Ее узкие глаза казались одновременно темными и светлыми, потому что имели золотисто-карий цвет, ее высокие скулы напоминали леди с китайской ширмы в ее спальне в Кашельмаре. К коже, мягкой и бледной, не прикасались ни ветер, ни дождь, ни солнце, а полные губы она держала закрытыми, словно опасаясь, что, разомкнув их, будет выглядеть слишком соблазнительной. И только когда она смеялась, можно было увидеть, какой у нее красивый рот, а когда я видел ее поначалу, смеялась она нечасто. Ее длинные волосы, когда она распускала их, падали до талии, а когда она раздевалась, и представить было невозможно, что она родила четверых детей, потому что ничуть не походила на обрюзгших, перезрелых женщин, в каких превращаются ирландки после двадцати пяти. Ее

отличали узкая талия, чудесные бедра, имевшие красивую, без излишества, кривизну, идеальные груди и длинные, изящные, великолепные ноги.

Я всегда знал, что хочу ее, но никогда не думал, что мы подходим друг другу, пока она не продала свое обручальное кольцо, чтобы выкупить меня из тюрьмы. В конце концов – надеюсь, вы извините мой цинизм, – легко вожделеть к красивой женщине, но очень даже нелегко понять, что с ней делать, когда ты получил желаемое. И вот я предавался сном наяву о Саре, пока доил коров и молотил пшеницу, но моя фантазия не заходила дальше картинки, в которой я каким-то чудом оказываюсь с ней в кровати под балдахин и облегчаю душу созерцанием роскоши в виде изысканных льняных простыней и мягких белых подушек. Эти сны наяву казались мне такими невероятными, что я не пускал свое воображение дальше. Но я стал давать ему слабину, когда она выкупила меня из тюрьмы. Моя первая мысль была: что за женщина! А когда я вспомнил, как несколько месяцев назад сидел с ней в библиотеке в Кашельмаре и пил в проклятие Макгоуану, я удивленно воскликнул себе: какая любовница!

После моего побега и до отплытия в Америку я видел ее только раз, и никаких кроватей под балдахин у нас не было, никаких изысканных простыней или мягких подушек. Я расстелил мою куртку и ее плащ на влажном полу полуразрушенной лачуги и начисто забыл мои сны наяву. Потому что она перестала быть прекрасной женщиной, которую я хотел. Она стала Сарой, бесстрашной, но испуганной, исполненной надежды, но находящейся на грани отчаяния, смеющейся от радости и плачущей оттого, что нам отведено так мало времени побыть вместе и никто из нас не знает, когда я увижу ее в следующий раз. В моих снах наяву я представлял ее податливой, но в то же время и сдержанной, а себя видел таким, каким я бывал обычно, – беру то, что мне надо, и одновременно наслаждаюсь обстановкой. «Уверенный» – вот то слово, каким я описывал себя, но вдруг обнаружилось, что я ничуть не уверен в себе. Сара не была ни сдержанной, ни даже податливой, потому что ее муж, этот пьяница и извращенец, внушил ей такое низкое представление о самой себе, что она до смерти боялась отдаться мне, а когда я увидел, что она испугана, я тоже испугался. И подумал: святая Мария, если я как-то обижу ее, все будет кончено. Пожалуйста, Господи, не допусти, чтобы я обидел ее. Сара – такая леди, ранимая и хрупкая, я чувствовал себя таким грубым и неловким, словно и в самом деле был не лучше беднейшего крестьянина в долине.

Но тут она все исправила. Сара сказала: «Я люблю тебя. И более не захочу никого другого». И когда я посмотрел на нее, то уже не видел хрупкой леди, потому что знал: она больше не видит во мне крестьянина.

Не было ни презрения, ни высокомерия. Она не спрашивала себя, достаточно ли я хорош для нее. Сара волновалась, достаточно ли она хороша для меня, а после этого нежность и ласка давались легко, и все, что испытал тогда я, ничуть не походило на прежние чувства.

Много времени спустя, когда мы снова смогли говорить, она сказала: «Я чувствую себя совсем другим человеком», а я ответил, что тоже. Мне казалось, я вышел из одного мира и вступил в другой. Когда посмотрел на нее еще раз, то подумал: с этой женщиной я смогу достичь всего, чего захочу. Вот тогда-то я и перестал думать о будущем без нее.

«Поехали со мной, – предложил я ей. – Поехали в Америку вместе». Но она в ответ упрямо покачала головой и сообщила: она должна подождать, пока не уладит дела так, чтобы и дети могли поехать с ней. У нее есть план, и ей нужно держаться этого плана, иначе все будет потеряно. Сара столько времени работала на этот план, что теперь не может от него отказаться. «Но больше всего я хотела бы уехать с тобой», – призналась она, плача. И тогда я снова любил ее, теперь уже не так нежно, и, когда она отвечала мне, передо мной возникали искусительные картины наших ночей, когда Сара станет моей женой.

Но то было давно. Прошел почти год, прежде чем я увидел ее снова, одиннадцать месяцев тоски по дому, несчастья и отчаяния для меня, а для Сары одиннадцать месяцев бесконечных махинаций, заговоров и интриг.

4

У греков есть подходящее слово для этого. Немезида. Мой учитель в школе говорил, что оно означает зло, невезение и несчастливую судьбу – все сразу, и я никогда не забывал этого, потому что, впервые столкнувшись с Хью Макгоуаном, именно это слово сразу же и пришло мне в голову.

Макгоуан был маленьким человеком с большими идеями. Я не хочу сказать, что он родился карликом, вовсе нет, но Макгоуан имел маленький, хищный мозг и кучу маленьких, корявых страстишек, требовавших удовлетворения. Только его честолюбие и жадность не знали размеров, а поскольку его наниматель постоянно их удовлетворял, они все время росли. Но я встал на его пути. В Ирландии наступило время пробуждения, рассвет, который принадлежал Чарльзу Стюарту Парнеллу, а у нас по-прежнему было более чем достаточно управляющих черных протестантов, вроде Хью Макгоуана. Плати землевладельцу лишь такую ренту, которую считаешь

справедливой, сказал Парнелл, а если он возражает, не плати ничего. Мы предложили и услышали отказ. Так кто тогда виноват в том, что в долине начался бунт? Мы лишь требовали справедливости и взывали к разуму. В том, что Макгоуана чуть не линчевали, виноват он сам и его жадность. И я виню лишь Макгоуана в моем несправедливом аресте и в приговоре, вынесенном шайкой присяжных-саксонцев.

Конечно, Эйлин сказала, что я дурак – навлек на нас столько бед. «У тебя лизгольд, – твердила она. – Тебе на твоей земле ничего не грозит до тысяча девятисотого года, тебе-то и всего что нужно платить – земельную ренту. Зачем ты лезешь в эти драки и губишь нас?» Да, были времена в тюрьме, когда я чувствовал себя хуже некуда и думал: наверно, она права. Только Эйлин не была права, теперь я это вижу. Дело не в том, что я чувствовал моральный долг стоять рядом со своей родней – О’Мэлли, которым грозила беда, хотя отчасти и в этом. Дело в том, что Парнелл повсюду обращался ко всем ирландцам: и к тем, кто был обеспечен, как я, и к тем, кто нищенствовал, как моя родня, которые целиком зависели от доброй воли землевладельца. «Встаньте и объединитесь!» – призывал Парнелл, и каким бы ирландцем был я, если бы оставался в стороне и пальцем бы не шевельнул, чтобы помочь родне, когда Макгоуан выколачивал из них все до последнего пенса, ломал их дома, оставлял бездомными и нищими.

Хью Макгоуан сказал, что парламент выпустил новый закон, который позволял нам идти в суд и заявлять протест, если нам не нравится наша арендная плата. Но обращаться в суд не имело ни малейшего смысла. Там заправляли саксонцы, это знал последний идиот, и саксонцы наверняка приняли бы сторону лорда де Салиса и его управляющего. И потом, когда ты в отчаянном положении, когда управляющий стоит у твоих дверей со стенобитной машиной, у тебя просто нет времени, чтобы искать их капризных адвокатов и обращаться в их капризные суды. Парнелл знал это. Именно поэтому он угрожал проверить закон на деле в судах; он знал, что этот закон – очередная саксонская уловка. Парнелл был великий человек даже в те дни, в начале восьмидесятых. Уходите с нашей земли, сказал он саксонцам, дайте нам возможность управлять самими собой, собственным парламентом в нашем собственном Дублине, потому что правосудия мы не дождемся под вашим тираническим правлением из Вестминстера.

Можно подумать, что шотландец Макгоуан знает, что такое тирания, но он принадлежал к тем шотландцам, которые заслужили для своей страны плохую репутацию среди ирландцев. Он бы свою собственную мать продал, если бы мог получить от этого выгоду. Жаждал он только денег,

даже если ради них ему всю жизнь и приходилось пресмыкаться перед саксонцами.

Хью Макгоуан – мой враг, моя Немезида, и Сары тоже, человек, который управлял Кашельмарой и не пускал ее ко мне все те месяцы, что я провел в Америке. Я тогда не знал, насколько он затерроризировал ее с тех пор, как начал заправлять делами в Кашельмаре. Если бы знал, то ни за что не отпустил бы ее назад в этот дом.

Но она вернулась, а я отправился в Америку. Много дней провел на пароходе, переполненном, как Ноев ковчег. Будучи беглецом, я старался не привлекать к себе внимания, путешествуя как пассажир третьего класса на приличном пароходе.

Когда я вернулся в Голуэй, мои друзья в Кладдахе переправили меня в Куинстаун и провели на борт жуткой старой посуды. Бог ты мой, за неделю пути по океану я покрылся такой коростой грязи, так изголодался и с желудком стало так плохо, что уже решил, никогда больше не увижу земли! Но я не умер, а когда снова оказался на суше в Касл-Гардене и мне стали грозить отправкой в больницу для иммигрантов, тут же чудесным образом выздоровел. Про больницы я все знал. Больницы – это такие места, где заражаешься лихорадкой и умираешь. Так я выбрался из Касл-Гардена, отделался от всех жуликов, которые собирались здесь, чтобы облапошивать новопривывших, оттолкнул всякого рода побирušек, которые выпрашивали милостыню, нашел каким-то образом ночлежку, где смог отлежаться, пока мне не станет лучше.

Три раза, пока я спал, у меня чуть не украли мои деньги. Не знаю ни одного другого места, как Нью-Йорк, где бы так процветало воровство и мошенничество. Даже Дублин в этом смысле уступает Нью-Йорку. Но я деньги сохранил (да их и осталось-то совсем немного), а когда почувствовал, что пришел в себя, купил кусок мыла и порошок от вшей и отправился в ближайшую баню. Денег у меня почти не осталось, но на посещение парикмахера хватило. Мне приходилось выбирать: либо стрижка, либо скромная еда, но я так долго голодал, что решил, смогу потерпеть и еще, – мне было важно явиться в прежний дом Сары в более-менее приличном виде, а не оборванцем, как остальные ирландские иммигранты, только-только вывезенные из Старого Света.

Сара дала мне письмо для брата, и как только я привел себя в божеский вид, то отправился на Пятую авеню на острове Манхэттен.

Окраины Нью-Йорка! Я чувствовал, что глаза у меня раскрываются все шире и шире, потому что все здесь оказалось роскошным – не таким роскошным, как в Дублине, конечно. Не хочу преувеличивать. Но все тут

было таким огромным. Да на Вашингтон-сквер могли бы разместиться десять беговых дорожек Леттертурка! А дома! Господи Иисусе, какие дворцы! Один за другим стена к стене высились великолепные особняки, все размерами не меньше Кашельмары, а некоторые даже больше. Я пребывал в таком состоянии, что не почувствовал, как у меня сперли кошелек, но это не имело значения, поскольку он был пуст. Я шел и шел, смотрел во все глаза, даже моргать забывал. И повсюду видел величественные экипажи и прекрасных лошадей, и даже тротуары были такие, словно их делали для леди в золотых туфельках. Нет, Нью-Йорк мне никогда не нравился, но, Матерь Божья, будь у меня возможность жить на окраине города, может быть, я бы даже считал, что это прекрасный город. Чарльз Мариотт наверняка верил в это, возвращаясь каждый день в свой сказочный дом на Пятой авеню.

Мне потребовалось целых две минуты, прежде чем я решился пройти в позолоченные ворота, потом через несколько дворов, а потом уже заставил себя позвонить.

– Доброе вам утро, – сказал я дворецкому, чернее и надменнее которого я в жизни не встречал. – Мне нужно увидеть мистера Чарльза Мариотта, пожалуйста.

– Мистера Мариотта нет дома, – ответил дворецкий.

– Если его нет дома, то я подожду. У меня для него письмо от его сестры леди де Салис, жены барона де Салиса из Кашельмары, да защитят ее Дева Мария и все святые.

Мне казалось, что говорил я самым вежливым и уважительным образом, но этим ничего не добился – он мне не поверил. Еще минута – и между нами началось состязание по перекрикиванию, а потом он вопил на слугу, приказывая ему вышвырнуть меня вон. Тут-то и появился Мариотт. Он, разумеется, все это время находился дома. Спустился по лестнице и спросил: «Уитни, что тут происходит, черт возьми?» И когда мне представился случай помахать перед его лицом письмом Сары, он выставил пухлую белую руку, чтобы остановить конверт, мелькающий перед его глазами, и прочесть почерк.

После долгой паузы заявил:

– Спасибо, вижу, что это письмо от моей сестры.

Он вытащил доллар из кармана и протянул его мне, как мог протянуть какому-нибудь нищему с Бауэри-стрит.

– Прошу прощения, ваша честь, – произнес я, изо всех сил смиряя свою гордыню. – Но я друг вашей сестры, а не просто курьер.

Он еще раз посмотрел на меня, а я еще раз – на него.

Ему, на мой взгляд, было лет тридцать пять, и я сразу же увидел, что он из тех людей, которые почти всю жизнь проводят под крышей и бесятся, когда замечают капельку грязи на своих туфлях. Я заметил внешнее сходство между ним и Сарой, но, чтобы увидеть это, нужно было внимательно приглядываться. Такая же длинная шея – странная у мужчины, – такие же высокие скулы, но глаза темно-карие и губы тонкие, и, если не считать пучка светлых волос, зачесанных с одной стороны на другую, он был лыс, как куриное яйцо. Говорил же на забавном американском английском – каком-то сдавленном, только потом я понял, что ему нравится использовать элегантный язык, создавать впечатление, словно он проглотил словарь. Еще я позднее открыл для себя, что, кроме дорогого, изящного дома, он содержал и дорогую жену, хотя жена была старше его и безвкусная, несмотря на все ее дорогие одежды. Но я ничуть не удивился. Чарльза Мариотта не волновало, что у него непривлекательная жена, потому что на спальные упражнения он смотрел так же, как необразованные массы на дешевый спорт.

Мы возненавидели друг друга с первого взгляда.

– Кто вы? – спросил он – Как вас зовут?

– Меня зовут Максвелл Драммонд, – представился я, и мое имя, как всегда, придало мне уверенности; я поймал себя на том, что говорю с ним как с равным. – Я землевладелец, мое поместье лежит милях в двух от Кашельмары.

– Моя сестра ни разу не упоминала вас.

– Если вам нужно упоминание, – заметил я, – то почему бы вам не прочесть письмо?

Следует отдать должное Чарльзу Мариотту: он искренне любил сестру на свой собственный чванливый манер, и, когда прочел письмо, мне потребовалось немало труда, чтобы остановить его, иначе он бы на следующем пароходе помчался в Ирландию спасать Сару. Он настолько ужаснулся прочитанному, что совершенно забыл о своей неприязни и провел меня в свой кабинет, где можно было обсудить ситуацию без посторонних ушей.

– Первое, что вам необходимо понять, – объяснил я, полностью владея ситуацией к этому времени, – вы не можете въехать в Кашельмару на боевом слоне. Сара просила меня донести до вас это. Мистер Джордж де Салис попытался сделать это, и теперь он мертв.

– Но я не могу поверить, что убийство может остаться недоказанным!

– Почему нет? – удивился я. – В Ирландии это происходит все время.

– Но...

– Послушайте, мистер Мариотт, Сара планирует уйти и забрать детей. Если она попытается убежать, Макгоуан вернет ее и накажет, потому что в его интересах – и в интересах лорда де Салиса – сохранить брак. Лорд де Салис хочет оставить у себя детей, и ни он, ни Макгоуан не желают, чтобы мир узнал об их содомитских отношениях. А потому Сара может покинуть Кашельмару только с разрешения Макгоуана, а получить его можно единственным способом: дать неопровержимый предлог уехать – вот тут-то и необходима ваша помощь; я не знаю, о чем она просила вас в письме, но...

– Деньги. Этот тип – Макгоуан – жаден до денег.

У него все еще был ошеломленный вид.

– Значит, его нужно выманить деньгами. Вы должны написать вашему зятю и...

– Все! – резко оборвал Чарльз, и я увидел, что он вспоминает, кто мы оба такие. – Вы можете не сомневаться – я сделаю все необходимое. И вас буду информировать.

– Понимаете, в настоящее время мне нужна не информация, – спокойно ответил я, – хотя, конечно, буду вам благодарен за таковую, когда она появится. Мне нужны деньги. Я потратил последний пенс, доставляя вам письмо вашей сестры, а Сара сказала, что вы не допустите, чтобы я голодал. – Он начал снова копаться в карманах, но я сказал: – Мне не нужна милостыня, потому что я не попрошайка и не собираюсь им становиться. Дайте мне работу, и я позабочусь о себе.

Он оглядел меня с ног до головы, и я чуть ли не слышал, как он думает: бог ты мой, что мне с ним делать?

– Вы умеете читать и писать? – спросил он наконец с сомнением в голосе.

Ты саксонский сукин сын, подумал я, на тебя посмотришь – сразу видно: наследник Кромвеля.

– Я учился в лучшей школе к западу от Шаннона, – заявил я, – и завершил образование в Королевском сельскохозяйственном колледже в Дублине.

Он едва заметно усмехнулся и сказал, что найдет мне работу клерка в собственной конторе на Уолл-стрит.

– Хорошо, – согласился я. – Я возьму месячное жалованье авансом и, пожалуй, перемену свое мнение о благотворительности. Как насчет вознаграждения в двести долларов за мои курьерские услуги?

Он встал:

– Послушайте, Драммонд...

– Я думаю, вам следует проявить ко мне побольше щедрости, – перебил его я. – Саре очень не понравится, если она узнает, что со мной обошлись не как с другом семьи.

Он на моих глазах побагровел. Когда же снова смог заговорить, голос его звучал с гораздо большей гнусавостью, чем прежде:

– Я не знаю, каковы ваши отношения с моей сестрой, очень сомневаюсь, что она давала вам разрешение называть ее по имени...

Я рассмеялся. Он побагровел еще сильнее:

– ...но со мной вы никак не связаны, и я никоим образом не обязан вам помогать. Вам это ясно? Я могу вышвырнуть вас в сточную канаву, если захочу, и для вашего сведения: нигде нет таких грязных сточных канав, как в Нью-Йорке. Так что вы получите от меня месячное жалованье авансом и ни гроша больше, и если вы ко времени прибытия моей сестры не хотите превратиться в нищего, то примите, что я даю, и благодарите меня за это.

Признаю, никак не думал, что ему хватит духу говорить со мной в таком тоне, а потому был слегка ошарашен. Но постарался не показать этого. Я пожал плечами, сказал, что ж, если он так предпочитает обходиться с гостем, который приехал в его страну, и другом его сестры, то пусть Господь его судит, а не я.

– Поэтому я говорю спасибо и больше ни слова об этом. – А потом добавил: – Я не из тех людей, кто носит в душе обиду.

Это неправда, но чутье твердило мне, что я должен умаслить его, пока он окончательно не вышел из себя и не отозвал своего предложения насчет работы и денег.

Следующие две недели стали для меня очень тяжелыми. Чарльз Мариотт сыграл свою роль. Он написал лорду де Салису, что хочет увидеть свою сестру и племянников, напоминал своему зятю, что он богатый человек с бесплодной женой. Я не сомневаюсь, все это было высказано самым изящным языком, но Макгоуан, несомненно, не мог упустить пункт, касающийся финансов. Денег в Кашельмаре после голода 1879 года не хватало, как сообщила мне Сара, а Макгоуан был не из тех людей, которые откажутся от денег, если увидят возможность их получить.

Так что Чарльз Мариотт играл свою роль, а мне приходилось играть свою – работать в его конторе, или офисе, как он его называл. Но мне такая работа была ненавистна, и я ушел через неделю. Я привык быть сам себе голова и проводить все дни на открытом воздухе; мне невыносимо сидеть дни напролет на высоком стуле и переписывать ряды цифр. Понять не могу, как можно жить такой жизнью? И я сказал об этом Чарльзу Мариотту и ушел.

– И как же вы собираетесь зарабатывать себе на жизнь? – поинтересовался он с очень саркастичной интонацией.

– Да не стоит вам беспокоиться, мистер Мариотт. Не думайте об этом, потому что не ваше это дело и нечего в него нос совать.

– Только не приходите ко мне, когда будете голодать, – бросил он.

Я и не пришел – потому что не голодал.

К тому времени я познакомился с другими ирландцами и вскоре знал ирландские бары, ирландские столовые и ирландские группировки, а потому нашел подходящую для меня работу. Был такой человек – Джим О’Мэлли, вероятно моя родня, и мы оба потомки королевы Грейс. Он владел заведением к югу от Канал-стрит, с игровым залом позади и девочками наверху. Ему нужен был человек, чтобы поддерживать порядок, если клиенты вдруг начнут буяннить. Я обзавелся револьвером, разузнал все, что нужно знать об игре в покер, и вскоре жил себе припеваючи – имел два новых костюма, снял квартиру получше и каждый день ужинал мясом. Жилось мне неплохо, тут ничего не скажешь, но Сара все еще оставалась в Кашельмаре.

Лорд де Салис под диктовку Макгоуана (я в этом ничуть не сомневался) написал, что не может отпустить четырех маленьких детей в столь далекое и трудное путешествие, а его жена ни в коем случае не согласится уехать без них. Но если Чарльз Мариотт сам захочет пересечь Атлантику...

Чарльз Мариотт написал, что никак не может оставить свой бизнес, а дети не такие уж и маленькие и им, возможно, морское путешествие очень понравится. Он надеется увидеть их и Сару в Нью-Йорке до конца осени.

Лорд де Салис в ответ прислал новое письмо с очередными отговорками, и я в ярости понял, что эта переписка может продолжаться бесконечно. Но Чарльз Мариотт обладал не только терпением, но и хваткой. И он не собирался легко сдаваться, а то и вообще мог пуститься через Атлантику и устроить большой скандал.

– Это вопрос времени, Драммонд, – заявил он во время одного из моих еженедельных визитов: я приходил к нему узнать, есть ли какие новости. – У него когда-нибудь закончатся отговорки. Или деньги.

Время шло. Джим О’Мэлли купил устричный салун близ Бродвея, очень модный, и вложил в шикарный бордель, а О’Флаерти принялись на него наезжать, так что дел у меня хватало. Эти О’Флаерти всегда были бешеные – кто побывал в Голуэй-сити, тот знает. А в Нью-Йорке они совсем взбесились. Тут у всех свои группировки, и если ты оказывался среди тех, кто брал верх, то мог заработать хорошие деньги. Единственный

раз, когда мы хоть как-то сотрудничали с О'Флаерти, – это когда немцы начали теснить нас всех, но мы жили в забавном мире: все дни недели готовы были перерезать глотки всем О'Флаерти, а по воскресеньям ходили с ними на мессу. Я вспоминал наши домашние распри между О'Мэлли и Джойсами, когда мы молотили друг друга до потери сознания, а на следующее утро мирно шли бок о бок в церковь. Я вообще часто вспоминал о доме – обычно когда ходил в церковь или когда лил дождь. В Нью-Йорке дожди шли не по-нашему, проливные. Здесь не бывало мягких ирландских туманов, и я ходил не по влажным зеленым полям, а по темным, грязным городским улицам. Я возненавидел этот город. Всегда его ненавидел, даже когда зарабатывал неплохие деньги, и день за днем все сильнее тосковал по дому и Саре.

Лорд де Салис написал: он очень рад, что Чарльз Мариотт так беспокоится о его имении, и если у него найдутся свободные двадцать тысяч долларов, то он вполне может вложить их в Кашельмару. Чарльз Мариотт ответил, что да, он вполне может вложить эти деньги в Кашельмару и непременно обсудит этот вопрос с Сарой, когда она с детьми весной приедет в Нью-Йорк.

Вы можете подумать, что со временем я стал меньше тосковать по Саре, но нет – я тосковал по ней все больше. Даже перестал рассказывать священнику о своих нехороших снах, потому что вскоре мне надоело потрясать его своими исповедями.

– Ты, женатый человек, сын мой, возделеешь к замужней женщине, – произносил он приевшиеся слова, – а потому твои мысли вдвойне непристойны.

– Но вы дадите мне прощение, отец? – умолял я, ведь, по правде говоря, я в некотором роде вел опасную жизнь и один из моих страхов был страх умереть насильственной смертью, прежде чем я получу отпущение грехов.

Я всегда изо всех сил старался достичь благодати, но спустя какое-то время мои греховные мысли вывели священника из себя, и я перестал ходить на исповеди.

Я расстроился, потому что был человеком религиозным, как и любой другой благопристойный ирландец, и ожидал кару Господню в полной мере, но ничего не случилось, если не считать того, что Джим О'Мэлли повысил мне жалованье и предложил выбрать любую из шлюх его нового борделя.

– Спасибо, Джим, – поблагодарил я. – Ты щедрый человек, я это знаю. Но ничего не изменилось: на какую бы женщину я ни посмотрел, через

две секунды уже видел, что она Саре и в подметки не годится. К тому же я боялся болезней, которыми можно заразиться от продажных женщин. От того, что я видел в Нью-Йорке, и от того, что слышал о нем, волосы вставали дыбом. Я всегда считал воздержание глупостью, но в те дни вел такой же воздержанный образ жизни, как монах-бенедиктинец.

Это тоже не облегчало мою жизнь в Нью-Йорке.

Лорд де Салис написал, что не может согласиться на путешествие своих детей в Америку – это слишком далеко. Но если Сара решит поехать одна, он не будет этому препятствовать.

Я проснулся как-то утром в феврале, и вся жара прошла, стоял такой лютый холод, что я бы душу продал за то, чтобы посидеть у огонька. Лежал в кровати и думал об Ирландии и, наверное, никогда в жизни не чувствовал себя таким несчастным. Дошел до того, что даже мессу пропускал.

Теперь, думал я, Господь наверняка протянет руку с небес и покарает меня. Сначала я перестал ходить на исповеди и вот уже повернулся спиной к самому Святому причастию. Храни меня Господь, потому что наверняка со мной случится что-нибудь ужасное.

Но ничего не случилось. На той неделе я выиграл двести долларов в фаро, а Чарльз Мариотт сказал, что Сара решила приехать в Нью-Йорк в апреле без детей.

После этого я перестал ходить на мессу. Хотел делать вид, что страшусь греха прелюбодеяния, но не мог, а если я не мог лгать себе, то и Господу лгать не смогу. Единственное, что меня волновало, – это Сара, и плевать я хотел, что мы оба несвободны, потому что наша связь станет чем-то большим, чем любой брак, а Сара обещала значить для меня больше, чем лучшая жена в мире для любящего мужа.

5

Мы не могли ждать. Она поехала домой к брату, и я вместе с ней. И как только набралась смелости, Сара сказала ему, что хочет прогуляться со мной по Пятой авеню. Чарльз ее отпустил, хотя и злился ужасно, но ни ее, ни меня это не волновало.

Мы отправились ко мне. К тому времени я занимал две хорошо меблированные комнаты на Четвертой авеню. Да, в доходном доме, но там есть два класса жилья, это известно всем, кто когда-либо жил в Нью-Йорке: высший класс, где селятся честные, уважаемые работяги, и низший класс,

который не лучше выгребной ямы, отчего у доходных домов такая плохая репутация. Доходный дом, в котором жил я, отличался чистотой и хорошо содержался, а когда в мою квартиру вошла Сара, мое жилье показалось мне не хуже королевского. Я глазам своим не верил – так она была красива. Я был сражен и мог только смотреть на ее дрожащие пальцы, которые пытались расстегнуть пуговицы платья. Потом попытался расстегнуть пуговицы и я, но находился в таком состоянии, что они проскальзывали через пальцы. Господи Иисусе, мы были так неловки, что нам не оставалось ничего иного – только рассмеяться, и тогда мы снова стали самими собой, и попытка нашей долгой разлуки закончилась.

Я так отвык от занятий любовью, что, будь сторонним наблюдателем, я бы себя обсвистал и обсмеял, но страсть ее была так велика, что вскоре я предпринял еще одну попытку. Потом просто не знаю, что случилось со временем, – только я увидел темноту за окном.

Позднее, когда зажигал свечу, она спросила, был ли я верен ей. Когда же ответил: да, она сказала, что не верит. Я и сам не мог поверить, но это правда. Мы снова рассмеялись, но потом Сара расплакалась и просила меня никогда не оставлять ее, а я ответил, что это я должен молить ее об этом, а не она. Но Сара все равно никак не могла поверить, что я ее люблю. Мне пришлось много раз повторять ей это, и наконец я все же убедил ее.

Я проводил ее до дома Мариотта к полуночи, брат ждал ее. Я видел, что он в ярости, но Сара обняла его и так страстно принялась умолять простить ее, что ему ничего не оставалось, как сменить гнев на милость, но, когда она ушла наверх, Чарльз сказал мне:

– Я ради Сары не хочу никаких скандалов. И не желаю, чтобы моя сестра становилась посмешищем в обществе Нью-Йорка. Она может видеть вас, когда ее душе угодно, только не ждите, что вы будете обедать в этом доме или посещать те приемы, на которые ее будут приглашать. И еще: с вашего позволения, она все ночи должна проводить под этой крышей, а в следующий раз я буду вам признателен, если вы доставите ее домой не позднее десяти часов. Вы должны понять, я говорю это не из-за своей неприязни, но в силу заботы о Саре и, если она вам хоть чуточку небезразлична, полагаю, вы поймете, что в моих словах есть резон.

– Вы называете это резонансом? Я думал, это предрассудки.

Он и его «личная неприязнь»! Но ни Сара, ни я не хотели с ним ссориться после всего, что он сделал, чтобы нам помочь, поэтому я изо всех сил пытался проявлять учтивость. Сара же старалась не уронить его в глазах нью-йоркского общества.

Лорд де Салис стал забрасывать жену вопросами: что, мол, случилось

с предложением Чарльза Мариотта инвестировать в имение и когда она собирается вернуться?

Сара некоторое время не отвечала на его письма, а когда стала писать, то давала уклончивые ответы.

– Мои планы ясны, – объяснил я ей. – Я должен оставаться в Америке, пока не получу оправдания королевы. Я не могу вернуться в Ирландию до этого времени – меня тут же упрячут в тюрьму.

– Но как ты можешь получить оправдание? – в отчаянии спросила она.

Я задавал себе этот вопрос так часто, что у меня уже имелся готовый ответ.

– Мне поможет Клан-на-Гаел, – уверенно заявил я. – Ну ты знаешь, это фении. В Нью-Йорке и Бостоне их полно. Если вложить достаточно денег в их фонд, они доведут мое дело до героя Парнелла, а тот, я не удивлюсь, и до самой королевы. – Я понятия не имел, может ли из этой затеи что-нибудь выйти, но убедил себя, что как ни погляди, а в ней есть здравый смысл. Я бы не смог выносить Нью-Йорк, если бы хоть на минуту допустил, что никогда больше не увижу Ирландию. – А когда получу оправдание, – продолжал я, погружаясь еще глубже в свои мечты, – то пересеку Атлантику в обратном направлении и заставлю Хью Макгоуана пожалеть, что он родился на белый свет.

– Все упирается в деньги, – взволнованно бормотала Сара. – Может быть, Чарльз...

– Твой брат мне и гроша медного не даст, – горько ответил я, – а если бы и дал, то я бы не принял. Заработаю деньги по-своему, ты и глазом не успеешь моргнуть.

– И как долго...

– Год.

– Обещаешь?

Эх, это было тонкое дело. Одно дело языком трепать, чтобы повесить ей настроение, и совсем другое – обманывать ее намеренно.

– Нет, – сдался я наконец. – Не могу обещать. Ситуация может измениться. Но я буду стараться изо всех сил. Это могу тебе обещать.

– Все дело в детях, – стонала она, сплетая пальцы. – Мне так тяжело думать, что я долго их не увижу.

– Да, для тебя это ужасно. – Мне всегда становилось неловко, когда разговор заходил о ее детях, а заходил он довольно часто. – Но не теряй надежду. Может быть, удастся убедить твоего мужа расстаться с ними?

Но мне не верилось в это, в особенности еще и потому, что лорд де Салис продолжал ее донимать. Когда она возвращается? Не передумал ли

Чарльз относительно денег? Дети каждый день спрашивают, когда она вернется.

– Каждый день! – воскликнула со слезами на глазах Сара. И дня не проходило, чтобы она не разрыдалась, вспоминая о детях. – Ах, Максвелл, что мне делать? Я не могу долго быть без них. Я недостаточно сильна, но я не могу вернуться. Я и для этого недостаточно сильна.

– Получишь ты своих детей, – пообещал я.

Но меня беспокоило, что она на грани нервного срыва, и я, проглотив гордость, запросил аудиенции у Чарльза Мариотта.

– Если бы вы смогли съездить в Ирландию, – смиренно сказал я ему, – если бы вы смогли убедить лорда де Салиса отпустить детей на короткое время с вами в Америку...

– Ничего такого я не могу, – сразу же отрезал он. – Очевидно, что де Салис не отпустит детей. Они – гарантия того, что жена вернется к нему.

– И я думаю, вы считаете, что ей как раз и следовало бы вернуться! – взорвался я, не в силах сохранять смирение более ни секунды. – Вы считаете, что ей лучше находиться с извращенцем в Кашельмаре, чем в Нью-Йорке со мной?

– Я этого не говорил, – холодно ответил он. – В Кашельмару она не может возвратиться, это очевидно. Но думаю, ей следует вернуться в Лондон... или Дублин, если развод подпадает под юрисдикцию ирландского суда, и найти адвоката, который защищал бы ее интересы. Как ни посмотреть на эту ситуацию, но остается безусловный факт: опеку над детьми она может получить только через суд.

– Но я не могу вернуться в Ирландию, пока не получу оправдания...

– Хватит! – оборвал меня Чарльз Мариотт. – Простите за эти слова, но я полагаю, что это пойдет ей на пользу. Если вы будете находиться при Саре, это лишь уменьшит шансы на то, что суд вернет ей детей. Более того, это даже поставит под угрозу возможность развода.

– Она меня не оставит.

– Вы в этом уверены? – спросил он, и я понял, что не уверен.

Я дошел до того, что каждое утро просыпался в холодном поту: мне снилось, что она уехала. Мне слишком хорошо было известно, как много значат для нее дети.

– Детей необходимо вывезти сюда! – в отчаянии вскричал я. – Вы должны снова затеять с ним переписку – помахать деньгами перед носом Макгоуана.

– Не пытайтесь меня учить, что я должен делать, – ожесточенно прервал он меня. – Я уже слышался ваших приказов!

И вместо моих он стал слушать приказы Сары.

– Понимаю, Патрик никогда не расстанется со всеми четверья. – (Бедняжка Сара, да любое каменное сердце растаяло бы, когда она рассуждала об этом так спокойно, пытаясь сохранять мужество.) – Но может... удастся уговорить его расстаться с одним... или двумя...

Чарльз Мариотт начал объяснять что-то про возвращение и развод, но она не стала его слушать.

– Без Максвелла это исключено, – заявила она, и мое сердце чуть не разорвалось от гордости и облегчения. – Я больше никогда с ним не расстанусь.

Чарльз Мариотт помрачнел, когда она сказала это, но что он мог возразить? Сара – его сестра, и пусть я ему сто раз не нравился, он все же хотел для нее лучшего. И тогда Чарльз предложил:

– Я еще раз напишу Патрику, скажу, что подумываю сделать Неда моим наследником. Может быть, это убедит его отправить в Америку твоего старшего сына, чтобы я с ним познакомился.

И вот так получилось, что четырнадцатого декабря 1885 года я впервые встретился с досточтимым Патриком Эдвардом де Салисом, сыном и наследником одиннадцатого барона де Салиса из Кашельмары.

Глава 2

1

Ему исполнилось двенадцать, и Сара из всех своих детей чаще вспоминала именно его. Она была слишком хорошей матерью, чтобы любить кого-то из своих детей в ущерб другим, но если бы кого-нибудь из них и любила сильнее, то Неда.

– Я люблю всех моих детей, – снова и снова повторяла она мне. – Они все для меня значат что-нибудь особенное.

И это было удивительно, но не только потому, что отвечало действительности, но и потому, что женщина, обладающая меньшим достоинством, в сложившихся обстоятельствах чувствовала бы себя подавленной. Например, ее второй сын Джон был идиотом, а многие родители считают оскорбительным для себя, когда у них рождаются такие дети, но я ни разу не слышал от Сары недоброго слова в его адрес. Она все время твердила, какой он ласковый, и ни слова о том, что мальчик не умеет ни читать, ни писать. Но я знал об этом, поскольку мисс Маделин де Салис из амбулатории поделилась этим с Эйлин, а уж мисс де Салис ни разу в жизни не солгала. Потом была ее младшая дочь, Джейн, зачатая так, что сам дьявол ужаснулся бы. К тому же она была некрасивая и дерзкая девочка, если верить мисс де Салис. «Ах, Джейн такая красотка, она будет привлекательной, когда вырастет, не удивлюсь, если даже привлекательнее Элеоноры», – сказала Сара с такой искренностью, что я даже подумал, уж не привирала ли мисс де Салис. «Она, конечно, немного капризна, но у всех детей бывает период, когда они капризничают».

О Джейн она говорила даже больше, чем о Джоне и Элеоноре, но о Неде еще больше, чем о Джейн.

Я отправился с Сарой в гавань встречать пароход, хотя Чарльз Мариотт не хотел, чтобы я там был, и предупредил сестру, что не поедет, если поеду я. Сара заявила, что и слышать об этом не хочет, и они поссорились, и Чарльз остался дома в благородном гневе, а мы с Сарой в его коляске поехали в гавань.

Сара так нервничала, я боялся, как бы она не упала в обморок. Пассажиры начали сходить по трапу, а она принялась говорить – и все ни о чем конкретном, – и цеплялась за мою руку, словно боялась упасть от

волнения, и все это время шарила глазами по толпе – где ее дорогой мальчик.

Удивительно, что, несмотря на ее возбуждение, я его заметил первым. Он стоял, облокотившись на борт, на палубе и оглядывал толпу внизу. Я видел его раз или два, когда он отправлялся на прогулки верхом вместе с отцом, и узнал золотистый блеск его волос.

Сара начала плакать, но от восторга и счастья. Она все повторяла, что никак не может поверить в его приезд, а когда я смотрел на ее сияющее от счастья лицо, в голове вертелось только одно: значит, так тому и быть. У меня было немало времени привыкнуть к тому, что Нед будет с нами, и, хотя мне не нравилась мысль о том, что придется делить Сару с кем-то еще, я понимал, как важен для нее его приезд. А кроме того, я пережил немало мучительных месяцев разлуки с собственными детьми и, хотя теперь смирился с тем, что мне их еще долго не увидать, прекрасно знал, каково это – тосковать по сыну. И ко времени приезда Неда убедил себя, что буду рад возможности приглядывать за мальчиком. Я не сомневался, поначалу для него будет трудно воспринимать меня как отчима, но я был готов относиться к нему как к сыну. В конечном счете все время повторял себе: у бедняги самый ничтожный из отцов, какие только бывают, так что я, по крайней мере, мог показать ему пример того, чего ему не хватало.

Он спустился по трапу.

Парень и впрямь выглядел отлично – высокий для своих лет, настоящий молодой джентльмен по тому, как гордо он держал голову. Нед здорово походил на своего отца, но я сказал себе, что это никак не должно влиять на мое отношение к нему. Поначалу он двигался медленно, чуть ли не лениво, словно хотел показать миру, какой он взрослый, но, когда увидел выражение лица Сары, тут же бросился в ее объятия.

– Как ты вырос! – вот все, что она смогла сказать, снова плача от радости. – Ах, как ты вырос!

Он рассмеялся. Когда я увидел, как Нед пытается освободиться из ее рук, сочувственно улыбнулся, потому что знал: ни один двенадцатилетний мальчишка не любит, когда мать слишком долго целует его. Но когда освободиться ему не удалось, он вежливо сдался и нежно, по-медвежьи, обнял ее, и она от радости даже охнула.

– Разве ты один? – спросила она, когда перевела дыхание. – Твой отец обещал прислать с тобой наставника. Ты еще слишком маленький, чтобы путешествовать в одиночестве.

– Мой наставник ушел, а мистер Макгоуан сказал, что можно сэкономить, не платя за лишний билет, ну и конечно, мама, никакой я не

маленький!

– Разумеется, – согласился я. – Ты считай что взрослый.

Он развернулся. А когда увидел меня, его спина так резко напряглась, что Саре пришлось отпустить его.

– Максвелл, я должна вас представить, – скороговоркой произнесла она. – Познакомься – это Нед. Нед, это мистер Максвелл Драммонд. Я думаю, ты помнишь.

Он стоял словно вкопанный.

– Привет, Нед. Как поживаешь? – сказал я, протягивая руку.

Нед будто не заметил моей руки.

– Будьте так добры, для вас я мастер де Салис, – холодно отрезал он и, повернувшись к матери, грубо, как какой-нибудь уличный мальчишка, прорычал: – Когда, черт возьми, ты вернешься домой?

2

Господи боже, эта минута была ужас какой неловкой, тут и думать нечего, но, к счастью, Сара пребывала в таком радужном настроении, что ее трудно было огорчить.

– Дорогой, пожалуйста, не будь таким невежливым с мистером Драммондом. Он мне очень помог в Нью-Йорке.

Я решил не ждать, когда Нед прокомментирует ее слова... или вообще что-нибудь.

– Сара, я дождусь багажа, – заявил я. – Идите к экипажу.

– Нед, сколько у тебя вещей?

– Один кофр и один сундук, – процедил он, и уголки его рта опустились.

Вот ведь хмыренки! Если бы кто из моих сыновей повел себя так, я бы, ни секунды не медля, достал мой лучший кожаный ремень.

Багаж пришлось подождать, но потом я нанял носильщика, который отнес все это к экипажу Мариотта, а я открыл дверь, чтобы попрощаться с Сарой.

– Завтра утром зайду, как обычно, – сказал я, потому что мой рабочий день начинался в пять вечера, а по утрам я обычно был свободен. – Может быть, мы все вместе сходим на ланч в «Дельмонико».

Если парень поймет, что я могу пригласить его мать в такое место, как «Дельмонико», он дважды подумает, прежде чем смотреть на меня со

своего аристократического висока.

– Это будет мило, – прошебетала она, и ее лицо снова засветилось.

А я подумал, хватит ли ей духу, чтобы поцеловать меня перед сыном. И ей хватило. Мужества и честности ей хватало, и я никогда не любил ее сильнее, чем после этого.

Я проводил взглядом экипаж, прогрохотавший по грязной мостовой, и вспомнил собственных сыновей – Макса и Дениса – далеко в Дублине, а когда добрался до своей квартиры, затосковал по самые уши. Выпил виски, но все виски в мире не могло разогнать мою тоску, а когда попытался написать сыновьям, то совсем впал в уныние, потому что знал: они не ответят. Но настанет день, и они поймут, почему я должен был встать против Макгоуана и рискнуть всем, что имел. Настанет день, и они поймут, что остались бездомными не по моей вине, а по вине Макгоуана и всех этих веков саксонских злоупотреблений и преследований.

И вот я думал и думал в этом ключе, пока наконец не забыл о моих мальчиках и не стал думать только о возмездии, которое воздам, вернувшись в Ирландию. Эти мысли быстро разогнали тоску, а слегка отоспавшись после выпивки, я надел свой лучший костюм, взял револьвер и отправился на работу.

На следующее утро зашел за Сарой.

Она приняла меня в маленькой комнате – мистер Чарльз Мариотт требовал, чтобы, перейдя порог его дома, я направлялся прямо туда, – и я сразу же понял, что вчерашнее радостное воссоединение стало главной сегодняшней проблемой.

– Я с ним говорила и говорила, – бормотала она, возбужденная нашим поцелуем, – но не могу заставить себя сказать ему правду. Чарльз твердит, что ему еще слишком рано это знать, но если Неду не рассказать, то он не поймет, почему я не могу вернуться к его отцу.

– Постой. – Я крепче прижал ее к себе, пока она не перестала дрожать. – Давай сядем и все обсудим спокойно.

И мы сели на мягкие сиденья, на темно-красной стене напротив нас висела огромная картина Гудзоновой долины, а в стеклянном аквариуме сидело чучело рыбки. Рыбка, казалось, всегда наблюдала за нами, и я, каждый раз глядя на нее, думал о той счастливой душе, которая не съела ее, как она того заслуживала, а сделала из нее чучело.

– Прежде всего, – начал я, взяв ее руку и говоря четко и рассудительно, – Нед должен знать, что происходит в Кашельмаре. Ему двенадцать лет, а мальчишки в двенадцать знают уже все, что нужно знать.

– Нет, он не знает. Нед никогда не учился в школе. Никто с ним об этом

не говорил. Я уверена, он совершенно невинный ребенок.

– Ерунда, – возразил я. – Это невозможно.

– Максвелл, ты не понимаешь. Мальчик, принадлежащий к его классу... – Она прикусила губу. – Не знаю, может, ты и прав, – прошептала она секунду спустя, – но из моих с ним бесед после его приезда я поняла: он даже не догадывается о том, что происходит. А мне не хватило мужества спросить у него напрямую, потому что... Максвелл, я боюсь ему говорить, но в то же время хочу, чтобы он знал. Если только он будет знать, то наверняка простит мне все.

– Ты, конечно, объяснила ему, что ни в коем случае не вернешься.

– Объяснила, но он и слушать не хочет. Говорит, что я должна передумать. Вот почему я уверена, что Нед не понимает.

– Пора ему уже понять, – проворчал я. – Я с ним поговорю.

– Но Чарльз считает...

– Бог с ним, с Чарльзом. Я не буду стоять с закрытым ртом, когда желторотый мальчишка требует, чтобы ты вернулась и жила с пьяницей и извращенцем.

– Но, Максвелл... – Она замолчала.

– Да?

– Может быть, лучше с ним поговорить Чарльзу? Понимаешь...

– Почему?

– Понимаешь... – Она не могла придумать, что сказать дальше.

– Ты мне не доверяешь?

– Конечно доверяю. Но может быть, лучше, если он узнает правду от Чарльза – своего дяди?

– Послушай меня, кто бы ему ни сказал, Неду придется нелегко. У твоего брата нет сыновей, а у меня – два. И я знаю, что говорят детям в его возрасте. И потом, судя по твоему брату, ему нелегко говорить о блуде с собственной женой, а уж рассказывать о содомии племяннику будет и того труднее. Я это сделаю, Сара, и ты не должна беспокоиться, я найду нужные слова.

– Ты с ним будешь добр? – спросила она, едва сдерживая слезы. – Ты будешь мягок?

– Он твой сын. И я бы хотел относиться к нему как к собственному.

Если он позволит, добавил я про себя, но не сказал ей, что начал пересматривать отношение к этому высокомерному маленькому снобу, которого она притащила в Америку. А вскоре я вообще пожалел о том, что так горел желанием объяснить ему поведение его матери, потому что, едва расставшись с Сарой, ясно понял: это будет не разговор, а черт-те что.

Я решил не попадаться ему на глаза в течение недели, дать ему шанс остыть. И оказался прав: Сара сообщила, что ситуация улучшилась. Чарльз проявлял интерес к племяннику и заступался за Сару. Нед забыл о своей хандре, решил оставить мысли о доме и получать удовольствие от Нью-Йорка. Днем Сара водила его то в зоопарк, то в Центральный парк, то в театр, а Чарльз познакомил его с детьми своих друзей, и они вместе катались на лошадях, и, только когда Сара сказала мне, что Нед снова заговорил о Кашельмаре, я решил сделать свой ход.

– Я приглашу его на обед, – предложил я, ведь он вряд ли станет в этом случае ссориться со мной, и мы будем к тому же находиться в публичном месте. Кроме того, я знал отличный ресторан между парком Грамерси и Бродвеем, где я мог получить скидку по счету. – Сделай так, чтобы я увидел его завтра, когда приду, и я его приглашу.

Я не был уверен, согласится ли он увидеть меня, но знал, что Сара сумеет его убедить, и вот чудеса: когда я пришел, он спустился с ней в маленькую комнату и встал неподвижно под чучелом рыбки. На сей раз я не совершил прежней ошибки – не протянул ему руку, просто улыбнулся и поинтересовался, как ему нравится Нью-Йорк.

– Ну, это познавательно, думаю, – высокомерно процедил он, – но я не могу сказать, что меня так уж интересуют города.

– Тогда у нас есть по крайней мере одна общая черта, потому что я тоже не выношу города. Может быть, ты окажешь мне честь – пообедаешь со мной как-нибудь вечером, и мы поговорим час-другой про Ирландию.

Он посмотрел на мать. Та ответила ему таким трогательным взглядом, от которого у любого мужчины голова пошла бы кругом, а у него уголки рта снова опустились.

– Хорошо, – коротко согласился Нед. Не добавив ни «спасибо», ни «сэр», ни даже «мистер Драммонд». Он был упрям как осел.

– Завтра тебя устроит? – уточнил я, а когда он мрачно кивнул, добавил: – Я приду в семь. – После чего повернулся к Саре, чтобы она завершила беседу.

– Я поеду прогуляться с мистером Драммондом, – сообщила она ему. – Ты не хочешь с нами, дорогой?

«Дорогой» сказал нет, не хочет, огромное спасибо, и нам с Сарой удалось ускользнуть в мою квартиру для нашего обычного утреннего времяпрепровождения. Я никогда не покидал дом на Пятой авеню с

большим облегчением; но казалось, и глазом не успел моргнуть, как снова очутился там – ждал Неда. Когда тот появился в маленькой комнате с опозданием на десять минут, то даже слова извинения я от него не услышал.

Мы отправились пешком к парку Грамерси. Выбранный мной ресторан прежде принадлежал Райану. Джим О’Мэлли купил его у Райана, и управляющим здесь работал Лайам Галахер, мой старый приятель. Это было шикарное заведение, куда шикарнее остальных ресторанов Джима. Обеденный зал освещался лампами с громадными цветными абажурами – их называли лампами Тиффани, вот только в настоящих лампах Тиффани абажур был из витражного стекла, такого дорожущего, что их могли себе позволить самые богатые, а здесь висели имитации с расцвеченным стеклом. Стены были обиты панелями, а на столах лежали белоснежные ирландские скатерти. Что же касается еды, то еду подавали первоклассную, никакой тебе этой французской дряни, пропитанной соусом и воняющей чесноком, – настоящие, простые честные ирландские блюда, от которых у любого ирландца слюнки бы потекли. Здесь готовили громадные стейки и толстенные сочные котлеты, к тому же и традиционные блюда с беконом, а печеный картофель был – пальчики оближешь, в жизни ничего лучше не ел, вкус такой, что даже маслом не нужно приправлять. Вкуснее еды в Нью-Йорке, чем картофель у Райана, для меня не было, а мой друг Лайам Галахер всегда следил, чтобы мне подавали не одну картофелину, а две. Американцы равнодушны к картофелю, каким бы вкусным он ни был, а некоторые народы в Нью-Йорке вообще его не едят, предпочитают какую-то отвратительную белую жидковатую дрянь, которую называют всякими языческими именами.

Я уже предупредил Лайама, что приду с другом, и он зарезервировал для меня угловой столик у окна.

– Макс, кто твой друг? – спросил Лайам, когда мы пришли, и я без запинки ответил:

– Это досточтимый Патрик Эдвард де Салис, сын и наследник лорда де Салиса из Кашельмары. Мастер де Салис, позвольте представить мистера Лайама Галахера.

Лайам смотрел ошеломленным взглядом, возможно вполне искренним, но тут же пришел в себя, поздоровался с Недом и спросил, что он будет есть.

– Меню у вас есть? – спросил Нед, как всегда высокомерным тоном.

Лайам подал меню и подмигнул мне:

– Стейк, как обычно, Макс?

– Нет, сегодня я буду баранью котлету. И конечно, не забудь мою картошку.

– Как я могу забыть? Пинту стаута?

– Подойдет. Нед, стаут к еде?

Нед отрицательно покачал головой. Лайам услужливо предложил ему сидр, но он и от этого отказался. Официант Джо мгновенно принес мой стаут, корзиночку свежесдобитого разрыхленного хлеба, еще горячего, только-только из духовки, а еще блюдечко с маслом, таким жирным, словно я сам его сбивал.

– Попробуй, – предложил я Неду.

Он в третий раз отрицательно покачал головой.

Терпение мое лопнуло. Ладно, подумал я, если хочешь так, пусть будет так, и я закрыл рот. Молчание длилось. Я отхлебнул немного стаута, съел хлеба, а когда принесли наши котлеты, без слов взял вилку и нож. К этому времени Нед начал чувствовать себя неловко. Он беспокойно ерзал на своем стуле, и, хотя и пытался есть котлету, половина осталась на тарелке. В конце концов я пожалел его. Он был всего лишь мальчишкой и, вероятно, совсем не таким самоуверенным, каким хотел казаться.

– Пудинг? – коротко спросил я.

– Нет, спасибо, – ответил он, глядя на свою тарелку, и теперь я понял, что он стал доступнее.

Я заказал ватрушку и чай. Чай у Райана варят по-настоящему, в отличие от других известных мне американских заведений, я всегда после обеда здесь выпивал большой чайник. Как только Джо принес заказ, я подался вперед так быстро, что Нед подпрыгнул, и сообщил ему самым спокойным голосом:

– Твоя мать просила меня обсудить с тобой кое-что. Ты меня выслушаешь по-человечески или мне придется объяснить ей, что ты вел себя слишком грубо и разговаривать с тобой было невозможно?

Он проглотил слюну и заставил себя произнести:

– Конечно, говорите то, что хотели.

– Ты должен обращаться ко мне «сэр», – указал я. – Тебе двенадцать лет, а мне за сорок, уже по одному возрасту я заслуживаю некоторого уважения с твоей стороны.

Он уставился в скатерть. Ни одна статуя еще не была такой неподвижной.

– Почему тебе так трудно быть вежливым со мной? – поинтересовался я. – Ведь не потому же, что твоя мать – моя любовница: когда мы впервые встретились, ты не знал, что мы с ней делим постель.

Он вскинул голову и уставился на меня словно ужаленный, и я увидел ужас в его глазах.

– Вижу, тебе понятно, что это означает, – заключил я, глядя на него. – Я так и предполагал.

Он словно лишился дара речи. Лицо у него побагровело, губы сомкнулись, и я вдруг понял, что он сейчас может расплакаться. Нед был еще совсем мальчишкой.

– Послушай, – начал объяснять я, смягчая голос, стараясь говорить как можно дружелюбнее, – я не питаю к тебе никаких недобрых чувств. Я люблю твою мать и буду защищать ее, что касается тебя, то очень хочу, чтобы мы стали друзьями. Я был честен с тобой, почему бы тебе не ответить мне тем же и не сказать, отчего ты относишься ко мне как к грязи под ногами? – (Он попытался подобрать слова, но у него ничего не получилось.) – Потому что ты думаешь, что я недостаточно хорош для твоей матери? – спросил я. – В этом причина?

– Нет, – пробормотал он, – не поэтому. Потому что вы враг моего отца.

Я уставился на него, сам не понимая, почему его слова застали меня врасплох. Наверное, из-за того, что мне казалось, он мнение отца и в грош не ставит. В конечном счете такое существо, как де Салис... Но может, де Салис умнее, чем я о нем думал.

– Нед, я враг Макгоуана, – заявил я, инстинктивно почувствовав, что не должен плохо говорить о де Салисе, а все свои обвинения и критику следует обрушить на Макгоуана. – Мои претензии к твоему отцу состоят в том, что он идет на поводу у Макгоуана, а Макгоуан принес твоей матери столько страданий, сколько не доставалось на долю ни одной женщины.

К моему удивлению, он, казалось, сразу же почувствовал себя свободнее. Распрямил спину и высоко поднял голову.

– Я понимаю, что мама была несчастна дома, – признался он, – но это произошло потому, что она не умела подходить к их браку практически. Отец все мне об этом рассказал. У нас была долгая беседа, когда стало ясно, что она не собирается возвращаться из Америки, и отец мне все объяснил.

– Все? – переспросил я, чувствуя некоторое смущение.

– Да, сэр. Он сказал, что они с моей матерью никогда не были счастливы, как ни старались. И наконец стали так несчастны, что моя мать больше не захотела жить с ним, как должна жить жена. Папа сказал, что понял это, поскольку и сам не хотел жить с ней, так что для них обоих было лучше жить каждому своей жизнью, хотя ради нас, детей, они внешне сохраняли семейные отношения и жили под одной крышей. Но папа еще

сказал, что мама не была готова позволить ему жить своей жизнью. Мама хотела, чтобы он и дальше продолжал лгать, но папа не хотел жить во лжи. Он стремился быть честным. И любил мистера Макгоуана больше, чем любил ее. Сказал, что мистер Макгоуан лучший из всех друзей, какие у него когда-либо были, и он всегда в его обществе чувствует себя счастливым и спокойным. И ему легко жить с мистером Макгоуаном как с другом, но невозможно жить с моей матерью как с женой. – Мальчик замолчал. Теперь дара речи лишился я, а он, приняв мое ошеломленное выражение за неодобрение, поспешил добавить: – Он сказал, что сочувствует моей матери, но гораздо лучше смотреть правде в лицо, чем отворачиваться от нее. Моя мать не желала видеть правду, а хотела разделить семью, забрав у него детей, но он нас слишком любит, чтобы отдать ей. Папа сказал, если бы она по-настоящему нас любила, то не уехала бы из Кашельмары, а если бы любила, то вернулась бы. Я не уверен, что тут он прав, сэр, потому что она любит нас, но, думаю, мама должна вернуться домой. Я не о себе пекусь, ведь я почти взрослый, а мои сестренки совсем маленькие, да и мой брат не такой взрослый, как я. Знаю, она не любит мистера Макгоуана, но он и кузина Эдит перестраивают Клонах-корт, и папа утверждает, что если мама вернется, то снова сможет быть хозяйкой своего дома, а он и мистер Макгоуан и вовсе ее не будут беспокоить.

– Нед... – произнес я.

– Да, сэр?

– Думаю, ты не вполне понял, что пытался тебе объяснить твой отец. Дело ведь в том, что они с мистером Макгоуаном не только за ручку здороваются.

Он ошеломленно смотрел на меня. И тут я все понял: де Салис был с ним честен, но выражался расплывчато, а мальчик сострадательный, но наивный. Я знал, что нужно быть очень осторожным в этот момент, а потому, прежде чем продолжить, задумался. Я не могу оскорблять де Салиса, но при этом должен открыть Неду правду. Согласиться с тем, что де Салис был с ним честен, но не до конца. Объяснить ему, в каком аду жила Сара, и назвать Макгоуана воплощением дьявола, но оставить мальчику самому решать, что собой представляет его отец. Осторожно, внимательно, на цыпочках.

– Нед, предположим, что мистер Макгоуан – женщина, – услышал я собственный голос. – Ты бы в этом случае по-прежнему настаивал, чтобы твоя мать вернулась?

– Но он не женщина, – возразил Нед.

– Вот именно, – подтвердил я. – Тем больше оснований у твоей матери отказываться от возвращения.

Он вытаращился на меня. Я увидел, как морщинки недоумения сошли с его лица и оно наконец стало очень гладким, свежим и юным. Потом Нед отвернулся. Посмотрел на чайник, на тарелку с нетронутыми ватрушками, на чистейшую скатерть, отливающую белизной под лампами Тиффани.

– Твой отец был прав, – сказал я, стараясь говорить как можно более нейтральным голосом. – Лучше смотреть правде в лицо, а правда состоит в том, что он хотел, чтобы твоя мать смирилась с его неестественной любовью к его управляющему. Единственная причина, почему твоя мать так долго терпела это, – ее любовь к детям: она не могла вас оставить, но Макгоуан превратил ее жизнь в такой ад, что можно лишь удивляться, как она выжила и смогла рассказать о том, что с ней случилось. В какой-то момент он настолько запугал ее, что твоя мать носила нож под нижней юбкой для самозащиты, так как твой отец абсолютно честно сказал ей – да, я должен признать, он честный человек, – что он и пальцем не шевельнет, если Макгоуан сочтет нужным избить ее.

Я сделал паузу, вокруг нас разговорами и звоном рюмок и столовых приборов звучал ресторан.

– И если ты хочешь честности... – Я больше не мог сдерживаться, и мой голос утратил спокойствие, мне хотелось обуздать себя, но при мысли о прошлых страданиях Сары я пришел в такую ярость, что в глазах у меня помутилось и на пять темных, мутных секунд я забыл о необходимости сдерживать себя. – И если ты хочешь честности, то позволь мне сообщить тебе, что в последний раз, когда твой отец настаивал на исполнении своих супружеских прав, ему пришлось прийти в спальню с Макгоуаном, без которого он не мог быть мужчиной по отношению к твоей матери. Так что давай больше не будем обсуждать ее возвращение в Кашельмару, и ты должен не злиться на нее за то, что она уехала, а быть ей благодарным за то, что она продержалась так долго.

Я сумел ухватить себя за язык и опустил тот факт, что Макгоуан изнасиловал Сару, но проклинал себя за то, что брякнул больше, чем собирался. Я дышал неровно, мои кулаки сжались сильнее, чем когда-либо, но Нед не шелохнулся. Он пялился на салфетку у себя на коленях, и я не видел выражения его глаз. Его лицо побелело и оставалось неподвижным.

– Извини, – тяжело сказал я. – Не собирался тебе это вываливать, просто хотел, чтобы ты понял, что перенесла твоя мать за эти годы.

Стул заскрежетал по полу – Нед встал. Его салфетка упала на пол.

– Нед...

– Прошу меня простить, сэр, – вежливо сказал он и бросился из зала.

Я вскочил на ноги, крикнул Джо: «Скажи Лайаму, что я заплачу потом!» – и побежал следом.

Бежал за ним до парка Грамерси и догнал, только когда мальчишка остановился у его северной стороны. Он ухватился двумя руками за ограду, уперся лбом в железные решетки, и его начало рвать.

Ах ты, несчастный малец, думал я, стоя в стороне в ожидании, когда его кончит выворачивать. Мне и самому было не по себе, поскольку я понимал: хотя начал неплохо, но потом все изгадил. Теперь же только и мог, что бесконечно повторять себе: я заглажу вину. Буду с тобой в десять раз добрее и покладистее. А если ты когда-нибудь обратишься ко мне за поддержкой, то получишь любую помощь, которая может потребоваться мальчишке.

Когда рвота у него прекратилась, я предложил увести его домой, но он снова попытался убежать от меня – пришлось побороться с ним немного на тротуаре.

– Я отведу тебя домой, – повторил я. – До самой двери. Я за тебя отвечаю, и твоя мать никогда не простит мне, если я отпущу тебя одного искать дорогу домой.

Нед предпринял тщетную попытку ударить меня, но наконец сдался. По его лицу текли слезы.

Я хотел было дойти до Бродвея, а там сесть в трамвай, но чувствовал: ему необходима приватность темноты, поэтому мы пошли пешком до Четырнадцатой улицы, потом через Юнион-сквер вышли на Пятую авеню. Парнишка плелся рядом со мной, не говоря ни слова, но я время от времени слышал его сдавленные рыдания, а когда мы добрались до особняка Мариотта, Нед попытался отереть слезы рукавом.

– Мы можем подождать минуту, прежде чем войти, если хочешь, – предложил я, остановившись у ворот, и хотя он категорически затряс головой, но тут же снова стал плакать, и мы задержались.

Я прислонился к стене, закурил сигарету, чтобы он не думал, что я тарашусь на него; наконец ему удалось пробормотать тихим дрожащим голосом:

– Я хочу вернуться домой и хочу, чтобы мама вернулась со мной. Я обещал привезти ее. Что теперь будет с нами?

– Вскоре я увезу домой вас обоих. Твои отец и мать уладят свои разногласия в суде, и все снова будет хорошо. Я тебе обещаю.

– Но я хочу жить в Кашельмаре, – заупрямился он. – Я не хочу жить ни в каком другом месте.

– И в самом деле, почему бы тебе не жить там? Ты наследник. Когда-нибудь Кашельмара будет принадлежать тебе.

И вдруг я подумал: Пресвятая Богородица, вот это мысль! И к бабке не ходи.

– Но если мои родители не живут вместе, а я должен заботиться о маме...

– Ну-ну, – проговорил я голосом мягким, как овечья шерсть, – сейчас не нужно об этом думать. Давай не будем решать проблемы, пока они не появились.

Только вот я их уже решал. Нужно избавиться от Макгоуана. Де Салису наплевать на Ирландию или Кашельмару, так что без Макгоуана он там не останется. Он может уехать в Англию и жить там со своими братьями. Безусловно, понадобится некоторое убеждение... Мы могли бы предложить ему условия, которые устроят всех: пусть время от времени приезжает повидаться с детьми, получает содержание. Тогда Сара будет жить в Кашельмаре с детьми, а я... Неду ведь понадобится кто-то, кто управлял бы имением, пока он не достигнет совершеннолетия, а где найдешь такого управляющего, который знал бы долину так, как я, и соблюдал бы интересы владельца, как свои собственные? Я бы даже мог пригласить в помощники своих мальчиков. Мне вдруг привиделись письма от них: Максвеллу Драммонду, эсквайру, Кашельмара, графство Голуэй.

– Я, пожалуй, пойду, сэр, – пробормотал несчастный малец, стоявший рядом со мной.

– Конечно, Нед, – доброжелательно ответил я. – Надеюсь, наша следующая встреча будет не такой мрачной.

Я проводил его взглядом: он пересек двор, поднялся по ступенькам к входной двери, но, даже когда дворецкий ответил на звонок, я не спешил уходить. Смотрел на золоченые ворота и думал о Кашельмаре, и все честолюбивые устремления, которые терзали меня в жизни, ускорили ток крови по моим жилам.

Глава 3

Мы с Сарой, конечно, много говорили о будущем, но никто из нас до конца не верил, что мы когда-нибудь будем жить в Кашельмаре. Сара предполагала, что по разводу получит деньги, которые позволят ей купить небольшой загородный дом с сельскохозяйственными угодьями, а я собирался подыскать что-нибудь подходящее, пока она обсуждает свои дела с адвокатами. Я мечтал вернуться в Джойс-кантри, где находилась Кашельмара, но понимал, что, если начать с нуля в новом месте, это может иметь свои преимущества; а поскольку со стороны Сары жизнь в Ирландии будет жертвой, то я думал о том, что лучше бы мне отказаться от Коннахта в пользу Ольстера. Я не был чужим в тех краях, потому что мой отец увозил свою семью туда во время самого страшного периода Великого голода в сороковые. Тогда я был совсем ребенком, и воспоминания об Ольстере у меня остались весьма туманные. Но я точно знал, в Ольстере есть богатые земли, и полагал, что если у меня будет приличная ферма, то я буду зарабатывать больше денег, чем когда-либо в моем доме у Лох-Нафуи. Нет, деньги, разумеется, не самое главное в жизни, и в любом случае Сара получит что-нибудь после развода, но я не мог жить на ее средства, к тому же... К тому же мне нужно зарабатывать достаточно, чтобы жить как джентльмен. Нельзя жить с леди и не иметь возможности купить себе приличных простынь. Этому научила меня Эйлин.

Утром после моего обеда с Недом я поднялся рано, заварил себе на маленькой плитке большой чайник и принялся дожевывать остатки вчерашнего хлеба. Я все еще переживал из-за разговора с Недом, но, поскольку слово не воробей и ловить его, если уж выскочило, не имеет смысла, я заставил себя обдумывать план жизни в Кашельмаре. Но как выложить это Саре? Кашельмара таит для нее неприятные воспоминания, значит нужно делать упор на другом – сосредоточиться на будущем ее старшего сына. Я взял последний кусок хлеба, положил на него остатки бекона, а потом посмотрел на золотые часы, которые выиграл недавно в покер. Восемь. Пора почистить револьвер, а потом отправляться к Мариотту за Сарой.

Револьвер у меня был знаменитой модели, кольт со множеством названий вроде «миротворец» и «одинарный шестизарядник». Уж что-что, а давать имена оружию в Америке умеют. Это был револьвер калибра 0.36 одинарного действия, то есть ты для каждого выстрела должен был

взводить его чертов курок вручную. Но американцы божатся, что револьверы одинарного действия стреляют точнее и лучше револьверов двойного действия, которые в ходу за Атлантикой. Возможно, они и правы. Я попробовал смит-вессон двойного действия, а потом был рад вернуться к моему «миротворцу».

Только я разобрал револьвер и начал его смазывать, как кто-то тихонько постучал в дверь.

– Кто там? – крикнул я, чувствуя себя незащищенным с разобранным пистолетом на столе, а в Нью-Йорке ты никогда не знаешь, чего ждать.

Схватив хлебный нож, я подошел к двери, сдвинул заглушку глазка (сам его прорезал в двери) и посмотрел на своего посетителя в тот самый момент, когда Сара прошептала:

– Это я.

Я распахнул дверь, обнял ее и затащил внутрь.

– Ты пришла одна! – Я был потрясен.

– Не могла ждать, пока ты придешь в десять. Сказала Эвадне, что иду пораньше в «Стюартс» с горничной, и взяла экипаж, прежде чем она успела возразить. – Эвадной звали ее невестку, малопривлекательную жену Чарльза Мариотта. – Максвелл, я так расстроена из-за... Что это?

– Ничего. Мой револьвер.

– Револьвер!

– Охраннику положено иметь револьвер – разве я тебе не говорил? – Она была так красива в меховой шапочке и муфте! Увидев ее, я почувствовал себя совсем растрепанным, потому что был без пиджака, еще не успел побриться – настоящий бежавший заключенный, каким я и был на самом деле. – Не бери в голову, – отмахнулся я, вытирая о тряпку руки, испачканные машинным маслом. – Садись и выпей чая. Полагаю, это Нед привел тебя в такое состояние.

В этот момент я принял решение не признаваться ей, что неудачно поговорил с ее сыном. Дело было не в том, что я стыдился за себя самого, просто хотел избавить ее от лишних забот и тревог.

– Да, Нед был ужасно расстроен, – подтвердила она. – И я тоже.

Он, как выяснилось, спросил ее, правду ли я сообщил ему о его отце и Макгоуане, а когда она ответила утвердительно, мальчишка заперся в своей комнате и отказался говорить с ней.

– Дай ему время. – Я с облегчением понял: Нед не стал пересказывать в подробностях то, что узнал от меня. – Ему нужно этим переболеть. Конечно, он потрясен.

– Но почему он до сих пор так сердится на меня? – возбужденно

спросила она. – Я думала, стоит ему узнать правду об отце, как он будет на моей стороне.

– Так оно и будет. – Я пытался успокоить ее.

– Максвелл, ты рассказал ему о...

– О чем? – Вопрос я задал слишком быстро, благодаря Бога за то, что могу, не греша против правды, сказать ей: нет, я не сообщил ему об изнасиловании, хотя и не скрыл от него, что Макгоуан присутствовал в ее спальне, но Сара, к счастью, имела в виду только мои с ней отношения. – Да, я рассказал ему, – ответил я, пряча свое облегчение. – А почему нет?

– Понимаешь, я...

– С каких пор ты стала стыдиться наших отношений?

– Дело не в этом. Просто, вероятно, для Неда все это было не по силам... все сразу... ты не понимаешь?

– Я хотел, чтобы он знал, что я люблю тебя и буду заботиться о тебе. Послушай, дорогая, у меня замечательная идея, которая вполне устроит Неда, и он тут же станет как шелковый.

И я рассказал ей о своем плане возвращения в Кашельмару.

Поначалу ее пробрала дрожь, но я этого ждал.

– Я надеялась, что никогда больше не вернусь туда.

– Конечно надеялась. Но Кашельмара когда-нибудь будет принадлежать Неду, верно? А если там не будет твоего мужа, а Макгоуан исчезнет...

Что-то в выражении ее лица заставило меня замолчать. Глаза ее сверкнули, как и всегда при упоминании о Макгоуане, и на моих глазах ее щеки порозовели, а чуть приоткрытые губы повлажнели.

– Ты не забудешь про мое ожерелье? – поинтересовалась она, а когда мы оба рассмеялись, сила ее ненависти зажгла во мне искру, и я возжелал ее.

Ожерелье стало шуткой, понятной только нам двоим. Она родилась в тот памятный вечер, когда мы пили за победу над Макгоуаном, и я обещал подарить ей его яйца, нанизанные на веревочку.

– Ни про тебя, ни про твое ожерелье! – поддразнил ее я и потянулся к ней.

Я забыл, что руки у меня в масле, и вскоре масло появилось повсюду – на ее нижних юбках и корсете, ее бедрах и груди, но нам обоим было наплевать. Она повторяла: «Пожалуйста, люби меня», и я ее любил, потому что, Бог свидетель, мне не требовалось никаких понуканий, а потом Сара пробормотала:

– Не знаю, что бы я стала делать, если бы потеряла тебя.

Она сказала это так, словно я собирался уйти от нее к другой женщине.

– Почему это ты должна меня потерять? – спросил я с улыбкой. – Ты вовсе не похожа на девочек, которые вечно все теряют!

Но я знал, что временами на нее находит хандра, несмотря на все мои заверения, и она все еще до безумия волнуется за своего мальчика.

– Ты не должна беспокоиться за Неда. – Я подошел к раковине и вытащил жестяную ванну. – Занимай его, чтобы у него не оставалось времени киснуть как мокрой курице. Пусть Чарльз наймет ему наставника. Уроки отвлекут его. – Я взял кувшин и принялся наполнять ванну водой. – Потом, когда он попривыкнет ко мне, я тоже буду выводить его. Мне это нравится. Я как раз вчера думал обо всех местах, куда мы могли бы сходить вместе.

– Если только он сможет принять тебя...

– Никуда не денется, – сказал я с гораздо большей уверенностью, чем чувствовал. – Какой у него есть выбор? Он должен быть на твоей стороне, а когда он это поймет, ему станет ясно, что мы все на одной стороне. И представь, какой его ждет сюрприз, когда ему станет ясно, что я вовсе не такое чудовище, как он думает!

– Это верно. – Сара наконец улыбнулась. – Да, ты наверняка прав, и мне не стоит так уж беспокоиться.

Мы приняли ванну. Масло липло к нам, как навоз к колесам телеги, но нам нравилось оттирать друг на друге масляные пятна.

– Жаль, что мы не в доме Чарльза, – сказала Сара, хихикая, как семнадцатилетняя девчонка. – У него шесть ванн, все с мраморными полами и кранами из чистого золота. А ванны такие большие – хоть плавай в них. – А в следующее мгновение уже беспокоило тараторила: – Я устала жить под крышей у Чарльза, когда он и Эвадна не одобряют каждый мой шаг.

– Мне это тоже не нравится. А ты не против пожить некоторое время в Бостоне?

– Бостоне?

– Да. – Я завернул нас обоих в полотенце и поцеловал ее. – У моего хорошего приятеля Лайама Галахера там брат, и он, возможно, даст мне работу, на которой я смогу зашибать кучу денег – гораздо больше, чем здесь. Если ты не против жить в маленькой квартирке...

– С тобой я согласна жить где угодно, – перебила она. – Ты это знаешь. Но, Максвелл, ты должен экономить деньги и не тратить на меня, иначе ты никогда не вернешься в Ирландию. Мне нужно смириться – буду жить у

Чарльза, пока ты не заработаешь нужную сумму.

– Я не могу спокойно стоять в стороне, зная, что ты там несчастна!

– Я счастлива, пока каждый день могу видеть тебя, – возразила она, и после этого мы упали на незастеленную кровать, укрылись с головой одеялами и разогревались почтенным способом, известным со времен незапамятных.

Наконец мы так разогрелись, что я скинул одеяла на пол. Когда я закурил сигарету, она сказала, что ей тоже надо, и мы некоторое время сидели, выпуская дым друг на друга, а потом Сара решила, что дым удушит нас обоих, и мы перешли в гостиную и задавали жару мебели там. К полудню мы сломали пружину в диване и измотались, как два старых осла, поэтому снова свалились в постель и уснули как мертвые. Я слышал, что после сорока мужские силы слабеют, но это не так. Когда у мужчины есть такая страстная женщина, как Сара, он и в девяносто будет еще мужик о-го-го, если только изначально не был порченный, как этот слабак де Салис.

В тот день я заглянул – что делал регулярно – в нью-йоркскую штаб-квартиру Клан-на-Гаел. Ирландское республиканское братство могло менять имена с такой же частотой, с какой богатая женщина меняет шляпки, но на американской почве оно активизировалось и процветало. Многие говорят, что Клан и Братство – организации разные, но, как я понимаю, по сути это что с горы, что под гору. Если кто-то скажет мне, что это не так, я ему отвечу: в 1858 году открыли новую ирландско-американскую версию Ирландского республиканского братства и назвали ее Американское фенианское братство, или Фении, а их целью была, как все мы знаем, борьба за независимость Ирландии. Так вот, американские фении отличались от ирландских, но и те и другие были по одну сторону, и они пережили трудные времена, когда попытались проникнуть в Канаду, а к концу шестидесятых раскололись на фракции, и все это превратилось в невероятную кашу.

Наконец в 1869 году был основан Клан-на-Гаел^[17], который первым делом реорганизовал Братство в Ирландии, столкнул местных лбами, чтобы там появилось хоть немного здравого смысла. Клан действовал успешно, никто и глазом не успел моргнуть, как он поглотил всех фениев и все их секретные организации в Ирландии, кроме одной – Ирландской конфедерации О’Донован Росса. Клан стал налаживать союз с политическим движением, возглавляемым героем Парнеллом. Они назвали его «Новое направление» и боролись за прекращение действия Акта об унии и за свободную Ирландию. Вот только Парнелл рассчитывал отменить акт с помощью Гомруля, а Братство – я имею в виду Клан – требовало

республику и занимало более радикальную позицию. Потом была организована Национальная земельная лига Ирландии, но она оказалась дискредитирована двойным убийством в Феникс-парке, совершенным ее тайным подразделением, которое называло себя «Неуязвимые». В итоге организацию переименовали в Национальную лигу, в Америке же ее знали как Ирландскую национальную лигу, а в конце 1883 года в Клане произошел очередной раскол.

Понимаете? Ясно как божий день, если подумать. Не знаю, при чем тут Ирландия, но точно знаю, что это заставило меня посетить нью-йоркскую ложу Клана, членом которого я был.

Я вступил в Клан вскоре после того, как обосновался в Америке. Все ирландцы, имевшие хоть какое-то положение, вступали в Клан, к тому же я видел, что это один из путей, который может привести к моему оправданию. Кому-то покажется, что я эгоист и дела самого Клана меня не заботили, но это не так. Да, конечно, оправдание было очень важно для меня, и я был на все готов, чтобы добиться его, но при этом сочувствовал целям и идеалам Клана и был готов их поддерживать. Я возглавлял наше местное секретное общество блэкбутеров (я бы сказал, фениев) и даже потом агитировал за политику Земельной лиги. Я всегда активно участвовал в местной политике и боролся за свободу Ирландии, потому и в Клан вступил с радостью. Меня приняли в ложу в августе 1884 года, заручившись рекомендацией моего друга Лайама Галахера, который управлял рестораном Райана. Поступить в ложу было дьявольски трудно, и к тому времени, когда за меня проголосовали, подвергли перекрестному допросу и привели к присяге, у меня от всех этих церемоний голова шла кругом.

Но когда я вступил в ложу, меня ждали один или два неприятных сюрприза. Первый состоял в том, что, хотя Клан много говорил, делал он очень мало, по крайней мере для людей вроде меня. Они постоянно рассуждали о том, что нужно покончить с несправедливостями в отношении Ирландии, но, когда речь заходила о несправедливости по отношению к конкретному человеку, они ничего не предпринимали, только обещали написать «важным людям» в Ирландии и просили дополнительных «взносов» на великое дело. Все это было очень хорошо, и я некоторое время не возражал против взносов, но не собирался платить бесконечно. Второе, что меня раздражало в Клане, – это их нынешнее, более чем прохладное отношение к Парнеллу. Эти люди твердили, что он слишком уступчив, что у него нет представления о том, как учреждать республику, что Парнелл всего лишь англичанин, который ошеломляет

ирландцев разными красивыми словечками, вроде Гомруля. И вообще – что такое Гомруль? Уж к республике-то он не имеет никакого отношения, это точно. Просто иное название для саксонского правления, но не из Вестминстера, а из Дублина.

– Но если мы получим Гомруль, мы сделаем шаг к республике! – спорил я, но они этого не понимали. Похоже, считали так: либо республика, либо ничего. – Но саксонцы никогда не позволят нам учредить республику сразу же! – объяснял я, дивясь тому, что они этого не видят. – Ни один саксонец сегодня не согласится на республику, но есть много саксонцев, которые не возражают против того, чтобы ирландцы управляли своей страной из Дублина в рамках империи, и многие саксонцы уважают Парнелла...

– Потому что он выглядит и говорит как они, – мрачно перебил старший смотритель моей ложи.

– Но он объединил Ирландию. Он примирил нас, помог сделать аренду справедливой...

– Он никогда не даст нам республики, – упрямылись американские ирландцы, и в какой-то момент я со злостью понял, что это всегда будет их последним словом в разговоре.

Беда только в том, что они не жили в Ирландии и не понимали великих политических побед, одержанных Парнеллом за Ирландию. Местные слишком погрузились в свои мечты и теории и оторвались от практики и не могли разглядеть, что победы Парнелла в Вестминстере с его восьмьюдесятью пятью преданными членами парламента от Ирландской парламентской партии приносили Ирландии гораздо больше пользы, чем все бомбы, взорванные в Лондоне.

– Шон, привет, – поздоровался я, войдя в маленькую душную комнатку в центре города (его, вообще-то, конечно, звали не Шон, и я не открою, где находилась комната). – Это опять я. Какие последние новости о моем оправдании?

– А, это ты, Макс Драммонд. Заходи – посмотри на новую бомбу, которую мы конструируем, чтобы взорвать палату парламента.

Я глянул на чертежи и сказал, что это лучшая бомба, самая красивая и полезная из тех, что я видел в жизни.

– А что-нибудь из Национальной лиги о моем деле слышно? – вежливо спросил я.

– О, из Лиги замечательные новости, – ответил он. – Они сообщают, что правительство лорда Солсбери не продержится и шести месяцев, а когда к власти снова придет Гладстон, они примут билль о Гомруле, и тогда

Чарльз Стюарт Парнелл – если он настоящий ирландец – сможет установить Истинную Республику, и наступит день, когда каждый ирландец проснется и стряхнет с себя кандалы тирании.

– Да будет так, – отозвался я, подавляя в себе желание удушить его. – А что насчет моих кандалов, Шон? Что насчет сфабрикованного приговора и несправедливого заключения, которое висит на моей шее, как могильный камень?

– Макс, это, конечно, дело ужасное, – завел он, – и мы трудимся не покладая рук, чтобы справедливость восторжествовала. Но такие дела требуют времени, а саксонские дьяволы, насколько нам известно, вообще не знают, что такое справедливость. Если бы могли послать еще немного денег, чтобы ускорить дело...

– Я уже заплатил немало денег. Тебе пора бы предъявить мне какие-то результаты. Наняла ли Лига адвоката, чтобы он занялся моим делом?

– Пока нет, но, как только примут билль о Гомруле и родится Истинная Республика, всем воздастся по справедливости, так что если ты можешь подождать еще чуток...

Мне бы следовало уйти, но я знал, что не должен его обижать, потому что у меня нет другой связи, кроме него, с Национальной лигой, а через нее – с Парнеллом. Я просто кивнул и даже дал ему немного денег, хотя и не сомневался: дальше его кармана они никуда не пойдут, потому что он из графства Корк, а они там на юге все сплошь жулики – это всем известно.

Потом я ушел и напился. Если дела будут идти с такой скоростью, я никогда не получу оправдания, никогда не вернусь в Ирландию, никогда не встречу с Макгоуаном лицом к лицу.

Я должен вернуться. Должен. Может быть, если Парнелл победит в схватке за Гомруль...

Но он проиграл. Парламент не принял билль о Гомруле. Я прочел об этом в газете. Палата общин отвергла билль тремястами сорока тремя голосами против трехсот тринадцати, и мистер Гладстон позднее сказал: он опасается, что «неродившиеся дети будут горевать о голосовании этого дня». В Белфасте начались беспорядки, Клан поклялся жестоко отомстить, и моя слабая надежда на быстрое оправдание поплыла по сточной канаве. И тогда я начал писать письма. Написал Парнеллу, написал лорду-наместнику Ирландии, даже написал королеве. А в Нью-Йорке стоял адски жаркий июль, и Чарльз Мариотт собирался уехать из города в Гудзонову долину, где у него был летний дом.

– Он хочет, чтобы и я поехала, – сообщила Сара. – Я, конечно, никуда не поеду, хотя для Неда это было бы неплохо.

Я тем утром зашел к ней позже обычного, потому что долго писал письмо королеве Виктории, а когда пришел, у них был второй завтрак.

– Почему бы тебе здесь не позавтракать? – предложила Сара; она видела, что я хандрю, и пыталась изо всех сил отвлечь меня. – Чарльз никогда не возвращается с Уолл-стрит раньше трех, Эвадна уехала на Айленд к друзьям, а наставник Неда повел его в Музей естественной истории. Дом в нашем распоряжении.

– И ванны тоже? – не удержался я, а когда она рассмеялась, почувствовал себя лучше.

У меня еще не было случая увидеть дом Чарльза, если не считать некоторых комнат нижнего этажа, а тут Сара провела меня в шикарную столовую с серебряными канделябрами на столе и люстрой. Мне все очень понравилось, кроме еды. Вареные яйца в каком-то жутком соусе, присыпанные петрушкой, а вместо овощей – масло.

– Господи Иисусе, – сказал я. – Неужели у Чарльза нет в кладовке мяса с картошкой?

Сара захихикала, слуга посмотрел на меня, выпучив глаза, а черный дворецкий – тот просто позеленел.

Мы пребывали в превосходном настроении, когда поднялись в гостиную. Но едва я попытался закурить, Сара сказала – нельзя, потому что Эвадна учует запах, когда вернется, поэтому мы на какое-то время вышли на превосходную каменную террасу, а потом я предложил осмотреть ванны.

– Господи Иисусе! – восклицал я, пока она водила меня из одной в другую.

Я должен был остановиться у каждой, повертеть краны, чтобы убедиться, что они работают, и они все работали. Удивительно. Потом меня очаровали ватерклозеты, и я подергал за все цепочки. «Господи Иисусе», – повторял я, а один или два раза сказал «Дева Мария», чем так насмешил Сару, что она принялась смеяться до изнеможения, а я хохотал вместе с ней. Наконец мы выбрали третью ванную, потому что там было этакое хитроумное зеркало во всю стену. Мы купались в громадной ванне, напоминая валяющихся в грязи поросят. К этому времени моя хандра немного прошла, и я пребывал в прекрасном настроении.

– Пора обследовать спальни, – сказал я, завернувшись в красное одеяло, и мы пошли на цыпочках по коридору, а Сара хихикала от ужаса – боялась, что мы столкнемся с кем-нибудь из слуг.

– Стой! – охнула она. – У меня боль в боку, пока не пройдет – я больше ни шагу.

– Ну, эта проблема легко решается, – сказал я и понес ее в ближайшую спальню. По странному стечению обстоятельств это оказалась спальня Чарльза, и вскоре я выяснил, что пружины огромной кровати порадовали бы и акробата. – Твой брат, по моей оценке, получил лишнее очко, – сказал я, попробовав подпрыгнуть раз-другой.

– Но мы не можем здесь оставаться!

– Почему? Мне здесь нравится. Господи Иисусе, что за кровать!

И мы остались, но Сара так нервничала, что я сразу же предложил перейти в ее спальню.

– Пожалуй, это будет безопаснее, – с облегчением согласилась она, но, когда я спросил, не хочет ли она поправить покрывало, она уже вспламенилась ко мне и сказала, что поправит позднее.

Но позднее так и не наступило.

Два часа спустя мы крались по коридору, чтобы я успел выскользнуть из дома до возвращения Неда из музея, когда на площадке лицом к лицу столкнулись не с кем иным, как с хозяином дома.

– Чарльз! – виновато воскликнула Сара. – Как ты сегодня рано!

– Я дома уже некоторое время. – Он посмотрел на нее самым суровым из всех возможных взглядов. – Приводил в порядок мою спальню... и ванную в северном крыле, прежде чем этот кавардак увидят слуги и сделают выводы.

Сара покраснела. Она не принадлежала к тем женщинам, которые легко краснеют, но если уж она покраснела, то спрятать это было невозможно.

– Чарльз...

– Помолчи! – свирепо оборвал он и повернулся ко мне. – Убирайтесь! И чтобы я вас больше никогда не видел в моем доме!

– Постойте! – Ни один изнеженный высокомерный нью-йоркский богачей не имеет права указывать мне, что я должен делать. – Если я хорош для вашей сестры...

– Вы не хороши для моей сестры, – отрезал он, не повышая тона, но говоря гораздо быстрее. – Вы осужденный преступник и зарабатываете на жизнь как боевик преступной ирландской организации. Вы сами уйдете из моего дома или мне попросить слуг вызвать полицию?

– Чарльз! – взмолилась Сара. – Пожалуйста!

– Сара, больше он в моем доме не появится. Это мой дом, и я имею полное право отказать в нем, кому считаю нужным.

– Но...

– Как ты осмелилась притащить его сюда и вести себя как шлюха... нет, не делай вида, будто ты не отнеслась к этому дому как шлюха! У тебя

совсем нет стыда, чувства порядочности? Тебе все равно, что твое имя в Нью-Йорке стало притчей во языцех и, куда бы я ни пошел, повсюду люди шепчутся: вот идет Чарльз Мариотт. Его сестра ублажает себя с ирландским мерзавцем...

– Как ты сме...

– Максвелл! – воскликнула Сара и успела встать между мной и Чарльзом, прежде чем я скинул его с лестницы.

– Это правда! – прокричал Чарльз Мариотт. – Все мои друзья шутят об этом у меня за спиной. Даже Эвадна оскорблена – ее золовка ничуть не лучше, чем уличная девка!

– Ах, какая трагедия для вас обоих! – воскликнула Сара. – Что ж, я завтра уеду!

– Уедешь? Сара, ты с ума сошла? Этому человеку нужны только твои деньги! Ему ни к чему расходы на тебя!

– Черт! – вскричал я. – Я буду содержать Сару, даже если мне придется для этого заложить душу дьяволу. Прочь с дороги, я забираю вашу сестру из вашего сраного дома!

Он побледнел, слыша мой язык, и попытался ухватить Сару за руку:

– Сара, ты никуда не пойдешь с этим человеком. Я тебе категорически запрещаю! А Нед? Ты считаешь, что этот человек – подходящая компания для мальчика его лет?

– Нед – мой сын! – воскликнула Сара. – Не твой! И я сама буду решать, кто для него подходящая компания!

– Я выкину его из завещания. Я прекращу выплачивать тебе содержание. Ни один цент не перейдет из моего кармана в твой, пока ты живешь с этим человеком!

Вдали послышался звук дверного звонка.

Мы посмотрели вниз и увидели поднятые головы слуг, их разинутые рты. После долго длившегося мгновения дворецкий пришел в себя настолько, что зашагал к двери.

Нед и его наставник вернулись из музея.

– Я приду завтра, – пробормотала мне Сара дрожащим голосом. – Я должна собрать вещи и поговорить с Недом. Но я приду завтра утром.

Я ничего не сказал, только поцеловал ее и пошел вниз. Нед смотрел на меня, и его выражение напомнило мне кого-то, хотя я и не мог припомнить – кого.

– Добрый день, мистер Драммонд, – поздоровался он.

Он всегда был очень вежлив со мной после нашего обеда у Райана, но мои надежды поговорить с ним о поездках так ни к чему и не привели. У

него был талант изобретать предлоги, и я спустя какое-то время перестал его приглашать.

– Привет, Нед. – Я улыбнулся ему, а потом навсегда покинул дом Чарльза Мариотта и плюнул на позолоченные ворота, выходя на Пятую авеню.

Глава 4

1

Я купил Саре обручальное кольцо, сделав на нем гравировку – наши инициалы и дату. Весь этот вечер размышлял, обвенчают ли нас когда-нибудь в церкви, но не представлял, как это может случиться, если только мы не переживем наших супругов, и хотя я с радостью мог себе представить де Салиса в гробу, но увидеть в могиле Эйлин мне вовсе не хотелось. Бесплезно было думать, что развод приведет к надлежащему венчанию, потому что Господь не признает развода – это все знают. Но если бы Эйлин умерла (да не допустит этого Бог), а де Салис допился бы до безумия... то Сара могла бы обратиться в католичество – еретики часто приходят в римскую церковь, – тогда нас мог бы обвенчать священник. Я мечтал о тех днях, когда снова смогу ходить на мессу с чистой совестью, без тяжкого бремени отсутствия благодати, которое гнетет меня. Я уже привык к жизни вне церкви, но время от времени просыпался ночью в холодном поту от страха перед чистилищем.

Бесплезно об этом беспокоиться, сказал я себе, проснувшись утром после того тревожного дня. Лучше буду вечно гореть в аду, чем откажусь от Сары, так что у меня не было выбора, только жить настоящим, а не печься о будущем.

И потом, о чистилище, оказалось, легко забыть, когда у меня в квартире появилась Сара.

Она приехала с двумя дорожными сундуками, двумя сумками и Недом. – Предупредила горничную, что пришло за ней позднее, – сказала она, – и решила, что мне не нужны остальные вещи, которые я привезла из Ирландии.

На ней был синий уличный костюм с обильной вышивкой на морскую тему и большая шляпа с цветами. Когда она была рядом со мной, я чувствовал себя модным и важным, как любой лорд с имением в десять тысяч акров.

– Великий день! – воскликнул я. – Устраивайтесь как дома, а я принесу шампанское.

Я добежал до магазина, торгующего спиртным, а когда вернулся, Сара протирала для нас стаканы; Нед тихонько сидел на краю дивана.

– Снимай куртку и закатывай рукава!

Мальчишка, казалось, чувствовал себя так неловко в своем бушлатике, что покорно подчинился, а потом вновь сел тихо, как мышь в углу. Я побаивался, что он будет капризничать, но он вел себя как шелковый.

– Ты должен выпить с нами шампанское! – Я улыбнулся ему, а когда он ответил «Спасибо, сэр», я совсем забыл его прежнюю грубость со мной.

Ничего, наши отношения наладятся – мы и глазом не успеем моргнуть.

– Я вчера вечером встречался с моим другом Лайамом Галахером, – сообщил я Саре, – и он говорит, что у его брата в Бостоне наверняка найдется работа для меня. Он напишет ему и выяснит, но я надеюсь, так оно и есть, потому что я устал от Нью-Йорка, и нам всем пойдет на пользу новое начало. К тому же, – добавил я, думая о моем оправдании, – может быть, Клан в Бостоне будет с большей охотой помогать мне, чем Клан в Нью-Йорке.

– Я сто лет не была в Бостоне, – сказала Сара, – но помню, что это милый старомодный городок. Я хочу там пожить.

Она принялась говорить с Недом о районе Бикон-Хилл и знаменитой скачке Пола Ревира.

Нед кивал время от времени, а раз или два, глядя на свое шампанское, пробормотал: «Да, мама». Когда она закончила, он спросил, можно ли ему пройти прогуляться – посмотреть окрестности, и я, несмотря на сомнение во взгляде Сары, ответил, а почему нет, мальчик достаточно взрослый, а наша улица вполне приличная.

– Нед, только не уходи очень далеко, – взволнованно попросила Сара, когда он направился к двери.

Уж слишком она его опекала, и я понимал, что мне придется положить этому конец. Мальчишке, когда он растет, нужно свободное пространство, чтобы было чем дышать, так мой отец всегда говорил моей матери, когда она чересчур волновалась за меня, но дело в том, что женщины должны иметь не одного ребенка, чтобы вечно трястись над ним, для них невыносимо держать все яйца в одной корзине.

Когда Нед ушел, я продолжил рассказ:

– Этот парень, Финес Галахер в Бостоне, он богатый – и влиятельный, как я слышал, – так что если возьмется за мое дело, то Клан меня внимательно выслушает, и тогда через год мы будем в Ирландии и станем жить как муж с женой.

И я вручил ей обручальное кольцо, мы наполнили наши стаканы и были очень счастливы.

– Максвелл, я постараюсь не обременять тебя расходами. Вся одежда у

меня есть, вот только, боюсь, стирка будет дорого обходиться, и не знаю, что нам делать с едой. Как ты считаешь, я могу найти кого-нибудь, кто бы научил меня готовить?

– Нет, конечно! – воскликнул я. – Что за мысль пришла тебе в голову? Пока в Нью-Йорке, мы будем есть в ресторанах, а в Бостоне снимем квартиру побольше, и ты наймешь горничную, которая будет приходить каждый день – готовить и убирать.

– Но расходы... я не хочу быть для тебя бременем.

– В Бостоне я буду зарабатывать немалые деньги, все будет хорошо, когда мы уедем отсюда, уверен. Как только мы устроимся в Бостоне, удача станет нам улыбаться.

Мы, к нашему облегчению, неделю спустя уехали из Нью-Йорка. Квартирка для нас троих была слишком мала, и хотя Нед вел себя так тихо, что мы его даже не замечали, но все же на нашем диване мы чувствовали себя неловко, ощущая его присутствие в соседней комнате.

– Макс, мне жаль тебя терять, – сказал Джим О’Мэлли, когда настало время прощаться со всеми моими друзьями, но, едва я попытался отдать ему револьвер, он рассмеялся и предложил подержать его еще какое-то время у себя.

– Возьми его с собой в Ирландию и постреляй там саксонцев, – добавил он, – а потом пришлешь его мне с саксонской кровью на стволе.

Его отца в графстве Мейо выселил лорд Лукан во время голода, и он, мальчишкой шести лет, видел, как английские солдаты дотла сожгли его дом.

– Я сообщил моему брату Финесу, когда ты приедешь, – сказал Лайам Галахер. – Вы едете утренним поездом?

– Им самым. – Я втайне побаивался поездов. – Наверняка будет ужас, а не поездка.

– Уж лучше поезд, чем трюм корабля: там хуже гроба, – ответил Лайам, и я подумал: господи Иусе, у этих американских ирландцев память как у слонов.

Да, все ирландцы любят повспоминать прошлое, и я сам после пары стаканов потина нередко клялся отомстить солдатам Кромвеля, но, приехав в Америку, я не раз замечал, что американские ирландцы большие ирландцы, чем ирландские.

Поездка была, как я и опасался, ужасной, хотя, должен признать, поезд лучше иммигрантского корабля. Но мы для переезда выбрали жаркий день, и я не успел забронировать нам билеты в салон-вагоне. Поскольку я никогда прежде не ездил поездом, то не знал всех подробностей

бронирования, билетов и сдачи багажа. Мы ехали первым классом, но почти все железнодорожные вагоны в Америке первого класса, это ни о чем не говорит, и нам пришлось провести шесть часов в тесноте длинного, душного, переполненного вагона, который был ничем не лучше гигантской сигары.

Я попытался извиниться перед Сарой, но, по ее словам, это не имело никакого значения и она счастлива ехать со мной. Я ужасно возгордился, услышав эти ее слова, подумал, какая она настоящая леди, такая сильная и красивая, всегда преданная, никогда не жалуется. Нед тоже не жаловался. Он сидел в уголке с книжкой рассказов для мальчиков, но вагон слишком раскачивался, и читать было нелегко, а потому он большую часть времени смотрел в окно.

Я старался пореже смотреть в окно. Лично я считаю, что не по-христиански и к тому же слишком опасно путешествовать с такой скоростью. Если бы в планы Господа входило наделить человека способностью передвигаться быстрее, чем со скоростью лошади, то Он бы создал для этого нормальное приличное животное. Но не несколько вагонов, несущихся по железным рельсам! Есть в этом что-то неестественное, и вообще, на кой черт кому-то нужно мчаться со скоростью сорок миль в час?

Но не проделали мы и половины пути до Бостона, как я не только знал ответ на этот вопрос, но и жаждал, чтобы мы неслись со скоростью восемьдесят миль, а это безобразное путешествие как можно скорее закончилось. Наверное, в вагоне имелась какая-то охлаждающая система для воздуха, но она не работала, и, когда мы добрались до места, моя одежда пропиталась потом, а от бесконечного раскачивания и тряски желудок у меня готов был вывернуться наизнанку.

– Мы переночуем в отеле, – сказал я Саре. – Найдем какой-нибудь поближе к вокзалу.

Сара, которая так устала, что и говорить не могла, благодарно кивнула.

Мы поплелись по платформе. Жара стояла такая, что я спрашивал себя: не умер ли уже и не горю ли в адском огне? Люди наталкивались на нас, громко разговаривали, а у Сары вид был такой больной, что я боялся, как бы она не упала в обморок.

– Нед, возьми маму, – велел я, сам с трудом ворочая языком, – посидите с ней там вон на скамеечке, пока я не найду багаж.

– Максвелл... – Сара ухватила меня за руку и показала вдоль платформы. – Смотри!

Я в недоумении уставился на громадного, безукоризненно одетого

негра, стоявшего в нескольких ярдах от нас. В руках у него был большой лист картона с надписью жирными буквами, сделанными черным мелком: МАКСВЕЛЛ ДРАММОНД.

– Пресвятая Богородица, – выдохнул я; удивляться сил у меня уже не осталось. – Наверняка это послание самого Господа Бога.

Я поплелся по платформе, опасаясь, как бы это великолепное видение не исчезло. Но посланник твердо стоял на своем месте и с интересом наблюдал за моим приближением к нему.

– Я Максвелл Драммонд.

– Добрый день, сэра, – поздоровался негр, приподнимая котелок и почтительно кланяясь. – Прошу вас сюда, сэра.

– Пойдите... моя жена... сын... багаж...

Черный слуга аккуратно взял квитанции из моей руки и сказал, что получит багаж, а я принялся бешено махать Саре и Неду, и, когда они поднялись со скамейки, кто-то похлопал меня по плечу.

Я развернулся, заметил полного человека приблизительно моих лет. На нем был пиджак такого идеального покроя, что я в жизни не видел, в руках он держал трость с серебряной ручкой и улыбался ирландской улыбкой.

– Макс, добро пожаловать в Бостон, – весело поприветствовал он, глядя на меня глазами такой же голубизны, как озеро Кашельмары.

Господи боже, где еще есть такой сплоченный народ, как ирландцы! И слезы наполнили мои глаза, когда я подумал обо всех нас, которые обречены на изгнание в тысячах миль от дома, но мы поднимаемся из праха несчастий и преследований, чтобы торжествовать победу над врагом. Да, я знаю, это сентиментальные мысли, но я ирландец и, Господь свидетель, в жизни так не гордился тем, что я ирландец, как когда этот незнакомый человек в городе, где я никого не знал, протянул мне руку и назвал меня по имени.

– Меня зовут Финес Галахер, – представился он, – и воистину друг моего брата Лайама и мой друг. Идем в мой экипаж, я отвезу вас в мой дом в Бикон-Хилле.

Я знал, что брат Лайама весьма успешен и имеет деньги, но удивился, обнаружив, что ничуть не преувеличивал, когда говорил Саре, как он богат и влиятелен. Мне было известно, что у него, как и у Джима О'Мэлли, есть

игорный бизнес, но Лайам никогда не упоминал о сделках с недвижимостью, о компаниях и корпорациях. Может, он чуток завидовал – ведь Финес был его младшим братом, и оба они начинали в Америке с нуля.

Но Финес Галахер проделал большой путь, сойдя с эмигрантского корабля-гроба. Его новый дом выходил не на улицу (вся старая аристократия предпочитала такие дома, а Бостон был снобистским городом, гораздо хуже Нью-Йорка в этом смысле), а на изящную площадь, и он для жены и дочерей создал очень утонченную обстановку. Женой у него была смешливая ирландская девушка едва ли старше Сары, и она знала все об изящных манерах и о том, какие новейшие модные благотворительные программы поддерживать. Я подумал, что Эйлин она понравилась бы. Четыре дочери учились играть на рояле, изучали итальянский и вышивали, как и она в их возрасте. Полагаю, это все очень неплохо, но, как я твердил Эйлин каждый раз, когда она затрагивала эту тему, мои девочки были ничуть не менее счастливыми, учась доить коров и печь хороший хлеб.

Дом Галахера по размерам уступал особняку Мариотта, но жить в нем было гораздо занятнее. Одна гостиная у них была покрашена великолепной изумрудно-зеленой краской с мраморными трилистниками на каминной полке, а во всех спальнях стояло по ярко выкрашенной гипсовой статуе Девы Марии с Младенцем. Кухня была просто мечтой голодающего. Отличные огромные стейки, картофель еще сочнее, чем тот, который подавал Лайам у Райана, кровяная колбаса, ирландские сосиски, сыр – и заметьте, мягкий сыр, ирландский, ничего похожего на свечной жир, – и кислое молоко, такое жирное, что на нем и гном мог станцевать. А что касается виски... «Господи Иисусе! – воскликнул я. – Он ничуть не хуже потина!» И я едва не рыдал от удовольствия, когда обнаружил себя в настоящем ирландском доме; здесь я совсем забыл о своем нелицеприятном мнении об американских ирландцах.

– Жаль, что тут нет мальчика и Неду не с кем играть, – сказала Сара, но я уже думал, что четыре девочки улучшат ему настроение.

Они все были пухленькие – маленькое чудо, если подумать о том, чем кормила их мать, – и много хихикали. Их называли по разным ирландским местностям. Отличить одну девочку от другой было нелегко, но в нисходящем порядке по росту их звали Клер, Керри, Коннемара и Донегал. Двум последним – для краткости их называли Конни и Донах – не исполнилось еще и десяти, но Керри было двенадцать, а Клер родилась двумя годами раньше ее, так что компания однолеток для Неда здесь

имелась.

Мне хотелось быстрее приступить к работе, чтобы не злоупотреблять гостеприимством, но Финес Галахер был само радушие, он настаивал, чтобы мы не торопились с поиском жилья. Тем временем Галахер поставил меня ответственным за игровой зал в его новом мюзик-холле и пообещал жалование в два раза большее, чем я получал у Джима О'Мэлли.

Я, конечно, задумался, какие цели он преследует, но, поскольку с меня взять ему было нечего, я пока принял его щедрость как данность. И потом, я был уверен, он симпатизирует мне в той же мере, что и я ему, и мне казалось, что мы с ним отлично ладим. В подтверждение этого возникла маленькая неловкость, когда пришло время отправляться на воскресную мессу, но, увидев мое смущение, он тут же сказал: «Макс, я не священник, не мне тебя судить». Его слова стали для меня большим облегчением, потому что Галахер вполне мог категорически не принимать супружескую неверность. Лайам сообщил Финесу, что мы с Сарой не женаты, но ни его жена, ни девочки этого не знали. А то, что мы не пошли на мессу, они объяснили для себя нашим протестантским вероисповеданием, и потому каждое воскресное утро мы с Сарой отправлялись в церковь Троицы на Копли-сквер. Внутри я, конечно, никогда не заходил. Пусть я и был плохим католиком, но принципы у меня оставались, и никто не смог бы обвинить меня в том, что я пересек порог церкви черных протестантов.

В середине августа Финес пригласил нас провести с ним и его семьей месяц на его вилле в Ньюпорте.

– Мы, конечно же, не можем поехать, – ответила Сара, когда я сообщил ей о приглашении. – Это будет злоупотреблением гостеприимством. Ты не считаешь, что нам пора подыскать себе жилье?

– А что плохого в том, чтобы провести месяц на море? – возразил я. – Я думал, тебе понравится.

– Нам нужно жить самим по себе, – объяснила она. – В собственном доме.

И взгляд, которым Сара окинула нашу спальню, сказал мне все.

– Они тебе не нравятся? – спросил я вдруг. – Тебе не нравится Финес и не нравится Мора. Почему?

Она не ответила.

– Сара?

– Понимаешь... – Она сделала короткое изящное движение руками и отвернулась. – Они, конечно, очень добры, – услышал я ее слова, – и очень гостеприимны, но... Максвелл, они такая дешевка! Я имею в виду, дешевка в том смысле, в котором в Нью-Йорке говорят о нуворишах...

– Спасибо, – перебил я, – я достаточно долго прожил в Нью-Йорке и понимаю значение слов «дешевые нувориши».

– Я что имею в виду... ты посмотри на этот дом! Мебель – это какой же нужно иметь вкус, чтобы выбрать такую, ужасные обои, все эти дешевые, вульгарные религиозные статуи! А попытки Моры Галахер подняться по социальной лестнице... да они просто смешны! Если она может себе позволить время от времени давать тысячу долларов на ее любимую благотворительность и внушать своим дочерям представления, которые свойственны девицам гораздо выше их положением...

Она увидела мое лицо и умолкла. Наступила пауза.

– Я не хочу выглядеть неблагодарной, – поспешила пояснить Сара. – Я не имела в виду... – Она снова замолчала. Сара крутила и крутила обручальное кольцо на пальце. – Извини, – быстро проговорила она наконец. – Да, мы можем поехать в Ньюпорт, если ты хочешь. Извини, Максвелл. Я не имела в виду то, что сказала...

– Имела, имела! Что хотела сказать, то и сказала, ты, маленькая высокомерная сучка!

Она начала плакать, повторяла, что извиняется.

– Послушай меня... – прорычал я, беря ее за плечи и встряхивая, чтобы она заткнулась. – То, что хорошо для меня, хорошо и для тебя, и если ты так не считаешь, то можешь возвращаться к своему пьянчуге-мужу голубых кровей – и баба с возу. Я всегда смогу найти себе другую женщину для постели.

Это были ужасные слова. Я знал, что ужасные, но не мог остановиться. Смотрел на нее и вдруг сквозь нее увидел прошлое, услышал голос Эйлин, которая называла мой замечательный дом лачугой, повторяла, что не должна была выходить замуж за человека ниже ее по положению. Мне показалось, будто кто-то вонзил нож в мои кишки и прокручивает там клинок.

Боль исказила лицо Сары. Рыдая, она срывала с себя одежду, предлагала мне себя, кричала, что все сделает, только чтобы я не уходил от нее.

Здравый смысл вернулся ко мне. Меня будто окатили ведром холодной воды. Я прижал ее к себе, натянул сорванный корсаж на грудь, принялся гладить волосы. Спустя время попросил у нее прощения. Я продолжал прижимать ее к себе, а когда она перестала плакать, пробормотал:

– Я никуда от тебя не уйду. Почему, ты думаешь, я подарил тебе обручальное кольцо? Ты лучшая женщина в мире, а я самый счастливый из мужчин на земле.

– Если бы мы только могли пожениться! – прорыдала она, пытаясь отереть глаза. – Если бы только... – И Сара снова заплакала.

Я сразу же понял, что у нее на уме, потому что она говорила об этом прежде.

– Дорогая моя, я думал, мы уже давно решили: то, что у нас не будет ребенка, – оно и к лучшему.

– Да, знаю, но я бы чувствовала себе комфортнее... безопаснее...

– Я был бы последним человеком на земле, если бы ты могла быть уверена во мне только с ребенком на руках.

– Дело не в этом. Просто я так люблю детей, и мне бы хотелось... так хотелось...

– Знаю.

Я и в самом деле сочувствовал ей – знал, как она сожалеет, что из-за прошлых проблем больше не сможет иметь детей, но в то же время втайне смотрел на это как на своего рода благословение. Конечно, я бы радовался, будь у нас ребенок, но любовь имеет таинственное свойство снижать с появлением первых пеленок, к тому же мы оба уже успели принести в этот мир детей.

– По крайней мере, у нас есть Нед, – произнесла Сара, изо всех сил стараясь быть благоразумной. – Ему наверняка понравится побыть у моря.

– Мы не поедem на весь месяц. Поедем на неделю, чтобы не обидеть Финеса, а потом вернемся в Бостон и найдем себе хорошее жилье.

Я говорил с Сарой, одновременно спрашивая себя, считает ли Нед наше теперешнее обиталище дешевкой, и хотя я внимательно за ним наблюдал, но ничего такого не заметил. Ел он, в отличие от того, как это было в Нью-Йорке, с аппетитом. Поедал тарелку за тарелкой великолепную ирландскую еду, а потом я слышал, как он смеется, играя в саду с девочками. Те хихикали и визжали, а Нед едва не буйствовал.

– Приятно смотреть, как дети веселятся, – добродушно заметил Финес Галахер вечером перед нашим намечавшимся отъездом в Ньюпорт, когда мы с ним остались вдвоем в столовой после обеда. – Закури сигару, друг мой Максвелл, – добавил он, как обычно доброжелательно, когда слуги ушли, – и давай с тобой немного поговорим.

Ни один кот не подкрадывался к мышам так ловко, как Финес Галахер ко мне тем вечером.

– Я хочу поделиться с тобой одной тайной, – сказал он, когда мы закурили и взяли в руки по бокалу портвейна. – Я собираюсь заняться политикой.

– Политикой! Финес, прекрасная идея!

– Да... – Он вздохнул. – Хочу найти применение моим деньгам, а немного власти никогда не приносило человеку вреда. Политика в Америке не в цене, но эти снобы чуть-чуть призадумаются, когда я стану мэром Бостона. Они тогда уже не смогут смотреть на меня свысока, верно? Я в жизни не думал, что меня будет волновать мнение каких-то богатеев, но человеческие ценности удивительным образом меняются, когда ты вдруг обнаруживаешь, что твою жену оскорбляют, а твои маленькие дочки плачут, хотя и ни в чем не виноваты. Мы живем в несправедливом мире – тут нет сомнений.

– В жутком мире, Финес, – согласился я, отхлебнув портвейна.

– Я хочу, – продолжил он, попыхивая сигарой, – стать уважаемым. Это самая моя большая мечта в жизни. Хочу, чтобы к моей дражайшей жене и девочкам относились как к леди, хочу, чтобы они были счастливы.

– Вполне понятное желание, – ответил я, думая, до чего же вкусный портвейн.

– Так что я продаю мою долю в игорном бизнесе. И долю в борделях тоже. Мои деньги станут чистыми, чистейшими во всем Бостоне, потому что политика – дело грязное, мы оба это знаем, и у политика появляются враги, которые не остановятся ни перед чем, чтобы закидать его грязью, опорочить.

Я забыл о портвейне.

– Ты продаешь долю в игорном бизнесе? – нервно спросил я, думая о моей работе.

– Верно, но ты можешь не волноваться. Я тебя не оставлю. Ты мне по-настоящему понравился, Макс, и я хочу сделать все, чтобы тебе помочь. Да я даже не помню, когда в последний раз встречал человека, который был бы мне так симпатичен, как ты.

Мы поклялись в вечной дружбе и осушили бокалы. Он налил еще. Что-то будет дальше, спрашивал я себя.

– Так вот, Макс, – продолжил он, снова попыхивая сигарой. – Я был с тобой честен и рассказал о самой моей большой мечте. Позволь теперь спросить, какая у тебя мечта, если ты тоже хочешь быть честным со мной.

– Конечно я буду честным. Моя самая большая мечта – вернуться в Ирландию и свести старые счета с управляющим моего арендодателя, который меня погубил.

– Это как-то связано с оправданием, да, если я не ошибаюсь? Мне известно кое-что от Лайама, но, возможно, он что-то недопонял.

Я рассказал ему о Макгоуане и моем процессе. Прежде я ему об этом не говорил – не хотел, чтобы он знал, что я беглый заключенный. Просто

сказал, что покинул Ирландию после ссоры с землевладельцем. Я, конечно, собирался рассказать ему об этом позднее и просить его о помощи, но он был так щедр ко мне с самого первого дня, что мне не хватило духу просить о чем-то еще так сразу.

– Да, о таких вывертах правосудия я еще не слышал! – воскликнул Финес. – Выпей еще портвейна. – (Я рассеянно потянулся за графином.) – Пристрастные присяжные, говоришь, – протянул Финес, – а твой землевладелец и его управляющий сожительствоют, извращенные грешники, да спасет Господь их души.

– Все, что они творили, было противозаконно. – Я примял сигару. – Я был не обычным арендатором. У меня был договор лизгольда на мою землю, и лорд де Салис не мог выселить меня, как других, но, когда военные меня арестовали, мой дом сожгли. Потом они утверждали, что это произошло случайно, но дом сожгли намеренно, мой договор лизгольда был уничтожен, а затем лорд де Салис заявил, что ничего не знает ни о каком договоре, это все мои выдумки, а на самом деле я – такой же арендатор, как и все остальные, которых он выселил. Я хотел нанять адвоката, но у меня не было денег. Да к тому же никакого адвоката ко мне и не допустили бы. Я ничего не мог поделать, только ждать суда, а когда меня судили, этот ублюдок Макгоуан наговорил кучу всякого вранья, а присяжные все были протестанты, и судья родился в месте, которое именовалось Уорик, в Англии, а значит, был саксонцем, хотя и назывался ирландским судьей.

– Не удивлюсь, если он к тому же был другом лорда де Салиса, – сказал Финес.

– Другом семьи – это точно. У старого лорда де Салиса было имение в Уорикшире, а это разве не рядом с Уориком?

– Как минимум ты заслуживаешь нового процесса. А как максимум...

– Как максимум – абсолютного оправдания. Я никогда не отдавал приказа поджечь Клонах-корт, никогда не отдавал приказа убить Макгоуана. Можно сколько угодно обвинять меня в заговоре, но никакого заговора не было. Было движение, когда все мы встали против этого мерзавца Макгоуана, чтобы защитить наши дома и семьи. Но они сфальсифицировали обвинения против меня, Макгоуан постарался, ведь я всегда для него был хуже занозы, и к тому же лорд де Салис был настроен против меня с тех самых пор, как я приложил руку к тому, чтобы его первого любовника изгнали в Германию двадцать лет назад.

– Макс, дело ясное, – подтвердил Финес. – Невинный человек, принесенный в жертву двумя содомитами. Дорогой маленькой королеве это

очень не понравится.

– Я написал королеве, – горько признался я, – но мое письмо, конечно, никогда до нее не дойдет. Я написал и Парнеллу, но...

– Когда?

– После того, как в Вестминстере отвергли Гомруль.

– И куда ты отправил письмо?

– В Лондон. В палату общин.

– Гм... До него тоже может не дойти, но не расстраивайся, я знаю, как с ним связаться. – Он опять протянул мне деревянную коробку. – Выкури еще сигару.

Я знал, что Финес занимает высокое положение в Клане, но даже не догадывался, насколько высокое. Знал и то, что он встречался с Парнеллом, когда тот приезжал в Америку, но Финес мне никогда не говорил, что состоит с ним в переписке. Меня утешило, что Клан может хранить свои тайны, когда нужно.

– Парнелл – выдающийся политик, – произнес Финес. – Теперь модно предъявлять ему всякие претензии, но если он вернется в Америку, то все опять начнут к нему липнуть. Я напишу ему про твое дело.

Я к этому времени так возбудился, что и говорить почти не мог. Я мечтал о подобной помощи, но по-настоящему никогда не верил, что мои мечты сбудутся.

– Ты... он... он тебя послушает? – Язык у меня заплетался. – Если ты напишешь? Обо мне?

Финес рассмеялся:

– Конечно послушает! Я влил немало денег в Ирландию – ты не знал, что все движение Гомруля финансировалось на американские деньги? – и я думаю, что Чарльз Стюарт Парнелл в долгу передо мной.

– Господи Иисусе, – слабым голосом пробормотал я и сделал еще глоток портвейна, чтобы прийти в себя.

– Он послушает, – утешительно сказал Финес, – но ему понадобится какое-то время, чтобы начать действовать. Королева его не любит, как ты можешь догадаться, но Парнелл имеет влияние в Вестминстере и найдет способ позаботиться о твоём деле. Я попрошу его нанять адвоката, чтобы твою землю отдали тебе полностью, как только ты вернешься домой в Ирландию.

– Но насчет Парнелла – ты уверен, что письмо до него дойдет? Говорят, что он никогда не отвечает на письма, даже никогда их не читает.

– Читает, если они приходят в дом к одной даме, которая с ним знакома. Не волнуйся об этом, Макс. Письмо до Парнелла дойдет, и твое

дело будет представлено королеве. Ах, дорогая маленькая королева! Она была такой худенькой девчушкой, когда приезжала в Дублин в сорок девятом, – так все говорят, и я бы и сам наверняка ее приветствовал, если бы за два года до этого меня не выперли из Ирландии ее треклятые саксонские подданные, да отправит Господь всех их в ад. Ты же знаешь, она полная немка, – добавил он, когда я прорычал необходимое «аминь», – и не ее вина, что ей пришлось быть королевой Англии.

– Храни Господь ее милостивое величество! – воскликнул я. – И ты только подумай, Финес, когда она меня оправдает, я смогу вернуться в мой дорогой старый дом, на мои поля, которые тянутся до самого озера – ах это дорогое озеро! – и я снова пройду по улице Клонарина, снова буду молиться в святой церкви...

Бог мой, как я напился! Но и он тоже, потому что стал таким же сентиментальным, как и я. Финес называл меня самым дорогим другом и сказал, что ничего не пожалеет, чтобы я с триумфом вернулся в мою дорогую долину, где смогу жить в мире с моей леди, да защитят Дева Мария и святые нас обоих.

Я чуть не плакал от его великодушия, и нам пришлось повторить все наши клятвы в вечной дружбе.

– Как я смогу когда-нибудь отблагодарить тебя?

– Я сделаю это даже без всякой надежды на какую-то благодарность с твоей стороны, – сказал он, утирая слезу с глаза, – но уж если ты спросил, друг мой, есть одна маленькая вещица, которую ты бы мог для меня сделать.

– Что угодно, – ответил я. – Что скажешь, Финес, мой самый дорогой, самый добрый друг.

– Я понимаю, это всего лишь праздная мечта, – проговорил он, утирая еще одну слезу, – но когда-нибудь мне бы хотелось сказать этим снобам, которые называют меня дешевкой, что у меня в зятях ирландский пэр.

Я был не настолько пьян, чтобы не понять причину такого поразительного гостеприимства, но все же достаточно выпил, чтобы удивиться или возмутиться. В конце концов, если бы он вошел в мой дом с мальчиком, который рано или поздно станет бароном, я бы тогда не раз мечтался? Не представил бы драгоценного наследника мужем одной из моих дочерей? Мне это показалось вполне разумным соображением, и расстроился я только потому, что понимал: я не имею власти над будущим Неда.

– Финес, прекрасный план! – воскликнул я. – Но Нед мне не сын. У меня нет никакой возможности...

– По сути, ты сейчас его опекун, разве нет?

– Да, но...

– Макс, послушай меня. Конечно, искусство подбора пар в наши дни сильно отличается от того, что было, когда росли мои родители в графстве Уиклоу, но есть такая вещь, как предоставление двум молодым людям возможности. Мы, естественно, ничего им не будем говорить, потому что если скажем, то они точно разбегутся в разных направлениях, но если я позднее пришлю одну из моих девочек на какое-то время в Ирландию в гости к тебе, Саре и Неду, кто может сказать, что из этого выйдет? Сара поучит ее, как быть настоящей леди, и представит ее в Дублинском замке...

Меня посетила одна очень трезвая мысль: если я хочу оправдания, то лучше мне поклясться, что я горы сдвину ради его дочери.

– А какую дочь ты имеешь в виду? – с интересом спросил я.

– Понимаешь, Конни и Донах очень маленькие, а Клер хотя и самая старшая, но такая домашняя и слишком застенчивая для подобного дела. Я думал о Керри. Она – моя любимица, – добавил он, и его голубые глаза затуманились от чувств. – Керри храбра, как лев, и отважна, как мальчишка. Когда станет постарше, для нее посетить вас в Ирландии будет прекрасным приключением.

Я подумал: у Неда нет никаких обязательств жениться на ней. Даже сам Финес заметил: в наше время детям не прикажешь. Мы с Сарой сделаем для девочки все, что в наших силах, после чего она сможет вернуться в Америку, и никто не будет в обиде.

– У нее будет неплохое приданое, – добавил Финес. – Знаю, брак требует денег, но я мог бы устроить так, чтобы у тебя были кое-какие свободные деньги. Я думал, что ты можешь оказаться в нелегкой ситуации, когда вернешься в Ирландию. Ведь Сара настоящая леди, я красивее в жизни не встречал, и у нее есть определенные ожидания, она будет рассчитывать, что ты ее обеспечишь. А мужчине ничто так не подрезает крылья, как отсутствие денег, в особенности когда речь идет о настоящей леди.

После некоторой паузы я признался:

– Это правда.

– Мы могли бы договориться о трети сейчас, – предложил Финес, – и о двух третях после свадьбы.

– А если ничего не получится?

– Ты можешь оставить себе ту треть, что я тебе дам сейчас.

– И сколько?

– Достаточно, чтобы ты мог без хлопот вернуться в Ирландию.

Достаточно, чтобы расквитаться с твоим врагом Макгоуаном. Достаточно, чтобы вы могли продержаться, пока Сара не получит содержания от мужа.

Еще одна пауза.

– Для меня это будет хорошим вложением, – добавил Финес, – а для тебя – удачей. Что скажешь?

– Ты предложил мне сделку, которая устраивает нас обоих, – признался я.

– Значит, решено. Макс, ты отличный, честный парень, с которым можно вести дело без опаски, и я клянусь святым распятием, нет другого человека, которого я с такой радостью мог бы назвать своим другом! Скажу моим юристам, чтобы они подготовили договор, – ты увидишь, что я слов на ветер не бросаю.

– Мне и твоего слова достаточно! – возразил я, но не слишком энергично, потому что никакого вреда оттого, что договоренность будет записана на бумаге, нет. Я решил, что сделка выгодная. Я получу кое-какие деньги без всяких неудобных обязательств, потому что мне не придется отдавать ему деньги, когда Нед скажет Керри, что хочет зажарить другую рыбку.

– Конечно, если ты, вернувшись в Ирландию, откажешься принять Керри, – предупредил Финес, – я буду ждать возврата денег, но ты можешь не беспокоиться, мои адвокаты запишут все как надо. За это мы и платим юристам, правда? Чтобы они предусмотрели все возможности.

Я решил прочесть каждое слово в соглашении не меньше трех раз.

– Да, иметь хороших юристов, наверное, здорово, – согласился я. – Ты не забудешь им сообщить, что все это зиждется на твоём обещании получить для меня оправдание?

Он рассмеялся:

– Да получишь ты свое оправдание! – Он поднял бокал. – Давай выпьем за дорогую маленькую королеву, которая тебя оправдает!

– За дорогую маленькую королеву! – с энтузиазмом воскликнул я.

И вот мы, два пьяных ирландца, ненавидевшие саксонцев, пили за здоровье королевы, словно от нее зависело, состоится ли свадьба ирландской девочки и мальчика, в жилах которого текла одна лишь саксонская кровь.

– Где еще есть такой чудесный народ, как ирландцы? – страстно спросил я, обращаясь к Саре, когда ложился к ней в постель, но долго продержаться не смог – уснул, так и не услышав ее ответа.

Глава 5

1

Я сказал Саре о моей договоренности с Финесом только три недели спустя, когда мы нашли отличное жилье с горничной для готовки пищи и уборки, как я ей и обещал. Одну из этих недель мы провели в Ньюпорте у океана, и Нед был счастлив выше крыши – носился целыми днями с хихикающими девочками. Гувернантка была потрясена, она сообщила Море Галахер, что не следует позволять девочкам носиться целыми днями как сумасшедшим на открытом воздухе, но Мора только улыбнулась и сказала, что все, мол, хорошо, спасибо, гувернантке не стоит беспокоиться за стайку детей, наслаждающихся солнышком.

– Они совсем впадут в неистовство, – заметила Сара. – И покроются веснушками.

Но больше никакой критики от нее я не слышал, и всю неделю она была само обаяние с Галахерами, а со мной, когда мы оставались вдвоем, – сама страсть.

Ньюпорт испокон веку был рыбацкой деревней, но теперь стал очень роскошным и модным, миллионеры застроили его дворцами из белого мрамора. Дворцом Финес не обзавелся, хотя он наверняка мог себе его позволить, но вилла была абсолютно в его стиле, удобная и уютная, как и его дом в Бикон-Хилле. Сад тянулся до самых скал у кромки воды, и почти из всех окон можно было увидеть море.

Я пришел к выводу, что океан мне нравится. Мой опыт путешествия на иммигрантском пароходе привил мне неприязнь к морю, но тут я вскоре обнаружил, что нет ничего приятнее, чем прогуляться на морском воздухе или нырнуть в воду, когда наступает темнота и никто не видит, что одежду я оставил у кромки воды. Купание в дневное время вызывало такие жаркие споры – у меня на них терпения не хватало, потому что там действовало столько правил относительно того, как нужно одеться, идя в воду, и когда это можно сделать, чтобы не оскорбить купающихся женщин. Вода была теплая, гораздо теплее ледяной воды Лох-Нафуи, и я спокойно плавал, поглядывая на звезды и думая об Ирландии.

Поскольку Ньюпорт оказался таким приятным, то, вернувшись к городской жизни, легко было найти повод для неудовольствия, но

настроение у нас снова поднялось, когда мы переехали. Я боялся искать новое жилье, потому что мое недельное жалованье исключало возможность снять такое, какого я хотел для Сары, и я не желал селиться в Норт-Энде со всеми ирландскими иммигрантами. Но на помощь опять пришел Финес. Ему принадлежал дом в прекрасном богатом районе на тихой улочке неподалеку от Мальборо-стрит, и он сдал нам его без арендной платы. Это был один из таких современных домов, с кухней в подвале, кухонным лифтом в кладовке и помещением для пяти слуг на чердаке, так что мы едва ли понимали, что нам делать со всем этим пространством, но, как я сказал Саре, лучше иметь пространства больше, чем нужно, а не меньше. И вот мы закрыли чердак, наняли приходящую горничную и были вполне счастливы. Я опасался, что Саре не понравится мебель, но она была так рада иметь наконец собственную крышу над головой, что, казалось, никакой мебели и не замечала.

Я испытал облегчение оттого, что она одобрила дом, и, когда мы обосновались, решился рассказать ей о моей договоренности с Финесом.

– Максвелл! – в ужасе воскликнула Сара.

– Послушай, – успокоил я, – какой у меня был выбор? И в любом случае Нед не обязан на ней жениться.

– Очень на это надеюсь! Я что хочу сказать, – проговорила Сара, придя в себя, – две младшие девочки весьма миленькие, у старшей хорошие манеры, но вот Керри не по годам развита! Мне не нравится мысль терпеть ее у себя в доме долгие месяцы.

– Ну, я не удивлюсь, если ко времени приезда она поумнеет. И потом, это означает, что я получу оправдание.

– Да, конечно. Это самое главное. Я это понимаю.

Я решил, что сейчас не лучшее время посвящать ее в детали финансового соглашения, а потому просто сообщил, что Финес выразил желание помочь нашему возвращению в Ирландию в качестве дополнительного вознаграждения за наши заботы о Керри, когда придет время.

– Он очень щедр, – вежливо согласилась Сара, но я знал: она все еще нервничает из-за моих договоренностей с Финесом Галахером.

Как только мы обосновались на новом месте, Сара стала готовить Неда к школе. Финес, который предложил заплатить за обучение, рассказал ей, куда все снобы отдают своих детей. Директор, узнав, что среди его учеников будет мальчик со словом «почтенный» перед фамилией, имеющий отца-барона, наизнанку готов был вывернуться. Неду давно пора было продолжить образование, а то он после нашего отъезда из Ньюпорта

шлялся, не зная, чем заняться. Я, конечно, считал, что школа – хорошая идея, но Неду такая перспектива очень не понравилась, он взвился, как мул, покусанный блохами.

– Школы – все равно что тюрьмы, – мрачно заявил он.

– Если бы ты когда-нибудь побывал в тюрьме, то сам бы посмеялся над своими словами. И в любом случае речь ведь не идет о пансионе – ты каждый вечер будешь возвращаться домой.

Выглядел он мрачнее обычного, и уголки его губ опустились.

Сара с ума сходила из-за этого и не поверила моим объяснениям, что Нед просто никогда не учился в школе и боится ее. Она хотела пойти с ним в школу в первый день, но я подумал, что ему будет неловко, а потому предложил проводить его. Ни один тринадцатилетний мальчишка не хочет выглядеть так, будто он все еще держится за материнскую юбку.

Он не хотел иметь меня в провожатых, но я дошел с ним до ворот и там попрощался.

– Дам тебе один совет, – сказал я, перед тем как расстаться с ним, – видел, что он очень бледен и не похож на себя. – Ты должен стоять за себя, а если кто-то попытается высмеивать тебя, потому что ты новичок и говоришь не как американцы, задай им перцу. Вот то, чему я научился, сойдя с парохода на американский берег, и я делюсь с тобой своим опытом – тебе может пригодиться. Удачи и пока, до встречи после занятий.

Несколько часов спустя он вернулся домой и спокойным, небрежным тоном сообщил нам, что у него есть два новых друга и приглашение покататься верхом на уик-энд.

– А как уроки, дорогой? – взволнованно спросила Сара.

– У них такие странные представления об английской истории, – буркнул Нед. – Довольно отсталые. И никто не говорит по-французски.

После этого Сара стала волноваться о нем чуточку меньше, но, к сожалению, это не означало, что ее заботы закончились. Она написала брату – просила его переправить ей остальные ее вещи: приближалась зима и отсутствие теплой одежды ее волновало. Чарльз прислал не только два дорожных сундука, но и стопку писем из Кашельмары.

Только одно из них было адресовано ей, остальные – Неду.

– Я не могу позволить ему прочесть их, – в панике сказала Сара. – Это будет слишком волнительно. Они его расстроят.

– Почему ты так говоришь? Когда вы оба были в Нью-Йорке, он получал письма от отца, верно?

– Да, но Патрик тогда думал, что Нед осенью вернется домой, даже если и без меня. Когда Патрик поймет, что мы уехали из Нью-Йорка, ему

станет ясно – его провели. Уверена, Чарльз написал ему, что мы покинули его дом.

– Значит, теперь твой муж пишет Неду, чтобы он оставил тебя и вернулся домой. И что с того? – Я перетасовал письма, словно колоду карт. – Нед не слушается его. Ты слышала за последние полгода, чтобы он хоть раз назвал имя отца?

– Но Патрик наверняка ругает меня, пишет всякие пакости. Это смутит Неда, повредит ему.

– Ну, есть способ успокоить тебя – вскрыть письма и прочесть, – предложил я.

Сара не хотела делать это, но в итоге сдалась.

Мы молча прочли письма.

– О боже, – выдохнула она, когда мы дочитали последнее и положили его к остальным на стол. – Максвелл, мы не можем позволить ему прочесть их.

Я ответил не напрямую:

– А что в твоём письме?

Оно было более оскорбительным, чем прежние. Начиналось оно словами о том, что, как ему стало известно (от Чарльза), она – моя любовница и упала слишком низко, а потому может рассчитывать увидеть детей только в случае немедленного возвращения. Он клялся, что Сара может не опасаться Хью, который готов относиться к ней со всем возможным уважением, но если она не вернется домой к Рождеству, то прощения не будет и Сара больше никогда не увидит других детей. Кроме того, Патрик примет меры, чтобы вывести Неда из-под ее влияния. Ей не следует думать, что он не сможет дотянуться через Атлантику, хотя океан и имеет ширину три тысячи миль. Он наймет наилучших адвокатов для ведения этого дела, и, поскольку он ведет примерную жизнь, тогда как Сара выставляет напоказ свою безрассудную страсть, скандализируя весь Нью-Йорк, в исходе дела можно не сомневаться. Завершал он, как обычно, подлым образом ударяя ее в самое больное место: дети плачут каждый вечер, ложась спать, – так скучают по ней.

– Не верь ни одному его слову, – сразу же успокоил я Сару. – Слова о суде и присяжных – чистая ложь, чтобы напугать тебя, потому что нет сомнений: ему не удастся скрыть свою содомию, если дело когда-нибудь дойдет до суда, а содомия – это тебе не супружеская измена, сам Господь так сказал черным по белому в Библии. Что касается плачущих детей перед сном – этому тоже невозможно поверить. Конечно, они скучают без тебя, но он сильно преувеличивает, раздувает, чтобы ты чувствовала себя

виноватой.

– Знаю, – устало пробормотала она. – Я примирилась с подобными замечаниями много месяцев назад. И насчет юридической стороны ты тоже, пожалуй, прав. Но эти другие письма, Макс... мы не можем позволить Неду прочесть их!

– Мм... – Я взял одно из них. – «Мой дорогой Нед, я думаю, твоя мать несправедливо настроила тебя против меня... Я имею право просить тебя вернуться, а твой долг – подчиниться, но, Нед, я не хочу говорить о праве и долге. Я хочу говорить о любви, а потому говорю: если ты любишь меня – а я знаю, что ты прежде любил меня, – возвращайся, пожалуйста, и не слушай больше свою мать. Я не скажу ни слова против нее, потому что знаю – ты ее тоже любишь, но знаю и кое-что еще: она подпала под влияние человека, которого я не могу назвать иначе как коварным и беспринципным, – человека, который не ровня ни ей, ни тебе. Ты очень умный и взрослый, гораздо умнее и взрослее, чем я твоим возрасте, но, Нед, ты еще слишком молод и недостаточно знаешь мир, чтобы понимать: этот человек, Максвелл Драммонд, не остановится ни перед чем, чтобы удовлетворить свои амбиции. Для которого совершить убийство или насилие – все равно что сдать колоду карт...» Мы покажем эти письма Неду, – решил я. – Он уже достаточно хорошо знает меня и поймет, что эти обвинения – наглая ложь.

– Нет, – возразила Сара.

Мы посмотрели друг на друга, и я рассмеялся.

– Если ты сталкиваешься лицом к лицу с быком, возьми его за рога, – легкомысленно бросил я.

– Максвелл, это не игра в покер.

– А я не пытаюсь блефовать! Что тебя беспокоит, дорогая?

– Если Нед прочтет это письмо, он встанет на сторону отца. Поверит каждому слову Патрика. Понимаешь, он вырос, будучи уверен...

– Что я – инкарнация дьявола?

– Что ты несешь ответственность за убийство Дерри Странахана.

– А, так это убийство Дерри Странахана сделало меня знаменитым, – сказал я, по-прежнему улыбаясь. – А я весь тот день провел в Линоне, покупал водоросли у Томси Маллигана.

– Да, – согласилась она, – я знаю, что ты был в Линоне.

– И ты считаешь, будто я нанял кого-то из своих родственников, чтобы он вонзил нож в спину Дерри Странахана!

– Я этого не говорила, – ответила она, явно нервничая, а когда я снова рассмеялся, поспешила добавить: – Я ненавидела Дерри и только

порадовалась, когда его убили. Если ты организовал это убийство, можешь мне так и сказать. Моя любовь к тебе от этого не изменится. Ее ничто не может изменить. Но все равно я бы хотела знать правду. Ты несешь ответственность за смерть Дерри?

– Детка, – пробормотал я, притягивая ее к себе и целуя, – клянусь тебе памятью моей покойной матери, что во всех разговорах, которые я вел со своей родней, слово «убийство» ни разу не сорвалось с моих губ.

Она прижалась ко мне. Я видел собственное лицо в настенном зеркале, но ее лицо было скрыто от моих глаз. Сара льнула ко мне, и я чувствовал упругость ее груди, прядь ее густых черных волос ласкала мою щеку.

– И все равно, Максвелл, думаю, с нашей стороны человечнее, если мы пока утаим эти письма от Неда, – услышал я ее голос. – Они его только расстроят. Я их не выкину – это было бы неверно, – но я подожду некоторое время, прежде чем дам ему прочесть их.

– Как скажешь, детка. – Я повернул к себе ее лицо, чтобы поцеловать в губы.

На целый час после этого мы забыли о письмах, но, когда Сара о них вспомнила, ей в голову пришла неприятная мысль:

– Максвелл, а если Патрик приедет в Америку и заберет Неда?

– Господи Иисусе, Сара, у них не было денег даже на то, чтобы отправить Неда через Атлантику с наставником. К тому времени, когда они наберут столько денег, мы уже будем в Ирландии.

У меня самого на сей счет были сомнения, но я решил держаться твердой линии, чтобы она не ворочалась всю ночь без сна. Но вышло так, что уснуть не получалось у меня. Я молил Бога, чтобы получить оправдание до Рождества.

Тем вечером я сам сел за письма. Отправил Эйлин немного денег и попросил купить на них рождественские подарки, написал моей любимой дочери Салли, чтобы она остерегалась молодых дублинцев, которые теперь наверняка домогаются ее. Еще написал Максу и Денису – пообещал спасти их от города и вернуть к земле. Потом ждал ответов от них, но так и не дождался. Наконец, по прошествии многих недель, пришло письмо от Эйлин, которая сообщала, что Салли вышла замуж и уехала в Англию, а мальчики (но не девочки) знают, что я живу в грехе, да простят Бог и все святые мою душу.

«От сестры отца Донала я знаю, что об этом судачит весь Клонарин, – писала она, – потому что слуги в Кашельмаре говорят, лорд де Салис с утра до вечера только и занят тем, что проклиняет вас обоих. Слава Господу хотя бы за то, что я больше не живу в долине, где все жалеют меня и девочек, и

дочери не знают позора. Надеюсь, ты добьешься прощения и вернешься домой в Ирландию, потому что я ни одному ирландцу не желаю изгнания, но прошу тебя не приходить на мой порог, если только ты не придешь как муж, ищущий примирения с женой, но даже и в этом случае я не знаю, смогу ли тебя простить, хотя священник, наверное, скажет мне, чтобы я попыталась. Но ведь ты не придешь, верно? Ты опять замахнулся на неровню тебе, как всю жизнь это делал. Никогда не удовлетворялся тем, что имел. Тебе было недостаточно того, что ты крупная рыба в мелком пруду. Тебе всегда хотелось поплавать в пруду побольше, поглубже, и, думаю, теперь ты получил, что хотел. Могу только остеречь тебя: будь осторожнее, потому что в больших прудах водятся рыбы крупнее, чем ты когда-либо станешь, и они тебя уничтожат, если ты слишком часто будешь вторгаться на их территорию. Будь у тебя немного здравого смысла, ты бы удовлетворился тем, что имеешь, а не плавал бы на глубинах, где никогда не будешь чувствовать себя как дома».

Дня два я держал письмо при себе, а Саре показал только тогда, когда понял, что она терзается от подозрений.

– У нее, конечно, есть основания сердиться на тебя, – пробормотала она потом.

– Почему? Наша любовь умерла задолго до того, как я полюбил тебя. Она ведет себя как собака на сене. Меня она не хочет, но при этом не желает, чтобы у меня был кто-то другой.

Но мне не нравилось думать о том, что мои девочки сгорают от стыда, мальчики не отвечают на мои письма, а Эйлин делится своими обидами направо и налево. Я написал ей еще раз. Сообщил, что уважаю ее положение моей жены и сделаю все, чтобы она ни в чем не нуждалась, когда вернусь в Ирландию, что никогда не хотел обидеть ее или заставить краснеть, но она должна понять, что я люблю Сару и ничего с этим нельзя поделать. Это не имеет никакого отношения к амбициям. Нет смысла относиться ко мне как к расчетливому чудовищу, которое любит головой, а не сердцем, и не стоит пытаться объяснить мое поведение какими-то рассудочными соображениями.

«Это как Божий промысел, – смело написал я, хотя знал не хуже кого другого, что людей в грехе соединяет дьявол, а не Бог. – Бесплезно рассуждать о грехе. Я, разумеется, предпочел бы жить в Божьей благодати и каждое воскресенье ходить на мессу, но поскольку это невозможно, то и говорить об этом бессмысленно. Грех священникам и людям, которые не знали искушений, болтать о том, чему человек не в силах противиться».

Но я не думал, что Эйлин поймет это, и меня не удивило, когда я не

получил от нее ответа.

Эйлин, может, и не писала, но иные письма из Ирландии не переставали приходить. Перед Рождеством пришел пакет из Кашельмары, внутри Сара нашла письма от детей.

Прежде они ей никогда не писали.

«Дорогая мама, – печатными буквами писал Джон, выворачивая букву „р“ задом наперед, – я теперь умею писать, пожалуйста, возвращайся. Я тебя люблю. Джон».

Элеонора, которой исполнилось всего одиннадцать, писала красивым почерком: «Дорогая мамочка, мы очень скучаем по тебе и Неду. Хотим поскорее тебя увидеть. Это уже второе Рождество без тебя, и Джейн даже не помнит, каким бывало Рождество, когда ты жила здесь. Я каждый день рассказываю Джейн про тебя, чтобы она тебя не забыла. Нэнни говорит, что ты наверняка скоро к нам приедешь. Когда это случится? Пожалуйста, поцелуй от меня Неда. С любовью от твоей преданной дочери, Элеонора».

Джейн прислала три картинки толстых оранжевых животных и подписала их «Мои коты».

Де Салис вложил в пакет еще два письма, одно, очень типичное, Неду, а другое, совсем нетипичное – Саре, явно написанное под диктовку Макгоуана.

«...Я считаю, будет только справедливо предупредить тебя, что, если ты не вернешься к Пасхе, я подам иск о восстановлении супружеских прав, и это станет началом бракоразводного процесса на основании супружеской неверности и оставлении семьи. Безусловно, я получу полную опеку над всеми детьми. Ратбон говорит, что у тебя оснований для развода нет, поскольку в случае предъявления мне обвинения в супружеской неверности я смогу доказать, что ты не возражала. Что касается моего нынешнего поведения, то его можно назвать примерным, и ты не сможешь доказать противного. Остаюсь твоим преданным и любящим мужем...»

– Максвелл... – проговорила Сара в ужасе, слезы потекли у нее по лицу. – Максвелл...

– Это блеф! Сколько еще раз повторять – он блефует! Его угрозы гроша ломаного не стоят!

И все это время я в ярости думал: мой враг Макгоуан. Моя Немезида.

– Но, Максвелл...

– Если они могут блефовать, то можем и мы, – сказал я. – Напиши, что ты серьезно подумываешь о возвращении. Намекни, что, вероятно, вернешься к Пасхе. А я поговорю с Финесом о моем оправдании.

Но адвокаты Национальной лиги все еще работали над делом, а

Парнеллу, хотя он и ответил на письмо Финеса, тоже сообщить пока было нечего.

Первого апреля я сказал Саре:

– Напиши де Салису, что будешь дома в сентябре, когда Нед закончит год обучения в школе, а ты проведешь август в Ньюпорте.

Это походило на игру в покер. Я почти видел зеленое сукно и колоду карт, пирамидки фишек, которые все растут и растут, а по другую сторону лицом ко мне сидел Макгоуан, мой враг, моя месть. Он делал вид, что у него беспроегрывшая игра, подталкивал меня к тому, чтобы я еще повысил ставку.

В конце мая я выскочил из дома Галахера и бежал всю дорогу до Мальборо-стрит.

Сара пребывала в жутком состоянии, глаза красные и распухли от слез, руки так дрожали, что она едва смогла передать мне письмо от юристов де Салиса, которые сообщали ей, что подают иск о восстановлении супружеских прав.

– Посмотри на письмо, которое прислал мне мистер Ратбон! – сквозь слезы проговорила она. – Посмотри!

– А ты посмотри на письмо, которое я получил от королевы! – закричал я, помахивая над головой бланком лорд-канцлера. – Сара, мы возвращаемся домой! Домой!

2

Последние шесть месяцев были трудными.

Прежде Сара чувствовала себя незащищенной, но потом груз ее тревог перешел на меня и в течение этих шести месяцев сидел на моих плечах, словно ворон на поминках. Я все убеждал себя, что она не бросит меня, но уверенности в том не испытывал. Сара доводила себя до иступления, думая о детях и об угрозах. Ее нетерпение нарастало, она думала, что я никогда не получу оправдания. Возможно, даже считала, что я лгу ей, чтобы удержать при себе. Мы ссорились, мирились в отчаянии и тут же ссорились снова. Чем сильнее становился мой страх потерять ее, тем очевиднее я ощущал в себе инстинкт собственника, а чем больше Сара боялась потерять детей, тем меньше ей хотелось быть собственностью. Я злоупотреблял выпивкой, а на работе при малейшей провокации выходил из себя. Сара плакала, я мрачнел, а Нед проводил все больше времени в

Бикон-Хилле в доме Галахера.

Так близко, думал я каждый день, и в то же время так далеко. И тосковал по Ирландии с такой силой, что мне каждую ночь снилось, будто я скачу верхом по долине к Кашельмаре, сказочной Кашельмаре, таинственно мерцающей как невысказанное обещание, манящей меня все сильней и сильней к самому концу моих снов.

– Макс, дорогая маленькая королева наконец-то оправдала тебя, – сказал Финес Галахер.

Я представил себе круглый холл и мраморный пол Кашельмары и библиотеку со стенами, уставленными книжными шкафами, и ее громадным квадратным столом у окна. Вспоминал старого лорда де Салиса – вот он сидит за столом и говорит мне, что хочет отправить меня в Сельскохозяйственный колледж в Дублине. А еще вспоминал, как он говорил мне позднее, что, поскольку я не воспользовался предоставленными мне возможностями, он больше не хочет иметь со мной дела. Старый лорд де Салис был самый закоренелый саксонец, каких я видел, но при этом – лучший землевладелец к западу от Шаннона и единственный человек, который внушил мне страх. Он был очень высоким, гораздо выше меня, и держал себя на удивление прямо, смотрел темно-голубыми глазами сланцевого оттенка.

«Хватит, – сказал он мне. – Я больше не собираюсь выслушивать от тебя дерзостей. Если я захочу, то завтра смогу тебя уничтожить – и советую тебе не забывать об этом».

Говорил он голосом ровным, как полированная сталь, и, хотя никогда не кричал, я его боялся, потому что тогда только-только женился и моя жена уже забеременела, так что время впасть в немилость моего благодетеля было самое неподходящее. Старый лорд де Салис был крупной рыбой, как могла сказать бы Эйлин, и он плавал в пруду, над которым никогда не заходило солнце... Но все это было так давно, и теперь мне уже больше не увидеть его лица. Я вместо этого буду сидеть за столом, за которым прежде сидел он, а вокруг будет его дом, Кашельмара, и я назову его дом моим.

– Мы должны это отпраздновать! – воскликнула Сара, сверкая глазами, и мы все оделись и пошли обедать в «Лок-Оберс» – самый шикарный ресторан Бостона.

Сара беспокоилась, что там будет слишком дорого, но я исполнился решимости отвести ее в такое место, где все будут восхищаться ее красотой и узнавать в ней титулованную леди, какая она и есть.

– Максвелл, это было очень мило, – сказала Сара, когда мы залили

шампанским благородную пищу, а едва улыбнулась, мое сердце чуть не разорвалось от радости: она снова счастлива, а долгие, тяжелые месяцы ожидания остались позади.

Мы вернулись домой, легли в постель, и все было хорошо между нами, так хорошо, что трудно даже было представить, какие тяжелые времена мы пережили. Мы долго двигались вместе, а когда я наконец уснул, мне снилась не Кашельмара, а Макгоуан, который скачет через большие ворота к вечному проклятию.

3

– Максвелл, что ты собираешься сделать с Макгоуаном? – спросила Сара.

Она задала этот вопрос на следующее утро после торжественного обеда. Сара укладывала волосы, я курил сигарету, а издали, из кухни, доносилось звяканье тарелок – горничная готовила посуду к завтраку.

– А что, по-твоему, я с ним сделаю? – поинтересовался я с улыбкой и выпустил колечко дыма к потолку, чтобы подразнить ее.

Она улыбнулась мне в ответ в зеркале.

– Ты совсем мне не доверяешь? – спросила она.

– Я ведь защищаю тебя! Леди вроде тебя не должна беспокоить себя мыслями о таком ублюдке, как Макгоуан.

Она положила гребень и повернулась ко мне:

– Я дошла до того этапа, когда мне хочется думать про него. Я не один год каждый день думала о нем, как и ты.

Я выпустил еще одно колечко в потолок и почувствовал, как просела кровать, когда она легла рядом.

– Не держи свои планы при себе, – сказала она. – Поделись ими.

Наши глаза встретились. Сигарета горела у меня между пальцев. Спустя какое-то время я проговорил:

– Лучше тебе не знать слишком многого. В таком случае тебе проще потом будет выглядеть удивленной и невинной.

– Но...

– Сара, все это риск. Даже тебе не следует знать, какие опасности меня подстерегают.

– Но не можешь ли ты хотя бы намекнуть мне...

– Конечно могу. Возмездие настигнет Хью Макгоуана именно так, как

тебе хотелось.

– Именно так?

– Именно, кроме ожерелья, да и то лишь потому, что на его теле не должно остаться следов, которые невозможно объяснить простым падением с лошади.

Она рассмеялась, потом ее передернуло.

– Максвелл, это же всегда было только шуткой.

– Уверена? – спросил я, и она не ответила.

Мгновение спустя я снова почувствовал, как ее пробрала дрожь.

– Мне очень страшно. Не хочу, чтобы ты во второй раз оказался в тюрьме. Я бы предпочла, чтобы Макгоуан остался безнаказанным.

– Макгоуан не останется безнаказанным, – ответил я. – И ни в какую тюрьму я не попаду. Не бойся, дорогая, все будет хорошо, обещаю. Просто мы должны быть осмотрительны и принимать все меры предосторожности. Например, я думаю, нам лучше перетянуть братьев твоего мужа на нашу сторону, а поскольку они не любят Макгоуана, то ими наверняка будет не так уж трудно управлять. Почему бы тебе не написать им, сообщить, что возвращаешься в Ирландию с Недом, сказать, что ты хотела бы встретиться с ними в Голуэе и обсудить ситуацию.

– А про тебя писать?

– Нет, они с большей степенью вероятности приедут в Голуэй, если будут думать, что вы с Недом вдвоем.

И она написала двум младшим братьям де Салиса, хотя мы собирались покинуть Бостон до конца месяца и понимали, что ответа до нашего отъезда получить не успеем.

– Пожалуй, мне нужно поговорить с Недом, но что ему сказать? – нервно спросила Сара.

– Скажи, что его дяди будут ждать нас в Голуэе и помогут тебе уладить дела с его отцом. Нет нужды посвящать его в подробности. Этого более чем достаточно, чтобы его ублажить.

Но Нед счел, что этого вовсе не достаточно, и, когда он решил показать свое упрямство, возникла неловкая пауза.

– А что скажут мои дядюшки, увидев мистера Драммонда? – поинтересовался он, после того как Сара опасно разъяснила ему ситуацию.

– Дорогой, я уверена, Томас и Дэвид поймут, что я предпочла не путешествовать без сопровождения.

– Они знают, что ты живешь с мистером Драммондом? Что они скажут, когда поймут, что ты любовница мистера Драммонда? Ты

собираешься открыто жить в грехе по возвращении в Ирландию?

– Нед! – воскликнула Сара вне себя от смущения. Полагаю, леди не любят, когда их сыновья говорят о таких вещах.

– Сара, ты не могла бы оставить нас на минутку? – попросил я. – Мы с Недом обсудим это вдвоем.

Сара покорно вышла, а Нед раздраженно посмотрел на меня.

– Нед, послушай меня, – любезно сказал я, когда мы остались вдвоем. – Вот тебе ответы на твои вопросы. Да, твои родственники должны знать, что я живу с твоей матерью, ведь об этом знает и твой отец, и нет, мы, вернувшись в Ирландию, станем образцом целомудрия, поскольку не хотим испортить шансы твоей матери на справедливое слушание в суде. Тебя это устраивает?

– Пожалуй. Мистер Драммонд, я ценю все, что вы сделали для моей матери в прошлом, и никто не испытывает к вам большей благодарности, чем я, но я не могу допустить, чтобы вы и дальше так утруждали себя ради нас. Я уже достаточно взрослый, чтобы позаботиться о моей матери, и думаю...

– Послушай, сынок, – прервал я, – ты хочешь следующие несколько лет провести в Кашельмаре или нет?

– Конечно хочу, но...

– Тогда дай мне возможность так разложить эту колоду, чтобы устроило всех. Я знаю, ты бы предпочел, чтобы твоя мать жила как монахиня, но она не монахиня и никогда ею не станет, и это не такая уж катастрофа, потому что многие мужья и жены все бы отдали, чтобы быть такими счастливыми, как мы. И, кроме того, я буду сражаться за нее так, как ни один муж не сражался за свою жену. Так что верь мне, и давай будем союзниками, как нам и должно, потому что, если мы поссоримся, больше всех будет страдать твоя мать, а этого не желает ни один из нас.

– Да, сэр, – пробормотал он, не глядя на меня, но я услышал уважение в его голосе и понял, что выиграл это сражение. Я с облегчением вздохнул, когда он поинтересовался:

– А как вы разложите колоду для мистера Макгоуана?

– Мистер Макгоуан должен будет покинуть Кашельмару, – сказал я. – Он мошенничал, высосал из твоего отца кучу денег. Управляющих всегда можно уволить в связи с утратой доверия.

– И кто его уволит?

– Меня не удивит, если твои дядюшки смогут добиться этого, если пойдут в суд и объявят твоего отца недееспособным, но, может быть, Макгоуан уйдет по собственной воле, когда поймет, что его игра окончена.

– Да, понимаю. Мне не придется встречаться с отцом?
– Конечно нет.
– Но разве он не останется в Кашельмаре?
– Когда уедет Макгоуан?
– Вы хотите сказать, что мой отец уедет с Макгоуаном и я смогу взять маму в Кашельмару?

Я улыбнулся ему, ничего не ответив.

– Теперь, когда я знаю, что происходит, то чувствую себя лучше, – признался Нед. – Извините, что был груб с вами. Знаю, что вы делаете все возможное, чтобы помочь нам.

– А как же! – подтвердил я. – Разве я не обещал тебе давно в Нью-Йорке, что настанет день – и я привезу тебя и твою мать назад в Кашельмару, и неужели я, по-твоему, из тех людей, которые не держат своих обещаний?

– Нет, конечно, я так не думаю, сэр, – поспешил сказать он, и мы снова стали друзьями, хотя, должен признать, парень напугал меня своими вопросами. Он был сметливым и с каждым днем становился все сообразительнее.

В конце июня, после нескольких недель хлопотливых сборов, мы отправились в Ирландию, и все Галахеры приехали в порт провожать нас. Мы, разумеется благодаря щедрости Финеса, взяли билеты на лучший пароход, и как только я увидел огромный корабль на воде, то понял, что мое второе путешествие через Атлантику будет сильно отличаться от первого.

Две младшие девочки плакали, прощаясь с Недом, и Клер пролила слезу, а Керри только похихикивала.

– Не выпади за борт, – бросила она Неду, и тот захихикал в ответ.

На Керри было розовое платье, в котором она казалась более пухленькой, чем обычно, а когда она подпрыгивала, ее юбки взлетали, и я видел дыры на обоих ее чулках.

– Такая дурнушка, – заметила мне потом Сара, и мне пришлось согласиться, что Керри незамысловата, как кусок масла, но масло бывает таким вкусным, если подать его сразу со сбивалки.

Мы, само собой, ни слова не сказали Неду о наших планах касательно Керри, и потому Сара была потрясена, услышав, как Нед говорит Керри:

– Приезжай когда-нибудь в Ирландию погостить.

– Конечно – почему нет? – пообещала Керри. – Мы все приедем, правда, па?

Финес охотно это подтвердил, поскольку в его сердце никогда не умирало желание посетить в один прекрасный день родину, и, как только

Керри отвернулась, он посмотрел на меня благодушным понимающим взглядом.

Пароход отчалил. Светило солнце. Берега Америки скрылись в горячей туманной дымке, и теперь нас с Ирландией не разделяло ничего, кроме трех тысяч миль посверкивающего океана.

Глава 6

1

Я увидел ирландские небеса с их рваными облаками, а когда выглянуло солнце, то свет стал мягким, нежным, совсем непохожим на яркое пекло Бостона или Нью-Йорка.

– Как замечательно снова увидеть эту землю! – с облегчением воскликнула Сара, а я не мог говорить.

Видел темно-синие дремлющие горы Клэра, а вдали солнце высвечивало Голуэй, а я словно уже был на пути в Утерард, направлялся на север, в Коннемару и Джойс-кантри.

– Вот странно будет снова увидеть Голуэй, – с тревогой сказала Сара, но я больше не видел ничего, кроме смутных отблесков на воде под ирландским небом.

– А посмотрите на луга над Солтхиллом! – удивленно воскликнул Нед. – Посмотрите на цвет полей.

Встречая нас, пролился мягкий ирландский дождик, хотя солнце по-прежнему освещало горы вдали.

– Мама, посмотри! – восхищался Нед. – Посмотри на шпильки... и лодки... и дома в Кладдахе упакованы, как ящики.

А у меня была одна мысль: спаси Бог тех несчастных американских ирландцев, которые никогда больше не увидят этого. Я подумал о Финесе и его деньгах и пожалел его.

– Да, с моря очень красиво, – согласилась с Недом Сара. – Отсюда не видно убожества и нищеты.

– Никто из тех, кто живет в Ирландии, не может быть убогим, – возразил я, и Сара, улыбаясь, сжала мою руку и сказала, как, вероятно, волнительно для меня возвращение.

Я вспоминал ледяные ветры, метущие по длинным, прямым улицам Нью-Йорка, и грязные, вонючие проулки, испускающие смрадные запахи под палящим солнцем. Я подумал о том, что когда зажигаешь свечку, то видишь разбегающихся тараканов, а лежа в темноте, слушаешь, как скребутся крысы. Я видел пьяных изгоев, валяющихся на улицах, и размалеванных падших женщин в кабаре, и калек-нищих, от которых несет сточной канавой.

– Все закончилось, – пробормотал я. – Я дома.

В воздухе стоял запах рыбы и кое-чего похуже, но это не имело значения, и, когда мы причалили, я почти не замечал нищих или узких мощеных улочек, усыпанных навозом. Под моими ногами была ирландская земля, в ушах звучали ирландские голоса, и, клянусь Господом, не было на земле человека счастливее меня в тот момент.

– Я вернулся! – прокричал я и подбросил шляпу в воздух. – Я победил! Я поборол их всех! Я дома!

Я ухватил продававшую цветы женщину, поцеловал ее и дал золотой соверен.

– Обязательно выпей за мое здоровье сегодня, душка! – воскликнул я, хватая шесть букетиков фиалок, отчего та чуть не упала в обморок. – Потому что я ирландец, который вернулся домой из могилы.

– Экипаж, ваша честь, – предложил извозчик, который успел увидеть, как сверкнуло золото, и ринулся ко мне, опережая конкурентов.

– Городской экипаж! – величественно провозгласил я, позвякивая золотыми монетками в кармане, – вот я стоял здесь, воплощение мечты каждого ирландца: человек, который уехал в Америку в одной рубашке, а вернулся с карманами, набитыми золотом.

– «Большой южный железнодорожный отель»! – велел я извозчику, и название лучшего отеля в Голуэй-сити прозвучало так же непререкаемо и звонко, как поющие монеты в моем кармане.

Сара, смеясь, ухватила меня за руку. Какой же она была красивой, модной и веселой, и я чувствовал себя так, будто уже успел проглотить стакан потина, а еще один стоял нетвердо на столе передо мной.

– Господи Иисусе! – выдохнул я. – Я на небесах!

– Мы все на небесах! – воскликнула Сара, целуя меня, когда экипаж устремился вверх по холму в сторону площади.

Мы поехали в самую фешенебельную часть Голуэя и там увидели перед собой мощное здание отеля, через дверь которого ходили туда-сюда все щеголи Западной Ирландии.

– Мне нужен лучший номер, какой у вас есть, – сообщил я лакею, встречавшему нас. – Мне все равно, сколько он стоит, лишь бы был лучший. И мне нужно шампанское, очень холодное в ведерке со льдом, а еще принесите икру на серебряном подносе и шесть картофелин, запеченных в мундире, с вазочкой масла.

– Да, сэр, – сказал лакей, выпучив глаза.

Откуда-то издали донесся недоуменный мужской голос:

– Сара?

Я развернулся. Перед нами стоял тощий рыжеволосый молодой человек в круглых очках.

– Томас! – радостно воскликнула Сара и побежала в объятия деверя.

2

Он был ей не просто деверем, но еще и троюродным братом, сыном ее любимой тетушки, так что у нее были все основания радоваться встрече, но, на мой взгляд, Томас был слабым маленьким саксонцем, и мне не понравился взгляд, которым он смерил меня. Но я знал, что должен быть с ним мягким и дружелюбным.

– И Дэвид тоже здесь? – спросила Сара.

– Наверху. Мы приехали час назад. Господи боже, Нед-то как вырос! Как поживаешь, Нед?

Снова семейные объятия.

– Я вижу, мистер Драммонд был настолько любезен, что проводил тебя, – сказал Томас позже.

Сара из кожи вон лезла, стараясь наилучшим образом представить нас, и извинилась передо мной, что не сделала этого сразу.

– Это не имеет значения, – ответил я, улыбаясь ей и думая, протянет ли мне молодой де Салис руку.

Он протянул. Мое мнение о нем немного улучшилось.

– Добрый день, Драммонд, – вежливо приветствовал он, а потом предложил всем нам встретиться позднее, когда мы придем в себя с дороги.

– Дорогой Томас! – радостно щебетала Сара, когда нас вели по лестнице в номер. – Он стал так похож на Маргарет.

– Не важно, на кого он похож, – с облегчением произнес я. – Главное, что приехал встретить нас, вот что имеет значение; они с братом на твоей стороне против Макгоуана.

Войдя в номер, мы обнаружили, что он выходит на площадь. На окнах висели шторы с золотыми кисточками, на полах лежали ковры, а в гостиной мебель была обтянута красным бархатом.

– Ну, я думаю, нас устроит, – заявил я. – Здесь есть ванная?

Ванная была. Она едва ли дотягивала до стандарта ванн Мариотта, но я сказал, что, пожалуй, и это нас устроит.

– Очень мило, – согласилась Сара. – Мы можем занять главную спальню, а Нед – маленькую, по другую сторону гостиной.

Швейцары начали заносить багаж, и следующие полчаса мы приводили себя в порядок. Принесли шампанское с икрой и картофелем, а потом Нед спросил, можно ли ему выйти прогуляться по площади.

– Конечно, если хочешь, – согласился я, а когда мы остались наедине с Сарой, сообщил ей: – Слушай, я не настроен на долгие разговоры с твоими деверями. К тому же они наверняка предпочтут пообедать с тобой и Недом без меня. Ты можешь придумать какой-нибудь предлог моего отсутствия? И еще хорошо бы намекнуть, что я не хочу быть слишком навязчивым. Я намерен произвести на них хорошее впечатление.

– Да, понятно. Что мне сказать, когда они спросят о моих планах на будущее?

– Повтори то, что написала. Тверди, что твоя главная забота – как можно скорее получить опеку над детьми. Они явно не возражают против этого, иначе не приехали бы сюда. Заведи беседу о разводе – прощупай, одобряют ли они. Узнай, что происходит в Кашельмаре. Объясни, что готова жить там с детьми, если там не будет Макгоуана и твоего мужа. Нам от твоих деверей нужно, чтобы они пригласили Патрика в Англию.

– А что мне сказать, когда разговор коснется Макгоуана?

– Поговори о законных способах его удаления. Обсуди законные способы решения всех проблем: разделения, развода, опеки, контроля над именем – обо всем. Саксонцы ничто так не любят, как долго и громко рассуждать о законе.

– Меня больше всего интересует, что они думают о попытке Патрика в судебном порядке восстановить супружеские права. В самом ли деле Патрик добивается такого решения, или же это новые козни Макгоуана, попытка свести меня с ума...

– Конечно козни! Я тебе столько раз об этом говорил.

– Да, но я знаю, что Патрик, вероятно, искренне хотел вернуть Неда и оставить при себе других детей.

– И Макгоуан воспользовался этой искренностью, чтобы иметь новый повод для судебного преследования! Детка, тебе не нужно так уж волноваться из-за Макгоуана. Завтра утром я с первым экипажем поеду в Джойс-кантри.

– Максвелл, обещай мне, что ты будешь осторожен.

– Я буду осторожен, как бродяга с кувшином, полным золота, – подтвердил я, думая о том, как далеко пойдут братья де Салис в своей помощи нам.

Но новости Сара принесла хорошие. Вернувшись после ужина в спальню, она сказала, что пьянство лорда де Салиса еще усугубилось и,

хотя никто из братьев вот уже несколько месяцев не мог заставить себя посетить Кашельмару, от сестры им стало известно, что здоровье Патрика ухудшилось. Оба они считали, что у него нет ни малейшего шанса выиграть процесс или получить опеку над детьми, и оба подтвердили, что готовы при необходимости идти в суд и свидетельствовать о том, что их брат недееспособен, и требовать удаления Макгоуана.

– Какой их ждет сюрприз, когда они узнают, что в суде нет необходимости! – воскликнул я, целуя ее, а после того, как мы отпраздновали хорошую новость, не стал тратить время на бесполезное волнение, а погрузился в глубокий сон без сновидений.

3

Маршрутный экипаж покинул Голуэй-сити в восемь часов на следующее утро и, покачиваясь и тарахтя на ухабах, поехал вверх-вниз по холмам, покрытым сочной травой. Поначалу шел дождь, но за Утерардом кончился, и впереди на горизонте я увидел вершины горного хребта Двенадцать Бенов, гор Коннемары, которые поднимались к небесам в единой молитве. Тучи разошлись, засветило солнце, и внезапно маленькие озерца, мимо которых мы проезжали, превращались в голубые драгоценные камни, а торфяные болота, зелено-коричневые и спокойные, как колыбельная песня, бесконечным одеялом тянулись к холмам.

Луга ужа давно исчезли, мягкие цветистые поля лютиков стали воспоминанием. Ничто не отвлекало взгляда от надвигающихся на нас гор, тишины какого-то волшебного сна и божественного покоя нездешнего мира. Я несколько раз ездил по этой дороге, но никогда в жизни не видел того, что видел теперь после трех лет скитаний по чужим городам. Если кто-то хочет почувствовать, что такое рай, то ему нужно побывать в помойке Нью-Йорка, а потом проехать по Утерарду из Голуэя в самую волшебную землю на планете.

Горы обхватывали нас, как сказочное кольцо, и я чувствовал такое спокойствие, тепло и уют, словно вернулся в дом отца, где в печке горит торф. Высокие скалы, прямые и сильные, и ни одно дерево не портило их великолепных очертаний. Они были прекрасны, как острые клинки, и сверкали на солнце, словно обнаженная сталь.

– Ваша честь хотели сойти на следующем повороте? – уточнил извозчик; солнце впереди высветило дорогу на Леттертурк.

– Да, мне нужно в Кашельмару и город Клонарин.

Я отправился пешком. Стояла чудесная тишина, только ручеек журчал поблизости да откуда-то со склона доносилось овечье блеяние. Я шел все дальше и дальше вверх, через овраг к вершине перевала, и облака на моих глазах постоянно смещались, отбрасывая на землю тени, которые неслись по мглистым просторам, поросшим дроком.

Вскоре я добрался до перевала между Баннаканнином и Нокнафохи, а там, внизу подо мной, словно ослепительная мечта, лежали длинное, вытянутое озеро и Кашельмара.

На несколько минут я задержался. Ветер гудел на перевале, и вода устремлялась каскадом в долину далеко внизу.

Наконец я двинулся вниз. Пересек реку Фуи. Прошел мимо ворот Кашельмары и вдоль озера в Клонарин, и вся моя родня вышла встречать меня. И все другие семьи тоже, даже Джойсы, а когда я добрался до главной улицы Клонарина, вдруг оказалось, что меня подняли и понесли через ликующую толпу, словно все знали: я пришел освободить их от их врага, Хью Макгоуана.

4

Несколько часов спустя в хижине Иеремии О'Мэлли я положил на стол револьвер.

– Его мне дал наш родственник из Нью-Йорка, – сообщил я. – Его зовут Джим О'Мэлли, и вы не найдете человека лучше его, даже если будете всю жизнь колесить по Америке. Его семью выселил во время Великого голода лорд Лукан, да проклянет Господь навечно его черное протестантское имя, и с того самого дня Джим О'Мэлли горит жаждой мести.

Кто-то любезно подвинул мне кружку потина, и я прервался, чтобы выпить.

– Так вот, давая мне этот револьвер, Джим О'Мэлли, – продолжил я, – сказал мне: «Максвелл Драммонд, я больше не хочу видеть этот револьвер, пока на нем не будет саксонской крови. Возьми его и, когда он послужит благому делу, пришли мне его вместе с храбрецом, избавившим Ирландию от одного из тиранов, которых прислали саксонцы, чтобы преследовать нас».

Я сделал паузу, чтобы еще раз отхлебнуть потина, оглянулся. Тишина

стояла такая, что муха пролетит – услышишь.

– И я ему ответил: «Можешь не сомневаться, Джим, я бы хотел лично вернуть тебе этот револьвер, но у меня такая репутация среди саксонцев, что они никак не позволят мне бежать в Америку во второй раз. К тому же у меня есть шанс научить молодого мастера де Салиса быть хорошим землевладельцем, и я буду нужен в долине, чтобы помочь моей родне». И тогда он со слезами на глазах сказал мне: «Жаль, Макс, очень жаль, но пришли ко мне самого отважного из твоей родни, и я буду доволен».

Я взял револьвер, его металл сверкнул в пламени свечи. Восемь голов страждуще подались вперед, чтобы лучше видеть.

– Макс, позволь мне отвезти его к Джиму О’Мэлли, – попросил молодой Тим.

– Нет, его отвезу я, – возразил Джерри, отец Тима.

– Нет, таким великолепным шансом должен воспользоваться я! – взмолился Шанин. – И я младший из девяти, мне даже ярда картофельного поля не достанется... а в Америке столько денег ждет.

– Господи боже, позволь мне до смерти увидеть Америку! – простонал его брат Джо.

– Позволь мне...

– Нет, мне...

– Вытащим жребий, – заявил я. – Выбор будет, как положено, честный и справедливый, и пусть победит достойнейший.

Мы подняли соломинки с пола, я выровнял их, и победил Шанин, что меня порадовало, потому что в долине его почти ничего не держало и он уже давно говорил об эмиграции.

– Макс, что я должен делать? – с волнением уточнил он, когда с выбором мы определились.

– Будь у ворот Кашельмары завтра до полудня, спрячься среди камней и жди меня там. Но сначала я тебя научу стрелять.

– Господи Иисусе, а если я промахнусь? – спросил меня потом Шанин.

– Это невозможно с такого близкого расстояния, – сказал я, зная, что у него верный глаз и ему требуется лишь уверенность.

У Братства прежде в районе оружие было в ходу. Шанин, я и некоторые другие были отобраны для обучения. Мы уходили в горы три раза в неделю и тренировались стрелять по мишеням, мы бы ходили и каждый день, только оружия не хватало.

Снова разлили потин, и я сообщил им, что надеюсь стать управляющим Кашельмары.

– А если управляющим буду я, то можете не сомневаться: в долине

потекут молоко и мед, какие Господь обещал Моисею, и все будут платить лорду де Салису столько, сколько справедливо и разумно.

– Но с чего лорд де Салис назначит тебя своим управляющим? – спросил Джо.

– Лорд де Салис отправляется с братьями в Англию лечиться от пьянства, – объяснил я, – а леди де Салис замолвит за меня словечко, в этом можете не сомневаться.

Я слышал какое-то напряжение в воцарившейся тишине, увидел, что все они избегают встречаться со мной взглядом.

– Господи боже! – в притворном ужасе воскликнул я. – Вы поверили злым слухам, будто я соблазнил леди де Салис! Это я-то, у которого жена и шестеро детей в Дублине! Леди де Салис, возможно, самая утонченная леди в мире и самая красивая, но я сделал только то, что сделал бы любой мужчина, чтобы помочь женщине в отчаянном положении.

Я увидел выражение облегчения на их лицах и понял, что поступил правильно, слегка исказив истину. Одно дело – сражаться с врагом-саксонцем, и совсем другое – супружеская неверность.

– Ты отстроишь заново свой дом и привезешь назад Эйлин? – уточнил Джерри.

– Конечно я отстрою дом, – сказал я. – Разве я не должен думать о своих детях? Но если Эйлин решит остаться в Дублине, то заставить ее вернуться не в моих силах.

– Эйлин всегда смотрела на нас сверху вниз, – напомнил кто-то.

– Может, теперь и Макс будет, – шутливо проговорил кто-то, – когда станет управляющим лорда де Салиса.

– Да не наступит никогда такой день, – так же шутливо ответил я, – когда мне будет стыдно пересечь ваш порог и принять ваше гостеприимство.

Мне и в самом деле было так хорошо снова оказаться среди этих людей, которые были мне как братья, и я сидел с ними допоздна, разговаривал и уснул, только когда на востоке занялся рассвет, а в кувшине не осталось ни капли потина.

Я одолжил лошадь у мистера О’Шонесси, ростовщика (у него всегда была лучшая лошадь в долине), и поскакал в Кашельмару. В одиннадцать

часов, когда я не успел и мили отъехать от Клонарина, солнце стояло высоко, а прохладный ветер прогнал мою головную боль.

Когда я добрался до больших металлических ворот, они оказались не только не заперты, но и стояли широко распахнуты, и я, увидев это, улыбнулся, поскольку понимал: этим мой враг бросает мне вызов. Я не боялся засады, а потому проехал в ворота, зная: он никогда не осмелится хладнокровно застрелить меня, если не сможет потом доказать, что я его спровоцировал. И уж конечно, даже саксонский суд не найдет никакой провокации в нанесении утреннего визита.

Спешившись, я обвязал поводьями ствол дерева за воротами и пошел по темной петляющей тропинке к обсыпанной гравием площадке перед домом. Мог бы подъехать к самому крыльцу, но только не собирался уходить тем путем, которым пришел.

Гравий хрустел у меня под ногами. Узкие окна смотрели на меня, пока я шел.

Я позвонил, подождал, а когда ответа не последовало, принялся стучать по двери кулаками, пока мистер Тимоти О'Шонесси, брат ростовщика, не приоткрыл дверь и не выглянул наружу.

– Да это же Тимоти О'Шонесси! – воскликнул я. – С добрым тебя утречком, Тимми. Вот уж не ждал увидеть тебя в одежде дворецкого!

Он попытался закрыть дверь, но я всунул ногу между дверью и косяком.

– Максвелл Драммонд, если ты хочешь увидеть лорда де Салиса...

– Лорда де Салиса! – воскликнул я. – Да с чего ты это взял? Нет, Тимми, мне нужен не лорд де Салис. Я пришел повидаться с мистером Макгоуаном.

Глава 7

1

Он пришел в библиотеку, где я его ждал. Я услышал, как открылась дверь, а когда повернулся, мы оказались лицом к лицу: Макгоуан, мой враг, человек, который уничтожил меня и забрал все, чем я владел.

Он остановился у двери. Я даже забыл, какой у него заурядный вид. Мы были одного роста, но Хью – поменьше весом, редящие волосы и бесцветные глаза.

Судя по тому, как Макгоуан стоял, он был вооружен.

– С возвращением, – процедил Хью.

Он улыбался своими тонкими губами, и я улыбнулся ему в ответ, но промолчал.

– Оправдание от королевы, насколько я понимаю, – продолжил Хью. – Мне уже пришло известие из Дублина о том, что тебе следует вернуть твою землю полностью. Ты, похоже, завел влиятельных друзей в Америке?

– Как же быстро приходят новости!

– Влиятельные друзья и благовоспитанная сучка в любовницах. Высоко ты поднялся в этом мире, Драммонд! Наверно, нужно тебя поздравить.

Я видел, что он хочет выбить меня из колеи, а потому рассмеялся, сел на край стола и небрежным движением руки поднял пресс-папье со стола.

– Значит, ты еще не забыл Сару, – сказал я. – А я думал, ты ее уже забыл.

– У меня хорошая память.

– И у меня тоже. – Я слегка подбрасывал пресс-папье и не сводил с него глаз. – И у нее тоже.

Перед этим он закрыл дверь, но теперь приоткрыл и сделал жест рукой в сторону холла.

– Я тронут, что ты пришел с визитом вежливости, – проговорил он, – но сейчас, если тебе нечего больше сказать, прошу тебя уйти. Мистер Ратбон, лондонский юрист, имеет копию твоего лизгольда, а когда будет сделана еще одна копия, ее отправят тебе. Что касается твоей земли, то можешь делать с ней что хочешь, но только я бы посоветовал тебе вести себя поспокойнее, потому что, если затеешь смуту, я тебя опять упрячу в

тюрьму так быстро, что ты и глазом моргнуть не успеешь. А теперь – до свидания.

Я по-прежнему подбрасывал в руке пресс-папье.

– Смелая речь, – восхитился я. – Но какая бессмысленная!

Он отошел от двери и чуть приблизился ко мне:

– Прошу тебя немедленно покинуть этот дом.

– И какие прекрасные манеры! Мне это нравится, – издевался я.

– Даю тебе пять секунд, чтобы уйти.

– Ай-ай-ай! – с упреком протянул я.

– Раз... два... три...

Он отошел за кресло с высокой спинкой. Я быстро шагнул к ближайшему книжному шкафу у стены.

– ...четыре... пять...

Макгоуан вытащил пистолет, но я бросил пресс-папье первым. Его движения по американским стандартам были медленные, и времени мне хватило.

Он пригнулся, но, прежде чем успел очухаться, я уже бросился на него и принялся выкручивать пистолет из его руки.

До чего же силен был Хью! Я сбил его с ног, ухватил за руку, но его запястье было крепко, как оружейный ствол. Он замахнулся на меня свободной рукой, но я уже прижал его к полу. Сжав его запястье, сумел завести руку с пистолетом ему за спину. Он лягнулся и пытался отпихнуть меня, а его запястье оставалось как сталь. Я покрепче ухватил его другую руку. К этому времени мы оба уже тяжело дышали, и мое сердце колотилось в груди.

Наконец сталь подалась. Он издал крик боли, и пистолет выпал.

Я отпихнул Макгоуана и вытащил свой пистолет.

– Еще слово – и получишь пулю в лоб, – предупредил я.

Он молчал, все еще тяжело дыша, его глаза горели ненавистью.

Я поднял его пистолет, засунул себе за пояс:

– Вставай.

– Идиот, – поцедил он. – Ты у меня будешь сидеть за решеткой еще до захода солнца.

– Сначала я увижу, как ты отправишься в ад. – По моему голосу он сразу понял: я могу пристрелить его на месте. – Иди к столу.

– Зачем? – спросил он, пытаясь выиграть время и сообразить, как дать мне отпор.

– У тебя есть слуга?

– У меня?.. Какое это имеет отношение к чему бы то ни было?

– Я спрашиваю, есть у тебя слуга?

– Ну, вообще-то, теперь есть, да. Но какое...

– Тогда сядь за этот стол, иначе, клянусь Господом, я прищемлю тебя в таком месте, куда не заглядывает даже твой слуга.

Он узнал слова, которыми когда-то угрожал Саре. Лицо его будто окаменело.

– Ну, ты сядешь или...

Макгоуан сел.

– Так-то лучше, – похвалил я, опираясь на каминную полку. – Ты сейчас будешь писать письмо. Возьми лист бумаги и перо.

После секундного раздумья он подчинился.

– Досточтимому Томасу де Салису и досточтимому Дэвиду де Салису, – диктовал я. – Сент-Джеймс-сквер, Лондон. Джентльмены... – Я замолчал, чтобы дать ему время написать. Его перо царапало толстую бумагу. – Этим письмом я заявляю о своей отставке с поста управляющего в поместье Кашельмара лорда де Салиса.

Он рассмеялся, но я оборвал его смех:

– Пиши!

Перо снова принялось выписывать каракули, но он улыбался.

– Лорд де Салис слишком болен, и я не могу подать прошение об отставке ему лично, поэтому у меня не остается иного выбора – только обратиться к вам, его братьям. Я уже некоторое время подумывал о том, чтобы оставить Кашельмару, поскольку милорд более не оценивает мои услуги так высоко, как прежде, а теперь его пьянство достигло такой степени, что мне остается только покинуть усадьбу как можно скорее. Христом вас прошу приехать и спасти его от себя самого. Я покину Кашельмару в два часа сегодня и вместе с отцом поеду в Шотландию, где ко мне присоединится и моя жена, как только уладит все вопросы с Клонахкортом. Остаюсь, джентльмены, вашим скромным и покорным слугой...

Он снова разразился смехом.

– Ты же не думаешь, что я и в самом деле уеду? – спросил он, продолжая небрежно царапать пером.

– Подпиши письмо. Вот так. Теперь дай его мне и напиши адрес на конверте.

– Конвертов нет.

Я зашел ему за спину:

– Найди.

Ему не нравилось чувствовать мое дыхание на своей шее. Он поспешил вытащить конверт из ближайшего ящичка, снова взял перо. Я тем

временем просматривал послание – все ли он написал правильно.

– Хорошо, – сказал я, когда он написал адрес на конверте. – Положи письмо внутрь и запечатай конверт.

– И что, по-твоему, ты делаешь? – насмешливо спросил он, разогревая воск. – Я не вижу смысла в этой шараде. Ты не можешь заставить меня покинуть Кашельмару!

– Хочешь поспорить?

Воск капнул ему на пальцы, но он не заметил, его губы плотно сомкнулись.

Наконец он, захлебываясь, проговорил:

– Ты не посмеешь ко мне и пальцем прикоснуться.

– Я посмею что угодно. Могу убить тебя сейчас, если надумаю, а тело закопаю где-нибудь. Никто ничего не узнает, а твое письмо об отставке объяснит твое исчезновение.

Теперь он испугался по-настоящему. Неловко запечатал конверт дрожащими пальцами.

– Значит, ты собираешься меня убить?

– Только в том случае, если ты не будешь делать то, что я тебе говорю. Ты должен покинуть этот дом в два часа дня сегодня и отправиться в дом отца. Ты можешь взять лошадь, а пожитки погрузить на осла. Или распорядиться, чтобы тебе выслали их позднее, – на твое усмотрение. Но ты должен уехать один. Без слуги, без де Салиса, без... твоя жена здесь?

– Нет, она в Клонах-корте. Но почему один?

– Ты будешь не один, когда доберешься до дома отца. Вы с ним должны покинуть долину вместе, как ты и написал в письме. И больше никогда здесь не появляться. Если появишься...

– Ты меня убьешь, – закончил он, с трудом произнося слова. – Я хочу обещания безопасного проезда до отцовского дома, хочу...

– Мне до твоих желаний как до лошадиной подковы. Ты можешь ехать куда угодно и делать что угодно, когда доберешься туда. А если лорд де Салис захочет присоединиться к тебе позднее, то я первый пожелаю ему счастливого пути. Но этот дом ты покинешь сегодня в два часа, а если не сделаешь этого, я пришлю за тобой мою родню и тогда за последствия не отвечаю. Ясно? Отлично. Дай мне письмо и вставай.

– Куда мы идем?

– Прогуляться немного, – сообщил я, смягчая голос и улыбаясь ему, – и поговорить о былых временах. Где лорд де Салис?

– В постели. Ему нездоровится сегодня утром.

– А дети?

– В детской, с гувернанткой, я думаю.
– Прекрасно. Идем. Но помни: если увидишь кого-нибудь – никаких объяснений. Объяснения буду давать я.

Мы вышли в пустой холл.

– Открой парадную дверь.

На дорожке на крепком ветру Макгоуана пробрала дрожь.

– Куда мы идем? – снова спросил он.

– В часовню.

– В часовню? Да зачем, бога ради?

– Это такое милое, уединенное местечко, подходящее, как мне кажется, для дружеского, спокойного, частного разговора.

Когда он повернул ко мне голову, я увидел пот у него на лбу.

– Слушай, Драммонд, я сделаю то, что ты хочешь. Я уеду в два часа. И не вернусь. Поеду в Шотландию, а Патрик сможет приехать и жить там со мной. У меня нет желания здесь оставаться. У меня есть только одно желание – быть с ним. Я...

– Помолчи. – Он вызывал отвращение. Я представил, как Макгоуан и де Салис ласкают друг друга, и почувствовал, что желудок у меня готов вывернуться наизнанку. – Иди.

Обогнув дом, мы вошли в сад. Я в жизни не видел ничего подобного. Одному Богу известно, сколько это все стоило. Огромные вспучившиеся цветы загнивали на плодородной земле, а ведь она могла бы прокормить сотню голодающих семей, а среди тошнотворного буйства цвета были участки пышной, сочной травы, на которых никогда не пасся скот. Я подумал об истории моей страны, о богатых завоевателях, у которых было столько всего, что они могли позволить себе пустить часть коту под хвост; о несчастной, угнетенной Ирландии, выкинутой на холод за высокие стены; и этот сад был для меня непотребством, таким же непотребством, как человек, который спешил впереди вверх по склону мимо деревьев в часовню.

Часовня была маленькой, пустой и темной, как про нее всегда и говорили, и пахло здесь тленом. Я не чувствовал себя в ней как в церкви, что и неудивительно, – ведь это была протестантская часовня, а не истинная церковь.

– Раздевайся, – приказал я Макгоуану.

Страх настолько парализовал его, что он не мог двигаться.

– Давай, – сказал я, нетерпеливо поводя стволом пистолета. – Не трати время.

– Что ты собираешься...

- Ты задаешь слишком много вопросов. Делай, что тебе говорят.
- Ты собираешься мучить меня, – выдохнул он, запинаясь от страха.
- Закрой свой поганый рот и раздевайся, черт тебя подери!

Он с трудом принялся стягивать с себя одежду. Я смотрел с любопытством. Он был хорошо сложен, но с молочно-белой кожей, как у покойника, и почти безволосой.

– Господи Иисусе, – пробормотал я. – Ничего отвратительнее в жизни не видел. Встань у столба.

Когда он подчинился, продолжая что-то невнятно лепетать, я связал его запястья за столбом и обмотал веревкой ноги.

Макгоуан принялся кричать на меня, но я не обращал на него внимания. Просто сел на скамью, закинул ногу на ногу и закурил.

Язык у него был очень красочный, но вскоре все его проклятия иссякли, и он опять принялся хныкать, спрашивать, что я собираюсь делать.

Я курил сигарету и молчал.

Наконец он потерял самообладание и впал в истерику. Макгоуан рвал и метал, рыдал, корчился. А я молча докурил сигарету до конца, наблюдая за ним.

Когда сигарета закончилась, я заявил:

– Теперь ты знаешь, что такое жить под угрозой насилия хотя бы в течение десяти минут. Сара прожила в таких условиях пять лет. Задумайся об этом на минутку. Я хочу, чтобы ты хорошо об этом подумал.

Я закурил еще одну сигарету, а он думал. Теперь Макгоуан молчал, но время от времени его пробирала дрожь. Докурив сигарету, я вытащил из кармана нож и неторопливо провел пальцем по лезвию.

– Я когда-то дал Саре обещание, – сообщил я. – Хочешь знать какое?

Макгоуан снова захныкал. До чего же он был отвратителен!

– Я обещал ей, что настанет день и я подарю ей твои... – Хью заорал, прежде чем я закончил предложение. Я ждал, продолжая водить пальцем по лезвию, а когда он снова погрузился в плаксивое молчание, сказал: – Вот только пытка никогда не была моим любимым занятием.

Я сунул нож в карман, поднялся со скамьи и подошел вплотную к нему.

– Прежде чем ты решишь, что уйдешь отсюда без царапинки, – сказал я, – позволь дать тебе вот это... – Я отвесил ему пощечину. – За все те месяцы, что я провел в тюрьме... – Еще пощечина. – За годы изгнания, а это, – добавил я наконец, выпуская на свободу всю свою раскалившуюся добела ярость, – за все страдания Сары, за ее ужас, унижение и позор.

Он открыл рот, чтобы закричать, но я с силой ударил его ногой в пах, а потом рукоятью пистолета – по голове, после чего Макгоуан потерял сознание.

Я долго стоял, глядя на его обвисшее тело, а когда почувствовал, что снова владею собой, перерезал веревки, отчего он рухнул лицом на каменный пол. Потом одел его на тот случай, если кто-то заглянет в часовню и увидит Хью, прежде чем он придет в себя. Нельзя оставлять ничего такого, что нельзя объяснить позднее, и если я мог объяснить синяки, то объяснения обнаженному телу, привязанному к столбу, найти было бы затруднительно. Только когда он был одет, я вспомнил про его пистолет, который засунул себе за ремень. Я не хотел, чтобы его обнаружили у меня, но в то же время определенно не желал возвращать ему оружие. После непродолжительных размышлений я запихнул его за заднюю скамью между двумя рядами – не лучший выбор места для тайника, но поскольку Макгоуан будет думать, что я взял пистолет себе, то вряд ли потратит время на его поиски. Спрятав пистолет, я засунул в карманы обрезки веревки и оглядел все вокруг – не оставил ли чего, а потом вышел на солнечный свет.

Рядом находилась каменная стена, ограничивающая сад при доме, и я вскарабкался на ближайшее дерево, раскачался на толстой ветке и, словно обезьяна, перекинул свое тело на верх стены, приземлился среди битого стекла. К счастью, на мне были крепкие ботинки на толстой подошве. Спуститься со стены, не порезав руки, было нелегко, но я перекрестился и прыгнул, молясь, чтобы не сломать ноги.

Я ничего не сломал. Везение теперь было на моей стороне, и через несколько минут я уже отвязывал лошадь от импровизированной коновязи у ворот и отдавал моему родственнику последние распоряжения.

– Макгоуан вскоре появится, – сообщил я. – Ты нашел место?

Шанин нашел. Я осмотрел его. У дороги, но над ней лежали три больших валуна.

– Отлично. – Я дал ему мой револьвер и несколько лишних пуль.

– А деньги? – уточнил он.

– Они будут ждать тебя в Линоне. – Да, он был моим родственником, и я горячо его любил, но, когда речь идет о деньгах, осторожность не повредит. В особенности если ставки так высоки.

– Где я тебя найду?

– У лодки Томси Маллигана. Удачи тебе, Шанин.

Мы обнялись. Я сел в седло и поскакал вниз по склону к дороге на Линон.

У гостиницы я поставил лошадь в стойло и отправился на поиски Томси Маллигана. Нет ничего приятнее, чем встретиться со старым другом, и мы с Томси посидели на пристани, покурили, вспоминая тот день три года назад, когда я был преступником в бегах, а он на лодке привез меня из Лиона в Голуэй. В тот день я встретился с Сарой в полуразрушенном домике над Кашельмарой, в тот день она стала моей любовницей. Я добрался до Лиона, а когда Томси перевез меня в Голуэй, другой член Братства довез меня на своей лодке до Куинстауна, где я сел на иммигрантский пароход и отправился в Америку.

– Но теперь это дела давно минувших дней. – Я улыбнулся ему. – Я снова уважаемый джентльмен.

Томси согласился, что уважаемость – замечательное состояние для человека, и начал рассказывать о двух внуках-священниках.

Я простился с ним, вернулся в гостиницу и сообщил хозяину, что останусь на ночь, а утром сяду в экипаж на Голуэй. Денек был хороший, чтобы пошляться без дела. Я видел Лион, а Лион видел меня. В тот день состоялось немало бесед, к вечеру я ел свинину и кровяную колбасу, а дочь хозяина принесла мне кружку портера.

Тем вечером долго не смеркалось, но, когда все же стемнело, я, зевнув, сообщил хозяину, что немного прогуляюсь перед сном.

На улице было прохладно, и темные соленые воды гавани Киллари сверкали под ночным небом. Стоял высокий прилив, и, посмотрев на пристань, я увидел лодку Томси Маллигана, покачивающуюся на волнах, словно черная пробка.

– Есть какие-то вести от него? – тихо спросил я у Томси.

– Ни словечка.

Я ждал. Вода поднималась выше. Я возвращался в гостиницу, когда услышал его на дороге.

– Макс...

– Да, это я. Давай сюда.

Я повел его с дороги в лесок, посаженный у гостиницы. Он охнул, когда я прикоснулся к его руке, и я почувствовал мягкую липкость крови.

– Господи Иисусе, что случилось?

– Все в порядке, – отмахнулся он, опускаясь на землю, – но я устал – совсем без ног.

– Дай я посмотрю. – Я чиркнул спичкой.

– Да ерунда – царапина. Не волнуйся, Макс.

– Даже за царапиной нужен уход. – Я дал ему мою набедренную фляжку и велел: – Выпей немного.

Вытащив чистый носовой платок из кармана, как умел, завязал ему руку.

– Уже лучше. – Он отпил из фляжки, его передернуло, Шанин глотнул еще. – Господи боже, ну и денек!

– Ты промахнулся в первый раз?

– Да, но ты послушай, что случилось! Я сидел там, ждал после твоего ухода, как вдруг Тимоти О’Шонесси – он там теперь дворецким...

– Знаю.

– Так вот, он вылетел оттуда стремглав в тележке с впряженным ослом и понесся через мост к дому старика Макгоуана так, словно за ним гнались все дьяволы ада. А спустя какое-то время вернулся со стариком, а в руках у того – дробовик.

– Господи милостивый!

– Что мне было делать, Макс? Я решил не стрелять в него, потому что если бы он не добрался до Кашельмары, то Хью Макгоуан с перепугу и носа из дому не высунул бы. Так что я дал старику проехать, и, конечно, когда Хью наконец появился, он был со стариком и оба вооружены до зубов.

– Зря я не оставил с тобой еще кого-нибудь.

– Да нет, Макс, ерунда, меня вполне хватило для них обоих, и все святые – мои свидетели! – Он перекрестился и сделал еще глоток потина. – Первым я убрал Хью, потому что думал, он важнее. Я попал со второго раза, и Макгоуан рухнул с лошади так, будто сам Господь поразил его с небес. Но тут в меня стал стрелять старик, и, как видишь, он не совсем чтобы промахнулся. Я выстрелил еще раз, попал в его лошадь. Я лишь чуток ранил бедную скотину, но она понеслась к озеру и выбросила старика из седла. Я поначалу думал, тот притворяется, но, когда посмотрел, оказалось, он сломал себе шею. А вот Хью все еще был жив, и мне пришлось стрелять снова, и, Дева Мария, я к тому моменту ослабел, как вода, и если бы сам дьявол не знал, какой Хью Макгоуан мерзавец, то, думаю, я бы тут же пустился бежать в Америку, не стреляя еще раз. Но я отправил его на вечные мучения – их обоих, Макс. Я теперь буду героем долины, да? Я избавил нашу страну еще от двух саксонских тиранов и не сомневаюсь, в один прекрасный день сам Господь протянет с небес руку и вознаградит меня.

– Именно такие, как ты, Шанин, – произнес я, – помогут Ирландии

воспрянуть из пепла и по справедливости повергнуть Британскую империю в прах. Правду тебе скажу, ты настоящий патриот и я таких еще не встречал. Нет большей чести для ирландца, чем сражаться за свою страну против тиранов, с которыми лишь дьявол может сравниться по своей жестокости по отношению к миллионам невинных людей.

– Боже, спаси Ирландию! – воскликнул Шанин со слезами на глазах.

– Боже, спаси нас всех. Шанин, вот деньги, которые тебе понадобятся. Томси Маллиган отвезет тебя в Голуэй, оттуда ты отправишься в Кладдах, найдешь там человека по имени Брайан О’Хаган. Он позаботится о тебе и устроит твой переезд в Куинстаун на иммигрантский корабль. Лучше тебе отправиться в путь из Куинстауна, потому что в Голуэе тебя станет искать полиция. Плавание будет нелегким, но, когда доберешься до Нью-Йорка, Джим О’Мэлли даст тебе работу. Вот тут я записал тебе его адрес, смотри не потеряй.

– Макс, да благословит тебя Господь, – сказал он, и по его щекам покатались слезы. – Я никогда не смогу тебя отблагодарить. Никогда.

– Никаких разговоров о благодарностях, Шанин, после того, что ты сделал сегодня. Но когда доберешься до Нью-Йорка, зажги для меня свечку в Святом Патрике и скажи Джиму О’Мэлли, что я возвращаю ему револьвер с храбрейшим человеком, какие есть к западу от Шаннона.

Я проводил его до лодки, проследил, как отчалил Томси. Лодчонка сразу же отошла от пристани, а через несколько секунд скрылась среди теней гор.

Спустя немного времени я вернулся в гостиницу.

– Там повлажнело, – бросил я хозяину. – Не удивлюсь, если завтра будет дождь.

Когда он согласился со мной, я поднялся к себе в комнату и уснул, едва моя голова прикоснулась к подушке.

3

Проснувшись на следующее утро, я не мог поверить, что все кончилось. Я жил с мыслью, что Макгоуан – мой враг, моя месть. Но его уже не было. Он заплатил по счету, и больше я его не увижу. Я вдруг ощутил пустоту, словно потерял что-то драгоценное. До этого утра даже не знал, в какой мере моя ненависть к Макгоуану стала частью меня, как рука или нога; она поддерживала во мне жизнь все эти годы заключения и

изгнания. Потребность сквитаться с Макгоуаном так долго отягощала мою душу, что я не мог себе представить будущего без мести. Конечно, было множество планов. Я должен опекать Сару и ее детей, заботиться об имении. У меня будет столько забот, что не останется времени бить баклуши, но почему-то тем утром я чувствовал себя вялым, как больная собака, лишенным цели в жизни, словно оправлялся от удара по голове. Думаю, я так себя взвинтил перед встречей с Макгоуаном, что теперь, в час моего триумфа, пружина резко распрямилась в гораздо большей степени, чем можно было ожидать.

Но путь до Голуэя предстоял неблизкий, и к тому времени, когда я добрался до отеля, я был уже больше похож на себя. Я нашел Сару и Неда в обществе братьев де Салис – они пили чай в нашем номере, и, когда первый всплеск оживления стих, меня представили Дэвиду, младшему брату. Он казался еще хилее Томаса – белая кожа, розовые щечки и вялое рукопожатие.

– Ну, сражение выиграно, – проговорил я, не глядя на Сару, но всеми своими клеточками чувствуя ее присутствие. Я вытащил письмо из кармана и дал его братьям. – Вот его отставка, и сейчас он с отцом на полпути в Шотландию.

Это вызвало новый всплеск оживления, а Сара, у которой перехватывало дыхание, спросила:

– Все прошло хорошо? Ах, Максвелл, бога ради, скажи нам, что случилось.

Я пристально посмотрел на нее, взглядом призывая успокоиться, прежде чем братья заметят ее неестественное возбуждение, но Дэвид только восхищенно воскликнул:

– Да как, черт побери, вам удалось убедить его уйти в отставку?

– Ну, это не составило труда, – заявил я. – Мы с ним поговорили немного, потом он написал письмо, и мы еще прогулялись по саду, обговаривая подробности. Он хочет, чтобы лорд де Салис уехал с ним в Шотландию, но я напомнил, что милорду разумнее сначала подлечиться. Но конечно, – вежливо добавил я, глядя на братьев, – это вам решать.

Дэвид и Сара снова разразились удивленными восклицаниями, а я так наслаждался их удовольствием, что для меня резкий голос молодого Томаса стал неожиданностью:

– Драммонд, я все еще жду вашего полного объяснения.

Я пристально посмотрел на него, увидел, что он не менее пристально смотрит на меня. Значит, я его недооценил.

– Поверьте мне, мистер де Салис, – заговорил я, тут же переходя на

уважительный тон, – убедить Макгоуана уехать было совсем нетрудно. Он, вероятно, понял, что с моим возвращением для него нет никаких перспектив в долине. Я среди моей родни человек важный, как вы, может быть, знаете, и они, как только увидели меня, загорелись жадной мщеницей. Я отправился в Кашельмару сообщить ему, что не могу гарантировать его безопасность, если он решит остаться, и он сказал мне – очень спокойно сказал, – что поскольку уже выжал из Кашельмары все соки, то готов переехать на более зеленые пастбища. Не сомневаюсь, Макгоуан хотел взбесить меня. Якобы это не я выставляю его, а он решил уехать сам.

– Ну конечно же! – со счастливым видом заявил Дэвид. – Томас, неужели ты не понимаешь? Все совершенно логично.

Томас неохотно сломал печать.

– Он пишет, что не может дальше работать на Патрика, – проговорил он и передал письмо брату.

– Бог ты мой, – вздохнул Дэвид. – Что нам делать с Патриком?

– Его нужно лечить, пока он не надумал ехать за Макгоуаном в Шотландию, – сказал Томас. – Если у него есть такие мысли. – Он еще раз пристально посмотрел на меня. Я решил, что не буду обращать внимания на пристальные взгляды мистера Томаса де Салиса. – Мы с братом завтра поедем в Кашельмару, – резко бросил он мне. – Поговорим с лордом де Салисом и сестрой в амбулатории. Попробуем что-нибудь придумать с его лечением.

– Дети... – прошептала Сара.

– Мы сразу же придем к тебе, я уже говорил, мы с Дэвидом очень давно собирались увезти их из дома. Позднее, когда Патрику станет лучше, может быть, ты с ним придешь к соглашению относительно опеки, но в настоящее время он совершенно не в состоянии воспитывать их, я ему так и скажу, если он попытается не допустить их приезда сюда.

– Господи милостивый! – воскликнул Дэвид. – Удивительно, как все вдруг упростилось, когда Макгоуан перестал нам мешать.

– Макгоуан все бы жилы из меня вытянул из-за детей, – пробормотала Сара. – Это была личная вражда.

Голос ее звучал неровно, и я, посмотрев на нее, увидел ее горящие, словно в лихорадке, глаза. Желание проснулось во мне, как всегда, когда я видел силу ненависти, пылающую в ней, но я смирил свои чувства и, как само собой разумеющееся, направился к дверям спальни.

– Если вы меня простите, я переоденусь, – сообщил я через плечо. – Я весь в пыли, как лошадь, после стольких часов в дороге.

– Драммонд...

Это был Томас. Я на ходу повернулся к нему.

– Я бы хотел приватно поговорить с вами, если не возражаете.

– Пожалуйста, сколько вам угодно.

Он прошел за мной в спальню и закрыл дверь.

– Я только хотел поставить вас в известность, – заявил он, – что дети останутся в Кашельмаре, пока вы продолжаете делить эту комнату с их матерью. Извините за откровенность, но вы умны и должны понимать, что у меня есть определенная ответственность по отношению к моим племянникам и племянницам. Может быть, вы будете так добры и снимете другой номер, если не собираетесь сразу же возвращаться в Клонарин?

– Хорошо, я сниму отдельный номер, – согласился я, решив, что сейчас лучше проявить уступчивость. – И вам не стоит беспокоиться, мистер де Салис, – мы с Сарой будем очень благоразумны, когда вернемся в долину. Мы не хотим делать ничего такого, что уменьшило бы ее шансы получить развод и опеку над детьми.

В первый раз увидел я на его лице облегчение.

– Еще что-нибудь хотели уточнить? – любезно спросил я, но он отрицательно покачал головой:

– Не сейчас. Спасибо, Драммонд, – и вышел в гостиную.

Саре понадобилось минут десять, чтобы избавиться от братьев и отправить Неда куда-то с поручением. Я разделся до исподнего и лежал на кровати, давая отдохнуть усталым мускулам. Закрыл глаза, а когда услышал, как она входит в комнату, так их и не открыл, потому что знал: если увижу ее и захочу, то расскажу все.

– Максвелл...

– Все в порядке.

– Расскажи мне.

– Расскажу, но не сейчас.

– Почему?

– Потому что, когда твои девери вернутся стремглав из Кашельмары, нужно, чтобы ты была невинна, как Ева до знакомства со змием.

– Какой же плохой актрисой ты меня считаешь! Какой слабой и никчемной!

– Я знаю, что это не так, но...

– Тогда перестань обращаться со мной так, будто я фарфоровая кукла!

Я открыл глаза и сразу же проиграл.

– Нет! – бросила она, когда мои желания превзошли мои возможности скрывать их. – Если ты не доверяешь мне, то почему я должна доверять тебе?

И тогда я рассказал ей. Рассказал, а потом взял ее с такой страстью, с какой никогда не брал прежде, и насильно спаяло нас воедино прочнее раскаленной стали. Когда мы наконец разжали объятия, она погрузилась в сон, но я не сомкнул глаз. Лежал рядом и думал о том, как судьба меняет человека, а потом я поцеловал ее, накрыл пледом, чтобы не замерзла, и полез в шкаф в поисках свежей одежды.

После пробуждения Сара еще какое-то время тихо лежала, а когда стала укладывать волосы, из глаз у нее полились слезы.

Я ничего не сказал, только сел рядом на широкий стул и обнял ее за плечи.

– Я так странно себя чувствую, будто какая-то моя часть умерла, – пробормотала она.

– Как и я.

– Иногда мне кажется, что он сводил меня с ума. Но я ведь не сумасшедшая, правда, Максвелл? По крайней мере сейчас не сумасшедшая, а поскольку это все кончилось, знаю, что никогда больше не буду сумасшедшей. Но теперь понимаю, почему ты не хотел мне говорить.

– Я бы так или иначе сказал тебе позднее.

– Да... в подходящее время. Извини. Но я обещаю, что не подведу тебя. Буду очень сильной и сделаю все точно так, как следует.

– Я знаю, детка, – согласился я. – Знаю.

После этого мы не говорили, потом она оделась, и мы спустились на ужин.

На следующее утро братья де Салис уехали в Кашельмару. Я не стал снимать номер для себя, но попросил Сару сказать, что снял, если Томас спросит. К этому времени Сара не могла думать ни о чем другом – только о встрече с детьми. Она не знала, куда себя деть, ходила туда-сюда по гостиной в лихорадке нетерпения, выглядывала в окно, словно экипаж де Салисов вот-вот должен был въехать на площадь.

– Они могут приехать через три дня, – бормотала она, загибая пальцы. – День на то, чтобы они добрались до Кашельмары, день на сборы, день на обратный путь...

– Не забудь, что де Салис может их задержать, устроив скандал.

– Но я уверена, Томас и Дэвид настоят на своем, а Патрик уступит, потому что смерть Макгоуана наверняка подкосила его. Боже мой, как мне их дождаться? Я умру от нетерпения, знаю, что умру.

Но Томас вернулся еще до конца второго дня. Он приехал один, и стоило Саре увидеть его, как она разрыдалась.

– Патрик их не отпустил? – воскликнула она, когда мы оба попытались

успокоить ее.

– Они приедут завтра, – сообщил Томас, целуя ее. – Ну-ну, Сара, очень жаль, но им же нужно собраться, и Нэнни сказала, что раньше никак не получится.

– Но почему ты их не дождался? Почему вернулся так быстро?

– Потому что нужно кое о чем поговорить.

За этим наступила пауза. Вечер только начинался, мы сидели в гостиной нашего номера. Нед читал газету за столом у окна, Сара чинила одежду, а я в блокноте подсчитывал предстоящие траты и соотносил их с имеющимися деньгами. Перед тем как появился Томас, я оглядел комнату и подумал, какая мирная, семейная картина.

– Кое о чем поговорить? – повторила Сара, и я увидел, как ее пальцы сжали иголку, когда она снова принялась за работу.

– О ситуации в Кашельмаре. – Томас все еще стоял, смотрел на нас. – Патрик очень болен. За день до нашего приезда он напился чуть не до смерти, и Маделин обещает поместить его в первоклассную лечебницу под Лондоном. Так что ты, Сара, вполне сможешь вернуться в Кашельмару со всеми детьми, едва Патрик придет в себя настолько, что будет в состоянии уехать.

– А Макгоуан? – боязливо спросила Сара. – Он уехал, как обещал? Патрик не собирается к нему?

Он посмотрел на нее, но его явно удовлетворило то, что он увидел. Томас повернулся ко мне.

– Макгоуан мертв, – сказал он.

В комнате повисла тишина. Хотя я и смотрел на Томаса, но почувствовал, что Нед кинул на меня взгляд через плечо. Он подходил к дверям позвать руку дяде, а теперь возвращался к своей газете у окна.

– Так, значит, он мертв! – воскликнул я с удовольствием, которого даже не пытался скрыть. – Очень кстати! Бесчестный ворюга! Лучшей новости я сто лет не слышал!

– Его убили, – сообщил Томас.

– Конечно. Ни один мерзавец, подобный ему, не умирал своей смертью. И какой герой вонзил нож ему в сердце?

– Макгоуана застрелили, – возразил Томас. – Убили его и его отца. Убийцу не нашли.

– Дай ему Бог благополучия и процветания. – Я поудобнее устроился в своем кресле.

Несколько секунд мне казалось, что Томас не клюнет на эту наживку, но он все же открыл свой маленький ротик и проглотил ее.

– Драммонд, я не могу относиться к вашим словам иначе как к недостойным. Знаю, Макгоуан был отвратительный тип и вы имели все основания его ненавидеть, но оправдывать убийство... превращать закон в посмешище...

Именно это мне и требовалось.

– Звучит сильно, особенно в устах англичанина, – перебил я. – Английские законы всегда поворачивались к ирландцам спиной, мистер де Салис. Хью Макгоуану много лет позволялось грабить долину, мародерствовать. А почему? Потому что англичане столетиями грабили Ирландию, мародерствовали здесь – вот почему, и все это во имя закона и порядка, правосудия, добродетельности и веры!

– У меня нет ни малейшего желания ввязываться в политический спор, который может закончиться только одним: вы сошлетесь на пример треклятого Кромвеля в Дрогхеде, – с удивительной выдержкой ответил молодой Томас. – Знаю, Ирландия страдала в прошлом, но она должна считать, что ей повезло находиться в девятнадцатом веке под покровительством Англии, а не какой-нибудь другой страны, вроде России, – вот тогда у вас и в самом деле был бы повод для сетований! Англия вливала деньги в Ирландию. Английская система социального обеспечения намного превосходит таковую в любой другой стране Европы...

– Нам не нужны никакие деньги! – возразил я. – Нам нужна свобода!

– Вы хотите оставаться в Средневековье, – обвинил Томас, – и по зрелом размышлении, вероятно, там вам самое место.

– Мы хотим жить в стране, где мы владеем собственной землей. Мы хотим жить в мире, в котором нет страха перед неурожаем, где люди, вроде Хью Макгоуана, не могут грабить, бить, выселять нас из того единственного дома, который у нас есть. Мы хотим жить в мире, где человека не приговаривают к наказанию пристрастный состав присяжных за преступление, которого он не совершал. И мы хотим жить в стране, где слово «убийца» не равнозначно словам «патриот» и «герой».

– Не является ли это признанием того, что вы и убили Хью Макгоуана? – спросил молодой Томас, который раззадорился до полного бесстрашия. – Судя по всему, так оно и было.

– Томас! – выдохнула Сара. Играла она абсолютно точно. Сара перед этим стояла, но теперь резко села, словно это потрясение было слишком сильно для нее.

– Сара, тебе лучше нас оставить, – велел Томас. – Нед, помоги матери – проводи ее в спальню.

Нед не шелохнулся.

– Я тебе помогу, детка. – Я подошел к Саре и незаметно пожал ее руку. – Позволь мне.

Она подчинилась, словно оглушенная. Не закрыв дверей, чтобы Томас мог видеть каждый наш шаг, я провел ее в спальню, нагнулся и поцеловал, когда она рухнула на кровать.

– Беспокоиться совершенно не о чем, детка, я тебе клянусь, – произнес я самым убедительным тоном, – потому что я могу доказать свою невиновность, и, если ты подождешь здесь, я вернусь в гостиную и объясню это мистеру де Салису.

Она кивнула, стараясь не встречаться со мной взглядом, и я вышел из спальни, закрыл дверь и приготовился своим козырным тузом побить все аргументы молодого Томаса.

– Мистер де Салис, – убедительным тоном начал я, – я клянусь вам памятью моей матери, что во время разговоров с моей родней о Хью Макгоуане слово «убийство» мною ни разу не было произнесено.

– В таком случае, – проговорил самоуверенный молодой Томас, – у вас не будет возражений, если я спрошу у вас, где вы провели вторник.

– Какие могут быть возражения?! Я провел день в Линоне. Из Кашельмары сразу же отправился в Линон повидаться со старыми друзьями. Они могут это подтвердить. Ночевал я в гостинице, а на следующее утро сел в экипаж на Голуэй.

Последовала долгая пауза. Наконец молодой Томас сказал:

– Понятно. Вы простите мои подозрения, но в тот день вы были в Кашельмаре и...

– Ваша ошибка вполне понятна, и вы можете не сомневаться – я вас за нее не корю.

– ...и Макгоуан оставил письмо, – добавил Томас с твердостью, которая неприятным образом поколебала меня. – И я читал это письмо.

Макгоуан, мой враг, моя Немезида...

– Оставил письмо? – с улыбкой переспросил я. – И в нем признание всех его преступлений?

– Он сообщил, что вы вынудили его написать письмо об отставке, угрожая пистолетом, что вы избили и мучили его.

– Именно такого рода ложь и следует ожидать от подобного извращенца! Господи Иисусе, я в жизни не опускался до таких мерзостей, которые для него были нормой!

– Зачем бы тогда Макгоуан стал писать письмо, если бы это было неправдой?

– Да чтобы нагадить мне, конечно! Я вышвырнул его из долины, а уж он скорее помер бы, чем безропотно принял поражение. Где, вы говорите, это письмо, мистер де Салис?

Он секунду помедлил.

– Я отдал его окружному инспектору.

Я знал, что ничего он никому не отдавал. Томас хотел наехать на меня со своими вопросами еще до того, как инспектор даже узнает, что я вернулся в долину. Он не мог не думать о своей невестке, о своих племянниках и племянницах и был достаточно умен, чтобы вообразить, как можно использовать это письмо.

– Оно у вас в кармане, верно? – предположил я, продолжая улыбаться ему. – Не волнуйтесь, бога ради, я не собираюсь угрожать вам пистолетом, чтобы заполучить его. Да и пистолета у меня нет. К тому же меня не волнует, что вы собираетесь делать с этим письмом. Покажите его окружному инспектору, пусть делает с ним что хочет. Я буду все отрицать, и пусть инспектор действует на свое усмотрение. И какое теперь это может иметь значение? Имеет значение лишь то, что я не убивал Хью Макгоуана, и никто на этом свете не сможет доказать противного.

– Хватит. – Томас смотрел на меня непроницаемым взглядом из-за стекол очков.

Последовала пауза – мы оба думали, что сказать дальше.

– Мистер де Салис, – заговорил я, исполненный решимости закрепить мою победу, упрочив его доверие ко мне, – прошу вас не сомневаться в том, что я пекусь о благополучии Сары так, как если бы она была моей женой, и хочу сделать все, что в моих силах, чтобы ей и детям было хорошо. Дайте мне шанс доказать мои добрые намерения, и клянусь – вы не пожалеете. Можем мы пожать друг другу руки и стать союзниками? – Он медлил, но тут я добавил: – Надеюсь, вы не ставите мне в вину то, что я имею смелость защищать мою страну перед англичанином вашего происхождения?

И тут он протянул мне руку.

– Нет, конечно, – ровным голосом произнес он. – Каждый вправе иметь свое мнение. Что ж, если мы оба желаем Саре и детям всего наилучшего, то наш союз, безусловно, дело нужное. А теперь, если вы меня извините, я пойду в свой номер приходить в себя после поездки. Нед, может быть, ты зайдешь ко мне на несколько минут перед ужином?

– Да, дядя Томас, – отозвался Нед от окна.

Я и забыл, что он сидел там и слышал весь наш разговор. Парень по-прежнему смотрел на открытую газету на столе, но, когда дверь закрылась,

глянул на меня.

– Боюсь, твой дядя думает, что я человек бессердечный, – сообщил я ему, улыбаясь. – Но я был бы лжецом, если бы говорил, что огорчен смертью Макгоуана, правда?

Он промолчал. Вечернее солнце косыми лучами высветило черты его лица, и я обратил внимание, что глаза у него удивительного серо-голубого цвета.

Вот то сходство, которое я отмечал и раньше, но никогда не опознавал.

– Нед, господи боже, как же ты похож на своего деда! – воскликнул я, прежде чем успел подумать, что не стоило бы этого делать, и он улыбнулся мне улыбкой старого лорда де Салиса, и я с трудом сдержал дрожь.

VI

Нед

1887–1891

Возмездие

Эдуард был
одновременно
реалистом и
романтиком. Смелый,
красивый, неотразимо
привлекательный, он
блестяще выступал в
турнирах и был
образцом рыцарской
галантности, он
воплощал в себе все те
качества, которыми
восхищались молодые
аристократы,
окружавшие его трон...
[Но] на его долю выпали
тяжкие страдания.

Сэр Артур Брайант.
Век рыцарства

Глава 1

1

Я не смогу забыть тот день, когда узнал об убийстве Хью Макгоуана.

Долгое время этот человек не вызывал у меня иных чувств, кроме презрения и ненависти, но то потрясение, которое я испытал, узнав о его смерти, разбудило более старые воспоминания. Хотя я и пытался их прогнать, мне это не удалось. В моей памяти всплыли его первые дни в Кашельмаре. Вот он сказал моему отцу: «Поедем-ка прогуляемся верхом, только мальчика на сей раз оставь дома». Это было, когда он горел нетерпением и не обращал внимания, что я здесь и слышу каждое его слово.

Но отец ответил: «В субботу по утрам я всегда выезжаю с Недом. Отправляйся один, если тебя не устраивает его общество».

Все говорят, будто мой отец во всем соглашался с Макгоуаном, но это не так. И еще утверждают, что ничто не могло нарушить спокойствия Макгоуана, что он был холоден и неколебим, как кусок мрамора, но и это не так. Я видел, как его бросило в краску, когда мой отец отчитал его. Хью посмотрел на меня, и я заметил его смущение и растерянность.

– Хорошо, – произнес он наконец. – Мы поедем все вместе.

Но я, конечно, тут же обратился к отцу и в глубокой скорби сообщил ему, что не желаю общества мистера Макгоуана в такой драгоценной для меня утренней субботней прогулке.

Это смутило Макгоуана еще сильнее. Помню, как он переминался с ноги на ногу, словно ждал, что мой отец исправит ситуацию, но, когда тот промолчал, Макгоуан стал спасать положение сам.

– Нед, извини, – сказал он, – мне нужно было обсудить с твоим отцом кое-какие дела, и я подумал, что тебе будет скучно с нами, но дела могут и подождать. Надеюсь, ты поедешь.

Однако я и это не проглотил. Дети всегда чувствуют обман.

Отец присел на корточки рядом со мной, заглянул мне в глаза:

– Мистер Макгоуан не хотел тебя обидеть. Он просто сказал не подумав. Мы все, бывает, грешим этим, так что не обижайся на него теперь, когда Хью извинился. Поехали, а то утро закончится, а мы так нигде и не успеем побывать.

Тем вечером Макгоуан попытался загладить свою вину. Он дал мне несколько картинок для моего альбома, рассказывал о Шотландии, хотя все слова у него быстро кончились. Хью не умел общаться с детьми, и, хотя пытался наладить со мной контакт, его застенчивость мешала этому.

Никто не вспоминает, что Макгоуан был застенчив, хотя моя мать говорит, что он был замкнутый, никогда не упоминал о своей семье или о прошлом. Узнать что-нибудь о нем или подружиться с ним было чрезвычайно трудно. Вот почему, я думаю, он, сблизившись с моим отцом, держался за него до конца. Все твердят, что его влекли отцовские деньги, но за этим стояло нечто большее. Мой отец был полной противоположностью Макгоуана – красивый, обаятельный, привлекательный, и Хью сначала был польщен его дружбой, а потом и благодарен за нее. Его преданность отцу была неизбежной в тех обстоятельствах, а его ревность к моей матери стала естественным следствием этого несгибаемого восхищения.

Люди говорят, что отец находился целиком во власти Макгоуана, но на самом деле Макгоуан был поработчен в гораздо большей мере, чем в это готовы поверить. Еще все часто выражают недоумение – не могут понять, что отец нашел в этом человеке, хотя мне это очевидно. Макгоуан физически был весьма крепким, а сила в сочетании с резким, пронизательным умом создают такую ауру власти, которой отец не смог противиться. «Он был сильный человек», – часто говорил отец о моем деду, и я видел, что идея силы очаровывает его. Возможно, это оттого, что сам он был мягким и грубость силы, чуждая его мирной натуре, притягивала его очарованием неизвестного.

Когда моя мать оставила дом и отправилась в Америку, Макгоуан стал со мной любезнее, чем прежде. Вероятно, потому, что мой отец теперь целиком принадлежал ему; хотя управляющий больше не вызывал у меня такого негодования, как прежде, он мне по-прежнему не нравился большую часть времени. Но порой мне казалось, что почти нравится. Например, когда он помог мне выбрать дерево для моего маленького сада. Это стоило ему немалых хлопот, и он был очень мил. А много позже, когда я слушал Максвелла Драммонда, который говорил мне, что мой отец извращенец, я вспоминал только то, как Макгоуан помогал мне выбрать то дерево. Я заставлял себя думать о Макгоуане, потому что знал: я не выдержу, если буду думать о папе.

После этого я долго не думал об отце. Как и о Макгоуане. Я словно страдал головокружением, мир перед моими глазами бешено кренился, и я мог только упираться ногами в землю и ждать, когда головокружение

пройдет. И вот я упирался в землю, которая тогда была Америкой, и не думал ни о будущем – оно вдруг стало таким неопределенным, – ни о прошлом, которое не доставляло ничего, кроме боли. Только о настоящем. Настоящее состояло из моей матери и моего дяди Чарльза, который жил в Нью-Йорке. Я любил мать, а поскольку отец теперь оказался для меня безнадежно потерян, мысль о том, что я могу потерять и ее, ужасала меня в два раза сильнее. Именно поэтому, когда мой дядя Чарльз сообщил, что я могу остаться у него, когда он выгнал мою мать из дома, я и слышать об этом не захотел. Боялся, что дядя уничтожит для меня мою мать, как Драммонд уничтожил отца; тогда мой мир превратится в ничто, не будет даже той карусели событий, которые я не мог контролировать, лишь вызывающая ужас пустота.

Моя мать ушла жить с Максвеллом Драммондом, и у меня не осталось выбора – только присоединиться к ней.

Я ненавидел Драммонда, как ненавидел лампы Тиффани и белоснежные ирландские скатерти – и вообще все, что напоминало мне о ресторане, где он рассказал мне правду об отце. Я боялся увидеть его лицо, когда Драммонд открыл мне дверь своей квартиры, так как не сомневался: он надеялся, что мать оставит меня у дяди. Я даже думал, что он попытается избавиться от меня, чтобы моя мать целиком принадлежала ему. Казалось, большее, на что я могу надеяться, – это полное игнорирование с его стороны.

Но этого не произошло. Он улыбнулся, когда увидел меня с матерью, и сказал, что рад меня видеть. А когда открыл бутылку шампанского, то не только дал мне стакан, но и наполнил его до краев. И в течение следующих месяцев регулярно повторял: я люблю твою мать и позабочусь о ней. И настанет день, когда я вас обоих увезу в Ирландию.

Мир перестал крутиться передо мной. Перестал крениться под немислимыми углами. «Я увезу вас домой», – пообещал Драммонд, и мне уже стало не так страшно думать о будущем. Я заглядывал в него и видел Кашельмару, мой дом, ту часть моего прошлого, которую нельзя уничтожить, и все остальные дни изгнания я ловил себя на том, что каждую ночь молюсь: Господи, позволь мне вернуться домой в Кашельмару и я больше ни о чем никогда не попрошу Тебя.

Драммонд увез нас домой. Он подбросил шляпу в воздух, когда оказался на земле Ирландии, и купил моей матери шесть букетов фиалок. Максвелл тогда так мне нравился, что я даже смеялся.

Не прошло и недели, как Макгоуана убили, моего отца увезли в какую-то лечебницу лечить от пьянства, и я уже не знал, что теперь думаю о Драммонде. Хотя выбора у меня не было – только изо всех сил считать и дальше, что он мне нравится. Мне удалось прогнать головокружение, убедив себя в том, что все образуется само собой.

Как мне описать Кашельмару в те далекие дни моего детства? Она не была стильной, потому что денег на поддержание ее в нормальном состоянии не хватало, не была величественной – обычный позднегеоргианский особняк. В Ирландии таких полно, да и в Англии тоже. Но это был очень удобный, хороший семейный дом. К тому же расположен неплохо – почти из всех окон приятный глазу вид. По правде, должен признать, что Кашельмара ничем не отличалась от других имений, если бы не сад. А вот сад отличался – блестящий, разбитый с воображением, великолепный в своем разнообразии и излучающий чрезвычайную атмосферу красоты и покоя. На мой взгляд, лучшего сада в Европе не было, и это мой отец, которого я когда-то любил, создал его из диких зарослей.

Два дня спустя после известия об убийстве Макгоуана мне пришлось присутствовать при разговоре дяди Томаса с другим моим дядей, Дэвидом, о том, что делать с Драммондом.

– Разве у нас есть выбор? – спросил я, когда мне удалось вставить словечко.

Они оба посмотрели на меня так, словно мне не хватало мозгов.

– Мой дорогой Нед, – сказал дядя Томас, – Драммонд может сколько угодно думать, что займет место Макгоуана, но будь я проклят, если назначу его управляющим. Я ни на йоту ему не верю.

– Неужели вы не понимаете? – Я недоумевал, почему им непонятно то, что ясно вижу я. – Не имеет никакого значения, назначите вы его или нет. Даже если вы наймете другого человека, решения будет принимать Драммонд. Вы оба уедете в Англию, а мать попросит Драммонда управлять имением, будет там управляющий или нет.

– Не думаю, что твоя мать сможет это сделать, – с сомнением пробормотал дядя Дэвид.

– По закону это невозможно, – категорически возразил дядя Томас.

– Послушайте, дядя Томас, я не хочу показаться дерзким, но вы просто не понимаете. Драммонд будет делать то, что считает нужным, и моя мать не собирается ему мешать. Более того, я вовсе не думаю, что он намерен

делать что-то плохое, так не лучше ли просто сдать карты по-честному, чем становиться на его пути?

– Боже милостивый! – воскликнул дядя Дэвид. – Нед, ты говоришь как американский карточный шулер.

Дядя Томас добавил:

– Ты не думаешь, что тебе пора начинать говорить как англичанин?

– Да нет, черт побери! – вскричал я, поскольку вышел из себя к этому моменту. – Какого рожна мне говорить как англичанин? Я не англичанин. Я родился в Ирландии и вырос в Ирландии, а теперь я вернулся в Ирландию, проведя два года в Америке, и я вам клянусь: когда мы обоснуемся в Кашельмаре, заправлять там будет Драммонд. Он избавился от Макгоуана, как всегда это планировал, и он использует вас, чтобы избавиться от моего отца, а потом поселится в Кашельмаре и будет заботиться о моей матери, и если вы не станете ему мешать, то все, возможно, будет хорошо. И так продлится по крайней мере до моего совершеннолетия, пока я не возьму бразды правления в свои руки. Вы, дядя Томас, твердите, что не доверяете Драммонду. Так вот, вы ошибаетесь. Можете не сомневаться, он будет работать с утра до ночи и обеспечивать мою мать и ее детей, потому что именно это Драммонд и делал последние два года.

Они уставились на меня, лишившись дара речи, и я понял, что моя речь, напичканная американскими словечками и выражениями, потрясла их до глубины души.

Я попытался еще раз.

– Послушайте, сэры, – произнес я, изо всех сил стараясь наскрести остатки моего английского, – извините, если был груб, но я чертовски огорчен. Я не хочу больше никаких неприятностей, не хочу никаких ссор, просто боюсь, что если вы затеете склоку с моей матерью и Драммондом, то ни конца ни краю этому не будет. Знаю, Драммонд вам не нравится, как и то, что он живет с моей матерью, но неужели вы не хотите дать ему шанс проявить себя? Он был очень добр с нами.

Это их тронуло, к чему я и стремился.

– Бедняга Нед, – выдохнул дядя Дэвид. – Досталось тебе.

– Пожалуй, мы должны дать Драммонду шанс, – согласился дядя Томас. – По крайней мере, это он заслужил. Но ему нужно вести себя чертовски осторожно с твоей матерью, иначе Сару ждут проблемы, когда она подаст на развод.

– Все это ужасно неприятно, – добавил дядя Дэвид. – Для детей, я хочу сказать. Господь милостивый, представляешь, что скажет Маделин? А она непременно сообщит, что нравственное благополучие детей под угрозой.

– Не могу поверить, что тетя Маделин ляпнет такую глупость. – Я снова вышел за рамки приличия. – Четверо детей живут под присмотром пьяного извращенца, и всем наплевать, но когда они попадают в руки матери, лучшей матери в мире, хотя она и спит с женщиной, не обвенчавшись с ним, тогда их нравственное благополучие оказывается под угрозой.

Это, естественно, вызвало вспышку. Оба вскочили на ноги, и, хотя дядя Дэвид начал было: «Мой дорогой Нед...» – дядя Томас перекричал его:

– Послушай, такое поведение совершенно неприемлемо! Мне жаль, но это так. Тебе тринадцать с половиной, и ты уже должен знать, что дети твоего возраста обязаны говорить на приличном языке, общаясь со старшими. Понимаю, ты расстроен и все эти события для тебя очень тяжелы, но ты ничего не добьешься грубостью. Это неправда, что никого не волновала неподходящая для детей среда в Кашельмаре как до, так и после твоего отъезда в Америку. Маделин, Дэвид и я очень беспокоились, и, если бы Сара не решила вернуться, мы бы наверняка обратились в Канцлерский суд, чтобы он назначил опекунов над детьми. Это позволило бы изъять их из Кашельмары под опеку назначенных лиц. Мы не пошли на это по единственной причине: твой отец – помнишь ты это или нет – предан детям, и мы не могли решить, что больше повредит им: остаться в Кашельмаре или уехать оттуда.

– Вы могли бы отправить их в Америку к моей матери!

– Вот уж этого мы точно не могли! Твой отец обратился бы в суд, и, поверь мне, ни один судья не дал бы согласия на отправку детей за границу к беглянке-жене, живущей во грехе.

– Но...

– Не прерывай меня. И ты, Дэвид, не прерывай. Послушай, Нед. Мы все знаем, что твой отец в настоящее время не способен воспитывать детей. Но ведь судья может прийти к выводу, что и твоя мать не годится для роли воспитателя, а ты, кажется, никак не хочешь понять этого. Я не утверждаю, что он придет к такому выводу, а только говорю – может прийти. Вот почему важно уладить все эти семейные проблемы в кругу семьи, без привлечения суда. Пожалуйста, не думай, будто мы не сочувствуем твоей матери. Это не так. Мы на ее стороне и считаем, что твой отец обошелся с ней безобразно. Но ты должен понять, что и она не чиста, как свежий снег, и есть много людей – и не последняя из них твоя тетушка Маделин, – которые могут справедливо осуждать твою мать за связь с Драммондом. Я понятно выразился?

– Для нас самое главное – благополучие всех вас, всех детей, – добавил дядя Дэвид. – Мы хотим делать все только вам во благо, но иногда так трудно понять, что пойдет во благо, а что нет. Порой я в равной степени злюсь и на Патрика, и на Сару. Меня расстраивает, что дети страдают из-за родителей, которые не могут вести себя подобающим образом.

После паузы я заявил:

– Я просто хочу вернуться домой. И больше ничего. Хочу увезти домой мать.

Тогда они и сообщили мне, что на следующий день отправятся в Кашельмару, чтобы забрать моего отца в Англию – лечить от пьянства. Как только он уедет, мать сможет вернуться домой с детьми.

Мои сестры и брат приехали в отель днем ранее вместе с дядей Дэвидом, Нэнни и новой гувернанткой мисс Камерон. Прежде я ее не видел, но Нэнни знал всю жизнь, и встретиться с ней снова было так же волнительно, как встретиться с Джоном, Элеонорой и Джейн.

Когда они приехали, я ждал их в холле отеля, и первой я увидел Нэнни, появившуюся из экипажа. Нэнни была невысокая и энергичная, всегда надевала вдовий чепец и десяток нижних юбок из фланели. Чепец носила в память о муже, который погиб на Крымской войне. Они провели в браке всего две недели, а потом ее дорогого и незабвенного отправили послужить стране, и Нэнни в двадцать один год овдовела. Мысль о повторном браке приводила ее в ужас («Негоже это, и дорогая королева первая со мной согласилась бы»), и, хотя теперь я начинаю сомневаться в том, что такое отношение Нэнни к браку характеризовало ее мужа с положительной стороны, в мои детские годы ее поведение казалось в высшей степени благородным.

Нэнни всей душой верила, что поступать всегда нужно правильно. По ее представлению, «правильное» включало хорошие манеры и преданность, десять заповедей и Британскую империю, а исключало всех иностранцев (в том числе и ирландцев), спиритизм и Армию спасения. Объяснение ее неизменного присутствия в Кашельмаре кроется в том, что она для себя решила: ее миссия в жизни – воспитание четырех несчастных английских детей, обреченных не по их вине жить среди дикарей. Но она всегда до самозабвения оставалась предана моей матери, притом что мать была не англичанкой. Когда же стало ясно, что мать собирается остаться в Америке, Нэнни первая встала на ее защиту.

«Настанет день – и она вернется, – твердила она. – Помяни мои слова». А когда я продолжал огорчаться, она вопрошала: «Неужели ты думаешь, мать уехала бы, если бы здесь не оставалась я, чтобы уберечь вас,

невинных овечек, от пороков мира?» Тогда я понятия не имел, о каких пороках она говорила, но знал: Нэнни нас никогда не покинет. Это было бы «неправильно». Как выразилась бы сама Нэнни, это было бы совсем «негоже».

– Нэнни! – закричал я, когда она живо выпрыгнула из экипажа, и бросился к ней, обнял, оторвал от земли.

– Помилосердствуй! – взвизгнула Нэнни, чьи нижние юбки вспорхнули. – Ну ты стал и верзила – настоящий майский шест!

Особым ростом я не отличался, но мне было приятно слышать ее слова.

– Как я рад снова тебя видеть! – воскликнул я, крутанув ее еще раз.

– Боже! – охнула Нэнни. – Какой ужасный американский акцент!

Темноволосая голова высунулась из окна экипажа.

– Нед! – завопил мой брат Джон. – Нед, мне уже десять – один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять!

– Привет, Джон! – радостно закричал я ему в ответ. – Значит, ты теперь математик!

– Сначала леди, Джонни, – быстро сказала Нэнни. – Не спеши выходить! Иди сюда, Элеонора.

Я совсем забыл, какая Элеонора хорошенькая, а теперь заметил: она стала еще красивее. Светлые волосы в кудряшках, огромные фиалковые глаза и лицо в форме сердечка.

– Элеонора! – воскликнул я, восхищенно целуя ее в ожидании привычного потока слов, но, к моему удивлению, она ничего не сказала – закрыла лицо руками и расплакалась.

– Ну-ну, детка. – Нэнни обняла ее, а увидев мой испуг, успокаивающе добавила: – Она переволновалась. В последнее время была как натянутая струна. Джонни, помоги выйти Джейн.

– Привет, Недди, – сказала моя младшая сестренка.

– Не называй меня «Недди»! – прорычал я.

– Я хочу маму, – заявила Джейн так, будто заказывала блюдо в ресторане. Она была темноволосая, как Джон, курносенькая, с широким ртом, который мог принимать самые разные выражения, в большинстве – дерзкие. – Я хочу ее сейчас... сразу же, а потом я хочу домой, чтобы Озимандия не умер без меня от горя.

– Кто такой Озимандия, скажи мне бога ради!

– Озимандия – король королей, – объяснила Джейн, – он мой старший кот. Почему мама нас не встречает?

– Как – не встречает? – воскликнул Джон. – Вот же она!

– Мама! – зарыдала Элеонора.

– Мама! – взвизгнула Джейн, отталкивая Элеонору, и за этим последовали сумбурные и эмоциональные пять минут на ступеньках отеля.

Мы с дядей Дэвидом смотрели на все это с глупыми улыбками, Нэнни отерла крупную слезу, а все прохожие останавливались и ахали.

– Совсем негоже, – пробормотала Нэнни, когда дар речи вернулся к ней.

Эйфория встречи продолжалась какое-то время и все еще находилась на своем пике, когда состоялся мой разговор с дядями о будущем Драммонда в Кашельмаре. И только когда Дэвид и Томас отправились за отцом, чтобы увезти его в Англию, у меня появилась возможность обстоятельно поговорить с Джоном и сестрами, правда мать никуда не отпускала их от себя. Но на следующий день после отъезда деверей она почувствовала недомогание и утро провела в постели. После завтрака Нэнни и мисс Камерон сообщили о своем решении отправиться с младшими детьми на берег в Солтхилл. Он находился всего в двух милях, и туда ездила конка.

– Нед, поедешь с нами? – почтительно спросила Нэнни, и я сказал – да, поеду. День стоял солнечный, и мне хотелось проехаться до Солтхилла.

Когда мы обосновались на берегу с продуктовой корзинкой для пикника и другими принадлежностями, Нэнни достала спицы, мисс Камерон взяла двух девочек, и они отправились собирать ракушки, а мы с Джоном пошли учиться писать цифры на песке. Наступил отлив, и внизу приглашающе обнажилась часть песчаного берега.

– Джонни стал такой умник, – горделиво сообщила Нэнни. – Он теперь и писать может.

– Пора уже, – сказал я.

Нездоровье Джона задержало его развитие, но я никогда не считал его глупым.

– Мисс Камерон постаралась, – объяснила Нэнни. – Когда все учителя отказались, она взяла на себя этот труд. Мистер Макгоуан нанял ее – заявил, что шотландские учителя лучшие в мире, и я должна признать, что она сделала настоящее чудо с Джоном и девочками.

– Мм... – Я сдвинул слой гальки, под которой обнажился песок, и теперь строил башни из него.

– Конечно, это такое скандальное дело с мистером Макгоуаном...

– Мм, – снова протянул я.

– Вот что я тебе скажу: может, он и был нехороший человек, но не нам его судить. Убийство никогда нельзя оправдать.

Я перестал строить башни и уставился на воду Голуэйского залива. На меня взирали голубые горы острова Клэр. Я вспомнил, как Драммонд подбросил вверх шляпу и купил шесть букетов фиалок моей матери.

– Преступника можно приговорить к смерти и повесить, – пробормотал я. – Это убийство, но все скажут, что оно оправданно.

– Это дело другое, дорогой. Судья вправе приговорить к смертной казни по законам своей страны, но судьи – это такие специальные люди, назначенные королевой. Остальные не могут быть судьями и действовать от имени закона! Это будет неправильно. И потом, не забывай заповеди «не убий».

У меня вновь закружилась голова. Я вонзил пальцы глубоко в песок и зажмурил глаза.

– Ну-ну, – тут же защebetала Нэнни. – Я тебя не хотела расстраивать, вспомнив Макгоуана. Мы побеседуем о чем-нибудь еще. Признаюсь, что для меня было большой неожиданностью увидеть твою маму с мистером Драммондом, но, конечно, несчастной, беззащитной женщине в этом жестоком мире необходим защитник. Нед, дорогой, не хочу этого говорить, но чувствую, что должна тебя предупредить: очень нехорошие слухи ходят о твоей матери и мистере Драммонде. Надеюсь, он, как приедет домой, сразу же пошлет за своей женой.

Я снова посмотрел на голубые горы. Над ними висело три облака. Я вглядывался пристально в каждое из них по очереди.

– Что и говорить, твоя мать весьма добропорядочная женщина, – бубнила Нэнни, позвякивая спицами. – Всегда была такая преданная жена и мать, и никаких слухов, чего не скажешь о других красивых леди, уж ты мне поверь. Я всегда утверждала, что твоя мать ведет себя подобающим образом.

Секунду спустя я смог произнести:

– Извини, Нэнни, я хочу поболтать с Джоном.

Я встал, задел ногой песчаные башни и уверенно зашагал по песку к брату.

– Посмотри, какие у меня хорошенькие циферки, – сказал Джон, который добрался уже до девяти. – Правда, у цифр красивые формы?

– Наверное. Джон, семь идет после шести, а не до.

– Папа снова хочет заняться фигурной стрижкой кустов, он говорит, что я могу придумать для него всякие формы. Я решил выбрать форму в виде цифры пять. Восемь тоже было бы неплохо, но стрижка была бы очень трудная.

– Джон, – начал я объяснение, – папа очень болен. Дядя Томас и дядя

Дэвид увозят его в Англию на какое-то время.

– Да, это будет хорошо. Но он ведь вернется, правда? Он обещал, что мы вместе будем заниматься стрижкой.

– Не знаю точно, как оно будет дальше, но мама хочет получить развод и...

– Это что такое?

– Джон, ты должен знать, что такое развод!

– Не уверен. Это цветок?

– Господи боже, нет!

– Тогда, наверно, не знаю. Знаю только про цветы. Западная часть сейчас очень красива, вся сиреневая и белая, и ты должен увидеть аллею азалий! Папа купил новый сорт азалий и...

– Он тебя не предупредил, что уезжает?

– Конечно – когда мы с ним прощались. Тетя Маделин приехала, она там была. И дядя Дэвид тоже. На папе был такой хороший бархатный пиджак, синеватый, цвета анютиных глазок с восточной стороны. Папа меня поцеловал и сказал, чтобы я приглядывал за садом, пока он будет в отъезде. Потом хотел поцеловать Элеонору, но она убежала, и он расстроился. Элеонора теперь такая необычная. Но он поцеловал Джейн, и Джейн его поцеловала два раза и обняла – загладила поведение Элеоноры. Папа дал ей маленькую кошечку из дерева – сам ее вырезал. Он всегда делает ей подарки, а Нэнни говорит, что папа ее избалует. Нэнни очень строга с Джейн, но это бесполезно, потому что Джейн идет к папе и тот разрешает ей брать, что она хочет.

Джейн росла ужасно избалованной, поэтому-то и стала такой дерзкой, и, когда об этом заходила речь, я всегда неумеренно злился.

– Джейн – маленькая грубиянка, – проворчал я, не сдержавшись и на сей раз. – Она такой была еще и до моего отъезда, а теперь стала еще хуже – сразу видно. Не могу понять, почему мама и папа считают ее такой особенной.

– Нэнни говорит, это потому, что она младшая. Младшие в семье часто самые избалованные. Многие родители балуют детей. Это как заразная болезнь, и даже лучшие родители ею заражаются. Нэнни говорит, это беда и мы должны пожалеть Джейн, но я ее не слишком жалею, в особенности еще и потому, что она такая приставучая. Нед, что такое развод?

– Это означает, что папа и мама разойдутся и больше не будут жить вместе. Жаль, но так оно к лучшему. Папа очень плохо обращался с мамой и позволял мистеру Макгоуану тоже плохо к ней относиться.

– Мистер Макгоуан, – вспомнил Джон. – Мне жаль его. Он посадил

хорошие деревья и показал мне сеянцы. Они походили на маленькие елочки. Они мне очень нравились.

– Джон, ты слышишь хоть слово из того, что я говорю? – грубо спросил я.

– Да, слышу. Мама и папа разойдутся. Когда, ты думаешь, папа вернется в Кашельмару?

– Джон, именно это я и хочу тебе объяснить! Он не вернется. Мы будем жить в Кашельмаре с мамой, и мистер Драммонд станет управляющим. Когда папа поправится, то будет жить с дядей Томасом и дядей Дэвидом.

– Да нет, он все равно должен вернуться, – упорствовал Джон. – Тут же его сад. Мы собираемся вместе стричь кусты и деревья. Мистер Драммонд любит садоводство?

– Не думаю.

– Если нет, то от него будет мало проку. Ты лучше скажи маме, чтобы она его отослала.

– Джон... – раздраженно начал я, но тут же сдался. Мог только беспомощно смотреть на него.

– Да? – ответил он.

Я предпринял последнюю попытку:

– Мистер Драммонд очень нравится маме. Теперь он будет заботиться обо всех нас вместо папы.

– Очень мило с его стороны, но, вообще-то, я бы предпочел папу. Я не против – пусть папа и мама разойдутся, но папа должен вернуться и жить с нами. Мама может оставить себе мистера Драммонда, если хочет, но папа должен вернуться.

– Джон... – Я с трудом подыскивал слова. – Почему ты не можешь понять? Тебе десять лет, а ты говоришь как пятилетний ребенок. Что с тобой такое?

– Я не ребенок! – завопил Джон, который вдруг решил рассердиться. – Не ребенок, не ребенок! Я вырос, я большой, и я тебя поколочу!

Он вне себя замахнулся, целясь мне кулаком в лицо.

– Тихо, тихо! – остерегающе крикнула Нэнни.

Я перехватил запястье Джона, крепко сжал:

– Постой, Джонни. Мне очень жаль, если я обидел тебя.

– Большой зверюга! – воскликнул Джон, его глаза засверкали от слез. – Почему бы тебе не вернуться в Америку?

Он вырвал руку и пошлепал по песку к воде.

Мисс Камерон и мои сестры находились от нас всего в нескольких

ярдах.

– Боже мой! – воскликнула мисс Камерон, высокая, костлявая женщина лет тридцати пяти, с небольшим, но заметным шотландским акцентом. – Что это такое было?

– Ерунда, – буркнул я. – Маленькое недопонимание.

Взяв Элеонору за руку, я с улыбкой предложил:

– Пойдем прогуляемся со мной. Может быть, купим мороженое.

– Я тоже хочу, – тут же заявила Джейн.

– Ты приглашения не получала. Идем, Элеонора.

– Давай-ка посмотрим, Джейн, не осталось ли у Нэнни тех вкусных леденцов, – предложила мисс Камерон.

– Нет! – Джейн вцепилась острыми ноготками в мою свободную ладонь. – Я хочу мороженое!

– От меня ты его не получишь. Я не люблю избалованных девчонок, которые не умеют говорить «пожалуйста» и «спасибо».

Джейн решила закатить истерику. Все на берегу смотрели, как Нэнни припустила к нам, мисс Камерон тем временем неодобрительно пощелкивала языком о длинные белые зубы.

– Элеонора, беги! – крикнул я, и мы бросились по берегу, взбежали по ступенькам на набережную. – Ничего у меня сегодня с утра не получается! – усмехаясь, воскликнул я. – Сначала я вывел из себя Джона, потом ввел в истерику Джейн. Надеюсь, с тобой мы не поссоримся, или я совсем расстроюсь.

Она улыбнулась, но стеснительно, и ее молчание было мучительным для меня. Я помнил ее маленькой, Элеонора тогда все время болтала и смеялась, всегда была веселая, умненькая и забавная.

– Что случилось? – спросил я после паузы. – В чем дело? Ты ведь не стесняешься меня, правда?

Мы шли дальше по набережной, она отрицательно покачала головой и, продолжая улыбаться, сильнее ухватила мою руку. Мороженого мы не нашли, но я купил немного вареных креветок у лоточника, и мы сели на скамейку, чтобы полакомиться.

Наконец я спросил:

– После моего отъезда дома было очень плохо?

Она отрицательно покачала головой.

– Кто-нибудь плохо к тебе относился?

Элеонора снова отрицательно покачала головой.

– Скажи мне, если что-то было. Тебя обижал мистер Макгоуан?

Она в третий раз мотнула головой.

– Тогда кто?

– Папа.

Теперь онемел я. Мне стало нехорошо.

– Что он делал?

– Ты никому не должен рассказывать, – предупредила она. – Мистер Макгоуан приказал никому не говорить. Даже Нэнни. Мистер Макгоуан сказал, что, если я кому-нибудь проговорюсь, меня придется отправить в школу-пансион.

Мне стало еще хуже. Я больше не мог смотреть на вареные креветки.

– Элеонора, мистер Макгоуан умер, – напомнил я. – Теперь это не имеет никакого значения. Никто тебя никуда не отправит.

– Он правда умер?

– Конечно!

– И его призрак не будет преследовать меня, если я ослушаюсь?

– Ни в коем случае.

– Мне снилось, что его призрак приходит и пугает меня. Все время были страшные сны с тех пор, как...

– С каких пор?

– С тех пор, как папа сошел с ума, – выдавила она сквозь слезы. – Это случилось осенью. Он помогал мне приклеивать новые засушенные цветы в альбом и называл всякие английские и латинские названия, чтобы я правильно их подписала. Там был такой хороший желтый цветочек, а папа посмотрел на него, вскрикнул, уронил и закричал, что это змея. Потом снова закричал и начал рвать на себе одежду. Кричал, что его кусают насекомые. Пришла кузина Эдит и мистер Макгоуан, и кузина Эдит вытащила меня из комнаты, а потом мистер Макгоуан предупредил, что я никому ничего не должна говорить.

– Он так сказал потому, что если бы мама узнала, то забрала бы тебя у папы. А папа в это время пытался ее убедить, что если она не вернется, то он лишит ее детей.

– Но я ведь теперь могу остаться с мамой, правда? Мне больше не нужно видеть папу?

– Нет, конечно. Папа пьяница, он не может жить в одном доме с тобой.

Мне стало так нехорошо, что я боялся, как бы меня не вырвало, и каждый мускул моего тела напрягся от ярости.

– Джон твердит, что папа вернется, – опасливо проговорила Элеонора.

– Это неправда. Он не вернется. Мама получит развод.

– Развод? – (Я думал, что сообщаю ей хорошую новость, но она была в ужасе.) – Боже мой, ведь это очень дурно, да? Нэнни говорит, что развод –

это неприлично.

– Это лучшее, что мама может сделать, – поспешил объяснить я. – Это будет означать, что ты сможешь оставаться с ней и никто не заставит тебя встречаться с папой.

Она облегченно вздохнула:

– Я очень люблю папу, но я так боялась, что он снова сойдет с ума.

– Понимаю, – пробормотал я, обнимая ее.

– Ведь мистер Драммонд не пьяница?

– Нет, он будет хорошо заботиться о нас, ты сама увидишь. Все будет хорошо, когда мы вернемся домой, и ты можешь больше ни о чем не беспокоиться.

Знаю, что утешил ее, потому что она отерла слезы и принялась за кровати, а вскоре даже сказала, как это здорово – немного побыть у моря.

Я не стал передавать матери слова Элеоноры – не хотел ее расстраивать, и хотя чуть было не выболтал Драммонду тем вечером, но все же промолчал. Мне было стыдно за отца – поэтому не хотелось пересказывать услышанное, а кроме того, как бы хорошо я ни описывал Драммонда Джону и Элеоноре, у меня оставались сомнения насчет него. Когда я лег спать тем вечером, сон долго не шел. Я беспокоился, как бы Нэнни не решила уйти, когда узнает, что мама живет в грехе с Драммондом. Перед тем как сон все же сморил меня, помню, что тупо подумал: если бы только Джон не твердил про Макгоуана и его маленькие деревца, все бы прошло куда как лучше.

Но потом я уснул, а когда проснулся, все мысли о Макгоуане и отце ушли из моей головы. Настал день возвращения в Кашельмару, и мой долгий кошмар неопределенности, казалось, все же закончился.

3

Я вернулся домой. Но все произошло не так, как я предполагал. Дом остался тем же, как и лошади, и конюшни, и, хотя часть слуг сменилась, все они были знакомыми людьми из долины. Ожидалось даже возвращение дворецкого Фланнигана, которого мама заманила назад. Вид остался таким же ослепительным, каким я его помнил. Озеро было вставлено в горы, как драгоценный камень в большой перстень, а над домом в лесу призрачно стояла часовня над семейными могилами. Даже паутина на заплесневелых скамьях, казалось, была свита так же, как прежде.

Но все изменилось. Изменилось, потому что здесь больше не было моего отца.

Я прошел по его саду, и отец, казалось, шел рядом со мной. Я шел мимо пламенеющих газонов по газону-озеру, потом по каменным ступеням в итальянский сад, безмятежный среди лиственниц. В воде цвели лилии, а за маленьким чайным домиком пейзаж с озером и горами обрамлял белый мрамор. Я провел пальцами по солнечным часам, высеченным отцом, и вдруг увидел его рядом со мной в потрепанной рабочей одежде. Длинные, сильные руки в грязи, а с загорелого лица смотрят очень голубые глаза. Помню, мне тоже хотелось научиться высекать из камня, но у меня не было к этому таланта, и отец ни словом не укорил меня за неудачу. «Ты будешь хорош во всем, в чем никогда не был я», – сказал он, улыбаясь, а когда я ответил: «Но я хочу быть таким, как ты», он возразил, что это совсем не нужно, ведь самое главное, чтобы я был самим собой. «Если ты попытаешься быть кем-то другим, не собой, ты никогда не станешь счастливым, – объяснил он. – Ты должен быть честным с самим собой, чтобы быть честным с другими людьми».

Я не понимал, что он имеет в виду, а потом, когда узнал, как отец оскорблял мою мать и какими отвратительными вещами занимался, его слова стали мне еще непонятнее.

Я вернулся в дом, думая, что там избавлюсь от него, но он был и там. Прошел в детскую – там стояла моя любимая лошадка, которую он сделал мне давным-давно. Потом в библиотеке мне попались на глаза затрепанные книги по садоводству. Я ушел в свою спальню, начал разбирать вещи и нашел книгу про короля Артура, которую подарил мне отец, а внутри лежали сделанные его рукой наброски моего пони. Открыл шкаф, чтобы убрать наброски с глаз долой, а оттуда выпал мой альбом с фотографиями. Внезапный порыв сквозняка зашелестел страницами, и альбом открылся на фотографии крещения Элеоноры. Я принялся разглядывать. Мать дала мне альбом, потому что я хотел, чтобы у меня было фото моей тети Маргарет, которая умерла, когда мне было шесть. И вот она стояла на фотографии рядом с моей матерью. Мать держала Элеонору на руках, а рядом с ней отец держал за руку меня. На мне была матроска. Мы все улыбались в камеру.

1879 год. Восемь лет назад. Что случилось и почему все пошло наперекосяк? Неужели это все вина Макгоуана? Или мой отец всегда был порочен, а я по малости лет не замечал этого? Почему мой отец был так порочен? И почему, почему, почему я не могу выкинуть его из головы, когда он вызывает у меня такое отвращение?

Вопросы одолевали меня, но никаких здравых ответов я не находил и наконец в отчаянии подумал: нужно поговорить с кем-нибудь. Обязательно. Иначе я сойду с ума.

Я отправился к Нэнни. У нее на все находились ответы. Одно из первых моих младенческих воспоминаний: я задаю Нэнни бесконечные вопросы, а та дает на них вразумительные ответы. («Нэнни, почему небо голубое?») – «Господь его сотворил таким, дорогой, потому что голубой цвет успокаивает глаз».)

– Нэнни, – сказал я, – я очень сердит на моего отца, я хочу перестать о нем думать, но не могу. Это нехорошо, что я на него сержусь?

– «Чти отца своего и мать свою», – напомнила заповедь Нэнни.

– Ты хочешь сказать, что нехорошо на него сердиться?

– Тебе нет нужды сердиться на него, дорогой. Не думай о нем сейчас.

– Но я ничего не могу с собой поделать. Нэнни, он всегда был такой порочный?

– Ну-ну, Нед, дорогой, мы не будем об этом говорить. Это негоже.

– Но я хочу об этом говорить! Почему он был такой порочный? Я не понимаю.

– Не забивай этим свою голову, дорогой. Ты не должен думать о таких вещах, уверена, твоя мама первая с этим согласится.

– Ты теперь, наверное, думаешь, что и мама порочная.

– «Не судите, да не судимы будете», – ответила Нэнни.

– Но, Нэнни...

– Не нам с тобой обсуждать такие вещи, – твердо перебила Нэнни. – Мой долг – забота о детях, а твой – быть хорошим братом и хорошим сыном. Если ты будешь исполнять его, все образуется само собой.

– Но оно не образуется! И как я могу быть хорошим сыном по отношению к отцу при таких обстоятельствах? Стоит мне подумать о нем, как я злюсь. Я теперь плохо сплю по ночам, потому что все время переживаю.

– Бедный мальчик. – Нэнни поцеловала меня. – Ты не должен беспокоиться. Я тебе согрею молочка на ночь, чтобы ты спал. Ты помнишь, как ты любил молочко? Ты даже пенку любил! Не знала ни одного другого ребенка, который любил бы пенку. – Я начал было что-то объяснять, но она быстро добавила: – Ты лучше поговори со своими дядями, когда они вернутся из Англии. Они оба хорошие, добропорядочные молодые люди. Поговори с ними.

По крайней мере, она была готова проявить милосердие к моей матери. Я знал, что должен радоваться и перестать нервничать: Нэнни не

собиралась от нас уходить, но я переживал по поводу того, что скажу своим дядям.

Они вернулись неделю спустя. Моего отца поместили в лондонскую лечебницу, Томас и Дэвид долго советовались с семейным юристом мистером Ратбоном о том, как управлять имением, пока лорд де Салис болен. С разрешения моего отца был создан траст, в который входили в качестве доверенных лиц мои дяди и мать. Сначала отец возражал против включения в траст моей матери, но ему порекомендовали дать согласие из практических соображений. Мать, проживая в Кашельмаре, сможет контролировать управляющего имением. Мистер Ратбон полагал, что она должна нести юридическую и моральную ответственность за состояние имения. Мои дяди обещали регулярно приезжать в Кашельмару и контролировать положение дел в имении, но никто из них не собирался жить в Ирландии. Дядя Томас был доктором, патологоанатомом, а Дэвид – свободным джентльменом. Он недавно влюбился в молодую леди, которая жила в Лондоне.

Оба моих дяди согласились взять Драммонда управляющим с шестимесячным испытательным сроком.

– Нед, полагаю, ты поэтому хотел поговорить с нами наедине? – спросил дядя Томас. – Хотел обсудить отношения твоей матери с Драммондом?

– Нет, – ответил я. – Я хотел обсудить отношения моего отца с Макгоуаном.

Внезапно наступило неловкое молчание. Ни один из них не шелохнулся.

– Я много думал об отце, – торопливо объяснил я. – И я столько хочу узнать. Например, был ли мой отец всегда таким порочным? Был ли он порочным со своим другом мистером Странаханом так же, как с Макгоуаном? А если да, то зачем он вообще женился на маме? И почему люди бывают такими порочными? И почему мама вышла за него, если...

– Мой дорогой Нед, – неуверенно пробормотал дядя Дэвид, – тебе в настоящий момент нет ни малейшей необходимости знать о таких вещах. Ты еще слишком юн.

– Но мне скоро будет четырнадцать! – в отчаянии возразил я. – И есть вещи, в которых я должен разобраться. Они меня все время беспокоят, а вы не хотите этого понять.

Я замолчал. Продолжать было трудно, но дядя Томас вдруг довольно дружелюбно сказал:

– У твоего отца нарушена психика. Он очень болен. Можно только

надеяться, что здоровье вернется к нему и он будет в состоянии предпринять нравственное усилие, преодолеть свои пороки и вести нормальную жизнь. А пока Дэвид правильно сказал: нет никакой необходимости тебе углубляться в такие вещи. Как нет необходимости и беспокоиться. Абсолютно никакой.

– Да, но... – Я подумал о своих бессонных ночах. – Меня беспокоят другие вещи. Знаю, необходимости нет, но они меня беспокоят.

– Какие?

Я открыл было рот, но так ничего и не произнес. После мучительной паузы буркнул: «Да ладно» – и отвернулся.

Потом попытался объяснить свои проблемы матери. Пришел в ее будуар, когда точно знал, что Драммонд в Клонарине, и спросил, почему отец женился на ней, если предпочитал мужчин женщинам.

– Я не могу это обсуждать, – ответила она.

– Но...

– Твой отец был очень жесток со мной. Не могу больше о нем говорить. Меня это слишком расстраивает.

Я ушел. А потом поссорился с дядями. Им пора было возвращаться в Англию, и в последний свой день в Кашельмаре они предложили подобрать мне школу с пансионом.

– Нет, – вежливо отказался я.

– Я думаю, это наилучшее решение, – настаивал дядя Томас, его взгляд обшаривал комнату, он словно оценивал обстановку и находил ее непригодной. – Боюсь, что атмосфера здесь пока для тебя неподходящая.

Я промолчал.

– Мы не предлагаем тебе уехать немедленно, – осторожно добавил дядя Дэвид. – Знаем, как ты любишь дом. Но может, в новом году...

– Нет, – повторил я.

– Ты должен получить хорошее образование, познакомиться с ребятами твоего круга, – быстро проговорил дядя Томас. – С нашей стороны было бы недопустимо позволить тебе оставаться в таком уединенном месте с несчастным недоучкой-наставником в компании только сестер и брата.

Я сумел удержаться от ответа.

– Но почему ты не хочешь уехать? – дружески поинтересовался дядя Томас. – Тебе понравится. Школа – это здорово.

– Дерьмо! – отрезал я.

– А ну-ка, немедленно оставь этот грязный язык! – сердито воскликнул дядя Томас. – Ты не с Драммондом говоришь! И когда ты

ведешь себя таким образом, мы лишь больше исполняем решимости удалить тебя из-под влияния Драммонда и немедленно увезти тебя в Англию!

– Я никуда не поеду. Я отказываюсь.

– Почему?

– Потому что меня почти два года таскали с места на место, и все изменилось, пошло наперекосяк, ничто не осталось таким, как прежде, кроме Кашельмары. Если вы попытаетесь увезти меня отсюда, я убегу, буду драться с вами, буду...

– Нед...

– Оставьте меня! – завопил я, когда дядя Дэвид попытался успокоить меня, положив мне руку на плечо.

Я выскочил из комнаты, чтобы не расплакаться при них.

Выбежав из дому, я помчался по дорожке. Я уже плакал, как младенец, но был так расстроен, что не обращал на это внимания. Бежал, почти не понимая, куда бегу, и рыдания душили меня так, что каждый вздох превращался в пытку. Я остановился, только добежав до ворот, и неожиданно налетел на кого-то, идущего навстречу.

– Пресвятая Богородица! – удивленно воскликнул Драммонд. – И что за нечистая сила за тобой гонится?

4

Он усадил меня у края дорожки спиной к дереву. Потом закурил, предложил мне затянуться. Драммонд делал это раз или два в Америке – угощал меня сигаретой, и я уже знал, как вдохнуть, чтобы не драло горло.

– Ну, – сказал он, усаживаясь рядом со мной, – я ни разу не видел у тебя в глазах ни одной слезинки и теперь с радостью узнаю, что ты такой же человек, как и все мы, но в честь чего ты льешь эти конкретные слезы... или лучше не спрашивать?

– Мои дяди хотят отправить меня в школу в Англию, – объяснил я. – А я не хочу.

– Так и скажи. Они не могут тебя заставить. Они тебе не опекуны.

– Я знаю, что ходил в школу в Америке, но то было другое дело. Не хочу сейчас уезжать из Кашельмары.

– Конечно ты не хочешь! Да и с какой стати человеку в здравом уме хотеть в Англию? Курни еще.

– Мой отец не стал бы меня отправлять. Он ненавидел школу. Два раза убегал. Сам мне рассказывал. Отец мне обещал, что никогда меня не отправит. Я много думал о нем, мистер Драммонд. Не могу выкинуть его из головы.

К собственному ужасу, я опять заплакал. Мне стало казаться, что я схожу с ума. На меня это так не похоже – плакать без всяких к тому оснований. Я с испугом подумал, может быть, это какие-то первые злостные признаки женоподобия.

– Что тебя беспокоит? – спросил Драммонд.

– Порочность моего отца. Его... пьянство. Это... не может передаваться по наследству?

Он разразился смехом:

– Все известные мне сыновья пьяниц выросли и дали зарок не пить.

– Тогда почему люди становятся порочными? Я имею в виду – пьяницы.

Он надолго задумался, а потом просто ответил:

– Это как Божий промысел.

– Божий промысел? Порочность моего отца? – Я призвал на помощь все свое мужество. – Вся она?

Он опять задумался, потом твердо сказал:

– Вся.

– Я не понимаю.

– Можно сколько угодно твердить о грехе, зле, порочности, но на самом деле эти слова мало что значат. Это лишь слова. – Драммонд посмотрел вдоль дорожки в направлении дома, и я вдруг понял, что он думает о моей матери. – Это слова для священников и для тех, кто никогда не сталкивался с искушением, которому не мог воспротивиться. Я говорю не в издевку над священниками или над добронравными душами. Мы все, конечно, хотим жить праведной жизнью, а когда она закончится, отправиться на небеса. Но порой случается что-то от тебя не зависящее, и тогда ты словно во власти Господа – ничего не можешь сделать, только подчиниться.

– Понимаю. Вы хотите сказать, это как неизлечимая, но не заразная болезнь. Ты ничего не можешь с ней поделать.

– Некоторые, наверное, могут. А другие – нет, я знаю это очень хорошо.

– Значит, мой отец из тех, кто не может?

– А ты как думаешь? Ты способен представить себе мужчину, который отвернулся бы от твоей матери, если бы на то не была воля Господня и он

не мог бы ей противиться? Господи Иисусе, да только Божьим промыслом такое и можно объяснить.

– Тогда, значит, мой отец и не был виноват. – С моих плеч словно свалилась невероятная тяжесть. – Он не хотел быть порочным. Но Божья воля не оставила ему выбора.

– Верно.

– Мистер Драммонд, вот Божья воля... когда человек понимает, что он в ее власти? То есть она поражает человека внезапно... как молния? – уточнил я, подобрав для сравнения наиболее известный Божий промысел.

Последовала пауза. Он опять закурил и задумался над моим вопросом. Мне это в нем нравилось.

– Мой отец, например, – уточнил я. – Он в молодости был такой же, как и все остальные?

– Я мало знал твоего отца, – признался наконец Драммонд, – но, судя по словам твоей матери, это было в нем с самого начала, хотя он понял это только гораздо позднее.

– Почему? Это так трудно определить? Ведь наверняка как-то можно... есть какие-то симптомы...

Драммонд посмотрел на меня своими очень темными глазами, в уголках которых собирались морщинки, когда он улыбался.

– Нед, тебе не о чем беспокоиться, – сказал он совсем как в те времена, когда говорил: «Я увезу вас домой в Кашельмару». И мне не приходило в голову усомниться в его словах.

Я неловко проглотил комок в горле:

– Я, конечно, о себе не беспокоился, но... я не понимаю, почему мой отец не догадывался, что он другой.

– Может, и догадывался. Но это не имеет значения. Имеет значение только то, что какое-то время он не хотел быть другим. Поэтому и женился. Он стремился стать как все.

– Но ему не следовало жениться. Это было неправильно с его стороны.

– Это была ошибка. И твоя мать тоже ошиблась, когда вышла за него. Черт побери, мы все совершаем ошибки! Только святые на небесах не ошибаются.

Я помолчал немного, потом пробормотал:

– Будь у меня выбор, я бы никогда не женился, никогда бы не пошел на риск жениться не на той. Но думаю, мне придется когда-нибудь жениться, чтобы у Кашельмары был наследник.

– Это разумно, – согласился он. – Он будет для тебя таким утешением в старости.

– Я надеюсь, это не слишком трудно – произвести на свет наследника.

– Легче в жизни ничего нет. Какая-нибудь хорошенькая девушка сделает за тебя всю работу, а потом все будут тебе говорить, какой ты молодец.

– Похоже, это и в самом деле легко.

– Если бы это было трудно, неужели ты думаешь, священники тратили бы столько сил, чтобы привести людей к алтарю, прежде чем бедные грешники подвергнут опасности свои бессмертные души?

– Я, естественно, не поддамся на такого рода искушения, пока не женюсь. И вообще, не могу представить себе девочку, которая стоила бы такой суеты.

– А как насчет Керри Галахер?

– Ну, это совсем иное, – объяснил я. – Керри – мой друг. Дайте мне, пожалуйста, еще затянуться.

Он дал мне затянуться еще раз, и я тут же задал ему вопрос о плотских делах, задал с такой легкостью, будто мы говорили о погоде. Вопросы проталкивались один за другим, как стадо овец, ломящихся беспорядочно через открытую калитку, а Драммонд направлял их со сноровкой пастуха с длинным посохом.

Наконец я сумел проговорить:

– Я чувствую себя гораздо лучше.

– Тогда давай пойдем в дом, пока дождь не начался? – предложил он.

Я поднялся, и в этот момент первые капли дождя пробились сквозь листву.

На полпути к дому я вдруг вспомнил о моих дядях:

– Вы можете попросить маму, чтобы она сказала моим дядям, что я никуда не поеду?

– Непременно, а если она откажется – но она не откажется, – я побеседую с ними сам.

– Пока я здесь, со мной все будет в порядке, – осторожно объяснил я, добавляя еще аргументов. – Но ехать в Англию и видеть отца не хочу. Я теперь лучше его понимаю, и мне очень жаль, что с ним так случилось, но я бы предпочел не встречаться с ним. Ведь никто не заставит меня?

– Никто на свете, – пообещал Драммонд, забыв о моей тетке Маделин, и мы прошли последние футы до дома бок о бок.

Глава 2

1

– Твой долг – посетить отца, – заявила тетя Маделин. – Он хотел повидать тебя, и теперь, когда ему стало лучше, у тебя нет причин избегать его.

Прошло некоторое время. Стоял январь 1888 года, шесть месяцев после нашего возвращения в Кашельмару, и мы наконец обосновались дома. Дядей я не видел с октября, когда они опять пытались уговорить меня поехать в школу, но мама отказалась принимать их предложение, и в конечном счете мне пригласили нового учителя. Звали его мистер Уотсон. Он был пожилой, суетливый и заставлял меня много работать, но я делал все, чтобы он оставался доволен, так как боялся, что в противном случае они опять начнут настаивать на отправке в школу.

Моя мать тем временем добилась развода и полной опеки над всеми детьми. По закону она не могла получить развод только на основании жестокого обращения, что было бы самым мягким, самым сдержанным описанием поступков отца, а потому ей пришлось в полной мере раскрыть его неестественное поведение. Хотя мои дяди убедили отца не подавать встречного иска на основании супружеской измены, скандал случился очень громкий. Не сомневаюсь, что моя мать, которой, в отличие от отца, пришлось присутствовать на процессе, перенесла невыносимые страдания. Однако отголоски этого скандала почти не дошли до Кашельмары. Моя мать даже заметила Драммонду, что она впервые в жизни порадовалась удаленности Кашельмары. Доставку газет на три недели приостановили, троих слуг уволили без предупреждения за распространение слухов, а использование слова «развод» запретили на все времена.

– Почему папа с нами разводится? – смущенно спросила Джейн. – Почему он больше к нам не приезжает?

– Мы не будем употреблять это нехорошее слово, – сказала Нэнни, преданная моей матери, но я знал, что и ее беспокоит произошедшее, потому что сразу же за этим она добавила: – Ни с кем из вас он не разводится, Джейн. Вы, дети, не имеете к этому никакого отношения.

Но Элеонора ей не поверила.

– Это из-за меня, да? – прошептала она мне, когда Нэнни повернулась

к нам спиной. – Папа рассердился на меня, когда я не захотела поцеловать его на прощанье.

Мне удалось убедить ее, что это не так, но потом я попросил маму объяснить моим сестренкам, что означает развод, чтобы они не выдумывали всяких ужасных историй на сей счет.

Мама отказалась.

– За одним вопросом последует другой. Потом они захотят узнать, почему я решила развестись, а как я могу им объяснить про Макгоуана?

– Ты можешь просто сказать, что папа пьянствовал и был жесток с тобой.

– Нед, дорогой, – холодно ответила мама, – когда мне потребуется твой совет по воспитанию младших детей, я непременно к тебе обращусь.

Мама очень нервничала в те трудные времена, и Драммонд по секрету попросил меня учитывать это.

Драммонд хорошо ко мне относился. Его поведение было безукоризненным. Он жил в каменном доме старика Макгоуана в другом конце долины. И хотя он каждый день приезжал в большой дом справиться с бухгалтерскими книгами, которые находились в библиотеке, ни разу не провел здесь ночь, а обедал с моей матерью только два раза в неделю. При слугах неизменно обращался к ней «леди де Салис». На неделе я был занят уроками, а в субботу утром Драммонд брал меня с собой, и мы объезжали имение, он рассказывал мне, что сделал, что собирается сделать. Один раз даже показал мне деловые письма, которые написал, но я думаю, их помогала ему писать мама, потому что они всегда были написаны правильным языком и без ошибок. Драммонд работал очень много, но все же находил время для детей. Мои сестры сильно привязались к нему, Элеонора быстро преодолела свою застенчивость, а Джейн даже позволила ему подержать Озимандию – большая честь, которой я старался избегать как чумы. Не то чтобы не люблю котов, но Озимандия был злой и всегда оставлял на моем лучшем костюме рыжие волоски.

Только Джон оставался безразличным к Драммонду, но я объяснял это тем, что Драммонд ничего не понимает в садоводстве.

«Драммонд, кажется, справляется лучше, чем я отваживался надеяться, – признал дядя Томас во время своего осеннего приезда. – Может быть, его следует поощрить и дать деньги на восстановление старого дома. Если часть его семьи вернется в долину, у него будет дополнительный мотив для хорошего поведения».

Драммонда такая перспектива вполне устроила, он написал письмо сыновьям, просил их приехать и обсудить восстановление дома, но ни

молодой Максвелл, ни Денис даже не ответили. И тогда Драммонд обсудил это со мной, а в следующую субботу мы поехали в Клонарин посмотреть развалины его прежнего дома.

Я к тому времени чувствовал себя с Драммондом совершенно свободно. Этот человек спас меня в Америке, привез домой. Меня больше не беспокоило, что он организовал убийство Макгоуана, – этот негодяй заслужил смерть, а Драммонд был хороший. Герой, который был достоин того, чтобы счастливо жить с моей матерью до самой смерти. Я чувствовал себя гораздо лучше теперь, когда так ясно видел ситуацию в черных и белых тонах. Все снова встало на свое место. Никаких головокружений, никакого смятения. Даже мой отец занял надлежащее ему место – в стороне, вдали от меня и моей матери в английском саду дома дяди Дэвида. Он вышел из лечебницы в Лондоне в декабре и провел Рождество с моими дядями в загородном доме, который прежде принадлежал моей тетке Маргарет.

– Я рад, что ему лучше, – сообщил я Маделин, когда она привезла нам это известие, а потом тетушка и сделала свое ужасающее предложение.

Я вежливо ей ответил, что предпочел бы не встречаться с ним, но тетя Маделин отмахнулась от моих слов.

– Твое желание не имеет значения, – энергично сказала она. – Нам всем иногда приходится делать то, что нам не нравится.

Моя тетушка Маделин была невероятной женщиной, старше отца и гораздо меньше ростом, в ней, я думаю, не набралось бы и пяти футов. У нее была круглая крутая грудь, мягкий соблазнительный голос, а разум – как «Кольт-44». Еще у нее были красивые щиколотки. Я видел их только раз, когда она поднималась в экипаж на сильном ветру, но запомнил навсегда.

– Мой отец не имеет права видеть меня после того, что он сделал, – ответил я, начиная нервничать.

– Мой дорогой мальчик, – возразила тетя Маделин, – не тебе судить твоего отца. Господь сделает это весьма квалифицированно, когда придет время.

Мы уставились друг на друга. Дело происходило в гостиной, пока мама уводила детей в детскую, и больше никого в комнате не оказалось.

– Твой долг – встретиться с ним, – настаивала тетушка.

– Я не поеду! – резко бросил я, впадая в панику.

Хотя теоретически я был готов к снисходительности по отношению к отцу, на практике при мысли о том, что я снова увижу его, мне становилось нехорошо, хотя я и не знал (да мне и все равно было), то ли от смущения,

то ли от стыда, то ли от злости.

– Эдвард, я очень разочарована в тебе, – заявила тетя Маделин. Никто никогда не называл меня полным именем. Я молча опустил голову и устался в ковер. – Твой отец совершал ужасные вещи, но я знаю, что он и страдал ужасно. Я видела его совсем недавно и могу поручиться: Патрик раскаивается в том, что сделал несчастными своих детей. Нужно ли мне напоминать тебе, как он предан всем вам? Не могу поверить, что ты забыл.

– Я не хочу, чтобы он был мне предан, – пробормотал я. В груди у меня сперло, стало трудно дышать. – Хочу, чтобы он оставил меня в покое.

– Это совершенно не по-христиански и не по-сыновьи! Если бы ты мог простить его, тебе было бы легче опять его полюбить.

– Я не хочу его любить! – закричал я на нее. – Я не могу любить обоих – его и мою мать, не могу, это слишком трудно, я должен выбрать кого-то одного, я больше не желаю разрываться на две части!

– Дорогой мальчик, никто не разрывает тебя!

– Вы разрываете! – завопил я и бросился из комнаты, щеки мои уже омывались унижительными слезами.

На этот раз я не стал ждать случайной встречи с Драммондом – вскочил на коня и отправился на его поиски. Встретил я его на дороге близ реки Фуи.

– Я не буду встречаться с отцом, – заключил я, рассказав о случившемся.

– И впрямь не будешь, – согласился Драммонд. – Твоя мать не позволит этого, а у нее полная опека над детьми, и твоя тетушка, во все сующая нос, ничего не может с этим поделать. Упаси нас господь от бестолковых, благонамеренных, докучливых девственниц!

Но к моему ужасу, тетя Маделин не пожелала принять отказ. Вскоре она запросила приватной беседы у моей матери, а когда они категорически рассорились, тетя Маделин уехала из амбулатории (оставив ее на попечение доктора Кагилла) в Англию поговорить с моим отцом.

Целый месяц я ничего об этом не слышал, но, когда наконец почувствовал себя в безопасности, последовал удар. Поздним утром, когда я спускался по лестнице на ланч, из дверей библиотеки меня позвал Драммонд.

– Нед, зайди сюда, пожалуйста, на минутку, – неожиданно попросил он.

Войдя в библиотеку, я увидел мать в высоком кресле у мраморного камина. Лицо у нее было очень бледное. За ней над каминной полкой под портретом моего прадеда Генри де Салиса неторопливо тикали часы-

автоматон.

– Мы хотим поговорить с тобой кое о чем. – Драммонд протянул мне письмо. – Прочти. – (Я узнал почерк отца и отшатнулся.) – Читай.

Я попытался читать. Осилил пять строчек, прежде чем осознал, что не понимаю ни слова. Я вернулся к началу и попытался снова.

«Мадам, – писал мой отец, и этот проблеск его беспощадной вражды по отношению к моей матери вызвал у меня негодование, достаточное, чтобы я не смог читать дальше без неприязни. – Поскольку стало очевидно, что Вы настроили детей против меня и даже Неду внушили ненависть ко мне, я должен Вам сообщить, что не имею ни малейших намерений терпеть мое нынешнее отстранение от них. Я в настоящее время совершенно оправился от болезни. Я не прикасался к вину или другому алкоголю почти шесть месяцев и намереваюсь воздерживаться и в будущем. Поскольку дела обстоят именно так, судья Канцлерского суда в Дублине вынесет решение, согласно которому я буду признан дееспособным для управления именем. Как Вам известно, траст, учрежденный для управления, был временным и определялся моим состоянием, а как только судья приостановил действие траста по моему заявлению, ничто не препятствует моему возвращению в Кашельмару, чтобы жить с моими детьми. Вы с Вашим любовником, конечно, можете жить, где Вам угодно, но, если Вы попытаетесь забрать с собой детей, я подам иск на приостановку Вашего права опеки и поручения мне. Поскольку я смогу доказать, что Вы проживаете в прелюбодеянии, а я – что живу примерной жизнью, полагаю, любой судья сочтет, что ради благополучия детей теперь их следует передать под мою опеку.

Однако есть один или два вопроса, которые сделают этот иск нежелательным для меня и катастрофическим для Вас. Во-первых (и я согласен в этом с Дэвидом), хотя я и очень тоскую по моему саду, Кашельмара будет для меня всегда полна воспоминаний о Хью, а потому моя жизнь там станет кошмаром. Во-вторых, я – в отличие от Вас – по-настоящему беспокоюсь о благополучии детей и не желаю предпринимать действия, которые могут расстроить их без всякой нужды. Поэтому позвольте мне сделать Вам такое предложение: разрешите детям регулярно посещать меня и я не предприму никаких шагов, которые могут прекратить действие траста или Вашей опеки над ними. Я даже готов на такую уступку: не буду просить Вас прислать ко мне младших детей до конца лета, если Вы пришлете ко мне Неда на две недели на Пасху.

Хорошенько подумайте, прежде чем отказать мне. Как Вы знаете, я могу быть очень упрямым, и на сей раз я намерен получить то, что хочу.

Я бы послал привет детям, но уверен, что он до них не дойдет. Остаюсь и проч., де Салис».

Я поднял голову. Увидел безмолвную мольбу в глазах матери и с ужасом понял, что ее охватил страх. Глянул на Драммонда. Он тоже внимательно смотрел на меня. Драммонд опирался на громадный стол, сложив руки на груди. Грязные ездовые бриджи на нем были слегка порваны, а шейный платок повязан так небрежно, что я видел темные заросли ниже его горла.

– Это сделала твоя тетушка Маделин. – Только когда он заговорил, я понял, насколько Драммонд выведен из себя. – Она старая ведьма, которая во все сует свой нос. Нужно бы ее за это хорошенько...

Он сказал, что нужно сделать с моей тетушкой. Я смутился, потому что никогда прежде не слышал, чтобы Драммонд произносил такие слова в присутствии матери. Мои щеки загорелись. Я снова уставился в письмо, думая, что сказать.

– Он пытается нам подsunуть карту, которая никуда не годится, – рычал Драммонд. – Я могу сдать нам карту получше, но мне для этого понадобится вся помощь, чтобы это сделать. Твоя помощь, если уж напрямик. – (Мать снова смотрела на меня в безмолвной мольбе. Я пытался выдавить что-то, но не смог.) – Ты ведь понимаешь, почему это нехорошо, да? – спросил он. – Даже если твоя мать уступит и позволит ему встречаться с детьми, когда его душа пожелает, ничто не помешает ему потом передумать и вышвырнуть твою мать из Кашельмары. Он нас уверяет, что не сделает этого, но мы знаем, чего стоит его слово. Грош в базарный день, твоя мать уже убедилась в этом дорогой ценой. Нет, он ставит перед нами проблему, у которой есть только одно решение. Отец должен передать имение тебе, Нед, и это нужно сделать со всеми юридическими формальностями, чтобы он не мог его забрать, когда ему взбредет в голову.

– Нед, твой отец подпишет договор передачи имения тебе, – осторожно сообщила мать. – Поскольку у Патрика нет интереса к Кашельмаре, он наверняка не станет возражать. В особенности если мы разрешим ему встречаться с детьми.

– Понимаешь? – спросил Драммонд. – Мы сдадим ему карту, которая устроит всех нас. Он подписывает договор – мы посылаем детей. Мы получаем безопасность, он – то, что ему надо. Мы будем играть честно и открыто, но он с подозрением отнесется к любому предложению, сделанному твоей матерью. Поэтому мы решили, что лучше всего, если это предложение будет исходить от тебя. Ты можешь не беспокоиться – я тебе

скажу, что нужно написать. Давай-ка садись за стол, и мы сделаем это прямо сейчас. Перо и чернила готовы.

Я сел. С портрета на стене за мной следили глаза деда. Я взял отцовское перо, обмакнул его в серебряную чернильницу, на которой было выгравировано имя деда. Дом погрузился в тишину и безмолвие.

– Начинай, как тебе нравится, – велел Драммонд. – «Дорогой папа», или как уж тебе хочется к нему обратиться.

Я сидел, глядя на пустой лист бумаги. Чернила стали высыхать на перо.

– Нед? – окликнула мама.

Я подумал, что ему можно доверять. Этот человек привез меня домой. Он хочет мне помочь. Любит мою мать. У меня должен быть тот, кому я могу доверять, и что со мной станется, если я перестану ему доверять?

Я обмакнул перо еще раз и написал: «Дорогой папа». И тут я понял, что больше ничего написать не могу. Долго разглядывал два слова, потом положил перо.

– Что тебя беспокоит? – спросил Драммонд.

Я не мог ничего сказать.

– Ты не хочешь помочь матери?

– Да, хочу, – подтвердил я. – Я поеду и встречу с отцом и заставлю его пообещать, что он позволит ей остаться здесь.

– Сынок, его обещания ничего не стоят. Твоя мать с ума сойдет от беспокойства. Возьми перо, и покончим с этим. Я же знаю, ты желаешь матери только добра.

Я не шелохнулся. Не мог. В глазах у меня стояли слезы.

– Максвелл, не надо его вынуждать, если он не хочет, – раздался откуда-то издали голос моей матери. – Я напишу Патрику сама.

– Лучше будет, если...

– Я знаю. Но он не хочет.

Я выбежал из комнаты, бросился в сад – сад отца. И он ждал меня там, как ждал всегда, очень добрый и нежный, и моя рука была в его – теплой и твердой. Мы прошли по лужку, и я был так счастлив оттого, что он рядом, но, когда мы завернули за угол живой изгороди из фуксии, вдруг осознал, что никого со мной нет. Неуверенно протер рукой глаза и только тогда понял, что не мог его видеть из-за пелены слез.

Я закрыл их, стал ждать, когда пройдет головокружение. Прошло много времени, прежде чем я смог думать: Драммонд хочет добра моей матери. Только тут я понял, что пришел в себя, и когда открою глаза, то снова смогу четко увидеть все в черном и белом цвете.

Но в ту ночь мне приснился сон, и хотя он был в черно-белых тонах, но все в нем поменялось: черное стало белым, а белое – черным. Я вернулся в Нью-Йорк, к худшим воспоминаниям моей жизни, деревья парка Грамерси тихонько покачивались на ветру. И я сказал человеку рядом со мной: «Я не хочу идти в этот ресторан. Не хочу обедать с вами». Но он только улыбнулся, схватил меня за руку и потащил за собой. Мы шли по улице, я заметил вывеску «Райан» и дверь. «Я не пойду туда», – сказал я, но он только улыбнулся и затащил меня внутрь. И я увидел подражания лампам Тиффани, десятки таких, громадные, распухшие лампы тяжелых, мрачных тонов и белые скатерти, холодные, как снег, и строгие, как смерть. Этот человек сел напротив меня. Он был уродлив и жесток, но я не мог убежать. Ничего не мог поделать – только сидеть и слушать его. Я слушал, а его мягкий ирландский голос монотонно пересказывал бесконечную вереницу жестоких, грубых, тошнотворных фактов. Наконец мне удалось убежать. Я бежал и бежал, но мне пришлось остановиться – меня начало рвать. Потом он меня догнал, а когда развернул к себе, я понял – в моем сне, – что это вовсе не Драммонд. Поначалу я подумал, что это кто-то незнакомый, но потом разглядел маленькую елочку в его руке и понял, кто он.

Макгоуан. Драммонд превратился в Макгоуана. Моя мать стала моим отцом. Все поменялись местами. Черного и белого больше не существовало. Все стало красным – алым, малиновым, кровавым...

И я с криком проснулся.

К счастью, никто моего крика не слышал. Я бы умер от стыда, если бы кто услышал. Я зажег лампу, вывернул фитиль на максимум и стал ждать рассвета.

Но даже когда рассвело, ночной кошмар не растаял, как это происходит при свете дня, он остался в моей памяти. И куда бы я ни пошел, мне приходилось тащить его за собой, словно какую-то зловещую цепь с ядром.

2

«Дорогой Кругломордик, – написал я Керри Галахер, моему другу в Бостоне. – Спасибо тебе за твое последнее письмо. Очень надеюсь, что твой отец станет мэром. Пожалуйста, пожелай ему от меня удачи на выборах. Моему отцу стало лучше, и я должен ехать к нему в Англию на

Пасху. Он говорит, что приедет в Кашельмару, если не будет видеть нас, детей, но это было бы неправильно, поэтому я поеду к нему, а мама собирается попросить его переписать имение на меня, чтобы отец не мог выселить ее отсюда. Мама ездила в Англию, говорила об этом с дядями. Жаль, что всем приходится участвовать в этом бедламе, но я надеюсь, что со временем все встанет на свои места. Я сейчас по географии изучаю Африку. Это особенное место, даже еще более необычное, чем Америка (ха!). Надеюсь, ты хорошо проведешь Пасху. Помнишь, как мы в прошлом году объелись ореховым пирогом? Здесь у нас ореховых пирогов не пекут. Иногда мне хочется вернуться в Бостон. Пожалуйста, передай мой самый горячий привет родителям, Клер, Конни и Донах. Остаюсь твоим преданным другом, Синяя Борода».

Шутливое прозвище Синяя Борода в нашей компании прилипло ко мне давно, когда я заявил о своем неприязненном отношении к браку и выразил надежду, что ни одна женщина не потеряет из-за меня головы. Керри нарисовала картинки, на которых я шел к алтарю с полудюжиной безголовых невест.

Вернувшись из Англии, моя мать сообщила, что пообещала регулярно отправлять детей к отцу, а мой отец согласился переписать имение на меня. Мать его не видела; посредниками между нею и отцом выступали мои дяди.

– Они не возражали против того, что имение запишут на меня? – уточнил я. – Ведь папа не обязан был это делать, правда? Он мог бы обратиться в суд, чтобы изменить прежнее постановление об опеке и при этом сохранить за собой имение. Отец ведь так говорил в своем письме.

– А еще он писал, что, вообще-то, не хочет возвращаться в Кашельмару, а потом, не было никакой гарантии, что судья изменит постановление об опеке в его пользу. Да к тому же суд вызвал бы новый скандал! Томас и Дэвид оба напомнили, что это было бы невыносимо. Они были рады принять любое предложение, чтобы избежать судебного разбирательства, и в итоге убедили твоего отца согласиться с их точкой зрения.

Она объяснила, что имение переписано на меня путем создания еще одного траста, который будет наблюдать за состоянием дел в Кашельмаре, пока мне не исполнится двадцать один год, а доверенными лицами остаются, как и раньше, мои дяди.

– Значит, мистер Драммонд все же получил то, что хотел, – заключил я. – Я так и знал.

– Он только хочет, чтобы мы чувствовали себя в безопасности в

Кашельмаре, дорогой.

– И как часто я должен буду ездить в Англию к папе?

– Это еще не решено.

– Но это должно быть решено! Отец ни за что не согласился бы переписать на меня имение, если бы не знал точно, когда мы будем к нему приезжать и на сколько!

Мать смущенно отвела глаза:

– Да, договоренность была, но... Нед, я бы не хотела обсуждать это сейчас.

Я уставился на нее:

– Однако я поеду к нему на две недели на Пасху, да?

– Мы с ним все еще переписываемся на этот счет.

– Но...

– Нед, прошу тебя! У тебя нет прав подвергать меня такому допросу. Мы поговорим об этом позднее.

Я ушел, не сказав больше ни слова.

На ланче у меня пропал аппетит, а днем мистер Уотсон посетовал, что я до сих пор не различаю дома Йорков и Ланкастеров. Никогда толком не понимал Войну роз.

Тем вечером Драммонд пришел на ужин. Он стал приходить на ужин каждый вечер, с тех пор как мать вернулась с известием о том, что имение переписано на меня, а я, хотя и ужинал вместе с ними, сразу же уходил в свою комнату, так что не знал, как долго Драммонд оставался. Тем вечером я приготовился уйти, но он, игнорируя графин с портвейном, предложил нам перейти в гостиную на полчаса.

Обычно Драммонд не игнорировал графин.

– Мне нужно написать эссе для мистера Уотсона, – сообщил я.

– Я заступлюсь за тебя перед доктором Уотсоном, дорогой, – вмешалась мама. – И потом, я думаю, ты должен выполнять задания не по вечерам.

Я молча пошел в гостиную. Драммонд закурил, не спрашивая разрешения моей матери, опустился на диван, поставил ноги на самый маленький столик квартетто эбенового дерева.

– Твоя мать сообщила мне, что ты сегодня интересовался поездкой на Пасху в Англию, – сказал он, пуская дым в потолок.

– Я не хотел ей досаждать, – ответил я. – Только желал знать, что мне предстоит.

Я ждал. Мама посмотрела на Драммонда. Тот выдохнул в потолок еще облачко дыма.

– Нед, дела обстоят так, – заговорил он, оглашая то, что не решилась открыть моя мать. – Мы думаем, что тебе сейчас лучше не ездить в Англию. Правильно, дорогая?

– Нед, эта поездка так расстроила бы тебя, – подтвердила мама. – Ты же знаешь, как ты всегда расстраиваешься, слыша имя отца. В таких обстоятельствах, думаю, с моей стороны было бы неправильно отпускать тебя в Англию.

Я подозревал это уже несколько часов, но, услышав, испытал потрясение.

– Но о моей поездке есть договоренность, – услышал я свой голос. – Ты же обещала ему, что я поеду.

Она опять посмотрела на Драммонда, взглядом взывая его о помощи.

– Слушай, Нед, давай по-честному! – воскликнул он. – Ты ведь не хочешь видеть отца, верно? Не делай вида, что это не так.

– Да, – согласился я. – Я не желал его видеть, но я привык к этой мысли, потому что, казалось, альтернативы нет. И что касается меня, то альтернативы нет по-прежнему. Я не могу взять назад свои слова.

– Нед, я понимаю, что ты чувствуешь, – забормотала моя мать, – но я, по совести говоря, просто не могу позволить тебе ехать.

– Ты дала ему слово!

– Она не давала ему никаких слов, которые не могла бы взять назад, если чувствует, что в этом состоит ее моральный долг, – отрезал Драммонд. Он снял ноги со столика и кинул сигарету в камин. – И никаких письменных обещаний она ему не давала. Все обещания давали твои дяди, а в том, что касается тебя, они ничего не могли обещать, не являясь твоими опекунами. Решения принимает твоя мать, а она прежде всего думает о твоём благополучии.

– Хорошо, – произнес я. – Если дела обстоят так, то ты должна меня отпустить. Я буду расстроен гораздо сильнее, если останусь, чем если поеду.

– В это трудно поверить! – воскликнул Драммонд.

– Если вы лжец, это еще не значит, что лжецы все вокруг.

– Нед! – крикнула мама.

– Мама, неужели ты думаешь, я настолько глуп и не понимаю, что сделал мистер Драммонд? Он обвел отца вокруг пальца. Вы оба обвели его. Вынудили переписать имение на меня, дав обещания, которые и не собирались исполнять, а моих дядей использовали как орудие для достижения своих целей. Это было низкопробное, бесчестное лицемерие, и я отказываюсь в нем участвовать, я не останусь в Ирландии, а поеду, как

обещано, в Англию!

Драммонд в мгновение ока вскочил на ноги:

– Сара, оставь нас.

– Максвелл, Нед не имел в виду...

– Оставь нас!

Мать, дрожа, вышла из комнаты.

– Значит, так, – прорычал Драммонд, как только закрылась дверь. – Запомни раз и навсегда. Первое: ты никогда больше не будешь говорить ни со мной, ни с твоей матерью в таком тоне, понял? Никогда. Второе: ты станешь делать, что тебе говорят, и без всяких глупостей. Третье: ты не будешь встречаться с отцом и не будешь иметь с ним никаких сношений. У твоей матери нет оснований позволять тебе встречаться с извращенцем. Четвертое: если ты нарушишь хоть что-то из того, что я сказал, я тебя отлуплю, как тебя еще в жизни не лупили, и не думай, что я не осмелюсь, – еще как! Я всегда считал, что ребятам нужно больше потакать, и ты не можешь не признать, что тебе я всегда потакал, но если я провожу черту, значит провожу, так что ты лучше дважды подумай, прежде чем ее пересечь. Тебе все ясно?

После некоторой паузы я ответил:

– Да, сэр.

Он смягчился:

– Ты должен помнить, что мать желает тебе только добра, а я лишь хочу ей помочь. Иди в свою комнату и подумай о том, что я сделал. Я завоевал тебе право жить в Кашельмаре в мире без страха, что твой отец выкинет тебя или станет предъявлять какие-то претензии. Разве не этого ты всегда хотел? В таком случае не нападай на меня и не обзывайся. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, сэр.

Я прошел по галерее над холлом. Там стояла мать – ждала меня, хотела поговорить, но я не остановился. Припустил в свою комнату, запер дверь и сел в темноте на край кровати.

Спустя какое-то время подумал, может быть, мне станет лучше, если я напишу отцу письмо и извинюсь за то, что не смогу приехать к нему. Найдя перо и бумагу, понял, что не могу вывести ни слова. Если мать узнает, что я написал отцу, то она рассердится. И потом, отец сможет использовать это письмо против нее. Он предъявит его суду, и скандал начнется заново. Я не хотел жить с отцом, даже видеть его не хотел. Тут Драммонд был прав. Он всегда был прав. Что лучше для моей матери, то лучше и для меня.

Я вдруг понял, что очень боюсь Драммонда, но не того, который

подбросил шляпу и купил фиалки моей матери. Я боялся другого Драммонда – Драммонда ламп Тиффани, и заряженного револьвера, и угрозы тихим голосом. Интересно, что случилось с его револьвером? Я знал, что он привез его в Ирландию, но тот исчез, и Драммонд смог сказать окружному инспектору не моргнув глазом, что у него никакого оружия нет.

И опять ложь. Ложь всегда плохо. Так говорит Нэнни. И убийство всегда плохо.

Лучше об этом не думать.

В десять часов постучала мама, спросила, можно ли ей войти.

– Ты все еще сердисься на меня? – Когда я без слов отрицательно покачал головой, она обняла меня и прижала к себе.

– Извини, что расстроил тебя, – услышал я свой голос немного спустя.

– Дорогой, я знаю, ты не хотел. Ты попросишь прощения у мистера Драммонда?

Я пообещал, и когда она улыбнулась мне, то увидел, как необыкновенно она красива. Ребенком я принимал красоту матери как нечто само собой разумеющееся, но теперь, на пороге юношества, смотрел на ее красоту другими глазами. Ей уже было около сорока, но тот, кто видел ее, о возрасте не думал. Ее волосы, темно-каштановые с великолепным отливом, казалось, никогда не тускнели, а сияли, едва на них падал свет. Кожа у нее была не бледная, как у многих леди, а нежно-кремовая с тончайшим намеком на оливковый оттенок. И все видели ее фигуру – даже я, совсем мальчишка, инстинктивно понимал, что она идеальна, пусть и не так стройна, как в моем младенчестве. Когда она пришла ко мне, на ней было вечернее платье и тончайшая шаль, и я видел вытянутую линию ее шеи, темную складку между грудями.

– Спокойной ночи, дорогой. Дай я тебя поцелую на прощанье.

Я покорно подставил ей щеку.

– Мама, – поинтересовался я немного спустя, – если бы мистер Драммонд захотел меня поколотить, ты бы позволила?

– Ну, я... это бы, конечно, зависело от того, что ты сделал, но если бы ты заслужил... я уверена, Максвелл никогда бы не сделал этого, если бы ты не заслужил...

– Понимаю.

– Нед, у него перед тобой отцовские обязанности. И вполне естественно, он должен обладать и отцовскими правами.

– Да.

Она ушла. Я задул свечу и лег в кровать. Наконец рассвело. Уснул я чуть позже половины шестого.

В девять мистер Уотсон снова спрашивал меня про Войну роз, а с безутешных небес на отцовский дом падал нескончаемый дождь.

3

Но, несмотря на ужасную Пасху, летом было веселее, чем я надеялся. Приехал и остался Денис Драммонд.

Он появился в конце апреля, когда я должен был находиться в Англии, и, хотя Денис остановился в доме старого Макгоуана вместе с отцом, Драммонд каждый день приводил его в Кашельмару после завтрака. То был мой однолетка, светловолосый, веснушчатый и какой-то безответный. Я ему сочувствовал.

– Ты едешь верхом? – с надеждой спросил я.

Возможность подружиться с ровесником была слишком большим искушением, чтобы ее упустить, и я решил быть гостеприимным.

Он отрицательно покачал головой.

– Рыбачишь? Плаваешь? Катаешься на лодке?

Он только качал головой.

– А чего бы ты хотел делать?

– Вернуться в Дублин.

Драммонд, слышавший наш разговор, пришел в ярость. Он прочел Денису длинную лекцию. Говорил, что Денис должен быть благодарен за возможность провести время за городом в имении джентльмена, а не торчать в грязном, вонючем городе.

– Нед к тебе по-дружески! – сердито воскликнул Драммонд. – Немедленно возьми за ум и будь с ним вежлив! – (Уголки рта Дениса опустились.) – Будь поразговорчивее и перестань дуться!

Больше всего меня удивило в этой сцене то, что Драммонд стал не похож на себя. Когда он устраивал выволочку мне, то делал это наедине. В редких же случаях, когда я чувствовал себя несчастным, как Денис, Драммонд был по отношению ко мне сама доброта.

– Мы с ним никогда не ладили, – объяснил мне Денис позднее, когда мы сидели на моей кровати и пили портер из кружек для полоскания рта. – Он всегда был мною недоволен, а если я пытался ему угодить, это ничего не меняло.

– Ему очень хотелось, чтобы ты приехал сюда. – Я надеялся поднять ему настроение. – Твой отец с таким нетерпением ждал этого. Видел бы ты,

как он расстроился, когда твой брат не приехал.

– Макс не приедет. Ему теперь двадцать, и думаю, когда тебе двадцать, противиться воле отца легко. Мои сестры – те, которые не замужем, – они бы приехали, но мать запретила, сказала, это безнравственно. – Он покраснел. – А еще что и мне нельзя ехать, но я решил, что должен. Хотел ему угодить, но теперь вижу, что можно было не беспокоиться.

– Рад, что ты приехал, – сообщил я ему и предложил сигарету из пачки, которую Драммонд забыл несколько дней назад.

После этого мы стали друзьями, и я вскоре уже учил его ездить верхом, и Денис признал, что с лошадьми интереснее, чем с ослами. Мы поехали в Клонарин, и он представил меня своей родне О’Мэлли. Я радовался, знакомясь с ровесниками, и у нас быстро организовалось то, что американцы называют гэнг – группа близких по духу людей, у которых общие интересы. Не все они были О’Мэлли, в гэнге оказался один О’Коннор, один О’Флаерти, один Костелло, и спустя приблизительно неделю ко мне пришли и несколько Джойсов с предложением дружбы и даров – шкатулки и маленькой лопатки – и попросились в наш гэнг. О’Мэлли тут же сказали «нет», но мое мнение пересилило их неприязнь. О’Мэлли и Джойсы всегда цеплялись за свою нелепую вражду, а я не видел в ней никакого смысла.

Поэтому я позволил Джойсам присоединиться к нам, но потребовал принести самые страшные клятвы. То же я заставил сделать и всех О’Мэлли. Я спрашивал себя, долго ли они будут держать свое слово, но никаких столкновений между ними не возникало. В присутствии родителей им приходилось делать вид, что они ненавидят друг друга, но, когда поблизости не было никого старше восемнадцати, все становилось лучшими друзьями.

Над Кашельмарой стояла полуразрушенная хижина, и мы устроили в ней наш штаб. Там мы встречались, отправлялись оттуда охотиться на кроликов или ловить рыбу, а потом возвращались в хижину и готовили добычу. Я приносил портер (Драммонд запретил мне прикасаться к потину до шестнадцатилетия), а одного из парней подрядил покупать сигареты у штукаря. Но штукарь появлялся в долине раз в месяц, так что сигареты были редкостью. Обычно мы выкуривали одну на всех – каждому по затяжке, а когда от сигареты ничего не оставалось, рассаживались вокруг костра и начинали рассказывать истории. Они были обычно из разряда тех, в которых несчастных ирландцев угнетают коварные англичане, а я рассказывал об американском Западе, и им нравилось. Последний бой Джона Кастера очень всем нравился, а еще я выдумывал всякую чепуху о

Джесси Джеймсе.

Лето прошло прекрасно. Мне, конечно, приходилось учиться, но Денис составлял мне на занятиях компанию, отчего и там не было скучно. Потом занятия приостановились – мистер Уотсон уехал на ежегодные каникулы в Англию, и мы с Денисом оказались совершенно свободными.

В середине августа мать Дениса написала, что хочет его возвращения домой.

– Денис, ты ведь не хочешь уезжать, правда? – спросил Драммонд, поставив все с ног на голову.

– Если ма просит, как я могу отказаться?

– Ах, так она просит! – воскликнул Драммонд, как всегда злясь. – У нее есть Макс, и Бриджит, и Мэри Кейт. Почему бы тебе не остаться здесь подольше?

– Потому что я не хочу, – отрезал Денис, хотя я и знал, что он хочет.

– Какая чертовская неблагодарность говорить такие слова! – заорал Драммонд.

– Какая может быть неблагодарность в желании вернуться домой?

– Твой дом в этой долине.

– Только когда мама сможет жить, как она хочет, здесь с тобой!

– Ничего такого она не хочет!

Денис испуганно промолчал.

– Какая дерзость! – вскричал Драммонд, все еще пребывая в ярости, но дальше убеждать сына он не стал и, побежденный, вышел из комнаты.

Когда Денис уехал, Драммонд сказал моей матери: «Не понимаю я этого мальчишку». А я подумал: да, именно что не понимаешь. Я очень скучал без Дениса, и тревожило меня то, что, несмотря на все свои сетования, Драммонд тоже тоскует по нему. Все лето я по возможности избегал его, но теперь он искал примирения со мной, и избегать его стало труднее. Я придумывал всякие предлоги, чтобы не встречаться с ним, но иногда у меня не оставалось выбора – нужно было отправляться с ним на прогулку верхом. Я не особо возражал – он старался быть дружелюбным, – но время шло, и мне все больше становилось с ним не по себе. И не только из-за того, что он обманул моего отца. Я все еще негодовал, но тот эпизод уже стал делом прошлого. Мой отец молчал все лето, а тетюшка Маделин без всяких комментариев сообщила, что он опять ушел в запой.

– Нед, ты не должен из-за этого переживать, – сказала мама. – Тебе не из-за чего переживать.

Произнося это, она смотрела на Драммонда, и я вдруг понял, почему мне не по себе с ним: потому что мне не по себе с ней. Меня все больше

тревожили их отношения. Поначалу я не мог понять, с чего это вдруг, ведь я давно уже смирился с их связью, но смутно понимал, что изменились не они, а я.

Я стал чрезвычайно чувствителен к малейшим нюансам их общения. Я перехватывал каждый многозначительный взгляд, изучал каждую улыбку, отмечал даже покрой каждого вечернего платья матери с глубоким вырезом. Старался не делать этого, но не мог остановиться. Остро ощущал все физические особенности моей матери и время от времени погружался в долгие размышления о них. Но хуже всего было по ночам, когда я лежал в постели и вспоминал сцены из прошлого – Ньюпорт и грубые загорелые пальцы Драммонда, вульгарно покоящиеся на изящной белой руке матери. Крохотная квартирка Драммонда в Нью-Йорке, скрип кровати в соседней комнате, а я лежу на диване в темноте без сна. Большая комната в Бостоне, кровать, на которой спали моя мать и Драммонд. Я теперь все время думал о них на кровати. Презирал себя за такие мысли, но мой разум и самооценка тем летом никак не могли договориться между собой.

«Я должен быть благоразумным, – твердил я себе, спеша наверх к полуразрушенной хибарке, где меня ждали друзья. – Больше не буду думать об этом».

Но потом – и это было еще хуже – я начал обращать внимание на других женщин рядом с матерью. Заметил, что у мисс Камерон, гувернантки, плоская грудь, а у Брайди, посудомойки, совсем другая, и я еще раз увидел легендарные щиколотки тети Маделин, когда она приезжала на чай в Кашельмару. И каждый раз, едва я начинал размышлять об этих особенностях женской анатомии, в моей памяти снова вспыхивали воспоминания, поскрипывающая кровать, пальцы на ее руке, все эти интимные взгляды, которые я по малолетству не понимал.

«Ад и проклятие», – бормотал я себе под нос, лежа в темноте без сна, и усилием воли стирал эти образы из своей памяти. Но потом засыпал – и тут меня поджидали сны – сны, насыщенные непотребством, и утром я говорил себе, что во всем мире нет ничего столь же скверного и отвратительного, как быть мальчишкой четырнадцати с половиной лет, чьи мысли и тело живут собственной необузданной жизнью.

Но непристойные сны были лучше сна с лампами Тиффани, который возвращался не реже раза в неделю, но к этому времени я уже привык к нему и никогда не позволял сильно пугать меня. Иногда мне даже удавалось заставить себя проснуться, прежде чем сон доходил до зала ресторана. Потом этот сон вообще перестал меня беспокоить – только раздражал, поскольку не давал толком выспаться.

После отъезда Дениса приехал дядя Томас, но дядя Дэвид остался приглядывать за моим отцом.

– Нед, у тебя все в порядке? – спросил дядя Томас, когда мы оказались вдвоем. – Что-то ты уж больно тих.

– В порядке, – ответил я. – В полном.

– Хорошо. Я рад, что Драммонд по-прежнему, кажется, весьма бережно относится к имению, хотя и жаль, что у него нет достаточного образования, чтобы вести бухгалтерию получше. Но я поговорил с твоей матерью, и она предложила убедиться, что книги ведутся правильно. Жаль, что Сара изменила решение и не позволяет детям встретиться с Патриком, но полагаю, ее нежелание объяснимо, и, конечно, ни о каком приезде не может идти речь сейчас, когда он снова запил. – (Я промолчал.) – Подумал, что нужно об этом упомянуть, – добавил дядя Томас, – на тот случай, если ты чувствуешь себя виноватым, не приехав на Пасху. Я прекрасно понимаю, как тебе, вероятно, будет горько увидеть отца сейчас. Может быть, позднее...

Я открыл было рот, чтобы выложить правду, но передумал. Если скажу правду, у мамы могут возникнуть неприятности.

– Поговорим о чем-нибудь другом, – поспешно предложил дядя Томас, неправильно поняв причину моего смущения. – Как ты – сошелся с сыном Драммонда?

– Да, вполне. Спасибо.

– Хорошо. Жаль, что здесь нет парня, принадлежащего к твоему классу. Если ты изменил свое отношение к школе...

– Нет.

Дядя Томас уехал в конце августа, а два дня спустя в Клонах-корт приехала моя родственница Эдит, вдова Макгоуана.

Я ее видел последний раз перед отъездом в Америку – сразу же после убийства Макгоуана она уехала в Эдинбург, где у нее был дом. Но недавно моя мать написала ей – просила увезти свои вещи из Клонах-корта, потому что Эдит явно не собиралась снова жить там. Драммонд решил, что не будет восстанавливать свой старый дом, а станет использовать Клонах-корт как свою официальную резиденцию. Клонах-корт строили как вдовый дом, и он был куда как презентабельнее дома старого Макгоуана, где Драммонд жил по возвращении из Америки.

Я отметил, что у кузины Эдит пухлые губы и отсутствует талия. Когда же она двигалась, раздавался скрежет ее корсета. У нее были большие бесформенные груди, и я не сомневался, что и бедра у нее огромные. Когда она заехала в Кашельмару, я первые пять минут воображал ее в одних

черных чулках и настолько погрузился в это отвратительное, но навязчивое умственное упражнение, что далеко не сразу стал слышать, что она говорит.

– Нед! – откуда-то издали донесся укоризненный голос матери, она пребывала в сильном возбуждении, потому что даже не предполагала, что Эдит зайдет. В прошлом они были заклятыми врагами и практически не разговаривали.

– Извините, кузина Эдит, – сказал я. – Я не расслышал.

Кузина Эдит спросила, чем я занимаюсь в свободное от уроков с мистером Уотсоном время.

– Хожу охотиться, рыбачить, – ответил я. – Иногда катаюсь в лодке по озеру.

– Один?

– Нет, у меня есть несколько друзей.

– Что у тебя за друзья?

– Эдит, – попыталась переключить ее внимание мама, – я должна показать тебе рисунки Джейн. Они такие замечательные для девочки, которой и семи еще нет.

– Нед, как зовут твоих друзей?

– Джеймс, О’Мэлли, Костелло... – Что-то в выражении лица матери заставило меня замолчать. – Ребята из долины, – пробормотал я, чуть ли не локти себе кусая: как же я не понял, что кузине Эдит сразу станет ясно – мои друзья низкого происхождения. Я не хотел смущать маму.

– Я, пожалуй, схожу в детскую и приведу других детей, – объявила мама. – Нед, пойдем со мной. Извини нас, Эдит.

– Ах, Нед, ты же не оставишь меня одну! – воскликнула кузина Эдит, предприняв жуткую попытку улыбнуться. – Где же твое благородство? Хорошо, Сара, приведи детей.

– Может быть...

– Пожалуйста! Я буду рада увидеть малюток! – воскликнула кузина Эдит, перехитрив мою мать, которая неохотно вышла. – Ну что ж, Нед, – заговорила она, – должна признать, что твоя дорогая мамочка прекрасно выглядит. Замечательно, что у нее есть мистер Драммонд, который за ней приглядывает.

– Да, согласен, она хорошо выглядит.

– Ты часто видишь мистера Драммонда?

– Кое-когда.

– Это когда же?

– Я вижу его за ужином.

– Каждый вечер? Очень мило. И за завтраком тоже?
– Нет.
– Он завтракает вдвоем с твоей матерью?
– Нет, в своем доме.
– Брось, Нед, со мной ты можешь быть честным! Мы оба знаем, кто есть кто, правда?

Я промолчал.

– Мать каждое воскресенье водит вас в церковь?
– В часовне раз в месяц проходит служба.
– И твоя мать ходит?
– Нас водит Нэнни, – ответил я, недоумеваю: зачем я говорю ей правду?
– Очень рада, что твоя дорогая мамочка не лицемерит, – сообщила кузина Эдит. – Признаюсь, я осуждаю лицемерие. Тебе нравится мистер Драммонд?

– Мне он нравится гораздо больше, чем нравился мистер Макгоуан, – заявил я, не сдержавшись. – И если вы уже закончили оскорблять мою мать, то, может быть, покинете наш дом?

– Нед! Как грубо!

Я сказал то, чего не следовало говорить. С моей стороны это было глупо – я играл ей на руку.

– И невежливо! – воскликнула кузина Эдит. – Хуже, чем уличный мальчишка!

Я вышел.

Две недели спустя, вскоре после поездки кузины Эдит в Суррей, мой отец через своих адвокатов сообщил матери, что предпринимает шаги в Канцлерском суде с целью изъятия детей из-под ее опеки и отзыва документа о передаче мне Кашельмары.

Глава 3

1

– Ничего у него не получится! – горячился Драммонд. – Передача Кашельмары Неду оформлена юридически безупречно. И как пьяница может требовать опеки над детьми?

– Он не требует опеки для себя, – возразила мама; под глазами у нее появились тени. – Патрик хочет, чтобы суд назначил им опекунов.

– Они никогда не смогут доказать, что ты плохая мать своим детям!

– Но прелюбодеяние... – прошептала мама, и я, к своему ужасу, увидел, что она плачет. – Эдит будет давать показания... Я знала, она приехала, только чтобы шпионить.

– Да, и она узнала, что я здесь не живу и ни одной ночи не провел под этой крышей!

– Но слуги... Горничная, которую я уволила, потому что она всюду совала свой нос, – она сразу же отправилась к Эдит. Уверена, Эдит только поэтому и явилась.

Она так разрыдалась, что и говорить больше не могла.

– Мама, – я был так огорчен, едва ли понимал, что говорю, – папа и раньше угрожал тебе, но это так ничем и не кончилось. Пожалуйста, не плачь. Прощу тебя.

– Он никогда не даст мне жить спокойно, – стенала она. – Пока жив, не даст мне ни минуты покоя.

– Дорогая, знаешь, все не так плохо, как может показаться. – Драммонд склонился над ней. – Неужели ты не веришь, что я, как всегда, не найду выхода?

– Вряд ли осталось много способов, – бормотала она. – Я потеряю детей, а если он выкинет нас из Кашельмары, то я потеряю тебя.

– Сара...

– Не будет никаких денег, – проговорила она, рыдая, – и я стану слишком тяжелой обузой для тебя. Я уже не молода. Ты меня оставишь.

Он встряхнул ее за плечи:

– Я тебя никогда не оставлю. Понимаешь? Никогда! Сколько еще раз повторять?

– Но у нас нет денег.

– Заработаю. А пока мы остаемся здесь.
– Но если Патрик отзовет передачу Кашельмары...
– Это одна болтовня. Он только и делает, что говорит, и ему наверняка не удастся отозвать документ о переуступке имени!

– Он может сказать, что плохо себя чувствовал в то время... был не в себе, что его обманом, шантажом вынудили подписать этот документ... Ах, Максвелл, он может придумать тысячу аргументов, и мистер Ратбон очень опытный юрист!

– В мире много опытных юристов, и мы найдем всех остальных.

Он обнял ее, и когда я увидел выражение ее лица, то отвернулся и невидящим взглядом уставился в окно. Наступила тишина, и я знал, что он целует ее. Видел их отражения в оконном стекле, и, хотя я посылал им мысленный сигнал прекратить, они словно забыли о моем присутствии.

Мое смущение стало невыносимым. Я, не глядя на них, пробормотал:

– Я мог бы поехать к нему и упросить оставить все как есть. Может быть, он меня послушает и проявит щедрость.

Отраженные в стекле фигуры разделились. Голос моей матери прозвучал горько:

– Теперь твой отец не будет щедрым. Дело зашло слишком далеко. Он даже не поверит нам, если мы пообещаем позволить тебе съездить к нему.

– Нам нужен юридический совет, – заявил Драммонд, и на следующий день мама уехала в Дублин, чтобы проконсультироваться с юристами.

Решили, что ей лучше ехать одной. Если бы Драммонд сопровождал ее, это породило бы новую волну слухов, а она хотела произвести на юристов лучшее впечатление.

Два дня спустя приехала моя тетушка Маделин и сообщила, что кузина Эдит не только вернулась в Клонах-корт, но и привезла с собой моего отца.

2

Отец сразу же хотел ехать в Кашельмару и забрать детей, но тетушка Маделин убедила его дождаться, пока она не поговорит с моей матерью.

– Но мать уехала в Дублин проконсультироваться с адвокатами, – объяснил я. – И не знаю, когда вернется.

Мы сидели в маленькой столовой внизу. Херувимы на фарфоровых часах пробили одиннадцать раз, а за окном на некошенный газон падал дождь.

– Хорошо, что твоей матери сейчас нет, – заявила тетя Маделин, удивив меня. – Будь она здесь – тут же упала бы в обморок, а это лишь усложнило бы ситуацию. Так, я посоветую вашей Нэнни – миссис Грей, кажется, – чтобы она увезла вас всех в Солтхилл на несколько дней. Морской воздух в это время года очень полезен детям.

Я уставился на нее:

– Вы хотите сказать... я не понимаю... вы не думаете, что папа должен нас увидеть?

– Нет, конечно! Прежде всего он не имеет ни малейшего права приезжать сюда и похищать вас, прямо нарушая постановление суда. И, кроме того, он опять пьет, и если бы сейчас стал вашим опекуном, это было бы совершенно неприемлемо. Ситуация коренным образом изменилась по сравнению с началом года, когда он не пил и просил о встрече с вами по-человечески. Безусловно, в нынешней тяжелой ситуации виновата исключительно Эдит. Твои дяди категорически возражали против поездки отца в Ирландию, но Эдит давила на него, и, когда Патрик принял решение, его уже никто не мог остановить. Лучшее, что сейчас можно сделать, – отвезти детей в какое-нибудь тайное место, а потом поговорить с Патриком, убедить его. Он должен понять, что его идея похитить детей просто не сработает. Если хочет добиться опеки над детьми, то это следует делать через суд.

– Но, тетя Маделин... вы ведь считаете, что мы и дальше должны жить с мамой? Я не против повидать отца, но...

– Конечно, вы не обязаны жить с ним постоянно. Для начала он должен бросить пьянствовать, а потом уже можно будет о чем-то говорить. Что касается твоей матери, то я даже не знаю, что сказать. Я не могу одобрить ее связь с этим человеком, и, думаю, очень плохо, что вы ежедневно сталкиваетесь с этим. Джон не имеет значения – он всегда будет слишком мал, чтобы понять, – но это скандальный пример для маленьких девочек, и кто знает, какое это влияние окажет на вас. Можно только молиться – что я и делаю каждый день, – чтобы ваши моральные устои не были уничтожены.

– Я не хочу, чтобы меня забирали у матери, – услышал я свой голос.

– Разумеется, не хочешь, и, несмотря на мои слова, полагаю, вы должны оставаться с ней. Бесконечная война между вашими родителями для вас даже хуже, чем каждый день видеть, как ваша мать ослеплена Драммондом. В этом я и попытаюсь убедить Патрика, когда вернусь в Клонарин. Думаю, теперь я должна поговорить с Нэнни, чтобы она как можно скорее увезла вас в Солтхилл.

Тем днем мы уехали в Солтхилл, и, к моему облегчению, с нами поехал Драммонд. Тетя Маделин возражала, но нам предстояло провести ночь в Утерарде; путешествовать с тремя маленькими детьми и так непросто, а тут еще возникали осложнения, связанные с необходимостью останавливаться на ночь. Драммонд нашел для нас комнаты, пристроил лошадей, раздал деньги нужным людям, чтобы нас хорошо обслуживали. Не знаю, что бы мы делали без него. Когда следующим утром мы добрались до Солтхилла, он разместил нас в тихом отеле около набережной и оставался с нами, пока в другом экипаже не приехали с багажом мисс Камерон и мистер Уотсон. Только тогда Драммонд решил оставить нас.

– Было бы неплохо провести несколько дней с вами у моря, – заявил он мне, – но лучше я поеду домой – вдруг твой отец придумает еще какую-нибудь пакость.

– Я бы хотел знать, когда мама приедет из Дублина.

– Она, вероятно, завтра будет в Голуэе. Я подумал, что, прежде чем возвращаться, оставлю для нее записку в отеле «Грейт Сазерн», сообщу, где вы, так что, возможно, она через пару часов приедет сюда к вам.

Драммонд оказался прав. Она приехала. Глаза у нее были красны от слез, одежда помялась от долгого пребывания в поезде. Мать даже не потрудилась аккуратно уложить волосы, и они рассыпались, стоило ей снять шляпку.

– У вас усталый вид, миледи, – сразу же сказала Нэнни. – Вам лучше прилечь и отдохнуть полчасика.

– Нет-нет, – ответила мама. – Я должна увидеть детей.

Она была сильно расстроена.

Нэнни подумала немного, потом сказала:

– Я их приведу к вам. Они сейчас с мисс Камерон. Нед, дорогой, закажи матери чай.

– Что случилось, мама? – спросил я, когда мы остались одни.

– Насчет переуступки имения они сомневались и посоветовали пока отложить этот вопрос. Но заявили, что суд вполне может назначить опекунов. Ты не знаешь, отец уже подал иск? Я сказала юристам, что не знаю.

– И я не знаю. Мама, если суд назначит нам опекунов, то это, может быть, будет кто-нибудь вроде дяди Томаса или тети Маделин? Но если так, мы по-прежнему останемся с тобой. Тетя Маделин считает, что мы должны остаться.

– Судья почти наверняка не позволит этого. Из-за прелюбодеяния. И я не ходила в церковь. Не смогла стать для вас примером религиозного

поведения. А потом, не отправила тебя в надлежащую школу и позволила дружить с крестьянскими детьми.

– Господи боже! – воскликнул я, настолько пораженный, что забыл о своих страхах. – Какие глупости у людей в голове!

– Я должна остановить твоего отца, – заявила она, не слыша меня. – Мне нужно убедить его. Сегодня же возвращаюсь в Кашельмару, а потом еду в Клонах-корт.

– Мама, ты сегодня не сможешь вернуться – сорок миль! Это невозможно. Переночуй в отеле. Пожалуйста.

– Но завтра мне необходимо уехать чуть свет. Не могу терять время. – Глаза у нее горели, словно в лихорадке. Она заламывала руки. – Я должна его увидеть. Должна!

– Позволь мне поехать с тобой.

– Нет! – категорически отрезала она, а потом добавила более мягким, нормальным голосом: – Остайся здесь и присмотри за маленькими. Пожалуйста, Нед. Для меня это очень важно.

И я остался. Три дня играл с братом и сестрами на берегу или в отеле, и наконец на третий вечер приехал Максвелл Драммонд и сообщил, что ему нужно поговорить со мной наедине.

3

Мы прошли в мою спальню, маленькую узкую комнату. Из-за обоев с громадными розами она казалась еще меньше. Здесь помещались стул и рукомо́йник, комод и железная кровать.

– Что случилось? – вполголоса спросил я.

Он опустился на стул. Я никогда не думал о нем как о молодом или старом, но сегодня Драммонд выглядел на все свои сорок пять лет. Глаза распухли от усталости, в уголках рта морщины. Он смотрел на меня пустым взглядом:

– Сядь, Нед.

Я присел на край кровати. Мне стало нехорошо. Охватило ужасное предчувствие, что скоро станет еще хуже.

– Твоя мать поехала поговорить с твоим отцом в Клонах-корт, – сказал он. – Она была готова к дружеской беседе, даже привезла ему подарки от детей, но твой отец ничего не хотел слушать, и они разругались. Она уехала. Патрик напился до бесчувствия. На следующее утро ему стало так

плохо, что твоя кузина Эдит послала за Маделин, а та сообщила, что твой отец страдает от болезни, которая называется цирроз печени. Эта болезнь распространена среди пьяниц, и у твоего отца и прежде случались приступы. Ему было очень плохо целые сутки, а потом он впал в кому. – Драммонд замолчал.

Я молчал. Над нами помаргивал газовый рожок, а с улицы в стекло бился дождь.

– Он умер, – закончил Драммонд.

И снова молчание.

– Это случилось сегодня утром... Твоя тетка приехала в Кашельмару сообщить твоей матери, и я поговорил с ней. «Цирроз печени», – объяснила она, и я попросил ее повторить еще два-три раза, чтобы я запомнил правильно.

Он снова умолк. Я цеплялся за край кровати, боясь, что мир снова начнет кружиться, но ничего не случилось. Костяшки моих пальцев побелели.

– Нед, мне очень жаль. Я знаю, ты когда-то его любил и для тебя это потрясение.

Я вдруг понял, что стою у окна, смотрю на улицу. Дождь лил как из ведра.

– Пожалуйста, попросите Нэнни сказать Джону и девочкам, – произнес я.

Он ждал, что я скажу что-то еще, а когда не дождался, ответил:

– Хорошо. Хочешь, побуду с тобой?

Я отрицательно покачал головой.

Но Драммонд не ушел. После долгого молчания пробормотал:

– Если ты думаешь... – но не закончил. Потом добавил: – Я буду в пятнадцатом номере, если понадобится. – После чего вышел и тихо закрыл за собой дверь.

Я сел на край кровати и принялся думать о циррозе печени. Не знаю, сколько времени прошло, но вдруг мелькнула мысль: конечно, все нужно было устроить так, чтобы на теле не осталось никаких следов. Иначе слишком опасно. Умно придумана болезнь, от которой обычно умирают пьяницы. Доктор Кагилл не задумываясь подпишет свидетельство о смерти. Никакого вскрытия не будет.

Попытался представить, как это сделали. Все знали, что мой отец опять запил. Возможно, что-то добавили в потин. Слуга? У кухни Эдит наверняка были кухарка и слуга. Да, точно – Шеймас О’Мэлли на днях говорил мне, что его дядя служит сторожем в Клонах-корте. О’Мэлли.

Родственник Драммонда. Конечно.

Я вырвал листок бумаги из тетради для сочинений, нашел огрызок карандаша и начал писать:

«Дорогие дядя Томас и дядя Дэвид, у меня есть основания предполагать...»

Я остановился. Постой. Думай. Будь осторожен. А что тогда случится с матерью? Если обвинение будет предъявлено Драммонду, то и она не останется в стороне. И она была в Клонах-корте в тот самый день, когда отец напился до бесчувствия. Может быть, мать ездила туда, не поставив в известность Драммонда. И тот, вероятно, впал в ужас, когда осознал, что она невольно подставила себя! Если в теле будет обнаружен яд, полиция тут же заподозрит мою мать, а Драммонд, возможно, останется безнаказанным.

Разорвав письмо в клочья, я сжег его в подносе для прикроватной свечи.

Спустя какое-то время подумал, что отец и в самом деле мог умереть от цирроза печени. Вполне вероятно. Я знал, что случалось с людьми, которые стояли на пути Драммонда, но ведь случаются и совпадения. Я испытывал эту теорию, опробовал ее. Моя мать находилась в ужасном состоянии, Драммонд был готов на все, чтобы только помочь ей. И тут случайно умирает мой отец.

Уж слишком кстати.

Я был совершенно спокоен. Боялся головокружения, смятения, но ничего такого не произошло. Убийство недопустимо, но куда хуже было бы, если бы мою мать осудили за преступление, которого она не совершала. Я не хотел защищать Драммонда, но не мог этого не делать, потому что иначе пострадает мать. Безвыходная ситуация. К тому же, если говорить честно, разве смерть моего отца не к лучшему? Он принес столько страданий матери в прошлом и умер, полный решимости принести еще. Я жалел его, конечно. Но случившееся было вполне логично, ведь, по существу, он никому не был нужен, и меньше всего – мне. Да, я когда-то любил его, но та любовь давно миновала. Вся моя тяга к нему была уничтожена его отвратительным поведением, и теперь нет нужды скорбеть или переживать о прошлом.

Я всю ночь лежал без сна, размышлял о нем.

Думал о книге, которую он мне подарил, – «Рыцари книжного стола». «Ах, папа, как хорошо ты смотрелся бы в рыцарских доспехах с крестом крестоносца на груди!» – воскликнул я, а он рассмеялся. «Я не герой, Нед», – сказал он. Я так ясно слышу эти его слова: я не герой.

Я после этого немного поплакал, не понимая почему. Это не имело смысла. Если бы я мог осознать... и я боялся уснуть – вдруг опять приснятся лампы Тиффани.

Мы вернулись в Кашельмару. Мать пребывала в жутком состоянии, и доктор Кагилл каждый день заглядывал к ней. После приезда моих дядей из Англии похороны назначили на конец недели, и я увидел двух людей, которые помогали отцу в саду, – они прошли по аллее азалий наверх копать могилу.

«Очень печально, – говорили все. – Вероятно, неизбежно для человека его привычек, но так трагично».

На рассвете дня похорон мне пришло в голову: возможно, есть какие-то свидетельства того, что Драммонд совершил убийство, а мама ничего не знала об этом. Вдруг он написал ей, набросал план в общих чертах, а когда мать в ужасе примчалась из Дублина, чтобы остановить его, было уже поздно – отец выпил отравленный потин. Эта теория объясняла, почему она так спешила увидеть моего отца и почему так вдруг ушла от него. Они вовсе не разругались: ему стало плохо в ее присутствии и мать бросилась прочь.

Если это письмо где-то еще существует – что казалось маловероятным, – то оно находится в письменном столе эпохи Регентства в будуаре матери.

Я тихо оделся, вышел из комнаты и, никого не встретив, осторожно прошел по галерее над холлом. Было еще слишком рано, и слуги спали, а мать, как я знал, никогда не поднималась раньше восьми, но мне приходилось действовать очень тихо, потому что будуар примыкал к ее спальне.

Стол, полированный и изящный, стоял в углу. Я на цыпочках подошел к нему, перебрал содержимое ящичков. Не найдя ничего, вспомнил о секретном ящичке и потянулся к скрытой пружине. Мать показывала мне этот тайник, когда я был маленький, и позволяла мне прятать там всякие вещи.

Пружина щелкнула. Ящик открылся. Я уже был убежден, что не найду ничего полезного, а потому с большим удивлением обнаружил письма. Аккуратно сложенные и обвязанные красной ленточкой. Но то оказались не письма Драммонда моей матери, а письма отца, адресованные мне.

Я никогда не видел их. Все они были отосланы, пока я жил в Америке. Письма, которые мать не показывала мне, но по какой-то причине не уничтожила. Может быть, собиралась отдать их мне в день совершеннолетия, словно некое странное наследство. Но теперь это вряд ли

имело значение.

Я сел в кресло и, пока моя мать спала в соседней комнате, прочел их все.

Одно из них в особенности запечатлелось в моей памяти. «Максвелл Драммонд, для которого убить ничуть не труднее, чем сдать колоду карт...»

Мой отец все знал про Драммонда.

Я пересмотрел письма еще раз. «Я понимаю, ты слишком молод... тебе трудно понять... только хотел быть честным с тобой... всегда твой любящий и преданный отец...»

Я снова сложил все письма, обвязал их красной ленточкой по желтеющим краям и сунул стопку назад в ящик, а потом вышел.

Прошел по лужку в лес. Над аллеей азалий стояла темнота, но небо надо мной начинало светлеть, и уже защебетала неподалеку птица.

Я дошел до часовни, но внутрь заходить не стал. Вместо этого прошел дальше, мимо превосходного мраморного надгробия моего деда. Чуть коснулся глубоко высеченных букв, обогнул холмики моих деда и бабки, умерших задолго до моего рождения, дошел до конца кладбища, остановился у края свежерытой могилы и оглянулся.

Стало очень тихо. Даже птица смолкла.

Я прислушался. Ни звука. И тогда пришли воспоминания. После разговора Драммонда со мной под лампами Тиффани в том нью-йоркском ресторане я стер из памяти последнюю беседу с отцом. Теперь же, когда лампы Тиффани, которые месяц за месяцем, год за годом скрывали от меня отца, стали блекнуть, проступила истина, которой я так боялся: эти лампы больше никогда мне не приснятся. Барьеры рухнули, память открывала дверь в прошлое, и я вновь слышал голос отца, который рассказывал мне о своей дружбе с Макгоуаном.

Прежде я неверно толковал его слова, но теперь, когда лампы Тиффани поблекли, а грубое объяснение Драммонда стало всего лишь искаженным эхом, я заново услышал слова отца.

Лучше посмотреть правде в глаза, бесполезно пытаться стать тем, кем ты никогда не сможешь быть... он никогда не сделает мою мать счастливой...

Хотелось сказать ему, что я понял его, но времени не было, потому что он страстно говорил о всех тех вещах, которые были важны для него, – о его детях, его саде, его доме.

Воспоминание о его голосе туманилось. Я поймал себя на том, что уже не слушаю, а думаю о Драммонде – не о том, которому я верил, о другом Драммонде, о человеке, который мошеннически выжил моего отца из

Кашельмары, лишил его сада и тех, кого он любил. Сплел интригу, чтобы жить на деньги моего отца, получаемые от земли моего отца, и спать с женой моего отца. Я попытался вспомнить, лгал ли когда-нибудь мне мой отец, но не смог. Он признавался в том, что не умел обращаться с деньгами, даже в том, что был плохим мужем, потому что не мог любить мою мать, как должен любить муж. Да, у него были слабости, конечно, но он никогда не лгал на этот счет. Не его вина, что я был слишком мал и глуп, чтобы понять то, что он говорил мне о Макгоуане. Но по крайней мере, он пытался мне объяснить.

Это ведь было так смело с его стороны!

Я представил себе, что тоже поражен этим омерзительным Божьим промыслом и пытаюсь объясниться со своим сыном. Но моего воображения не доставало. Я не мог себе представить, что мне хватит мужества, и тогда я подумал: неудивительно, что он пил. Никто не может все время быть смелым.

Я заглянул в могилу, которая ждала гроба, и неожиданно мои чувства к отцу обрели такую ясность, что я поразился: как же мог так долго оставаться сбитым с толку? Ведь мой отец был настоящим героем, не вымышленным героем на страницах детской книги, а обычным человеком, который умел оставаться честным, когда большинство других людей стали бы лгать, и отважным, тогда как отвага покинула бы других. Меня больше не волновало, что он жил пьяницей и извращенцем, – это не имело значения. Потому что мой отец любил меня и не врал мне – вот все, что имело значение, и когда-нибудь...

Когда-нибудь я заглажу свою вину перед ним, а моя вина в том, что я так долго поворачивался к нему спиной.

Глава 4

1

Поначалу я даже не представлял, как смогу загладить свою вину перед отцом, потому что, пока моя мать находилась в таком опасном положении, бесполезно было мелодраматически болтать о мести за его убийство. Позднее же, рассмотрев все возможности, я решил, что лучший способ загладить вину – это изгнать Драммонда из Кашельмары. Беда состояла только в том, что я не представлял, как мне это сделать, не став пожизненным врагом матери. Да, имение теперь, вне всяких сомнений, принадлежало мне, но я все еще оставался несовершеннолетним, и вся власть была у моих попечителей. Теоретически Драммонда можно было уволить приказом моих дядей, но на практике... Моя мать стала бы возражать, и борьба началась бы снова. Лучше уж вообще ничего не делать, чем ввязываться в очередную войну, мысль о которой вызывала у меня отвращение. Однако я решил, что когда мне исполнится двадцать один год и я буду сам себе хозяин, то сумею тактично предложить матери жить с Драммондом где-нибудь в другом месте.

Поскольку надежда на то, что она может устать от него к тому времени, была крайне слабой, я, вероятно, буду вынужден купить им небольшой загородный дом где-нибудь, где они могли бы жить потихоньку, не смущая сестренку. Элеонора будет уже почти взрослой, и мне бы не хотелось, чтобы моя мать погубила ее шансы найти достойного мужа. Я дам матери скромное содержание, найму юристов, чтобы улаживали ее финансовое положение, и откажу Драммонду от Кашельмары. Для этого, конечно, потребуется мужество, но в двадцать один год я вряд ли буду когонибудь бояться, даже убийцу. А пока нужно набраться терпения и ждать. Пока я ничего не могу сделать, только спрятать голову в песок, как всем известный страус, и выкинуть все мысли об убийстве из головы.

Состоялись похороны. У Джона случился приступ астмы, и его оставили дома в кровати, а девочки не пошли в часовню, потому что Элеонора, по словам Нэнни, была как натянутая струна, а Джейн слишком мала для похорон. Я присутствовал. Мать плакала на протяжении всей службы, дядя Томас и дядя Дэвид стояли с пепельно-белыми лицами, кухня Эдит пришла, но не сказала ни слова моей матери, а на следующий

день вернулась в Шотландию. Ее сестра Клара, которая писала нам раз в год, впоследствии сообщила, что Эдит обосновалась в Эдинбурге и занялась пропагандой высшего образования среди женщин.

На протяжении службы Драммонд терпеливо ждал перед дверями часовни, чтобы отвести маму в дом, а она перестала плакать, как только увидела его.

– Бедняжка Сара, – заметил дядя Дэвид дяде Томасу. – Тяжело вспоминать все те годы, когда они счастливо жили с Патриком... Наверное, еще осталось какое-то чувство, несмотря ни на что... Ведь если женщина родила мужчине четырех детей, то должно быть что-то такое, что остается.

Но дядя Томас был слишком занят мыслями о кузине Эдит и ничего не ответил.

– Слава богу, что Эдит не осталась, – признался он мне потом наедине, после небольшого холодного завтрака. – Ты знаешь, она мне заявила, что Патрика на самом деле убили и виновата в этом Сара! Бог ты мой, эта женщина в чем угодно готова обвинить твою мать! Отвратительно!

Наверное, на моем лице проявился страх, потому что он поспешил добавить:

– Я ей, конечно, сказал, чтобы она была поосторожнее со словами. Подобные высказывания являются подсудной и мерзкой ложью. Нед, ты можешь не беспокоиться. Думаю, она здесь больше не появится.

Я смог выдать:

– Она не хотела потребовать провести вскрытие? Знаю, врачи ничего бы не нашли, но скандал плохо отразился бы на матери.

– Во вскрытии не было ни малейшей необходимости. – Дядя Томас, как врач, знал о таких делах. – Никаких подозрительных обстоятельств. Доктор Кагилл считал, что для формальности вскрытие можно провести, но Маделин объяснила, это не имеет смысла, и я с ней согласился. Единственным последствием вскрытия стали бы новые скандальные слухи, а они совсем не нужны твоей матери, эта семья и так настрадалась от скандалов за последние годы.

– А доктор Кагилл – у него, наверное, были какие-то сомнения по поводу диагноза?

– Господи боже, нет, конечно. Он в то время был в Конге и твоего отца не видел, но Маделин сказала, что тут нет никаких сомнений, а у нее богатый опыт в этой области – в ее больницу поступает много пациентов с циррозом печени. Я абсолютно ей доверяю, и если сомнений нет у нее, то нет и у меня.

Я помолчал немного, потом выдал:

– Понятно.

Дядя Томас добавил вдруг, понизив голос:

– Нед, если бы я хоть одну секунду думал, что в этом виновен Драммонд, я бы вызвал сюда соответствующие власти для проведения вскрытия и наплевал бы на все скандалы. Но я не представляю, как такое могло бы случиться. И не только потому, что он весь день провел в Кашельмаре на виду у слуг. И не потому, что ему трудно было бы раздобыть яд. Он просто никогда бы не пошел на такое – ведь в самое критическое время Драммонд позволил уехать туда твоей матери. Я обсудил это с Дэвидом, который воображает себя крупным специалистом в таких делах, потому что прочел целую кучу детективов, и брат согласен со мной. Он еще высказал интересное соображение, до которого я не додумался. На его взгляд, Драммонд не типаж а-ля Борджиа. Пистолет – да, но яд – нет.

– Никакой альтернативы, – согласился я. – Да, разумеется.

Я испытал такое облегчение, что и говорить почти не мог, на глаза навернулись слезы. Потому что дядя Томас вернул мне веру в возможность совпадений, а когда я понял, что отец и в самом деле мог умереть естественной смертью, то перестал спрашивать себя, как мне вынести все эти долгие годы до совершеннолетия. Мне больше не нужно будет просыпаться по утрам со знанием, что я делю дом с убийцей отца. Мне больше не надо так бояться вскрытия и не нужно беспокоиться за безопасность матери. Жизнь снова может быть почти что нормальной. Конечно, настанет день – и мне придется выгнать Драммонда из уважения к памяти отца, но это пусть подождет до лучших времен.

В тот момент я чувствовал себя так, будто избавился от навязчивого ночного кошмара, и в моем первом приступе счастья почти не обратил внимания на слова мистера Маккардла, протестантского капеллана из Леттертурка, который предложил мне духовную помощь.

– Я подумал, что в такой ситуации тебе может понадобиться маленькое религиозное наставление, – сказал он с жутким белфастским акцентом. – Смерть отца – всегда тяжелое переживание для молодого человека, а поскольку твоя мать – увы! – нечасто заглядывает в церковь, а твоя единственная тетушка – католичка...

Я пребывал в таком радостном настроении, что вежливо слушал его. Даже дал согласие, когда после долгого мрачного морализаторства о вечной жизни он предложил преподавать мне несколько уроков, необходимых для подготовки к конфирмации.

– Буду приезжать раз в неделю и два часа наставлять тебя, – заявил он,

сияя улыбкой, а я ответил:

– Да, сэр. Спасибо, сэр.

И только после его ухода понял, что у меня нет ни малейшего желания становиться полноценным членом Ирландской церкви. Я ненавидел долгие часы заутренних раз в месяц, и хотя темное уединение часовни мне не нравилось, но после заупокойной службы по отцу неприятие превратилось в настоящее отвращение.

Размышлять о похоронах не хотелось. У меня гора упала с плеч, и я все еще чувствовал себя счастливым.

– Нед, ты теперь больше никогда с нами не играешь, – посетовал в тот день Джон. Он на удивление быстро пришел в себя после приступа астмы.

– Подумаешь! – фыркнула Джейн, прижимая к себе своего нахального рыжего кота. – Я с ним больше не хочу играть.

– Ах, Джейн, не говори таких слов, – взмолилась Элеонора, оторвавшись от книги.

– Я буду говорить что пожелаю, – заявила Джейн, сердито глядя на меня. – Идем, Озимандия, мой хороший. Найдем маму. Эта компания нас не устраивает.

Впервые мне в голову пришла мысль о том, как это глупо с моей стороны отказывать в дружбе девчужке в два раза моложе меня. Неужели я завидовал Джейн, когда родители уделяли ей больше внимания, чем мне? Хотелось думать, что нет, но, чтобы подкрепить это, я сказал, глядя ей в спину:

– Я приглашаю вас на пикник, если хотите. Возьмем лимонад и сэндвичи с джемом и пойдем на косу.

– Уррра! – воскликнул Джон, подпрыгнув.

– Ой, мне нравится! – радостно согласилась Элеонора, громко захлопывая книгу. – А разве можно сразу после похорон?

– Нэнни скажет, что нам это будет полезно. А если не скажет, то вместо нее это сделаю я.

Джейн замедлила шаг:

– Меня, как я понимаю, не приглашают.

– Это уж тебе решать. Если ты готова уделить нам свое время, то, конечно, можешь идти с нами.

– Озимандию я не оставлю, – предупредила Джейн, испытывая меня.

– Озимандию бери. Но не других котов. Я иду на берег не для того, чтобы строить Ноев ковчег.

Мы пошли все, даже этот паршивый кот, который шел за Джейн на поводке, как пес. Коса располагалась вдоль западного берега озера, и, хотя

песок здесь был тусклый и тяжелый, для строительства замков он вполне подходил. Джон рисовал на песке палочкой, Элеонора неторопливо шлепала по воде, а я помогал Джейн строить форт.

– Нед, расскажи нам об Америке, – попросила Элеонора, когда у нее замерзли ноги.

– Про зоопарк в Нью-Йорке, – напомнил Джон. – Ах, как бы мне хотелось в зоопарк!

– И о маленьких девочках – Коннемаре и Донегал, – добавила Джейн.

Я в сотый раз принялся рассказывать им про Галахеров. По мере повествования меня наполняло желание снова оказаться в их доме в Бикон-Хилле.

– Они все время смеялись, – вещал я. – Слышали бы вы их! Все было так смешно. У них такой великолепный дом в центре Бостона, и все комнаты яркие и веселые. На стенах картины красивых женщин, и повсюду религиозные статуи – не холодные каменные, как в часовне, а гипсовые и раскрашенные в разные цвета. Там такие броские обои, и мягкие диваны, и дребезжащее старое пианино, где ля-диез всегда фальшивило, когда Керри играла «Розу Трали». Мистер Галахер хотел купить новое пианино, но миссис Галахер возражала, потому что это пианино было у нее всю ее замужнюю жизнь и она говорила, что это ее талисман.

– Миссис Галахер похожа на маму? – с удовольствием задала ритуальный вопрос Элеонора.

– Нет, ничуть. Она и вполнину не так красива. Но она никогда ни по какому поводу не волновалась, и, если дочери делали что-нибудь ужасное, она просто говорила: «Сердце вашего бедного папочки будет наверняка разбито, когда он узнает», и девочки начинали плакать при этой мысли, и мать их прощала. Мистер Галахер, он такой сильный, большой и лихой, курит огромные сигары, а каждый вечер, возвращаясь домой, целует миссис Галахер. Он держит шесть лошадей и два экипажа, и, когда вся семья отправлялась в воскресенье на мессу, смотреть на них было одно удовольствие. Девочки носят хорошенькие платья, и в доме всегда весело. Думаю, и церковь у них такая же. Католические церкви не похожи на часовню. Там всюду картинки, ярко раскрашенные статуи и много всяких золотых одежд. И еще там везде свечи, как на пироге ко дню рождения, в церкви приятно пахнет, и все поют на латыни, это замечательно таинственный язык для пения, гораздо лучше английского.

– То, что ты рассказываешь, куда интереснее, чем заутрени в часовне, – задумчиво пробормотала Элеонора. – Ты нам никогда прежде об этом не рассказывал.

Но я уже думал о похоронах отца, о темных, мрачных словах службы, одуряющей скуке. Гнетущая, удушающая скорбь, приглушенная хорошим вкусом и благолепием.

– А у Галахеров есть сад? – задал ритуальный вопрос Джон.

– А коты? – спросила Джейн.

– У них есть все, – ответил я.

– Больше, чем у нас?

Я кивнул и пошел прочь, к дальнему концу косы, где река Фуи втекала в озеро, и остановился там посмотреть, как ветер шелестит травой над песчаным берегом. Спустя какое-то время ко мне подошла Джейн и встала рядом:

– А если я когда-нибудь поеду в Америку, то смогу взять Озимандию?

Я ответил, что бедняге Озимандии вряд ли понравится путешествие через Атлантику, и мы медленно, взявшись за руки, пошли назад к лимонаду и сэндвичам с джемом.

Домой мы вернулись в шестом часу, и, когда поднимались по последнему витку подъездной дорожки, к нам навстречу вышел Драммонд.

– Нед, у меня для тебя хорошая новость! – воскликнул он и помахал письмом.

Мы подошли поближе. Я увидел американскую марку и крупный незнакомый почерк, и вдруг настроение у меня начало улучшаться.

– Письмо от Финеса Галахера! – радостно заявил Драммонд. – Догадайся, кто едет к нам в гости.

2

К нам ехала Керри. Больше ничто не имело значения. Я все думал, как мы будем забавляться, как замечательно иметь кого-то, с кем можно посмеяться и пошутить, кого-то яркого, веселого и счастливого.

– Я в долгу перед Финесом, – объяснил мне Драммонд. – Он, как ты знаешь, помог мне получить оправдание, и я обещал ему... или, по крайней мере, Сара обещала ему... что Керри сможет приехать и побыть с нами какое-то время, научиться быть леди.

Их приезд ожидался весной.

– Все они? – с надеждой спросил я.

– Нет, только Керри и Финес. Всю семью он собирается привезти позднее.

Элеонора и Джейн были разочарованы – они не увидят Конни и Донах.

– Мне бы так хотелось, чтобы тут жила девочка моего возраста, мы могли бы играть, – объяснила Элеонора, и Джейн тут же обиделась и сообщила, что теперь уж никогда больше не будет играть с Элеонорой.

– Бедняжка Джейн такая обидчивая, – заметила мама, когда Джейн наконец удалось успокоить.

– Она не будет такой, если ты перестанешь внушать ей, что она пуп земли, – сказал я. – Тогда Джейн не будет так расстраиваться, если кто-то выскажет мнение, отличное от ее.

– Нед, послушай-ка, – ответила мама, обижаясь точно так же, как Джейн. – Не думаю, что тебе позволительно делать мне замечания.

Я извинился. В те дни я почти не противоречил матери, но теперь это не имело значения, потому что к нам ехала Керри.

Я рассказал про нее моим друзьям.

– Весной ко мне приезжает друг из Америки, – как бы невзначай сообщил я, когда мы сидели вокруг костра на прохладном осеннем воздухе. – Она ирландка. Ее зовут Керри Галахер.

– Девчонка?

Мое сообщение не вызвало у них энтузиазма.

– Я не думаю о ней как о девчонке, – строго ответил я. – Она настоящий человек.

Они по-прежнему оставались мрачными, и больше я им про нее не говорил.

Моя мать тем временем предпринимала невероятные усилия, чтобы произвести хорошее впечатление на гостей. Гостиную перекрасили в светло-зеленый цвет, холл – в белый (мне это совсем не понравилось – уж слишком строго), а во всем западном крыле, которое отводилось гостям, поменяли мебель.

– Мама, как ты могла выбрать такую мебель?! – в ужасе воскликнул я, когда увидел темные тяжелые комоды и буфеты. Они все казались выбросившимися на берег китами. Прежде я никогда особо не думал о мебели, но теперь обнаружил, что массивная, мрачная мебель вызывает у меня протест.

– Это не совсем мой стиль, – призналась мама, чей элегантный будуар был обставлен в стиле регентства. – Но Максвелл решил, что это модно и современно.

Я открыл было рот, но поспешил его закрыть, не сказав ни слова. Бесплезно сетовать по поводу Драммонда, который тратит деньги, чтобы обставить мой дом. Она только ответит, что дала ему разрешение, а мне

еще рано критиковать. Когда мне исполнится двадцать один год, будет уже не рано. Но не сейчас.

Обновлениям не было конца. Из Дублина привезли повара, чтобы Галахеру подавали лучшие блюда, а моя мать ездила в Голуэй договориться с торговцами о поставке свежих продуктов на протяжении всего мая. Я считал, что ей не подобает так торговаться, но у нас не было экономки, а Драммонд хотел, чтобы торговцы сами приехали в Кашельмару. Он желал задавать приемы, чтобы Финес Галахер думал, будто мы живем великосветской жизнью, но, хотя моя мать покорно написала письма местным джентри, они все нашли предлоги, чтобы не приходиться.

Я переживал оттого, что ее унижают подобным образом, и знал, что она тоже переживает. Мать помалкивала. Драммонд сердито сыпал проклятиями, она же покорно принимала случившееся.

Один раз я видел мать расстроенной на Рождество, когда она увидела плачущую Элеонору из-за того, что девочки Ноксов устраивают праздник в Клонбуре, а ее не пригласили.

– А мне бы так хотелось! – сквозь слезы сказала Элеонора матери.

– Мы устроим для вас здесь специальный праздник, – попыталась утешить ее мать, но я, перед тем как отвернуться, увидел горькое выражение на лице сестры.

Наконец наступила весна. Я начал вычеркивать дни в моем календаре. Во время занятий мистер Уотсон без перерыва бубнил что-то про Реформацию, а в часовне мистер Маккардл корил меня за то, что я захотел отложить конфирмацию, назначенную на Пасху.

Зацвели нарциссы. Ожил сад моего отца. Как-то раз Драммонд заявил, что нужно распахать землю и посеять овощи, но я так категорически стал возражать, что он предпочел закрыть эту тему.

– Нед, я не знал, что ты так любишь этот сад, – поспешил сказать он; я ничего не ответил.

Сад был отцовским наследством, единственным звеном, связывавшим меня с драгоценными давними временами, и когда я заходил сюда, то вспоминал собственное обещание искупить вину перед ним и воображал, что сад – не только звено, связующее меня с прошлым, но и мост в более счастливое будущее.

Наступил май. Мне было пятнадцать с половиной, Керри – на девять месяцев меньше, и мы не видели друг друга два года.

– А что, если она стала другой? – обеспокоенно спросил я у Нэнни. – Что, если Керри перестанет мне нравиться?

– Настоящий друг никогда не меняется, – утешила Нэнни.

Я попытался вспомнить, как выглядит Керри. Она всегда была пухленькой, и пуговицы на ее платье, казалось, вот-вот оторвутся. У нее были рыжевато-золотистые волосы и подбородок с ямочкой. Она теперь, конечно, должна выглядеть старше. И я выглядел старше. Я уныло разглядывал себя в зеркале и заметил, что волосы, которые прежде были светлыми, приобрели цвет грязи, а лицо превратилось в поле боя по меньшей мере трех разных видов прыщей.

– У меня ужасный вид! – в отчаянии воскликнул я, придя к Нэнни. Я не мог понять, почему не замечал этого прежде.

– Ну-ну, – утешила Нэнни. – Стриги волосы и мой хорошенько лицо каждый вечер, и вскоре будешь таким же красавцем, каким был твой папа.

Я решил, что ее оптимизм граничит со снисходительностью, но стал мыть лицо и попросил ее постричь меня.

Драммонд взял меня встречать Галахеров в Голуэй. Я надел новый темный костюм и положил в жилетку отцовские карманные часы с золотой цепочкой. После этого почувствовал себя фонарным столбом в ожидании фонарщика. Стоило мне взглянуть на широкоплечего, мускулистого Драммонда, как я проникался жуткой завистью.

Финеса Галахера я увидел раньше, чем Керри. Из рта у него торчала его обычная большая сигара, его голубые глаза светились, и с расстояния в двадцать футов я слышал, как позвякивает золото в его карманах.

– Макс, дорогой мой старый друг! – воскликнул он, кидая сигару в водосток (откуда ее тут же вытащил нищий), раскинул руки, по его щекам покатались слезы.

– Синяя Борода! – пискнуло что-то маленькое и круглое за ним.

Она заплясала в мою сторону. Ее волосы казались рыжевато-золотистыми под громадной шляпой с цветами, но в этот момент рука сорвала шляпу, и я увидел курчавую челку.

– Кругломордик? – неуверенно спросил я, хотя и знал, что это она. Глаза у нее остались прежними, вызывающе голубыми. – Привет, как дела?

Я понял, что она, как и раньше, говорит на странном английском. Считается, что жители Бостона говорят как англичане, но я в Бостоне не встретил ни одного человека, чья речь подтверждала бы это заблуждение.

– Бог ты мой! – с испугом воскликнула Керри, – Какой ты стал большой!

– И ты тоже, – ляпнул я, а потом, поняв, что это может показаться грубым, поспешил добавить: – Там, где полагается, я хотел сказать.

Это прозвучало еще хуже, и я с ужасом понял, что сейчас покраснею.

Керри спасла меня, захихикав. Хихикала она ужасно дерзко, никто

другой так не умел, и я вдруг забыл о том, что могу покраснеть, и засмеялся вместе с ней.

– Бог ты мой! – вздохнула Керри. – Как же это здорово – повзрослеть наконец!

– Ты можешь поставить на это последний бакс! – сказал я, вспоминая американские словечки, и радостно протянул ей руку.

3

Финес Галахер провел в Кашельмаре две недели, после чего отправился в графство Уиклоу посмотреть на свой старый дом. Керри он оставил у нас, сообщив, что заедет за ней позднее, но на самом деле (так сообщил мне потом Драммонд) мистер Галахер просто побаивался того, что увидит. Он столько лет рассказывал дочерям, будто появился на свет чуть ли не в райских садах, что теперь боялся их разочаровать, и хотя родился крестьянином, но так далеко продвинулся по пути благосостояния, что опасался, как бы способы его продвижения не испугали их. Однако в Кашельмару мистер Галахер вернулся совершенно счастливым. Родня устроила ему королевский прием, никакого смущения не возникло. Его деревня оправилась от британского угнетения, и ничто не напоминало об опустошении голодных сороковых.

– Если па еще раз скажет о голоде, я закричу, – проворчала Керри. – Заметил, что старики всегда возвращаются к прошлому? Будто нас оно волнует!

– Через тридцать лет ты будешь делать то же самое, – пророчествовал я. – Ты будешь рассказывать: «Я жила во времена Чарльза Стюарта Парнелла, некоронованного короля Ирландии».

– Папа говорит, что с Парнеллом покончено.

– Почему? Было доказано, что то письмо в «Таймс» – фальшивка, и Парнелл реабилитирован!

В этом письме заявлялось, что Парнелл якобы был связан с убийствами в Феникс-парке в 1882 году, и оно вызвало жуткий скандал, но потом фальсификатора изобличили.

– Я ничего не знаю об этом письме, – безмятежно бросила Керри. – Но если па говорит, что с ним покончено, значит это так и есть.

– Почему вы считаете, что с Парнеллом покончено, сэр? – с любопытством спросил я за портвейном у мистера Галахера тем вечером.

Прежде меня политика не особо интересовала, но мистер Галахер и Драммонд после ухода дам почти ни о чем не говорили, кроме политики, и часть их одержимости передалась мне. К тому же Чарльз Стюарт Парнелл интересовал меня – он тоже был землевладельцем и протестантом, считавшим себя ирландцем. – Парнелл ведь по-прежнему председатель Ирландской партии, а не все ее члены – недовольные экстремисты.

– Его прикончит та женщина, – заявил Финес Галахер.

– А почему у мужчины не может быть любовницы? – возразил Драммонд, который всегда был предан Парнеллу. – Я бы предпочел лидера с любовницей, чем мужчину, живущего монахом!

– Ну, Макс, мы все, конечно, знаем об этом мире, и я согласен с каждым твоим словом, но человек его положения не должен жить во грехе, и ты знаешь это не хуже меня. Ему все годы это сходило с рук, потому что он не выставлял свою личную жизнь напоказ, а муж поддерживал с ним хорошие отношения, но, если сейчас все станет известно, саксонцы будут смеяться до самого Страшного суда. «Нет, вы только посмотрите на этих глупых несчастных ирландцев, – скажут они. – Самыми нравственными людьми на земле руководит прелюбодей». Нет, Макс, нехорошо это. Не годится.

– Понятно, – протянул я. – Если бы мистера Парнелла считали ответственным за убийства в Феникс-парке, ему бы аплодировала вся Ирландия. Но когда обнаружилось, что у него шашни с замужней женщиной, все его проклинают и обрекают на вечные муки.

Финес Галахер рассмеялся и похвалил, какой, мол, я умный парень.

– Но все не так просто, Нед, – добавил он. – Если бы Парнелл был ответственным за убийства в Феникс-парке, то это было бы политической ошибкой, и только глупцы аплодировали бы ему. Что касается прелюбодеяния, большой политический грех состоит не в самом прелюбодеянии, которое длилось годами. Нет, ошибка в том, что он позволил всем узнать об этом. Этот человек глуп. Если О’Ши инициирует развод, то через год Парнелл будет политически мертв, а если он не понимает этого, то он не имеет никаких оснований быть председателем Ирландской партии.

– Финес, чертовски жаль, что ты против него! – воскликнул Драммонд, и я, к моему удивлению, увидел, что он покраснел от негодования.

– Ну-ну, Макс, не принимай это на свой счет! Мы же говорим не о тебе. Мы обсуждаем Парнелла.

– Неправильно это, когда человека уничтожают за то, что он любит женщину, как если бы он был ее мужем, – упрямо сказал Драммонд, но

мистер Галахер просто ответил:

– Макс, таковы правила.

После этого он так аккуратно сменил тему, что у Драммонда не было возможности ему возразить.

Мне не хотелось спрашивать Керри, что она знает о положении моей матери, но Финес Галахер явно сказал ей что-то об этом. Когда мы жили в Бостоне, моя мать была известна как миссис Драммонд, и все девочки Галахера знали ее как жену Драммонда. Даже когда мать позднее развелась, я не писал об этом Керри в моих письмах, опасаясь, что это может вызвать неприятные последствия. Хотя теперь я понимал – ей известна правда, все же обсуждать с ней эту тему был не готов. Легче болтать с ней о других вещах, и я с удовольствием показывал ей долину, знакомил с моими друзьями. Несмотря на свои сомнения, мои друзья сочли ее вполне недурной, но они тушевались при ней, и я тут же понял, что Керри не сможет стать частью гэнга. Я из-за этого чувствовал себя неловко, потому что не хотел ни терять моих друзей, ни отказываться от Керри, но, к счастью, проблема разрешилась к концу июня, когда мистер Галахер вернулся в Америку.

– Теперь, Керри, – любезно, но твердо сказала моя мать, – ты не можешь, как мальчишка, все время носиться по горам с Недом. Я не возражаю против ваших прогулок по субботам, но в будни вы должны учиться и углублять ваши знания.

Это означало, что Керри будет проводить утренние часы с мисс Камерон, а вечера с моей матерью. Мисс Камерон обучала ее английской литературе, французскому и итальянскому, а мама приглядывала за ней, когда она играла на пианино, учила вязать и пыталась научить говорить с английским произношением.

– Хотя это называется, слепые ведут слепых, если хотите знать мое мнение, – сказала как-то мисс Камерон Нэнни, а я случайно услышал.

– Леди де Салис говорит на превосходном английском, – горячо возразила Нэнни, всегда встававшая на защиту моей матери. – Знаю, некоторые звуки у нее не получаются, но если бы не это, то никто бы не догадался, что она иностранка.

– К тому же, – сказала мне позднее мама, – у меня нет цели поставить Керри английское произношение; если я научу ее говорить как американка хорошего происхождения, мне этого будет достаточно. Я буду знать, что мои усилия не затрачены впустую.

Керри ко всему этому, казалось, относилась доброжелательно, так что я за нее не беспокоился. Зато снова наслаждался летом. Каждое утро

бездарно тратил на занятия с мистером Уотсоном, но три раза в неделю встречался с друзьями на склоне горы, и хотя после этого допоздна засиживался за моими заданиями, это не имело значения. Я понял, что мне для сна не требуется много времени, и если даже ложился после полуночи, то нередко вставал до рассвета и наблюдал восход над озером.

В конце июля я обнаружил, что Керри затосковала. Была суббота, и мы решили устроить ланч в полуразрушенном домике, а потом, прежде чем возвращаться домой на чай, подняться на Мать Дьявола. Естественно, трое младших пожелали к нам присоединиться, но на сей раз я был тверд и настоял, чтобы они остались.

– Им не по силам подняться на гору, а потом спуститься, – объяснил я матери. – Они будут ныть, покоя нам не дадут.

– Ну, по крайней мере, на пикник ты бы мог их взять, – заметила мама.

– В другой раз – с удовольствием, но не сегодня.

– Это почему? – спросила мама, мгновенно проникшись подозрительностью, хотя я понять не мог, с чего бы это.

– Потому что у меня есть возможность гулять с Керри только раз в неделю, – рассудительно напомнил я. – Обычно я не возражаю, что маленькие увязываются следом, но в данном случае, когда мы собираемся идти далеко, я предпочитаю, чтобы они остались дома.

– Ну, не знаю, не уверена, что мне это нравится, – проговорила мама и добавила, будто ей показалось, что ее слова требуют пояснения: – Я думаю, с твоей стороны это эгоизм.

– Мама, ну подумай, какого слона ты делаешь из этой мухи.

– Нед!

– Извини, но это правда.

Я думал, мама и дальше будет возражать, но она явно поняла бесполезность этого, потому что отпустила нас.

На полпути к домику Керри призналась:

– Рада, что ты отбился от матери. Я бы не возражала, чтобы маленькие пошли, но твоя мать всегда пытается испортить мне удовольствие.

Я остановился:

– Правда?

– Понимаешь... – Керри пнула носком веточку, а еще через секунду добавила: – Знаешь, она не похожа на мою маму. – А потом, еще немного подумав, пробормотала: – Жаль, что мама не поехала со мной.

Керри расплакалась.

Меня охватил ужас. Вид плачущего Галахера противоречил всему тому, что они воплощали собой для меня, и мне казалось, что я

присутствую при каком-то ужасном богохульстве. Я искал слова, но они не давались мне. Нащупав платок, я обнаружил, что он – других при мне не было – грязный, и моя беспомощность повергла меня в такие мучения, что я мог только в отчаянии смотреть на нее.

– Что ты молчишь! – сквозь слезы проронила Керри. – Стоишь там как манекен?

Я выпалил первое, что мне пришло в голову:

– Ах ты, бедный, бедный Кругломордик. Почему ты не говорила, что хочешь домой?

Она проглотила слезы,хватила грязный платок у меня из руки, высморкалась в чистый угол.

– Боялась, ты решишь, что я такая неблагодарная и подлая, – объяснила она. – Знаю, ты любишь Кашельмару. Не думала, что ты меня поймешь.

– Не пойму? Ты тосковала по дому и думала, что я тебя не пойму? Это я-то не пойму? А как, по-твоему, я чувствовал себя в Америке, когда Драммонд и мама таскали меня за собой, а я не знал, когда снова увижу дом?

Она шмыгнула носом и промокнула глаза другим чистым уголком.

– Я поняла, что ты особенный, когда мы познакомились, – призналась она. – Но не понимала, что это из-за тоски по дому. Ты всегда был спокойный, никогда не улыбался, сидел себе в уголке и изображал хорошего мальчика. Мы с Клер, прежде чем познакомились с тобой по-настоящему, думали, что ты какой-то странный.

– Знакомство с тобой и Клер – это лучшее, что случилось со мной в Америке.

– Вот те на! – воскликнула она. – Это не очень-то хвalebный отзыв обо всем остальном, что случилось с тобой в Америке!

К моему огромному облегчению, она захихикала.

– Мама с Драммондом, – буркнул я. – Это было очень нелегко.

– Могу себе представить. Моя мать до сих пор не знает, что они не женаты. Папа заставил меня поклясться на Библии, что я не проболтаюсь ей об этом в своих письмах.

– Тебя потрясло, когда ты узнала?

– Конечно, но папа все так хорошо объяснил. Сказал, что мне рано или поздно придется узнать разные стороны жизни, так лучше это сделать рано, чем поздно. Он объяснил, что твоя мама и Драммонд так любят друг друга, что они, считай, женаты. Но мистер Драммонд ведет себя очень умно, делает вид, что живет в другом доме, поэтому все обходится без скандалов.

Папа сказал, что это страшный грех и сама я никогда в жизни не должна допустить подобной безнравственности, иначе Господь накажет меня, но твоя мать жила такой нелегкой жизнью, что Господь так вот даровал ей маленькое вознаграждение. Правда, не пояснил, какая такая нелегкая жизнь у нее была, только что достаточно нелегкая, чтобы Господь проникся к ней сочувствием и сделал для нее послабление. И он наговорил много хороших вещей про твою маму, какая она настоящая леди и как я должна ей угождать.

Я услышал сдавленное рыдание.

– Моя мама плохо к тебе относилась?

– Понимаешь...

– Плохо?

– Я ей не нравлюсь, – смело заявила Керри, возвращая мне платок. – Она старается, но ведет себя так, будто она Иисус Христос, а я ее крест. Знаю, что я вульгарная, но папа и мама никогда не дают мне понять, что я уродина и тупица, а они знают меня лучше, чем она.

– Ты мне нравишься такой, какая ты есть, – возразил я.

– Вульгарная, уродливая и тупая?

– А хоть бы и так!

Она снова захихикала, и теперь я тоже засмеялся и взял ее за руку:

– Керри, я не могу поверить, чтобы моя мама была такой недоброжелательной, но, если ты клянешься, что это правда, я попрошу мистера Драммонда поговорить с ней. Меня она не слушает, а его – да.

– Нет, – отказалась она. – Не надо. Я чувствую себя лучше теперь, когда знаю, что могу рассчитывать на твое сочувствие, а если мистер Драммонд узнает, то он может написать папе, а папа меня заберет.

– Так разве ты не этого хочешь? Если ты тоскуешь по дому...

– Ты хочешь, чтобы я уехала?

– Ничутьточки!

– Вот и хорошо. Тогда я остаюсь. Я, вообще-то, не хочу домой. Я бы чувствовала себя такой неудачницей, и папа был бы разочарован.

Мы дошли до полуразрушенного домика.

– Здорово! – воскликнула Керри, доставая пакетик с леденцами откуда-то из-под нижних юбок. – Вот в чем главное преимущество ирландской крестьянки – сидеть у торфяного костра и ничего не делать, только смотреть на прекрасные пейзажи и рассказывать истории! Беда со стариками в том, что они забывают счастливые времена, а помнят только голод и коварных управляющих. Когда я состарюсь, буду помнить все приятное. Я расскажу рядом с собой всех своих двенадцать детей и...

– Двенадцать детей!

– Я думаю, у меня будет не меньше двенадцати, ты так не думаешь? В конце концов, если мы поженимся, когда мне стукнет восемнадцать...

Она увидела выражение моего лица и замолчала. Я прекрасно помню, как она была удивлена. Ни застенчивости, ни смущения – только невинное удивление.

– Кто сказал, что мы поженимся? – спросил я. – Я ни на ком не собираюсь жениться. – Поняв, что это звучит очень грубо, поспешно добавил: – Конечно, если бы я собирался на ком-то жениться, то я бы выбрал тебя. Но я решил остаться холостяком.

– Но это невозможно! – воскликнула Керри.

– Ну, может быть, я женюсь в пятьдесят лет, чтобы произвести на свет наследника. Но я не могу просить тебя ждать еще тридцать пять лет. Это было бы несправедливо.

– Но... – Она была потрясена. Наконец смогла выдавить: – Ты что, ничего не знаешь?

– Чего не знаю?

– Все договорено! Папа сообщил мне на пароходе, когда растолковал о твоей матери и мистере Драммонде!

– Ах, Керри, твой отец рассказывал какие-то небылицы!

– Ничуть! – Она говорила очень серьезно, едва ли не сердито. – Это правда! Они с мистером Драммондом договорились. Он...

– С Драммондом?! – Я вскочил на ноги. – Какое Драммонд имеет к этому отношение?

– Папа выхлопотал мистеру Драммонду оправдание и дал ему денег...

– Денег?

– Да, чтобы вы могли вернуться в Ирландию с удобствами, а мистер Драммонд за это обещал, что я смогу приехать и остаться, и... а потом мы поженимся. Мистер Драммонд пообещал, он поговорит с твоей матерью, чтобы она нам не мешала, а папа пообещал еще больше денег, если свадьба состоится.

– Бог мой, – выдавил я пораженно.

– Папа сказал, что я не обязана за тебя выходить, если не хочу, но я подумала, это будет так романтично... Как в старину в Ирландии, когда женились совсем молодыми и все участвовали в сватовстве.

Я вышел. У задней стены домика прижался лбом к холодному камню и закрыл глаза. Меня трясло от ярости.

Когда открыл глаза, то увидел, что она подошла ко мне. Я выпрямился. Стояла невероятная тишь – ни малейшего движения вокруг.

– Извини, – пробормотала она. – Я думала, ты знаешь, иначе и упоминать бы об этом не стала. Пожалуйста, не сердись на меня.

– На тебя я не сержусь. Я сержусь на этого ублюдка Максвелла Драммонда.

И начал рассказывать о Драммонде. Дал волю мыслям и эмоциям, о существовании которых даже не подозревал. Пока поддерживал мать в ее борьбе против отца, я подавлял в себе всякие враждебные чувства к ней. Но теперь, когда больше не противостоял отцу, вдруг понял, что мое отношение к матери меняется. Меняется прямо на моих глазах. Я не смотрел на Керри. Говорил с полуразрушенным домиком передо мной, но видел только мать и Максвелла Драммонда.

Я сказал, что Драммонд опозорил мою мать, уничтожил ее, утащил за собой в сточную канаву, так что даже собственный брат назвал ее шлюхой. Сказал, что их поведение омерзительно, что я их презираю. Даже вспомнил, какое у меня вызывала отвращение скрипящая кровать. Я заявил, что не хочу иметь ничего общего с этой грязью до самой смерти, что никогда никого не люблю – ни мужчину, ни женщину.

Выпалив все это, замолчал, потому что не хотел, чтобы Керри узнала про моего отца, но когда повернулся, чтобы увидеть выражение ее лица, то ее не оказалось рядом.

Я подбежал к двери домика, оглядывая склон, но ее нигде не было. Керри сидела внутри. Сжалась в уголке, плакала, прижав руки к лицу.

– Керри... – Я опять остановился в беспомощности, в ужасе от ее боли, не понимая, что мне делать. Прикоснулся пальцем к ее руке, а когда она уронила руки, открыв лицо, поймал их в свои и задержал.

Наконец Керри спросила дрожащим голосом:

– Но я тебе нравлюсь хоть немного?

– Ах, Керри, конечно ты мне нравишься! Очень!

– Я не против, если буду нравиться тебе хотя бы немного. Я это быстро преодолю, вот увидишь. И больше не буду говорить тебе об этом.

– Я не хотел... Извини.

– Это я виновата, – возразила она. – Знаю. Нед, пожалуйста, скажи, что ты попытаешься простить меня. Простить, что я так тебя расстроила.

Я уставился на нее. В глазах у нее стояли слезы, они оттеняли ресницы, отчего те казались очень длинными. Ни с того ни с сего я прикоснулся к ее щеке пальцем – ее кожа, мягкая, сдобная и гладкая, была мягче кожи моей матери. Мой палец опустился ниже, потрогал ее губы, провел по линии шеи и бесшумно опустился к груди. Я замер, потом очертил пальцем линию ее груди и снова замер. В домике было светло.

Солнце снаружи поблескивало на глади озера далеко внизу, а за дверью на слабом ветерке с гор лениво покачивался побег вереска.

Я уперся левой рукой в стену над ее головой, соскользнул правой к ее талии, нагнулся и поцеловал ее в щеку.

Потом вдруг понял, что целую ее в губы. Ее руки обхватили меня за шею, тело прижалось к моему.

Я закрыл глаза и забыл о матери и Драммонде, забыл о скрипящей кровати и горечи моего отвращения. Наконец-то я оказался вне пределов досягаемости прошлого, не чувствовал ничего, кроме сильнейшего жара, словно шел вброд по теплой роскошной воде, чтобы поплыть по сверкающему манящему морю. Море уже было совсем рядом, я хотел выйти на глубину и плыть, чтобы волны накрывали меня с головой, но Керри отталкивала меня. Я чувствовал, как ее руки упираются мне в грудь, но, когда открыл глаза, увидел ее лучистую улыбку.

Мы помолчали немного. Потом она сказала, рассмеявшись робким, настороженным смехом, совсем несвойственным ей:

– Нед, скажи мне правду. Я, случайно, еще не потеряла девственность?

На ее лице появилось такое забавное встревоженное выражение, что мне и в голову не пришло поддразнить ее.

– Нет, – ответил я.

– Слава богу! – облегченно воскликнула она. – Монахини в воскресной школе говорили, что ничего хуже этого с девушкой не может случиться, а виноваты всегда мужчины.

Я улыбнулся. Она захихикала, и вдруг мы снова стали друзьями, и сверкающая вода манящего моря превратилась всего лишь в пятнышко света, пляшущего где-то на заднем плане моих мыслей.

Я вспомнил о Драммонде гораздо позднее, когда увидел его за ужином. Потом мы выпили по бокалу портвейна, и он спросил, как у меня дела с Керри.

– Прекрасно, спасибо, сэр, – ответил я, улыбаясь ему и думая: как же мне дождаться совершеннолетия, когда я вышвырну его из моего дома в свиной навоз, где ему самое место?

Глава 5

1

Вскоре после того, как мне стало известно о его сделке с Финесом Галахером, образ жизни Драммонда начал меняться. Он передал дом старика Макгоуана патриарху семейства О'Мэлли, а сам переехал в Кашельмару и стал открыто жить с моей матерью.

Сперва я думал, что лучше промолчать, но неделю спустя понял: что-то должно быть сказано.

– Мама, – заговорил я, когда у меня появилась возможность остаться с ней наедине, – пожалуйста, пойми меня правильно. Я не хочу осуждать тебя, но тебе не кажется, что было бы лучше, если бы мистер Драммонд и дальше делал вид, что живет в собственном доме?

– Конечно, – согласилась мать. – Он собирается переехать в Клонах-корт. Это временная мера, дорогой.

– Понимаю. Но возможно, было бы лучше, если бы он переехал в гостевые комнаты в западном крыле? А то уже слуги судачат о том, что он делит с тобой комнату.

– Нед, не обращай внимания на болтовню слуг. Я не в ответе перед ними.

Я попробовал еще раз:

– Мама, дело не в том, что возражаю я... – Это была ложь, но я хотел проявить тактичность. – Но Нэнни очень расстроена, и мисс Камерон говорит, что, возможно, вернется в Шотландию. И мне очень жаль, что Элеонора и Джейн не могут общаться со своими ровесницами из других семей.

– Если у Нэнни и мисс Камерон есть какие-то поводы для недовольства, они могут обратиться ко мне, а заботы об Элеоноре и Джейн предоставь мне.

Я не знал, что сказать дальше. И просто уточнил:

– А когда мистер Драммонд переедет в Клонах-корт?

– Я не знаю точно, дорогой. В определенной степени это зависит от его сыновей.

Драммонд все еще пытался заманить сыновей в долину. Он уже перестроил свой старый дом, и, только когда они не купились на эту

приманку, снова проснулся его интерес к Клонах-корту. Теперь его старый дом занимали другие О'Мэлли, а Клонах-корт активно обновлялся.

Я решил, что лучше не спрашивать, откуда берутся на это деньги. Очевидно, что Драммонд не мог бы позволить себе обновление на свой заработок, но жаловаться моим дядям было бесполезно – это только кончилось бы сложностями для матери. Бухгалтерские книги вела она.

– Если мистер Драммонд считает, что сможет вернуть сыновей в долину, предложив им дом побольше и получше, то он ошибается, – ровным голосом произнес я, вспоминая свои разговоры с Денисом. – Его сыновья считают, что он бесчестит их мать, и, пока это продолжается, они ни за что не вернутся.

– Почему бы нам не подождать – не посмотреть, что будет? – предложила мать.

Я принялся ждать и в конечном счете увидел, что оценивал ситуацию правильно. Сыновья Драммонда из Дублина не приехали, Клонах-корт стоял без обитателей, а Драммонд по-прежнему жил в Кашельмаре.

– Как твоя мать – леди – может вести себя подобным образом? – спросила наконец Керри. Она знала, что я не люблю слышать плохое о моей матери, но не могла сдержаться. Казалось, Керри скорее удивлена, чем потрясена.

– Она не отвечает за свои поступки. – Что я еще мог сказать? А когда Керри скептически посмотрела на меня, услышал свой голос: – Это как промысел Божий.

Эти слова странно прозвучали из моих уст. Воспоминания о старых ночных кошмарах проснулись во мне, но я усыпил их.

– Что такое ты имеешь в виду? – недоуменно поинтересовалась Керри, а когда я попытался объяснить, мысли смешались в какую-то невообразимую кучу.

– Давай не будем говорить о моей матери. Когда мне исполнится двадцать один, я все приведу в порядок. А пока я не хочу об этом думать.

У меня открылось исключительное умение зарывать голову в песок, но это объяснялось тем, что я нашел идеальный способ забывать все, что не желал помнить. Нам с Керри удавалось урывать несколько минут днем, чтобы побыть вдвоем. Хотя мать настаивала на том, чтобы по воскресеньям мы гуляли вместе с детьми, мне пришла в голову блестящая идея провожать Керри на мессу по воскресеньям. После приезда в Кашельмару Драммонд всегда сопровождал ее, когда она отправлялась в церковь в Клонарин. Нынешний же его образ жизни не позволял ему присутствовать на службе, а я знал, что это еженедельное путешествие для него

утомительно. В конце августа, когда отец Донал пришел с регулярным визитом к Керри в Кашельмару, мне удалось пообщаться с ним несколько минут наедине.

– Отец, – обратился я к нему, – мне бы хотелось месяц-другой поприсутствовать на ваших службах. Пожалуйста, не могли бы вы попросить мою мать, чтобы она дала разрешение?

К счастью, моя мать была в долгу перед отцом Доналом, и я знал – ей будет трудно ему отказать. Он не только помог ей освободить Драммонда из тюрьмы, но и поддерживал ее в то время, когда она жила пленницей в Кашельмаре.

– Нед, ты не собираешься стать католиком? – спросила у меня мать, встревоженная просьбой.

Словно чтобы загладить свою вину за жизнь с Драммондом, она стала очень консервативной во всех других вопросах, и, с ее точки зрения, было недопустимо, чтобы молодой барон, вроде меня, обращался в католичество.

– Я не знаю, хочу ли быть католиком или нет, – правдиво ответил я. – Именно это я и желаю выяснить.

Но моя мать продолжала относиться к этой идее неодобрительно. Мне даже пришлось просить помощи у тети Маделин, которая, конечно же, с фанатизмом крестоносца бросилась из своей амбулатории в Кашельмару и заявила матери, что та должна радоваться появлению хоть какого-то религиозного интереса с моей стороны.

– Мальчика следует поощрить, – провозгласила моя тетушка, улыбаясь своей самой любящей улыбкой, и на следующее воскресенье мама смиренно дала мне разрешение сходить на мессу.

Спустя какое-то неопределенное время Керри в приступе отчаяния воскликнула:

– Нед, знаю, некоторые люди остаются целомудренными долгие годы, но я пребываю в этом состоянии вот уже целых шесть недель и чувствую, что могу взорваться в любую минуту! Что нам делать? Пожалуйста, Нед... помоги мне, или я просто пропаду, клянусь тебе!

Я был не в том состоянии, чтобы отвечать. Желая насладиться каждой минутой близости с ней, я разделся до пояса и принялся уговаривать Керри расстегнуть ее блузку. Дни, когда мы детьми хихикали вместе, никогда не казались такими невозвратно далекими.

– Нед, скажи что-нибудь! – Она оттолкнула мои пальцы, которые рассеянно исследовали ее корсет, и безуспешно попыталась отодвинуться подальше от меня. – Что мы будем делать?

Я сделал единственное предложение, которое мне пришло в голову.

– Не могу! – запротестовала она. – Это смертный грех, уверена. К тому же у меня наверняка после этого не останется никакой девственности, а мама и папа покончат с собой, если узнают.

– Это не будет смертным грехом, если мы поженимся!

– Но ты же сказал, что не хочешь жениться!

– Я сделаю все, что ты захочешь. Женюсь на тебе, или встану на голову, или прыгну в озеро. Только позволь мне...

– О господи! – воскликнула Керри.

Я снова принялся целовать ее. Мне все еще не удавалось справиться с ее корсетом. Он был хуже, чем пояс целомудрия.

– Ты правда женишься на мне? – спросила Керри.

– Конечно.

Раздался звук рвущейся материи. Я услышал треск подающегося китового уса.

– Когда?

– Завтра.

– Хорошо. – Керри снова оттолкнула меня. – Я, пожалуй, могу подождать.

– А я – нет! – заявил я, одержав наконец победу над этим ужасающим предметом нижней одежды; я был весь – от головы до пяток – в поту.

– Да, может, и я не могу, – пробормотала Керри. – Но я должна. Дева Мария, упаси меня от греха. Аминь. Ах, Нед, как мне хорошо! Дева Мария, упаси меня... может быть, это не имеет значения. Ведь папа говорил, что бывает у людей так, словно они женаты, и если твоя мама и мистер Драммонд могут делать это...

Все закончилось, прошло неодолимое возбуждение, погас огонь наслаждения, мои немыслимо напрягшиеся мышцы расслабились. Даже пот на спине, казалось, испарился. Я, вздрогнув, откатился от нее и лег на бок лицом к стене.

Когда посмотрел на Керри, она застегивала блузку. Ее руки дрожали. Пуговицы проскальзывали между пальцев.

Спокойным, рассудительным голосом я сказал:

– Не расстраивайся. Мы поженимся.

Керри кивнула, но я видел: она не поняла моих слов.

– Я хочу сказать, мы сделаем все как полагается. Я к тебе не прикоснусь, пока ты не станешь моей женой. Но не волнуйся, мы поженимся очень скоро. – (Она уставилась на меня. Глаза ее снова горели. Керри казалась живой, свежей и красивой.) – У нас будет все как нужно – обручение и свадьба, – продолжал я. – Отец Донал нас обвенчает, он

проведет службу бракосочетания в Клонаринской церкви.

– Нед!

Радость настолько переполняла ее, что она больше не могла произнести ни слова.

– Я не стану поступать с тобой, как Драммонд с моей матерью, – добавил я.

Мы проговорили всю дорогу до Кашельмары. Керри заявила, что у нее будет пять подружек невесты – ее сестры и мои, а я пообещал, что на медовый месяц мы поедем в Париж. Я хотел иметь шесть детей, а Керри – восемь, в итоге сошлись на семи. Мы говорили и о Кашельмаре. Я сказал, что, когда мне исполнится двадцать один, я перестрою часовню в католическую церковь и перекрашу великолепный круглый холл в доме в голубой и белый цвет, как веджвудский фаянс. Керри же решила сменить шторы во всех комнатах. А еще – повсюду будут новые картины на стенах и цветы.

– И много таких хорошеньких религиозных статуй, – добавил я, – и обои цвета изумрудной зелени. У нас будут приемы, вечеринки, балы. Мы сможем нанять музыкантов из Дублина, и весь мир будет к нам приезжать, а Кашельмара станет лучшим домом западного мира!

– Здорово! Ой, я почти что слышу музыку!

– Вальсы Штрауса, кадрили, галопы...

– И польки. Ах, Нед, я так люблю польку!

– ...польки, джиги, рилы.

– Ирландская музыка!

– Ирландская музыка и ирландские песни! – воскликнул я, обхватывая ее за талию и кружа по лужайке.

Вдали открылась дверь, и на террасу вышла моя мать:

– Нед!

– Да? – крикнул я и прошептал Керри: – Оставь нас одних, когда мы дойдем до дому, а я скажу ей о свадьбе.

Мать сказала четким голосом:

– Я бы хотела поговорить с тобой минутку, если не возражаешь.

– Иду!

Мы дошли до террасы.

– Керри, смотрю, головная боль у тебя прошла, – бросила моя мать. – Недолго продолжалась, да?

– Да, леди де Салис, – подтвердила Керри. – Леди де Салис, если вы меня извините...

– Хорошо. Нед, пройдем, пожалуйста, наверх.

– Да, мама, – покорно согласился я.

В будуаре мама попросила меня сесть.

– Я уже некоторое время собиралась поговорить с тобой об одном предмете. – Она быстро проговаривала слова, будто заучила речь и хотела произнести ее, пока не забыла. – А когда увидела... как вы развлекаетесь на лужайке, поняла, что должна поговорить немедленно. Нед, я обратила внимание... мы с Максвеллом обратили внимание... что ты стал слишком уж... близок с Керри. Мы, конечно, рады, что вы с Керри так подружились, но думаю, что вам отныне не стоит так много времени проводить наедине. Я хочу быть рассудительной, но Керри сейчас достигла такого возраста, когда ей постоянно требуется компаньонка. Я ни минуты не сомневаюсь, что вы оба совсем дети, но... Господи, боюсь, мне не удастся хорошо это выразить, а я не хочу, чтобы ты меня неправильно понял. Поверь мне, дорогой, я тебе доверяю безоговорочно, уверена, что ты будешь вести себя как настоящий джентльмен, но знаю, что такое оказаться во власти искушения, и... пожалуй, Максвеллу нужно с тобой поговорить.

– В этом нет необходимости, – сказал я.

– Дорогой, не чувствуй себя таким оскорбленным! Я знаю, что сам ты никогда не совершишь ничего предосудительного, но люди могут подумать...

– Какая тебе разница, что думают люди? – спросил я, не успев придержать язык.

Она прикусила губу:

– Нед, зачем ты грубишь? – Она задала этот вопрос таким спокойным голосом, что мне стало стыдно. – Поверь мне, репутация Керри – репутация любой молоденькой девушки – вещь очень важная. Она может повлиять на всю ее будущую жизнь. Когда человек старше и когда он оказывается в затруднительных обстоятельствах, то может и отойти от принятых условностей, но для молоденькой девушки очень важно вести примерный образ жизни.

– Конечно, мама. Вот поэтому я и думаю, что тебя порадует новость, которую хочу тебе сообщить. Мы с Керри собираемся пожениться.

После моих слов наступила пауза. Мать лишилась дара речи, но меня это не удивило. Я полагал, что свахи никогда поначалу не верят, что их усилия увенчались успехом.

– Думаю, свадьба может состояться в декабре, – продолжил я, дав ей несколько секунд, чтобы прийти в себя, – после моего шестнадцатилетия. У Галахеров будет достаточно времени, чтобы собраться и приехать из Америки, а для тебя и для Керри – чтобы подготовиться к свадьбе. Кстати,

я решил перейти в католическую веру, поэтому хочу попросить отца Донала обвенчать нас в Клонарине.

Выражение лица моей матери показалось мне странным, и сердце мое упало. Ей явно не понравилось мое намерение стать католиком.

– А что такое? – настороженно спросил я, а потом меня осенило. – Ты, наверное, считаешь, что мы слишком молоды. Но если наш брак так или иначе предрешен, то почему бы нам не жениться раньше, чем позже?

– Предрешен?

– Не надо, мама, не думай, что я все еще пребываю в неведении относительно договоренности мистера Драммонда и мистера Галахера.

– Но... – Ей пришлось сесть. Она страшно побледнела. – Нет, это ничего не предрешало. Я имею в виду, не имело никаких последствий. Максвелл обещал только, что Керри поживет у нас какое-то время и научится быть леди. Он никогда не обещал, что ты женишься на Керри. Да и как это возможно? У мистера Галахера явно были надежды, но...

– Как и у мистера Драммонда, – прервал я. – Насколько я понимаю, тут не обошлось без денег.

Она побледнела еще сильнее:

– Я об этом ничего не знаю, но если и были какие-то договоренности, то Максвелл наверняка пошел на них, чтобы угодить мистера Галахера. Никто, кроме мистера Галахера, не мог обеспечить ему оправдание, и, конечно, мы оба хотели услужить ему. Но, Нед, неужели ты и в самом деле думаешь, я хотела, чтобы ты породнился с семьей вроде семьи Галахер? Естественно, я возражаю против твоей женитьбы, когда ты все еще ребенок, но и потом я вряд ли буду приветствовать твою женитьбу на Керри! Она на социальной лестнице гораздо ниже тебя, она так... так абсолютно не подходит, чтобы стать женой мужчины твоего положения в обществе! Знаю, не ее вина, что она происходит из такой вульгарной, низкопробной семьи, но...

– Ясно, – вновь перебил я. – Вы с мистером Драммондом готовы выкачивать из Галахеров деньги и влияние, а когда вы получаете то, что хотели, вы быстренько забываете о договоренности, выполнять которую у вас не было ни малейших намерений. Вы делаете это и при этом имеете невероятную наглость заявлять мне, что это Галахеры вульгарны и низкопробны!

– Нед! – Цвет вернулся на ее щеки, когда она вскочила на ноги. – Немедленно извинись! Как ты смеешь так дерзить?!

– Я думаю, это ты должна извиниться передо мной, – возразил я. – Ты мне лгала, скрывала от меня правду, позволяла своему любовнику

торговать мной, словно я предмет мебели...

Она отвесила мне две пощечины. Я замолчал. Кожа у меня горела, и я поднял руку, чтобы прикоснуться к ней пальцами. Когда снова посмотрел на мать, она дышала с трудом, словно после долгого бега, а глаза у нее стали совсем чужими.

В горле у меня образовался комок. Я отвернулся.

– Послушай меня, – сказала она дрожащим от ярости голосом. – Ты не женишься на ней ни сейчас, ни когда-либо в будущем. Я тебе это категорически запрещаю. И ты мне еще будешь благодарен за это. А пока тебе лучше всего будет уехать в школу. Я напишу Томасу и попрошу его немедленно устроить тебя в Харроу.

– Я никуда не уеду из Кашельмары.

– Ты будешь делать то, что тебе сказано! – Прежде чем я успел что-либо ответить, она распахнула дверь. – Максвелл!

Ее голос громко разнесся по коридору, прозвучал в закругленных стенах галереи.

Я сделал шаг, ударился о стол, сбросил на пол украшение.

– Мама, мне нечего сообщить мистеру Драммонду.

– Вернись в комнату!

В холле послышались шаги Драммонда.

– Сара, ты меня звала?

– Да, пожалуйста, поднимись – помоги мне.

Он побежал вверх по лестнице. Я вернулся в будуар, прежде чем он поднялся на галерею.

– Что случилось, детка?

– У меня ужасный разговор с Недом. Он, кажется, совсем сошел с ума. – Она понизила голос, но обрывки я все же слышал. – Во всем виновата эта ужасная девчонка... хочет жениться... нет, не потом – сейчас! Грубый, дерзкий и упрямый... я на пределе... прошу тебя, поговори с ним... нужен мужчина, кто-то, кто бы поговорил с ним, как отец...

Я с трудом сдерживался, чтобы не убежать через дверь в спальню моей матери. Но мне не хотелось выглядеть так, будто я испугался и убежал. И я остановился у кресла, вцепился руками в его высокую спинку.

Драммонд вошел в комнату. Он был одет, как джентльмен, в один из костюмов, которые заказал к приезду Галахера, а в кармане его бархатного жилета лежали часы, которые Драммонд выиграл в покер. Волосы он зачесывал назад, баки подравнивал и даже отрастил небольшие усы. Я попытался вспомнить уродливого, неухоженного, но веселого ирландца, который подбросил вверх свою шляпу и купил фиалки моей матери, но

память путалась, и в конце концов это воспоминание превратилось в далекий сон.

– Ну, Нед, – сказал он мне, улыбаясь и закрывая дверь, – твоя мать очень недовольна, тут ошибки быть не может. Что это за чепуха о женитьбе?

– Я не собираюсь обсуждать это с вами, – ответил я.

– И я тоже. – Он по-прежнему улыбался. – Но поскольку твоя мать отдала королевский приказ, у нас, кажется, нет выбора – только исполнять. Послушай меня, ты не должен ни в чем винить свою мать. Семья Галахер никогда не вызывала у нее симпатий, но еще важнее то, что она ничего не может с собой поделаться, – ведь ее воспитали в том дворце на Пятой авеню. Но если ты спросишь мое мнение, я тебе скажу: у тебя хороший вкус. Галахеры – отличная, счастливая семья, и девочек воспитывали правильно, а уж Керри – на нее любой посмотрит и откроет рот. Поэтому, как ты понимаешь, я не согласен с твоей матерью, когда она говорит, что ты не должен жениться на Керри. Напротив, я бы советовал тебе жениться на ней, когда тебе стукнет двадцать один, когда ты будешь сам себе хозяин, когда ты немного повидаешь мир и узнаешь то, что нужно узнать. Нед, только не женись до двадцати одного. Я женился и часто жалел об этом. Если тебе хватает ума учиться на ошибках других людей, то, думаю, твоя гордыня позволит тебе научиться и на моей ошибке.

Я ничего не ответил, а он, увидев, что я намерен хранить молчание, закурил сигарету, чтобы дать себе время подумать. Я вспомнил дни, когда эта уловка заставляла меня поверить ему. Теперь она казалась мне дешевым трюком.

– Нед, я не хочу ссориться с тобой, – признался он наконец. – Мы слишком давно дружим. Позволь мне предложить тебе компромисс, который устроит нас обоих лучше, чем ссора. Женись на Керри, но не сейчас. Отложи это на год.

– Я отказываюсь ждать, – ответил я.

– Ждать чего? Женитьбы? Или страждущей женщины и всех наслаждений, которые она может тебе дать?

Я отвернулся:

– Не вижу смысла обсуждать это и дальше.

– Нед, тебе нет нужды ждать этого. Жди свадьбы и жди Керри, но ждать всего остального нет нужды.

– Ничто другое меня не интересует. Если вы меня извините, то я...

– Ты так говоришь только из нежелания согласиться с тем, что любой совет, который я тебе дам, вероятно, будет наилучшим советом, какие ты

когда-либо получал! Брось, Нед. Повзрослей немного, будь честным перед самим собой!

Он стоял перед дверью, которая вела в коридор, поэтому я двинулся к двери, ведущей в спальню матери. Но он перехватил меня. Сжал толстыми, грубыми пальцами за руку и аккуратно прижал к стене.

– Не надо выходить из себя. – Драммонд продолжал говорить ровно, хотя я и знал, что он очень зол. – Ведь ты же совсем не так глуп. Я на твоей стороне и хочу тебе помочь. Послушай меня, за Клонарином живет женщина, некая миссис Костелло. Когда-то давно я к ней заходил. Для тебя она, конечно, слишком стара, но, говорят, ее племянница, которая живет с ней, становится сплошное гостеприимство, если увидит молодого человека, который ей понравится. Поедем со мной завтра в Клонарин, и я вас познакомлю.

Меня переполняло желание поскорее уйти.

– Да, сэр. – Я уставился в ковер.

Его пальцы на моей руке расслабились, он похлопал меня по спине:

– Я всегда знал, что ты умный парень. Рад, что ты меня понял.

Я улизнул. Бежал по коридору до самой своей комнаты и успел добежать до рукомошника. Меня вырвало. Понятия не имею, почему мне стало так плохо, но я сказал себе, что все из-за его желания подменить Керри проституткой, – это вызвало у меня отвращение.

И только позднее я признался себе, что очень боялся Драммонда, а когда признался себе в своем страхе, смог спросить себя: верю ли я все еще, что мой отец умер естественной смертью?

2

– Мы уходим, – сказал я сразу же после ланча на следующий день.

– Нед, твоя мать будет в ярости! Мы собирались начать новую вышивку!

– Забудь про мою мать. Ты идешь со мной.

– Куда?

– В домик. У меня есть фляжка с молоком и пять булочек с изюмом.

Пока мы спешили вверх по склону, я поведал ей о сцене с Драммондом. До этого я ей упомянул только о том, что моя мать возражает против нашей женитьбы в таком молодом возрасте.

– Это просто ужасно, в какую грязь залезают старики! – Она была в

ужасе. – Как так может быть: жениться тебе нельзя, а посещать продажную женщину – можно? Я никогда не думала, что мистер Драммонд такой порочный. У мамы и папы случился бы припадок, если бы они узнали.

– Ты так думаешь? Уверена? А может быть, твой отец просто сказал бы, что так уж устроен мир?

– Я начинаю понимать, в каком мире живет папа. Возможно, я уйду из него и стану монахиней. Знаешь, я ведь хотела стать монахиней, когда мне было десять.

Я остановился, чтобы показать ей, как она непригодна для монашеской жизни.

– Мы поженимся в мой день рождения, – сообщил я, когда она убедилась, что монастырь не для нее.

Теперь настала ее очередь пугаться.

– Нед, мистер Драммонд будет в ярости!

– Пусть с ним случится апоплексический удар – меня это мало трогает. Он мне не отец, а если попытается вести себя как отец, то я не позволю. Мне уже почти шестнадцать, и черт меня побери, если я позволю кому-то диктовать мне, как я должен жить.

– Ты такой смелый! – с восторгом воскликнула Керри.

Но я вовсе не был смел. Даже булочка не лезла мне в горло.

– Я напишу маме и папе, скажу, что я потеряла девственность, – предложила, задумчиво жуя, Керри. – Тогда им придется позволить тебе жениться на мне, правда?

– Ничего такого ты не сделаешь. Я женюсь на тебе со всеобщего разрешения и без ущерба твоей репутации. И все буду делать как полагается, и никто мне не помешает.

Я надеялся, что стану смелее после этих отважных заявлений, но, когда мы прокрались в Кашельмару в пять часов, сердце мое колотилось как бешеное, а руки стали такие липкие, что мне едва удалось открыть боковую дверь дома.

– Что теперь? – прошептала Керри.

– Пойдем в детскую. Ничего ужасного там не может случиться. И я обещал Джону помочь перестроить его ферму. Только я сначала поднимусь к себе и поменяю туфли. Те, что на мне, разваливаются, и носки промокли.

– А мне идти?

– Я приду к тебе в детскую.

Я неслышно поднялся по задней лестнице, пронесся, словно ветер, по всем коридорам, добрался до святилища моей комнаты. Облегченно вздохнув, нырнул внутрь.

– Добро пожаловать домой, – произнес Максвелл Драммонд.

Он стоял за дверью и, когда я развернулся, захлопнул ее, перекрывая мне путь к отступлению. В его внешности было что-то странное, но у меня ушло несколько секунд, чтобы понять, что он без пиджака. Его пиджак лежал на кровати, и он снял тяжелый кожаный ремень, который всегда носил со своей рабочей одеждой. Я поискал взглядом ремень, но не нашел его. И только когда снова посмотрел на Драммонда, увидел, что он держит ремень в правой руке.

– Где ты был? – спросил он тихим, спокойным голосом без всякого выражения.

– Гулял.

– С Керри? Твоя мать сказала, что и ее тоже не было.

– Да, я был с Керри.

– Мне казалось, что мы с тобой договорились о встрече.

– Вы ошиблись, – возразил я. – Я передумал. Извините, что не сообщил вам.

– Черт меня побери, если я хоть что-нибудь тебе прощу. Что ты сделал с девочкой?

Я смотрел на него с ужасом, понимая, что потерял дар речи.

– Господи Иисусе! – воскликнул он, раскалившись от злости добела. – Я должен был догадаться, каких можно ждать глупостей от такого избалованного ублюдка, как ты! Твоя беда в том, что мы с твоей матерью носились с тобой как с писаной торбой, тебе постоянно сходили с рук те штуки, что ты выкидывал, – другой ребенок уже сто раз был бы наказан. На сей раз ты зашел слишком далеко! Я тебе преподам урок, который ты не скоро забудешь.

Мне удалось проговорить:

– Я ничего плохого не сделал. Я к ней не прикоснулся. Я хочу, чтобы все было как полагается.

– Ты маленький лжец, – прорычал он и на самом гнусном языке описал мне, как я, по его мнению, провел день.

Что-то во мне хрустнуло. Комната закрутилась, перед глазами сгустился красный туман, и весь страх вдруг прошел. Я оттолкнулся от шкафа и бросился на Драммонда. Двигался так стремительно, что застал его врасплох, и вся моя копившаяся ненависть вылилась в удар кулаком ему по лицу. Он увернулся, но недостаточно быстро. Мой кулак задел его по касательной, и он отпрянул к двери. Я опять бросился на него и занес руку для удара. Я кричал на него, но едва ли понимал смысл своих выкриков. Я обзывал его по-всякому, короткими отвратительными саксонскими

ругательствами, я сказал ему, чтобы он убирался из моего дома. Но тут он схватил мое запястье, выгнул так, что я взвыл от боли, выкрутил руку, отчего я упал на колени, а в следующее мгновение я лежал на полу, обездвиженный, прижимаясь лицом к ковру. Он стащил с меня пиджак, – вероятно, я мог бы вырваться в тот момент, но он так держал меня за руку, что малейшее движение могло ее сломать.

– От-пус-ти!

Я попытался вывернуться, но он ухватил меня еще крепче, и на секунду у меня дыхание перехватило от боли. От ковра пахло пылью и влагой. Я поперхнулся. В глазах стояли слезы. Я заплакал еще до того, как он ударил меня, но я пытался сдерживаться – не хотел, чтобы он видел мои слезы.

Драммонд ударил меня девять раз. Он задрал на мне жилетку и рубашку, чтобы ремень попадал по коже. Закончив меня бить, поднялся, оттолкнул меня и сказал, что надеется, это послужит мне уроком. Драммонд заявил, что это только цветочки, а ягодки будут, если я еще хоть пальцем прикоснусь к Керри или хоть слово скажу кому-нибудь о моем непорядочном поведении. Он якобы был терпеливее со мной и покладистее, чем любой отец, и настало время, чтобы я понял это. И мне следует поскорее изменить поведение, если я не хочу, чтобы он и дальше преподавал мне уроки.

Он ушел.

Я сразу же встал. Знал, что для моего самоуважения важно, чтобы я не лежал на полу, рыдая, как ребенок в детской. Я разделся, попытался обмыть ссадины холодной водой из кувшина, потом взял свежую одежду и аккуратно оделся. Мне нужно было надеть свой лучший костюм, но он был мне уже мал, и, когда я поднял руку, чтобы причесаться, материал впился в мои горящие плечи, словно тяжелые доспехи.

Боль была такая сильная, что я даже подумал, не сломана ли у меня рука, но я мог шевелить пальцами, так что серьезное повреждение кости казалось маловероятным.

Чтобы не начать жалеть себя, я поспешил вниз по лестнице и отправился прямо в библиотеку.

Драммонд удобно сидел в кресле, положив ноги на большой стол у окна. У его локтя стоял стакан виски, он курил большую сигару Финеса Галахера.

– А, это ты? – сказал он жестким голосом, демонстрируя мне, что быстро приходит в себя. – Ты, вероятно, пришел извиняться?

– Нет, мистер Драммонд, – ответил я, более, чем прежде, исполненный

решимости получить то, что мне нужно. – Я пришел не извиняться. Я пришел предложить вам карты, которые устроят нас обоих.

Глава 6

1

Он рассмеялся:

– Вот уж никогда не думал, что эти слова будут направлены против меня. – Драммонд стряхнул пепел с сигары и показал на одно из кресел у камина. – Садись и сдавай свои карты со всеми удобствами!

Когда я не сдвинулся с места, он пожал плечами, встал и беззаботно оперся о краешек стола. Драммонд все еще курил свою большую сигару.

– Может, тебе лучше сначала остыть? – предложил он. – Приходи завтра утром со своим предложением. Мне все равно.

Я по-прежнему молчал.

– Правда, Нед, мне очень жаль, что ты ведешь себя как ребенок. Обиделся вот на меня. Ты должен принять как честь то, что я отношусь к тебе как к собственному сыну.

– Вы не очень хорошо относились к собственным сыновьям, – отрезал я. – А теперь, если вы дали себе достаточно время для размышлений, мы, пожалуй, можем начать. Прежде всего есть определенные факты, которые вы должны понять. Факт первый: Керри – девственница. Факт второй: я не лжец и вы не имеете права называть меня лжецом. Факт третий: я женюсь на Керри в мой день рождения, пятого декабря, и вы убедите мою мать дать мне безусловное разрешение. Я ясно выразился?

Он издевательски рассмеялся.

– Ты сдал мне карты, которые устраивают тебя! – изумленно сказал он. – Но почему это должно устроить меня?

– Вы хотите и дальше жить здесь и притворяться джентльменом?

Смех исчез из его глаз. Признав в оскорблении вызов, как я это и хотел, он решил отнестись к нему серьезно.

– Я хороший управляющий, – напрямик напомнил он. – И это не притворство.

– Верно. Это не просто притворство. Это ложь. С разрешения моей матери вы уже некоторое время засовываете руку в мой карман, и если я захочу, то обращусь в Канцлерский суд, чтобы они лишили мать права попечительства. И тогда мои дяди уволят вас.

– Валяй! – бросил он. – Мой старый дом отстроен, и ты не вправе

распоряжаться им по своему желанию. Я перееду туда и буду жить не тужить. Я всегда был хорошим фермером, и нет никаких оснований сомневаться, что твоя мать переедет туда со мной. Я позабочусь, чтобы ей было удобно, и она будет рядом с Кашельмарой и сможет каждый день видеть детей.

Теперь было понятно, как он выиграл в покер часы. Меня охватила паника, но я изо всех сил держал себя в руках.

– Послушайте, мистер Драммонд, – рассудительно заговорил я, – вы прекрасно знаете, что моя мать настолько не унизит ни себя, ни детей. Ее нынешнее унижение и без того достаточно тяжело. Если вы будете опозорены, она оставит вас.

– А вот тут ты ошибаешься. – Драммонд наконец улыбнулся. – Она меня никогда не оставит.

Ужас состоял в том, что я знал: он прав. Я смотрел на него, моя спина горела от побоев, ссадина на руке пульсировала. К своему ужасу, я вдруг обнаружил, что мне больше нечего сказать.

Он отошел от стола, словно давая понять, что разговор закончен.

– И потом, ни один судья не лишит ее попечительских прав, – заявил он, небрежно попыхивая сигарой и отмахиваясь от моих угроз. – Признаю, она была щедра со мной, но не потратила ни пенса против закона. Понимаешь, твоя мать знает, как вести бухгалтерские книги, и можешь не сомневаться: никто не сможет доказать, что она виновата в плохом управлении.

Поражение смотрело мне в лицо, но я отказывался видеть его. Никогда в жизни я так не хотел одержать победу, и неожиданно безмерность моего отчаяния столкнула меня в такую бездну ненависти, что у меня не осталось никаких эмоций, даже страха. Одна мысль, поначалу не более чем зернышко наития, но вскоре выросшее в огромную волнующуюся тучу абсолютной уверенности, обуяла меня, и мне вдруг стало казаться, что моя голова расколется от этой мучительной мысли.

Я услышал собственный сдержанный голос:

– Возможно, вы правы. Возможно, мне не доказать, что моя мать виновата в плохом управлении. Но думаю, мне удастся доказать, что она виновна в убийстве.

Сигара выпала из его пальцев. Он походя загасил ее о стол и повернулся ко мне. Над камином тихо потикивали часы-автоматон, отсчитывая время до того момента, когда я заговорил снова.

– Мы, конечно, оба знаем, что моя мать не убийца, но она приходила к отцу как раз перед тем, как ему стало плохо, и, если бы обнаружилось, что

отец умер не от болезни печени, ее положение стало бы крайне затруднительным.

Драммонд ровным, твердым голосом ответил:

– Твой отец умер от пьянства. Никакого убийства не было. Он умер естественной смертью.

– Я рад, что вы в этом уверены. В таком случае вы не будете возражать, если я напишу Государственному секретарю в Дублин и попрошу эксгумировать тело моего отца для проведения вскрытия.

Драммонд растер сигару в порошок о поднос, взял бутылку виски.

– Ты сошел с ума. – Он не глядел на меня. – Не будь ты таким идиотом.

– Вы все очень хорошо устроили. Поначалу я думал, поездка матери в Клонах-корт – случайность; она поехала туда, а вы ничего об этом не знали. Теперь же понимаю, что это никакая не случайность. Вы отпустили ее, чтобы она послужила для вас щитом. Вы понимали, что, если потом возникнут какие-то подозрения, семья постарается все прикрыть, чтобы защитить ее. Это был умный блеф, вполне достойный вашего таланта любителя покера, но теперь с этим покончено, потому что я собираюсь назвать вещи своими именами и вывести вас на чистую воду.

– Ты не сделаешь ничего, что может повредить твоей матери, – проговорил он, наливая себе еще виски.

– В обычных обстоятельствах не сделал бы. Но сейчас обстоятельства необычные, мистер Драммонд. Если мне приходится выбирать между моей матерью и Керри, я выбираю Керри. – (Он ничего не ответил.) – И я делаю этот выбор сейчас. Добейтесь разрешения моей матери на свадьбу – и я оставлю вас и ее в покое. Встанете на моем пути – и через месяц будете давать показания коронеру в присутствии присяжных. Вам решать.

Он одним глотком выпил виски. Пока Драммонд обдумывал ситуацию, я счел благоразумным добавить:

– Я уже отправил письмо мистеру Ратбону в Лондон и вложил в него второе письмо. Оно будет вскрыто только в случае моей смерти. Полагаю, это разумно – оставить мои подозрения на бумаге и написать требование провести вскрытие. Уверен, что в сложившихся обстоятельствах вы понимаете, почему я так поступил.

Я закончил. Он хранил молчание. Его стакан опустел, сигара лежала искалеченной горкой, лицо оставалось непроницаемо-спокойным.

– Так вы мне поможете, мистер Драммонд? – спросил я.

Он обошел стол и сел. Двигался медленно, словно испытал облегчение, освободив ноги от тяжести. Наконец проворчал, не глядя на меня:

– Пусть так. Я умываю руки. Я пытался помешать тебе сделать ошибку, которая искалечит твою жизнь, но, если ты не желаешь слушать, я бессилён. Женись на этой девочке, только потом не приходи ко мне с сетованиями, что я приложил слишком мало усилий, чтобы помешать тебе быть таким идиотом.

– Жду согласия моей матери в течение двадцати четырех часов.

– Поговорю с ней сегодня вечером.

Все. Я сделал это. Поставил его на колени.

– Отлично. Доброй ночи, мистер Драммонд, – коротко попрощался я и поспешил наверх со всех ног, чтобы написать конфиденциальное письмо мистеру Ратбону.

2

– Но, Нед, – пробормотала сквозь слезы моя мать, – как ты можешь думать такое о Максвелле, который столько сделал для тебя? И как ты можешь угрожать мне, будто и не любишь меня больше?

– Я тебя люблю, – возразил я. – Но я люблю и Керри.

– Как ты можешь ее любить? Ты слишком юн, чтобы понимать, что значит это слово! Послушай меня, Нед, забудь о том, что я говорила тебе вчера о репутации Керри. Лучше уж пусть у нее будет плохая репутация, чем жениться сейчас, когда тебе всего шестнадцать.

– Нет, Сара! – запротестовал Драммонд. – Как мне потом смотреть в лицо Галахеру, если я буду стоять в стороне и допущу такое?

– Да с какой стати я должна волноваться из-за Галахера?! – воскликнула она. – Я жалею, что мы вообще с ними встретились!

– Если бы не они, мы бы до сих пор жили в Америке. Сара, дорогая, будь благоразумна.

– Я отказываюсь давать разрешение. Я его не дам никогда!

– Сара, ты ослепла? Взгляни на все здраво. Ты же не можешь желать позора и скандала вскрытия? Разве твои дети не получили уже всего этого с лихвой?

– Патрик умер естественной смертью, – упрямылась мать. – Это все твердили: «Он допился до смерти». Маделин так говорила. Разве нет? И доктор Кагилл с ней согласился.

– Да, согласился.

– Тогда почему Нед говорит о вскрытии?

Наступило молчание. Мать снова принялась плакать. Спустя какое-то время Драммонд произнес:

– Позволь ему жениться, Сара.

Моя мать хотела что-то возразить, но не смогла. Подозреваю, она наконец поняла, что сказать ей нечего.

– Пусть поступает как хочет. – Драммонд все еще пытался облегчить для нее согласие. – Когда он со временем устанет от нее, у него, по крайней мере, будут деньги освободиться и начать заново.

– Католики не признают развода, – напомнила мать и зарыдала еще сильнее, но я знал, что плачет она не из-за моего желания перейти в католичество.

Драммонд предпочел сделать вид, что именно из-за этого.

– Его тяготение к католичеству связано с его чувством к Керри, неужели ты не понимаешь? Он расстанется с католичеством, когда уйдет от нее. Это же не конец света. Дай ему разрешение, пусть учится на своих ошибках. Иногда нужно позволять детям совершать ошибки, так что позволь ему, Сара; ты ничего не добьешься, цепляясь за него. Согласись на брак, дай свое благословение и прими Керри как невестку.

– Не могу! – сквозь рыдания стенала мать, забывая в своем отчаянии, что у нее нет выбора. – Ничем не примечательная, толстенная простушка...

– Сара, Сара... – Он провел рукой по ее губам, словно стирая произнесенные слова, наклонился над ней. – Не говори больше ничего. По крайней мере, в присутствии Неда. Прощу тебя. Ради самой себя.

Только теперь она последовала его совету и придержала язык. Но когда мы встретились позднее, мать, казалось, примирилась с ситуацией и даже извинилась за свои грубые слова.

– Я лишь хотела, чтобы тебе было лучше, – заявила она, пытаясь улыбнуться. – И хотя все еще не могу сделать вид, будто рада твоей свадьбе в таком юном возрасте, но все же Максвелл прав, и лучше мне согласиться.

Я принял ее намек и поблагодарил за понимание.

Она посмотрела на меня с облегчением:

– Пожалуйста, прости меня, дорогой, за то, что я так разволновалась, меня это сильно потрясло, в этом все дело, – потрясло, что ты так серьезно относишься к Керри.

Я понимал игру, в которую мы играли в тот момент. Нужно делать вид, будто она согласилась на мою женитьбу по собственной воле, вопреки здравому смыслу. Возможно, ей даже удалось убедить себя, что Драммонд – невинная овечка и они оба возражают против вскрытия только

потому, что не хотят скандала.

– На самом деле я вовсе не думаю того, что наговорила о Керри, – добавила она, спотыкаясь о явную ложь. – Я искренне надеюсь, что вы будете счастливы.

– Спасибо, мама, – поблагодарил я, стараясь не сердиться на нее, и покорно подставил щеку для поцелуя.

В Бостон и Лондон были отправлены телеграммы, в Клонарин послали письмо, и через час на дорожке появилась моя тетушка Маделин на двуколке с пони и потребовала встречи с моей матерью. Мама запаниковала, вызвала меня с урока, и, когда я пришел в гостиную, она чуть ли не в обмороке лежала на диване, а тетя Маделин, неумолимая в своем синем одеянии, стояла перед камином.

– Эдвард, – заявила тетушка, – немедленно скажи мне правду. Поспешный брак в шестнадцать лет наводит меня только на одну мысль о том, что произошло между тобой и Керри. Пожалуйста, наведи меня на другую.

– Конечно, тетя Маделин. Я решил перейти в католичество и не имею ни малейших намерений поставить под угрозу мою бессмертную душу, совершив смертный грех. Я придерживаюсь твердого мнения относительно прелюбодеяния.

– Очень утешительно, – похвалила тетя Маделин. – Ты получаешь наставления от отца Донала? Да? Я этого опасалась. Не хочу показаться недоброжелательной, но этот бедняга плохо образован и вряд ли способен верно наставить тебя, прежде чем ты будешь принят в Церковь. Например, он, кажется, забыл упомянуть тебе о важности в определенных обстоятельствах самоограничения и воздержания. Мой дорогой мальчик, никто так не счастлив, как я, что Господь даровал тебе духовное просветление и избавил тебя от нравственной порчи, но брак в шестнадцать лет совершенно исключается.

– Маделин, я ему это сто раз объясняла, – пробормотала сквозь слезы мать. – Но он меня не слушает.

– Ничего удивительного, – холодно отрезала тетя Маделин. – В том, что он стал неуправляемым, тебе некого винить, кроме самой себя, Сара. Какой пример он видел перед собой все эти последние годы? Какое уважение он может испытывать к тебе? Ох, будет у тебя много бед, Сара, с твоими детьми, и это лишь начало. Однако не думаю, что грехи родителей должны иметь влияние на детей, и если Нед настолько неконтролируем, что у тебя нет иного выбора, как только согласиться на его брак, то я, конечно, не буду винить в этом его. Ответственность за катастрофу несешь одна

лишь ты, Сара, и можешь передать Этому Человеку мои слова. До свидания.

Когда неделю спустя в Кашельмаре появились мои дяди, мать тут же удалилась к себе, сославшись на мигрень, и мне пришлось одному защищаться от их неодобрения.

– Я хочу знать правду, – с очень мрачным видом сказал дядя Томас.

– Хорошо. Я собираюсь жениться, и моя мать дала мне разрешение.

– Я хочу знать всю правду!

– Нед, – осторожно заметил дядя Дэвид, – я помню, что влюбился, когда мне было шестнадцать, но с тех пор я влюблялся еще раз шесть, и только теперь, когда мне двадцать семь, я наконец встретил девушку, которая сделает меня счастливым, – я в этом не сомневаюсь.

– Дэвид, бесполезно говорить ему, что жениться в шестнадцать – безумие, – заявил дядя Томас. – Мы с тобой это знаем, но Неду пока этого не понять, поэтому мы в тупике.

– Но в чем-то мы ведь можем его убедить! – воскликнул дядя Дэвид. – Постой, полагаю, Маделин говорила об этом с религиозной точки зрения, так что убеждения с этой стороны бесполезны. И вообще, ничего предосудительного в желании жениться нет, верно? Поэтому-то у нас и такой трудный разговор.

– Вот что я хочу знать, – упрямо продолжал настаивать дядя Томас. – Почему Сара согласилась на этот брак, который она никак не могла одобрить.

Дядя Дэвид предположил, что она восприняла с облегчением тот факт, что я хочу вести свою личную жизнь в рамках нравственности.

– Причина в этом? – уточнил у меня дядя Томас, не веря ни на секунду в это предположение.

– Не могу отвечать за маму, – вежливо сказал я.

– Хорошо, тогда мы зададим вопрос, на который ты можешь ответить. Скажем прямо, у этой проблемы сексуальные корни. У тебя был сексуальный опыт?

– Ах, Томас! – воскликнул дядя Дэвид.

– Да бога ради, Дэвид, не можем же мы все принимать твой взгляд на целомудрие! Я тебя слушаю, Нед.

– Если вы спрашиваете, беременна ли Керри, я отвечаю – нет, не беременна. А если вы предлагаете мне подождать Керри, а пока воспользоваться услугами другой женщины, то прошу вас не беспокоиться. Я уже принял решение не делать этого.

– Ничего лучше ты бы не мог для себя выбрать! – Дядя Томас злился

все больше и больше. – Если бы у тебя был подходящий выход для сексуальных позывов, думаю, ты бы вскоре образумился и трезво оценил бы свою дружбу с Керри. Задавленная сексуальность, на мой взгляд, причина большинства мировых проблем. Я недавно прочел весьма любопытную книгу...

– Мой дорогой Томас, – оборвал его дядя Дэвид, который разозлился не меньше брата, – сейчас не время разбирать порнографическую литературу.

– Это была медицинская книга! Бога ради, Дэвид, да спустись ты на землю! Какое из двух зол меньшее? Ошибка, в которой Нед будет раскаиваться всю жизнь, или ночь, о которой он забудет через год?

– Есть и другие варианты! – горячо возразил дядя Дэвид. – Неду нужно уехать – в большое путешествие по Континенту. Да я сам мог бы с ним поехать! Я бы не хотел слишком надолго оставлять Гарриет, но...

– Дядя Дэвид, это очень любезно с вашей стороны, но я тоже не хочу оставлять Керри.

– Я отказываюсь позволять тебе жениться на этой девочке, – объявил дядя Томас.

Я воздержался и не стал напоминать ему, что мне его разрешения не требуется.

– Томас, мы должны обсудить все с Сарой, – предложил дядя Дэвид. – Говорить с Недом без толку. Он не будет нас слушать.

– Сара! Взывать к разуму Сары бесполезно! Мы знаем это уже не один год. Черт побери, если она не воспрепятствует этому браку, то я обращусь в суд, чтобы ему назначили попечителя.

– Исключено! – категорически заявил дядя Дэвид, опережая меня. – Хватит трепать имя нашей семьи в судебных скандалах. Томас, мне кажется, я должен призвать тебя к здравомыслию. Очевидно, что Нед решил жениться, и даже если суд назначит ему опекуна, ничто не помешает ему сбежать в Шотландию и жениться без чьего-либо разрешения в Гретна-Грин.

– Прекрасно! – воскликнул дядя Томас, сильно возбудившийся к этому времени. – Признаю свое поражение! Но если бы судьба Неда беспокоила тебя так же, как меня, ты бы горой встал против этого идиотского брака!

– Дядя Томас, вы высказали свою точку зрения. Я вам благодарен за заботу, как и дяде Дэвиду за то, что он выступает против любых действий, которые привели бы к новому скандалу. Надеюсь, вы оба приедете ко мне на свадьбу пятого декабря.

– Ты юный идиот, – проворчал дядя Томас. – Думаешь, тебя ждет

блаженство до самой могилы? Это глупо.

– Послушайте, дядя Томас, – терпеливо объяснил я, – неужели вы полагаете, что кто-то здесь верит, будто брак гарантирует счастливую жизнь до гробовой доски?

Но дядя Томас был слишком расстроен и не ответил, а дядя Дэвид заявил, мол, прискорбно, когда молодой человек моего возраста настолько циничен.

3

– Лучше бы ты подождал, дорогой, – посетовала Нэнни. – Жениться – это тебе не воды напиться.

– Хватит! – отрезал я.

– Не знаю, что думает твоя мать, разрешая тебе это.

Я промолчал.

– Ты изменился, – пробормотала она и вдруг перестала быть Нэнни, а превратилась в неуверенную маленькую женщину средних лет, спрятавшуюся от мира за стенами детской.

– Я все такой же, Нэнни, – возразил я, целуя ее, но понимал – она права. – Не знаю, почему все твердят, что я слишком молодой, – сказал я позднее Керри. – Иногда я чувствую, что мне не меньше тридцати. Да я даже не помню, что такое быть ребенком. Детство – оно где-то далеко.

Детство и правда казалось далеким, когда я смотрел в зеркало. Я к этому времени вырос до шести футов и одного дюйма, и плечи у меня достигли соответственной ширины. Я все еще оставался слишком тощим, но, по крайней мере, глядя в зеркало, не напоминал себе фонарный столб. Кожа у меня очистилась. Волосы, имевшие все еще грязноватый цвет, теперь радовали глаз, образуя густые баки, и я питал надежду, что даже и цвет их со временем улучшится. Я не был таким красивым, как мой отец, и, вероятно, никогда не стану, но, по крайней мере, выглядел неплохо.

– Я чувствую себя такой же взрослой, как и ты, – призналась Керри и добавила, вздохнув: – Видимо, вдали от дома растешь быстрее.

– Ты уверена, что не хочешь венчаться в Бостоне? – Я все время волновался, не тоскует ли она по дому.

– Нет, если мама с папой и сестренки приедут, то я бы предпочла ирландскую свадьбу в Кашельмаре. Ведь здесь будет мой дом, правда? К тому же если я выйду замуж в имении, то все в долине познакомятся со

мной, когда присоединятся к празднику.

Эта точка зрения, к несчастью, вызвала новые споры с моей матерью, которая настаивала, что список гостей должен быть ограничен близкими родственниками и местными джентри.

– Почему такие ограничения? – удивился я. – Зачем замалчивать нашу свадьбу, будто ты ее стыдишься? У Керри будет наилучшая свадьба, какой может желать девушка.

Мать больше не стала возражать против гостей, но тут же возразила против празднования свадьбы в Клонарине.

– Куда как пристойнее праздновать в Голуэе, – объяснила она.

– Я хочу, чтобы обряд совершил отец Донал.

Мне нравился отец Донал, который считал самым естественным делом в мире мое желание стать католиком и говорил мне о моей новой вере именно то, что я хотел услышать. Тетя Маделин постоянно твердила о догмате – навевала такую скуку, что я чуть не плакал, а отец Донал рассказывал о литургическом годовом цикле, различных видах мессы и даже составил для меня список правил, чтобы я знал, когда полагается зажигать свечу, когда читать новенны, когда коленопреклоняться. Лучшее в католицизме (несмотря на его пышную мистику, цветастость и помпезность) – это его практичность, насыщенность правилами применительно не только к каждому религиозному положению, но и к повседневной жизни. Мне нравилась идея правил, которым ты должен подчиняться, – вероятно, из-за того, что я так долго жил беспорядочной жизнью, но независимо от причины мне были близки принципы католической церкви, и я только огорчился, что не открыл их раньше.

Первое причастие я принял шестнадцатого ноября, и, хотя пригласил на него мать, она отказалась прийти.

– Я буду на твоём венчании, – заявила она, – но в остальных случаях с моей стороны было бы некорректно заходить в любую церковь, будь то протестантская или католическая. Я бы чувствовала себя лицемеркой, а мне не хочется лишний раз думать о том, что я отлучила Максвелла от его церкви.

Драммонд никогда не беседовал со мной о религии прежде, не говорил и сейчас. Он был слишком занят подготовкой к приезду Галахеров, а мать снова учинила кавардак в доме – принялась переоборудовать часть чердака под гостевые комнаты. Те гостевые комнаты, что находились в западном крыле, теперь отвели мне и Керри, и мы с удовольствием вытаскивали оттуда уродливую мебель и отдавали распоряжение содрать со стен жуткие обои. После этого началось самое интересное. Самую большую комнату,

которую мы решили превратить в спальню, покрасили в цвет нарциссов, а гостиную – в белый и в зелень изумрудного оттенка. Мне очень понравилось. Потом заказали кровать с четырьмя столбиками, а Керри набросала эскиз муслиновых занавесей – белых с красными шишечками. В спальне имелась ниша, идеально подходящая для молельни, а вскоре мы уже проводили счастливые часы за каталогом дублинского магазина, специализирующегося на религиозных принадлежностях. Мы заказали серебряное распятие, а потом большую статую Мадонны с Младенцем и репродукцию в позолоченной раме картины Холмана Ханта «Свет мира», которая показалась мне великолепной, лучше любых пыльных классических картин. Нам понравилась статуя. На Мадонне был традиционный голубой покров, и Она выглядела пухленькой и счастливой, как Керри, а Младенец Христос был такой радостный и явно с характером. И наконец, в качестве последних штрихов мы купили алое алтарное облачение, украшенное фигурой святого Патрика. Керри приобрела две толстые сиреневые свечи, распространявшие при горении великолепный аромат, а еще мы заказали шесть комплектов четок.

– Потому что я свои всегда теряю, – объяснила Керри. – И ты наверняка тоже будешь.

Я не помнил, когда мне было так хорошо.

– Странно, Нед, насколько твой вкус отличается от моего. Наверное, это влияние Керри, – вот все, что сказала мне мать.

Я понять не мог, почему она не может допустить, что у меня есть собственное мнение, но мне было все равно. Я уже не обращал внимания на ее слова – просто наслаждался жизнью.

О Драммонде я не думал. Встречаясь, мы обменивались вежливыми словами, но я тут же забывал о нем, когда он исчезал с моих глаз. Я решил подумать о нем позднее, после свадьбы, а пока праздновал мою великую победу над ним, и меня заботило только одно: я хотел хорошо проводить время.

– Нед, что ты будешь делать, когда вырастешь? – спросил у меня как-то Джон.

– Я уже вырос! – со смехом ответил я. – И пока я ничего не собираюсь делать, только наслаждаться жизнью!

– Я тоже буду наслаждаться жизнью, – уверенно заявил Джон. – Я решил навсегда остаться в Кашельмаре и приглядывать за садом. Мистер Уотсон сказал маме, что он больше ничему меня не может научить, а это означает, что я тоже вырос, правда? Тебя он уже не учит, и ты говоришь, что вырос. Наверно, когда наставник уезжает, это означает, что ты вырос.

– Когда тебе будет столько, сколько мне, тогда ты сможешь сказать, что по-настоящему вырос.

– Почему? Читать я уже умею. Хочешь, тебе прочитаю? Я могу прочесть тебе «Золушку».

– Ты ее можешь читать только потому, что выучил наизусть, – жестоко возразила Джейн. Ей уже исполнилось семь, и она по-прежнему нянчилась с Озимандией и рисовала акварелью. Еще она вела дневник, как и моя мать, и хвасталась, что записывает имена всех, кто ее обидел, чтобы Господь в день Страшного суда смог воспользоваться ее списком. – И что такого особенного в том, чтобы быть садовником? – презрительно добавила она. – Я, когда вырасту, стану доктором – буду зверьков лечить. Или буду рисовать картинки, и люди назовут их гениальными. А может, буду и то и другое.

– Джейн, ты такая необычная! – воскликнула Элеонора. – Что скажет твой муж?

– У меня не будет мужа, – ответила Джейн. – Думаю, муж мне не понадобится. Я найду какого-нибудь хорошего человека, вроде мистера Драммонда, он будет мыть мне кисти и помогать готовить кошачью еду.

– А у меня муж будет, – твердо заявила Элеонора. – Только я выйду замуж не в шестнадцать лет, как Нед, потому что все говорят, что это неподобающе. У меня будет дом за городом и дом в Лондоне, так что доход моего мужа должен быть не меньше десяти тысяч в год, потому что жизнь в Лондоне требует больших денег, а мне понадобится собственная карета, чтобы наносить визиты. Может быть, у нас будет дом и в Шотландии. У всех лучших людей есть дома в Шотландии, и у меня будет большой круг самых дорогих друзей, которые при подготовке к приемам будут говорить: «Ой, нужно пригласить Элеонору, иначе вечер провалится». Для нас будут открыты все лучшие дома, а каждый вторник я буду устраивать вечер и надевать темно-синее платье со страусиными перьями, и все политики будут приезжать, чтобы обсудить со мной насущные вопросы.

– Десять тысяч в год – это неплохо, – со смехом сказал я, – но все остальное скучновато.

Я понятия не имел, каким будет мой ежегодный доход, но очень хорошо знал, что с удовольствием трачу деньги. Я заказывал шампанское ящиками и огромные запасы еды для наших гостей. Раздал подарки всем моим слугам, подарил большую сумму Клонаринской церкви, чтобы отец Донал мог построить часовню Богородицы. Мать предупреждала меня, что я должен экономить, но я не обращал на нее внимания. Я делал только то, что мне нравилось.

Свадебное платье Керри было готово. Портные закончили мои новые костюмы. Кашельмара гудела, как громадный улей, и я уже представлял себе, как она расходится по швам от веселья.

Приехали Галахеры.

– Мама в ужасном состоянии, – по секрету сообщила мне Керри. – Она не осмелилась высказать папе, но зла на него за то, что он не сообщил ей раньше про твою маму и мистера Драммонда. Она даже спросила меня, в самом ли деле я хочу выходить за тебя, и сказала, что еще есть время отказаться. Бедняжка-мама! Как печально видеть, что все эти люди беспокоятся о нас!

В те дни я реже видел Керри: мы оба слишком много времени уделяли своим семьям, гостям и свадьбе. Я уже давно смирился с необходимостью ждать, когда понял, что мы вскоре поженимся, но смирение в теории гораздо легче, чем на практике, и если я оставался с ней наедине, то становился раздражительным и напряженным. Я попытался все ей объяснить, чтобы у нас не возникло недопонимания, но для нас обоих это было нелегко. К декабрю мы уже не знали, как прожить последние пять дней до свадьбы.

Мистер Галахер обладал блестящим чувством юмора, он привез нескольких родственников из Америки, а вскоре приехали и еще – из графства Уиклоу. Для всех них места в Кашельмаре не хватало, но родственники Драммонда из О’Мэлли проявили гостеприимство, так что проблему вскоре решили. У Элеоноры и Джейн появились подружки, с которыми они теперь могли играть. Но Элеонора страдала застенчивостью, она предпочитала читать в своей комнате, а Джейн, непривычная к обществу ровесниц, считала гостей младенцами. Что думала обо всем этом моя мать, могу только догадываться. Принимать родственников Галахеров ей было совсем не по сердцу, но она скрывала свои чувства. Я решил, что благодарить за это нужно Драммонда.

Я пригласил на свадьбу сыновей Драммонда, и, к моему удивлению, они оба приняли приглашение. Я с радостью снова увидел Дениса, у нас состоялась волнительная встреча, но я не мог понять своего отношения к молодому Максвеллу. Он был не похож на отца, но в то же время больше напоминал его, чем Денис. Максвелл был воспитан, правильно говорил, но в нем чувствовалась какая-то жесткость, так мне знакомая, а гордыня делала его обидчивым.

– Твой отец будет рад тебя видеть, – сказал я.

– Сомневаюсь, – ответил он, – нам не о чем говорить. Я вернулся, чтобы выразить вам почтение, лорд де Салис, и показать, что у меня нет

никаких недобрых чувств. Насколько я знаю, вы подружились с моим братом, когда он был здесь.

Я попросил его называть меня по имени, как это делал Денис, но он отказался. Несмотря на все его усилия казаться дружелюбным, он предпочитал держаться от меня подальше, пока не узнал меня лучше.

– Ты не думаешь вернуться когда-нибудь жить в долину? – поинтересовался я.

– Не при жизни моего отца. Сейчас же я предпочитаю оставаться клерком в Дублине.

– Разве не лучше быть самому себе хозяином, обрабатывать собственную землю?

– Лучше. И когда-нибудь, когда мой отец умрет, именно этим я и займусь.

– Ты не очень-то любишь отца.

– А с чего мне его любить? Разве он нас любил? Он болтать любил, корчил из себя ирландского героя, а в конечном счете превратился в преступника, бросил жену и детей без гроша. Я остался единственной опорой матери и сестер на многие годы, потому знаю, о чем говорю. Он лишил нас дома и разбил сердце матери, вынудил меня заниматься этой треклятой работой в городе, где я весь день сижу в душной комнате перед толстенными книгами и столбцами цифр. Потом он возвращается из Америки, живет на деньги богатой женщины – вы уж меня извините – и имеет нахальство посылать нам время от времени немного ваших денег. Поверьте мне, лорд де Салис, я его никогда не прощу. Никогда! Думаю, ему хватит ума не просить меня об этом, пока я здесь.

Хватает ли Драммонду ума, сказать было невозможно, но вскоре я заметил, что он снова ищет дружбы со мной, а это, в свою очередь, означало, что успеха с сыновьями ему добиться не удалось. К счастью, я был очень занят – до свадьбы оставались считанные дни, – а потому у меня имелось множество предлогов, чтобы отделяться от него.

За день до свадьбы из Англии с неохотой приехали мои дяди и, к своему ужасу, обнаружили, что Кашельмара превратилась в ирландско-американскую колонию, а моя мать имеет на руках кучу неоплаченных счетов, свидетельствующих о моей расточительности.

– Но все эти расходы – они оправданны? – уточнил дядя Томас, заранее зная ответ.

– Я не хотела портить Неду удовольствие, – пробормотала мать, стараясь казаться храброй, но мои дяди по-прежнему неодобрительно смотрели на нее.

– Надеюсь, что по крайней мере хотя бы часть гостей окажутся достойными людьми, – неуверенно заметил мне дядя Дэвид.

– Нет, конечно, – ответил я. – Я не хотел приглашать всех тех снобов, которые унижали мою мать в прошлом. Но будет много народу, желающих нам добра, а что может быть важнее? Это будет самая шикарная свадьба, которую когда-либо видела долина.

Так оно и случилось. Рассвет дня свадьбы был мягким и ясным, гости облачились в лучшие одежды, и к дверям стали подъезжать нанятые экипажи. Пришли мои друзья. Я каждому из них по такому случаю дал по лошади, а когда запрыгнул в седло моего великолепного черного жеребца и оглянулся, то увидел, что все потянулись за мной: Шон и Пэдди Джойсы, Данни О’Флаерти, Лайам Костелло, Шеймас, Брайан и Джерри О’Мэлли, Денис Драммонд и его брат Макс. Раздавались громкие крики, слышался смех. Сияло солнце, и Кашельмара, ветхая, но безмятежная, казалось, улыбается мне в прозрачном зимнем свете.

К этому времени я опьянел от возбуждения, а когда проехал через большие ворота, моя радость еще усилилась. Все мои арендаторы встречали меня. На каждом ярде по пути в Клонарин приветственные крики звучали в моих ушах. Клянусь, не было еще на земле человека счастливее меня в то утро, когда я вошел в церковь, чтобы обвенчаться с моей ирландско-американской невестой.

Глава 7

1

Считается, что мужчина чувствует себя на свадьбе не в своей тарелке, но я каждую минуту свадьбы испытывал наслаждение. Мне нравилось скопление людей и восторг, яркие платья на женщинах, хвойные венки в церкви, колеблющиеся язычки пламени свечей и продолжительные изящные текучие звуки мелодии, пронзающие свадебную мессу. Я впитывал окружающую меня роскошь, голова кружилась от дурманящего потока церемонии и праздника. Потом, на свадебном завтраке, за бокалом шампанского, мне показалось, что я прозреваю свое далекое будущее. То, что представало перед моим мысленным взором, было роскошным и великолепным, далеким от того места на краю тьмы, в котором я вырос. Когда-нибудь я оглянусь назад, и тьма будет не более чем воспоминанием.

Когда-нибудь. Но не сейчас.

Я выпил еще шампанского. Мистер Галахер посоветовал мне не пить больше, но это уже не имело значения, потому что начинались танцы, и я отставил бокал в сторону. Я пригласил ансамбль из Голуэя, чтобы тот играл вальсы, польки и галопы. Но потом один из О'Мэлли нашел скрипку, и Кашельмара стала полностью ирландской, от мраморного пола круглого холла до сводчатого потолка галереи. Все американцы расчувствовались и заплакали, их восторг был так силен, что они поклялись больше никогда не покидать Ирландию.

Спустя какое-то время я поискал взглядом моих дядей, но они исчезли. Когда же я спросил, где моя мать, мне сказали, что она ушла в детскую помогать укладывать детей спать.

Мне не хватало ее, а потом я забыл о ее отсутствии. Я был слишком занят – болтал с друзьями и танцевал с Керри, а когда мистер Галахер напомнил, что нам, пожалуй, пора удалиться, а гости продолжают гулять без нас, я попытался найти мать, чтобы пожелать ей доброй ночи. Потом же я смотрел только на Керри в ее обтягивающем белом атласном платье. Длинное ирландское кружево ее фаты во время танца развевалось за ней. Теперь только Керри имела значение. Я хотел увести ее, но все мужчины потребовали поцелуй невесты, и мне в конце концов пришлось поднять ее на руки и нести сквозь толпу, пока ее не зацеловали чуть не до смерти.

Отовсюду слышались одобрительные выкрики. Поднявшись до середины лестницы, я поставил ее, и мы на пару припустили к галерее. На секунду остановились, чтобы помахать гостям. Все снова разразилось подбадривающими криками, которые продолжали звучать в наших ушах, когда мы неслись по коридору в западное крыло, а когда добрались до дверей спальни, я снова поднял ее на руки и внес в комнату через порог.

2

Вскоре я понял, почему все возражали против нашего брака в таком раннем возрасте. Поскольку они предположительно провели первую часть юности в тоске воздержания, их, вероятно, бесило то, что я и Керри не только пытаемся избежать унылой судьбы, но и преуспели в этом.

– Не могу понять, почему другие не делают этого, – задумчиво пробормотала Керри на следующее утро, когда мы лежали, плотно прижавшись друг к другу в нашей старомодной кровати на четырех столбиках, и смотрели, как колышутся на сквозняке красные шишечки муслиновых занавесей. – Почему это перестало быть модным? А ведь было когда-то. Возьми Шекспира. И даже в нашем веке люди делали это такими же молодыми, как мы. Папа говорит, что до голода все женились в шестнадцать.

– Ах, так ты говоришь о браке!

Она захихикала:

– Не дразнись. Нет, Нед, ты подумай, если бы ты не дал отпор мистеру Драммонду, то ты бы до сих пор учил латынь с мистером Уотсоном, а я бы учила неправильные французские глаголы с мисс Камерон!

Она очень гордилась тем, что я дал отпор Драммонду. Я не хотел беспокоить ее всеми подробностями моего разговора с ним, просто сказал: я получил то, что хотел, угрожая исключить мою мать из числа попечителей и уволить Драммонда из Кашельмары.

– ...И теперь мы можем делать то, что нам нравится. – Керри счастливо вздохнула.

Мы много времени проводили, занимаясь вещами исключительно приятными. Я решил на несколько месяцев отложить медовый месяц за границей, но первые дни после свадьбы мы не выходили из наших покоев. Я не хотел откладывать поездку на Континент, но мои дяди объяснили мне еще до свадьбы, что мое финансовое положение не позволяет мне

совершить дорогостоящую поездку в Европу.

– Мы, конечно, дадим тебе деньги, – заявил дядя Томас, – но ты должен понять, что своих денег на такое путешествие у тебя нет.

– Тогда я дождусь, когда они появятся.

К этому времени я не желал поступаться своей гордостью. Они, само собой, считали, что я легкомысленно транжирил деньги. Мне же хотелось доказать им, что я не какой-то там незрелый мот, склонный жить не по средствам.

– В Париже весной гораздо лучше, – согласилась Керри, когда я стыдливо объяснил ей, что планы придется изменить. – И я думаю, как здорово будет провести Рождество в Кашельмаре с нашими обеими семьями!

Она была права, но Галахеры в новом году уехали в Америку, и мы впервые после свадьбы остались с моей матерью и Драммондом.

Ситуация сложилась неловкая, но я ничего не говорил. Я подумывал, не предложить ли матери переехать в Клонах-корт, который изначально и строился как вдовый дом, но знал: ни она, ни Драммонд не захотят переезжать, а мысль о новой конфронтации с ними была настолько мне невыносима, что я отказался от этой идеи. И потом, напоминая себе, часть моей сделки с Драммондом заключалась в том, что я оставлю его в покое, если он позволит мне жениться на Керри. Когда мне исполнится двадцать один, я, конечно, со всем разберусь, но до тех пор... Мне легче придумывать всякие объяснения для Керри и просить ее потерпеть.

– Но почему ты должен ждать до двадцати одного года? – недоуменно спросила Керри. – Разве ты сейчас, когда женился, не стал сам себе хозяином?

– По трасту – нет. Документы составлены так, что, женат я или нет, он действует до моего двадцатиоднолетия.

– И все же я не понимаю, почему бы твоей матери не переехать в Клонах-корт. Она может быть попечителем и оттуда, разве нет?

– Мать не захочет переезжать без Джона и девочек, а в настоящий момент переселить их довольно затруднительно.

– Но...

– Керри, пожалуйста, будь снисходительна к моей матери. У нее была несчастливая жизнь, и она предана своим детям...

– Знаю, знаю.

– ...и она была мне замечательной матерью, и я просто не могу выставить ее из моего дома сразу же после свадьбы. Мы должны дождаться подходящего времени, а сейчас время неподходящее, только и всего.

Извини.

Керри вздохнула:

– Ну, вообще-то, я особо и не возражаю, если мы можем укрыться и быть вместе, как сейчас.

И мы укрылись – и я, и она, – заперлись в своих покоях, где для меня не существовало ничего, кроме ее теплых бедер, изгибов тела и влажных тайных мест, где я мог пребывать, сколько мне угодно.

Но мне не нравилось мое подчиненное положение, и временная нехватка денег лишь усугубляла недовольство. Когда Драммонд сообщил, что везет мать в Париж отдохнуть, я впал в ярость.

– Простите, мистер Драммонд, – возразил я, не успев подумать, – но если я не могу себе позволить отправиться с Керри на Континент, то, думаю, вы вряд ли имеете право возить мою мать в Париж.

– Почему нет? – спросил он. – Это мои деньги.

– Вы хотите сказать, что сэкономили со своего жалованья? – спросил я, пытаюсь говорить напористо, но понимал, что голос мой звучит робко и неуверенно. Я к этому времени возненавидел всякие разговоры с Драммондом на любые темы и не мог находиться с ним в одной комнате больше двух минут.

– Я выиграл деньги у Финеса Галахера, – непринужденно сообщил он, и я догадался, что это его вознаграждение за состоявшуюся свадьбу. Я тоже кое-что получил от щедрот мистера Галахера, но уже успел потратить весь доход первого года, причитавшийся мне по брачному договору, и теперь знал, что до следующей порции придется ждать еще несколько месяцев. – Ты недоволен, что твоя мать собирается немного отдохнуть? – беззлобно спросил Драммонд. – Ей пришлось немало потрудиться, принимая твоих гостей и готовясь к свадьбе.

– Да нет, я ничуть не недоволен, – поспешил ответить я, готовый сказать что угодно, лишь бы избежать ссоры. При этом я действительно был недоволен.

– Ты подумай, как будет хорошо, если они исчезнут на несколько недель, – весело напомнила Керри, стараясь подбодрить меня.

Увы, но после их отъезда в имении начались волнения, и мое недовольство только росло. Драммонд всем в долине, кроме О'Мэлли, увеличил ренту, и воздух Клонарина наполнился злобой. Депутацию протестующих в Кашельмару возглавили Шон и Пэдди Джойсы, и я в большом смущении сообщил им, что никто не должен платить повышенную арендную плату до возвращения Драммонда.

– Я предупрежу мистера Драммонда, что со всеми нужно обходиться

по справедливости, – сказал я, но мое сердце протестующе ёкало в ожидании этого разговора, и, хотя я сдержал обещание по возвращении Драммонда, он меня не послушал.

– У меня нет иного выбора – только поднять ренту, – возразил он. – Имение себя не окупает. А что касается сетований Джойсов на О’Мэлли, то, если они еще раз придут к тебе с жалобами, можешь им напомнить, что О’Мэлли – беднейшая семья в долине и поднимать им арендную плату бессмысленно: они все равно не смогут заплатить. А в выселения я не верю.

Это означало, что он не верит в выселение своих родственников. Некоторых из Джойсов победнее он выселил, когда они не смогли платить новую ренту, а потом и еще ухудшил ситуацию, распределив их землю между О’Мэлли.

В результате семьи устроили свару. Это случилось в День святого Патрика, а после никто так и не понял, за кем осталась победа, но шестерых искалечили, а по меньшей мере у дюжины были разбиты носы. Давняя вражда между Джойсами и О’Мэлли вспыхнула с новой силой, а вскоре кто-то написал на стене вокруг Кашельмары: «МАКСВЕЛЛ ДРАММОНД – ШОТЛАНДЕЦ». Самое страшное оскорбление для любого управляющего, а в особенности для Драммонда, который всегда пространно объяснял, какой он весь из себя ирландец.

Я не знал, что делать. Думал снова поговорить с Драммондом, но понимал, что ничего этим не добьюсь. Он отмахнется от меня, как и в прошлый раз, только сделает это резче: скажет, чтобы я шел прочь забавляться с Керри. Обращаться к матери было бесполезно. Я думал написать моим дядям, но очень боялся, как бы Драммонд каким-нибудь образом не перехватил письмо, а потому, когда написал, просто пригласил их весной в Кашельмару. Но они оба отказались. Дядя Томас с головой погрузился в изучение каких-то продвинутых медицинских работ, а дядя Дэвид, который только что объявил о своей помолвке, был слишком занят подготовкой к свадьбе весной в Лондоне.

– Я думаю, пора нам устроить медовый месяц, – сообщил я Керри в апреле.

К этому времени Кашельмара настолько мне опротивела, что я был готов на все, чтобы бежать. Хотя мое финансовое положение оставалось незавидным, я проглотил гордость и попросил у дяди Томаса денег в долг.

Месяц спустя мы с Керри побывали на свадьбе дяди Дэвида, а потом пересекли Канал – начиналось наше шестинедельное путешествие во Францию, в Швейцарию и Италию.

Я собирался доверительно поговорить с моими дядями при встрече, но дядя Дэвид пребывал в состоянии такой эйфории, что мне не захотелось нагружать его своими проблемами, а дядя Томас был настолько холоден со мной из-за ссуды, что это никак не способствовало доверительным беседам. Вот я и промолчал, а потом радовался этому. Что я мог бы сообщить такого, что разорвало бы мое соглашение с Драммондом и не привело бы к бесконечным ужасающим сценам? Мои дяди могли бы передать дело в суд, а воспрепятствовать им я не имел возможности, и тогда один Бог знает, что сотворил бы Драммонд. А я не знал, как объяснить моим дядям, почему боюсь этого человека. У меня не было возможности что-либо предпринять против него, не поставив под угрозу благополучие моей матери. Я-то ради нее был готов скрывать отравление, но она же моя мать, а не их! Возможно, Томас и Дэвид своим долгом сочтут предание суду убийцы их брата, а вовсе не защиту его вдовы.

Нет, лучше ни о чем им не знать. По крайней мере, пока мне не исполнится двадцать один и не появится возможность навести порядок в собственном доме.

У дяди Дэвида была скучная протестантская свадьба и чопорный прием после нее – все стояли и что-то растроганно говорили. Мне все это показалось тоскливым. Единственным ярким пятном стала невеста дяди Дэвида – хорошенькая и веселая. Она пригласила нас в Суррей попозже в этом году. Они отправлялись на медовый месяц в Германию – слава богу, ведь если бы они собрались в Париж, то нам, вероятно, пришлось бы ехать вместе, а я уже не мог дожидаться, когда мы останемся вдвоем с Керри, по меньшей мере в сотне миль от членов моей семьи.

Я никогда прежде не был на Континенте, и поначалу эмоции так переполняли меня, что я почти забыл свои уроки французского. Но ирландцы и французы испокон веков симпатизировали друг другу, поскольку у них был общий враг, а моя французская фамилия также способствовала более гостеприимному приему во Франции.

– Мне нравится произносить ее на французский манер, – с энтузиазмом сказала Керри, и я согласился – то была приятная перемена.

Английское произношение моей фамилии имеет ударение на первый слог, хотя всю свою жизнь я слышал от посторонних разные варианты.

Я мог бы получить доступ в избранное парижское общество, но мы не хотели присутствовать на скучных приемах, поэтому просто остановились

в лучшем отеле и выискивали знаменитые парижские достопримечательности. Французы чувствовали, что мы влюблены друг в друга, хотя, похоже, никто не верил, что мы супружеская пара.

Вскоре мы отправились в Швейцарию, которая больше понравилась Керри, но я оставался преданным Франции, даже когда мы поехали на юг – в Венецию, во Флоренцию и в Рим. Италия понравилась бы мне больше, но слишком часто она мучительно напоминала мне об итальянском саде в Кашельмаре и о страстных рассказах отца про цвет, камень и кипарисы.

Когда мы вернулись в Кашельмару в начале сентября, нас ждали два письма. В одном дядя Томас сообщал, что на год уезжает в Америку, а мой тесть по совпадению приглашал нас приехать к нему в Бостон.

– Почему бы нам не поехать? – спросил я у Керри.

Мне не потребовалось много времени, чтобы понять: дела в Кашельмаре идут хуже обычного. Я боялся оказаться в центре скандала, разрешить который не имел возможности.

– Думаю, мой долг свозить Керри домой, прежде чем мы окончательно обоснуемся здесь.

– Я не ездила домой после замужества! – возразила мать.

– Но, мама, когда это было – в те времена путешествие через Атлантику было куда как опаснее. А теперь путешествовать проще, и люди совсем не волнуются так, как прежде.

– Уверена, это Керри все придумала, – заявила мать, и, хотя я заверил ее, что это не так, она не желала мне верить. – Это немного эгоистично с твоей стороны, моя дорогая, – попеняла она тем вечером Керри за ужином. – Не думаю, что тебе следует тащить Неда в Америку, когда ему явно так хорошо дома.

Керри покраснела.

– Мама... – начал было я.

– Мы бы остались дома, если бы вы переехали в Клонах-корт! – выкрикнула Керри, вскочила и бросилась прочь из комнаты.

– Ну-ну! – в ярости воскликнула мать.

– Мама, тебе в этом некого винить, кроме себя самой, – заметил я, успев тоже покраснеть. – Если бы ты попыталась быть вежливой с Керри, она бы не отпускала таких замечаний. Извини меня, пожалуйста.

Сказав это, я тоже вышел.

Керри шумно рыдала в глубинах нашей кровати на четырех столбиках. Наконец ей удалось произнести:

– Я не хочу ехать в Америку. Лучше останусь здесь и рожу ребенка, хотя я никогда не рожу, если останусь здесь, потому что твоя мать

постоянно меня расстраивает.

Мне потребовалось пять минут, чтобы понять, что она имеет в виду, но так или иначе объяснение нашлось. Мы были женаты уже шесть месяцев, но никаких намеков на ребенка пока не было. Керри пребывала в таком ужасе при мысли о своем «бесплодии», что даже набралась смелости спросить совета у тети Маделин, которая всегда по-доброму к ней относилась. Тетя Маделин объяснила ей, что девушки часто беременеют не сразу, хотя и бытует иное мнение, и порой девушке, вышедшей замуж в пятнадцать лет, приходится ждать год или два, хотя никаких физических препятствий к беременности не имеется. По словам тети Маделин, Бог таким образом позаботился о том, чтобы юная девушка созрела умственно и физически, прежде чем принять на себя обязанности материнства.

– Тетя Маделин сказала, что я должна жить спокойно, никуда не ездить и ни о чем не волноваться, – сквозь слезы пробормотала Керри. – Если я буду жить тихой, спокойной жизнью, то шансы забеременеть у меня повысятся.

– Ну, эта проблема решается легко. – Я поцеловал ее. – Плавание в Америку занимает всего неделю, а там тебя ждет тишина и спокойствие, каких можно только желать. Мы отправляемся в Бостон в самое ближайшее время.

Но к моему удивлению и ярости, денег опять не было. Драммонд объяснил, что трудности с именем делают мой доход неустойчивым, и предложил отложить мою поездку до весны.

– Боюсь, это исключено, – резко бросил я и написал дяде Дэвиду – просил его дать мне в долг денег на билеты.

К счастью, дядя Дэвид пребывал в благодушном настроении. Издатель отверг его последний детективный роман (ни один из его романов так и не был напечатан), но жена сказала, что книга необыкновенно умна и это вполне компенсирует переживания, связанные с тем, что ее отвергли. К тому же в романе был намек на то, что в новом году они ожидают ребенка.

– Счастливая Гарриет, – вздохнула Керри, но она пребывала в таком хорошем настроении от перспективы путешествия домой, что не могла долго отчаиваться.

Мы отплыли из Ирландии в конце октября. Я был счастлив и несколько не стыдился того, что убегаю от трудностей, которые не могу решить.

«Подумаю о них позднее» – вот все, что я твердил себе. И еще глубже зарыл голову в песок.

Шел 1890 год – год падения Чарльза Стюарта Парнелла. В ноябре муж его любовницы получил развод, а 1 декабря Парнелла отстранили от руководства Ирландской партией.

– Я давно говорил, что ему конец, – напомнил Финес Галахер, предлагая мне сигару, когда мы попивали с ним портвейн.

– Мистер Драммонд будет огорчен. – Я закурил.

– Если у Макса есть хоть крупица здравого смысла, он научится на ошибках Парнелла. Макс не должен открыто жить с твоей матерью и управлять твоим имением так, будто это его собственность. Это унижительно для моей дочери и для тебя, и если ему это непонятно, то он совсем не тот человек, каким я его представлял. Люди в той долине могут вынести увеличение ренты раз или два, потому что они привыкли к несправедливости со стороны землевладельца, но не станут терпеть это со стороны одного из своих. К тому же того, кто живет в прелюбодеянии. Ни одно порядочное ирландское семейство не потерпит такую безнравственность.

– Да. – Я попытался сменить тему, потому что не хотел, чтобы он понял мою беспомощность перед Драммондом. – Очень жалко Парнелла. Он был великий человек и столько всего сделал для Ирландии. Ведь он был первым ирландским лидером, который сумел заставить Англию слушать его в Вестминстере.

– Саксонцев можно заставить слушать тебя, – согласился Финес Галахер. – У тебя есть место в Вестминстере?

– Полагаю, есть. В палате лордов. Я пока не думал об этом.

– Ты был бы прекрасным лидером! – воскликнул мой тесть и вздохнул, доливая мне портвейна. – Красивый, молодой, честный барон, красноречивый и умный. Конечно, чтобы часть года жить в Лондоне, понадобятся кое-какие деньги, но по эту сторону найдутся ирландцы, которые позаботятся о том, чтобы ты не голодал.

– Я знаю, какой вы щедрый человек, сэр. – Я улыбнулся ему. – Но если я когда-нибудь решу работать во благо Ирландии в Вестминстере, то предпочту делать это скромно, за собственные деньги. Я понял, что ненавижу быть в долгах.

– Нед, это не повлечет за собой никаких долгов! Это будет благосклонное приятие доброй воли твоих соотечественников.

Я снова улыбнулся, но ничего не сказал.

Рассмеялся мой тесть.

– Бог ты мой, у тебя старая голова на молодых плечах! – восхитился он, а потом добавил странную фразу без объяснений: – Плохие новости про Макса Драммонда. Он мне нравился.

Я хотел сказать, что мне он тоже нравился, но слова не желали произноситься. Попытался даже вспомнить что-то хорошее, прежде чем впаду в хандру, но, к счастью, вскоре получил новое известие, которое меня отвлекло. Когда я лег спать тем вечером, Керри по секрету сообщила: она уверена – абсолютно уверена, – что беременна.

– Так скоро! – удивленно воскликнул я.

– Вероятно, это случилось перед нашим отъездом из Кашельмары.

– Рад, – сказал я, хотя где был зачат ребенок, не имело никакого значения. Но я почему-то чувствовал, что зачатие в Ирландии должно сделать его в большей степени ирландцем, чем американцем.

– Нужно немедленно написать тете Маделин! – радостно прошептала Керри и принялась болтать о детских кроватках и платяцах.

Я переполошился, эгоистично спрашивая себя, насколько теперь изменится жизнь, но потом пресек эту мысль и попытался почувствовать такое же счастье, как Керри, и удивился, когда выяснилось, что сделать это нелегко. Я мог принять тот факт, что ребенок существует, но его существование почему-то оставалось для меня абсолютно ирреальным. Все повторял, что у меня появится сын и наследник, но, сказав это себе с полдюжины раз, осознал, что мне нечего добавить к этому. Я мог понять, почему Керри так взволнована: ведь ребенок растет в ее теле, но в моем он не рос, потому и таких эмоций у меня этот факт не вызывал. Меня такое безразличие сильно взволновало. Я чувствовал – так быть не должно, но стыдился признаться в этом кому-нибудь.

– Теперь нам, наверное, нельзя спать вместе. – Я пытался говорить мрачным голосом.

– Разве? – в ужасе спросила Керри. – Нет, такого не может быть. Кто тебе сказал?

Я не мог вспомнить. Роясь в воспоминаниях, я увидел мать, бледную, полулежащую в шезлонге, перед тем как удалиться в свою спальню, которую она не делила с отцом.

– Спрошу у мамы, – решила Керри. – Она должна знать.

Миссис Галахер была дамой осведомленной. Она объяснила Керри, что мужья не менее важны, чем дети, а то и более, потому что без них женщины не могут забеременеть, и Керри всегда должна это помнить. Потому меня нужно ублажать, во всем мне потакать, а если я «хочу», то

мне нельзя отказывать, при условии, что я буду внимателен и осторожен. Миссис Галахер объяснила Керри, чтобы та не слушала никаких докторов, если те будут давать ей иные советы на сей счет, а еще добавила, что если мы оба не будем выходить за рамки, то никакой опасности выкидыша нет.

Меня это порадовало. И когда в феврале я сообщил дяде Томасу хорошую новость, то мне даже удалось сделать это довольным голосом. Дядя Томас продолжал исследования в медицинской школе, созданной при Гарварде, и снимал жилье в Кембридже, городке близ Бостона, в котором находится Гарвард. Прежде я никогда толком не представлял, чем занимается дядя Томас. Я знал, что он – врач, но не как доктор Кагилл или какой-либо другой доктор, с которыми я сталкивался в прошлом. У него не было приемной на Харли-стрит. Да и пациентов тоже. Работа его проходила в лабораториях при больнице Гая^[18] в Лондоне, и до своего решения отправиться в Америку он занимался обнаружением болезней в мертвых телах.

– Но я устал от патологоанатомии, – признался он мне в своей маленькой гостиной, выходящей на Чарльз-ривер, – а потому решил заняться клинической патологией, исследованием болезни и здоровья живых. Ты знаешь, в патологии есть несколько областей, и наши знания с каждым годом существенно возрастают. Занятно то, что, хотя людей уже много веков интересует изучение болезней, современная патология существует лишь три десятка лет. Меня всегда очаровывала война с болезнями. Дэвид этого никогда не мог понять, но я все время ему твержу: мои исследования похожи на детективные романы – обнаружение улик, выявление причин смерти, решение загадки. Но вскрытиями я уже наелся. Я приобрел в Лондоне известность как патологоанатом, а теперь я хочу покорять новые высоты. – Он объяснил, что мог бы заниматься клинической патологией и в Лондоне, но предпочел приехать в Америку. – Потому что я в конечном счете, как и ты, наполовину американец, и когда не так давно вдруг понял, что мне почти тридцать, а я толком ничего не знаю о стране моей матери, то решил, что мне предоставляется хорошая возможность заполнить этот пробел. Именно свадьба Дэвида и помогла мне принять окончательное решение. Я понял, что должен провести год в Америке, пока хожу в холостяках и свободен поступать так, как мне вздумается.

– И вы поедете в Нью-Йорк? – уточнил я, подумав о моем дяде Чарльзе, с которым мы уже много лет не общались и который был кузеном дяди Дэвида, но я знал, что, если сам отправлюсь к нему, моя мать придет в ярость.

– Да, я собираюсь поехать туда весной, познакомиться с Мариоттами. Ты еще будешь здесь?

– Вряд ли, – ответил я. – Мы к этому времени должны уже будем вернуться в Ирландию из-за состояния Керри.

И я сообщил ему о ребенке.

Он поздравил меня, а потом добавил:

– Нед, теперь тебе понадобится больше денег. Знаешь, нужно что-то решать с Драммондом. Нелепо, что ты занимаешь деньги у родственников, а Драммонд и твоя мать живут на широкую ногу в твоём доме.

– Когда мне исполнится двадцать один...

– Ты можешь себе позволить ждать столько времени? Одному Богу известно, в какие руины превратят Кашельмару Драммонд с твоей матерью за эти годы. Я, пожалуй, напишу Дэвиду, спрошу, что он думает на сей счет. У меня нет ни малейшего желания обращаться в суд, но...

– Никаких судебных тяжб, – перебил я громче, чем нужно. – Я дождусь, когда мне будет двадцать один.

– Нед, ты повторяешь эту фразу, как волшебное заклинание, но что именно ты будешь делать, когда тебе исполнится двадцать один?

– Уволю Драммонда и попрошу мать переехать в Клонах-корт.

– А если она откажется? Ты уверен, что тебе так или иначе не придется обратиться в суд, чтобы избавиться от Драммонда?

– Я... я подумаю об этом позднее. Когда придет время.

– Нед, – мягко заметил дядя Томас, – время пришло. Ты должен действовать сейчас.

Я энергично потряс головой.

– Нед, что такое? В чем дело? Ты боишься Драммонда? Почему? Ну ведь ты не подозреваешь его в убийстве отца?

– Я знаю, что он его убил, – признался я, подавляя жуткое желание расплакаться и рассказать ему, как я получил разрешение на брак. Мои слова настолько ужаснули его, что он потерял дар речи. – Поэтому я ничего не могу сделать. Боюсь повредить матери. Он потащит ее за собой, а я не могу этого допустить. Моя собственная мать... – Я не мог продолжать.

Наконец Томас произнес:

– Я должен был настоять на вскрытии... но не мог поверить, что Маделин ошиблась, а она была уверена... абсолютно уверена...

– Трудно допустить, что тетя Маделин может быть настолько неидеальной, чтобы ошибаться. – Мой голос снова звучал спокойно, гораздо спокойнее, чем его.

– И даже если бы вскрытие подтвердило диагноз, скандал был бы

неимоверный. Думаю, я намеренно избрал другой путь.

Он по-прежнему был настолько охвачен ужасом, что я поспешил добавить:

– Вы не избирали другой путь, дядя Томас. Вы подумали о возможности отравления и отвергли ее. А это разные вещи.

– Нет, хуже, – мрачно возразил он. – Это свидетельствует о том, что врачам не стоит доверять, когда речь идет о членах их семей. На них влияют предвзятые представления и предрассудки, которые формируют их суждения. Бог мой, как же я мог повести себя столь непрофессионально? Я должен был настоять на надлежащем расследовании, а не слушать теорию Борджиа, которую предложил Дэвид, и не принимать на слово диагноз женщины, которая не имеет медицинского образования.

– Слава богу, что вы не настояли на вскрытии, – сказал я. – Иначе где бы сейчас была моя мать?

– Да, но... Нед, нельзя сидеть сложа руки. Если мы не можем довести расследование до суда, то должны сделать это приватным образом, с помощью угроз.

– У нас нет такой возможности, – запротестовал я. – Я много думал об этом – тут нет решения. У нас нет рычагов влияния на Драммонда. Мне удалось угрозами вынудить его дать согласие на мой брак с Керри, потому что он понял – ради нее я пойду на что угодно, даже если это повлечет уничтожение моей матери. Но то были исключительные обстоятельства. Драммонд знает, что в обычной ситуации я не сделаю ничего, что могло бы повредить ей.

– Тогда мы должны придумать еще что-нибудь. – Томас начал расхаживать туда-сюда по комнате, и толстые стекла его очков пускали зайчиков, когда на них падал бледный зимний солнечный свет. – Мы должны доказать вину Драммонда и невиновность твоей матери, – пробормотал он наконец. – Прежде чем обратиться в полицию, нужно удостовериться, что они не совершат ошибки.

– В полиции непременно решат, что она узнала об убийстве, пусть и после.

– «После» – это совсем иное дело, чем «до». К тому же есть смягчающие обстоятельства – ее слепая страсть к Драммонду, – и хороший адвокат поведет дело так, что ей ничего не будет грозить. – Он щелкнул пальцами и повернулся ко мне. – Конечно! Дэвид и нашел решение! Господи боже, я никогда не думал, что буду благодарен Дэвиду за его богатое воображение и страсть к детективам! Мы отправим его в Кашельмару, чтобы он провел тайное расследование всех обстоятельств

смерти твоего отца. Если Дэвид сможет доказать, что он был отравлен после того, как твоя мать покинула Клонах-корт в тот день...

– А что, если Драммонд отравил еду, которую она везла папе? – поинтересовался я. – Мама взяла в Клонах-корт черничный ликер и пирог. Она хотела без ссор обсудить вопрос опеки.

– Может быть, Дэвид найдет слугу, который подтвердит, что к ликеру и пирогу никто не прикасался. Это будет означать, что яд находился в чем-то другом, а при удачном стечении обстоятельств нам удастся связать это другое с Драммондом. По крайней мере, попробовать стоит, а если кто и подходит для такого расследования, то Дэвид.

Я пытался разделить его оптимизм, но был слишком испуган. Я должен был бы чувствовать себя лучше, открыв ему все страхи, которые так долго носил в себе, но мне стало только хуже. Казалось, я больше не управляю будущим, и в ту ночь мне снилась сгоревшая дотла Кашельмара и Драммонд, шагающий по дымящимся руинам, чтобы уничтожить меня.

Я в панике предпочел с головой погрузиться в наши отношения с Керри. Пора было возвращаться домой, пока ее беременность не вступила в последние критические месяцы, но перед отплытием в начале апреля я два раза откладывал наш отъезд под тем предлогом, что в Атлантике все еще бушуют зимние шторма. Миссис Галахер заявила, что если я отложу отъезд в третий раз, то Керри придется остаться в Бостоне до рождения ребенка.

Ставить под угрозу здоровье Керри я не собирался. Кроме того, мне хотелось, чтобы мой сын родился в Кашельмаре. Собрав все свое мужество, я решился на возвращение.

Дядя Дэвид написал, что он посетит Кашельмару в середине марта, но до нашего отъезда никаких других новостей от него не приходило.

– Все будет хорошо, – успокаивал меня дядя Томас, обнимая на прощание, и хотя мне отчаянно хотелось верить ему, у меня это плохо получалось.

Я был уверен: хорошо не будет. Не представлял, как оно может быть хорошо.

И жил в ужасе.

Я не говорил матери, что Керри беременна, и попросил тетю Маделин сохранить это известие в тайне. Я бы и тете Маделин не сообщил, но Керри

настояла.

– Почему ты не хочешь, чтобы твоя мать знала о ребенке? – спросила Керри, но я только ответил ей, что мне хочется сообщить ей эту волнительную новость лично.

Керри удовольствовалась этим, но на самом деле я не знал, почему скрываю от матери это известие. Однако понял это, едва мы вошли в холл Кашельмары и мать быстро спустилась к нам по лестнице. Одного взгляда на выражение ее лица, когда она увидела фигуру Керри, хватило, чтобы подтвердить мое предчувствие: ее эта новость ничуть не радует.

– Полагаю, этого следовало ожидать, – заявила она, – но должна сказать, что, на мой взгляд, вы оба до смешного молоды, чтобы становиться родителями.

Ситуацию спас Драммонд. Он поцеловал Керри и заявил, что, без сомнения, все будут рады. Ему хватило ума не протянуть мне руку, но он поздравил меня улыбкой, и, к счастью, прежде чем моя мать заговорила снова, вниз по лестнице понеслись Джон и девочки. Керри отвлеклась, а я, повернувшись опять к матери, открыл было рот, чтобы сообщить, что я думаю о ее приветствии.

И только тогда понял, что она в черном. Черный цвет ей не шел. От него ее кожа приобретала землистый оттенок.

– Нед, как я рада снова тебя видеть! – воскликнула Элеонора, застав меня врасплох. Она обняла меня.

Я обнял ее в ответ. И только теперь, когда Джейн, приплясывая, направилась ко мне, увидел, что и на ней черное.

– Недди, ты знаешь, что случилось? У Озимандии и Перси снова котятки, и я назвала их по моему набору красок. Их зовут Лазурь, Кобальт, Ляпис-Лазурь, и они все рыжие с оранжевыми лапками.

На Джейн было черное платье с оборками. Она принялась скакать передо мной, и ее нижние юбки вспархивали, обнажая черные чулки.

На всех было черное.

– Нед, дорогой, – проговорила мать, – зайди на минутку в маленькую столовую. Я хочу сказать тебе кое-что наедине.

Мы вошли в маленькую столовую. Я был абсолютно спокоен. Когда я спросил у нее, где дядя Дэвид, голос мой звучал твердо, спокойно.

– Ах, Нед... – Ее лицо исказила скорбная гримаса. Жесткие уродливые морщины появились на ее лице, в глазах сверкнули слезы.

– Где он? – спросил я все еще абсолютно спокойным голосом. – Что с ним случилось?

– Нед, он... он...

Но она не могла произнести это слово.

– Он умер. – Я оглядел комнату, словно предполагал увидеть написанное на стене объяснение. Когда ничего такого не обнаружилось, я снова уставился на нее, но ее лицо не выражало ничего, кроме скорби.

– Да, – прошептала она. – Да, он умер.

И тут она обняла меня, словно не было больше никого, на чьей груди можно порыдаться, а скорбь была невыносимо сильна.

Глава 8

1

Моя мать принялась рассказывать тихим, неровным голосом:

– Он приехал две недели назад и почти сразу же пожаловался на недомогание – кишечное расстройство. Ты же знаешь, у Дэвида всегда были нелады с пищеварением. Я не придавала этому значения, потом он заявил, что ему стало лучше. Но на следующий день опять наступило ухудшение – боль в правом боку, как он мне объяснил. К несчастью, доктор Кагилл отсутствовал – он днем раньше уехал в Дублин, – но пришла Маделин. Когда я сообщила ей о симптомах, она сказала, что это похоже на перитонит – серьезную инфекцию, вызванную воспалением аппендикса. Позднее доктор Кагилл подтвердил этот диагноз. У Дэвида и прежде случались приступы, и специалист в Лондоне даже рекомендовал ему операцию, но операции, конечно, всегда рискованны и неприятны. Дэвид решил, что он сначала попробует посидеть на диете, прежде чем прибегнуть к столь радикальным методам.

Я спросил про похороны.

– Похороны прошли в понедельник. Тело увезли в Суррей, и Маделин отправилась туда, чтобы побыть с его женой. Мы послали телеграмму Томасу. Тебе сообщать было поздно – ты уже уехал из Америки. Мы хотели дождаться твоего возвращения, но... его жена не пожелала откладывать похороны – слишком велико напряжение и горе. Я сказала, что ты поймешь. Хотела сама поехать, но такое потрясение... мне стало плохо. Я все время думала про Маргарет. Я до сих пор днем и ночью думаю о ней. Она так любила Дэвида. Такой дорогой для нее маленький мальчик.

– И никаких сомнений в диагнозе не было?

– Нет, дорогой, никаких.

2

– Никаких сомнений в диагнозе не возникло, тетя Маделин?

– Нет, мой дорогой, – подтвердила тетя Маделин, только что

вернувшаяся из Суррея. – Ни малейших. Я сообщила доктору Кагиллу историю болезни Дэвида, которую диагностировали как воспаление аппендикса.

– Дядя Дэвид вам сам об этом говорил?

Она задумалась на одну секунду. Всего на одну. Глаза у нее были очень светлые, чистые и голубые.

– Да, дорогой, говорил.

– Понятно. Простите меня. Просто мне показалось странным совпадением, что мой отец и дядя Дэвид умерли при одинаковых обстоятельствах.

– Нет, эти два случая несравнимы. Они абсолютно не похожи.

Наступила пауза. Выражение глаз тети Маделин ничуть не изменилось.

– Тетя Маделин...

– Да, Нед?

– Доктор Кагилл не предлагал вскрытия?

– Нет, дорогой. В обстоятельствах, которые я ему описала, я не видела никакой необходимости во вскрытии. Конечно, когда Томас вернется, он может настоять на этом. Не знаю. Но это должно быть его решение, а не мое.

– Но...

– Мы должны дождаться возвращения Томаса, – отрезала тетя Маделин. – Я написала ему, предложила немедленно вернуться. Тебе абсолютно не о чем беспокоиться, мой дорогой. Как только Томас вернется, мы с ним позаботимся обо всем, а до того времени никто из нас ничего не сможет сделать.

– Вы все знаете, я прав?

– Знаю что? Мое дорогое дитя, понятия не имею, что ты имеешь в виду! Я только знаю, что это не твоя забота. Тебе нет нужды беспокоиться. Со временем все образуется.

– Тетя Маделин, не надо обращаться со мной так, будто я еще не вышел из детской!

– Нед, я обращаюсь с тобой как с дорогим племянником, которому всего семнадцать лет, но на плечах которого столько всяких забот и ответственностей, о которых семнадцатилетние обычно даже не догадываются. Тебе хватает своих проблем. Оставь, пожалуйста, эту мне и Томасу.

– Но...

– Больше мне сказать нечего.

- Я хочу поговорить с вами, тетя Маделин.
- Позднее, дорогой. Когда вернется Томас. Но не теперь. На этом я ушел.

3

Вернувшись из Клонарина в Кашельмару, я закрылся в своей комнате и написал дяде Томасу:

«Пожалуйста, не обращайтесь внимания на письмо тети Маделин. Нет никакой необходимости в Вашем преждевременном возвращении домой. Я абсолютно убежден, что дядя Дэвид умер естественной смертью, – даже доктор Кагилл не видел нужды во вскрытии, – а Вы знаете, что я бы первым сообщил Вам, если бы думал, что дядю Дэвида убили».

Я написал и много чего еще, но помню только эту ложь. Письмо получилось сумбурное, но суть была ясна. Закончив его, я даже сам поскакал в Линон, чтобы письмо попало на ближайшую почтовую карету до Голуэя.

Потом спрашивал себя, что я делаю, но мог думать только об одном: тетя Маделин знает. Когда она поговорит с дядей Томасом, он настоит на эксгумации и вскрытии тела. Драммонд будет обвинен в убийстве, а вместе с ним и моя мать, а это будет означать, что я все эти месяцы напрасно держал язык за зубами. Мне это было невыносимо. Невмоготу.

Я должен и дальше защищать мою мать. Выбора нет. Нужно как можно дольше удерживать дядю Томаса в Америке. Выиграть немного времени для себя.

Но я не знал, что сделать, а вскоре вообще не мог себя заставить думать об этом.

Несколько дней спустя пришло письмо от дяди Томаса.

«Мой дорогой Нед, прежде всего позволь поблагодарить тебя за твое доброе и умное письмо. Это известие стало для меня страшным ударом, потому что мы были очень близки с Дэвидом. Я даже не помню времени, когда его не было в мире, а теперь его больше нет, и мир мне кажется совсем другим.

Во-вторых, позволь мне заверить тебя, что ты ошибаешься относительно содержания письма Маделин. Она ни словом не обмолвилась об убийстве, лишь просила меня приехать домой, чтобы утешить тебя и Сару и устроить все наилучшим образом для несчастной Гарриет, вдовы

Дэвида. Я бы приехал немедленно, если бы меня не разубедили три вещи: сама Гарриет написала и просила не приезжать раньше срока, если она одна тому причиной, поскольку уезжает к родителям; ты сам написал мне, что нет никаких оснований подозревать грязную игру, а еще написала Сара, которая сообщала, что в Кашельмаре все приходят в себя после шока и с ее стороны было бы чистым эгоизмом просить меня немедленно приехать, чтобы поддержать семью. Прочитав все эти письма, я решил остаться в Америке до окончания исследований, но, если тебе нужна моя помощь, напиши мне сразу же, и я помчусь через Атлантику.

В ответ на твой вопрос: да, у Дэвида были проблемы с пищеварением, но я ни разу не слышал, чтобы ему ставили диагноз по аппендиксу. Однако такой диагноз мог быть поставлен после моего отъезда в Америку, а Дэвид вполне мог и не сообщить мне об этом в своих письмах.

Кажется практически невероятным, что брат мог быть убит, невзирая на все особые обстоятельства его приезда в Кашельмару. Я просто не могу себе представить, чтобы Драммонд был таким идиотом, к тому же если бы Дэвид и в самом деле обнаружил что-то важное, то Драммонд попытался бы достичь какого-нибудь соглашения с ним. Например, решил бы требовать безбедной жизни в Клонах-корте в обмен на его отставку с поста управляющего и отказ твоей матери от роли попечителя в трасте. Дэвид был бы нужнее Драммонду живым. Убить его было бы чрезвычайно опасно и безрассудно, а я думаю, что Драммонд никогда бы не пошел на убийство, не будучи абсолютно уверенным в том, что ему это сойдет с рук. Нет, я уверен, что Дэвид умер естественной смертью. Это очень трагично, но, по крайней мере, мы можем утешаться тем, что никто из нас не мог предотвратить его смерти и никого из нас нельзя в этом обвинить.

Однако, несмотря на все сказанное выше, я не намерен повторять одну и ту же ошибку дважды. На этот раз я буду настаивать на вскрытии как для того, чтобы снять все вопросы, так и для удовлетворения моих профессиональных требований, но ты можешь не опасаться: я приму все меры для соблюдения строжайшей конфиденциальности. К счастью, благодаря моему опыту в подобных делах и личным знакомствам в Министерстве внутренних дел и Скотленд-Ярде, которые санкционируют эксгумацию при наличии подозрений, полагаю, мне удастся не только сохранить конфиденциальность, но и обеспечить абсолютную секретность. В случае с твоим отцом я бы не смог этого сделать, потому что он похоронен в Ирландии, а я не знаю никого в соответствующих ирландских властных структурах.

Обсудим это подробнее, когда я вернусь в сентябре. А пока мои

наилучшие пожелания тебе и твоей семье».

Я сжег письмо в камине моей комнаты, а потом перемешал пепел, чтобы убедиться, что вся бумага сгорела дотла. Размышления в письме дяди Томаса натолкнули меня на одну мысль: не попытаться ли мне заключить еще одну сделку с Драммондом. Никакого вскрытия не будет, если он оставит свой пост и переедет с матерью в Клонах-корт. Но это меня не устраивало. Если Драммонд убил моего отца и дядю Дэвида, то я хочу, чтобы его повесили. Такого же мнения, я знал, придерживается и дядя Томас. Но моя мать...

Всегда моя мать.

– Нед, мне нужно поговорить с тобой, – сообщила мне мать солнечным майским утром после завтрака, когда дети из столовой отправились играть в сад.

Керри, как обычно, завтракала в постели, но я в то утро заставил себя присоединиться к семье в столовой. Как только Драммонд вышел следом за детьми, мать отпустила слуг и попросила меня остаться.

– Пожалуйста, не придумывай никаких предлогов, чтобы убежать, – торопливо сказала она. – Да, я знаю, ты в последнее время стараешься избегать меня, я же не абсолютно слепая. А мне очень хочется поговорить с тобой об этом. Прошу тебя. Для меня это очень важно.

– Конечно, мама. – Я уже начал было вставать со стула, но теперь опустился назад перед пустой чашкой в ожидании того, что она скажет.

– Я вела себя очень глупо, – заявила она, – и хочу извиниться перед тобой и Керри.

Я непонимающе уставился на нее. На ней была изящная блуза, которая не полностью скрывала очертания ее шеи, и я, глядя на эти линии, понял, как сильно она изменилась после нашего приезда в Кашельмару. Волосы ее перестали быть насыщенно-каштановыми – цвет, который я так любил, – а стали черными; она явно их красила, чтобы выглядеть моложе, однако это имело противоположный эффект, потому что новый цвет выглядел неестественно. К тому же он изменял цвет ее лица, подчеркивая оливковый оттенок таким образом, что кожа казалась землистой, хотя мать и пыталась это скрыть густым слоем пудры. Косметика, избыточная и безвкусная, на мой взгляд, придавала ее лицу сходство с маской. Я напрягал зрение, но никак не мог увидеть за этой маской того знакомого человека, которого я любил.

– Неудивительно, что у тебя обиженный вид и ты так холоден со мной, – продолжала она, и, в отличие от неестественной внешности, ее голос звучал стеснительно, был наполнен искренними эмоциями, что

приободрило меня. – С моей стороны было так глупо расстраиваться из-за ребенка, так неправильно. Ты не должен думать, что я этого не понимаю и не стыжусь. Но, дорогой, с этого дня все будет иначе. Я уже свыклась с идеей, что стану бабушкой, и знаю, что полюблю маленького, когда он появится. Я всегда любила детей, ты это знаешь. Не знаю, почему повела себя так глупо, разве что... – Она замолчала.

– Пожалуйста, мама, не надо больше ничего говорить. Я понимаю.

– Нет, не понимаешь. Это произошло, потому что я завидовала Керри. Она такая молодая и счастливая, у нее впереди вся жизнь, она носит ребенка от человека, которого любит. Когда ты вернулся из Америки и я увидела Керри, то почувствовала такую печаль, будто для меня все кончено и я уже ничего не могу дать. Все было бы иначе, если бы я смогла родить еще одного ребенка... ребенка Максвелла... но доктор сказал, что после рождения Джейн...

– Да, – прервал я ее.

– Тебе этого не понять, но когда женщина перестает быть молодой... не могу тебе описать, какую незащищенность я иногда чувствую, ужасный страх перед старением, перед тем, что я потеряю привлекательность в глазах Максвелла.

Я встал. Моя салфетка упала на пол.

– Нед, не отворачивайся от меня! Я была так одинока эти последние недели, когда ты ни слова не находил для меня.

Я вдруг увидел ее такой, какой она была давным-давно, когда встречала меня в Нью-Йорке, – лицо напряженное от мучительного, непреодолимого желания поскорее увидеть сына. Перед моими глазами пронеслись воспоминания совсем далеких времен, золотые, солнечные дни в моей детской, моя мать любит меня, как и отец; она оставалась со мной все те темные дни, когда ее терроризировал Макгоуан, приносила жертву за жертвой, пока тень Драммонда не легла на ее жизнь. Но если я больше не винил отца за Хью Макгоуана, то я не мог винить и мать за Максвелла Драммонда.

Я вспомнил слова Драммонда о Божьем промысле, единственном объяснении, которое позволило мне простить обоим моих родителей, и смутно понял впервые почти за пять лет, что вновь могу в равной степени любить их. Больше нет необходимости становиться на сторону одного или другого. Теперь я могу стоять только на своей стороне.

– Мне тоже нужно извиниться, – сказал я, целуя ее. – Я не понимал, как сильно тебя огорчил.

– Значит, мы можем начать с чистой страницы? Господи, насколько же

лучше я себя чувствую! Давай больше не будем говорить о прошлом. Лучше поговорим о будущем – о ребенке. Я заметила, вы оба уверены, что родится мальчик. Как вы его назовете?

– Мы не хотим никаких оригинальностей. Мы думаем по традиции назвать его Патриком Эдвардом.

– Понятно. Очень мило. Вы хотите называть его Недом, как тебя?

– Нет, – ответил я. – Патриком, как отца.

Наступило молчание. Я направился к двери, но остановился, оглянулся.

– Керри хотела ирландское имя, – объяснил я наконец. – Патрик устроило нас обоих.

– Да, – выдавила мать. – Конечно.

– А теперь, мама, если ты меня извинишь...

– Да, как хочешь, – проговорила она и добавила, с трудом подбирая слова: – Хорошо, что в доме снова будет ребенок. Ты представить себе не можешь, какая радость это для меня...

4

Мой сын родился двадцать восьмого в четыре часа дня.

Вскоре после этого я увидел его.

Но сначала навестил Керри. Она рожала всего восемь часов, но очень устала и, когда я вошел, дремала. Сонным голосом пробормотала:

– Он такой хорошенький. Хорошенький. Ты его полюбишь.

Потом ее рука расслабилась в моей, а ресницы опустились. Я поцеловал ее и прошел в соседнюю комнату, где, словно кучка заговорщиков, стояли кружком моя тетя Маделин, доктор Кагилл, Нэнни и новая нянька из Лондона.

Войдя в комнату, я услышал звук, похожий на мяуканье, словно сюда забежал потерявшийся котенок, потом увидел что-то крохотное, его заворачивали в большую простыню.

– Замечательный ребенок, – дружелюбно сказала тетя Маделин. – Почти такой же замечательный, каким ты был в его возрасте. Подойди! Посмотри на него. Он тебя не укусит.

Я подошел поближе, едва веря, что такой маленький комочек может быть человеком.

– Крупный, здоровый ребенок, – добавил доктор Кагилл, сияя так,

будто отцом был он. – Не меньше восьми фунтов.

– Восемь фунтов две унции, доктор, – уточнила Нэнни, сразу ставя его на место.

– Ну-ка! – воскликнула тетя Маделин. – Разве не замечательный ребенок?

Младенец снова мяукнул. У него было красное лицо, глаза закрыты.

– Да, – согласился я. – Очень милый.

– Хочешь его подержать? – спросила тетя Маделин.

– Лучше нет. Я боюсь его уронить.

– Не говори глупостей! – строго одернула тетушка и передала мне ребенка.

Мяуканье прекратилось. Ребенок уснул, а когда я опять посмотрел на его маленькое личико и увидел только спокойствие и безмятежность, то ощутил слепую, ни на чем не основанную веру, что мир – хорошее место и этому человеку в нем будет хорошо.

Моя роль страуса вдруг потеряла смысл. Я наконец вытащил голову из песка, а когда снова посмотрел на мир, в который походя привел сына, то понял, что этот мир стал для меня совершенно невыносим.

Я помню, как ясно подумал, словно вслух проговорил: вот здесь я приму бой. С этого момента я перестану смотреть в другую сторону.

5

Все дело в приоритетах. Я все время думал об этом, пока писал дяде Томасу. Я любил мать, но должен ставить Керри и ребенка на первое место. Моя мать жестоко пострадает, но она, в конце концов, была всего лишь пособницей свершившегося преступления, и дядя Томас был убежден, что хороший адвокат добьется ее оправдания. После процесса она сможет вернуться на какое-то время в Кашельмару, а когда оправится, я ее как можно мягче попрошу переселиться в Клонах-корт.

«Дорогой дядя Томас, я пишу, чтобы опровергнуть все мои слова из прошлого письма и просить Вашего немедленного возвращения в Америку...»

Мне не приходило в голову, что можно было подождать всего лишь три месяца до запланированного возвращения дяди Томаса в сентябре. Я и без того ждал слишком долго и не мог больше терять ни минуты. Преступник, убивший двоих, может убить и третьего, и если я сейчас

ничего не предприму, то тоже стану пособником. Нужно было действовать. К тому же я больше не мог жить под одной крышей с убийцей моего отца и дяди.

«...Убежден, что дядя Дэвид был отравлен...»

Я пытался объяснить, почему лгал в предыдущем письме, но мои объяснения теперь лишались для меня смысла. Смерть дяди Дэвида слишком сильно меня потрясла, и я был не способен тогда действовать рационально. Просто хотел отложить последствия, убеждая себя, что ничего не произойдет.

Я дописал письмо и на следующее утро поскакал в Линон передать его в почтовую карету. После этого чувствовал такую слабость, словно растратил всю свою энергию на выполнение какого-нибудь Гераклова подвига. Когда же пришел домой, то отправился бы отдохнуть в свою комнату, если бы Джейн не перехватила меня в холле.

– Ах, Недди, случилось что-то ужасное – бедняжка Озимандия смертельно болен, но никто не посылает за доктором Кагиллом, никто не понимает, никто не помогает!

Я успокоил ее как мог, потом пошел с ней в ее спальню, где несчастное животное лежало в своей кошачьей коробке. Кот явно умирал. Его глаза подернулись туманом, дышал он с трудом. Вонь кошачьей рвоты была такая ужасающая, что нам пришлось выйти в коридор.

– Это крысиный яд, – стенала Джейн, умываясь слезами. – Я знала, что это плохо кончится. Яд все еще лежит в маленьких блюдечках на чердаке, и я говорила, что бедняжка Озимандия примет яд за молоко, если попадет на чердак. И вообще не понимаю, зачем понадобился крысиный яд. Считаю это ужасным оскорблением моим котам. Это все равно что сказать, будто они так глупы – даже мышей не ловят. А они не глупы! Говорили, что дядя Дэвид жаловался на мышей, но он, вероятно, ошибся, потому что с тех пор, как появился Озимандия, в доме не было ни одной мыши.

– Пстой, – прервал я сестру. – Ты уверена, что крысиный яд принесли, когда здесь был дядя Дэвид?

– Конечно уверена! Ты думаешь, я могу забыть, когда моих котов так оскорбляют? Это случилось на третий день после приезда дяди Дэвида, но в доме не было яда, когда он пожаловался, поэтому пришлось привозить из амбулатории. У тети Маделин там всегда есть яд, потому что ей досаждают мыши, но это ее вина, ведь она не держит кота. Будь у нее кот, как Озимандия...

– Джейн, кто привез яд из амбулатории? Ты не помнишь? Фланниган или О'Мэлли? Или... мистер Драммонд?

– Нет, не мистер Драммонд, – серьезно ответила Джейн, подняв ко мне заплаканное лицо. – Мистер Драммонд всегда был так ласков с моими котами и говорил, как они ловко ловят мышей. Нет, это мама сказала, что нам нужен яд, и она сама поехала за ним в амбулаторию.

Глава 9

1

Я решил подумать об этом позже. Потом разберусь, что все это значит.

Всему найдется простое объяснение, но сейчас я чувствовал такую усталость, что и думать не мог. Когда начну разбираться, сам, наверное, буду недоумевать, как же это я проявил такую тупость. Позднее, но не теперь.

Озимандия умер, и я, словно издалека, видел, как организую маленькие похороны. Я вырыл могилку в отдаленном углу сада, Джон сколотил крест, а Элеонора написала углем: «Озимандия. 1885–1891. Покойся с миром».

Дети разговаривали у могилы. Я слышал их, но находился так далеко, что слова казались мне иностранными.

– Было бы неверно скорбеть вечно. Я слишком молода, чтобы стать затворницей, но, когда я умру, вы увидите, что в моем сердце написано «Озимандия».

– Джейн, в твоём сердце не хватит места! «Озимандия» гораздо длиннее «Кале».

Я перед этим осмотрел чердак и обнаружил, что все блюдечки с крысиным ядом уже удалили, кроме одного – его явно просто забыли.

– И было бы несправедливо винить маму в небрежности горничной, – услышал я издалека свой голос.

– Я ее не виню, но...

Дети опять принялись спорить. Я сказал Джейн, чтобы ни в коем случае не говорила о яде матери, поскольку для нее будет мучительно знать, что она, пусть и не специально, приложила руку к смерти Озимандии.

Я не хотел, чтобы мать знала, что мне известно про яд из амбулатории.

– Да, мы должны пощадить маму. Представь, как она будет переживать, если узнает. – Это добавила Элеонора.

– Мама никогда себя не простит, – задумчиво согласилась Джейн. – Да, мы ее пощадим.

Потом я оказался в библиотеке. Один, без всяких мыслей.

Я вообще не мог думать.

Прошло много времени. Уже когда смеркалось, я подумал: она, должно быть, не в своем уме.

От этой мысли мне стало легче, это все равно что думать об отвратительных пороках как о промысле Божьем. Сумасшедшая. Не подлежит ответственности. Ее можно только пожалеть и помочь ей.

Я сел за стол, зажег лампу и попытался все осмыслить. Сначала подумал о моем отце. Почему мне никогда не приходило в голову, что его убила мать? Ведь мотив был у нее, а не у Драммонда. Конечно, Драммонд мог узнать об этом... потом. Нет, я не собираюсь обелять Драммонда. Он тоже убийца. Может быть, отца или моего дядю он не убивал, но Макгоуана точно убил, в этом я не сомневался. И в любом случае это из-за Драммонда мать пала так низко, что пошла на убийство, чтобы содержать его и детей. Он виноват не меньше ее, а может быть, больше. И уж я постараюсь, чтобы он не ушел от наказания. Я пока не знал, как это сделать, но если хорошенько подумать, то наверняка изобрету что-нибудь.

Я долго думал.

Первая проблема – спасти мать. Безумие не защитит ее в суде, потому что невменяемость – это совсем не то, что сумасшествие. Имелся прецедент – дело Макнотена^[19]. В ходе разбирательства говорили о том, что все зависит от того, понимал ли обвиняемый, что совершает преступление, или нет. Дядя Томас как-то раз рассказывал мне об этом. Правило жестокое, и многие доктора его не одобряют. Возможно, моя мать была невменяемой, но я в этом сомневался. Нет, риск для нее слишком велик, значит нужно избежать суда, и мне, как заявил бы Драммонд, придется обойти эти саксонские законы, чтобы найти решение.

Нет, все, конечно, должно быть совершенно по закону. Несчастный случай? Это слишком трудно. Самозащита? Это еще труднее, потому что у меня нет шансов спровоцировать Драммонда на нападение, которое можно будет выставить опасным для жизни. Но может быть, он нападет не на меня, а на кого-то другого.

Довольно долго я обдумывал разные схемы.

Какую бы из них ни выбрал, она должна быть безупречной. И нужно твердо знать, что говорить, чтобы обелить себя и мою мать, а всю вину возложить на Драммонда.

Спустя какое-то время понял, что за окном уже довольно темно, а я еще не знаю, как мне достать оружие.

Пистолет был у Макгоуана. Когда его убили, при нем нашли дробовик, но пистолет обнаружился позже, и Драммонд прикарманил его. Я это знал, потому что Драммонд показывал мне его. Меня прежде интересовало

оружие, а когда мы жили в Америке, он меня и стрелять научил.

Что же Драммонд сделал с пистолетом Макгоуана? Он мог отдать его одному из О'Мэлли, но мои друзья из этого семейства никогда не говорили, что кто-то из их родственников унаследовал оружие Макгоуана. Может быть, сохранил его как этакий странный сувенир, напоминающий ему о мертвом враге? Это в духе Максвелла. Но где он мог его спрятать? Вероятно, не в своих покоях – ни мать, ни слуги не должны были его случайно обнаружить. И я знал, что его нет в запертом шкафу в дальнем коридоре, где Драммонд держал свои ружья. Но револьвер должен быть где-то в Кашельмаре. Какая комната нравится Драммонду больше всего?

Мой прадед Генри де Салис застенчиво улыбался мне с портрета над камином. Часы-автоматон многозначительно отстукивали время, лампа освещала комнату мягким ровным светом. Здесь Драммонд курил сигары и погружался в бухгалтерские книги.

Револьвер оказался в нижнем ящике стола. Я вытащил его, взял в руки. Он отличался от револьвера Драммонда, но вскоре мне удалось выдвинуть барабан и посчитать в нем пули. Их там было три. Я закрыл барабан, сунул оружие назад в ящик.

Руки дрожали. Я чувствовал себя безнадежно больным.

Я далеко не сразу пришел в себя, но наконец снова был в состоянии думать. Выбора нет. Как и другого пути. Умрет либо она, либо он. И если я оставлю это на усмотрение правосудия, то повесят мою мать.

На рассвете следующего дня я оседлал лошадь и поскакал в Клонарин поговорить с друзьями из клана Джойс.

2

– Значит, ситуация такова, – сообщил я им. – Мой дядя Томас вскоре вернется из Америки и примет меры для проведения вскрытия дяди Дэвида. Это значит, что они откопают его тело в Англии и выяснят причину смерти. Доктора это умеют. Так вот, я подозреваю, что мой дядя был отравлен, но нужно ли мне говорить вам, кто это сделал?

– Этот черный негодяй Драммонд! – тут же хором ответили они.

Я улыбнулся, но никак не прокомментировал. Спустя несколько секунд заявил:

– Вы понимаете, в каком затруднительном положении я оказываюсь? Я не могу ничего предпринять, пока у меня не будет неопровержимых

доказательств отравления, иными словами, пока не узнаю о результатах вскрытия. Я попросил дядю Томаса прислать мне телеграмму из Лондона, как только станут известны результаты. Но до этого еще пройдет немало времени. Письмо до дяди будет идти целую неделю, а то и дольше, и еще недели две ему понадобятся, чтобы собраться и вернуться в Англию. Так что, прежде чем он пришлет мне телеграмму, может пройти недель шесть, и я до этого времени не смогу ничего предпринять. Нужно иметь официальное заключение, прежде чем действовать.

– Мы убьем его для тебя! – предложили эти глупые горячие головы, горя от нетерпения. – Если твои руки связаны, мы сделаем дело за тебя! – А кто-то из них услужливо добавил: – Нам только что и нужно потом – билет до Америки.

– Нет-нет-нет! – потрясенно возразил я. – Никакого убийства! Да, вам, конечно, это может сойти с рук, но вы подумайте о неприятностях, которые ждут меня, если полиция дознается, что за этим стою я! Поймите, человек моего положения не может заказывать убийство, как дюжину шампанского.

Они разочарованно посмотрели на меня.

– Мы должны строго следовать закону, – твердо сказал я.

– Саксонские законы не про нас, – процедили мои друзья. Другого я от них и не ожидал.

– Это потому, что вы не знаете, как ими пользоваться. Вы всегда так чертовски заняты распрями друг с другом, что остаетесь беззащитными перед тиранией таких людей, как Макгоуан и Драммонд. А они пользуются законом так, чтобы было выгодно им. Если вы хоть на минуту забудете, кто из вас О’Мэлли, а кто Джойс, то быстро поймете, что вам нет никакой нужды быть мучениками. Вот послушайте меня. Я собираюсь избавиться от Драммонда законным путем. Его обвинят в убийстве и будут судить, а пока я лишь прошу вас помочь мне присмотреть за ним, чтобы он не проскользнул между пальцев. Неужели вы не понимаете, что убивать его нет никакой нужды? Чтобы разбить куриное яйцо, не нужен молоток – оно треснет, если нажать на него пальцами.

Они были заинтригованы – в чем же может состоять их помощь?

– Боюсь, что Драммонд удерет в Америку, когда узнает, что говорится в телеграфном сообщении с результатами вскрытия. А он наверняка все узнает, потому что телеграмма – это вам не запечатанное письмо, а у него явно шпионы повсюду. Нужно, чтобы вы помогли мне арестовать его, прежде чем он убежит. Мы сделаем это поздно вечером, когда Драммонд окажется в постели и без оружия, так что никто не будет подвергнут опасности.

Они пребывали в возбуждении. Кто-то спросил, не попросить ли им оружия у Братства.

– Нет, конечно, – настаивал я. – Оружие имеет свойство случайно стрелять, а я не хочу, чтобы кто-то был убит. Можете взять свои ножи, но использовать их только для самозащиты. Вы приедете арестовать человека, а не искромсать его на куски.

Когда возбуждение спало, кто-то вспомнил про О’Мэлли.

– Они нас убьют, когда узнают, что мы участвовали в аресте! – воскликнул Пэдди Джойс.

– Чепуха, – возразил я. – Если Драммонда убрать из долины, то сюда приедут его сыновья, а я достаточно хорошо знаю Макса и Дениса Драммондов, и, поверьте мне, ни один из них не придет в ярость и не попытается потом мстить за арест отца. А уж если его собственные дети не ополчатся на вас, то можете не сомневаться, что и остальная родня будет помалкивать.

Я их убедил. Мне больше ничего не оставалось, как только попросить их поклясться соблюдать тайну и пообещать, что, когда придет время, я пошлю за ними.

После этого я вернулся в Кашельмару и принялся ждать телеграмму от дяди Томаса.

3

Сначала я получил от него письмо. Он писал, что немедленно возвращается, чтобы тайным образом переговорить с Министерством внутренних дел и полицией, и он известит меня телеграммой, как только будут новости.

Когда телеграмма наконец пришла, в ней говорилось: «ПОДОЗРЕНИЯ ПОДТВЕРДИЛИСЬ. НЕМЕДЛЕННО ВЫЕЗЖАЮ В КАШЕЛЬМАРУ. КРЕПИСЬ. ТОМАС».

Я сжег телеграмму и отправил весточку друзьям.

Была пятница.

Я хотел почистить револьвер, но, поскольку плохо разобрался в нем, не решился – только убедился, что он в рабочем состоянии. Позже я взял его в горы – забрался высоко на Мать Дьявола и выстрелил один раз. Лишь тогда понял, что этот револьвер отличается от Драммондова кольца. Это был револьвер двойного действия – курок у него взводился автоматически.

Я надеялся, что не промахнусь. У меня оставалось только две пули, вполне достаточно, но мне хотелось, чтобы было больше.

Я вернулся в Кашельмару.

Позднее я и Керри поиграли с ребенком в наших комнатах. Мальчик был забавный, и Керри много хихикала. Она спросила, не случилось ли чего со мной. Я успокоил ее. Сказал, что просто устал. Не спал предыдущую ночь.

– Ты страдаешь от бессонницы – это ужасно, – озабоченно проговорила она. – Ты должен посоветоваться с доктором Кагиллом – можно ли от этого избавиться.

Сама она крепко спала каждую ночь, но в первые недели после рождения ребенка, когда его приходилось часто кормить, Керри осознала, что значит беспокойно спать.

Наступил день. Джон пропалывал сад. Мисс Камерон давала урок рисования девочкам, а наверху в гостиной моя мать играла вальс Шопена на рояле. Керри и ребенок спали, а я сидел на краешке кушетки в библиотеке.

Вечером пообедал с Керри, а когда она ушла в спальню, отправился пожелать спокойной ночи, как делал это всегда, матери и Максвеллу Драммонду.

– У тебя такой усталый вид, – взволнованно пробормотала мать, когда я поцеловал ее.

– Отцовство – нелегкий труд, – добавил Драммонд и улыбнулся мне.

У меня под ногами снова разверзлась бездна. Я попытался думать обо всей накопившейся у меня к нему ненависти, но эта ненависть блекла, растворялась на моих глазах, и тут я понял, что просто поддался иллюзии, которую сам и создал, чтобы не замечать вину матери. Я пытался снова вызвать в себе негодование, но вспоминал только его доброту ко мне, когда я был совсем потерян, его заботу, когда он мог спокойно пройти мимо, его поддержку в годы, когда все остальные отвернулись от меня.

И тогда осознал – я не смогу этого сделать.

Но я должен был. У меня не осталось выбора.

– Доброй ночи, Нед, дорогой, – пожелала мать, улыбаясь мне.

– Доброй ночи, мама, – ответил я. – Доброй ночи, мистер Драммонд.

И вышел.

В одиннадцать они улеглись, а через полчаса я спустился по задней лестнице и открыл дверь судомойни.

Все трое ждали меня – Шон, Пэдди, Найл.

– Помните, что я говорил насчет ножей, – сказал я им в темноте.

– А если он вырвется? – нервно спросил один из них.

– Не волнуйся. У меня есть револьвер. Пока вы его арестовываете, я буду стоять на страже на галерее. Если ему удастся вырваться от вас и выбежать из спальни, то он наткнется на меня.

– Но мне казалось, ты говорил...

– Нет, я не собираюсь его убивать, – подтвердил я, – но я был бы плохим другом, если бы не предусмотрел защиту для вас на тот случай, если что-то пойдет не так.

– Мы не боимся его, – возразил один из них. – Да нам дай хоть дюжину Максов Драммондов – мы со всеми справимся.

Я знал, что они и для одного Драммонда слабоваты, но поспешил их успокоить и не сказал ничего такого, что могло бы выдать меня. Зажег одну свечу, чтобы они не спотыкались на лестнице, и повел к спальне. Они все тяжело дышали, и, когда мы добрались до верхней галереи, вокруг меня витал запах свиней и пота.

Я показал на дверь в комнату матери, а потом на занавес от пола до потолка рядом с нами на лестничной площадке.

– Я буду ждать здесь, – заявил я.

План в последний раз промелькнул перед моим мысленным взором. Драммонд собирается бежать в Америку, необходим его арест, борьба, мои друзья ранены, выстрел, чтобы пресечь его сопротивление, – выстрел без намерения убить, но... я должен был защитить моих друзей и задержать убийцу дяди.

Оставив горящую свечу на столике у перил, я раздвинул длинные занавесы и спрятался между ними в темноте.

Из-под двери моей матери все еще лился свет.

Громадные искаженные тени подрагивали на стенах, по мере того как мои друзья готовились, потом они повернулись в ожидании знака от меня. Револьвер, словно кусок льда, охлаждал мою ладонь. Я поднял руку, кивнул, и тут Шон распахнул дверь с громким хлопком, и все они шумно бросились внутрь через порог.

Раздался визг матери.

Что-то крикнул Драммонд, но я не разобрал что. Я слышал только голос Шона:

– Вы арестованы за убийство...

Он не закончил предложения. Кто-то панически закричал:

– Осторожнее, у него...

Но в следующее мгновение раздался звук выстрела, и мой мозг онемел от страха.

Я знал, что у него есть револьвер. Но не кольт, который исчез после нашего приезда в Ирландию, а смит-вессон. Драммонд всегда держал его в запертом шкафу внизу. Я не догадывался, что он получал угрозы. Никто мне этого не сказал. Я понятия не имел, что ночью он держит пистолет под рукой. И этого мне тоже никто не сказал, а мне не пришло в голову, что Драммонд настолько испуган, что спит с револьвером под подушкой.

Кто-то вскрикнул – я не знал кто. В спальне творилось черт знает что, а я хотя и пытался двигаться, но не мог – что-то случилось с ногами.

Мне удалось распахнуть занавес и поднять руку в тот момент, когда Драммонд выскочил из комнаты. Револьвер все еще дымился в его руке. За открытой дверью лежал в луже крови Шон, а Пэдди с искаженным от ненависти лицом вытащил нож и бежал за Драммондом.

Драммонд не колебался ни секунды. Он поднял пистолет.

Звук оглушил меня, отдался эхом в высоком куполе над нами, все подвески громадной люстры вздрогнули во второй раз в полутьме.

Револьвер дымился в моей руке.

Драммонд, живой и невредимый, развернулся, а за его спиной отлетела щепка от косяка двери, в который попала пуля. Его револьвер был направлен на меня. Но он не выстрелил.

Не выстрелил и я. У меня в барабане оставалась одна пуля, но я ею так и не воспользовался.

Я смотрел на него. Он все понял. Мои глаза милосердно заволокло туманом, и я не увидел, как Пэдди Джойс вонзил нож ему в спину. Но я услышал вскрик Драммонда. Услышал, как сломались перила, когда его тело с силой ударилось о них, услышал, как загрохотал пистолет, выпавший из его руки, и, наконец, после мучительного мига тишины – удар его тела о мраморный пол далеко внизу.

Наступило мгновение, когда мир перестал существовать. А потом из спальни выскочила мать и начала кричать как одержимая.

Я был в комнате Керри. Не знаю, как я там оказался. Кто-то повторял моим голосом:

– Я не смог сделать это, не смог сделать это, не смог сделать это...

Керри крепко обнимала меня. Прижималась ко мне большими, теплыми, утешающими грудями.

– Но дело сделано, – говорил этот неизвестный, продолжая использовать мой голос, – и теперь все кончено. Но я компенсирую ему все, чем обязан ему. Компенсирую через его сыновей.

– Нед, – прошептала Керри неизвестному, и тот вдруг стал знакомым,

и я снова осознавал, кто я.

– Боже мой... – Я заплакал как ребенок. – Боже мой...

Тень упала на нас.

– Нед, дорогой, вот возьми, – сказала Нэнни. – Выпей. Это теплое молочко. Ты же помнишь, как любил теплое молочко?

– Спасибо, миссис Грей, – тут же произнесла Керри рассудительным, взрослым голосом. – Пожалуйста, дайте мне немедленно знать, когда появятся мисс де Салис и доктор Кагилл.

– Да, миледи, – ответила Нэнни.

– Как себя чувствует Шон Джойс?

– Ничего, миледи. Я плотно забинтовала ему руку, и он лежит на койке в будуаре.

– Хорошо. Проследите, пожалуйста, чтобы мисс Камерон не выпускала детей из детской. Они пока ни в коем случае не должны спускаться вниз.

– Хорошо, миледи, – отозвалась Нэнни.

Тень растаяла. Мы с Керри остались вдвоем.

– У меня был обморок? – спросил я, глядя на кружку с молоком, над которым поднимался парок.

– Нет, дорогой, ты разве не помнишь? Ты вел себя очень спокойно, смело и разумно. Всем сказал, что нужно делать. Все слышали выстрелы и прибежали туда, а ты приказал Нэнни, чтобы она перевязала раненую руку Шона, потом послал Фланнигана за тетей Маделин и доктором Кагиллом, схватил детей и затолкал их наверх с мисс Камерон, а после отнес мать назад в спальню.

– Что она сказала мне? Что она сделала? Что случилось?

– Дорогой, она упала в обморок – ты не помнишь? Была без сознания. Ты приказал ее горничной оставаться с ней, потом увидел меня и сообщил, что хочешь присесть. И тогда я привела тебя сюда.

Я не сводил взгляда с кружки. Над молоком все так же курились завитки пара.

– Я так ужасно устал, – проговорил я наконец.

– Тебе нужно лечь. Немедленно.

– Но кто-то должен тут распорядиться.

– Я буду распорядиться. Давай я тебе помогу раздеться.

Она еще не успела стащить с меня туфли, а я уже заснул и спал шестнадцать часов. Когда же наконец проснулся в четыре часа дня, то увидел тетю Маделин у своей кровати.

– Я себе никогда не прощу, никогда, – шептала тетя Маделин. – Я совершила нечто ужасное, отвратительное.

Ее глаза горели скорбью, и я увидел, как по ее пухлым щекам потекли слезы.

– Тетя Маделин...

Я испытывал скорее недоумение, чем ужас. В первый раз разглядел в ней что-то человеческое и понял, что зря считал ее догматической святой, которая всегда знает, что правильно, а что нет, и проводит в жизнь свои решения, невзирая на последствия.

– Что вы сделали? – прошептал я.

– Солгала. Я делала это во благо. Действовала так, будто я Бог, а потом Бог наказал меня. – Она вытащила изящный кружевной носовой платок, промокнула щеки и сделала еще одну попытку объясниться. – Речь о последней болезни твоего отца. Я чувствовала: что-то там не так. Не скажу точно, когда вспомнила про мышьяк, но вспомнила и тогда поняла. Твоя мать попросила у меня немного вскоре после возвращения в Кашельмару. Это было, конечно, задолго до смерти твоего отца, но мыши – всегда такая проблема, и Сара позже взяла у меня большой запас, чтобы хватило надолго. Так что я знала о наличии мышьяка в Кашельмаре. Я подумала о черничном ликере, который она ему привезла, но, когда обыскала его комнату, оказалось, что он к ликеру не прикоснулся. Но там был графин – такие используют в кабаках, и я сразу же поняла, что произошло. Она принесла его на дне своей корзинки с подарками, а потин в нем был отравлен. Сара знала, что ликер он не станет пить – сделает два-три глотка, и все. Но еще она знала, что человек его привычек никогда не оставит недопитым графин с потином. Боже мой, я понятия не имела, что мне делать...

Я не сводил с нее глаз. Говорить не мог. Промокнув еще раз щеки, она продолжила дрожащим голосом:

– Я попыталась представить, что с ней случится, если это обнаружат, но не могла заставить себя думать об этом. Четверо детей... а тебе еще и без того досталось. А я была предана Саре. Я думаю, ты вспоминаешь только ссоры между нами, но я очень любила ее, видела, как она страдала все последние годы с Патриком... еще этот жуткий тип Макгоуан – я знала, что она пережила. Мне казалось несправедливым, если Сара будет страдать и дальше... и она была такой преданной матерью... заслуживала наконец

хоть немного счастья. Патрик мой брат, но поверь мне, Нед, он бы долго не прожил. И уже страдал болезнью печени, а количества спиртного, которые он поглощал ежедневно, были воистину смертельными. И поэтому я убедилась, что живые важнее мертвых. Я сказала себе, что мой долг – защитить вас, детей. И замолчала это убийство.

– Тетя Маделин... – Больше я не мог произнести ни слова. Я просто взял ее руку и сжал.

– Это не составило труда. Я вымыла графин, в котором был потин, и, когда доктор Кагилл вернулся, сообщила ему, что Патрик страдал расстройством печени. И причина его смерти не вызывает ни малейших сомнений. Доктор Кагилл поверил мне. И почему бы ему не поверить? Я тридцать лет ухаживала за больными, видела, как умирали пьяницы здесь, в Ирландии. Видела много смертей. Доктор Кагилл абсолютно доверял моему суждению. А потом... – В ее глазах снова засверкали слезы. – Потом умер Дэвид. Сара просила меня дать ей еще мышьяка, и я дала, хотя и не без колебаний. Я сделала это по нескольким причинам. Наименее важная из них в том, что я не хотела возбуждать ее подозрения отказом, к тому же знала о том, что Кашельмара и в самом деле наводнена мышами. Но главная причина в том, что я даже и представить себе не могла, что найдется кто-то еще, кого она захочет убить.

– И она любила дядю Дэвида.

– Именно. Как можно было предположить, что у нее возникнет нужда убить его? Но потом... когда я узнала... Нед, ты и представить не можешь мои душевные муки. Они не прекратятся до самой моей смерти. Если бы я не промолчала, Дэвид был бы жив.

– Вы сделали то, что считали лучшим, тетя Маделин. По-другому вы поступить не могли бы.

– Делать то, что лучше, недостаточно. Нужно делать то, что считаешь правильным. Я не должна была пытаться защитить вас, детей. Я обязана была верить, что Господь вас защитит. Всю свою взрослую жизнь я проповедовала Слово Господне и жила той жизнью, для которой Он меня предназначил. Но когда передо мной встала страшная дилемма, оказалось, что моя вера недостаточно крепка.

Я дал ей поплакать несколько секунд, потом уточнил:

– Значит, вы знали про дядю Дэвида?

– Я не готова была обсуждать это с тобой. Чувствовала, что в состоянии говорить об этом только с Томасом, и нервы мои были так напряжены, что я не могла ничего предпринять, прежде чем не посоветуюсь с кем-нибудь. Я была так расстроена... потрясена... не в себе.

– Дядя Томас поймет, когда приедет...
– Он уже здесь. Приехал час назад. Знаю, он хочет как можно скорее побеседовать с тобой. Я ему скажу, что ты проснулся.
– Хорошо.
Я сел на кровати, обнял ее, поцеловал.
– Дорогой Нед, – пробормотала она, прижимая меня к себе, – какое жуткое бремя ложится на твои плечи!
– Тетя Маделин, теперь все позади. Все кончено.
Но я знал, что не кончено. Не совсем.

5

– Окружной инспектор хотел поговорить с тобой, когда ты придешь в себя, – сообщил дядя Томас, когда мы обнялись, – но тебе не о чем беспокоиться. Мы с Маделин уже подробно обсудили ситуацию и решили, что нужно говорить. Мы считаем, что лучше всего вину за случившееся возложить на Драммонда.

Он помолчал, посмотрев на меня, но я ничего не ответил.

– Нужно только сказать, что в Кашельмаре имелся запас мышьяка. Остальное доделает репутация Драммонда. Они сочтут, что он убил твоего отца, чтобы сохранить свое теплое местечко в Кашельмаре, а Дэвида убил потому, что тот выяснил, что случилось.

– Моя мать сказала что-нибудь про дядю Дэвида?

– Твоя мать молчит. Она в состоянии протрации.

– Хочу, чтобы у полиции не возникало никаких сомнений: мать ни в чем не виновна.

– Это будет нетрудно – Драммонд возразить не сможет. Как ты и предвидел. – Последовала пауза, наконец он добавил: – Попробуй все рассказать. Тебе станет лучше.

Я отрицательно покачал головой:

– Нет, не могу.

– Если ты не выговоришься сейчас, этот груз останется с тобой на долгие годы. Ради твоего душевного спокойствия я бы тебе это очень советовал...

– Не могу, – повторил я. – Когда-нибудь я вам расскажу, и все встанет на свои места, но сейчас я не могу. Я даже думать об этом не могу.

– Понимаю. И все же... ладно, бог с ним. Было бы неверно

принуждать тебя. Кстати, никаких трудностей с окружным инспектором по поводу того, что случилось вчера вечером, не возникло. Твои друзья сказали, что ты решил арестовать Драммонда ввиду его возможного бегства до прихода за ним полиции, а его бешеная реакция застала вас врасплох. Они не выдвигают никаких обвинений Пэдди Джойсу. Ясно, что он убил Драммонда, защищая себя и брата.

Томас замолчал. Наступила долгая пауза. За окном светило солнце, и я горел желанием бежать из дома.

– Нед...

– Да?

– Если ты не готов говорить об аресте, мы пойдем, но, боюсь, нам необходимо решить, что будет дальше с твоей матерью.

– Тут нечего обсуждать. Я знаю, что буду делать.

– Нед, нельзя оставить все как есть, продолжать жить так, будто ничего не случилось. Ее нужно поместить в какое-нибудь безопасное место... под медицинское наблюдение...

– Обсудим попозже, но только не сейчас. Мне очень жаль.

– И мне тоже жаль. Бедняга Нед, – пробормотал он, а потом, чтобы приободрить меня, взял за руку, и мы посидели несколько минут молча, думая о моей матери.

6

Я должен был поговорить с матерью. Мне отчаянно хотелось бежать куда-нибудь подальше, но я не мог.

Хочу написать о том, что случилось, когда я увидел ее, но это очень трудно. Много лет прошло с того дня. Я живу в другом мире, даже в другом веке, но до сих пор мне трудно думать о той минуте, когда я вошел в комнату матери и впервые после смерти Драммонда услышал ее голос:

– Убирайся с моих глаз. Ты убил его, считай, что сам вонзил ему нож в спину. И не смей мне лгать, будто ты не спланировал все это. Я больше не хочу тебя видеть.

Да, она бросила мне все эти слова, и я до сих пор вижу ее лицо, каким оно было тогда.

– Я сделал все это ради тебя, мама, – сказал я, но мать не слушала – снова и снова повторяла, как любила Дэвида.

– ...Но он все узнал, – услышал я ее. – Он провел меня. Бедный Дэвид,

он наверняка думал, какой он хитрый. Он выдумал эту абсурдную историю. Сказал, что я должна спасти себя, пока есть такая возможность, потому что в один прекрасный день Патрик вернется и предъявит Максвеллу обвинение в попытке убийства. «Но Патрик мертв!» – возразила я, и Дэвид, бедный, глупый Дэвид, который так любил эти нелепые детективные романы, сказал: «Но ты ведь не видела его после всего, что случилось? Один из слуг заметил, как Драммонд отравил ликер, и Патрика вовремя предупредили». Господи, если бы я только дала себе время подумать, но я запаниковала и ляпнула: «Но яд был не в ликере – я насыпала его в потин!» – «Ты насыпала его в потин?!» – воскликнул Дэвид, и я поняла: он ожидал услышать от меня, что это сделал Максвелл. Боже милостивый, я не знаю, кто больше ужаснулся – я или Дэвид. Потом он обещал, что сохранит мою тайну, но я, конечно, не могла оставить все как есть. Я знала: он сообщит Томасу, а тот такой жесткий и... бесчувственный. Я вдруг поняла, что все мое будущее снова под вопросом, мое и Максвелла, как оно было в то время, когда Патрик пытался забрать детей, а нас выгнать. Это был бы конец всему, потому что Максвелл ушел бы, а я осталась бы одна без детей, которых люблю. Ты ведь меня понимаешь, Нед, правда? Ведь я никого не хотела убивать. Я просто не могла бы вынести будущего без Максвелла и детей. И больше ничего!

Она посмотрела на меня, потом быстро отвернулась, словно я каким-то образом воплощала собой эти ее невыносимые страхи.

– Мне скоро станет лучше, – пообещала она более естественным тоном. – Мне уже лучше. Прости мне все те ужасные слова. Я, вероятно, казалась совсем сумасшедшей, когда ты вошел в комнату, но теперь уже спокойна, сам видишь. И могу быть очень сильной. В прошлом я пережила немало несчастий, думаю, переживу и это. Максвелл как-то сказал мне, что я самая отважная женщина из всех, кого он встречал.

Я заговорил о частной лечебнице в каком-нибудь тихом месте в Англии, где она могла бы прийти в себя после всех потрясений, получая наилучший уход и внимание.

– Нет-нет, в этом нет необходимости, – тут же возразила она. – Спасибо, что предлагаешь, но мне нет нужды покидать Кашельмару. Я не могу расстаться с детьми. Пусть у меня теперь нет Максвелла, так будут хотя бы они.

Я объяснил ей, что в настоящий момент для нее самое важное – хороший медицинский уход.

– Мне не нужен медицинский уход. Что ты все время твердишь о лечебнице? Ты, вероятно, боишься, что я покончу с собой, когда не стало

Максвелла. Нет, я этого не сделаю. Самоубийство – это акт трусости, а я всегда считала себя такой мужественной. Максвелл говорил, что я мужественная.

– Я это знаю, мама, – подтвердил я. – Тебе хватит мужества провести несколько недель в лечебнице, а потом, когда ты поправишь немного нервы, тебе хватит мужества начать все с чистой страницы.

Она неуверенно улыбнулась:

– С чистой страницы?

– Да, я думал купить тебе небольшой дом в Англии – в какой-нибудь деревне в Суррее или, может, в Гемпшире. Ты не будешь одинока, потому что я найму тебе хорошую компаньонку, она будет ухаживать за тобой, а если ты почувствуешь себя плохо, то, может быть, и сиделку.

– Ах, дорогой, как это мило с твоей стороны, но я не могу так злоупотреблять твоей щедростью... такие расходы... и потом, Джон не захочет оставлять сад.

– Я хотел спросить тебя о Джоне. Как ты думаешь, ты могла бы оставить его жить с нами? Не знаю, что бы я делал без Джона, – он совершенно необходим для сада.

– Но я... – Она замолчала. Не могла заставить себя посмотреть на меня. Наконец произнесла: – Мне будет очень не хватать Джонни. Но ведь девочки останутся со мной?

Я не ответил.

После долгой паузы она поняла:

– Ты собираешься забрать у меня детей. Ты не позволишь мне остаться с ними.

– Это временно, мама. Сейчас ты больна, и я позабочусь о них, пока ты не выздоровеешь.

– Я их не отдам! – яростно выкрикнула она. – Я лучше умру!

– Правда? – переспросил я. – Ты хочешь сказать, что я впустию убил Драммонда и ты готова идти на виселицу?

Она побледнела как смерть. Потом потеряла самообладание и принялась вопить на меня. Я молчал, и мать вскоре стихла. Вот тогда-то я и увидел, насколько она сильна. Глядя, как мать заставляет себя отойти от грани истерики, я понял, что настанет день, в очень далеком будущем, и она поправится, станет опять самой собой.

– Ты будешь ко мне приезжать? – прошептала она, успокоившись.

– Конечно, мама. Я буду приезжать к тебе каждый год и писать каждую неделю.

Слезы побежали по ее щекам.

– А дети... внуки...

– Ты всех их увидишь. Когда поправишься.

Ей удалось утереть слезы, но, когда она снова посмотрела на меня, в ее глазах появилось странное испуганное выражение.

– Что случилось, мама? – мягко спросил я.

– Ты больше не Нед, – заявила она. – Но я тебя знаю. Я видела тебя очень-очень давно, когда была ребенком, а Маргарет – семнадцатилетней девушкой. Я тебя все время побаивалась, а теперь знаю почему.

Я наклонился и поцеловал ее:

– Ты очень устала и измучилась. Попытайся поспать еще.

– Я не сошла с ума. Знаю, ты думаешь, будто сошла, но это не так.

– Ты выжила, мама. И я выжил. Сейчас только это и имеет значение.

Я поцеловал ее еще раз и вышел.

В коридоре стояла темнота, холл наполнился воспоминаниями. Я, спотыкаясь, спустился по лестнице, бросился бегом по мраморному полу, заглянул в три комнаты и только тогда понял, что ищу Керри. Я очутился в маленькой столовой, когда, выглянув в окно, увидел ее. Она на лужайке играла с ребенком, а за ней широкая полоса сада пестрела летними цветами.

Я открыл заднюю дверь и помахал ей, а когда она помахала мне в ответ, вышел из мрака дома на солнечный свет в сад моего отца.

---

notes

СНОСКИ

1

Имеется в виду роман Дины Крейк, изданный в 1856 году. В разные годы по нему были сняты фильмы и сериал.

2

Уильям Юарт Гладстон (1809–1898) – британский государственный деятель и писатель; четырежды становился премьер-министром Великобритании.

3

Джон Рассел (1792–1878) – британский государственный деятель, лидер вигов; дважды становился премьер-министром Великобритании. Дед философа Бертрана Рассела.

4

Ошибка (фр.).

5

Потин – ирландский самогон.

6

Силлаб – традиционный английский десерт из взбитых сливок с добавлением сахара, вина и лимонного сока.

7

Радость жизни (*фр.*).

8

Лорд Дандриари – персонаж британской пьесы 1858 года «Наш американский кузен» Тома Тейлора. Олицетворение добродушного, но безмозглого аристократа. В пьесе этот герой отличался чрезмерно пышными бакенбардами.

9

Акминстерский ковер – бархатный ковер с большими вытисненными цветами.

10

«*Молли Магуайерс*» – тайное общество XIX века, в которое изначально входили ирландские шахтеры.

11

Риббонизм (от *англ.* ribbon – лента) – возникшее в конце XVIII века в Северной Ирландии движение крестьян, объединенных в тайные организации. Участники этих организаций носили в качестве эмблемы полоску зеленой материи.

12

Долли Варден – персонаж романа Чарльза Диккенса «Барнеби Радж», легкомысленная молодая кокетка.

Чарльз Стюарт Парнелл (1846–1891) – политический деятель, лидер ирландских националистов и сторонников самоуправления Ирландии.

14

Гомруль (от *англ.* Home Rule – самоуправление) – движение за автономию Ирландии на рубеже XIX–XX веков.

В то время популярным дополнением женского платья стала косынка фасона «Мария-Антуанетта», с длинными концами, которые завязывались сзади. В более длинном варианте подобной косынки концы скрещивались сзади и связывались двумя атласными бантами, последний из которых низко спускался на платье. Иногда длинные атласные ленты пришивались к воротнику, спускались на платье и перемешивались с концами косынки. Делались из кисеи, вышитых прошивок и кружева.

16

Имеется в виду убийство лорда Кавендиша 6 мая 1882 года в Дублине.

По другим данным, в 1870 году.

Больница основана в 1721 году Томасом Гаем; сегодня остается одной из ведущих клиник Лондона.

19

Дэниел Макнотен – душевнобольной шотландец, лесоруб и разорившийся предприниматель-деревообработчик, покушавшийся в 1843 году на премьер-министра Великобритании Роберта Пиля и по ошибке застреливший его секретаря.

Table of Contents

Сьюзен Ховач Башня у моря

I Эдвард 1859–1860 Долг

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

II Маргарет 1860–1868 Верность

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 7

III Патрик 1868–1873 Преданность

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

IV Сара 1873–1884 Страсть

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 7

Глава 8

V Максвелл Драммонд 1884–1887 Честолюбие

Глава 1

Глава 2

Глава 3

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[VI Нед 1887–1891 Возмездие](#)

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[Глава 8](#)

[Глава 9](#)

[Сноски](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)

[9](#)

[10](#)

[11](#)

[12](#)

[13](#)

[14](#)

[15](#)

[16](#)

[17](#)

[18](#)

[19](#)